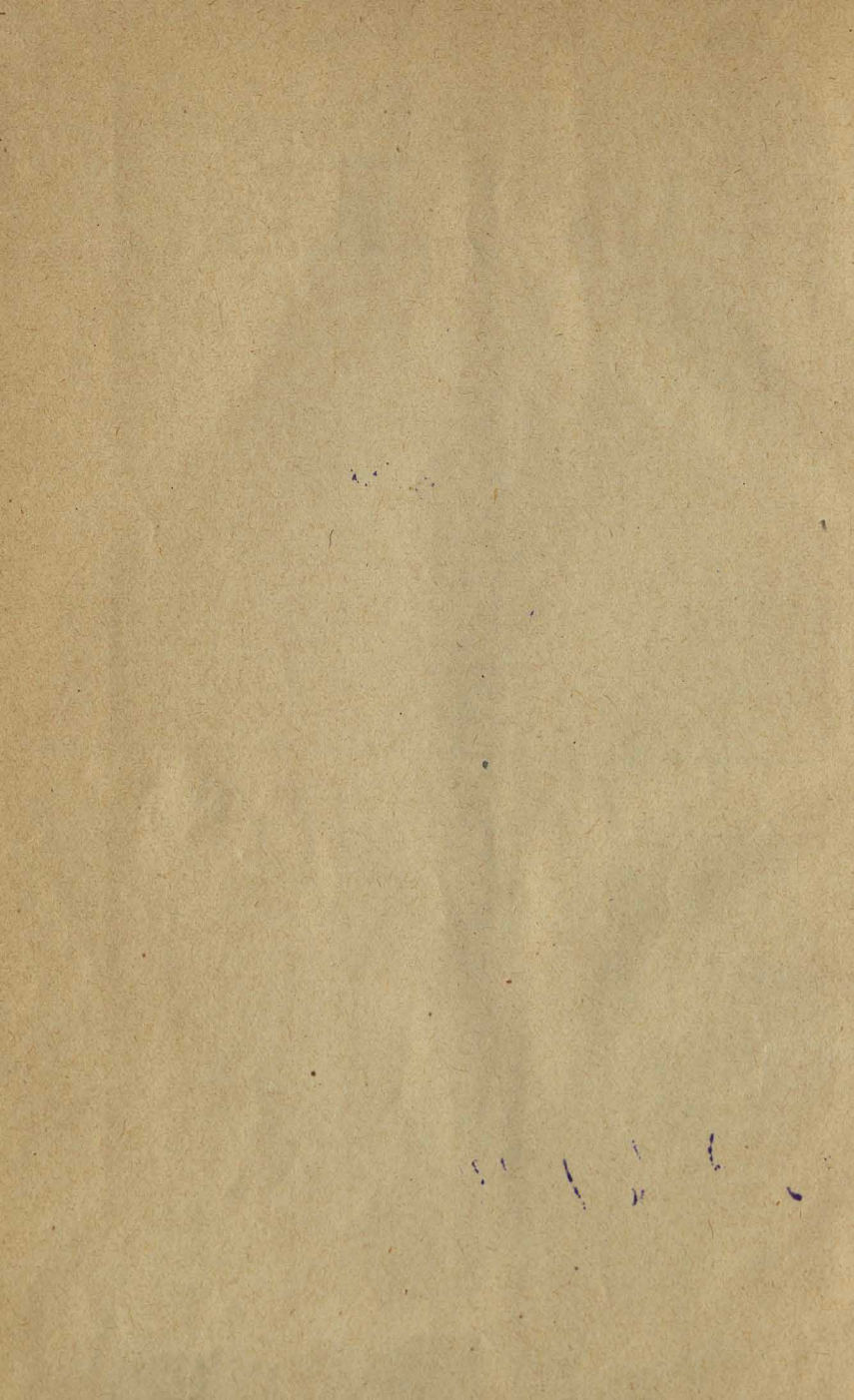

F $\frac{13}{30}$

3

$\mathcal{F} \frac{13}{30}$

718.
30.

ИЗНАНКА

СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ.

1876 г.

ЗАПИСКИ К. И. ВОРОНИЧА.

ч. III-я.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Ландау, Площ. больш. Театра, д. Гуна.
1878.

ИЗДАНКА

801-83
10942-5

СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ.

1876 г.

ЗАПИСКИ К. И. ВОРОНИЧА.

ч. III-я.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Ландау, Площ. больш. Театра, д. Гуна.
1878.

ИЗДАНИЕ

ПЕРВОЙ ВОЙНЫ

1870

А. П. БОЧАРОВ

III

Государственная
библиотека Российской Федерации
Москва
Инв. № 684
1984

41951-0

2011142973

Содержаніе.

III-й части.

	стр
Странный видъ столицы.—Не изъ расчетовъ.—Кореспонденты.— Не одинъ, а съ женою за славянъ	1
Пораженіе.—Паника и единственная надежда на заступничество.— Неожиданное приглашеніе.—Сборы, а кое-кто и на веселъ.— Недостигающее цѣли средство.—За короля и костей не жаль.— Кости-то и дороги оказываются.—Утѣшительные слухи и пере- миріе	15
Новый цѣнтръ событій. — Характеристичный споръ.—Возвращеніе Черняева изъ арміи и искусственная овація. — Признакъ само- стоятельности.—То получилъ, зачѣмъ пріѣхаль. — Ни кола ни двора. — Что дѣлается въ Смедеревѣ. — Нравы гнѣ закона. — Благо не впередъ деньги требуютъ—охотники найдутся.—Нѣтъ худа безъ добра. — Оправдалось въ госпиталѣ. — Щедрость.— Досада.—Придуманная хитрость.—Вѣнскій отрядъ Дулацеля.— Своя сорочка къ тѣлу ближе.—Протесты безукоризненныхъ.— Идеи-то не замѣтно	28
За часъ до торжества. — Хотя недолго, но не въ опредѣленномъ положеніи.—Обѣдъ въ честь генерала Черняева.—Неожиданный балъ и солистъ—акробатъ	49
Больше, чѣмъ ожидали.—Одинъ другаго лучше.—Добровольцы, воз- вращаются въ Россію.—Что дѣлали на Ибарѣ.—За полы на при- стани.—Юноша безъ крова	98
Характеристическіе типы. — Ради Бога уѣзжайте. —Раздирающая душу сцѣна	131
Обѣдъ съ музыкой и осязательными ощущеніями—впослѣдствіи вѣ- тый приступомъ. — Парадъ въ день именинъ Черняева и собы- тія дня.—Замѣчательный типъ, жаждущій смерти.	175
Давай Богъ ноги.—Лихой но бесполезный командиръ, кн. Оболен- скій. — На пути постарались. — Неудалось и попались оба. —	

Призанимательная сцена. — Дѣтельность славянскихъ комите- товъ. — Помилуйте вы прапорщикъ!	220
Участникъ и очевидецъ. — Забрались наши за Дунай. — Я потомствен- ный дворянинъ. — Въ военномъ госпиталѣ и у всенощной. — Го- товность ѣхать въ Индію, и очевидныя наблюденія Европы. — Не- застѣнчивый представитель печати и распространявшаяся язва. — Отъѣздъ г-ла Черняева. — Нечего тутъ дѣлать больше. — На возвратномъ пути въ Россію	297
Заключеніе	421

Странный видъ столицы. — Не изъ разсчетовъ. — Корреспонденты. —
Не одинъ, а съ женою за славянъ.

~~~~~
Вотъ уже третій день я живу въ Бѣлградѣ въ гостиницѣ „Сербскаго Краля“.

Какая рѣзкая перемѣна въ какіе нибудь три — четыре дня: тамъ шумъ, суета, громъ изъ орудій, побѣды и пораженія, герои и трусы, воинственно енастроеніе, а здѣсь — тишина и спокойствіе. Вотъ контрастъ, по-истинѣ рѣдкій. Сильнѣйшую сербскую крѣпость турки осаждаютъ, она уже на краю сдачи, непріятель можетъ безпрепятственно очутиться въ Бѣлградѣ! а здѣсь такая тишина, такое безучастное отношеніе ко всѣмъ событіямъ!

Подобный видъ сербской столицы меня поразилъ. Ни чувства, ни увлеченія, ни патріотизма въ этомъ народѣ, — ничего такого не видно! Одно выдѣляется рѣзко, — это матеріальные разсчеты — дукаты; вотъ жизнь настоящая, сознательная и пріятная для серба, а ея-то теперь и нѣтъ, потому что страна истощена отчасти, дукаты въ залежѣ, некуда ихъ пускать въ обращеніе, нужно беречь для мирнаго времени, а русскія деньги, приливъ, которыхъ такъ великъ — неприкосновенны, изъ нихъ нельзя извлечь пользы, ими распоряжается само правительство и русскіе-же.

Если не ошибаюсь, то угадываю то, о чемъ думалъ теперь каждый сербъ, а для этого много вѣроятности, что не ошибаюсь. Говорятъ-же, что часто мысли человѣка и вообще его внутреннее настроеніе читается на лицѣ; вотъ я прочелъ и думаю, что не ошибся. Сербь, не сочувствующіе войнѣ съ самаго начала, по ихъ мнѣнію, совершенно лишней и бесполезной, не измѣняли своего взгляда и теперь, а съ прибытіемъ русскихъ въ ряды ихъ арміи, они, по присущей имъ ограниченности, начали даже опасаться, не кроется ли что нибудь недоброе за этимъ сочувственнымъ участіемъ единовѣрцевъ? Не желаютъ ли они Сербію сдѣлать губерніей Русской Имперіи? и, повѣся головы, смотрѣли, что изъ этого всего выйдетъ, оставаясь совершенно чуждыми всему, что теперь происходило въ маленькомъ ихъ княжествѣ.

Вѣсти о побѣдахъ или пораженіи сербской арміи ихъ не интересовали; побѣды они приписывали исключительной храбрости своихъ войскъ, а пораженія — вредному вліянію русскихъ волонтеровъ; но въ итогѣ, какъ то, такъ и другое ихъ мало интересовало: они желали, и желали искренно, отъ души, прекращенія войны. Это я говорю о народѣ, не касаясь правительственной сферы, мало мнѣ знакомой въ этомъ отношеніи.

Вотъ почему въ Бѣлградѣ въ такую критическую минуту было тихо и спокойно. Какой бы народъ сербскій ни былъ хладнокровный и апатичный, а сочувствуй онъ войнѣ, то навѣрное, въ то время когда армія находится почти въ безвыходномъ положеніи и столицѣ угрожаетъ явная опасность, онъ бы не оставался такимъ безучастнымъ зрителемъ: это ясно какъ Божій день!

Смотря на нихъ и все что здѣсь было видно, невольно являлась мысль: какая постигнетъ участь русскихъ доброволь-

цевъ, сражающихся въ рядахъ сербской арміи, и именно добровольцевъ изъ простаго русскаго народа, которые, нужно отдать полную справедливость, явились сюда не за чинами, не за крестами, не за деньгами, не ради того чтобы скрыться отъ кредиторовъ или избѣгнуть наказанія за уголовное преступленіе, нѣтъ!—они пришли сюда помочь своимъ единовѣрцамъ одолѣть ненавистнаго имъ турка, который русскому насолить уже немало... Они поняли по-своему, но достойно — что нужно идти и вмѣстѣ съ сербами, такими же христіанами, сражаться за святую вѣру; они не читали газетъ, не увлекались газетными статьями, не понимали даже выраженія „славянская идея“—нѣтъ! они знали одно, что нужно сражаться съ турками-мусульманами—всегдашними притѣснителями христіанъ. Ихъ-то мнѣ было жаль отъ души; они поставлены сербами подъ общій уровень, они на половину лягли на полъ битвы! и заслужили что же? неблагодарность — именно тѣхъ, за которыхъ сражались! А почему они это заслужили? Потому, что не они, а ихъ начальство, такъ сказать, „господа“, пріѣхавшіе раньше, не сошлись съ сербами, не поняли другъ друга и задались невѣрнымъ взглядомъ на дѣло. Да—только потому.

Отрицая существованіе принциповъ и убѣжденій въ среднемъ классѣ нашихъ добровольцевъ, я допускалъ отчасти тѣ же черты и въ простомъ народѣ, менѣе развитомъ и понимающемъ значеніе самаго вопроса; но теперь къ нему такое мнѣніе не отношу вовсе, потому, что истинное стремленіе принести собою пользу — только и было присуще русскимъ добровольцамъ изъ простаго народа, а не „господамъ“, явившимся сюда, за малымъ исключеніемъ, по разнымъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ „славянской идеей“.

Вотъ мысли, наполнявшія мою голову въ теченіи трехъ

дней по возвращеніи изъ Делиграда, и впечатлѣнія, которыя я испытывалъ.

Часто бываетъ затишье, передъ грозой, — такъ и тутъ.

Всю недѣлю почти ни помину о войнѣ, какъ будто ея и нѣтъ, а сегодня, 15-го октября, куда ни повернись — все рѣчи однѣ и тѣ же, про Делиградъ, про неудачи, про то, что будетъ послѣ, и про все это говорятъ только одни русскіе; сербы лишь слушаютъ, какъ будто ихъ вовсе и не касается, а дѣло, между тѣмъ, совсѣмъ плохо. Сегодня я узналъ, что турки снова атаковали наши позиціи 11-го октября и всѣ силы непріятеля направлены на Дюнишъ, который пока еще въ нашихъ рукахъ, но что будетъ дальше — неизвѣстно. Непріятель прекратилъ атаку! замолчалъ! но вѣроятно не надолго; нужно думать, что Дюнишъ возьмутъ и возьмутъ скоро! Да такъ, впрочемъ, всѣ и думали.

Что будетъ впереди — это мы еще увидимъ, а теперь опять тишина, опять въ Делиградѣ бездѣйствуютъ, пишутъ въ газеты про свои побѣды, про геніальную способность главнокомандующаго удерживать натискъ цѣлой турецкой арміи съ горстью напуганныхъ, забитыхъ трусишекъ, безъ оглядки удирающихъ натрагъ! и ни одного слова истины, способной на полъ-дорогѣ остановить пріѣздъ русскихъ волонтеровъ. Но новости про Делиградскія событія не такъ интересны — ихъ можно, почти не ошибаясь, многія предугадать, предусмотрѣть, не упуская изъ виду предыдущихъ подготовленій къ дѣлу, — словомъ, всѣ явленія, давно жданныя, не такъ рѣзко интересующія насъ, русскихъ, въ Бѣлградѣ, какъ то, что тутъ дѣлаютъ господа — корреспонденты, за малымъ исключеніемъ порядочныхъ, — личности готовыя применить къ какому угодно взглядамъ и убѣжденіямъ, ради матеріальной пользы — просто обѣщаннаго куша денегъ, за пропѣтую пѣсню

въ томъ или другомъ тонѣ, — смотря по обстоятельствамъ и желанію плательщика.

Эти господа, сплотившіеся въ одинъ нераздѣльный кружокъ, казались чрезвычайно интересными. Они шныряли изъ гостинницы въ гостинницу, изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, попадая, по дорогѣ, на знакомыхъ, узнавали отъ нихъ истину, извлекали свѣдѣнія, выводили заключеніе, сочиняя изъ всего слышаннаго донесенія и телеграммы для немедленнаго отправленія своимъ, съ жаждой ожидающимъ и все поглощающимъ, проголодавшимся органамъ. Я, грѣшный, до пріѣзда въ Сербію не имѣвшій даже понятія, что такое „корреспондентъ“, съ большимъ интересомъ наблюдалъ за ними, полагая, что такое ихъ поведеніе обусловливается непремѣнной обязанностью всякаго корреспондента, и только много времени спустя, когда люди, больше меня понимавшіе, объяснили всю суть, только тогда я сталъ смотрѣть другими глазами и остался при томъ мнѣніи, что можно очень ошибиться, если, читая ихъ корреспонденцію, повѣришь ей, хотя одну фразу.... Теперь только я сталъ ихъ понимать и пересталъ уважать какъ людей. Въ попавшемся мнѣ въ руки „Гражданинѣ“, гдѣ, между прочимъ, говорилось о неустрашимой храбрости князя Оболенскаго, (о которой я, какъ очевидецъ, скажу послѣ), замѣчательно вѣрно было сказано о корреспондентахъ такого рода, именно; что это личности подленькія, мелкія, мѣняющія убѣжденія за деньги, — и оно вѣрно: въ какую гостинницу ни прійдешь, всюду они, всюду узнаютъ и создаютъ истину, всюду веселые, беззаботные, довольные своимъ положеніемъ. Посмотришь и станешь удивляться, что эти вотъ тающіе авторитеты пишутъ про насъ, проводятъ взгляды, идеи, съ которыми многіе соглашаются! И все это они, вотъ эти самые авторы газетныхъ статей, пере-

полненных небывалой ложью! А на сколько вѣрно то, что они пишутъ, въ доказательство я приведу слѣдующій примѣръ: въ Бѣлградѣ произошло одно торжество, довольно официальное (о немъ скажу послѣ), участникомъ котораго былъ, въ числѣ другихъ, и я. Господа же корреспонденты, хотя и пытавшіеся попасть въ свидѣтели, были устранены предусмотрительными распорядителями; а торжество интересное, истину знать хотѣлось во что бы то ни стало — что дѣлать? Одно остается, какъ и всегда — переспросить у добрыхъ людей, какъ дѣло было? Вотъ роль добраго человѣка выпала на мою долю. Сажу у себя въ номерѣ и читаю, — только отворяется дверь и входитъ нежданный посѣтитель, корреспондентъ „Новаго Времени“ г. Б. Что, думаю, это значить!

— Здравствуйте! какъ поживаете, я, кажется, побеспокоилъ васъ, — произноситъ онъ, улыбаясь.

— Ничуть! сдѣлайте милость! чему обязанъ, пользуясь удовольствіемъ вашего посѣщенія?

— Извините пожалуйста, я къ вамъ имѣю маленькую просьбу! началъ онъ съ дѣла, какъ бы отвѣчая на вопросъ.

— Какую? что могу — съ удовольствіемъ исполню.

— Видите-ли, вы, кажется, были, тогда-то... тамъ-то...

— Да, былъ, что-жъ изъ этого? спросилъ я, недоумѣвая.

— Мнѣ, видите-ли, нужно знать, что такой-то говорилъ, вы, вѣроятно, запомнили его выраженія... Передайте пожалуйста ихъ цѣликомъ! мнѣ бы нужно отправить телеграмму въ свою газету, а между тѣмъ ничего не знаю изъ вѣрнаго источника, — вѣдь все равно, не скажете вы — узнаю отъ другихъ, закончилъ онъ увѣренно.

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я передалъ вамъ всю подноготную, которую не считаю удобнымъ излагать, какъ при допросѣ. Поверхностно, пожалуй, подѣлюсь.

— Тогда одолжите перушко, я спишу ваши фразы. Вы не слово въ слово рассказываете, а такъ только, въ общихъ выраженіяхъ; мнѣ нуженъ сюжетъ, а картину я самъ нарисую, — облегчилъ онъ мою роль.

Вотъ оно, думаю, голубчикъ, въ чемъ дѣло! ты самъ рисуешь — ну такъ плохая-же картина выйдетъ — слишкомъ неопредѣленный сюжетъ для того, чтобы рассчитывать на удачное произведение. Ну, да пусть его пишетъ, мнѣ-то не все-ли равно — я вѣдь не безусловно вѣрю въ газетныя сообщенія, а кто вѣритъ, тому впоследствии интереснѣе будетъ разузнать истину.

— Очень вамъ благодаренъ за любезность, произнесъ съ самодовольной улыбкой корреспондентъ.

— За что-же, помилуйте! я такъ мало далъ вамъ матеріала для того, чтобы нарисовать удачную картину, что и благодарить не стоитъ.

— Будетъ и этого, мы создадимъ — повѣрьте; писать-то не истину нужно, а пригодное къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, сообщилъ онъ секретъ необдуманно.

— Какихъ же такихъ цѣлей скажите?

— Денежки — дѣло святое, оправдалъ онъ мое заключеніе и ушелъ.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ ихъ лжи служили тѣ же газеты, которыя читая въ Бѣлградѣ — приходилось удивляться такому смѣлому нахальству этихъ артистовъ, рисующихъ картины часто безъ всякаго сюжета.

Чего въ нихъ не было — все, что угодно! и это все отъ начала до конца — голословная неправда. Если встрѣчались

нѣкоторые факты похожими на существующіе, то только по названію, а то, при какой обстановкѣ они возникли, равно какъ и вся ихъ характеристика, — не только не походила на истину, но даже — на умѣренную ложь. Я, напримѣръ, читая одну русскую газету въ Бѣлградѣ, набрелъ на статью, въ которой говорилось о составѣ кавалеріи въ моравской арміи; она гласила, вѣроятно по сюжету г. Б., что кавалерія въ дѣйствующей арміи состоитъ изъ шестнадцати хорошо организованныхъ сербскихъ эскадроновъ, двухъ лихихъ, вновь сформированныхъ русскихъ и трехъ сотенъ донскихъ казаковъ. Гдѣ же она, думаю, эта кавалерія? Не зачисленъ-ли въ число боевыхъ эскадроновъ и сводно-кавалерійскій, которымъ командуетъ Штосманъ — уже знакомый читателямъ... да нѣтъ же; въ немъ нѣтъ самаго главнаго — людей, ахъ да! и лошадей вѣдь тоже нѣтъ, а безъ этихъ двухъ условій, не можетъ же онъ считаться боевымъ, или, что еще загадочнѣе — лихимъ; сербской же кавалеріи, непригодной къ бою, существуетъ не шестнадцать эскадроновъ, а менѣе восьми. Что же касается донскихъ казаковъ, то ихъ не три сотни, а одна, и та неважная. Вотъ истина въ одной изъ газетъ — сообщаемая за достовѣрный фактъ ея корреспондентомъ, заблуждавшая читающую публику — на ряду съ другими такими же вѣрными извѣстіями, о побѣдахъ сербской арміи, успѣшной организаціи милиціи, способности главнокомандующаго и обо всемъ, что могло дать пищу перу купленныхъ за деньги усердныхъ авторовъ.

Да мало ли тутъ было интереснаго; вотъ хотя бы пріѣздъ новыхъ добровольцевъ. Зачѣмъ они? Война уже почти окончена, собственно въ Сербіи — проиграна, всѣмъ пріѣхавшимъ сюда русскимъ и уцѣлѣвшимъ слѣдуетъ поскорѣе возвращаться въ Россію! А эти новыя наивныя лица ѣдутъ въ Сербію! и вѣдь — теперь, послѣ всего! Кто этимъ руководить? кто ихъ

посылаетъ? Не сами же они ѣдутъ! Если бы ѣхали сюда сами, то по приѣздѣ не роптали-бы на все и не сожалѣли-бы, что приѣхали помогать сербамъ. Нѣтъ, вѣрно они въ заблужденіи.

Прихожу какъ-то утромъ въ ресторанъ своей гостиницы пить кофе; вижу, сидитъ на диванѣ типичный господинъ, до того интересный, что у меня зародилось желаніе познакомиться съ нимъ; за тѣмъ же столомъ, за которымъ сидѣлъ господинъ, помѣщалось еще какая-то пожилая дама и нѣсколько статскихъ, повидимому волонтеровъ, такъ-называемыхъ здѣсь „левольверовъ для собственнаго удовольствія“ *).

Господинъ, о которомъ я завелъ рѣчь, одѣтый въ черный, вылощенный отъ старости офицерскій сюртукъ, съ краснымъ замасленнымъ воротникомъ, въ длинные истоптанные сапоги, съ пристегнутою къ изорванной портупеѣ гремющей заржавленной пѣхотной саблею, небритый, нечесанный, съ растрепанными волосами и краснымъ, большимъ носомъ, походилъ какъ нельзя болѣе на стараго, отставнаго, выбившагося изъ силъ армейскаго пѣхотнаго офицера, употреблявшаго въ разговорѣ неудобныя въ печати выраженія... каждый разъ извиняясь за свою „развязность“, какъ онъ это самъ называлъ; вотъ съ нимъ-то я познакомился и разговорился:

— Вы вѣрно недавно приѣхали? спросилъ я новаго защитника.

— Вчера только. Тутъ вотъ и провалялись всю ночь

---

*) Это названіе произошло отъ недавно прошедшей сцены: къ одному пьяному волонтеру пристало начальство; ну, конечно, первый вопросъ: „кто вы такой?“.—Я! я! я вол... левольверъ для собственнаго удовольствія“. Поэтому всѣхъ статскихъ волонтеровъ, въ нетрезвомъ видѣ, прозвали „левольверами“.

съ этой душой... негдѣ и прилечь больше — всѣ гостиницы полнехоньки! отвѣтилъ онъ гнѣвно и неохотно.

— Извините, но я не имѣю удовольствія знать, о комъ вы еще другомъ говорите—называя кого-то душой?

— Да развѣ я васъ съ ней не познакомилъ? Ахъ да..... Я и забылъ! — моя жена (указалъ онъ на пожилую даму). Посудите-же сами, развѣ это не дура! пріѣхала сюда, спросите—зачѣмъ? Сама не знаетъ... въ сестры милосердія, говоритъ, пойду! Тутъ и самому досадно, что пріѣхалъ! еще съ ней возись, да хлопочи—просто дурище отиѣтая! порѣшилъ онъ, не сомнѣваясь.

Признаюсь, такая рекомендація, не мало меня изумила — тѣмъ болѣе, что дражайшая половина моего собесѣдника слушала эти любезности молча, не произнося ни одного слова. „Вотъ, думаю, парочка счастливаго супружества“.

— Вы въ какую же армію намѣрены поступить, капитанъ?

— Да куда тамъ еще въ армію! нужно сдать прежде партію добровольцевъ, которыхъ я привелъ, а послѣ уже о себѣ думать. — Да въ Моравскую, куда же больше?... на Ибаръ — говорятъ, нечего дѣлать.

— Если не ошибаюсь, то вы, кажется, не довольны, что пріѣхали.

— Еще бы быть довольнымъ..... что тутъ хорошаго? чертъ меня понесъ!.... съ ихней славянской идеей! За дорогу отъ Кладова набрался я не мало горя съ этими господами, по тридцати верстъ въ сутки пѣшкомъ ускореннымъ маршемъ къ братьямъ на защиту, а тутъ вотъ — тоже утѣшенія не много — безъ квартиры и денегъ изволь прохлаждаться — ради идеи—видите-ли..., разразился типичный капитанъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы маршировали; вѣдь насильно, васъ никто не заставлялъ сюда ѣхать?

— Хорошій вопросъ, зачѣмъ маршировали! Развѣ я зналъ о томъ, что тутъ творится! У насъ въ Россіи, читая газеты, воображаешь совсѣмъ другое: братья-славяне погибаютъ! Геніальный полководецъ Черняевъ! великая идея! по-неволѣ поѣдешь! а на дѣлѣ-то оказывается—не идея, а какіе-то темные расчеты павшаго элемента—благо есть куда пристроиться и ѣдутъ, сами не знаютъ зачѣмъ. Я удивляюсь, что до сихъ поръ ни одна добрая душа не написала правды,—вернулись вѣдь многіе въ Россію, могли-бы, кажется, предупредить, а то и добрымъ людямъ приходится блуждать въ потемкахъ.

— И предупреждали многіе, это я знаю; а одинъ серьезный русскій органъ даже довольно ясно высказывалъ, что не слѣдуетъ увлекаться, а дѣйствовать сознательно. Повѣрьте, кто составилъ себѣ еще въ Россіи трезвый взглядъ на Сербію, тотъ если и пріѣхалъ сюда, то выигралъ больше насъ съ вами; онъ готовясь ко всему дурному, былъ проникнутъ не увлеченіемъ здѣшними событіями, а самымъ славянскимъ вопросомъ, касающимся Россіи гораздо больше, чѣмъ Сербіи, слѣдовательно смотрѣлъ на нее только поверхностно, не обращая уже вниманія на подробные недостатки страны и народа.

— Кто тамъ высказывалъ—интересно! У насъ въ провинціи кого ни послушай, что ни прочитай, всѣ поютъ одно и то же,—вотъ хотя-бы „Новое Время“ кричитъ вѣдь во всю глотку, про идею, про геніальность Черняева, про подвиги какихъ-то Пушкиныхъ—почитайте-ка! а бы его.... запретилъ! сколькихъ оно увлекло сюда, чертъ знаетъ зачѣмъ! Были такіе, которые покинули женъ, дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни, уѣхали сюда, а теперь, искалѣченные, доживаютъ горькое существованіе въ

лазаретахъ. Предупреждали—интересно кто?... повторилъ выведенный изъ терпѣнія капитанъ.

— Вотъ и оказывается, что вы чѣтали исключительно „Новое Время“, сами виноваты, слѣдовало читать всѣ газеты, — тогда и получился бы болѣе вѣрный выводъ.

— Какой тамъ выводъ вы проповѣдуете, когда человѣкъ, что называется, попалъ въ крайность, — не дѣе выводовъ, коли есть нечего, — желудокъ выводами не напитаешь!

— Мы вѣдь съ вами говорили о прошломъ, могущемъ предотвратить настоящее, а вы высказываетесь, какъ будто понимающій васъ голодъ въ зависимости отъ моихъ прежнихъ совѣтовъ, или дѣйствій—ничуть; я говорю только, какъ бы слѣдовало поступить раньше для того, чтобы не очутиться въ вашемъ положеніи.

— Прекрасно-съ—я васъ понимаю, но лучшаго исхода для своего тощаго желудка все-таки не предвижу, пришелъ къ заключенію капитанъ.

Во время нашего разговора, супруга моего собесѣдника, разливая чай, уронила чайникъ, въ которомъ разбилась крышка. Капитанъ, и безъ того разсерженный Сербіей, радъ былъ случаю на комъ нибудь излить свой гнѣвъ; онъ съ кулаками накинудся на эту женщину. „Да ты..... вѣчно меня вводишь въ лишніе расходы! пріѣхала сюда за дѣломъ! посуду колотить! дурище проклятая“.

Признаюсь, такое безцеремонное обращеніе капитана съ дамой мнѣ не понравилось; всежъ-таки она ему жена, видимо привязанная, не заслуживала такого обхожденія изъ-за пустой мелочи; но когда сконфуженная жена обратилась къ супругу съ фразой—„дешечка, не сердись“ и онъ, успокоившись, поцѣловалъ ее въ лобъ, то стало яснымъ, что эти ми-

нутыми вспышки считаются у нихъ обыкновенными, нена-
рушающими супружескаго счастья и наслажденій брачной жизни.

— Знаете, не могу на нее долго сердиться, увѣрялъ капитанъ, — ужъ такъ ко мнѣ дурища привязана, что не можете себѣ представить! Не забудьте, женатъ вѣдь я уже пятнадцать лѣтъ — какъ видите, не первой молодости мужчина. Что было, то прошло, касалось-бы, чѣмъ тутъ и интересоваться особенно? нѣтъ, батюшка, вѣрна все-таки, какъ собака — по опыту говорю; многіе за ней и приударяли, да нѣтъ-съ — такъ съ носомъ и ушли... Положимъ, я еще могу нравиться женщинамъ — силы, слава Богу есть — лицомъ значить, въ грязь не ударимъ! но ухаживали, вѣдь, за ней по лучше меня молодцы! Вотъ подите-же, и выходитъ, что вѣрна пословица: „не то хорошо, что хорошо, а то, что кому нравится“; хотя-бы сюда, въ Сербію, уговаривалъ не ѣхать, — остаться дома, нѣтъ-таки поплелась!.. ни за что, говорить, не останусь. Думаете, изъ-за желанія поступить въ сестры милосердія — ничуть! изъ-за меня же — привязана, дурище, какъ собака, самодовольно заключилъ капитанъ.

— На сколько могу замѣтить, то вы, капитанъ не особенно признательны вашей супругѣ, за такую искреннюю привязанность.

— Вы, значить, насъ не понимаете: я вѣдь ее, дуру-люблю и люблю ужасно! — изрѣдка поругиваю только, ну да вѣдь это дѣло домашнее — на то она жена. Правда, душечка! отнесся онъ къ улыбающейся супругѣ, какъ бы подтверждающей его фразу.

— Кому вы, въ настоящую войну, больше сочувствуете, капитанъ, сербамъ, или туркамъ? задалъ я ему неожиданный вопросъ.

— Конечно сербамъ! — иначе, я отправился-бы въ Турцію.

— Прекрасно! Если вы сочувствуете сербамъ и вообще возставшимъ славянамъ, противъ рабства, которому, какъ вамъ извѣстно, подвержены больше женщины, то на чемъ основываете свое мнѣніе, что жена обязана переносить рѣзкое обращеніе мужа — все равно, въ какой-бы формѣ оно ни выражалось. Я не говорю это относительно васъ, а такъ только между прочимъ — по поводу мнѣнія, вами высказаннаго.

— Вы, батюшка, развели цѣлую исторію, — и рабство, и славянской вопросъ на сцену — все! Я не съумѣю отвѣчать на это цѣлой канителью; ничего здѣсь ни турки, ни славяне общаго со мной не имѣютъ! Я за чтонибудь пустое свою жену выругаю, а случись что поважнѣе, то безъ церемоній вздую! она это очень хорошо понимаетъ и знаетъ. Вотъ вамъ все доводы! давайте-ка лучше по рюмочкѣ пройдемся, чѣмъ гуманности проповѣдывать! чертъ ихъ побери, этихъ идеалистовъ — надоѣли!

— Рюмочку — пожалуй не откажусь, но не больше — и то такъ ужъ, ради перваго знакомства.

— Какой же вы послѣ этого воинъ — да еще кавалеристъ! По моему выпить, такъ выпить? не одну рюмочку, а такъ чтобы все и всѣхъ разнести! накинуся на меня капитанъ.

— Ну нѣтъ — спасибо, я не любитель такой выпивки, имѣющей окончиться общимъ разнесомъ, — отказываюсь.

— Нѣтъ ужъ, батюшка! рюмочку общали — отступать не жологается; хотя сербская тактика ни ставить отступленіе на первый планъ, но мы вѣдь съ вами, русскіе! — все въ-дребезги!... Кельнеръ! — очищенной сюда! готовился къ разносу капитанъ.

— Не рассчитывайте на очищенную! — здѣсь ея нѣтъ; да притомъ, человекъ васъ и не пойметъ — по русски... „мо-

лимъ ракіе“ скажите, это онъ пойметъ скоро, посоветоваль я капитану.

— Какъ нѣтъ! Мы этимъ дикарямъ помогать пріѣхали— кровь проливаемъ, а они водки русской не могутъ завести! Да я ему р. . . . . сейчасъ же раз. . . . ! Водки! стану я передъ нимъ молиться, изъ за-водки— какъ-же! не соглашался разочарованный воинъ.

Капитанъ, повидимому, заручившійся уже чѣмъ нибудь спиртуознымъ, былъ до того воинственно настроенъ, что я предпочелъ проститься и уйти, чѣмъ оставаться свидѣтелемъ предстоящей расправы съ кельнеромъ.

Это одинъ изъ тѣхъ многихъ представителей русскихъ добровольцевъ, съ которыми нерѣдко приходилось встрѣчаться въ Сербіи: онъ все-таки еще сносенъ, — казался такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, не маскируя себя различными грязными, но громкими выходками, съ цѣлю привлечь вниманіе начальства, или прослыть героемъ въ „Новомъ Времени“, — какъ это дѣлали разныя темныя личности, рассчитывавшія поѣздкой въ Сербію искупить прошедшіе грѣшки.

Пораженіе. — Паника и единственная надежда на заступничество. — Неожидающее приглашеніе. — Сборъ, а кое-кто и на-веселѣ. — Недостигающее цѣли средство. — За короля и костей не жаль. — Кости-то и дороги оказываются. — Утѣшительные слухи и перемиріе.

Немного прошло времени, всего какихъ нибудь три дня, — и уже новыя извѣстія изъ арміи и, главное, неутѣшительныя, влекуція за собой послѣдствія самыя грустныя. Турки взяли

Дюнишъ! Сербская армія разбрелась въ разныя стороны, а часть ея отказалась драться! русскіе добровольцы на-половину перебиты, остальные оставлены безъ имущества, безъ средствъ и безъ надежды на успѣхъ въ будущемъ! Сербско-турецкая война окончена, лишена самостоятельности! Черняева роль потеряна безвозвратно и слава какъ полководца не выдерживаетъ даже обыкновенной критики! Да! событія грустныя. Возвращаться въ Делиградъ не зачѣмъ — нужно уѣзжать отсюда.

Эти вѣсти мгновенно разнеслись по Бѣлграду 18-го октября. Всѣ дремавшіе до сихъ поръ сербы очнулись въ ожиданіи незваныхъ гостей—турокъ, которые, вѣроятно, не заставятъ себя долго ждать. Всего вѣдь четыре перехода до сербской столицы. Главная квартира переведена въ Парачинъ — нѣтъ надежды.

Грустно теперь было смотрѣть на Бѣлградъ, на этотъ безпомощный городъ, наканунѣ окончательнаго раззоренія. Всѣ упали духомъ, не знаютъ, что предпринять! куда бѣжать? что дѣлать съ имуществомъ? Юный сербскій князь опасается за престолъ, собирается ѣхать въ армію, надѣясь воодушевить ее своимъ присутствіемъ. Княгиня Наталья, —это, умное красивое и доброе созданье — плачетъ, отчаявается, жалѣетъ, и надѣется на Россію — единственную заступницу; на великодушнаго изъ людей русскаго Императора, могущественнаго однимъ своимъ словомъ, остановить турецкую армію и спасти славянъ отъ угрожающей опасности, —она надѣется на него и увѣрена, что будетъ такъ. Никто, кромѣ русскаго Государя, теперь не поможетъ! все уже тщетно! теперь ждутъ его воли.

Цѣлый день всѣ бѣгали, сообщали другъ другу и совѣщались. Офицеры, проживающіе по различнымъ при-

чинамъ въ Бѣлградѣ, собирались уѣзжать поскорѣе въ армію, горя нетерпѣніемъ принести какую нибудь пользу; другіе находили, что это бесполезно, что арміи почти несуществуетъ, что участіе офицеровъ безъ солдатъ не поможетъ дѣлу, а только увеличить число жертвъ, что нужно ожидать официальныхъ распоряженій, и въ концѣ находили, что уѣзжать пока еще не слѣдуетъ. Съ мнѣніемъ такъ разсуждавшихъ и я былъ согласенъ. Если армія дѣйствительно отказалась драться, если русскіе добровольцы на половину перебиты, если главная квартира отступила, если Дюнишъ взять, то спрашивается: что подѣлаютъ, двадцать офицеровъ, безъ солдатъ, или съ горстью проникнувшихъ паническимъ страхомъ, противъ шестидесяти-тысячной турецкой арміи, — противъ непріятеля, завладѣвшаго ключемъ Делиграда? Отвѣтъ совершенно ясный — ничего! кромѣ того развѣ, что изъ этихъ офицеровъ не половину, а всѣхъ перебьютъ. Если же все это — одни слухи, неимѣющіе никакого основанія, то слѣдуетъ ожидать официальныхъ извѣстій изъ арміи. Словомъ, такъ или иначе, а уѣзжать сломя голову нелогично и не къ чему.

Собрался кружокъ офицеровъ. — Сидѣли мы въ гостиницѣ „Краля“ и болтали; здѣсь былъ и Лудовъ, опустошавшій коньякъ не на шутку.

— Ну что батюшка, вотъ вамъ и Черняевъ! держался — пока турки молчали, или перестрѣливались, не наступая, а какъ дѣло дошло до серьезной расправы, такъ и пасъ! такъ и Черняевъ ничего не подѣлалъ!

— Вотъ еще новости-то рассказываете! Вы-бы, небось, подѣлали, какъ-же! знаемъ мы васъ, полководцевъ, возразилъ Лудовъ.

— Благодарю за комплементъ! Вы ужь меня и въ пол-

ководцы хвятили, — я себя вовсе не считаю съ такими способностями, и если говорю про Черняева, то это мое личное убѣжденіе, съ которымъ вы можете не согласиться и остаться при своемъ.

— Еще бы!... когда вы говорите про него, какъ будто онъ всему причиной; цѣлая турецкая армія втрое сильнѣе насъ, по всей линіи атакуетъ и идетъ на приступъ, а Черняевъ долженъ ее разбить! да это просто нелѣпость съ вашей стороны рассказывать подобныя вещи.

— Вотъ видите, вы опять сказали больше меня: я, если не ошибаюсь, не говорилъ, что Черняевъ долженъ былъ ее разбить, а что мало сдѣлать, какъ главнокомандующій, что напрасно ему приписывали небывалыя побѣды, что милліоны русскихъ пожертвованій и тысячи добровольцевъ потеряны, а цѣли не достигнуто никакой, — ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ! что отвѣтственность, которую онъ на себя принялъ, слишкомъ велика — не по силамъ. Вотъ что я говорю про Черняева, не доказывая вовсе возможности съ такой арміей, какъ сербская, разбить турокъ.

— Это другое дѣло, — мало ли кто дѣлалъ ошибки, нельзя быть совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Черняевъ могъ дѣлать промахи: все-таки онъ человѣкъ честнѣйшій и добрѣйшій.

— Видите-ли, мы съ вами совершенно расходимся въ сужденіи: вы, не-военный, говорите о Черняевѣ — частномъ человѣкѣ, а я о немъ-же, но главнокомандующемъ, слѣдовательно, наши сужденія о немъ въ такомъ видѣ хотя и могутъ быть высказаны вѣрно, но никогда — сравнены между собой, потому что вы говорите положимъ, о бѣломъ цвѣтѣ, а я толкую о коричневомъ, требуя въ то же время и мнѣнія другаго, хотя-бы ваше выслушать о томъ-же цвѣтѣ — коричневомъ.

— Вы шутками, батюшка, отдѣливаетесь—говорить мастеръ великій: ну васъ совѣмъ! лучше по рюмочкѣ пройдемся, — пока судъ да дѣло!

— Давайте, я непрочь—веселѣе-бы на душѣ стало.

Такого вѣрнаго сравненія, какое высказалъ офицеръ, по поводу несогласія въ спорѣ, трудно было ожидать отъ него—недалекаго; мы всѣ разразились смѣхомъ, и принялись шутить на эту тему, но вошедшіе въ комнату нѣсколько жандармовъ помѣшали дальнѣйшей бесѣдѣ веселаго общества, обратившаго сосредоточенное вниманіе на загадочныхъ посѣтителей, какъ будто ищущихъ глазами кого-то между нами.

— Чего имъ надо отъ насъ такъ поздно? — не ищутъ ли кого нибудь изъ офицеровъ! недоумѣвалъ кто-то озадаченный.

— Я спрошу ихъ—въ чемъ дѣло. Послушайте! Вамъ кого нужно? обратился къ жандармамъ тотъ-же ораторъ.

— Г-нъ военный министръ, молитъ русски офицеры дойти у военно министерство у еденастъ сать (11 часовъ), отвѣтилъ жандармъ, не всѣмъ понятной рѣчью.

— Какъ въ 11-ть! завтра утромъ?

— Молимъ васъ, господине, дойти у министерство, сей сать еденастъ у вечеру (сегодня въ 11 вечера).

— Хорошо—мы явимся сегодня, ступайте! отвѣтили мы почти въ одинъ голосъ.

— Вотъ вамъ, господа, и офиціальное подтвержденіе, милости просимъ пожаловать! Видно, не шутки, коли здѣшній хламъ собираютъ, никакъ ужъ къ дѣлу не пригодный — разбитый физически и морально, заключилъ ораторъ-доброволецъ.

— Да чего вы заранѣе рѣшаете! что и то и другое,—погодите часокъ — узнаете. Мнѣ, такъ кажется, что Россія

объявила войну Турціи, и чрезъ военнаго министра отзываетъ офицеровъ въ армію.

— Какъ-же! такъ вотъ сейчасъ и отзоветъ насъ отсюда. Не знаю — зачѣмъ! Слава Богу, и своихъ есть вдоволь. Русская армія, располагающая тридцатью тысячами офицеровъ, станетъ, видите-ли, нуждаться въ какой-нибудь сотнѣ, другой здѣшняго золота, тѣмъ болѣе, что три части изъ него отставное!

— А я вамъ скажу, что военный министръ если требуетъ, то съ единственною цѣлью — послать въ Делиградъ. Всѣ другія умозаключенія мнѣ кажутся менѣе вѣроятными. Если-бъ это касалось требованія русскаго правительства, то министру не зачѣмъ было-бы насъ и звать ночью, а просто объявить чрезъ полицію. Если же нуждаются въ офицерахъ въ Делиградѣ, то понятно, онъ желаетъ высказать критическое положеніе арміи и повліять лично на офицеровъ, что передать чрезъ полицію неудобно.

— Ну, эти всѣ, господа, прекрасныя разсужденія, напослѣ, а теперь пойдѣмъ-ка въ министерство, уже половина одиннадцатаго.

— Пойдите-же, допью коньякъ! сейчасъ вотъ лимонъ принесли! и я съ вами! заторопился предводитель алексинацкихъ рекогносцировокъ, Лудовъ.

— А вы-то, милѣйшій, зачѣмъ съ нами пойдете?

— Какъ зачѣмъ! къ министру-же! — и я вѣдь въ Делиградъ отправлюсь.

— Не рекогносцировку-ли хотите затѣять? теперь, пожалуй, кстати — турки близко.

— Ха-ха-ха! я имъ задамъ по-алексинацки! вспомнилъ старину лихой предводитель.

Вся компанія, а въ числѣ ея и я, отправилась въ ми-

нистерство, куда въ темную ночь, по пресквернымъ выбитымъ мостовымъ столицы, по которымъ, что ни шагъ, приходилось оступаться или спотыкаться, пройти благополучно, собственно съ цѣлой фizioноміей, было не легко; но мы, хотя и съ нѣкоторыми приключеніями, происшедшими съ членами нашей компаніи, не вполне сохранявшими равновѣсіе во время движенія, — добрались-таки къ назначенному часу въ министерство. Тутъ пока еще, кромѣ насъ никого и не было.

— Не шутка-ли это, господа, или ошибка! Никого вѣдь нѣтъ! — одни мы точные исполнители! недоумѣвалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Подождемъ — сойдутся. Не надули-же насъ — согласитесь!

Вооружившись терпѣніемъ, мы размѣстились тутъ-же, въ маленькой комнатѣ (въ родѣ канцеляріи) въ ожиданіи чего-то будущаго, во всякомъ случаѣ, весьма интереснаго. Такъ просидѣли не болѣе получаса, — явился дежурный офицеръ и пригласилъ насъ перейти въ пріемную (въ сущности это была передняя), предупредивъ, что когда соберутся остальные, — то онъ доложить министру. Я до сихъ поръ не могу забыть этого отвратительнаго офицера; онъ, приглашая насъ въ другую комнату, на наши вопросы: „зачѣмъ мы собраны?“ отвѣчалъ заливающимся хохотомъ и ироническими фразами про событія въ дѣйствующей арміи, крайне осторожно — и про потерянную роль русскихъ добровольцевъ, начиная съ Черняева. На его лицѣ ясно читалось, что взятіе турками Дюниша доставило ему не огорченіе, а удовольствіе потому лишь, что теперь потеряно всякое вліяніе русскихъ въ арміи.

— „Битка была! битка! турцы взяли Дюнишъ! Черняевъ въ Порачинѣ, а руси погинули!“ ломанымъ русскимъ языкомъ, сладко улыбаясь, сообщалъ намъ онъ эти вѣсти.

Вся его фигура стала ненавистна намъ, — мы дали ему понять, что разсуждать о чемъ-бы то ни было мы не желаемъ, и что „русси дѣйствительно потинули“ при Дюнишъ, но зато сербы все уцѣлѣли — бѣжали на-трагъ!

По-немногу стало собираться офицерство; набралось, приблизительно, человекъ тридцать. Здѣсь были раненные офицеры, интересующіеся узнать въ чемъ дѣло; были только-что пріѣхавшіе изъ Россіи штабъ-офицеры, собирающіеся отправиться въ армію; были и такіе, которые, уничтожая усердно въ теченіи дня коньякъ, пришли—сами не зная за чѣмъ: къ числу такихъ экземпляровъ принадлежали, какъ вполне удовлетворяющіе этимъ условіямъ, — Лудовъ и мой знакомецъ, типичный капитанъ, успѣвшій уже сойдтись съ нимъ на короткую ногу, какъ съ товарищемъ по части выпивки. Не забылъ сюда навѣдаться и г. корреспондентъ „Новаго Времени“ г. Б., который, въ ожиданіи богатаго сюжета для картины, не принималъ участія въ общемъ разговорѣ, сосредоточивъ свое вниманіе на Лудовѣ и типичномъ капитанѣ — интересномъ матеріалѣ для богатаго воображенія художника-корреспондента. Бѣдные они, думаю, попались на глаза въ неудачную минуту. Лудовъ, въ черкеской буркѣ и мохнатой папахѣ, кричавшій ежеминутно разныя фразы воинственнаго содержанія, въ родѣ: „мы ихъ раздавимъ мус... я одинъ имъ задамъ по алексинач...“ *) и, заканчивая эти угрозы непечатными выраженіями, казался дѣйствительно очень интереснымъ. А, типичный капитанъ? — о, этотъ субъектъ въ десять разъ интереснѣе; онъ сегодня былъ vybrity и при-

---

*) Побѣда въ Алексиначѣ, на которую онъ теперь ссылается, тогда ограничилась поголовнымъ пьянствомъ цѣлаго отряда, отправившагося подъ его начальствомъ произвести вылазку, о которой я уже говорилъ во второй части.

чесанъ, что составляло для фizioноміи, по его мнѣнію и безъ того красивой, — весьма много.

Офицерство, истомившееся продолжительнымъ ожиданіемъ появленія военнаго министра, собиралось разойтись по домамъ. „Не все-жъ намъ сидѣть въ передней“, — протестовали утомленные, какъ въ то же время въ корридорѣ засуетились и кто-то, пройдя скорыми шагами, хлопнулъ дверью въ смежной съ нами комнатѣ, — оказалось, что пришелъ министръ. Все притихло, въ ожиданіи пріема; Лудовъ снялъ бурку, а типичный капитанъ, расправивъ усы и фалды засаленнаго вицъ-мундира, плюнулъ въ сторону, какъ бы въ довершеніе незатѣйливаго своего туалета и сталъ готовымъ къ представленію. Мы всѣ, столпившись у входной двери корридора и выдвинувъ впередъ старшихъ въ чинахъ представителей, въ число которыхъ, не знаю уже по какому случаю, попалъ и Лудовъ, направились въ кабинетъ министра, но у самой двери остановилъ насъ, тотъ-же дежурный офицеръ. „Молимъ васъ почекать; у министра има (есть) сербски офицеры, вамъ неможно у купи (вмѣстѣ)“ — произнесъ онъ повелительнымъ, но крайне почтительнымъ тономъ.

— Вотъ красиво, нельзя вмѣстѣ съ сербскими! завопило офицерство, протестующее и высказывающее неудовольствіе, противъ такого заявленія дежурнаго адъютанта, другіе же принялись успокаивать возражающихъ товарищей, какъ вдругъ дверь распахнулась, сербскіе офицеры вышли, а насъ пригласили войти въ кабинетъ. Военный министръ стоя за письменнымъ столомъ, привѣтливо поклонился вошедшимъ въ комнату офицерамъ, и остановивъ, какъ-бы собираясь съ мыслями, свое вниманіе на подвинувшемся къ самому столу Лудовъ, обратился къ намъ съ краткой рѣчью, въ которой, излагая поражение сербской арміи и сдачу Дюниша,

передалъ, что генералъ Черняевъ приглашаетъ всѣхъ русскихъ, находящихся въ Бѣлградѣ, прибыть поскорѣе въ армію, отказавшуюся долѣе драться, закончивъ такими словами: „завтра, господа, съ семи-часовымъ пароходомъ, всѣ уѣзжайте въ Смедерево, а оттуда на почтовыхъ въ Делиградъ“. Но такъ какъ просьбу генерала Черняева изъ находящихся тутъ русскихъ, немногіе лишь могли исполнить по различнымъ, весьма уважительнымъ причинамъ, то одинъ изъ старшихъ — полковникъ Гребенкинъ (самъ онъ рѣшилъ ѣхать въ армію) вызвался объяснить министру, что многіе офицеры и вообще русскіе не могутъ отправиться въ Делиградъ по разнымъ причинамъ, какъ, на примѣръ, больные, стѣсненные въ денежномъ отношеніи (просто безъ гроша), и, наконецъ, порѣшившіе вернуться въ Россію; но не успѣвъ онъ еще раскрыть ротъ, какъ воистинный Лудовъ произнесъ такую рѣчь: „Господа! г-нъ министръ отъ имени генерала Черняева приглашаетъ насъ всѣхъ отправиться завтра утромъ на помощь разбитымъ войскамъ“. поняли?... и, какъ-бы получивъ утвердительный отвѣтъ офицеровъ, продолжалъ: „объявляю вамъ, г-нъ министр, отъ имени всѣхъ офицеровъ, находящихся въ Бѣлградѣ, что завтра съ 7-ми часовымъ пароходомъ мы всѣ уѣдемъ и ляжемъ костью! за „сербскаго короля“ „живіо!“ Такой неожиданной выходкой московскаго самодура всѣ были поражены — не нашли въ возразить, или образумить оратора, а молча, раскланиваясь съ министромъ, вышли изъ кабинета. Лудовъ-же, вполнѣ довольный исполненіемъ невозложенной на него роли, отправился въ гостиницу, вѣроятно, съ цѣлью приняться за свою спеціальность — допивать начатую бутылку коньяку, — эту пособницу его краснорѣчія; офицерство разбредось въ разныя стороны, упрекая другъ друга въ ненаходчивости опровергнуть во-время выходку оратора, а я вернулся домой

(въ гостинницу „Краля“), гдѣ засталъ, какъ это и предполагалось мною, беззаботно пирующаго краснорѣчиваго москвича.

— Какую вы, батюшка, рѣчь вздумали держать у министра! скажите Бога ради, кто васъ уполномочилъ? — присталь я къ нему съ вопросомъ.

— Ха-ха-ха! хорошо, ей Богу! хорош.... уррра!.. живіо... я ихъ..... изувѣр.....! живіо!

— Да вы, я вижу, нарѣзались до-нелзя, милѣйшій — шуточками отдѣлываетесь! Кто васъ уполномочилъ говорить отъ имени всѣхъ офицеровъ! когда и кромѣ васъ нашлись-бы люди сказать, что нужно и умѣстно, а не вамъ, постороннему человѣку, ораторствовать, ни къ селу, ни къ городу!

— Ну вотъ еще, нарѣзались! во-первыхъ, я не пьянъ, какъ это вы предполагаете, а во-вторыхъ, — я сказалъ рѣчь министру потому, что хотѣлъ, — вотъ и все!

— Далеко, не все! вы не въ правѣ дѣлать что хотите! — собою можете располагать, какъ угодно, но не другими, тѣмъ болѣе офицерами! и въ подобныхъ случаяхъ...

— Да ну ихъ совсѣмъ! вотъ еще, есть о чемъ толковать! Коньяку! урра... живіо!.. закричалъ онъ! воодушевленный.

Видя такое бушующее настроеніе своего собесѣдника, я предпочелъ отправиться къ себѣ въ номеръ, чѣмъ вести разговоръ съ такимъ непомнящимъ родства субъектомъ. Вотъ они, думаю, и официальные извѣстія, нельзя сомнѣваться въ ихъ вѣрности — борьба проиграна, все погибло, даже и честь, что всего хуже.

Послѣ взятія Дюниша и бѣгства сербской арміи, жители Бѣлграда какъ будто засуетились, прошелъ такъ цѣлый день, а на другой — одни русскіе интересовались по прежнему всеми новыми извѣстіями, а сербы — эти хладнокровные матеріа-

листы — мало знакомые съ политикою своей страны, считали Россію какъ бы обязательною своею заступницею, и успокоились совершенно, не придавая ни какого значенія ни поражению, ни тому, что турки не за горами, — ни чему, какъ будто все предупредить и сдѣлають за нихъ другіе — русскіе, по ихъ мнѣнію, затѣявшіе ненавистную имъ войну. Въ такомъ именно духѣ высказывались эти единовѣрцы-славяне, далекіе стремленію къ высшимъ цѣлямъ человѣчества, требующимъ всегда жертвъ за свое осуществленіе, но близкіе всему, что хотя и неосуществимо, ничтожно, грязно, но выгодно въ матеріальномъ смыслѣ.

Размышляя обо всемъ, что произошло въ эти дни на театрѣ военныхъ дѣйствій, и о томъ, возвращаться-ли, или нѣтъ въ армію, я вышелъ изъ квартиры, съ цѣлью прогуляться по городу и узнать, что новаго на горизонтѣ, какъ у воротъ гостиницы „Крала“, встрѣчаюсь съ Лудовымъ, давшимъ вчера слово отправиться съ разсвѣтомъ въ Делиградъ, а теперь вотъ, какъ оказывается, состоящимъ налицо, хотя уже и четыре часа по-полудни. Что это вы, батюшка — спрашиваю — не смотря на обѣщаніе лечь костью за короля, такъ и не уѣхали? — сочли благоразумнымъ остаться?

— По-неволѣ останешься, коль лошадей не даютъ, да къ тому же и перемиріе на носу.

— Вотъ какъ вы! какъ опасность, такъ въ политическія соображенія — молодцомъ! Одно скажу, что не въ рыцарскомъ духѣ такія уловки.

— Да не зачѣмъ вѣдь и ѣхать по настоящему — все бѣжало. Не выпьемъ-ли коньяку скуки ради — а?

— Ну его советѣмъ! Я не охотникъ до такого питья, въ особенности на-тощакъ.

— Похмѣляться-то и нужно на-тощакъ; а вы отказываетесь, не зная кореннаго правила.

— Вамъ вотъ, какъ специалисту, и книги въ руки: мнѣ вѣдь и похмѣляться-то не зачѣмъ послѣ трезваго кануна. Знаете-ли, мнѣ вспомнилось, что упрекая васъ вчера въ неумѣстной выходкѣ у министра—вообще, и фразѣ „ляжемъ костями за короля“ — въ особенности, я былъ не правъ — она, какъ оказывается, имѣла нѣкоторое основаніе.

— Конечно, имѣла, не стану-жъ я говорить зря! обрадовался онъ съ похмѣлья.

— Но основаніе, идущее въ разрѣзъ съ тѣмъ, которымъ вы руководились, говоря ее министру.

— Какое же, по вашему, интересно знать!

— Вы, вѣдь, сказали, что „во главѣ остальныхъ добровольцевъ, уѣдете въ армію и ляжете костями на полѣ брани за сербскаго короля“?

— Ну, да, сказалъ!

— А на дѣлѣ-то оказывается, что вы остались — не уѣхали, и что, судя по имѣющимся нагляднымъ даннымъ — выпитымъ сегодня вами дозамъ коньяку, вы хотя и ляжете костями и тѣломъ, но, во-первыхъ, не за короля — скорѣе что безсознательно, а во-вторыхъ, не на полѣ брани, а на полу въ гостинницѣ, или въ своемъ номерѣ.

— Ну, ужъ развелъ исторію, могу сказать, интересную! вамъ-бы въ юристы, а не въ Сербіи сражаться.

— Прибавьте, „да еще, по моему“.

— Конечно, куда вамъ по моему! Я, батюшка, туго знаю свое дѣло — удружу кому, навѣрное, запомнить знакомство! намекнулъ онъ мнѣ, не безъ цѣли.

— Меня-то ради Бога исключите изъ числа такихъ помнящихъ знакомство: я общаю, и безъ того, не забыть,

предупредилъ я, готоваго оказать двусмысленное гостеприимство.

Къ вечеру разнесся слухъ, что Государь Императоръ, ультиматумомъ потребовалъ отъ Порты, категорическаго отвѣта, въ теченіи 48 часовъ: „принимаетъ-ли она перемиріе“, а на другой день, утромъ 21 октября, официально было извѣстно, что двухмѣсячное перемиріе Портою принято и объявлено уже воюющимъ арміямъ. — Другой слухъ, менѣе утѣшительный, что изъ Алексинаца, по распоряженію главнокомандующаго, отозваны всѣ войска, а городъ занять турками, — этотъ красивѣйшій уголокъ Сербіи.

Итакъ, стало извѣстнымъ, что княгиня Наталья и всѣ, кто уповалъ на защиту русскаго Императора, не обмануты надеждой. Онъ, своей непреклонной волей, остановилъ турецкую армію, не позволивъ ей двинуться ни на одинъ шагъ къ цѣли! Волей Его въ данное время, были спасены сербы отъ нашествія, готоваго разразиться звѣрскими проявленіями, истязаніями и мученіями несчастныхъ жертвъ, въ странѣ, побѣжденной непріателемъ.

Новый центръ событій. — Характеристичный споръ. — Возвращеніе Черняева изъ арміи, и искусственная овація. — Признакъ самостоятельности. — То получилъ, за чѣмъ пріѣхалъ. — Ни кола, ни двора. — Что дѣлается въ Смедеревѣ. — Нравы внѣ закона. — Благо не впередъ деньги требуютъ — охотники найдутся. — Нѣтъ худа безъ добра. — Оправдаюсь въ госпиталѣ. — Щедрость. — Досада. — Придуманная хитрость. — Вѣнскій отрядъ Дулацеля. — Своя сорочка къ тѣлу ближе. — Протесты безуоруженныхъ. — Идеи-то незамѣтно.

Многіе вернувшіеся изъ арміи штабные въ ожиданіи главнокомандующаго; увеличившееся число корреспондентовъ

и дѣятелей славянскихъ комитетовъ—придали Бѣлграду, этому центру настоящихъ и будущихъ событій, весьма оживленный видъ: этотъ тихій городокъ сталъ теперь, гнѣздомъ шума и раздора налетѣвшихъ отовсюду разнородныхъ и голодныхъ птицъ.

Вечеромъ въ гостинницѣ „Краля“ сидитъ большая компанія русскихъ добровольцевъ и разсуждаетъ.

— А, вѣдь, сегодня въ 11 часовъ пріѣзжаетъ Черняевъ; я встрѣтилъ Милана, ѣдущаго ему на-встрѣчу, повѣствовалъ одинъ изъ нихъ.

— Перестань ты врать пожалуйста! Куда тамъ Миланъ поѣдетъ на-встрѣчу Черняеву. За-чѣмъ? Что онъ побѣдителемъ возвращается, что-ли...

— Я не вру, хотя и самъ ничего тутъ не понимаю. Казалось бы, что Черняевъ, ставшій во главѣ сербской арміи и русскихъ добровольцевъ — въ результатѣ не оправдавшій ничьихъ ожиданій, ни даже исполнившій прямыхъ своихъ обязанностей въ роли главнокомандующаго, разбитый непріателемъ и мнѣніемъ людей, возлагавшихъ на него надежды, долженъ бы стушеваться—перестать быть тѣмъ, на что за-служиваютъ люди даровитые, а тутъ выходитъ наоборотъ: онъ возвращается изъ арміи, ему готовятъ овацію, какъ побѣдителю, ѣдутъ на-встрѣчу царственныя особы, послѣ онъ ѣдетъ въ Россію съ официальною цѣлью благодарить славянскіе комитеты, словомъ, понимай, какъ хочешь, заключилъ ораторъ, что-то непонятное...

— Да я вижу, что понимаешь какъ хочешь, проповѣдуя какой-то вздоръ, ни на чемъ неоснованный. Во-первыхъ—Миланъ, не самъ уѣхалъ на-встрѣчу, а послалъ своего адъютанта; а во-вторыхъ — Черняевъ если и поѣдетъ въ Россію, то не въ роли главнокомандующаго сербскими вой-

сками, а какъ русскій подданный—поѣздка его, какъ ты передаешь, съ офиціальною цѣлью, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, невозможна, и повторять такіе слухи, по меньшей мѣрѣ нелѣпно.

— Ты, однако, самъ себѣ противорѣчишь: говоришь, что Черняевъ потерялъ всякую роль, какъ побѣжденный, въ томъ числѣ и политическую, а послѣ доказываешь невозможность поѣздки его въ Россію, на основаніи политическихъ соображеній,—слѣдовательно, признаешь, отвергнутую тобою же, его роль!

— Слѣдовательно, ты весьма ограниченный человѣкъ! и ничего больше не слѣдуетъ изъ этого, озадачилъ добровольца своего собесѣдника, сразу вспыхнувшего отъ такой неожиданности.

— Я вынужденъ просить тебя быть немного сдержаннѣе въ выраженіяхъ!—возразилъ озадаченный полувозвышеннымъ тономъ.

— Пожалуйста безъ офиціальностей—сдѣлай милость, не первый день другъ друга знаемъ. Пороху вѣдь не выдумашешь, чего тутъ... Кажется-бы, можно было понять мою рѣчь, а ты, вотъ, истолковалъ ее по своему; я, вѣдь, доказывалъ, что роль Черняева, какъ главнокомандующаго, потеряна безвозвратно,—конечно, и политическая за-одно, и что въ Россію, да еще съ офиціальною цѣлью, поѣздка его немыслима—и это такъ. Но забылъ тебѣ сказать, а самъ ты не догадался, что поводомъ къ замѣшательствамъ и недоумѣніямъ въ политическомъ мірѣ, при натянутомъ, какъ теперь, положеніи дѣлъ, можетъ послужить самый ничтожный фактъ, носящій лишь одинъ оттѣнокъ, несогласный со взглядами правительства, или международнымъ правомъ; такъ и теперь: если бы Черняевъ, —предводитель славянскаго воз-

станія, отправился въ Петербургъ съ officialною цѣлью, то, ясно, имѣлъ бы дѣло съ русскимъ правительствомъ, которое не станетъ же сноситься съ лицомъ, ставшимъ во главѣ возстанія подданныхъ иноземнаго государства. Положимъ, это государство турецкое—варварское, не сегодня, завтра готовое быть вычеркнутымъ изъ числа остальныхъ на картѣ Европы; но въ данную-то минуту, одинъ фактъ такой побѣдки противень простому приличію, не говоря уже объ остальномъ... вотъ почему я считаю ее невозможною и придаю значеніе какъ факту, въ случаѣ-бы она состоялась такая.

— Ну, да Богъ съ нимъ — не спору. Не знаешь-ли, гдѣ онъ остановится?

— Въ маломъ конакѣ (дворцѣ) ему отвели помѣщеніе.

— Вотъ какъ! Не пойдѣмъ-ли мы на пристань съ тобою, посмотрѣть какая будетъ встрѣча?

— Пойдемъ, пожалуй,—не безынтересно, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!

Слушая уговоръ еле понявшихъ другъ друга въ спорѣ собесѣдниковъ,—отправиться на пристань, и я счелъ не лишнимъ послѣдовать ихъ примѣру.

Погода была прескверная—холодная и дождливая; на полъ-дорогѣ мнѣ стало досадно, что я иду, не вѣсть зачѣмъ въ сущности. Но къ счастью ожидать пришлось недолго,—спустя двадцать минутъ не больше послѣ моего прихода, раздался свистокъ на виднѣющемся вдали, освѣщенномъ фонарями парходѣ; немногочисленная публика, состоящая изъ нѣсколькихъ оборванцевъ-мальчишекъ, войниковъ (солдатъ), столькихъ-же мирныхъ гражданъ города и военщины — русскихъ добровольцевъ явившихся сюда во главѣ генерала Д—ля, преимущественно по обязанности службы, если такъ можно

выразиться, подвинулась къ пристани; стало замѣтно, что скоро, чему-то, произойти. Тутъ-же ожидало, четыре всадника въ красныхъ мундирахъ, на-подобіе нашихъ лейбъ-гусаръ, изъ состава личнаго конвоя его свѣтлости, назначенныхъ сопровождать коляску главнокомандующаго; а въ заключеніе и городскія власти явились привѣтствовать генерала. Наконецъ, минута торжества настала — пароходъ причалилъ къ пристани и генераль Черняевъ, сопровождаемый своимъ штабомъ, въ числѣ нѣсколькихъ ординарцевъ и адъютанта, сошелъ на берегъ.

Чего-бы казалось лучше, въ виду тѣхъ грустныхъ событій и вообще незавиднаго положенія самого Черняева, — не стараться придавать было этой встрѣчѣ, особеннаго характера, совершенно лишняго и неумѣстнаго! — Нѣтъ, не могли-же... Генераль Д—ль послѣ первыхъ привѣтствій Черняева, когда послѣдній направился къ экипажу, опередилъ его нѣсколькими шагами и, какъ-бы отстраняя на пути скупенную толпу мальчишекъ, заставлялъ ихъ кричать „живіо“, подавая примѣръ и самъ вполголоса; мальчуганы вскрикнули раза два пискливо — и этимъ закончилась овація, можно сказать, скандальная, повліявшая на здравомыслящихъ, бывшихъ тутъ русскихъ, не совсѣмъ пріятно. „Зачѣмъ выжимать, когда нѣтъ соку — говорили недовольные — развѣ потому, чтобы его же ставить въ неловкое положеніе“.

Этимъ завершилась встрѣча главнокомандующаго, которою я, какъ и самой прогулкой, оставшись не вполнѣ довольнымъ, отправился въ свою гостинницу — центральное сборище русскихъ, бывавшее подъ-часъ живымъ интересомъ, для наблюдателя, по многимъ характеристичнымъ эпизодамъ.

Тутъ казалось замѣтнымъ, что генераль Черняевъ въ Бѣлградѣ: множество офицеровъ, вернувшихся изъ арміи, голод-

ныхъ и холодныхъ, осаждали буфетъ съ алчностью; штабныхъ и вообще добровольцевъ собралось такое множество, что посреди слившегося въ одно говора и шума, трудно было оставаться безучастнымъ: слѣдовало одно изъ двухъ — уйти отсюда, или принять участіе въ разговоръ какой-нибудь компаніи; я предпочелъ послѣднее и присоединился къ знакомому кружку добровольцевъ, собиравшихся, повидимому, ужинать. Мы уѣлись за отдѣльный столъ и пошли толковать, — благо, темъ, было много.

— Ты знаешь-ли, что ему готовятъ здѣсь разныя оваціи, сообщалъ маленькій пѣхотинецъ своему товарищу.

— Кому, ему?

— Кому-же — Черняеву!

— Какія оваціи?

— Онъ завтра, говорятъ, будетъ ѣздить по госпиталямъ и раздавать награды раненымъ.

— Въ этомъ и заключаются оваціи по твоему, да?

— Нѣтъ! это, я сообщилъ лишь какъ фактъ его самостоятельности, въ роли главнокомандующаго, уже послѣ пораженія. Къ числу-же овацій принадлежитъ обѣдъ, который даютъ ему русскіе добровольцы.

— Гдѣ-же и когда будетъ этотъ обѣдъ?

— Да здѣсь-же, въ „Кралѣ“, на этихъ дняхъ; хотя нужно сознаться, что гостинница прескверная, но въ другихъ не найдется просторнаго помѣщенія, для такого торжества.

— Хорошъ, будетъ обѣдъ, — воображаю, когда они не умѣютъ готовить, даже самыя простыя блюда!

— Ну какъ-нибудь сойдетъ, не Петербургъ-же здѣсь, каждый знаетъ....

— Ты что-же, отобѣдаешь съ начальствомъ, а послѣ въ Россію?...

— Чего-же еще дожидаться больше,—медаль за храбрость и Такова получили уже, а въ будущемъ тутъ дѣлать нечего, порѣшилъ оцѣненный начальствомъ воинъ.

— Когда-же покидаешь Сербію?

— Когда деньги будутъ. Во всякомъ случаѣ, не долше недѣли тутъ останусь.

— Въ сущности хорошо дѣлаешь, что уѣзжаешь, я тебя завидую въ этомъ отношеніи.

— Мнѣ?... вотъ непонимаю... какъ будто ты не можешь того-же сдѣлать!

— Въ томъ-то и дѣло, что не могу. У тебя есть хотя не большія средства, а у меня никакихъ. Кромѣ того, и въ Россію-то не зачѣмъ ѣхать. Тамъ тоже пристать не къ чему; мѣсто потерялъ, какое было, средствъ къ жизни не имѣю, знакомыхъ, людей вліятельныхъ, тоже не найдется,—останусь лучше здѣсь, авось что-нибудь выгадаю, уповалъ бѣдняга доброволецъ.

— Ну, братъ, по моему, тутъ-то именно ничего и не выгадаешь; теперь начнется такое безобразіе, отъ котораго поскорѣе-бы уйти только; посмотри какой народъ сюда катить—голодный, холодный, раздѣтый. Эти господа, не поцеремонятся ознаменовать свое пребываніе въ Бѣлградѣ... нашествіе да и только!

— Я вамъ скажу, какъ очевидецъ, что дѣлается теперь въ Смедеровѣ,—это превосходить всякое понятіе! отозвался, все время молчавшій, пожилой уже артиллеристъ.

— Гдѣ это въ Смедеровѣ? спросилъ мало знакомый съ Сербіей доброволецъ.

— Въ пятидесяти верстахъ отсюда. Тамъ теперь привалъ добровольцевъ, возвращающихся изъ арміи—одни садятся на пароходы и уѣзжаютъ въ Россію, другіе въ Бѣлградъ,

многіе-же тамъ и остаются, не зная куда дѣваться, — словомъ, городъ переполненъ русскими, самаго отчаяннаго настроенія.

— Вы говорите „превосходить всякое понятіе“ — значить тамъ творится что нибудь особенное по вашему?

— Все особенное, выходящее изъ ряда по своему характеру. Черняевъ предъ отъѣздомъ изъ арміи собралъ было комисію въ Парачинѣ обсудить вопросъ: „отпускать ли безусловно добровольцевъ въ Россію, или нѣтъ“, — было рѣшено „отпустить“, и кромѣ того, та же комиссія составила списокъ добровольцамъ, заявившимъ себя съ дурной стороны, въ арміи, которыхъ рѣшила выслать въ Россію, прямо изъ Смедерева съ воспрещеніемъ побывать до отъѣзда въ Бѣлградѣ; эти вотъ субъекты и общій наплывъ русскихъ изъ Парачина, до того кажутся отчаянными, что небезопасно попасть въ ихъ среду новому человѣку — оберуть безъ суда и слѣдствія.

— Коль ѣсть нечего, что же дѣлать! и мы-бы съ вами, не иначе, голодные расправлялись...

— Вотъ хотя-бы эта сцена, — продолжалъ тотъ-же ораторъ: сижу я съ начальникомъ главнаго штаба въ гостинницѣ; вдругъ бѣжитъ прислуга, самъ хозяинъ — и всѣ въ одинъ голосъ кричать „гвалтъ“. Что такое? въ чемъ дѣло? спрашиваемъ ихъ. „Помилуйте“, „спасите“! Въ чемъ-же дѣло? спрашиваемъ — кого спасти! „Русь бьетъ юначку“ (женскую прислугу).

— Какъ бьетъ! за что? „Спасите, молимъ васъ, господине“, орутъ въ одинъ голосъ, указывая на кухню. Мы съ начальникомъ штаба въ кухню, гдѣ застаемъ такую сцену: кухарка, съ обнаженной саблей въ рукахъ, ругаетъ кого-то, по сербски. — Что случилось спрашиваемъ. „Русь не добры“, „біялъ руби, я узяла его створу (саблю)“, оретъ кухарка во всю глотку. Оказывается, что ка-

кой-то доброволец, — отставной офицеръ, уѣзжающій въ Россію, въ числѣ помѣщенныхъ въ списокъ, — зашелъ въ гостиницу и потребовалъ закусить — ему скоро подали, опъ къ лакею, тотъ сослался, что на кухнѣ, еще не готово, — офицеръ бѣжитъ въ кухню, выхватываетъ саблю и бросается на кухарку. Кухарка не уступила, — отпарировавъ ловко ударъ, вырвала шашку изъ рукъ добровольца. Начальникъ штаба далъ ей два дуката награды и подарилъ отнятую саблю, на память. Послѣ призвали и самого виновника происшествія, поразившаго насъ своею наружностію: эта фигура — средняго роста, съ краснымъ въ буграхъ лицомъ, громаднымъ носомъ, залившимися кровью глазами, рыжими усами и грязными окровавленными руками, въ длинныхъ сапогахъ, съ высушенной изъ одной голенищи шароварой, — могла поразить кого угодно въ нашей роли, тѣмъ болѣе при такихъ обстоятельствахъ и мѣстномъ произволѣ. Какое вы имѣете право вести себя такъ неприлично? спрашиваетъ его начальникъ штаба, — бросаться съ оружіемъ на кухарку! Вѣдь вы же офицеръ! — Не стыдно-ли?

— Да что тутъ особеннаго, полковникъ: вывели изъ терпѣнія, ну я и съѣздилъ въ р... прошу извиненія, ваше превосходительство. Хотя бы примѣрно и вы были на моемъ мѣстѣ, то же-бы сдѣлали — ей-Богу, увѣрялъ онъ начальника штаба.

— Какъ-же вы, оружіе рѣшились обнажать на женщину?

— Очень просто: она вѣдь тоже съ ножомъ на меня накинута.

— И вамъ не стыдно, что вы, офицеръ, отличались въ бояхъ, и не задумались подраться тѣмъ-же оружіемъ съ кухаркой! какой вы послѣ этого рыцарь? спрашиваетъ его начальникъ штаба. Такимъ поступкомъ, — говоритъ онъ —

компрометируете русскихъ вообще. Наконецъ, если вы ее и рѣшились побить, то не стыдно-ли вамъ, что она „баба“ отняла вашу саблю, которую я подарилъ ей на память!

— Такъ, вотъ батюшка, вамъ одинъ изъ Смедеревскихъ скандаловъ, имѣющій болѣе скромный характеръ, напугалъ онъ насъ слушателей, скромной характеристикой.

— Преинтересно! вотъ-такъ офицеръ! — отличился молодцомъ!

— Хороши субъекты поскорѣе-бы уѣзжали... Что, Черняевъ пріѣхалъ уже? спросилъ не посвященный въ событія дня доброволецъ.

— Развѣ не знаете? сегодня въ 11 часовъ пріѣхалъ. Парадную встрѣчу ему устроили, кричали „живіо“ — всѣ почести, какъ побѣдителю.

— Гдѣ онъ остановился?

— У Милана, говорятъ, — впрочемъ, не знаю.

— Не знаете-ли вы, кто распоряжается обѣдомъ въ честь Черняева и у кого слѣдуетъ записаться?

— Распорядителемъ — всѣмъ извѣстный Лудовъ, герой рекогносцировокъ, о которыхъ вы, вѣроятно, слышали въ Делиградѣ, — вонъ онъ сидитъ за маленькимъ столикомъ съ компаніей, статскій, съ бородою — къ нему и обратитесь, идите.

— А-а! знаю, я съ нимъ встрѣчался въ Делиградѣ, сейчасъ запишусь — пойду.

— Да куда ты торопишься, погоди, — что, ты знакомый Черняева или другъ, полѣзешь обѣдать! обѣдъ неофициальный вѣдь, слѣдовательно, въ немъ участвуютъ лишь, штабъ и знакомые, а ты, кого же будешь изображать? останавливай добровольца, его товарищъ.

— Какъ кого! обѣдъ дается русскими добровольцами — каждый желающій можетъ записаться...

— Ну, какъ знаешь, а я не пойду, пускай ихъ чудятъ. Армія разбита на голову, турки, не заступись Россія, были бы въ Бѣлградѣ, а они оваціи да обѣды задаютъ, — смѣшно, по меньшей мѣрѣ, смотрѣть на такую комедію...

— Еще смѣшнѣе, что эти обѣды принимаютъ. Говорятъ — даже Миланъ будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! ну непременно запишусь, порѣшилъ офицеръ, извѣстный мнѣ и многимъ другимъ по Делиграду, за слишкомъ безпорядочнаго человѣка. Онъ подходитъ къ Лудову. „Позвольте васъ просить, записать меня участникомъ обѣда въ честь г-ла Черняева“. „Вы какой арміи, моравской или ибарской?“ спрашиваетъ распорядитель (ибарцы недопускались къ обѣду). „Моравской“, отвѣчаетъ желающій. „Какъ ваша фамилія“?

— В—евъ.

— Хорошо-съ, произноситъ распорядитель.

— Очень вамъ благодаренъ. Скажите пожалуйста, котораго-же числа назначенъ этотъ обѣдъ?

— Завтра навѣдайтесь, — тутъ будутъ знать въ буфетѣ. Эй, молимъ коньяку! крикнулъ распорядитель.

Офицеръ, записавшійся участникомъ обѣда, съ самодовольной улыбкой возвращается къ компаніи.

— А вы записались? — обращается онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Да, записался.

Мнѣ хотя и казалось, что этотъ обѣдъ не имѣетъ ничего общаго съ расположеніемъ къ Черняеву и вообще, составляется совершенно произвольно, по инициативѣ двухъ — трехъ поклон-

никовъ генерала, въ родѣ Лудова, но рѣшилъ все-таки записаться, изъ одного интереса — быть свидѣтелемъ новой, вѣроятно, характеристичной комедіи.

Послѣ нѣсколькихъ безынтересныхъ эпизодовъ съ пьяными посѣтителеми, мнѣ надобно оставаться тутъ долѣе сегодня, я простился съ компаніей и ушелъ къ себѣ въ номеръ, съ цѣлью заняться изображеніемъ нѣкоторыхъ дневныхъ впечатлѣній.

Вообще, въ Бѣлградѣ эти дни, слѣдовало не упускать случаевъ пользоваться видѣннымъ — большею частью интереснымъ и поучительнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Дня два спустя послѣ пріѣзда Черняева я какъ-то, гуляя, встрѣтилъ его разѣзжающимъ въ экипажѣ съ Миланомъ по различнымъ улицамъ города. Вѣрно, посѣщаютъ лазареты — подумалъ я, что и опрaздaлось: вечеромъ въ томъ-же „Кралѣ“ подтвердилось мое предположеніе. Собравшаяся сюда компанія добровольцевъ, внимательно слушала рассказъ одного изъ нихъ, о событіяхъ дня.

— Вы слышали-ли, господа, сегодня объ одномъ чрезвычайно курьезномъ случаѣ? собиpался онъ сообщить что-то новое, своимъ собесѣдникамъ.

— О какомъ? почти въ одинъ голосъ отозвались добровольцы.

— Да о наградѣ въ госпиталѣ.

— Нѣтъ, ничего не знаемъ, — что, развѣ очень интересно?

— Потѣха! отвѣчалъ онъ, чуть удерживаясь отъ смѣха. Представьте — одинъ русскій доброволецъ, отставной рядовой Шашенька, не по бывавъ даже въ арміи, находился съ самаго пріѣзда изъ Россіи, въ госпиталѣ, на излеченіи холостой болѣзни. Только — дають знать, что пріѣхали, Миланъ и Чер-

няевъ, — все засуетилось, администрація поднялась на ноги; но вотъ послѣ разспроса больныхъ въ другихъ палатахъ, дошла очередь и до Шашеньки. Миланъ его спрашиваетъ: что, ты раненый?

— Такъ точно, ваше высочество! отвѣчаетъ.

— Давно-ли въ Сербіи? обращается къ нему Черняевъ.

— Третій мѣсяцъ, ваше высокопревосходительство!

— Ну что, поправляешься понемногу или плохо?

— Славу Богу, поправляюсь ваше высокопревосходительство. Спасибо, братъ, тебѣ за службу, а отличіе получилъ? спрашиваетъ его генераль. Никакъ нѣтъ, ваше вы — ство!.. Ну, такъ вотъ тебѣ, медаль за храбрость, любезный. Вотъ и вышло, что нѣтъ худа безъ добра, сравнилъ рассказчикъ довольно вѣрно — пословицу съ курьезной заслугой добровольца.

— Да не можетъ быть! неужели! о, это курьезно! не довѣрялъ слушавшій доброволецъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону; серьезно-ли вы передаете этотъ фактъ — скажите? присталъ заинтересованный юноша къ рассказчику.

— Да ради чего-же я вратъ-то стану — посудите! коль не вѣрите, отправьтесь въ госпиталь и спросите рядоваго Шашеньку, получившаго эту награду, — онъ, пожалуй, подробнѣе вамъ скажетъ какъ дѣло было.

— Послѣ такихъ фактовъ, совѣстно показаться и въ Россію съ Сербскимъ знакомъ отличія — когда здѣсь получаютъ за взрывъ несуществующихъ мостовъ, за лесть, нахальство, темныя продѣлки и, наконецъ, за неосторожную интрижку съ прекраснымъ поломъ, надѣлившимъ кавалера неэлегантною болѣзнью.

— Еще не все: Черняевъ наградилъ тѣхъ, у кого былъ

крестъ—медалью за храбрость, а имѣющихъ медаль — крестомъ, не разбирая заслугъ героевъ.

— Такъ-таки раздавалъ, какъ калачи—кресты и медали!

— Да, въ родѣ этого.

— Экая досада, не предвидѣлъ, а то-бы легъ на это время въ госпиталь,—кстати кое-чемъ и страдаю... Безъ орденъ, если вернешься въ Россію, то не повѣрятъ, что былъ въ Сербіи—порохъ нюхалъ,—сожалѣлъ, недавно порицавшій начальство, доброволецъ.

Къ нимъ, во время разговора, подошелъ бывшій командиръ несуществующаго эскадрона подполковникъ Штосманъ и, какъ-бы недовольный своимъ положеніемъ, принялъ участіе въ разговорѣ, на ту же тему.

Бѣда, вотъ всѣ хлопоты остаются безуспѣшными—Такова никакъ не добыюсь, а безъ него какъ-то неловко и уѣзжать: только-бы дожидаться чего нибудь, хотя-бы одной медали,—уѣхалъ-бы немедля отсюда, сознался бывшій мой начальникъ.

— Полноте! неужели вы дожидаетесь креста, и за нимъ лишь сюда пріѣхали?

— Не за нимъ исключительно, но отчасти — да. Ну и неловко передъ другими: всѣ почти получили, а ты, вотъ, какъ есть ни одной награды; самолюбіе страдаетъ — согласитесь.

— Вы вѣдь, кажется, подполковникъ, въ дѣлахъ-то не участвовали?

— Ну что-жъ изъ этого?

— То, что не-за что васъ и награждать ни медалью, ни крестомъ.

— Нѣтъ, вы не справедливо судите: я многихъ вамъ укажу—такихъ субъектовъ, получившихъ Такова, которые по

общимъ отзывамъ своихъ товарищей не заслужили вовсе ни на какую награду—однако же получили.

— Изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы и вамъ причислять себя къ числу такихъ героев; по моему—получить награду ни за что, посредствомъ происковъ и лести—безсовѣстно и недостойно имени порядочнаго офицера.

— Э-э-э, батюшка, захотѣли вы контролировать, кто за что получаетъ! получилъ—и ладно, а за что—это ужъ дѣло начальства, оцѣнить заслуги.

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ ожидать окончанія перемирія, тогда представится случай отличиться.

— Стану я ожидать этого случая—какъ же, Богъ съ нимъ и съ Такова—голову бы сохранить въ цѣлости.

— Понятно—последнее дороже каждому изъ насъ, чѣмъ даже Такова первой степени; но и я говорилъ-то вѣдь на томъ лишь основаніи, что вы выразили особенное желаніе получить награду, безъ которой находите неудобнымъ возвращаться въ Россію.

— Ну да, я получу ее и во время перемирія, для этого есть много данныхъ и придуманныхъ мной хитростей,—вотъ одна изъ нихъ: къ обѣду въ честь Черняева, имѣющему быть, какъ вамъ извѣстно, на этихъ дняхъ, я явлюсь съ однимъ лишь русскимъ орденомъ—Анной въ петлицѣ, и понятно, въ качествѣ штабъ-офицера, усядусь за столомъ поближе къ главнокомандующему, который по-неволѣ взглянетъ и замѣтитъ, что сербскихъ орденовъ не имѣю вовсе, а между тѣмъ, какъ состоящій при штабѣ во время боя 1-го октября на Криветѣ, заслуживаю же что нибудь—хотя-бы медаль! составилъ незамысловатый планъ, бывшій мой командиръ.

— И придумали-же вы какую хитрость удачную: пять съ плюсомъ, да и только, остается вамъ поставить за успѣхи!

— Нѣтъ, господа, шутки въ сторону, а ей-Богу досадно. Помимо тебя, все получаютъ награды — ну просто личности, которымъ и руку протянуть совѣстно, какъ, на прим., Дулацелю, котораго я здѣсь встрѣтилъ. Удивительно вѣдь! бывший статскій фатишка петербургскій, чуть-ли не по контракту жившій на содержаніи у кого-то, съ обязательнымъ уговоромъ — превращаться по мѣрѣ требованія своей повелительницы въ картинно-страстного амура, росту съ аршинъ, напомаженный, надушенный и завитой, даже тутъ на позиціи, въ военномъ дѣлѣ столь-же свѣдущій, сколь я въ китайскомъ языкѣ, — кѣмъ же оказывается въ Сербіи, подумаешь — начальникомъ штаба резервнаго отряда Моравской арміи... неужели! — увлекся несправедливостью ораторъ. Положимъ, роль его у Меженинова, продолжалъ онъ, не изъ самостоятельныхъ — что говорить, но, во всякомъ же случаѣ, онъ открыто заявляетъ себя его начальникомъ штаба, носитъ форму генеральнаго штаба и награждается медалями и Такова за храбрость, а этого уже чрезчуръ много для подобной личности. — Я же вотъ состою при штабѣ, бывалъ и на позиціи во время боя, хотя, положимъ, тоже вѣдь безъ дѣла болтаюсь, но данныхъ-то во всякомъ — ужь случаѣ найдется больше, чѣмъ у Дулацеля, на право быть представленнымъ къ наградѣ, и не получилъ вѣдь ея однако! съ грустью — высказался обиженный несправедливостью начальства штабъ-офицеръ *).

— Вы про какого Дулацеля говорите, — не про того-ли, который сформировалъ тысячный отрядъ имени какого-то святаго, и довелъ благополучно это войско лишь до Вѣны, а тамъ, благодаря своему шефу, увлекшему безгрѣшныхъ

*) Одно изъ данныхъ — пребываніе его въ главной квартирѣ на Креветѣ 8-го и 9-го октября, (именно въ то время, когда надъ головами свистѣли тысячи турецкихъ пуль), и временное командованіе несуществующимъ эскадрономъ.

воиновъ къ себѣ въ рай, — разстался съ отрядомъ, какъ недостойный царства небеснаго командиръ — да? спросилъ штабъ-офицера личный ординарецъ главнокомандующаго П — инъ.

— Ну-да, про того самого, — про него же, помните, писали въ газетѣ — не помню ужъ какой.... кажется въ „Новомъ Времени“, если не ошибаюсь.

— Ну-да, мало-ли про что въ немъ пишутъ, — героя-то этого я лично знаю и помню, какъ онъ, — разочарованный въ жизни, преслѣдуемый надоѣдливymi визитами петербургскихъ кредиторовъ (не крупныхъ, а такихъ, знаете — портныхъ да сапожниковъ), удралъ за границу и, послѣ слабо дѣйствующихъ на его организмъ водъ, очутился въ Аѳинахъ, гдѣ занялся преподаваніемъ русскаго языка, не вполнѣ ему знакомаго въ грамматическомъ отношеніи, — тамъ влюбился, пытался застрѣлиться, но неудачно, а въ концѣ вернулся въ Петербургъ. Гдѣ указывая, при встрѣчѣ со знакомыми, на мѣсто въ боку, гдѣ засѣла пуля, долженствующая сразить полезнаго гражданина, отстаивалъ желѣзную волю и рѣшимость, въ своей маленькой фигуркѣ....

— Во всякомъ случаѣ, медаль же однако получилъ вѣдь, и утверждаетъ, что — за серьезное дѣло, — какъ бы завидуя произнесъ штабъ-офицеръ.

— Мало-ли что онъ утверждаетъ — вольно вамъ вѣрить, ему: да вотъ хотя-бы такая продѣлка съ его стороны, какую вамъ сообщу сейчасъ, развѣ говорить въ его пользу! Когда онъ пріѣхалъ въ Делиградъ изъ Вѣны, гдѣ будто бы дожидался прибытія своего несуществующаго отряда, то разболталъ въ штабѣ, что на сформированіе этого войска истратилъ собственныхъ денегъ болѣе тридцати пяти тысячъ рублей, о чемъ, будто-бы извѣстно Славянскому комитету. Меня и многихъ другихъ, знающихъ его по Петербургу, заинтересовалъ

такой великодушный фактъ тѣмъ болѣе—въ немъ, нерасполагающемъ, не только тридцатью пятью тысячами на сформированіе отряда, но даже и сотой долей этого куша, на уплату какому нибудь плачущему кредитору; и такъ какъ, по его же словамъ, это извѣстно комитету, то я немедленно отправилъ туда телеграмму, въ которой просилъ увѣдомить штабъ,—дѣйствительно-ли Дулацель истратилъ такой кушъ своихъ денегъ на сформированіе отряда? ровно чрезъ три дня, получилъ слѣдующій отвѣтъ: По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, г-нъ Дулацель занялъ въ комитетѣ 600 руб. на отправленіе двухъ казаковъ въ Сербію; что же касается до истраченныхъ имъ, будто-бы, тридцати пяти тысячъ на сформированіе отряда, то объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Я эту депешу показалъ всеѣмъ въ штабѣ, какъ доказательство нахальной и неприличной выходки со стороны г-на Дулацеля. Подлежитъ еще большому сомнѣнію — отправилъ-ли онъ казаковъ-то этихъ въ Сербію, — вѣрнѣе, что предпочелъ оставить эти деньги, про черный день, въ своемъ карманѣ.

— Последнее, конечно, вѣрнѣе.

— Э, господа, охота вамъ волноваться, мало-ли кого тутъ нѣтъ! Я встрѣчалъ выгнанныхъ юнкеровъ изъ русской службы—командирами бригадъ въ Делиградѣ, какъ напри-мѣръ: одного изъ такихъ г-на Л—ва. А вы съ ролью Дулацеля не можете смириться—все-таки менѣе важною, чѣмъ командиръ бригады въ бою, могущей быть разбитою бесполезно для боя и до-тла—въ результатѣ, съ такими командирами, какъ юнкера, не именующіеся воинскимъ званіемъ въ отставкѣ.

— Будетъ вамъ осуждать нашихъ полководцевъ, имѣющихъ же кое-какія и хорошія стороны, вѣроятно! Вотъ, про

обѣдъ Черняева не слыхали ли вы чего нибудь новаго? подалъ я новую тему.

— Завтра, говорятъ, въ 7 часовъ вечера назначенъ.

— Въ какой же формѣ являться — въ мундирахъ, что-ли?

— Не у добровольцевъ-ли мундиры найдутся — тоже придумали! штабъ — дѣло другое — тотъ въ мундирахъ явится, а остальнымъ-то и въ блузахъ въ пору, какъ нельзя лучше.

— Говорятъ, музыка и московскіе пѣвчіе будутъ.

— А-то какъ же быть безъ музыки парадному обѣду! — конечно, будетъ.

— Я, нужно сознаться, иду ради развлечения, хотя, правда, не дешево оно и обойдется.

— Скажите, что тамъ будутъ исключительно русскіе, или приглашены и сербы?

— Сначала предполагалось ограничиться лишь русскими участниками обѣда, но многіе сербы, какъ мнѣ говорилъ распорядитель, изъявили желаніе принять участіе въ этомъ торжествѣ, въ чемъ отказать имъ было неудобно.

— По моему, не слѣдовало бы ихъ и приглашать; отношенія русскихъ съ ними, крайне натянуты, общаго ничего нѣтъ, ни въ языкѣ, ни во взглядахъ — стѣснять лишь другъ друга будутъ, а въ этомъ и сомнѣваться нечего.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, болѣе осязательную истину, именно, по-скольку обѣдъ съ персоны обойдется — не знаете-ли?

— Полтора дуката, приблизительно, говорилъ мнѣ Лудовъ, — кромѣ шампанскаго, однако.

— Нужно полагать, что шампанскаго, подъ впечатлѣніемъ незабытаго еще дюнишскаго пораженія, выпьютъ не много, полтора же дуката за обѣдъ — это еще сносно;

остается надежда, что послѣ голодать не будемъ, или мозолить себѣ и другимъ глаза по комитетамъ.

— Вотъ оно что, — расчетами занялись, голубчикъ! Я такъ безъ всякихъ расчетовъ: иду обѣдать, а платить сколько нужно — послѣ узнаю.

— Я думаю — займешься, коль своя сорочка къ тѣлу ближе. Мы не въ васъ богачей — копѣечку считаемъ, а-то подѣ-часъ и ее не хватаетъ...

— Нельзя-ли и мнѣ записаться? вызвался новый желающій.

— Даже очень легко: заявите Лудову, онъ васъ и запишетъ.

— Гдѣ бы его найти теперь — не знаю.

— Отправьтесь къ нему въ номеръ, онъ тутъ же и живетъ въ гостинницѣ.

— Я пойду запишусь, а вы пока не уходите, вернусь — вмѣстѣ уйдемъ.

— Тамъ за одно ужь, любопытства ради взгляните — много-ли записалось къ обѣду? поручилъ уходившему жаждающій Такова штабъ-офицеръ.

— Хорошо, погодите! Немного погодя, доброволецъ возвращается.

— Ну что, записались?

— Записаться-то записался; да знаете, публика набралась отборная, — должно быть, въ этомъ обѣдѣ играетъ роль не качество, а количество участниковъ, — предполагалъ онъ не безъ основанія. Въ списокѣ, напримѣръ, красуется — продолжалъ озадаченный — г-нъ В — евъ, бывший измайловецъ; этого господина я знаю еще по училищу, съ самой неблагоприятной стороны; тутъ онъ заявилъ себя не лучше — проигралъ многимъ деньги, и

никому не заплатилъ, а выигрышъ получалъ преисправно. Въ послѣднее время и въ полку ему намекнули, что не лишнее бы юношѣ отправиться въ Сербію, чѣмъ служить въ кругу недовольныхъ товарищей, готовыхъ не сегодня, завтра предложить официально, провинившемуся герою, оставить полкъ добровольно, — сообщилъ намъ краткую біографію вернувшійся отъ Лудова доброволецъ.

— Въ такомъ случаѣ передайте это Лудову; онъ кстати пришелъ сюда теперь. Офицеръ подходитъ къ распорядителю.

— Нельзя-ли васъ просить вычеркнуть г. В — ева изъ списка участниковъ обѣда, хорошо и давно миѣ извѣстнаго за слишкомъ безпорядочнаго человѣка! кроткимъ голосомъ произноситъ юный доброволецъ. Тѣмъ болѣе — продолжаетъ онъ — что тутъ-то и слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторый выборъ.

— Я не зналъ о немъ ничего. Если такъ, то вычеркну сейчасъ же! рѣшаетъ распорядитель, а доброволецъ, достигнувшій цѣли, возвращается.

— Я ему устроилъ, будетъ доволенъ протекціею, — передаетъ онъ намъ, улыбаясь.

— Много-ли записалось къ обѣду, вы не справлялись?

— Набралось уже человѣкъ сто, если не больше.

— Въ ожиданіи обѣда, пора и по домамъ. — До свиданья! поднялся я первый.

— Куда такъ рано, посидите еще, вмѣстѣ уйдемъ!

— Какое рано! 11 часовъ ночи, — вы, если хотите, оставайтесь, а я пойду спать.

— Убирайтесь, несносный, всю компанію разстроилъ! желаю вамъ не спать всю ночь за это.

— Не сбудется желаніе. Я, батюшка, безсонницей не страдаю. Остальные, тоже послѣдовали моему примѣру и принялись

расходиться по домамъ. Вотъ, думаю, ребята—одинъ крестаникакъ не добьется — хлопочеть; другой — „Черняевскимъ обѣдомъ“ бредить, а идея-то что-то мало проглядываетъ.

За часъ до торжества. — Хотя не долго, но не въ опредѣленномъ положеніи. — Обѣдъ въ честь г-ла Черняева. — Неожиданный балъ, и солисть-Акробатъ.

Вернувшись изъ Делиграда, я, въ виду послѣдовавшихъ вскорѣ событій, доказавшихъ, что ѣхать на театръ войны обратно не придется, преобразился въ статскаго туриста, сохранивъ военное платье, крайне истасканное, такъ лишь,— ради воспоминанія о поѣздкѣ своей въ Сербію. Между тѣмъ, къ обѣду явиться во фракѣ казалось неловкимъ—примуть за корреспондента; оставалось заказать мундиръ—нарушить и безъ того скудные свои капиталы, но дѣлать было нечего,—ради приличія, я обзавелся мундиромъ.

Въ день обѣда, назначеннаго въ 7 часовъ вечера, не помню котораго октября,—кажется 28-го,—такъ уже передъ вечеромъ, пришла ко мнѣ большая компанія знакомыхъ добровольцевъ, человекъ шесть приблизительно, съ цѣлью принарядиться у меня—привести костюмы и себя въ болѣе приличный видъ: всѣ мы занялись туалетомъ. Началось бритье, причесыванье, умыванье, словомъ—сборы и приготовленія какъ на балъ. „Вотъ, думаю, принесло васъ сюда нелегкое, квартиру превратили въ парикмахерскую“; косметическіе мои матеріалы, какъ-то: мыло, пудра и духи, уничтожались въ

значительной степени, безъ всякой церемоніи, словомъ, все это творилось безцеремонно, по-походному. „Будетъ вамъ прихорашиваться, всѣ духи вылили, нахалы!—Пора идти, пожалуй уже собрались,—смотрите—опоздаемъ,—торопилъ я дорого-обошедшихся гостей.

— Батюшки, половина седьмого, пойдемте!—засуетились они всѣ сразу.

— Куда-же? прямо въ столовую отправимся?—недоумѣвалъ одинъ изъ участниковъ близкаго торжества.

— А то куда-же больше, — тамъ, вѣроятно, и собираться-же будутъ.

— Куда тамъ въ столовую! Генераль еще не пріѣхалъ, а до него неловко войти первыми; въ ресторанъ пойдемъ, гдѣ, должно быть, собрались и остальные.

— Завернемъ въ столовую, посмотримъ, какъ они устроили, — завлекалъ насъ любопытный компаньонъ.

— Про меня пойдемъ, если хотите.

Мы вошли въ столовую, гдѣ, кромѣ двухъ второстепенныхъ распорядителей—Пушкина и Шахъ-Назарова,—никого изъ постороннихъ еще не было. Оба они бѣгали, суетились, роптали на Лудова, виновнаго, по ихъ мнѣнію, во многомъ, касающемся приготовленій къ обѣду, и въ заключеніе высказывали, что если-бы не они, то изъ-за безпорядковъ и обѣды бы не состояться. Но къ счастью, они теперь были и обѣда казался близкимъ къ осуществленію.

Громадныхъ размѣровъ зала, тускло освѣщенная, занятая разставленными вдоль стѣнъ длинными столами, на которыхъ изрѣдка стояли разныхъ формъ и металловъ канделябры,—не казалась особенно эффектной, производя какое-то казарменное впечатлѣніе. Какъ-разъ по срединѣ, передъ мѣ-

стомъ г. Черняева, рядомъ съ которымъ помѣщались министры, красовалась, какъ-бы для отличія, большая лампа, а противъ— приготовленное кресло для митрополита Михаила. Странно, думаю, что посадили Михаила не рядомъ съ генераломъ, какъ-бы это слѣдовало и подобало его сану. Но все вмѣстѣ взятое на первый взглядъ производило даже нѣкоторый эффектъ, скоро впрочемъ исчезающій при болѣе внимательномъ наблюденіи. Въ одномъ лишь приходилось сомнѣваться гораздо раньше— въ самомъ обѣдѣ,—думалось, каковъ онъ будетъ, коль гостиница, взявшаяся его приготовить, не располагаетъ даже посредственнымъ поваромъ, а какимъ-то кашеваромъ, специально знающимъ готовить лишь одно блюдо — паприку (соусъ съ перцемъ), надо полагать, не вошедшую на этотъ разъ въ число блюдъ параднаго обѣда.

— А гдѣ же музыка помѣщается?—обратился къ распорядителю все тотъ-же любопытный.

— Въ той вотъ комнатѣ, указавъ онъ на смежную дверь, ведущую въ небольшую комнату, занятую столами, скамьями, сложенными въ разныхъ мѣстахъ трубами и собравшимися уже, молодцоватыми съ виду, военными музыкантами. Кстати, за одно ужъ выскажу, что хотя въ Сербіи большихъ военныхъ хоровъ немного — всего одинъ, пребывающій въ Бѣлградѣ, но онъ настолько хорошо организованъ, а въ смыслѣ классическомъ — подготовленъ, что не уступить любому лучшему хору европейскихъ армій; чистое, отчетливое, и не смотря на то, что духовыми инструментами, вливающееся въ душу исполненіе самыхъ серьезныхъ пьесъ поражаетъ слушателя сразу, привыкшаго встрѣчать въ сербской арміи одно дурное, и очень мало, или вовсе нѣтъ — хорошаго. Впервые, я слушалъ этотъ хоръ на похоронахъ умершаго отъ ранъ русскаго добровольца, и впервые въ жизни

мотивы похороннаго марша такъ на меня повліяли; я рыдалъ какъ ребенокъ, провожая на кладбище эту, незнакомую мнѣ, слегшую въ могилу жертву (кто знаетъ, можетъ быть оставившую цѣлую семью въ Россіи безъ всякихъ средствъ къ существованію).

Итакъ, въ ожиданіи скорого пріѣзда виновника обѣда, мы перешли въ ресторанъ, гдѣ, какъ и предполагали, собрались всѣ приглашенные къ обѣду, кромѣ высшихъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, не прибывшихъ еще вовсе. Тутъ эта грязная, запыленная комната ресторана приняла совсѣмъ иной видъ; генеральскіе и полковничьи сербскіе мундиры, обшитые широкими золотыми галунами, аксельбанты на сербскихъ офицерахъ и такъ быстро выдвинувшихся въ люди Черняевскихъ адъютантахъ (бывшихъ русскихъ отставныхъ вольноопредѣляющихся), парадные мундиры генеральнаго штаба, съ серебрянымъ прикладомъ (въ которые наряжались всѣ, кому угодно было назваться ученымъ военнымъ), красующіеся на многихъ сербахъ и русскихъ добровольцахъ, знаки военныхъ отличій; накинутыя на нѣкоторыхъ офицерахъ пальто, разившія глаза зрителю своей пунцовой подкладкою, и вообще вся эта блестящая военная обстановка—придала ей видъ, пріемной какого-нибудь фельдмаршала-главнокомандующаго, учредившаго свою главную квартиру, послѣ исхода генеральнаго сраженія, въ уцѣлѣвшемъ стѣ канонады, еврейскомъ постояломъ дворѣ; казалось, что всѣ эти военные собрались сюда поздравить вождя съ побѣдой и ожидаютъ его выхода. А между тѣмъ такое воображеніе совсѣмъ не походило на дѣйствительность—сборище полугораста человѣкъ разныхъ сословій, на половину нарядившихся произвольно, въ золотомъ шитые мундиры, ничѣмъ не связанныхъ между собою авантюристовъ, готовыхъ сегодня-же

перейти на сторону какого угодно лагеря; и пришедших сюда, не из сочувствія къ побѣжденному главнокомандующему, а изъ разсчетовъ кланяться и льстить всѣмъ, кто хотя малѣйшую въ состояніи оказать имъ поддержку—преимущественно, конечно Черняеву, тогда еще могущественному въ Сербіи.

Тутъ, перебѣгая съ одного мѣста на другое, совѣтуясь, здороваясь и прихорашиваясь на ходу маленькой щеточкою, суетился Лудовъ, уже знакомый читателямъ распорядитель, на этотъ разъ безукоризненный съ виду: онъ въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, выглаженной, ослѣпительной бѣлизны сорочкѣ, умытый, причесанный, надушенный, и что всего важнѣе—совершенно трезвый, что составляло рѣдкость въ его жизни, — походилъ на солиднаго джентельмена, отчасти привлекательнаго даже...

— Кто этотъ, средняго роста, съ усиками, Такова и медалью за храбрость? — обратился къ одному изъ блестящихъ офицеровъ знакомый мнѣ по Делиграду доброволецъ.

— Да развѣ вы не знаете! Это князь Гика, идиотъ, какихъ мало. Онъ при мнѣ упранивалъ корреспондента газеты „Таймзъ“ написать въ нее, что турки предлагаютъ тысячу пятьсотъ червонцевъ тому, кто живымъ или мертвымъ доставитъ его въ турецкій лагерь, — описалъ намъ офицеръ, новаго героя.

— Ну и взялся корреспондентъ, написать объ этомъ въ газету?

— Да, но съ условіемъ, что напишетъ по личной его просьбѣ.

— А Гика, что-же, неужели согласился?

— Съ радостью, потому-то я и называю его идиотомъ.

— За что ему Такова дали? допытывался все тотъ-же добровольецъ.

— Неужели не знаете про это — странно! За то, — продолжалъ офицеръ — что, во время боя 16-го сентября, бѣжалъ изъ отряда и, не оглядываясь, прикатилъ въ Бѣлградъ: тутъ принялся трубить про свою храбрость, дошло, конечно, до Милана; а тотъ вѣдь не скупится на награды, какъ вамъ извѣстно, ну и навѣсилъ герою.

— И медаль получилъ въ то же время, или за что-нибудь другое?

— Вотъ ужъ этого не знаю; медаль-то ему навѣсилъ Черняевъ въ Парачинѣ, при мнѣ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Бѣлградъ, но за что именно — не знаю. Тѣмъ болѣе, это было въ такую критическую минуту — послѣ поспѣшнаго бѣгства изъ Делиграда, что и въ головѣ-то не до разспросовъ про награды, коль ѣсть нечего и дѣваться некуда было.

— А блондинъ, вотъ этотъ, съ баками, кто такой?

— Знаменитый маіоръ Метерсонъ, начальникъ Криветской позиціи, специалистъ по части отступленія и исчезновенія во время боя съ земной поверхности, когда того требуетъ опасность, — словомъ, человѣкъ находчивый.

— Что ни говорите, а у него все-таки есть Такова и золотая медаль за храбрость...

— Да и я, не отвергаю эту истину, — говорю вамъ только, чѣмъ онъ отличается...

— Мнѣ нравится вонъ тотъ, съ бородкой: не правда-ли — симпатичная личность.

— Это графъ К—ръ. Онъ кавалергардъ, если не ошибаюсь...

— Бывшій... а теперь офицеръ генеральнаго штаба.

Чѣмъ онъ тутъ командовалъ?

— Лѣвымъ флангомъ того отряда, который дѣйствовалъ подъ Зайчаромъ.

— О немъ, всѣ отзываются, какъ о знающемъ и хорошемъ офицерѣ.

— Я знаю его очень мало, но все, что про него слышала, оправдываетъ такіе отзывы.

— Ахъ, и вы здѣсь! радъ что васъ встрѣтилъ,— обратился ко мнѣ капитанъ генеральнаго штаба В—чъ *).

— Я-то живу въ Бѣлградѣ, неудивительно, что и здѣсь, а вы вотъ какими судьбами?

— Я пріѣхалъ по дѣламъ въ министерство, да такъ ужъ думаю, за одно запишусь и къ обѣду; не отставать же отъ другихъ...

— Какъ будто-то ужъ нарочно и не пріѣхали-бы—не будь дѣлъ въ министерствѣ, все равно обѣдъ-бы не пропустили—пріѣхали.

— Ничуть, и не подумалъ-бы. Да съ какой стати я-бы долженъ былъ ѣхать, растолкуйте! тѣмъ болѣе къ обѣду, хотя и названному „въ честь Черняева—отъ имени офицеровъ“, но вовсе не отъ ихъ имени, по моему; иначе и распорядитель былъ-бы военный, выбранный тѣми же, кто пожелалъ выразить генералу свою признательность — а не посторонній человекъ Лудовъ, записывающій кого попало! сами посудите... мало-ли тутъ охотниковъ найдется отобѣдать хорошенько, да еще съ шампанскимъ, — благо, денегъ впередъ не спрашиваютъ.

---

*) Тотъ самый Чупрійскій дѣатель, съ которымъ я возвращался изъ Делиграда и о которомъ говорится въ концѣ второй части.

— Найдутся-то многіе такіе... что говорить... —

— А въ такомъ случаѣ и обѣдъ этотъ нельзя назвать отъ имени офицеровъ, а просто отъ кого попало... —

— Мое личное мнѣніе, что въ этомъ обѣдѣ, названномъ „отъ имени офицеровъ“, кроется что-то не совсѣмъ понятное; что возложенная роль сыграна артистомъ весьма удачно, но не точно — кое-гдѣ оплошно, и что нужны не одни тѣ, съ коихъ получить деньги за обѣдъ есть надежда, а и остальные, хотя отрицательные въ смыслѣ платежа, но все-же лишнія единицы, способствующія составиться одному цѣлому, нужному на этотъ разъ больше прежняго.

— Мы съ вами одного мнѣнія объ этомъ фактѣ, который впослѣдствіи обнаружится какъ нельзя лучше, и который важенъ въ своемъ родѣ... Когда-же вы въ Россію собираетесь? спросилъ онъ неожиданно.

— Пока еще останусь здѣсь, а тамъ посмотрю... во всякомъ случаѣ уѣду не позже половины ноября.

— Вотъ вамъ и вычеркнули... неугодно-ли... явился, какъ ни въ чемъ не бывало, — обратился ко мнѣ тотъ самый доброволецъ, который за день, или два до обѣда, просилъ распорядителя вычеркнуть изъ списка давно ему извѣстнаго г-на В—ва.

— Да вы ко мнѣ-то что-же относитесь! скажите Лудову, это его дѣло, какъ распорядителя.

Доброволецъ исчезаетъ и вскорѣ возвращается уже съ Лудовымъ, котораго таща подъ руку, указываетъ ему, на горячо разсуждавшаго съ кѣмъ-то, г-на В—ва.

— Гдѣ онъ! гдѣ онъ!... ищетъ распорядитель, — на этотъ разъ, тонко играющій свою роль.

— Да вонъ онъ, развѣ не видите! указываетъ добровольца.

— Пусть его гуляетъ, мнѣ-то что до этого? Изъ списка онъ вычеркнуть — сдѣлалъ все, что въ моей власти — а остального, я не въ правѣ касаться—хотя бы того, что онъ сюда явился.

— Васъ вѣдь просятъ имѣть въ виду лишь то, что онъ пришелъ сюда, какъ ни въ чемъ ни бывало, пожалуй, и въ столовую не замедлитъ явиться, а вы о чемъ-то объ остальномъ толкуете!

— Хорошо, не беспокойтесь... церемониться не стану... увѣряю распорядитель.

— Вы знаете-ли, за что тотъ воть, высокій, съ розовыми щеками, острымъ носомъ и кривою головою, медаль получилъ, обратился ко мнѣ все тотъ же біографъ-доброволецъ, описавшій за полъ-часа перелъ тѣмъ кн. Гика и Метерсона.

— Вы, не про бывшего-ли лейбъ-гусара говорите—В—ва?

— Про него самого: а что, развѣ знаете, въ чемъ состоялъ его подвигъ?

— Не знаю. А въ чемъ?

— Въ томъ, что вдали отъ боя, онъ, утомленный физически и морально, усѣлся на камушкѣ преудобно, и поникъ въ глубокое раздумье о будущей судьбѣ,—полупѣвчимъ голосомъ принялся онъ описывать новаго героя.

— О какомъ камушкѣ вы рѣчь завели, я не понимаю.

— О томъ, на которомъ, во время боя, сидѣлъ удалой гусаръ.

— Все-жъ-таки, изъ вашей поэзіи, я не понялъ — въ чемъ заключается подвигъ гусара?

— Трудно было и понять что, не зная сути... Вотъ въ чемъ она заключается (принять онъ, наконецъ серьезный тонъ разговора): лихой гусарь, находясь со штабомъ на позиціи, во время боя 9-го октября, былъ посланъ съ приказаніемъ къ начальнику какого-то фланга, куда пробраться, безъ риска быть раненымъ или убитымъ, казалось, не легко; онъ и предпочелъ заблудиться, чѣмъ подвергаться явной опасности; понятно, утомившись и потерявъ надежду отыскать дорогу, что же оставалось и дѣлать-то, какъ не отдохнуть подальше отъ перестрѣлки; онъ отдохнулъ, конечно, а къ вечеру, съ прекращеніемъ огня, нашлась и дорога, по которой гусарь благополучно вернулся въ главную квартиру—гдѣ его и наградили медалью за храбрость.

— Вѣдь вы же не были одновременно съ нимъ посланы, а рассказываете, какъ будто были очевидцемъ!

— Не былъ, но знаю, какъ и всѣ въ штабѣ, про этотъ подвигъ, не ускользнувшій, можетъ быть, и отъ случайныхъ очевидцевъ.

— Да, но въ этомъ случаѣ не мѣшаетъ вспомнить пословицу: „не всякому слуху вѣрь“. Однако, не зазѣвались-ли распорядители—не зовутъ обѣдать такъ долго!

— Генералъ не пріѣхалъ, и не зовутъ — понятно. А вотъ странно, что никого нѣтъ тутъ ибарцевъ; сговорились будто, не показываться сегодня.

— Такъ ужъ, хотятъ угодить Новоселову.

— Ему-то что-жь отъ этого — будутъ-ли они тутъ, или нѣтъ!

— Особеннаго ничего; но все-же пріятнѣе, видѣть въ своихъ подчиненныхъ сочувствіе, чѣмъ равнодушіе, къ своимъ взглядамъ: онъ, вѣдь, не сошелся съ Черняевымъ съ самаго

пріѣзда своего въ Сербію—во взглядахъ-ли, или планѣ военныхъ дѣйствій, Богъ его вѣдаетъ; но разладъ между ними отразился и на арміяхъ ими командуемыхъ, даже, можно сказать, отразился вредно для дѣла, потому что высланныхъ изъ моравской арміи офицеровъ, самимъ главнокомандующимъ, г-лѣ Новоселовъ принималъ къ себѣ съ радостью, а нѣкоторыхъ изъ нихъ назначалъ даже своими адъютантами, какъ, напримѣръ, В — ва и многихъ другихъ добровольцевъ, заявившихъ себя въ моравской арміи съ самой темной стороны—не забудьте, въ моравской, гдѣ многое темное не замѣчалась вовсе, благодаря общимъ беспорядкамъ и произволу,—значить, хорошихъ субъектовъ. Положимъ, относительно ничтожное меньшинство дурныхъ могло не повліять на большинство хорошихъ — мирные и барцы остались вѣрны нравственнымъ принципамъ и дисциплинѣ—но одна безтактность главнокомандующаго, обнаружившаяся въ такомъ образѣ дѣйствій, породила болѣе серьезныя явленія — натянутость въ отношеніяхъ и барцевъ съ моравцами, пристрастную оцѣнку событій самими же участниками, и разность взглядовъ на одинъ и тотъ же вопросъ, а что всего важнѣе — фальшивые матеріалы и данныя для наблюденій — небезвредныхъ, можетъ быть, въ будущемъ, при оцѣнкѣ здѣшнихъ событій вообще.

— Куда бы мнѣ пальто свое дѣть, голубчикъ? спрашиваетъ меня юный офицерикъ, бывшій сослуживецъ по эскадрону.

— Да вотъ, хотя бы, кельнеру сдайте.

— Боюсь, — украдутъ, пожалуй!

— Для большей увѣренности, возьмите у него номеръ, а то, ко мнѣ въ квартиру снесите, будете покойны, по крайней мѣрѣ.

— Т-с-с-с-ы... генераль прїѣхаль — пожалуйста... вполголоса произнесъ распорядитель, помѣшавшій юному воину, предохранивъ свое пальто отъ воровства.

Все стихло. Дверь, ведущая въ торжественную залу, распахнулась, и скучившаяся масса участниковъ принялась протискиваться, какъ бы опасаясь, каждый за себя, что займутъ его мѣсто другіе; такая торопливость довела до положительной давки въ дверяхъ, а въ залѣ — до смѣшной съ виду суеты: всѣ мечутся, ищутъ своихъ мѣстъ, читаютъ, написанные неразборчивой рукой, билетки — гдѣ кому слѣдуетъ сидѣть, и все это совершенно бесполезно. Чтобы найти свое мѣсто, представлялось необходимымъ, обойти весь столъ кругомъ и прочитать всѣ ярлыки — иного выхода не предвидѣлось; участники поняли это скоро, и пошла потѣшная, но уже усиленная толкотня — съ наступаніемъ на ноги, опрокидываніемъ стульевъ, стягиваніемъ, по неосторожности, со стола повисшихъ до полу скатертей, сопровождавшимся паденіемъ тарелокъ, графиновъ, бутылокъ и тому подобной сервировки параднаго обѣда — съ оглушительнымъ трескомъ разбивающейся и умаляющей торжественную обстановку праздника. Я до того засуетился и занялся внимательнымъ прочитываніемъ ярлыковъ, что, не замѣчая, дошелъ до мѣстъ, предназначенныхъ для слишкомъ важныхъ особъ — въ родѣ начальника штаба, графовъ и князей, заслужившихъ имена героевъ делиградскихъ событій, и только вспомнивъ про неважную сановитость собственной персоны, опрометью кинулся бѣжать къ дверямъ, какъ бы предполагая найти возлѣ нихъ свое мѣсто — по старшинству чиновъ, вѣдь, и заслугамъ размѣщены, оказалось, участники обѣда, ну, а я, какъ неудовлетворяющій этимъ двумъ условіямъ, — тамъ, гдѣ нибудь..., поближе къ дверямъ найду свое мѣсто. И не ошибся я въ пред-

положеніи: — сюда, сюда, послушайте! вотъ ваше мѣсто, рядомъ со мною! — звалъ меня къ самымъ дверямъ юный офицерикъ, заботившійся недавно о своемъ пальто въ ресторанѣ.

— Да вы какъ-же такъ скоро, мѣсто отыскали?

— По вашему-бы приняться искать, и не найти-бы! за Черняевскимъ столомъ ярлыки читать вздумали, — упрекнулъ онъ меня, оплошного.

— Мнѣ откуда-же знать-то было, гдѣ именно искать свое мѣсто!

— Неоткуда и мнѣ, однако нашель-же! не пошелъ читать ярлыки за столомъ главнокомандующаго, а тутъ поближе къ дѣйствительности — между маленькими чинами...

— Ну да не о чемъ спорить — кто раньше нашель, тотъ и правъ: я радъ, что избавился отъ неопредѣленнаго положенія и сознаюсь, что обязанъ этимъ исключительно вамъ. Вотъ лишь въ чемъ неудобство, даже большое, что на сквозномъ вѣтрѣ сидѣть придется, эта неповоротливая прислуга дверей не затворяетъ вовсе.

— Выпить побольше слѣдуетъ, тогда и простуду минуешь, увѣрялъ юный офицерикъ. Ахъ, что же мы сидимъ-то, когда всѣ стоятъ у своихъ мѣстъ! напомнилъ онъ намъ, разсѣяннымъ, неловкость: мы встали.

— Чего они стоятъ, — не понимаю!

— Не безъ причины вѣроятно, угадалъ офицерикъ. Все ждало пока виновникъ торжества, стоявшій въ задумчивой позѣ за столомъ подлѣ своего мѣста, — скажетъ что нибудь собравшемуся здѣсь обществу, или же сядетъ за столъ, чѣмъ подастъ сигналъ остальнымъ сдѣлать тоже. Но генераль, одѣтый въ парадную форму сербскаго главнокомандующаго, съ русскимъ Георгіемъ на шеѣ, не сказалъ ни одного слова;

онъ, какъ-бы очнувшись отъ задумчивости, обвелъ глазами присутствующихъ и, молча поклонившись имъ, опустился въ кресло, — всѣ остальные послѣдовали его примѣру. Но спустя нѣсколько минутъ, когда уже во всякомъ зародилось убѣжденіе, что обѣдъ начался, — генераль снова всталъ и поднялъ всѣхъ на ноги, не сразу понявшихъ причину такой неожиданности.

— Это чего же ради! Не Миланъ-ли пріѣхалъ пожалуй! угадывалъ юный офицерикъ.

— Какой тамъ Миланъ—онъ не будетъ! отвѣтили незнакомый намъ доброволецъ.

— Вѣрно будетъ, говорить что нибудь...

— Кто это—Миланъ вы полагаете?

— Не Миланъ, а Черняевъ! и чего-бъ къ фразамъ придираться! обидчиво отвѣтилъ офицерикъ.

Предположеніе, что Черняевъ желалъ въ данную минуту сказать что нибудь, насъ обмануло; онъ поднялся привѣтствовать вошедшаго митрополита, и какъ только почетный гость занялъ свое мѣсто, генераль послѣдовалъ его примѣру, а за нимъ и остальные, увѣренные уже, что обѣдъ начался официально—Митрополитъ пріѣхалъ и благословилъ.

Лакейство (оборванное и грязное—нужно отдать справедливость) засуетилось, распорядители состроили озабоченныя фізіономіи, оркестръ грянулъ Черняевскій маршъ, разлившійся чистыми оглушительными звуками по всему зданію, общество, говорившее до сихъ поръ шопотомъ, почувствовало себя развязнымъ—и обѣдъ принялъ обычный видъ большого праздника. Оказавшіеся моими сосѣдами— юный офицерикъ и петербургскій мой знакомый отставной морякъ, человѣкъ весьма умный и солидный, да еще нѣсколько добровольцевъ помѣщавшихся рядомъ съ нами, и столько же противъ сидящихъ сербскихъ офицеровъ, какъ-бы дичившихся всего русскаго,—

составляли наше общество за столомъ, хотя и несвязанное между собою — ни отношеніями, ни взглядами нравственно, но тѣсно сдвинутое симетріей, близко разставленныхъ стульевъ и необходимостью мириться съ положеніемъ въ данномъ случаѣ; оно хотя и по-неволѣ, хотя и въ теченіи лишь обѣда, но составляло слабо скрѣпленную цѣлость, имѣющую распасться, какъ только представится случай. Нашъ полукругъ былъ лѣвою оконечностью стола, за которымъ, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ и отдаленія отъ насъ помѣщалось, по рангамъ, все болѣе важное общество — высшее военное сословіе; такъ что, приближаясь къ столу главнокомандующаго, зритель могъ ознакомиться со всѣми министрами княжества, главою духовной власти и всѣми, въ чьихъ рукахъ находились бразды правленія страной. — Не было лишь Милана, замѣнивашаго свое присутствіе генералъ-адъютантомъ, и военного министра — недруга г-ла Черныева. За такимъ-же продольнымъ столомъ у другой стѣны — противъ, соединяющимся параллельно съ нашимъ, со столомъ главнокомандующаго, помѣщалось такъ-же размѣщенное общество — отъ мала до велика, съ тою лишь разницею, что хитрый штабъ-офицеръ Штосманъ, разсчитывающій обратить на себя вниманіе генерала и получить изъ его милостивыхъ рукъ Такова, успѣлся нѣсколько произвольно — гораздо выше полковниковъ, словомъ, попалъ не въ свою сферу — но онъ вѣдь хитрый, попалъ туда съ цѣлью, которая, по іезуитскому закону, оправдываетъ средства.

Намъ, маленькимъ людямъ, приходилось теперь убѣждаться въ ничтожествѣ своего положенія — ощущать его въ желудкѣ: оборванцы — лакеи не слишкомъ торопились подавать на нашъ столъ что-либо; вниманіемъ ихъ и распорядителей пользовались болѣе солидные чины, а намъ — неважнымъ, оставалось

заняться разговоромъ и положиться на волю распорядителей и память полуцыяной прислуги. Вотъ на эту тему и завязался разговоръ между нами.

— Что супъ не несутъ такъ долго! удивлялся мой статскій знакомый.

— Я подозреваю, что намъ черезъ два-третье будутъ подавать...

— Если даже и такъ, то вѣдь начать должны съ перваго, во всякомъ случаѣ.

— Они и начнутъ съ перваго, а то какъ-же!

— Первымъ я понимаю — супъ, а не то, что имъ вздумается принести, — за недостаткомъ, можетъ быть сладкое даже...

— Ахъ, вы на супъ еще надѣетесь! А я такъ чему нибудь былъ-бы радъ; аппетитъ разыгрался, какого не запомню.

— И у меня, надѣюсь, не меньшій, но горе — ѣсть нечего; къ распорядителю-бы обратиться, что-ли! протестоваль голодный статскій.

— Вамъ все-таки ближе къ цѣли, хотя приборы поставлены, а у меня и того нѣтъ — были да прислуга убрала зачѣмъ-то... недоумѣвалъ другой сосѣдъ.

— Чего это ради распорядители засуетились; пріѣхалъ кто нибудь что-ли, да нѣтъ-же — всѣ, кажись, на-лицо.

— Не приглашень-ли кто изъ дамъ высшаго круга, къ обѣду?

— Кромѣ кн. Натальи и м-мъ Карцевой, тутъ никого нѣтъ болѣе изъ высшаго круга, а онѣ, я полагаю, если и удостоились приглашенія, то не поѣдутъ обѣдать, во-первыхъ, безъ мужей, а во-вторыхъ — туда, гдѣ присутствуютъ одни мужчины — и къ тому-же незнакомые.

— Вы забыли про м-мъ Монтеверде, которая по по-

положенію своего мужа, безспорно можетъ быть причислена къ числу дамъ высшаго круга, и которая, мнѣ кажется, не отказалась-бы отъ такого приглашенія.

— Въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь, но что касается правъ ея—быть причисленной къ обществу высшаго круга, то не вижу ихъ, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ положеніи этой Діаны.

— Если вы знаете даже про ея прошлое, то въ такомъ случаѣ я уступаю, какъ руководившійся лишь настоящимъ положеніемъ м-мъ Понтеверде.

Дожидавшіеся у дверей распорядители имѣли свое основаніе, какъ оказалось; въ залу вошелъ министръ иностранныхъ дѣлъ Ристичъ, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ какимъ-то орденомъ на шеѣ, и, сухо поклонившись подлетѣвшимъ на встрѣчу распорядителямъ, остановился на минуту, какъ-бы отыскивая глазами кого-то въ пространствѣ, а послѣ скорыми шагами направился къ столу, за которымъ сидѣлъ Черняевъ и остальной сановный кружокъ.

— Ну ужъ министръ, мало похожъ на сановника... никакой представительности! остался не доволенъ фигурой министра, молоденькій офицерикъ.

— Вы пристрастно относитесь къ нему; онъ далеко не лишенъ нѣкоторой представительности, — конечно, въ своемъ родѣ, но все-же, она есть...

— Нѣкоторой — да... лучшаго портного въ Петербургѣ, или оберъ-кельнера въ хорошемъ ресторанѣ, но не министра иностранныхъ дѣлъ — послѣдней, онъ лишенъ безъ сомнѣнія.

— Я вѣдь сказалъ — нѣкоторой, не опредѣляя, какой именно — можетъ быть и той самой, которую вы въ немъ признаете.

— Не лучше-ли, господа, оставить эту характеристику

на-послѣ, не совѣмъ подходящую, въ данную минуту, когда насъ слушаютъ не одни русскіе, а и сербы, и безъ того уже недовольные...

Принявшіеся разбирать фигуру министра собесѣдники послушались моего совѣта — замолчали. Отчасти они были и правы, что Ристичъ мало походилъ на сановника: въ немъ средняго роста, брюнетъ, съ закрученными въ верхъ усами, длинными бакенбардами и англійскимъ проборомъ, проглядывала представительность — хотя нельзя сказать изящная, а на лицѣ, еще нестаромъ, обличавшемъ челоѣка среднихъ лѣтъ, читался умъ — правда обусловленный примѣсю хитрости и какъ-бы сжатостью взглядовъ на вопросы, выходящіе изъ границъ заученной имъ политики — но все вмѣстѣ взятое, кажись и недюжинное, неоставляло достаточныхъ данныхъ, казаться министромъ иностранныхъ дѣлъ — парикмахерство проглядывало въ его манерѣ — вотъ въ чемъ горе.

Вскорѣ послѣ министра, вошелъ мѣстный архіерей и, окинувъ ищущимъ взоромъ присутствующихъ, направилъ шаги къ сановному столу, но на полъ-дорогѣ набросившіеся со всѣхъ сторонъ распорядители во главѣ Лудова, уступившаго наконецъ терпѣнію долѣе отказываться отъ коньяку, вернули оторопѣвшаго пастыря и усадили за столъ рядомъ съ нами. Моментальное дѣйствіе этой сцены казалось до того смѣшнымъ, что многіе неуждержались — фырынули со смѣху, чуть не въ лицо пришедшему въ себя сконфуженному архіерею.

— Не перепились-ли они, послушайте — не помнятъ что дѣлаютъ... какъ-же можно!.. удивлялся морякъ, видимо взволнованный выходкой распорядителей.

— Одинъ-то отвѣдалъ коньячку — Лудовъ, это видно, а вотъ про остальныхъ не знаю...

— Да всѣ они, должно быть, пьяны! трезвый челоѣкъ

не позволить себѣ такую безцеремонность, тѣмъ болѣе съ лицомъ, заслуживающимъ на уваженіе по одному своему положенію; не здѣсь, а тамъ его мѣсто, указалъ онъ, на сановный столъ. Но и моряку суждено было испить чашу непріятности за обѣдомъ—въ такой ужъ должно быть, часъ торжеству положено начало—не иначе. Ему вотъ какую: неповоротливый лакей съ грязными руками, большимъ носомъ, растрепанною головою и заспанною фізіономіей принесъ намъ, наконецъ, небольшую вазку супу и не успѣлъ онъ еще поставить на столъ давно желанное морякомъ первое блюдо, какъ надъ его же головою пролилъ эту жидкость, пораженный хотя и нечаяннымъ, но сильнымъ толчкомъ расхोлившагося распорядителя Лудова, неосторожно укрощавшаго, провинившагося въ чемъ-то, другого оборванца—лакея. Тутъ произошло нѣчто комичное: облитый горячимъ супомъ морякъ вскочилъ на ноги, готовый кинуться на лакея, который, ошеломленный свирѣпымъ видомъ своего противника, уронилъ вазку на полъ, разлетѣвшуюся въ дребезги, отъ паденія; поза двухъ неравныхъ противниковъ длилась недолго, они какъ-бы въ одно время пришли въ себя и лакей недожидаясь, по всей вѣроятности, плачевной развязки, опрометью кинулся бѣжать изъ залы, а морякъ догонять свою жертву, ускользнувшую въ дверяхъ, благодаря подвернувшемуся на пути Лудову, съ которымъ разъяренный и столкнулся лицомъ къ лицу: „милостивый государь, какъ вы смѣете.... вы будете помнить.... я васъ непонимаю.... я колотилъ его.... отстаньте, наконецъ“!... Что-то въ этомъ родѣ произошло между ними, скоро, впрочемъ, понявшими другъ друга. Морякъ, нѣсколько пришедшій въ себя, вернулся къ намъ, въ одинъ голосъ напавшимъ на него, главнаго виновника, въ разлитіи перваго блюда;—но ему, облитому горячимъ жирнымъ супомъ, было не до разговоровъ: онъ завязалъ

мокрую голову салфеткой и, не отвѣчая ни на чьи протесты, вышелъ поспѣшно изъ залы, пробормотавъ на ходу съ особенно рѣзкимъ удареніемъ — „мерзавцы“.... не знаю ужъ, почему во множественномъ числѣ, а не въ единственномъ — Ну, да вѣдь и каждый изъ насъ, на его мѣстѣ, владѣль-бы собою не больше...

— Молимъ супу! не теряя надежды офицерикъ, обратившійся теперь къ другому уже лакею, замѣнившему виновника всѣхъ золъ.

— Нѣмамъ, господине супу, сать донесю потраву (сейчасъ принесу жаркое).

— Вотъ неудбно-ли... онъ меня потравой угощаетъ — четвертымъ блюдомъ вмѣсто перваго!

— Пусть его несетъ, что угодно — закусить бы только, а то, тошнить начинается.

— За что-жь, полтора дуката съ персоны — спрашивается! не за то-ли, что голодомъ морять! чертъ-бы побралъ ихъ...

— Да, замолчите... видите, всѣ встали — тость, вѣрно за кого нибудь будетъ...

— Пусть ихъ встанутъ! мнѣ-то, не все ли равно — голодный, тостомъ неудовольствуюсь, заключилъ офицерикъ, и какъ бы заставленный общимъ примѣромъ, вяло всталъ со стула.

— Я предлагаю тость за процвѣтаніе сербскаго королевства, живіо! произнесъ генераль, трогательнымъ тономъ, вызвавшимъ, нѣсколько разъ повторившееся вялое „живіо“.

— Хотя-бы онъ потраву-то эту подаль! желали уже всѣ единогласно, и оборванный лакей, какъ бы исполняя общее желаніе голодныхъ участниковъ обѣда, принесъ давно обѣщанную потраву — какой-то сырой застывшій соусъ — на половину уже съѣденный кѣмъ-то.

— Каковъ артистъ!... оставшимися объѣдками подчуешь!

— И этимъ будьте довольны — все-же лучше, чѣмъ ничего-бы не дали.

— Чего же ради по вашему, мнѣ-то быть довольнымъ! не этимъ-ли соусомъ, за полтора дуката — какъ вы скажете?

— Да хотя-бы и этимъ, то во всякомъ случаѣ цѣли достигнетъ больше — будетъ сытъ, чѣмъ протестами ни къ чему неведущими.

— Я вѣдь плачу деньги.... какъ это ни къ чему неведущими! расходился офицерикъ не на шутку.

— На васъ обращаютъ вниманіе — примутъ мѣры — чего добраго...

— Какія тамъ мѣры... ѣсть пусть даютъ! — взяли деньги, нечего о мѣрахъ думать — ѣсть, пить, вотъ мѣры, за дорогую копѣйку! кричалъ офицерикъ — чуть-ли, не исполнившій уже, послѣднее свое требованіе...

— Пока, успокойтесь, а то бесполезно вѣдь терять кровь задаромъ.

— Вотъ еще!... вздумали совѣты предлагать... успокойтесь... какъ-бы про себя возразилъ офицерикъ и, не обращая вниманія на всѣхъ вставшихъ, по примѣру генерала, упорно продолжалъ сидѣть и бормотать, небезосновательные упреки объѣду (для насъ номинальному) и всему, что касалось праздника. Я, сосредоточившій свое вниманіе на стоявшемъ неподвижно, какъ-бы собиравшемся съ мыслями г-лѣ Черняевѣ, недослушала еще многое, о чемъ бормоталъ недовольный — былъ занятъ другимъ, болѣе интереснымъ.

„Съ возрожденіемъ славянскаго возстанія на Балканскомъ полуостровѣ, противъ рабства и угнетеній (началъ генералъ свою рѣчь, ровнымъ, прочувствованнымъ голосомъ), когда Сербія, съ

цѣлью поддержать славянскую борьбу, рѣшилась объявить войну Турціи, она располагала весьма слабыми силами, всего пятью тысячами постоянныхъ войскъ. Рѣшено было призвать милицію къ оружію, произвести усиленную мобилизацію и выставить пятидесятитысячную дѣйствующую армію... Я принялъ начальство надъ войсками, — молодыми, необученными и неорганизованными; Сербія — маленькое княжество, въ родѣ одной какой-нибудь русской губерніи, объявила войну государству, располагающему полумиліонной, хорошо организованной арміей: силы были неровны... началась война!... войска дрались отчаянно. Сербская армія, во столько разъ слабѣе непріятеля, держалась два мѣсяца — одна, безъ помощи, отстаивая каждую пядь своей территоріи... Завязалась серьезная борьба. Каждое сраженіе обходилось намъ дорого, кровь лилась ручьями; въ офицерахъ была существенная нужда и милиціонную армію некому было учить — она нуждалась во всемъ, даже въ пищѣ, стала слабѣть въ неравной борьбѣ съ противникомъ — во всемъ ее превосходившемъ... Наконецъ, откликнулась помощь въ Россіи!... оттуда явились волонтеры, посыпались денежныя пожертвованія, стало легче. Но и непріятель не дремалъ: онъ подкрѣплялъ свои войска новыми силами изъ Египта, подвозилъ провіантъ, снаряды, и, хорошо изучивъ мѣстность и наше положеніе, перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ: послѣ нѣсколькихъ сраженій, овладѣлъ сильными позиціями и заставилъ насъ отступить. (Подразумѣвается сдача Дюниша и отступленіе изъ Делиграда). Казалось-бы, что все уже потеряно!... (продолжалъ генераль болѣе звучнымъ голосомъ), — нѣтъ, еще не все!... сыгранъ лишь, первый актъ кровавой драмы — еще не все!... Непріятель не предпринялъ ничего особеннаго (?); онъ занялъ сербскую территорію, — лишь на одинъ переходъ... Еще много есть данныхъ,

даже для самостоятельной войны княжества! (?): многое то, что теперь кажется потерянным — еще возродится и достигнет своей цѣли. Я отношу это будущее къ результату, достигнутому сербскимъ оружіемъ!.. къ тому, что славянская кровь на поляхъ неравной борьбы пролилась не даромъ!... и пью съ вами, за здоровье сербской арміи... „ура!...“ произнесъ генераль, крайне разстроенный воспоминаніемъ кроваваго прошлаго. „Ура, ура“, повторилось неохотно русскими, не вполнѣ раздѣлявшими такой взглядъ генерала и, наоборотъ, — долго неумолкаемое „живіо“, воодушевленными сербами — еле понявшими русскую рѣчь оратора.

— Вотъ-такъ тостъ, за здоровье удравшей въ кусты арміи!... лучше-бъ выпилъ за ея находчивость — всѣмъ извѣстную, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ не политичный, замѣнившій моряка, мой сосѣдъ, уже успѣвшій выпить, и за находчивость и за все...

— Вы-бы потише съ высказываньями, а то скандалъ можетъ выйти...

— Уже и вышелъ!... Дюнишь безъ боя уступили, и армія натрагъ, безъ оглядки... По моему, тутъ и стѣсняться-то не чѣмъ.

— Молимъ васъ, донесете потраву! проявлялъ аппетитъ офицерикъ.

— Нѣмавъ господине, отвѣчалъ апатичный оборванецъ, способный возмутить самую тихую натуру.

— Ну, такъ жаркое подавай!....

— Молимъ почекате, господине.

— Будешь ты у меня помнить, почекать... погоди... насъ угостили какой-то холодной мерзостью, а тамъ вонъ,

глядите-ка... (рыбу уже подаютъ: дѣло къ концу, какъ видно...

— Туда, батюшка, не смотрите, рыбой не соблазняйтесь... То — начальство, а мы подчиненные: разница большая...

— Помилуйте! за мои деньги!... на что это похоже... нахальный обманъ, и желаніе воспользоваться чужимъ кошелькомъ!...

— Да не такимъ-же тономъ, послушайте! сами себя вѣдь конфузите... не вы одинъ голодаете... подумайте...

Послѣ этихъ, не слишкомъ сдержанныхъ протестовъ проголодавшихся, намъ подали какое-то жаркое, но до того твердое, пригорѣвшее, что ѣсть его въ такомъ видѣ — даже голодному, было невозможно; зубы оказались, слишкомъ слабымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ. Пришлось помириться съ мыслью, что не лучше-ли, и отказаться отъ жаркого, требующаго такихъ неимовѣрныхъ физическихъ усилій при поглощеніи.

— Не выпьемъ-ли мы красненькаго?... предложилъ офицерикъ, угадавшій общее желаніе голодныхъ. Вотъ вамъ, стаканчикъ. За общее здоровье и отвѣдаемъ, подаль онъ налитый стаканъ моему сосѣду.

— Не мѣшало-бъ, да вино-то, кажется неважное — многимъ лучше квасу... фу... какая-же гадость!... попробуй-те, чѣмъ угостили плуты... про себя уже произнесъ, испытывшій вкусъ красненькаго. Но офицерикъ съ-осторожностью наклоняется губами къ стакану, и пробуетъ — да такъ усердно, что выпиваетъ почти до половины: — И въ самомъ дѣлѣ, какія-же помои!... да это, наконецъ, нельзя такъ оставить; послушайте! послушайте!... зоветъ онъ кого-то, приподнявшись со стула и свѣсившись всей тяжестью своей фигуры, на близидящаго сосѣда.

— Кого вы тамъ зовете?... погодите, послѣ скажемъ!... вопрошаетъ, придавленный позою, увлекшагося офицерики.

— Отстаньте вы, съ совѣтами! послѣ скажемъ... Послушайте! откуда вы взяли такую гадость, что пить невозможно? Неужели, такіе-же помои и Черняеву даетъ?... вѣдь мы деньги платимъ!... обращается онъ, къ пришедшему на зовъ распорядителю Лудову.

— Много, вы платите... какъ-же-съ... своимъ карманомъ придется отдуваться, васъ поди ищи послѣ... Знаемъ мы такихъ плательщиковъ — видали-съ... уходя уже произнесъ Лудовъ, недослушавъ дальнѣйшихъ возраженій недовольныхъ.

— Какъ онъ смѣетъ, говорить дерзости! Я ему мор... разобью!

— Да онъ вѣдь и правъ, что увѣренъ въ такомъ исходѣ: сами видите какой народъ обѣдаетъ — есть-ли надежда на полученіе: хорошо, если изъ десяти одинъ заплатитъ. Все народъ безпардонный, платежей не признающій...

— Мнѣ-то что за дѣло? Я плачу и требую за свою копѣйку, а съ остальными пусть его вѣдается, коль впередъ денегъ не спрашивалъ.

— Въ томъ числѣ и съ васъ вѣдь, не спрашивалъ.

— Конечно нѣтъ, но я готовъ заплатить, когда угодно!... кипятился офицерики.

— Вопросъ еще нерѣшенный — заботится-ли онъ и о платежѣ-то особенно, пожалуй — нѣтъ; а просто мы съ вами нужны для счету: на насъ, по этому, и не обращаютъ вниманія.

— Ну да всежъ таки, до этого намъ нѣтъ дѣла: мы требуемъ за свои деньги и больше, знать ничего не хотимъ!...

— Да перестаньте вы спорить, ради Бога! Тамъ вонъ

тостъ провозглашаютъ, а вы орете во всю глотку, отозвался выведенный изъ терпѣнія сосѣдъ офицерика.

— И пусть ихъ... съ тостомъ... чертей безголовыхъ!... Теперь, генераль предлагать тостъ за здоровье князя Милана и его министровъ: оглушительное „живіо“ было отвѣтомъ воодушевленныхъ сербовъ, и вялое „ура“ недовольныхъ русскихъ, кричавшихъ приличія ради.

— Надоѣли они мнѣ съ этими дурацкими тостами... пьютъ за всѣхъ, и не пьютъ за здоровье того, кто спасъ цѣлыя тысячи людей отъ мученій, и княжество отъ погрома и разоренія!... отозвался кто-то изъ нашей компаніи.

Казалось-бы, что сказано не ясно, однако всѣ поняли о комъ идетъ рѣчь: не пили, за здоровье русскаго Императора, спасаго своимъ грознымъ ультиматумомъ къ Портѣ, Сербію отъ разоренія и народъ, отъ мученій. Такой промахъ со стороны лицъ — вѣдать сіе должныхъ — грустно отозвался въ русскихъ сердцахъ; каждый чувствовалъ себя обиженнымъ и ропталъ въ душѣ на Черняева. — Вѣдь ему, и никому другому — слѣдовало, объ этомъ помнить!...

— Выпьемъ господа, сами, за здоровье Государя! наше истинное желаніе отзовется на его здоровья. Непомню, кто изъ насъ предложилъ этотъ тостъ, — но помню, что всѣ мы молча, мгновенно встали, наполнили бокалы, чокнулись и, пожелавъ другъ другу скорого возвращенія въ Россію, выпили ихъ до дна.

— Вы угадали, что не всѣ блюда намъ будутъ подавать, а чрезъ два — третье, такъ оно и есть: жаркимъ какимъ-то дохлымъ утѣшили и конецъ обѣду... на пирожное надѣйся... Имате печеню, молимъ васъ, господине (нѣтъ-ли у васъ жаркого, господинъ)?... упрасивалъ отошавшій офицерикъ.

— Немамъ печени, господине, отвѣтилъ лакей съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Громко высказываемый ропотъ недовольными — въ большинствѣ голодными участниками, полушьяная, оборванная прислуга и бушующій нравъ распорядителей, — придали обѣду весьма неприличный видъ; а эти нескончаемые тосты и рѣчи, безъ данныхъ и здраваго смысла, — еще болѣе содѣйствовали скандальному характеру искусственной оваціи.

Теперь вѣдь тоже встаю, какъ и другіе, слушать чью-то рѣчь и пить за чье-то здоровье: ахъ, вотъ чью.... министра иностранныхъ дѣлъ. Новый ораторъ утомилъ всѣхъ таки-порядкомъ; онъ, по сербски началъ свою рѣчь, построенную на политическихъ соображеніяхъ, повторяя ежеминутно слово „результаты“. Всѣ русскіе знали, что результаты плохіе и, не понимая причины такого частаго употребленія этого слова въ рѣчи министра, были крайне недовольны его безтактнымъ ораторствомъ за обѣдомъ, на языкѣ — специально никому непонятномъ за заключеніемъ присутствующимъ тутъ сербовъ, — мало того, что немногихъ, но такихъ же гостей, какъ и онъ, обязанныхъ примѣняться къ преобладающему большинству хозяевъ — русскихъ: слѣдовало говорить по французски, а всего лучше по русски; говорить же на языкѣ никому непонятномъ — значило пренебрегать обществомъ, къ которому относилось эта рѣчь. Такъ понималъ каждый изъ насъ, слушавшій предлинную канитель сербскаго дипломата — и наружностью-то своей антипатичнаго. Но вотъ, желанная минута настала — ораторъ замолчалъ и, поднявъ бокаль, предложилъ тостъ за здоровье г-ла Черняева — принятый, — нужно сознаться, не такъ, какъ того ожидали искусственные актеры — понятые уже читателемъ полагаю.

Послѣ этой томительной рѣчи, говорили еще и другіе министры, а одинъ изъ нихъ — народнаго просвѣщенія — даже очень удачно и кстати: онъ, къ удивленію своихъ соотечественниковъ, приподнял бокаль и, обратясь къ присутствовавшимъ, произнесъ, чистымъ русскимъ языкомъ: „Я сознаю, что въ настоящей нашей борьбѣ съ Турціей, самое живое участіе принимали русскіе, явившіеся сюда не изъ разсчетовъ, а изъ сочувствія къ намъ — единовѣрцамъ и желанія, помочь въ борьбѣ за идею; сознаю, что участіе это дорого обошлось — имъ самимъ, пролившимъ немало крови, или сошедшимъ въ могилу, а еще дороже тѣмъ, кто потерялъ въ нихъ близкихъ и дорогихъ своему сердцу! сознаю, что помощь, оказанная ими и ихъ отечествомъ — Россіей, спасла насъ отъ окончательной гибели!... Сознаю это все, и считаю для себя особеннымъ удовольствіемъ выразить вамъ, братья-русскіе, нашу искреннюю благодарность, и предложить тостъ за здоровье безкорыстныхъ и самоотверженныхъ нашихъ братьевъ русскихъ... ура! “ .... Сербы поддержали министра довольно усерднымъ „ура“ — хотя по всей вѣроятности — не истиннымъ, а — политичнымъ. Но какъ-бы то ни было, а тостъ этотъ произвелъ отрадное впечатлѣніе на русскихъ: „нашелся же хотя одинъ, обратившій вниманіе на лужи нашей крови — пролитой многими хотя и не по убѣжденію, но въ той же борьбѣ за идею — слышались высказыванія, въ этомъ родѣ.

Не успѣли мы еще обмѣняться впечатлѣніями недавняго факта, какъ выступилъ на сцену юный славянофилъ Д — нъ, слывшій здѣсь за представителя славянскаго комитета и родственника, какого-то важнаго сановника въ Петербургѣ. Но, прежде чѣмъ повторю его рѣчь, расскажу кое-что объ этой интересной, похожей на женщину фигурѣ.

Еще въ Делиградѣ, я встрѣтился въ штабѣ съ какимъ-

то, въ сербской формѣ, средняго роста, блѣднымъ, сухощавымъ юношей, съ маленькими, хитрыми, черными глазками, тоненькимъ, какъ у ребенка, голоскомъ, широкимъ, бѣлымъ, болѣзненнымъ ртомъ и чистымъ лицомъ отъ природы — не одарившей еще его, ни усами, ни бородой. На первый взглядъ онъ казался даже не „нимъ“, а „ней“ — четырнадцати лѣтней слабосильной дѣвочкой; но въ то же время, эта маленькая, слабая фигурка произвела на меня непріятное впечатлѣніе; а когда я узналъ, что ей уже двадцать семь лѣтъ, то присоединилось еще подозрѣніе — не фантазія-ли это природы? не соединены-ли въ ней женскій и мужской полъ вмѣстѣ?... Вотъ этотъ-то юноша, по слухамъ и былъ присланъ въ качествѣ представителя славянскаго комитета (не знаю ужъ какого: кажется, — петербургскаго). На немъ теперь красовалась „медаль за храбрость“, обратившая общее вниманіе на его фигуру; все заговорило объ выступившемъ на сцену ораторѣ, напомнившимъ кое-что прошлое, изъ своихъ похаживаній въ Сербіи: „Кто это тамъ выступилъ на сцену?“ слышались вопросы любопытныхъ.

— Д—нѣ... отвѣтилъ кто-то изъ нашихъ.
— Какой Д—нѣ?... не тотъ-ли мальчикъ, который былъ въ Делиградѣ? спросилъ офицерикъ, принявшій наконецъ участіе въ разговорѣ, послѣ продолжительнаго и упорнаго молчанія.
— Тотъ, самый.
— Онъ въ качествѣ кого-же вздумалъ проявлять краснорѣчіе?...

— Да онъ вѣдь представитель славянскаго комитета, о чемъ вы, я думаю, слышали.

— Слыхалъ, но не вѣрилъ; тѣмъ болѣе, послѣ того по—

ступка, какимъ онъ отличился подъ Зайчаромъ, и нельзя было вѣрить въ такое представительство.

— Что-жь съ нимъ случилось, подъ Зайчаромъ?

— Да замолчите вы наконецъ!... будетъ вѣдь время рассказамъ—не теперь, когда рѣчь изъ-за васъ нельзя слушать! напомнилъ я біографамъ прошлаго Д—на, и перенесъ свое вниманіе на него, обратившагося къ Черняеву съ такою рѣчью:—„Славяне, давно уже ищутъ самостоятельности.... они еще въ сороковыхъ годахъ (?) пытались возстать противъ рабства.... о славяне!... о свобода!... (пауза и тихій общій смѣхъ) теперь когда настало время—они снова идутъ впередъ за самостоятельность!... (?) Вы, генералъ, первый стали во главѣ ихъ и повели сражаться за идею! на вашъ призывной голосъ, отозвались многіе въ Россіи и пришли подъ ваши знамена, на помощь угнетеннымъ братьямъ!.. Вы за свободу, за славянъ и за идею! Вотъ почему (объясняетъ онъ непонятное) я предлагаю тостъ за здоровье вождя славянскаго движенія, г-ла Черняева.... ура!... заключилъ ораторъ высокимъ теноромъ, оборвавшимся на срединѣ.

— И вздумалъ вѣдь нести всякій вздоръ!... слушая за него стало совѣстно. Я удивляюсь терпѣнію этихъ господъ выслушивать такіе речи — смѣшные по меньшей мѣрѣ въ данномъ случаѣ, невыдержалъ — вспыхнулъ офицерикъ.

— За здоровье Николаевского кавалерійскаго училища!... ура!... къ общему изумленію провозгласилъ кто-то изъ добровольцевъ неожиданный тостъ — надо полагать выпившій уже не за одно кавалерійское....

— Это, что такое!... слышалось отовсюду.

— Новый кандидатъ какой-то, вызвался вспомнить старину.

— Видно, слушалъ ораторскія рѣчи, пока могъ — въ

концѣ надоѣло—дай, думаетъ, провозглашу тостъ и я,—на мой взглядъ, болѣе искренній, чѣмъ всѣ остальные.

— Забавно, что ужъ ни говорите въ его пользу.

— Да забавно, я съ этимъ согласенъ — но искренно, отъ души, вотъ что важно.

— Вы общались рассказать про какой-то поступокъ Д—на.... теперь ни что не мѣшаетъ, рассказали-бъ.... присталь къ офицеру все тотъ же любопытный, его ви-за-ви.

— Видите-ли... (началь офицери). Въ послѣднее время онъ былъ прикомандированъ къ отряду, расположенному подъ Зайчаромъ, гдѣ въ качествѣ борца за идею болтался при штабѣ — искусномъ, какъ вамъ извѣстно, въ выборѣ для себя такой мѣстности во время боя, гдѣ, какъ говорится и волки сыты, и козы цѣлы — штабъ въ безопасности и боемъ руководить можно. Но дѣло въ томъ, что 17-го или 18-го числа во время общего бѣгства, г-нъ Д — нъ отбился отъ штаба, потерялъ лошадь и, пѣшкомъ удирая, рисковалъ попасть въ руки башибузуковъ; но судьба улыбнулась — онъ набрелъ на привязанную къ дереву засѣдланную лошадь, на которую вскочилъ и ускакалъ, несмотря на крикъ ея хозяина — раненаго офицера нашего эскадрона, бывшего тутъ, не вдалекѣ отъ лошади.... Вотъ это каковъ представитель гуманнаго учрежденія!....

— Вы увѣрены-ли, что было такъ, а не иначе? спросилъ я съ большимъ недоувѣріемъ къ разсказу.

— Въ отрядѣ, всѣ, въ одинъ голосъ, скажутъ вамъ про него тоже! Наконецъ и офицеръ нашего эскадрона, пропавшій безъ вѣсти, — не секретъ я думаю...

— Да..... все можетъ быть и такъ; но безусловно въ этотъ фактъ я не повѣрю; не смотря даже на то, что лич-

ность Д — на производить на меня, непріятное впечатлѣніе и наводить на многія догадки не въ ея пользу.

— Безъ причины не стануť и говорить — повѣрьте: ужь коль такая молва въ отрядѣ, значить — не даромъ....

— Молва хотя и не бываетъ безъ основанія, но и не даетъ же данныхъ вѣрить въ нее, какъ въ безусловную истину — часто порочащую человѣка, почти невинно. Такъ и теперь: я выслушалъ вашъ разсказъ, какъ интересную молву про Д — на, и придаю ей даже нѣкоторое значеніе, но не вѣрю безусловно и не считаю себя въ правѣ судить объ этомъ человѣкѣ, на основаніи подобнаго факта — весьма сомнительнаго свойства.

— Вообще про него носятъ странные слухи: говорятъ напримѣръ, что онъ двоякаго рода...

— Ну, да это что же.... тутъ ужь наружность причиною.

— Мнѣ съ голоду спать захотѣлось, сообщилъ дремавшій, ви-за-ви офицера.

— Нечего и дѣлать больше, за такимъ обѣдомъ, какъ спать — не ощущать бы голода; но бѣда, вотъ, что и этому мѣшаютъ: рѣчамъ-бы этимъ конецъ положилъ кто — слушать надоѣло. Теперь вонъ тоже, неугодно-ли наслаждаться краснорѣчіемъ новаго оратора! Этакіе нахалы, подумаешь!

— Чѣмъ краснорѣчіемъ?

— Да, Остроградскаго! развѣ не видите, что подошелъ къ Черныеву съ бокаломъ?

— Онъ изъ начальствующихъ, что-ли?

— Да, онъ главнокомандующій.

— Да нѣтъ же!... Я говорю, объ Остроградскомъ?...

— Ахъ, это немъ... Какъ будто для того, чтобы сказать рѣчь, или предложить тостъ за этимъ обѣдомъ, необ-

ходимо быть начальствующимъ, или пользоваться какими нибудь данными для этой роли—ничуть!.... Подходи, кто жа-
лаеть и вали съ плечъ, что вздумается—къ итогу пригодится.

„Я позволяю себѣ обратиться къ вамъ, генераль, съ благодарностью отъ славянъ, за ваши услуги (понесъ ораторъ какую-то неслыханную доселѣ чушь). Славяне, жаждущіе повсюду на земномъ шарѣ высказать свою самостоятельность, только теперь могутъ осуществить это желаніе... Тормозившая до сихъ поръ оболочка (?)... прорвалась и потоки самостоятельности (его глупости) полились... о время, идея, и славяне!.. Выпьемъ за здоровье генерала Черняева... ура!.. вскрикнулъ ораторъ, въ единственномъ числѣ, во всю глотку. Всѣ переконфузились этой рѣчью и никто не рѣшился отозваться на тостъ, наполненный капитальною глупостью г-на О—го,—такъ сказать, дали понять ему, что не за свое дѣло взялся; но понялъ-ли онъ?.. вопросъ нерѣшенный, потому что, опорожнивъ свой бокалъ, видимо ничуть не унывая, онъ вернулся къ столу и, усѣвшись, предался оживленной бесѣдѣ—вполнѣ довольный собою.

— Ну и наговорилъ-же... просто совѣстно стало! слышалось чье-то изумленіе.

— И охота-же соваться, когда двухъ словъ сказать неспособенъ!.. сидѣль-бы — не мыкался... другихъ-бы не конфузили!

— Вы вотъ и порѣшили: сидѣль-бы—не мыкался... онъ судить по своему: „скажу, думаетъ, что нибудь, все-жъ обратятъ вниманіе, назовутъ фамилію, спросятъ, кто говорилъ“; а такимъ господамъ того и надо; они вѣдь бьютъ на газеты — прослыть-бы только, а кѣмъ и чѣмъ — имъ все равно... повѣрьте—протестовать не станутъ.

— Да, но такихъ господъ слѣдуетъ останавливать, а

не выслушивать чужь ни съ чѣмъ несообразную!... не заставлятъ, наконецъ, другихъ ее слушать!..

— Кто выслушиваетъ, тотъ, вѣроятно, не одного съ вами мнѣнія—находить, что это не чужь, а переданная недаровитымъ депутатомъ, истина...

— Можетъ быть и такъ. Но вѣдь для того, чтобы понять эту рѣчь въ такомъ смыслѣ, нужно быть недалекимъ, или честолюбивымъ не въ мѣру! даже больше—нужно забыться и увлечься несуществующимъ!..

— Ш-ш-ш... пронеслось по всей залѣ и все замолчало.

„Благодарю васъ отъ души (началь генераль, обращаясь ко всѣмъ вообще), за вашу истинную помощь, молодой арміи... за то, что вы, насколько могли, руководили ею въ бою—и за безусловное исполненіе моихъ приказаній... Вы знаете, что славяне имѣютъ много враговъ, препятствующихъ ихъ объединенію... выйдемъ же за единство славянъ и угнетенныхъ нашихъ братьевъ!.. ура!“..

Этотъ тостъ былъ принятъ единодушно, и съ большимъ энтузіазмомъ; все чокалось, выпивало, снова наливало и поддерживало не скоро смолкшее „ура“.—Хотя нужно отдать справедливость, что большая половина обѣдавшихъ была такихъ, которымъ угнетенное славянство и его объединеніе на столько же чуждо, на сколько каждому изъ насъ—величіе, казого нибудь Абдуль-Гамида; но тутъ и такая половина чокалась, пила и кричала. Къ концу обѣда все наличное полугодное охмѣляло и подняло такой шумъ, что пѣвшіе московскіе пѣвчіе принуждены были замолчать—уступить обстоятельствамъ. Теперь случилось вотъ что—нелишнее интереса. Смѣнившій пѣвчихъ оркестръ, исполнивъ непомню какую пьесу, заигралъ „Боже, Царя храни“—до сихъ поръ еще памятное мнѣ своими послѣдствіями: еще такъ недавно заставившій замолчать

пѣвчихъ шумъ, при первыхъ звукахъ гимна, смѣнился торжественной тишиной; всѣ сразу опомнились, мгновенно встали и, молча прослушавъ дорогіе русскому сердцу мотивы, закричали „ура“ — но не то „ура“, которымъ сопровождались всѣ выпитые уже тосты, а истинное, отъ души... неумолкаемое цѣлыя двадцать минутъ! Было замѣтно, что сердце каждаго русскаго теперь сильнѣе бьется, что каждый высказываетъ свой восторгъ — не подъ вліяніемъ общаго примѣра ликующихъ, а подъ вліяніемъ внутренняго давленія души — истинной любви къ своему Монарху!

Проявленіе такого патріотизма, можно сказать — невольно вылившагося чувства, показало сербамъ на сколько русскіе любятъ своего Царя, и на сколько выше ихъ, равнодушныхъ и къ своему князю, и къ правительству, и ко всему, что составляетъ высшіе интересы и цѣли, для каждой національности. Они поняли этотъ невольный взрывъ накинутаго чувства, и съ любопытствомъ постигали незнакомое имъ явленіе въ людяхъ; а запоздавшіе провозгласить тостъ за здоровье любимаго всѣми Монарха... тѣ что дѣлали?... тѣ... были сконфужены.

Высказывая о сербахъ такое мнѣніе, я вовсе не желалъ ихъ укорять этимъ; я хотѣлъ только сказать, что ихъ занялъ такой энтузіазмъ въ русскихъ, и что не они причиной своей апатіи ко всему — въ томъ числѣ и къ высшимъ цѣлямъ человѣчества, а тяготящее надъ ними иго, и варварскій тормазъ цивилизаціи — такъ мѣтко и пагубно подавляющій малѣйшее проявленіе самостоятельной мысли въ человѣкѣ, подпавшемъ подъ его давленіе.

Итакъ, вернусь къ обѣду: онъ теперь принялъ видъ — куда оживленнѣе прежняго; все смотрѣло какъ-то веселѣе.

Совершившійся фактъ удовлетворилъ общее желаніе: затаенное въ каждомъ чувство, нашло себѣ просторъ — стало легче. Правда, что многіе томимые голодомъ казались менѣе веселыми; но теперь и они стали иными — виномъ и шутками вознаграждалась пища. На то, что не подавали блюдъ, или подавали — чего нельзя было ѣсть, мало кто обращалъ вниманіе: все увлеклось разговоромъ.

— Поскорѣе-бы изъ-за стола встали, а то надоѣло сидѣть съ пустымъ желудкомъ! желалъ кто-то изъ голодныхъ...

— Ну нѣтъ-съ, я въ такомъ случаѣ одинъ за столомъ останусь, а голоднымъ не уйду... дудки-съ...

— Вы не думаете-ли, что продолжительнымъ сидѣньемъ за столомъ утоляется голодъ?... если да, то ошибаетесь; будете сидѣть — больше почувствуете, чѣмъ если-бъ вы теперь встали.

— Думаю, что если останусь, то дождусь-же чего-нибудь!...

— Развѣ, чего-нибудь; но это вѣдь блюдо весьма неопредѣленное, и если Лудовъ успѣлъ распорядиться, то вамъ въ числѣ чего-нибудь, подадутъ чашку съ теплой водой, для полосканья, а этимъ не напитаетесь.

— Пусть попробуютъ — подадутъ... имъ-же на голову вылью!... Лудовъ подъ руку попадется, и ему та же честь будетъ. Не послѣ такого обѣда рты полощать... Постъ — безъ полосканья.

— Интересно-бы взглянуть, какъ это вы Лудова полосканьемъ угостите, что и для васъ не безопасно... онъ, вѣдь, отвѣдалъ не одну рюмку коньяку и не двѣ... храбрости станетъ. По моему, не затѣвать-бы вамъ съ нимъ объясненій во избѣжаніе скандала.

— Да я и безъ вашего совѣта, не стану съ нимъ объ-

ясняться: вотъ еще, охота мнѣ вѣдаться съ этимъ геркулесомъ.

— Вы, значить, такъ ужъ эффекта ради сказали, что полосканьемъ обольете.

— Не эффекта ради, а меня и на самомъ дѣлѣ все это бѣситъ! деньги платить придется, а вѣсть вѣдь нечего... сами видите: досадно-же облизываться только — смотрѣть какъ тѣ все пожираютъ...

— За-то, шампанскаго вдоволь.

— Чертъ-ли въ немъ голодному человѣку! лучше-бы кусокъ мяса дали, спасибо сказалъ-бы каждый въ моемъ положеніи...

Пили еще многіе тосты и говорили рѣчи, но объ нихъ черезчуръ ужъ неинтересныхъ, я умолчу; повторю лишь — хотя чѣмъ-нибудь выдающіеся. Теперь предлагалъ тостъ, митрополитъ Михайлъ:

„Я присоединяюсь къ тосту г-на министра просвѣщенія (началь онъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ), съ тою лишь разницею, что пью его за здоровье русскихъ офицеровъ, оказавшихъ самую существенную помощь нашей арміи, въ минувшей кровавой борьбѣ, — не щадя, ни здоровья, ни жизни... ура!“... Этимъ тостомъ Михайлъ, пользовавшійся и безъ того общими симпатіями русскихъ, еще болѣе расположилъ ихъ въ свою пользу: всѣ мы уважали его — умнаго и дѣльнаго пастыря, посвятившаго всю свою дѣятельность, на пользу княжеству, и пострадавшимъ отъ войны славянамъ Балканскаго полуострова.

У нѣкоторыхъ русскихъ сложилось о немъ иное мнѣніе — менѣе говорящее въ его пользу; но я не имѣю никакихъ данныхъ присоединиться къ такому мнѣнію; и насколько умѣлъ прослѣдить дѣятельность митрополита, — полагаю, что тѣ, кто составилъ о немъ такое мнѣніе, не имѣютъ достаточныхъ

основаній, или-же касаются частныхъ — несполнѣ ясныхъ и понятныхъ для людей, мало знакомыхъ съ закулисною жизнью этого человѣка, а главное — ненужныхъ и лишнихъ, при оцѣнкѣ его дѣятельности, которую я затронулъ въ данномъ случаѣ.

— Какъ здѣсь все странно, замѣтите; съ ума спятили, подумаешь... пьютъ за здоровье всѣхъ и каждого, а о митрополитѣ никто и не подумаетъ! заикнулся-бы кто ради одного приличія... и то нѣтъ... просто одурѣли.

— Я съ вами согласенъ, что или они очень пьяны, или здравый смыслъ потеряли: къ другому не къ чему отнести подобное поведеніе, — порѣшилъ ви-за-ви, офицерика.

— Погодите, еще осталось время, выпьютъ и за его здоровье.

— Вотъ истину сообщили... „выпьютъ“ я увѣренъ, что выпьютъ, но когда выпьютъ — интересно?... если въ концѣ обѣда, то это будетъ оскорбленіемъ для него-же, — онъ тутъ выше всякихъ министровъ, за которыхъ выпито ужъ давно; а если совсѣмъ пить не стануть, то, значить, забыли, что еще хуже.

Не знаю—слыхалъ ли Лудовъ нашъ разговоръ, или самъ вспомнилъ, но онъ моментально всталъ изъ-за стола и, захвативъ бокалъ съ шампанскимъ, опрометью подлетѣлъ къ Михаилу. Всѣ взгляды устремились на этого чудодѣя, недавно еще прославшаго краснорѣчіемъ у военнаго министра! „Что онъ это вздумалъ? за чье здоровье? вотъ потѣха-то выйдетъ!“ слышались вопросы и предположенія; но Лудовъ не начиналъ, а собирался съ духомъ, подавляя отрыжку, коробившую всю его фигуру: онъ съ поднятымъ бокаломъ и умиляющейея фizioноміей стоялъ въ нерѣшительной позѣ — видимо затрудняясь, съ чего начать; наконецъ, началъ: „Ура!.. (вскрикнулъ

онъ такъ громко, что всѣ переглянулись) — вы пили за здоровье почти всѣхъ (на чистоту, какъ говорится), но забыли выпить за здоровье неутомимаго труженика славянскаго дѣла, который вотъ уже десять лѣтъ оказываетъ услуги угнетеннымъ братьямъ! трудится и помогаетъ имъ!.. который достоинъ общей благодарности; онъ первый возбудилъ славянскую идею! (?) да!.. не пили еще за его здоровье... забыли... и я предлагаю этотъ сочувственный всѣмъ тостъ — за здоровье нашего батюшки Михаила... ура!..

— И нашелся же — сказалъ, что забыли. Ну не правъ ли я, говоря, что тутъ все странно! хотя бы вотъ эта выходка — развѣ не оправдываютъ мое мнѣніе?..

— Захотѣли вы толку, отъ пьянаго человѣка; хорошо, что и такъ вышло — не клеилъ не печатную фразу, а вы еще рѣчью недовольны.

— Не рѣчью, а тѣмъ, что онъ взялъ на себя эту роль! Неужели не нашелся-бы кто нибудь изъ болѣе почетныхъ, предложить тостъ за Михаила? Вѣдь это оскорбленіе для человѣка съ его положеніемъ! пьянехонькая личность подбѣгаетъ и произноситъ вздоръ ни съ чѣмъ несообразный!.. согласитесь, что оскорбленіе.

— Да все это такъ, я съ вами согласенъ; при другой обстановкѣ оно сочлось-бы неопозволительнымъ, а здѣсь сойдеть за хорошее... вы видите — общее поведеніе на что похоже!

И правда, что общее поведеніе казалось черезчуръ ужъ не натянутымъ: эти неопозволительныя рѣчи, тосты за побѣдоносную армію и сербское оружіе: эти никѣмъ непонятые политическіе взгляды Ристича, Лудовскіе порывы, и все въ сложности походило, на пиръ собравшейся компаніи дорогихъ сердцу пріятелей, въ какой нибудь кухмистерской — пьющихъ и высказывающихъ, что кому вздумается.... но — не на парад-

ный обѣдъ, данный офицерами своему главнокомандующему. Казалось-бы, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, такому обѣду, какъ факту сочувствія и расположенія русскихъ добровольцевъ къ своему соотечественнику, подобало-бы отличаться скромностью и строгою частностью; что всѣ приглашенные лица должны были играть роль частныхъ гостей, имѣющихъ право рассчитывать на общепринятую вѣжливость и радушіе хозяевъ; что въ такомъ случаѣ и виновнику торжества слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы придать событію частный характеръ — насколько это отъ него зависѣло и было возможно. Но придать этому скромному пиру, ни на чемъ не основанную официальность и видъ пестраго сборища, разящаго глаза каждому здравомыслящему человѣку, было бы неблагоразумно—а то, чтобы за этимъ всѣмъ скрывались темныя цѣли и честолюбіе, было-бы низко и недостойно. Между тѣмъ, какъ это выяснилось изъ всего, что до сихъ поръ было видно — оно именно такъ: темныя цѣли и честолюбіе были причиной затѣяннаго обѣда, но не сочувствіе и расположеніе подчиненныхъ.

Еще провозгласили тостъ за черногорцевъ, принятый всѣми съ большимъ сочувствіемъ,—ну да они же и заслужили на сочувствіе. Эти неустрашимые рыцари, нищіе въ домашней обстановкѣ, дрались въ бою какъ львы! они, встрѣчая и въ русскихъ ту же отвагу, близко съ ними сходились, называли братьями, и гордились ими въ своихъ рядахъ.

Судя по той дружинѣ черногорцевъ, которая была въ Делиградѣ, легко можно было составить понятіе объ этомъ народѣ, совсѣмъ не похожемъ на сербовъ. Несмотря на природное сходство этихъ двухъ типовъ, на одинаковый, почти, наружный видъ, на общіе политическіе интересы странъ, а слѣдовательно и каждого изъ нихъ въ частности, и на одну

и ту же цѣль политической борьбы, — они составляютъ поразительное различіе въ основныхъ чертахъ человѣка — характерѣ, душѣ и взглядѣ: воинственный, съ любящей душою, безкорыстный черногорецъ не похожъ на тихаго, апатичнаго и жаднаго къ деньгамъ, трусливаго серба. Не спору, что это различіе происходитъ отъ мѣстныхъ жизненныхъ условій, можетъ быть, вліяющихъ на черногорца и серба совершенно разнo; но и въ такомъ случаѣ, нужно признать за черногорцемъ много такихъ чертъ высокихъ, которыми сербъ, при какихъ-бы онъ условіяхъ жизни ни находился, никогда не будетъ отличаться: чего нѣтъ въ крови и во всей натурѣ человѣка, того ни цивилизаціей, ни условіями жизни не вольешь въ нее, а если и вольешь, то не скоро и не столько, сколько бы оказалось нужнымъ, для достиженія цѣли. Во время перемирія, мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ черногорцами въ Бѣлградѣ и видѣть, натянутость ихъ отношеній съ сербами — далеко недружелюбными единовѣрцами.

Очень жаль, что обильныя русскія пожертвованія въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, хотя двадцатой долей, не обращались на черногорію — бѣдную, можно сказать, нищую страну, нуждающуюся въ насущномъ кускѣ хлѣба и всякой другой помощи гораздо больше, чѣмъ зажиточная и менѣе пострадавшая отъ войны Сербія — куда посылались милліоны!.. Но къ сожалѣнію, прошлаго не вернешь: вернусь - же къ настоящему — все еще длащемуся обѣду.

— Ожидаль, думаль подадутъ хотя сладкое что нибудь, вкусное... поѣшь вдоволь, а тутъ вотъ подали гадость... пирожки какіе-то... досадовалъ офицерикъ, забравшій на свою

тарелку чуть-ли не половину всей наличности сладкаго — какихъ-то пирожковъ, по его выраженію.

— Вы забываете, что нашъ обѣдъ, чисто военный — бивуачный, приготовленный, не въ лучшемъ Петербургскомъ ресторанѣ, а въ Бѣлградскомъ скверномъ кафанѣ, гдѣ и понятія не имѣютъ о кухнѣ, и даютъ, что съ умѣли приготовить.

— Хорошъ бивуачный! полтора дуката съ персоны!... на русскія деньги — шесть рублей съ человѣка, благодарю за угощеніе-съ... хорошъ бивуачный...

Такъ неоправившимися офицеру, пирожками закончился обѣдъ.

Вскорѣ уѣхалъ генералъ, а за нимъ всѣ почетные гости; остались менѣе важные чины, да немногіе изъ добровольцевъ, съ главнымъ распорядителемъ Лудовымъ во главѣ, вполне уже готовымъ и способнымъ повеселиться, не стѣсняясь — разнести все и всѣхъ, какъ онъ выражался. Музыка, по его распоряженію, была оставлена на всю ночь; банкетъ затѣвался не на шутку и, судя по началу, — интересный. Еще не успѣли убрать столы — приготовить залъ къ балу, какъ Лудовъ, накинувшій на себя, для большого эффекта, черкесскую бурку, въ парѣ съ однимъ изъ добровольцевъ пустился вальсировать — но такъ неудачно, что задѣвалъ своей фигурой и съ громомъ опрокидывалъ не отодвинутые столы съ посудой. Пьяное лакейство кинулось спасать уцѣлѣвшіе — тарелки, блюда, графины и все, что было возможно, выносить въ другую комнату, но, немощное въ физическомъ отношеніи, тутъ же падало и дюжиннами било, что спасло. Балъ начался при весьма неблагоприятной обстановкѣ — осязательномъ расходѣ для каждаго, кто имѣлъ счастье обѣдать, такъ сказать выразить свое сочувствіе и расположеніе г-лу Черняеву. Только явившіеся сюда солдаты, не знаю по чьему зову, помогли убрать эти

перебитые остатки и вынести лишнюю мебель. Лишь только очистился залъ отъ перебитаго и раскиданнаго хлама, какъ подъ раздавшіеся звуки оркестра начались танцы — да съ такими канканами, что глядѣть на нихъ близко, безъ риска быть задѣтымъ чьей нибудь ногой выполняющей грандіозное па, оказалось невозможнымъ: мы издали любовались этою картиной, смѣшной во всѣхъ отношеніяхъ.

— Смотрите, какъ Лудовъ-то пляшетъ!... браво! браво! молодчина!.. похвалилъ кто-то изъ зрителей.

— Уррра!... шампанскаго!... закричалъ распорядитель, топнувъ ногой такъ сильно, что близъ стоящій столикъ въ углу отъ сотрясенія свалился.

— Шампанскаго!... живіо!... уррра!... вссс... иии... въ дrrrrребез... трrrрулл... шампанскаго сюда!... танцуя и напѣвая, подражалъ распорядителю расходившійся доброволецъ.

— Это еще что за новый субъектъ расходился?

— Развѣ вы не узнаете?

— Первый разъ вижу эту личность!

— Да тотъ же вычеркнутый В — евъ! — помните объ немъ говорили Лудову — предупреждали, что за птица.

— Музыка!... продолжай анафем....! урррр....! неистово кричалъ воинственный В — евъ, спотыкаясь и падая всей тяжестью своего тѣла, на сидѣвшихъ тутъ зрителей.

— Скажите Лудову, наконецъ, пусть уйметъ этого господина! противно смотрѣть на его безобразіе! требовалъ, выведенный изъ себя, какой-то штабъ-офицеръ-доброволецъ, больше всѣхъ пострадавшій отъ паденія неловкаго танцора.

— Лудовъ! Лудовъ!... на минутку!... Воспользуйтесь, пожалуйста, вашею распорядительною властью, — замѣйте В — еву, что неприлично же вести себя такъ безобразно! онъ мало того, что

кричить и обращаетъ всеобщее вниманіе, но пьянъ — на ногахъ не держится, — того и смотри на смерть ушибется!....

— Гдѣ онъ? гдѣ?... —

— Вонъ онъ, полюбуйтесь, указалъ штабъ-офицеръ на усерднаго танцора — со студомъ, вмѣсто дамы, въ лѣвой рукѣ, и съ поднятой вверхъ бутылкой шампанскаго, въ правой. Но каково же было общее изумленіе, когда Лудовъ, замѣтивъ свою жертву, опрометью кинулся на нее, не входя ни въ какія объясненія, схватилъ ее поперекъ туловища на руки, какъ коршунъ маленькаго цыпленка, и, подбѣжавъ съ своей ношей къ выходной двери, выпроводилъ — не давъ и опомниться такъ еще недавно канканировавшему В — ву. Зрители обидѣлись такою быстрою расправою распорядителя — стали протестовать: „Это ужъ слишкомъ безцеремонно, Лудовъ, — развѣ можно такъ обращаться съ офицеромъ“! вразумлялъ штабъ-офицеръ.

— А то какъ же по вашему, въ ноги кланяться, что-ли?... — „Пожалуйста уйдите“ мертвецки пьянаго упрашивать... выпроводилъ — и безобразію конецъ, чѣмъ кланяться да возиться съ нимъ.

— Не къ чему кланяться, а замѣтить, чтобы велъ себя скромнѣе.

— Трезвому-съ!... а такимъ одно замѣчаніе, — вотъ какъ я ему сдѣлалъ... Выпьемъ-ка лучше чѣмъ толковать о пустякахъ... шампанскаго сюда — вы!... закричалъ распорядитель и, схвативъ откупоренную бутылку съ шампанскимъ, пустился канканировать по прежнему.

— Поди, вотъ, увѣрь его, что невѣжливо такъ обращаться съ офицеромъ... онъ понимаетъ по своему.

— Да что-же ему и дѣлать-то было больше съ такимъ

субъектомъ — посудите! трезвый пойметъ замѣчаніе, а такому вѣдь все равно, что ни говори.

Еще долго продолжались танцы. Потомъ началось пѣніе подъ управленіемъ Лудова выбиввашаго тактъ бутылкой по столу изо всей силы. Въ концѣ концовъ перепилось все, за малымъ исключеніемъ, и пошло веселье уже безпрерывно — кто сколько хотѣлъ пилъ и велъ себя, какъ зналъ. Лудовъ, вѣроятно съ цѣлю придать банкету болѣе разнообразный характеръ (разширить его программу — хотя и потерявшую уже значеніе), вызвался сыграть арію на корнетъ-пистонѣ и, для лучшаго резонанса, усѣлся посреди залы на спинкѣ (тонкаго) такъ-называемаго вѣнскаго стула, поставивъ ноги на сидѣнье, — словомъ, принявъ такую позу, которую сохранить могъ лишь трезвый, а не онъ, далеко неотвѣчающій этому условію. — Возцарилась тишина, — все стихло и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидало первыхъ звуковъ аріи; но къ несчастью, не суждено было состояться концерту: артистъ, огласившій залу, хотя и сильнымъ, но дикимъ звукомъ — первой неудачно взятой ноты, до того увлекся вторичной попыткой кончить арію безъ фальши, что невольно потерялъ равновѣсіе и съ шумомъ опрокинулся навзничь.

Такое непріятное приключеніе съ артистомъ послужило общимъ сигналомъ для публики, разразившейся смѣхомъ и осыпавшей аплодисментами ушибленнаго Лудова: „браво! браво! молодцомъ“! слышались голоса посреди оглушительнаго шума.

— Эхъ, чортъ возьми неудалось!... впередъ бы податься слѣдовало... не упалъ-бы. Ну да все равно — шампанскаго сюда! Эй, музыка, мазурку!

— Что вы!... польку пусть сыграютъ, еще рано начинать мазурку.

— Вали полъку... намъ все въ пору! уррррр...! какъ ни въ чемъ небывало кричалъ распорядитель.

— Въ восемь... часовъ на пистолет... не угодн... ллли! вызывалъ недавно выпровоженный и появившійся В — въ.

— Со мною! да я впервые имѣю удовольствіе васъ видѣть!... неудомѣвалъ застигнутый, ни въ чемъ неповинный. какой-то добровольецъ.

— Лллунни... разберл... тррррр... уррррр...! не унимался В — евъ съ окровавленнымъ носомъ, вѣроятно ушибленнымъ неосторожнымъ толчкомъ распорядителя.

Я не предвидѣлъ скорого окончанія этой попойки, принявшей уже размѣры безчувственного пьянства, интереснаго въ будущемъ, и вдвоемъ съ офицерикомъ рѣшилъ отправиться домой; но подмѣтившій наше намѣреніе штабъ-офицеръ Штосманъ (вопреки ожиданіямъ не получившій — таки Такова за обѣдомъ), подбѣжалъ и началъ упрашивать насъ остаться: „Куда вы торопитесь, — погодите потанцуемъ“ останавливалъ онъ съ настойчивостью.

— Ну ужъ нѣтъ, танцовать я не намѣренъ, къ кому другому обратитесь.

— Все равно, такъ погодите... послѣ уйдемъ вмѣстѣ.

— Не все-ли вамъ равно — вмѣстѣ или врозь? мы вѣдь съ вами живемъ не на одной квартирѣ...

— Да веселѣе будетъ, погодите! Лудовъ! они вотъ домой уходятъ, не пускайте!...

— Пушу я ихъ, новости какія! шампанскаго сюда?... архаровцы!... Куда вы, голубчики, погодите — вмѣстѣ! шампанскаго-же — вы!... кричалъ распорядитель, удерживая насъ въ дверяхъ.

— Выпьемъ сколько угодно, да руки-то мои оставьте въ покоѣ! Вамъ вѣдь сломать ихъ не трудно, я этому вѣрю.

— Ха! ха! ха!... потѣха, ей-Богу... Ну пьемъ за общее здоровье и короля... ура!... музыка — маршь!

— За какого короля, перекреститесь! тутъ никакихъ королей нѣтъ!...

— Тфу... языкъ не слушается — за князя... ура!...

Шампанское требовалось всѣми непрерывно, и подавалось прислугой безпрекословно, хотя не выпивалось и до половины этою, до того упившейся компаніей, что — кто сидя, а кто полулежа кричалъ „шампанскаго! ура! мазурку“! но ни пить, ни принять другую позу, болѣе самостоятельную — уже не могъ: даже Лудовъ — и тотъ лежалъ на полу и кричалъ „шампанскаго, ура, мазурку“. Не отдѣлаешься, думаю, полуторадука-томъ съ персоны.

При такомъ положеніи танцоровъ были данныя предполагать, что мазурка не состоится, — мы были рады уйти безпрепятственно. „Погодите минутку, голубчикъ, — я зайду пальто захвачу“ — упрашивалъ меня офицерикъ, собравшійся ночевать въ моемъ номерѣ.

— Да я домой прямо! сами развѣ не попадете?

— А впрочемъ и то правда — я вѣдь знаю, вашъ номеръ... идите, я догоню.

Не успѣлъ я еще отыскать спички, блуждая по комнатамъ и опрокидывая все, что попадалась на столъ подъ руки, какъ вбѣжалъ офицерикъ и, пораженной темнотой, остановился у дверей: „Неужели вы не успѣли до сихъ поръ свѣчу зажечь! да копайтесь-же! смотрѣть на васъ тошно!“ — торопилъ онъ, нетерпѣливый.

— Мнѣ тошнѣе вашего, да, горе, спичекъ не найду... Ахъ вотъ онѣ!.. успокойтесь. Что съ вами? почти вскрикнулъ я, увидѣвъ при свѣтѣ раздосадованное, блѣдное лицо юноши, стоявшаго въ недоумѣвающей позѣ — все на томъ-же мѣстѣ.

— Представьте, новехонькое пальто мое украли!

— Какъ, украли! Вѣдь вы же сдали его человѣку, и взяли номеръ!

— Вотъ онъ номеръ! а пальто, все-таки нѣтъ... новехонькое, представьте! не проносилъ и недѣли.

— Вы-бы хозяину заявили: пусть вѣдается съ тѣмъ, кто номеръ выдалъ, а вамъ вернетъ деньги! его же прислуга виновата, — ему и отвѣчать за покражу.

— Такъ вотъ видите-ли, я и ожидалъ вашего совѣта, кому заявить слѣдуетъ. Не одному хозяину, а всю гостиницу на ноги поднималъ — и ничего не вышло; „не знамъ, господине“, твердятъ всѣ въ одинъ голосъ. Что подѣлаешь, когда тутъ — ни суда ни расправы: страна свободы и произвола! Я убѣжденъ, что пальто укралъ не кельнеръ, а кто нибудь изъ благородныхъ посѣтителей — тѣхъ-же участниковъ обѣда. Чертъ ихъ возьми — всѣхъ безъ разбора! Теперь вотъ прогуливайся безъ пальто, высказывай кому угодно! — сочувствія одного не встрѣтишь, не то, что деньги кого вернуть заставишь...

— Непріятная исторія; я раздѣляю ваше мнѣніе, тѣмъ болѣе, что и за обѣдъ-то придется платить по больше полутора дуката — одной посуды сколько перебито.

— Стану я за обѣдъ платить больше — нашли дурака, пусть ихъ быютъ сколько угодно, мнѣ-то что за дѣло! гроша не передамъ лишняго.

— Не станете — васъ и не заставятъ: я говорю лишь, что обойдется больше, чѣмъ предполагали, и что намъ, какъ добровольно подписавшимся, слѣдуетъ внести свою часть, а исполнимъ-ли мы это условіе, или нѣтъ, — это вопросъ другой, зависящій отъ нашей совѣсти и самолюбія.

— И понесло же меня нелегкое на этомъ обѣдѣ, какъ

будто деньги въ карманѣ залежались: скопилъ несчастные десять дукатовъ, во всемъ себѣ отказывалъ, а теперь вотъ разомъ не угодно-ли раскошелиться — пальто шей, да долю вноси: деньженекъ, какъ не бывало.

— Я, вамъ, удивляюсь — ради какихъ нибудь десяти дукатовъ вы кланете и обѣдъ, и себя, какъ будто насильно васъ туда затащили. Обѣдъ, вѣдь, состоялся по добровольной подпискѣ и названъ — „отъ имени русскихъ добровольцевъ“, а въ томъ числѣ и отъ вашего — уже ради того, что вы играли роль хозяина, не слѣдуетъ раскаиваться въ участии.

— Какую тамъ роль хозяина я игралъ! не возмущайте вы подобными рассказами! хороша роль хозяина — пришлось голодать все время. Или отъ какого тамъ имени добровольцевъ — подписывались кто зналъ, — благо, денегъ не требовали: вы, вѣдь, видали, каковъ народецъ обѣдалъ... на все готовъ — выпить-бы только на шаромыжку...

— Голоданьемъ-то вашимъ и доказывается, что вы играли роль хозяина, который изъ одной деликатности заботясь прежде о гостяхъ, а послѣ уже о себѣ, часто встаетъ изъ за-стола голоднымъ — а то и вовсе не садится: слѣдовательно, доказывая одинъ фактъ и отрицая другой, вы сами себѣ противорѣчите.

— Да ну васъ съ заключеніями, я спать хочу! на-послѣ лучше оставимъ. Я знаю, что пальто моего нѣтъ — нужно шить другое, и что за обѣдъ еще платить придется, — словомъ, полнѣйшее разореніе моихъ финансовъ, закончилъ офицерикъ какимъ-то унылымъ тономъ, — такъ и не отыскавшій впослѣдствіи своего пальто.

Больше чѣмъ ожидали. — Одинъ другого лучше. — Добровольцы возвращаются въ Россію. — Что дѣлали на Ибарѣ. — За полы на пристани. — Юноша безъ крова.

Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго обѣда, вечеромъ въ той-же гостинницѣ „Крала“ я сидѣлъ съ нѣсколькими добровольцами, толковавшими о приключеніяхъ дня; мы собрались сюда съ цѣлью встрѣтить Лудова и расплатиться съ нимъ за обѣдъ; былъ тутъ и офицерикъ, больше всѣхъ заинтересованный не выяснившимся до сихъ поръ вопросомъ—сколько причитается съ персоны.

— Дождаться-бы его поскорѣе, а то весь вечеръ томиться будешь ожиданіемъ.

— Вотъ ужъ томиться-то нечѣмъ въ этомъ случаѣ; раньше-ли позже прійдетъ — все равно, результатъ одинъ и тотъ-же—платить нужно.

— Вамъ хорошо разсуждать, платить нужно... ничѣмъ не пострадали, а я вотъ съ пальто новехонькимъ разстался, да тутъ еще будущность не завидная...

— Что съ пальтомъ вы растались, то это вѣдь исключеніе, а въ будущемъ, одна участь со мною—по ровну вѣдь платить будемъ. Ахъ вотъ и Лудовъ! милости просимъ, — деньженки получать: мы тутъ давно уже, васъ ожидаемъ.

— Вотъ такъ по дворянски — благородно-съ... не какъ другіе мазурики, — цѣлый день бѣгаешь, ловишь и толку никакого: кушать-то нашлись охотники многіе, а платить съ собаками не поймаетъ! одно слово — мазурики.

— Вамъ бы впередъ деньги спрашивать было, теперь и гоняться-бы не за кѣмъ...

— Не зналъ же я, что народъ такой безпардонный — какъ

поѣлъ, такъ и заботы мало—плати, кому угодно.... дворяне вѣдь, не кто нибудь такой!..

— Ну и дворяне—коль денегъ нѣтъ, что станешь дѣлать!.. не воровать-же имъ въ самомъ дѣлѣ.

— Денегъ нѣтъ, и не подписывайся—другихъ не разорай...

— Да я не оправдываю тѣхъ, кто подписался и не платитъ, но доказываю, что у кого нѣтъ денегъ, то откуда-же ему и взять — посудите. Въ итогѣ, все-таки вы больше всѣхъ виноваты, почему не требовали взноса при подпискѣ...

— Да ну ихъ мазуриковъ!.. не стоитъ и толковать-то объ нихъ... Что соберу—ладно... остальное свое прибавимъ: обѣдѣ отъ этого не будемъ, ну и они не разбогатѣютъ...

— Платить-то, по сколько-же нужно?

— Да не такъ-то много... посуду ужъ больно перебили, ну и шампанскаго выпито немало: по пяти дукатовъ на человѣка вышло.

— Что-о-о!.. по пяти дукатовъ!... да Богъ съ вами, такъ-ли это?

— И удивляться тутъ, по моему нечему; даромъ вѣдь не поятъ шампанскимъ.

— Бога бойтесь! пять дукатовъ—вѣдь это двадцать рублей съ персоны—за что же?..

— За обѣдъ, за что-же больше.

— За какой обѣдъ, когда я голоднымъ остался—ѣсть нечего было... развѣ можно!.. помилуйте!.. вопило все въ одинъ голосъ.

— Хотите—платите, а нѣтъ, какъ знаете... свои заплатимъ, чѣмъ выслушивать такіе протесты, да отчетъ представлять: ѣсть-пить умѣли—не изумлялись...

— Мы не желаемъ вовсе, чтобъ вы за насъ платили, а возстаемъ противъ того—лишь, что много платить приходится,

что куда больше чѣмъ ожидали: разореніе вѣдь выбросить на обѣдъ пять дукатовъ! знали-бы, не пошли—Богъ съ нимъ съ обѣдомъ.

— Какъ знаете, силой заставлять не будемъ.

— Что тутъ знать больше — получите вотъ деньги съ насъ пятерыхъ... извольте!..

— Съ легкой-бы руки начало, шампанскимъ-бы угостилъ...

— Не съ первыхъ-же насъ начинаете, что съ легкой-бы говорите—заплатилъ-же кто нибудь и другой уже.

— То-то, что съ первыхъ; человѣкъ съ двадцати—тридцати вѣрное полученіе, а про остальныхъ и не думай; цѣлый день вотъ за Метерсономъ гоняюсь, этимъ трусишкой. Прежде всѣхъ съ Дюниша удралъ, и тутъ наровить отдѣлаться, мазуригъ.

— Онъ заплатитъ, о чемъ вамъ тужить-то, скажите—не воспользуется-же пятью дукатами, подумайте!

— Заплатитъ—обѣщаніями вмѣсто денегъ: самъ-то наровить уѣхать вечеромъ въ Россію... да дудки-съ, не прозѣваемъ; кому другому, а ему не прощу—раздѣливается пусть, какъ знаетъ... произнесъ озлобленный распорядитель и, махнувъ рукой отошелъ къ другой компаніи—вѣроятно съ тою-же материальной цѣлью.

— Вотъ вамъ и полтора дуката... пять не угодно-ли! грабежъ затѣяли, какую-то...

— Я вамъ говорилъ вѣдь, что дороже обойдется и, какъ видите, не ошибся.

— Почему-же не предупреждали при подпискѣ! Я первый отказался-бы отъ всего при такихъ условіяхъ. Что мнѣ за охота подражать какимъ нибудь Лудовымъ, затѣвающимъ оваціи, на чужой счетъ.

— Да обѣдъ вѣдь, не одинъ Лудовъ затѣялъ, онъ взялъ

на себя лишь роль распорядителя — осуществить желаніе многихъ, а главная инициатива, не его же...

— Чья-же по вашему — интересно?

— Подписавшихся русскихъ добровольцевъ; ни васъ, ни другихъ, силой не тащили — сами подписались.

— Новость вы мнѣ однако сообщили, что по инициативѣ русскихъ добровольцевъ. По моему, такъ не по ихъ инициативѣ, а Лудова. Онъ вѣдь ни кто иной — бѣгалъ по кафанамъ, собиралъ желающихъ, которыхъ хотя нашлось и немало — человекъ сто приблизительно, но по его же приглашенію. Общаго тутъ ничего не было...

— Я съ вами не согласенъ въ этомъ случаѣ. Каждый вѣдь зналъ, что обѣдъ дается г-лу Черняеву, русскими добровольцами, пожелавшими высказать свое расположеніе и сочувствіе къ нему, а зная это, если подписывался, то зачислялъ и себя въ число такихъ желающихъ, чѣмъ отнялъ всякое право высказывать послѣ, подобное вамъ мнѣніе.

— Вся въ томъ и суть, что каждый, кто подписывался — зналъ, другое чѣмъ вы доказываете: предлагаютъ, говорятъ будетъ весело и денегъ не требуютъ — вотъ о чемъ зналъ каждый при подпискѣ и почему недоволенъ послѣдствіями теперь. Если-бъ русскіе добровольцы затѣяли этотъ обѣдъ по своему желанію, съ такой, какъ вы говорите, цѣлью, то выбрали-бы изъ своей-же среды распорядителей, и придали-бы ему характеръ частный, отвѣчающій цѣли, но ни въ какомъ случаѣ — офиціальнѣй, на этотъ разъ неумѣстнѣй! Это, просто на просто, личное желаніе Лудова, а можетъ быть и кого другаго — замаскировать этимъ искусственнымъ фактомъ истину, съ каждымъ днемъ больше высказывающуюся на дѣлѣ.

— Похоже и на то, я не отрицаю, но и въ такомъ

случаѣ, если вы были участникомъ этого факта добровольно, то одно самолюбіе должно-бы васъ заставить, не роптать теперь — послѣ всего.

— Да я вѣдь не гласно, а въ своемъ кругу, высказываю такое мнѣніе и, надѣюсь, оно останется между нами...

— Не ручайтесь — останется-ли... тѣмъ болѣе, вы не предупреждали — за каждымъ изъ насъ осталась свобода дѣйствій.

— Да хотя-бы и гласнымъ оно стало, то мнѣ все равно, я готовъ всегда повторить свое мнѣніе — нелишенное основанія, если не ошибаюсь.

Убитые горемъ добровольцы и убѣжденные, что прошлаго не вернешь, ушли отсюда — остался я одинъ, заинтересованный рѣзкимъ разговоромъ двухъ близидящихъ субъектовъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе:

— Я вѣдь очень хорошо знаю, полковникъ, какимъ вы положеніемъ пользуетесь въ Россіи... не слишкомъ на него ссылайтесь, говорилъ одинъ изъ нихъ — доброволецъ въ опрятномъ военномъ костюмѣ.

— О какомъ-же вы положеніи моемъ знаете, и откуда интересно! не въ вашемъ-ли высшемъ кругѣ о немъ, извѣстно?... съ ироніей спрашивалъ другой — въ штабъ-офицерской формѣ.

— Не только въ нашемъ, а и многимъ въ Петербургѣ про васъ извѣстно...

— Что же извѣстно — сообщите? Если знаете, что дурное, то секретничать нечего — правда лучше всего, а если хорошее, то тѣмъ болѣе намеки неумѣстны. Про васъ, на примѣръ, я готовъ рассказать все что знаю — хотя-бы дурное исключительно.

— Ха-ха-ха...! вы меня смѣшите своими свѣдѣніями... „дурное исключительно“ вотъ не ожидалъ найти въ васъ своего биографа.

— Не во мнѣ одномъ, представьте, а во всѣхъ вашихъ товарищахъ, предложившихъ вамъ оставить службу, за темныя продѣлки...

— Милостивый государь, вы забываете!... всему есть мѣра!... во-первыхъ, я графъ—объ этомъ вы не забудьте! а во-вторыхъ, и вы выгнаны изъ полка! тѣми же товарищами...

— Вашему сіятельству плохо извѣстно — я не выгнанъ товарищами, а самъ ушелъ, зная, что не одобровать — чего и не скрываю, какъ вы, законно протуренный со службы.

— Какъ вы смѣете!... я васъ убью, какъ собаку!... тутъ-же!... вы врете!... вскочилъ на ноги съ поднятой рукой г-фъ К — йй.

— Не очень-то, не очень, ваше Сіятельство... не испугались. Честь то поздно стали отстаивать, вотъ въ чемъ горе... прехладнокровно отвѣчалъ штабъ-офицеръ

— У васъ много чести, это видно,—хоть въ глаза плюй что называется...

— Попробуйте... испытаете много-ли...

— Считаю для себя оскорбительнымъ пробавать, но увѣренъ, что и въ такомъ случаѣ вы бы снесли это безобидно; достаточно прошлаго, чтобы судить о настоящемъ...

— Т-ф-у-у...! что за нахальная личность... плюнулъ штабъ-офицеръ въ лицо графу и, не оглядываясь, вышелъ изъ гостинницы: сіятельный, неистово закричавшій „разбойникъ!... убью“!... и т. д., пустилъ въ слѣдъ уходившему нѣсколько бутылкохъ съ недопитымъ еще пивомъ и, не достигнувъ этимъ цѣли, бросился бѣжать въ догонку, но темная ночь помѣшала успѣху; пострадавшій вернулся и принялся за выпивку, повторяя чуть-ли не за каждымъ глоткомъ новый планъ мести задѣвшему честь, штабъ-офицеру.

Быль уже одиннадцатый часъ ночи, когда я вспомнилъ, что сегодня съ пароходомъ уѣзжаютъ добровольцы въ Россію, и немедля отправился на пристань.

Тутъ вся улица, освѣщенная тусклыми фонарями отъ пристани до кафаны, на разстояніи двухсотъ шаговъ приблизительно, была занята народомъ, ожидавшимъ, что называется, у моря погоды — отплыть парохода на Базіяшъ, не прибывшаго еще изъ Смедерева: множество извозчиковъ съ багажомъ, носильщиковъ, снующихъ по улицѣ съ ношей; масса добровольцевъ, съ связками и узлами въ рукахъ, и разнаго другаго глазбющаго люда, наполовину вооруженнаго, — походило на высаженный на берегъ десантъ, имѣющій двинуться на какую нибудь позицію; а между тѣмъ это былъ не десантъ, еще непобывавшій въ дѣлѣ, а остатки разбитыхъ добровольцевъ, возвращавшихся на родину съ горькими воспоминаніями о прошломъ и неотрадной надеждой на будущее. Вѣдь народъ-то этотъ, во всякомъ случаѣ, отъ чего нибудь отставшій и, какой-бы онъ дурной ни былъ, что нибудь потерявшій — мѣсто-ли, деньги-ли, знакомство-ли, пристанище-ли, кредитъ-ли, но уже потерявшій; а въ будущемъ — что-же? отсюда нужно уѣхать и даже слѣдуетъ, а въ Россіи — не къ кому пріѣхать, не къ чему пристать. Но ничего — и это не бѣда, ѣдетъ-то онъ на родину, гдѣ съ голоду не умретъ. Я подошелъ къ скучившейся группѣ нижнихъ чиновъ, съ цѣлью поболтать съ ними, вывѣдать настроеніе: — Что, братцы, скоро-ли отойдетъ пароходъ? спросилъ я курившаго трубку стараго служаку. — Не знаемъ, баринъ, въ кимисинерствѣ сказывали вечеромъ уйдетъ, а теперь вотъ полночь — да нѣтъ еще: утромъ бы уѣхать далъ Богъ, не оставаться-бы у эфтихъ славяновъ дольше...

— Ты, братецъ, какой самъ губерніи, далеко-ли ѣхать нужно?

— Да насъ вотъ человѣкъ двадцать московскихъ, а тѣ вонъ изъ разныхъ городовъ, есть и съ Адессу ребята.

— Вамъ куда-же, въ деревню?

— Нѣтъ, мы въ Москвѣ на фабрикѣ работаемъ; теперь вотъ какъ будетъ, — не знаемъ, дастъ-ли хозяинъ работу.

— Хорошему работнику всегда дастъ, объ этомъ тужить нечего.

— Да вотъ хорошему-то, коль ваканція занята другимъ, и дать ему вѣдь неоткуда будетъ... того не прогонишь — такой же человѣкъ работающій.

— Не у него — у другаго найдется работа, безъ нея не останетесь.

— По вашему-бы баринъ хорошо-бы, голодать-бы не пришлось, а то вотъ поищешь — не найдешь, да въ ночлежный домъ отправляйся, добро чье стащить норови, не то съ голоду захлянешь, къ дѣлу непригоденъ будешь. Эхъ, Господи!... на одного Тебя надежда.

— Никто изъ васъ не раненъ въ Делиградѣ?

— Какъ не быть, помилуйте — есть, да тѣ въ больницѣ остались, а съ нами вотъ оправившіеся трое ѣдутъ, прихрамываютъ. Скорѣй-бы домой Богъ далъ добраться, маленько бы душу отвести, набрались тутъ какого горя, и сказать трудно...

— Да вѣдь горя-то вы, ребята, набрались по своей волѣ, никто не заставлялъ, а говорите — подумаешь привезъ васъ сюда кто нибудь силой.

— Силой — никто не привезъ, что лишне говорить, а сами вотъ путались напрасно, пользы и себѣ и другимъ мало доставили — народъ погибъ задаромъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть и не даромъ—послѣ увидимъ.

— Чтожь, баринъ, смотрѣть-то еще будемъ! дѣло видное—турокъ завоевалъ Сербію, нашихъ перебилъ сколько, сами знаете—русской крови пролито много, а толку вѣдь никакого.

— Завоеать-то онъ завоевалъ, да немного съ этого и толку: нашъ Государь, не позволилъ ему двинуться впередъ ни на одинъ шагъ—остановилъ на мѣстѣ.

— Нашъ, значить Царь, примѣрно, не пустилъ воевать, турка, а не мы же, але хоша-бы сказать сербы.

— Конечно, нѣтъ; куда же намъ съ сербами воевать противъ турка—насъ мало, а ихъ хотя и много, да трусы.

— Ужь истинно, баринъ, изволите вѣрно сказывать; трусы и сказать трудно какіе — одно слово натрагъ постоянно... жаль насъ вотъ съ ними сколько погибло, а теперь у нихъ же чувства къ русскому нѣтъ: выжить-бы наровятъ скорѣе, на мусульманина чай, лучше смотреть.

— Сами-же мы и виноваты во многомъ—буянили, колоутили, пили, имъ и надоѣло, чему нельзя и удивляться.

— Да что-жь баринъ! буянилъ-то вѣдь не весь народъ какъ есть поголовно, больше изъ господъ, не въ обиду будь сказано, а нашему брату на что-же и пьянствовать-то, коль нѣтъ алтына въ карманѣ—поѣсть-бы и то слава Богу.

— Вамъ-же выдали деньги при отправкѣ въ Сербію и теперь по десяти дукатовъ, куда-же ушло-то все, что алтына у тебя нѣтъ въ карманѣ?

— Э, баринъ! деньгамъ-то этимъ счетъ одинъ только; изъ славянскаго вѣдь насъ отправили съ партіоннымъ начальникомъ, ему и деньги на расходы... намъ цѣлковыхъ по десяти досталось, тутъ тратить нужно было—да и поразошлись деньженки, а теперь тожь партіонный орудуешь—чужимъ добромъ распоряжается.

— Ты вотъ говоришь распоряжается—иначе какъ же и сдѣлать съ вами: каждому если дать деньги на руки—загуляете и останетесь въ Бѣлградѣ, а партіонный до мѣста довезетъ, и голодать не будешь.

— Спору нѣтъ, баринъ, что народу отчаяннаго много. Кому-же и ѣхать-то было другому; отъ хозяйства, или хорошаго дѣла, примѣрно, не уѣдешь—ни кола, ни двора у кого, тому и море по колѣна: куда угодно—терять все равно нечего...

— То-то вотъ—самъ говоришь, значитъ понимаешь, почему не даютъ на руки денегъ.

— Все-жъ, баринъ, обидно, слободнаго человѣка неволять. Мы вѣдь по своей охотѣ ѣхали, не поневолѣ, а нами, какъ некрутами либо ристованными, митеть спредѣляютъ!.. обидно...

— Да нужно же какой нибудь порядокъ соблюсти и Комитету—не на произволь-же васъ оставить! какъ по твоему?

— Слова нѣтъ, что нужно, да больно ужъ стѣснять стали—подумаешь душу продалъ за деньги; знатѣ бы въ пору про все, значитъ, эфтакое—Богъ съ ними, съ деньгами митетскими, дома-бы сидѣлъ не—мыкался.

— Ты развѣ изъ-за однихъ денегъ сюда ѣхалъ, что про знатѣ толкуешь?

— Спаси Господи—сталъ-бы я, али другой продаваться: за деньги-бы и, толковать тогда нечего, одно слово молчи, да исполняй; а тутъ человѣкъ примѣрно, за ту-же вѣру православленную идетъ — по своей значить волѣ, вотъ и обидно, коль спредѣляютъ, какъ ристованнымъ стануть.

— Да съ вами, что же дѣлають особеннаго! на руки если денегъ не выдаютъ, такъ вѣдь ты знаешь почему! а больше за что-же и обижаться?

— Не про деньги толкуемъ, баринъ... про нихъ такъ,

къ слову пришлось сказать. Обхожденіе вотъ—сами видите какое, точно ристованными понукають! мы тожь вѣдь люди, хоша простаго званія, а пришли за одно дѣло драться, уважить-бы и намъ слѣдовало. Одна душа и есть, что полковникъ Межениновъ—русскому человѣку братъ и начальникъ строгій, а то и сказать не про кого больше.

— Ничего, братцы, не унывайте, хорошее даромъ не пройдетъ. Дай Богъ вамъ до дому добраться, кланяйтесь Россіи! прощайте!

— Благодаримъ покорно баринъ, за доброе слово, счастливо оставаться! низко кланяясь, произнесъ просіявшій старый служака.

И правы вѣдь они были, простые добровольцы, что на нихъ, безукоризненныхъ борцовъ за идею — понятую, конечно, просто, по своему, смотрѣли какъ на орудіе благопріобрѣтенное, для достиженія цѣлей имъ непонятныхъ; что многіе считали этотъ народъ нравственно потеряннымъ, соблазненнымъ, лишь кушемъ единовременнаго пособія для болѣе широкаго распутства, что если онъ и стремился въ Сербію, то отъ нечего дѣлать и некуда дѣваться. А между тѣмъ такой взглядъ оказывался не только ошибочнымъ, но преступнымъ, искажающимъ историческую истину—высокія черты русскаго народа, впервые выступившаго самостоятельно и сознательно отстаивать высшіе человѣческіе интересы—права своихъ братьевъ, прозябающихъ подъ гнетомъ варварской власти. Выказавшій доброволецъ, что „много народу отчаяннаго“ и что укого ни кола, ни двора, тому терять нечего — доказалъ, что вообще ѣхали въ Сербію не отъ добра (за ничтожнымъ исключеніемъ); но такой сортъ людей изъ простаго народа руководился въ будущемъ не расчетами выиграть поѣздкой что либо, не надеждой удовлетворить свое честолюбіе, или

составить положеніе на новомъ поприщѣ — нажить легко деньги и вернуться матерьяльно обеспеченнымъ къ жизни, такъ ска-
зать, наполнить свой карманъ тѣмъ, чѣмъ русскій народъ и общество жертвовали на улучшеніе быта полуизнуренныхъ,
голодныхъ славянъ Балканскаго полуострова, и спасеніе остав-
шихся безъ крова и родителей сиротъ, изнывающихъ на пеплѣ
родныхъ своихъ развалинъ! — онъ ѣхалъ не съ тѣмъ! а съ
истиннымъ желаніемъ пролить свою кровь за святое дѣло,
хладнокровно разстаться съ жизнью, если прійдется, и, забывъ
прошлое, всецѣло посвятить себя — по своему понятой идеѣ!
только съ этимъ ѣхалъ простой, полупотерянный народъ рус-
скій! Тогда какъ высшій классъ добровольцевъ, за малымъ
исключеніемъ стремился съ цѣлями, только что отвергнутыми
въ простомъ народѣ. Вотъ существенная разница, состав-
ляющая наглядный историческій фактъ — между низшимъ и
высшимъ классомъ русскихъ волонтеровъ, одинаково пролив-
шихъ свою кровь въ рядахъ сербской арміи; вотъ данныя
дурныхъ отношеній съ сербами и вотъ причина, почему, какъ
выражался недавно доброволецъ, у сербовъ „чувствія“ къ
русскому нѣтъ. — Этому, а ни чему другому, можно приписать
несправедливость ихъ относительно простаго класса доброволь-
цевъ, заслужившихъ своимъ участіемъ на истинную призна-
тельность единовѣрцевъ. Конечно, такая холодность и небла-
годарность со стороны сербовъ не могла еще смутить русскаго,
сознающаго, что сражался не за нихъ исключительно, а за
идею — оправдывать честь и стремленіе своей націи; но во
всякомъ случаѣ она была ему горькая, тѣмъ болѣе, на ряду
съ другими фактами, его положенія того времени.

Тутъ же, не въ далека отъ пристани виднѣлась большая
освѣщенная кафана, куда, по словамъ жандарма, проѣхалъ
только-что г-ль Новоселовъ, отправляющійся въ Россію съ

этимъ-же пароходомъ. — Пойду, думаю, и я, кстати — закушу что нибудь. Войдя въ первую большую комнату, въ которой за высокой конторкой сидѣлъ черномазый сербъ (вѣрнѣе цыганъ), главный буфетчикъ ресторана, меня поразилъ пестрый видъ собравшейся тутъ публики: усѣвшіеся цѣлыми группами за всѣми столами добровольцы въ разнообразныхъ костюмахъ — кто въ сербской формѣ, длинныхъ сапогахъ, вооруженный, не потерявшій еще воинственного виду, кто въ рыжемъ, сыромъ полущубкѣ, издающемъ одурящій запахъ, и такихъ-же длиннѣйшихъ невычищенной еще кожи сапогахъ, какіе носятъ малороссы, кто въ изорванномъ партикулярномъ платьѣ и черномъ съ бронзовыми пуговицами и башлыкомъ пальтишкѣ, полученномъ на дорогу изъ комитета, кто въ фантастическомъ коротенькомъ полущубкѣ съ шашкой и дорожной торбой чрезъ плечо въ русской офицерской фуражкѣ, съ сигарой во рту и презрительнымъ взглядомъ на все окружающее, кто безъ сюртука и жилета въ одномъ лишь длинномъ гутаперчевомъ плащѣ и пунсовой фескѣ, кто въ щегольскомъ военномъ сербскомъ пальто и серебромъ шитомъ кеши, а кто въ папахѣ кавказскомъ нарядѣ, вооруженный съ ногъ до головы и статскомъ халатѣ въ накидку — представляли интересный видъ для посторонняго зрителя: все это ѣло, пило, курило и буквально кричало, такъ что въ общемъ сливалось въ море высказаній, не понятныхъ для самаго напряженнаго слуха. Одно, что ясно читалось на лицахъ этихъ подкутившихъ собесѣдниковъ — удовольствіе, но почему, ради чего? не знаю; вѣроятно, потому, что уѣзжали. Многіе лишенные мѣсть за столами, усѣлись на бильярдѣ — развязывали узелки, доставали что-то изъ нихъ, ѣли и снова бережно связывали; но такихъ бѣдняковъ съ разсчитанною копѣйкой на дорогу, было сравнительно не много — остальное все требовало и платило. Пригланувшись хорошо

къ этимъ типамъ и лицамъ въ первой комнатѣ, я вошелъ во вторую, рѣзко отличавшуюся отъ первой—тамъ шумъ, свобода обращеній, разговоровъ и манеръ, къ тому-же и нищенство, а здѣсь, говоръ, натянутость, пріятное начальству кривлянье подчиненныхъ—ну и матерьяльное благосостояніе. На большомъ диванѣ, посреди комнаты, сидѣлъ старикъ Новоселовъ въ сербской еще формѣ и, пожалованнымъ недавно Такова на шеѣ, окруженный выходцами-адъютантами въ новенькихъ съ иголки мундирахъ, и всѣми знаками сербскихъ военныхъ отличій въ петлицѣ—какихъ только достало въ княжествѣ наградить за храбрость этихъ героев, взвѣшенную и оцѣненную самимъ главнокомандующимъ. Кромѣ штаба г-ла Новоселова, было тутъ много и другихъ офицеровъ—уѣзжающихъ, а то, какъ и я, пришедшихъ взглянуть на людей; въ числѣ послѣднихъ, я встрѣтилъ нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ: мы сѣли ужинать.

— Кто этотъ старикашка адъютантъ Новоселова? кавказецъ что-ли!

— Какой тамъ кавказецъ—потому развѣ, что шашку чрезъ плечо носить. Онъ изъ отставки; прежде былъ въ Де-леградѣ, да оттуда Черняевъ турнулъ за какую-то исторію: вотъ онъ, отправился на Ибаръ, попалъ, какъ видите, въ адъютанты,—словомъ, сдѣлалъ карьеру въ одинъ мѣсяцъ.

— Ну ужъ не карьеру-ли, что адъютанствовалъ двѣ недѣли на Ибарѣ...

— Однако-же получилъ, серебряную и золотую медали за храбрость, Такова и деньжатъ въ трое больше другихъ—въ Сербіи это можно назвать карьерой, достигнуть въ двѣ недѣли того, чего ихъ офицеры годами не достигаютъ: золотая медаль, какъ вамъ извѣстно, дается въ исключительныхъ случаяхъ, въ родѣ какъ у насъ золотая сабля за храбрость.

— Въ этомъ, вся и карьера заключается?

— Ну да, чего же вамъ еще больше нужно для добровольца, выгнаннаго изъ моравской арміи?

— Какъ фамилія, этого героя?

— Бѣломоровъ.

— Ахъ, слышаль я про него давно ужъ, въ Делиградѣ; но тамъ онъ не пользуется хорошей репутаціей.

— Да и я вѣдь не хвалиль его передъ вами, насколько помню!

— Ну да, но какъ же онъ попалъ въ адъютанты?

— Давно-ли вы въ Сербіи, скажите?

— Три мѣсяца съ лишнимъ...

— И спрашиваете, какъ онъ попалъ въ адъютанты! странно... Если вы такъ интересуетесь, то наведите справки, какъ они всѣ попали въ адъютанты, — вотъ хотя-бы про Р—ва—признаннаго идіота, или М—ча — одесскаго коммисіонера — про всѣхъ ужъ за одно спросите, и намъ кстати расскажете: я же, отказываюсь знакомить васъ съ характеристикой этихъ господъ — это длинная исторія.

— О моравской арміи я имѣю понятіе, самъ видѣль многое, ну и слыхалъ кое-что: въ общемъ — я составилъ о ней дурное мнѣніе, почему и не удивляюсь, если вижу кого въ той арміи на высотѣ величія; но про ибарскую — одни хорошіе толки, въ газетахъ и всюду; вотъ почему — такой фактъ, какъ съ Бѣломоровымъ, ставитъ меня въ недоумѣніе.

— Кто-же васъ заставляетъ вѣрить безусловно въ эти толки, и не провѣрять факты насколько это возможно, — хотя-бы про Ибарскую армію. Что въ ней творилось меньше безобразій, произвола и всего дурнаго, то это же понятно почему: въ девятитысячной ибарской арміи, съ сотней офицеровъ, менѣе фактовъ и явленій, чѣмъ въ пятидесятитысячной мо-

равской съ восьмью тысячами русских добровольцевъ, въ числѣ которыхъ около двухъ привилегированнаго сословія — это не подлежитъ сомнѣнію, но $\frac{1}{2}$ дурнаго и хорошаго одинаковъ, какъ въ той такъ и въ другой — встрѣчалъ я и ибарцевъ въ такихъ продѣлкахъ, что отвернись да уйди. Въ генералѣ Новоселовѣ я тоже не вижу ничего выдающагося, какъ въ главнокомандующемъ — знаю, что старъ, къ военному дѣлу, уже мало способенъ, къ тому-же любить иногда за бутылочкой и душу отвести — что не безвредно вѣдь для полководца; знаю, что на Ибарѣ при немъ, стратегическое положеніе арміи къ лучшему не измѣнилось, что посылалъ онъ къ непріятелю парламентаровъ, для какихъ-то переговоровъ о демаркаціонной линіи, и что они просили турецкаго главнокомандующаго, вернуть имъ взятое орудіе 12-го октября, на батарее Г—ва, — знаю, что Али-паша въ отвѣтъ расхохотался и просилъ передать генералу, что несмотря на его искреннее желаніе исполнить такую просьбу, онъ не въ правѣ, какъ его противникъ, — а больше ничего такого не знаю. Но во всемъ этомъ не нахожу достаточныхъ данныхъ восхищаться ибарской арміей и ставить ее выше моравской, въ смыслѣ дѣйствій и организаціи — напротивъ, есть основаніе вывести противное заключеніе, именно — что она куда хуже моравской.

— Вотъ и понятно, почему вамъ кажется страннымъ мое хорошее мнѣніе объ ибарской арміи: — вы знаете про нее многое то, о чемъ я впервые слышу. Правда говорилъ я объ этомъ вопросѣ исключительно съ ибарцами, не покупившимися, вѣроятно, на преувеличенія въ хорошемъ свѣтѣ, но Новоселовъ, — мнѣ самому казался дѣльнымъ старикомъ — не такимъ какъ вы описываете, безтактнымъ.

— Если вамъ казалось, что онъ дѣльный, то вѣроятно

были какія нибудь данныя въ пользу такого мнѣнія: скажите ихъ въ такомъ случаѣ! можетъ быть они затмятъ слабыя стороны его, и выставятъ военнаго дѣльца заслуживающимъ на полное одобреніе со стороны цѣнителя...

— Такихъ данныхъ, которыя могли-бы отвѣчать вашимъ требованіямъ, у меня нѣтъ — такъ мнѣ казалось, что онъ дѣльный: но и вы же, вѣроятно, основываетесь на однихъ слухахъ?

— Къ сожалѣнію, это невѣроятно — я основываюсь на фактахъ — уже выяснившихся передъ всѣми, и на томъ что штабъ ибарской арміи знаю близко, какъ и самого Новоселова на посту главнокомандующаго; слѣдовательно имѣю данныя судить объ этомъ болѣе основательно и вѣрно, чѣмъ вы — составившій мнѣніе ни на чемъ не основанное, поверхностное — по первому впечатлѣнію.

— Въ чемъ-же вы упрекаете дѣйствія Новоселова, какъ главнокомандующаго, и его штаба?

— Дѣйствій, ни его, ни штаба, я не оцѣниваю и не упрекаю, потому, что ихъ не было — а поведеніе, нахожу недостойнымъ, заслуживающимъ одно порицаніе. Новоселовъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ въ половинѣ сентября, а въ армію отправился въ концѣ — числа 25-го — 6-го; 19-го октября объявлено перемиріе, слѣдовательно его командованіе арміей длилось 24 дня изъ коихъ, если вычесть три дня дороги на Ибаръ — получится 21 день, службы генерала во фронтѣ. Что имъ сдѣлано за это время въ арміи? — объ организаціи, или какихъ-бы то ни было преобразованіяхъ говорить нечего — они въ такой короткій періодъ времени невозможны, но въ стратегическомъ отношеніи, — что предпринято и, если предпринято, то къ какимъ результатамъ привело оно? Со дня пріѣзда генерала на Ибаръ и

по 17-е октября, серьезныхъ сраженій не происходило—ни сербы ни турки не пытались перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ—ограничиваясь незначительными перестрѣлками и оставаясь на своихъ позиціяхъ — турки болѣе выгодныхъ чѣмъ сербы. Между тѣмъ главнокомандующій ибарской арміей обнаружилъ за это время полную безтактность и, какъ я уже высказалъ, рядъ старыхъ привычекъ—существенно вредныхъ для дѣла: онъ назначилъ къ себѣ ординарцемъ г-жу С — ю и, предоставивъ свободу дѣйствій весьма малограмотному въ военномъ дѣлѣ начальнику штаба, предался развлеченіямъ, прогулкамъ, завтракамъ и отдыхамъ, подъ упоеніемъ внимательнаго ординарца, который не только старику, но и молодому способенъ вскружить голову и заставить забыть серьезную сторону своего положенія. Несмотря однако на бездѣйствіе воюющихъ сторонъ, генераль не скупился на награды и наказанія — всѣмъ своимъ адъютантамъ далъ медали и кресты за храбрость, начальнику штаба полковнику С — ко, нервно потрясенному разрывомъ вблизи турецкой гранаты во время перестрѣлки 9-го октября, главнокомандующій собственноручно повѣсилъ Такова на шею, а бригадному командиру (бывшему гвардейцу) маіору Ш — ву, пригрозилъ разстрѣляніемъ, въ случаѣ онъ не вернетъ позицій взятыхъ турками при вылазкѣ—и только хладнокровіе послѣдняго и доводы, что исполнить такое приказаніе невозможно, по недостатку силъ въ разбѣжавшейся бригадѣ — спасло его отъ неминуемой смерти, а генерала отъ отвѣтственности передъ совѣтѣею. Словомъ, что это зналъ, то дѣлалъ, безъ всякихъ диллокацій, приказаній или указаній—по собственному почину и произволу: планы, хотя и составлялись, но только въ штабѣ — безъ примененія, да и то — не спеціально военные — больше на счетъ время проведенія и строго-оборонительнаго образа военныхъ

дѣйствій. Но вотъ, за день до перемирія, турецкій главнокомандующій (вѣроятно, ради одного того ужъ, что неподобало не предпринять, что либо, на канунъ перемирія) открылъ огонь по всей боевой линіи, и завладѣвъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ своего противника нѣкоторыми, второстепенной важности позиціями, прекратилъ атаку, невозобновляя ея уже до перемирія. Вотъ вамъ, выдающееся сраженіе — первое и послѣднее, въ теченіи двадцати одного дня; а результатъ его, что убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ мало, благодаря за-благовременному бѣгству всего отряда, и что стратегическое положеніе противника значительно улучшилось, а сербовъ — ухудшилось. Послѣ этого дѣла, генераль, совѣмъ упустивъ изъ вида, что проводить демаркаціонную линію между воюющими сторонами будутъ не ихъ главнокомандующіе, а представители нейтральныхъ державъ, — безпристрастные судьи при оцѣнкѣ положенія обѣихъ армій, отправилъ все-таки, двухъ парламентаровъ во главѣ Гр — ва къ непріятелю, для переговоровъ, будто-бы по этому вопросу, — они вотъ между прочимъ и обратились съ наивною просьбой, вернуть взятое орудіе; но, какъ вамъ извѣстно, получили отказъ и, воспользовавшись любезнымъ гостепріимствомъ Али-паша, предложившаго послушать египетскую музыку и закусить, вернулись въ главную квартиру съ любезнымъ поклономъ генералу, и даже визитною карточкой турецкаго главнокомандующаго — а неустрашимому ординарцу, г-же С — ой, привезли отъ него подарокъ — серебряный кубокъ, въ знакъ особеннаго уваженія къ ея отчаянной храбрости. Словомъ, на Ибарѣ, какъ видите, жили мирно и соблюдали всѣ правила свѣтскаго приличія, отошедшаго на второй планъ въ Делиградѣ. — Вотъ почему я не оцѣниваю дѣйствій — говорю что ихъ не было, и порицаю поведеніе г-ла Новоселова и его штаба.

— Чему-же вѣрить, помилуйте! васъ слушаешь, нельзя не вѣрить, факты одни сообщаете, а на ряду съ этимъ видишь совершенно противоположное! вчера, на примѣръ, депутація отъ города поднесла г-лу Новоселову какую-то знаменитую пашку въ знакъ благодарности, за оказанныя имъ Сербіи услуги и территоріальное приобрѣтеніе въ пользу княжества на театрѣ военныхъ дѣйствій.

— Какое?...

— Будто-бы, сто шестьдесятъ турецкихъ селъ отошли на сторону сербовъ, за время командованія имъ арміей на Ибарѣ...

— Ужъ именно—будто-бы; потому, что подобный фактъ на дѣлѣ немыслимъ. Вы подумайте, сколько нужно пройти верстъ по турецкой территоріи для того, чтобы завладѣть такимъ количествомъ селъ; сколько нужно для этого времени, и какія должны быть успѣхи наступающаго, для достиженія этихъ результатовъ — громадныя, немыслимыя, съ сербскимъ войскомъ, и какимъ-бы то ни было на такой мѣстности, въ двадцать одинъ день!

— Вѣдь сербы-же это говорятъ, не русскіе...

— Что-жъ удивительнаго, что сербы! мало-ли тутъ есть какіе сербы, какъ на примѣръ его-же адъютантъ, М—ичъ—изъ одной лести, желанія получить что либо, станетъ трубить невозможное; а спросите вы другихъ, Ибарцевъ—хотя-бы П—ва или Б—ча—тѣхъ-же адъютантовъ, скажутъ-ли они вамъ, что это истина не подлежащая сомнѣнію... Наконецъ, я думаю вамъ извѣстно что тутъ существуютъ двѣ партіи—ничтожная, противъ Черняева и значительная, преобладающая—за, чѣмъ и можно объяснить такое явленіе, какъ депутація съ пашкой въ знакъ благодарности. Мнѣ кажется, и тутъ Генераль обнаружилъ

амбчательную безтактность—принятіемъ подарка за небывалыя територіальныя приобрѣтенія.

— Если такъ, какъ вы говорите, то конечно онъ поступилъ безтактно.

— А такъ-ли, предоставляю вамъ провѣрить—хотя-бы въ министерствѣ, гдѣ я думаю знаютъ, на сколько расширены или уменьшены територіальныя границы княжества, за время войны.

— Не знаете-ли, уйдетъ пароходъ ночью, или нѣтъ?

— Когда-же ночью, когда теперь уже полночь, а его нѣтъ еще изъ Смедерева — утромъ завтра не раньше, и то навѣрное сказать трудно.

— Неужели имъ всѣмъ тутъ и ночевать придется?

— Кто желаетъ не опоздать на пароходъ утромъ, тому одинъ исходъ — тутъ ночевать. Развѣ и вы собрались въ путь?

— Пока нѣтъ.

— Что-жъ вы интересуетесь, отойдетъ-ли пароходъ ночью?

— Да такъ—хотѣлось взглянуть на отъѣзжающихъ, но теперь отказываюсь—всю ночь сидѣть не стану.

Убѣдившись, что пароходъ не уйдетъ скоро, я простился съ собесѣдниками и отправился домой, — какъ проходя первую комнату, гдѣ такъ еще недавно все пировало, а теперь на тѣхъ-же столахъ, стульяхъ и полу, покатою спало; у самой выходной двери, наткнулся на слѣдующую сцену: Лудовъ, въ какомъ-то разъяренномъ порывѣ удерживалъ за полушубокъ рвавшагося къ дверямъ Метерсона и съ усиліемъ тянулъ его во внутрь комнаты: „нѣтъ, голубчикъ, довольно обѣщаній, денежки пожалуйте-съ“, задыхаясь, бормоталъ распорядитель, недовольный неисправнымъ плательщикомъ.

— Оставьте! оставьте! какъ вы смѣете!... кричалъ застигнутый, пытаясь вырваться изъ мускулистыхъ лапъ распорядителя.

— Денежки-съ, а то какъ угодно, церемониться не станемъ...

— Заплачу-же я, чертъ васъ возьми!... пустите!

— Позвольте получить и съ Богомъ, куда угодно-съ!... плакать не станемъ...

— Пустите! невѣжа вы такая... я васъ арестую!..

— Дудки-съ... денежки пожалуйста! Не захватилъ-бы—не догадались-бы, все обѣщаніями! знаемъ...

Вырывавшійся до сихъ поръ Метерсонъ, созналъ свое безсиліе, и предпочелъ заплатить, чѣмъ возиться съ геркулесомъ-распорядителемъ. Онъ торопливо досталъ кошелечекъ изъ кармана и, отсчитавъ дукаты, кинулъ ихъ на полъ, съ словами: „глотайте!.. понесло меня обѣдать“, а самъ выбѣжалъ изъ кафаны, хлопнувъ стеклянной дверью такъ сильно, что вся она разбилась въ дребезги. „Подберемъ, не бѣда, такъ вамъ и надо, мазурики“ приговаривалъ распорядитель, крехтя и подбирая остальные дукаты, подкатившіеся къ ногамъ спящаго добровольца. Въ сущности это была одна комедія, вызванная искусственной фантазіей Лудова, задумавшаго играть свою роль до конца—казаться поплатившейся жертвой общаго обмана, а на самомъ дѣлѣ ни онъ, ни другіе ничемъ не заплатились—славянская лишь касса уменьшилась на нѣсколько сотъ дукатовъ; но и она достигла своей цѣли—опація удалась, какъ нельзя лучше.

Непріятно теперь было возвращаться въ гостинницу: грязь, проливной дождь и темная ночь, заставили меня долго блуждать по незнакомымъ, узкимъ улицамъ, пока наконецъ добрелъ домой.

Тутъ новое явленіе заставило обратить на себя вни-

маніе—такъ ужь, что ни шагъ, то фактъ—не пустой, нѣтъ! а серьезный, одинъ изъ сотенъ и тысячъ въ этомъ родѣ фактовъ, можно сказать историческихъ. Въ кафанѣ, куда я вошелъ съ улицы съ цѣлью пройти въ свой номеръ, на диванчикѣ сидѣлъ юноша лѣтъ семнадцати, въ сѣромъ, такъ называемомъ комитетскомъ пальтишкѣ *), блѣдный, съ впавшими щеками, втянутыми, тусклыми, черными глазами,—онъ лихорадочно трясся и изрѣдка всхлипывалъ, отъ нахлынувшихъ, душившихъ его слезъ. Общій видъ этого страдальца былъ до того жалкій, что способенъ былъ потрясти и заставить принять участіе всякаго другого на моемъ мѣстѣ. Я подошелъ къ нему ближе, видимо не обратившему никакого вниманія на присутствіе посторонняго человѣка. „Что съ вами?“ спросилъ я насколько могъ ласково.

— Что... у-у-у-г-г-г-ы... у-у-у-г-г-г-ы... нич...! пробор-мotalъ онъ, разрыдавшись окончательно.

— Послушайте, успокойтесь, не плачьте—расскажите, что съ вами, можетъ быть можно помочь вамъ въ чемънибудь!.. Но бѣдняга не унимался—рыдалъ, какъ можетъ рыдать лишь человѣкъ въ тяжкомъ горѣ, безъ всякой надежды на помощь, уже ненужную, запоздавшую. Ни голодъ, ни холодъ, ни опасность не могли тутъ имѣть такого вліянія — что-то болѣе горькое заставляло эту юную, можетъ быть легкомысленную натуру страдать такъ сильно. Я сѣлъ рядомъ и оставилъ предлагать вопросы; юноша, успокоившись немного, приподнялъ голову, какъ-бы очнувшись, и, взглянувъ на меня полными слезъ глазами, заговорилъ ровнымъ, симпатичнымъ голосомъ—хотя слезы не переставали катиться по исхудалому, блѣдному лицу.

---

*) Отъѣзжающимъ добровольцамъ въ Россію (обносившимся окончательно), славянскіе комитеты, выдавали пальто чернаго цвѣта съ бронзовыми пуговицами.—Ихъ-то и называли „комитетскими“.

— Простите, что я не отвѣчалъ на ваши вопросы: я убитъ горемъ и надѣюсь, вы не въ претензіи.

— За что-же мнѣ быть въ претензіи, когда я же и виновать, что васъ беспокоилъ.

— Къ лучшему; я радъ, что встрѣчаю человѣка интересующагося моимъ положеніемъ — одному, Богъ знаетъ что въ голову приходитъ...

— Чѣмъ вы огорчены такъ? подѣлитесь, не найдется-ли возможность помочь горю!

— Охъ нѣтъ—никто ему не поможетъ, никто! я потерялъ отца и двухъ братьевъ!.. залился слезами бѣдняга.

— Когда и гдѣ, скажите-же мнѣ ради Бога?

— Братьевъ... въ Делиградѣ—они убиты 17-го октября, а отецъ въ госпиталѣ умеръ, отъ раны, — остались, я безъ всякихъ средствъ къ жизни, и мать нищая въ Россіи.

— Что-же васъ заставило уѣхать сюда всѣхъ, и оставить мать на произволъ судьбы?

— Многое... а главное—желаніе отца — онъ насъ уговаривалъ ѣхать и самъ не пожелалъ остаться.

— Я знаю, что тяжело рассказывать такую грустную исторію, но, искренно сочувствуя вашему положенію, желалъ-бы знать болѣе подробно, какъ и при какой обстановкѣ, все это случилось съ вами?

— Мы жили въ Екатеринославѣ—отецъ занималъ тамъ частное мѣсто, я служилъ въ пѣхотномъ полку вольноопредѣляющимся, а братья—средній, не могъ найти занятій и оставался дома, а старшій отставной офицеръ, частно занимался въ уѣздномъ казначействѣ. Жалованье отца и брата, составлявшее менѣе шестисотъ рублей въ годъ, было единственными нашими средствами къ жизни и только благодаря мамѣ —

экономной и хорошей хозяйкѣ, доставало ихъ, болѣе чѣмъ скудныхъ. Нужно вамъ сказать, что еще съ самаго начала славянскаго возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ, отецъ сочувствовалъ ему, горячо высказывался въ пользу возставшихъ, слѣдилъ за ходомъ событій и поговаривалъ, что прямая обязанность русскихъ — помочь единовѣрцамъ въ трудную минуту. Когда-же объявила войну Сербія и Черняевъ принялъ начальство надъ арміей, начали уѣзжать туда изъ Россіи волонтеры, образовались повсюду славянскіе комитеты и появились извѣстія въ газетахъ о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи, объ успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ г-ла Черняева, то отецъ до того увлекся, что заявилъ намъ все о своемъ рѣшеніи, ѣхать въ Сербію простымъ волонтеромъ. Насъ поразило намѣреніе старика, мы просили мать уговорить его остаться дома и заявили, что мы замѣнимъ его участіе — отправимся вдвоемъ въ Сербію, но онъ не согласился — сказалъ, что если мы уважаемъ его цѣль, какъ человека, и любимъ, какъ отца, то все послѣдуемъ его примѣру и что онъ не измѣнитъ рѣшенія — уѣдетъ во что бы то ни стало! Мать, пытавшаяся все время уговорить старика и надѣявшаяся достигнуть своей цѣли, не высказывалась въ пользу или противъ нашей поѣздки; но убѣдившись въ противномъ, просила насъ не думать объ ея будущемъ существованіи, а поступить такъ, какъ-бы ее и не было — сообразно съ своими желаніями и указаніями собственной совѣсти. Мы съ среднимъ братомъ еще не рѣшили, что дѣлать, какъ старшій, потерявъ занятіе въ казначействѣ, тоже заявилъ, что ѣдетъ въ Сербію: тутъ ужъ и намъ нельзя было идти противъ воли отца и старшаго брата — притомъ же я надѣялся быть произведеннымъ въ офицеры и вернуться въ полкъ тѣмъ-же чиномъ, а младшему брату — одному не зачѣмъ было оставаться дома, онъ не приносилъ пользы, а тутъ,

хотя и съ рискомъ, но могъ выиграть — попасть въ офицеры. Мы получили пособіе отъ комитета и съ партіей въ концѣ августа выѣхали изъ Екатеринославля, а второго или третьяго сентября, прибыли въ Вѣлградъ. Матушка осталась съ единственными двадцатью пятью рублями и надеждой на наше возвращеніе.

Въ Делиградъ мы пріѣхали около 10-го сентября — сейчасъ-же отправились на позицію, а 16-го, еще въ началѣ перестрѣлки, убиты оба брата и тяжело раненъ отецъ въ ногу и голову — его отправили въ госпиталь; уцѣлѣлъ я одинъ и рѣшилъ оставаться, пока не дождусь своей участи, но она явилась скоро: 25-го ночью обвалившейся стѣнкой въ нашемъ шанцѣ придавило меня такъ сильно, что товарищи вытащили полумертвымъ; докторъ нашелъ грудь серьезно поврежденной и съ разсѣтомъ отправилъ меня въ Парачинскій госпиталь. Двѣ недѣли спустя, когда стало замѣтно лучше, я выписался и зная, что отецъ лежитъ въ Чуприи, отправился туда, но опоздалъ; онъ, по словамъ доктора Таубера, перестрадавшій мученическія боли при операціи ноги и антоновъ огонь въ послѣдствіи, умеръ отъ разрыва сердца и похороненъ уже второй день. Простившись съ его могилой, я вернулся сюда съ цѣлью отправиться въ Россію. Кажется — съ желаніемъ возможнаго? да нѣтъ-же — и это не удалось мнѣ: какъ нижнему чину, для того, чтобы получить пособіе изъ комитета на дорогу, нужно было найти поручителя-офицера, или ѣхать въ партіи Богъ знаетъ какихъ людей; я предпочелъ первое: нашелъ повидимому порядочнаго человѣка, но ошибся. Онъ при мнѣ получилъ деньги, расписался и выѣхалъ изъ канцеларіи, сказавъ, что торопится навести какую-то справку — тутъ-же въ министерствѣ и что сейчасъ-же вернется: „дайте-же мнѣ деньги“, говорю, — „сію минуту вер-

нусь и отдамъ — уже въ дверяхъ мнѣ крикнулъ. Ну что-же, думаю, не надуется-же изъ-за двѣнадцати дукатовъ; ожидаю часъ, другой, третій, иду по всѣмъ отдѣленіямъ справляюсь, называю фамилію... никакихъ слѣдовъ. Возвращаюсь въ комитетъ, рассказываю о томъ, что случилось; тамъ мнѣ говорятъ, что по два раза не выдаютъ пособій. Что мнѣ оставалось тутъ дѣлать, когда вина не комитета, а моя-же? одно — уйдти ни съ чѣмъ. Вотъ вамъ вся моя исторія и причина, почему третій день скитаюсь по кафанамъ безъ ломаного гроша въ карманѣ. не зная, что предпринять и дѣлать съ собою...

— Какъ-же вы, такъ этого офицера и не искали?

— Гдѣ-же искать, когда ни адреса его не знаю, ни мѣста служенія!...

— Зачѣмъ-же вы обращались къ такому человѣку, котораго совсѣмъ не знаете — не нашли кого понадежнѣе?

— Знакомыхъ я никого тутъ не имѣю, а къ незнакомымъ — не все-ли равно, къ кому обратиться — одинаково не знаешь каждаго.

— Спросили бы когонибудь изъ старшихъ офицеровъ, вамъ-бы указали на человѣка порядочнаго, чѣмъ встрѣченному мазурику довѣряться! Но не въ томъ дѣло — деньги уже пропали, ихъ не вернешь — нужно думать о будущемъ; завтра, я съ ѣзжу съ вами къ члену московскаго комитета А—ву; онъ, какъ человѣкъ очень дѣльный и добрый, вѣроятно, будетъ вамъ полезнымъ — сдѣлаетъ, что возможно. Объ этомъ не тужите, а вотъ не закусите-ли чегонибудь; вы навѣрное проголодались — не стѣсняйтесь, если хотите?

— Ахъ, какъ-бы я былъ вамъ благодаренъ, если-бы онъ помогъ мнѣ уѣхать въ Россію...

— Да ужъ поможетъ, не беспокойтесь; пока къ нему, вы-бы поужинали безъ церемоніи. Чего тутъ стѣсняться —

свои люди: закусите-ка и ко мнѣ почевать милости просимъ, а завтра, Богъ дастъ, дѣлишки устроимъ.

— Я не стѣняюсь, но пораженъ встрѣчей съ вами и такимъ участіемъ! вѣдь не первый же день я скитаюсь, по цѣлымъ днямъ просиживаю въ кафанахъ, не одному рассказывалъ свое положеніе, и что-же! одни совѣты и улыбки—участія никакого, а тутъ вотъ въ полночь встрѣтилъ человѣка, какъ родного.

— Вы встрѣтили не родного, а испытавшаго горя много въ жизни... ну да о чемъ мы толкуемъ, успѣемъ еще наговориться—будетъ время: перекусите, что нашлось, пока не затворяютъ. Ему подали кое-что и бѣдняга, очевидно отошавшій за эти два дня, забылъ церемонію—принялся уничтожать, не разбирая.

— Въ началѣ разсказа, вы упомянули, что, отправляясь въ Сербію, рассчитывали быть произведеннымъ въ офицеры и вернуться въ полкъ тѣмъ же чиномъ; гдѣ-же вы думали произвести васъ—въ полку до отъѣзда, или здѣсь? спросилъ я успокоившагося юношу.

— Въ полку, я не могъ на это рассчитывать потому, что служу всего годъ, а права мои четырехлѣтнія — здѣсь думалъ произвести...

— Ну если-бы васъ тутъ и произвели въ офицеры, то какой-же толкъ для васъ изъ этого: въ сербской арміи служить васъ не оставили-бы—она въ мирное время всего пяти-тысячная, офицеровъ и своихъ много, а въ Россіи ваше производство не имѣло-бы никакого значенія—оно тамъ не признается, да было-бы и страннымъ, если-бъ признавалось...

— Какъ не признается! мнѣ и тамъ, и здѣсь говорили, что всякая награда, полученная теперь кѣмъ-бы то ни было изъ русскихъ въ рядахъ сербской арміи,—въ Россіи при-

знается безусловно! что всё вернувшіеся отсюда отставные офицеры, если пожелаютъ поступить на русскую службу, то будутъ приняты въ свои части тѣми чинами, какими они служили здѣсь,—несмотря даже на то, если-бы кто либо изъ нихъ вышелъ въ отставку прапорщикомъ, а вернулся изъ Сербіи полковникомъ!

— Кто-жь это вамъ рассказывалъ такую несообразность?

— Всё въ одинъ голосъ, кого ни спросишь.

— Какъ, и въ полку вамъ то же говорили?

— Нѣтъ, въ полку я не справлялся—меня уволили въ отставку безъ именованія воинскимъ званіемъ, у частныхъ властей, я выхлопоталъ заграничный паспортъ, и при такихъ вотъ условіяхъ уѣхалъ,—но другіе кого ни спрашивалъ, начиная съ мамыши и тѣхъ-же отставныхъ военныхъ, которые сюда ѣхали, наконецъ тутъ уже, многіе офицеры, даже штабные,—всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ одно и то же, что награды и чины будутъ признаны въ Россіи безусловно и что время, проведенное въ Сербіи, зачтется за дѣйствительную службу.

— Жаль, что передъ отъѣздомъ, или даже выходомъ въ отставку, вы не спросили, когонибудь, изъ офицеровъ, своего полка, а то и просто въ полковой канцеляріи не навели справку—имѣютъ-ли подобные слухи какоенибудь основаніе, можно-ли рассчитывать, что ваше производство въ офицеры въ Сербіи будетъ имѣть значеніе въ Россіи; тамъ-бы вамъ, пожалуй, сказали другое, чѣмъ всё, у кого вы спрашивали, начиная съ мамыши—можетъ-быть и ѣхать-то сюда вы-бы раздумали. Теперь хотя и поздно, поѣздой вы потеряли уже много—здоровья и всего, но я изъ того принципа, что „лучше поздно, чѣмъ никогда“, объясню вамъ кое-что по этому вопросу,—и до чего заблужденіе подобныхъ, какъ

у васъ взглядовъ, имѣетъ теперь плачевныя послѣдствія. Я вѣрю, что и мамаша, и всѣ кого вы встрѣчали—не военные, или отставные и добровольцы—уже здѣсь, увѣряли васъ и доказывали, что служба, чины и награды будутъ признаны въ Россіи—что такъ, а не иначе вамъ говорили, я увѣренъ; но знаете-ли вы, на чемъ основаны такіе расчеты? Мамаши, на слухахъ, а остальныхъ—на недалекости и незнаніи элементарныхъ основныхъ законовъ благоустроеннаго государства, хотя-бы своего собственнаго—Россіи! Вѣдь русскіе, сражавшіеся въ рядахъ сербской арміи, никто иные, какъ волонтеры, такъ сказать добровольцы, уволенные своимъ правительствомъ на извѣстный срокъ за границу,—на общихъ гражданскихъ законахъ; и взявшіеся за оружіе—въ Сербіи-ли, во Франціи-ли, въ Германіи-ли, но безъ разрѣшенія своего правительства, — а слѣдовательно и права на то, чтобы военные заслуги и подвиги, добровольно ими оказанные въ какомъ нибудь уголкѣ Европы, были признаны правительствомъ своего отечества! Точно также, какъ не имѣли права рассчитывать на то же самое участвовавшіе въ польскомъ возстаніи 63-го года, какіе нибудь иностранцы, вздумавшіе сражаться противъ русскихъ! Сравненіе, мнѣ кажется, весьма подходящее — Россія христіанская держава, подавляла возстаніе своихъ подданныхъ, какъ теперь варварская мусульманская турція, подавляетъ возстаніе славянъ — такихъ-же своихъ подданныхъ: польское возстаніе—вспышка замысловъ безумныхъ честолюбцевъ противъ правительства, установившаго для всѣхъ законъ одинъ и тотъ-же, ограждающій интересы и личное существованіе каждаго гражданина, и одинаково справедливо, карающій и милующій, безъ различія кто на это заслуживаетъ—послѣдній мужикъ или свѣтлѣйшій князь! славянское же теперь — неизбѣжная борьба, вѣками угнетенныхъ

народовъ, взявшихся за мечъ, отстаивать права человѣчества и свободу своей вѣры—бороться противъ варварства и произвола! Итакъ, польское возстаніе—безумное, честолюбивое, не заслуживающее уваженія и сочувствія, а славянское—благородный и справедливый порывъ обезчещенныхъ и угнетенныхъ народовъ; но фактически, какъ то, такъ и другое—возстаніе подданныхъ противъ своего правительства такъ сказать — мятежъ, не входящій въ область узаконеннаго строя государственной жизни; а слѣдовательно и заслуги чьи-бы то нибыли въ рядахъ возставшихъ, не могутъ быть признаны ни однимъ изъ правительствъ, установившимъ такую жизнь своихъ народовъ — и это очевидно, и неподлежитъ сомнѣнію. Между тѣмъ расчеты тѣхъ, кто думалъ выиграть поѣздкой въ Сербію —выдвинутыя въ чинахъ, составить положеніе, или однимъ фактомъ этой поѣздки исправить кое-что прошлое и, обновленнымъ вернувшись въ отечество, занять соотвѣтствующій постъ, привели къ горькому разочарованію, проклятіямъ, нищенству и скитанію — только къ этому и ничему больше. Возьмемъ, хотя-бы васъ:

Вы служили въ пѣхотномъ полку уже годъ вольноопредѣляющимся на четырехлѣтнемъ правѣ, не нуждаясь ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ квартирѣ—оно полагалось отъ казны; съ каждымъ днемъ двигались впередъ, и до офицерства оставалось три года—срокъ въ ваши лѣта, весьма недолгій: словомъ, были на дорогѣ, общающей въ будущемъ хотя и не блестящую карьеру, но опредѣленное приличное положеніе, дающее возможность существовать и приносить пользу себѣ и другому. Вдругъ, говоритъ вамъ мамаша, или кто нибудь изъ знакомыхъ, что Сербія объявила войну Турціи, что туда ѣдутъ русскіе добровольцы—даже офицеры выходятъ въ отставку и уѣзжаютъ сражаться; читаете, что Рос-

сія шлетъ докторовъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія, цѣлыя санитарныя отряды, жертвуетъ деньги! Начинаете разспрашивать у той-же мамыши или у другихъ,—и узнаете, что поездкой въ Сербію по службѣ ничего не теряется, а напротивъ выигрывается, что, если васъ произведутъ въ Сербіи, то это признають и въ Россіи; понятно увлекаетесь, будущимъ, выходите въ отставку и отправляетесь въ Сербію—отчасти изъ сочувствія къ самому вопросу, а больше несомнѣнно изъ разсчета—правда невиннаго, ничуть васъ некомпрометирующаго, но изъ него. Въ такомъ ажетированномъ настроеніи являетесь въ Сербію, пускаетесь въ бой, сражаетесь—безропотно переносите всякія лишенія, утѣшая себя будущимъ офицерствомъ, крестомъ за храбрость, преимуществомъ и почетомъ въ кругу товарищей,—словомъ, живете и чувствуете въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ то же время бессознательно. Такъ проходятъ недѣли незамѣтно; но вотъ повторяется бой, вы сражаетесь съ тѣми-же надеждами, но менѣе счастливо—васъ изувѣчили. Попадаете въ госпиталь—тамъ выздоравливаете, и все еще слабымъ физически возвращаетесь въ столицу того княжества, за которое сражались, и потеряли здоровье—ожидаете наградъ, чиновъ, денегъ—но только ожидаете,—они вамъ не даются; наконецъ обращаетесь въ Славянскій комитетъ за пособіемъ, съ цѣлью вернуться въ Россію и тамъ найти все чего здѣсь не получили! вамъ выдаютъ въ комитетѣ двѣнадцать дукатовъ, но ихъ крадетъ поручитель, остаетесь безъ копѣйки—все-жь таки съ надеждой на будущую оцѣнку вашихъ подвиговъ; голоднымъ, холоднымъ встрѣчаетесь, положимъ, со мною, и узнаете, что всѣ ваши разсчеты не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, что надежды не сбудутся въ Россіи и что даже на службу вернуться въ полкъ составляетъ нѣкоторое затрудненіе. Что-же ощущаете, когда узнаете такую

горькую истину, какъ не горькое разочарованіе и сожалѣніе къ себѣ и къ необдуманному шагу! И не вы одинъ, а тысячи подобныхъ вамъ юношей, пріѣхавшихъ сюда съ розовыми надеждами, ощущаютъ то же. Вѣдь вы, какъ говорите, рассчитывали быть здѣсь произведеннымъ въ офицеры и тѣмъ-же чиномъ вернуться въ полкъ—главное, почему отправились въ Сербію, а братъ—отъ нечего дѣлать,—съ вопросомъ же, вы не были знакомы, одинъ отецъ увлекся самой идеей, и старшій братъ, если не ошибаюсь...

— Старшему, отказали въ казначействѣ—онъ тогда и рѣшилъ ѣхать, а намъ отца жаль было—разставаться не хотѣлось... ну и произвести, думалъ, скорѣе. Я отъ васъ перваго слышу, что въ Россіи ничего не признаютъ...

— Признаютъ, но только одинъ фактъ—вашу поѣздку за границу и ничего больше—вернитесь вы хотя-бы съ Такова первой степени... Скажите откровенно, почему вашему брату отказали въ казначействѣ,—вѣдь не безъ причины-же?...

— Жаль вспоминать о немъ—бѣднягѣ... легъ-же онъ въ общую могилу, Богъ съ нимъ...

— Я вѣдь васъ не спрашиваю съ цѣлью посмѣяться или укорять его теперь, когда ужъ все кончено, а такъ хотѣлъ знать, что его заставило уѣхать въ Сербію.

— Пилъ онъ въ послѣднее время запоемъ, Богъ ужъ его знаетъ почему...

На другой день утромъ, я отправился съ юношей въ А—ву, который, спасибо ему, принялъ самое живое участіе въ бѣднягѣ — въ тотъ-же день снабдилъ его деньгами и отправилъ разбитаго горемъ сына, къ несчастной матери въ Россію—сдѣлавъ все, что было въ его власти и предѣлахъ возможности. Но не доказываетъ-ли этотъ фактъ Екатеринославской семьи, что 90% русскихъ добровольцевъ ѣхали въ

Сербію по расчету, или просто отъ нечего дѣлать и некуда дѣваться,—а 10⁰/о только, изъ за идеи? Не доказываетъ-ли онъ, что вопросъ былъ искаженъ въ глазахъ средняго класса и что наша періодическая печать, за малымъ исключеніемъ, слѣдовала по ложному пути, не отвѣчающему ни событіямъ того времени, ни политикѣ Россіи—и что она заблуждала общество, тогда ей вѣрившее безусловно?

Характеристическіе типы. — Ради Бога уѣзжайте. — Раздирающая душу сцена.

Такъ уже часу въ четвертомъ по-полудни, не помню въ какой день,—ну да и не къ чему это помнить,—гулялъ я по улицамъ Бѣлграда,—теперь по такъ—называемой Главной, на который что ни шагъ, то кафана, то толпа бушующихъ добровольцевъ. Вотъ иду, погруженный въ раздумье, и не обращаю никакого вниманія на все окружающее, какъ схватываетъ меня кто-то сзади за пальто и хрипло произноситъ „и вы еще здѣсь?“ Хотя въ Бѣлградѣ въ то время такія неожиданности случались часто—мало кто имъ и удивлялся, но для меня теперь ощущеніе совсѣмъ ужъ не нѣжной ручки и незнакомаго голоса фразы, были электрическимъ токомъ — я вздрогнулъ и моментально очутился лицомъ къ лицу съ виновникомъ приключенія, но замеръ при видѣ еле узнаваемой фигуры: предо мною стоялъ средняго роста, преклонныхъ лѣтъ, старецъ, съ бѣлой какъ лунъ головою, блѣднымъ, окровавленнымъ лицомъ, подбитыми глазами, распухшей, разорванной верхней губой, сквозь которую проглядывали зубы и десна,—

въ длинныхъ сапогахъ, гутаперчевомъ плащѣ и черногорской шапкѣ, съ головы и до ногъ въ грязи — уже присохшей къ его костюму и лицу. На минуту я задумался при видѣ такой фигуры — сталъ припоминать, кто-бы это могъ быть изъ моихъ знакомыхъ добровольцевъ и, не отвѣчая на разпросы старика, пристально глядѣлъ на него — но только на минуту: знакомыя симпатичныя черты его напомнили мнѣ, кого я вижу, — это былъ старый оставной кавалеристъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства Калужской губерніи Г... „Вы-ли это!“ невольно и неумѣстно выказалъ я удивленіе.

— А, что — не узнаете развѣ?

— Теперь-то узнаю — и то съ трудомъ скажу, откровенно. Что съ вами случилось? вѣдь глядѣть на васъ страшно!...

— Почему страшно?..

— Да взгляните-же на себя, на кого вы похожи!... Не говоря уже о костюмѣ, но лицо-то вѣдь все изуродовано!...

— Ахъ, лицо... Это тамъ еще, въ Смедеровѣ, я вчера только пріѣхалъ... все ничего-бы, да губа вотъ болитъ... пойдемъ въ кафану, чѣмъ тутъ на холодѣ мерзнуть: коньячкомъ меня угостите и закусимъ вмѣстѣ; пойдемъ, нечего думать — тянулъ меня старикъ за рукавъ, машинально уклонявшася. Я повиновался, и мы отправились въ ближайшую кафану „Русскаго Царя“, пріобрѣвшую особенную популярность у сербовъ, со дня перемирія. Теперь мы поспѣшно стремимся къ цѣли и почти не ведемъ разговора; воспользуюсь-же этимъ временемъ и познакомлю читателя нѣсколько ближе съ личностью моего спутника. Недѣли двѣ съ лишнимъ тому назадъ, я познакомился съ такимъ-же сѣдымъ старикомъ, но бодрымъ, пріятнымъ, опратно одѣтымъ въ сербской военной костюмъ, вооруженнымъ богатой кавказской шашкой и украшеннымъ

орденомъ Владимира въ петлицѣ; изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Сербію всего нѣсколько дней,— раньше не могъ, хотя и желалъ, что этому мѣшали домашнія обстоятельства и, какъ предводителю, обязанности по службѣ, что все уже онъ покончилъ и, собравъ, какія были, наличныя средства, явился сюда, съ цѣлью не дорожить жизнью — никому уже не нужной.— Неужели-же у васъ ни семьи нѣтъ, ни родныхъ, ни даже близкихъ знакомыхъ, что некому и вспомнить объ васъ будетъ? спросилъ я разочарованнаго старика.

— Семьи нѣтъ, а родные да знакомые горевать по мнѣ не станутъ, вспоминать-же и подавно, — наслѣдства не оставилъ...

— Ну да теперь-то и тутъ неопасно, не сегодня—завтра перемиріе, Богъ дастъ—въ Россію вернетесь здоровымъ и невредимымъ...

— Вотъ ужъ не желалъ-бы перемирія дожидаться, да еще въ Бѣлградѣ,— на позиціи-бы дѣло другое, а всего лучше, свою-бы найти поскорѣе...

— Кого, свою!

— Пулю, чѣмъ въ мои годы скитаться...

— Вы-же вѣдь предводителемъ были, развѣ это скитанье?

— Скитанье! а то и хуже въ моемъ положеніи... ну да, что мнѣ вамъ рассказывать свою исторію — вспоминать не-пріятное. Прощайте! не убьютъ—вернусь, тогда и потолкуемъ, а теперь не до того, прощайте!

— Куда-же вы торопитесь? не сегодня вѣдь въ Делиградъ уѣзжаете?

— Не только сегодня, но сейчасъ, прощайте!... произнесъ старикъ, торопливо уходя изъ кафаны.

Но вотъ прошло двѣ недѣли, и все измѣнилось — я того-же старика встрѣчаю на улицѣ въ ужасающемъ видѣ,

не узнаю его, наконецъ узнаю — и въ недоумѣніи, что съ нимъ случилось, отправляюсь въ кафану „Русскаго Царя“, съ цѣлью угостить коньячкомъ бѣднягу и узнать суть загадочной исторіи. Мы только что вошли, усѣлись за отдѣльный столикъ, и потребовали выпивки и закуски.

— Ну гдѣ-же вы были это время, — при Дюнишѣ кровь проливали, или въ резервѣ — въ Делиградѣ?

— Гдѣ тамъ въ Делиградѣ, меня перемиріе въ дорогѣ застигло... живымъ вотъ еле вернулся... убили-бы разбойники ни за грошъ...

— Какіе разбойники! Туркамъ, что-ли, вы въ руки попались?

— Не туркамъ, — ихъ нѣтъ тамъ-гдѣ я былъ, а своимъ — немногимъ лучше турокъ... разбойникамъ...

— Вы мнѣ подробнѣе расскажите, что съ вами случилось! такъ, не поймешь о комъ вы говорите, — кто такіе эти разбойники...

— Да наши-же, — добровольцы.

— Я понимаю, но хочу знать подробности этой исторіи — тѣмъ болѣе, что она случилась съ вами, моимъ знакомымъ.

— Помните, когда мы съ вами разстались въ Кронѣ — я въ тотъ-же день вечеромъ выѣхалъ въ Делиградъ. Дорога оказалась прескверная, до того грязная, тяжелая, что только къ двумъ часамъ ночи дотянулся до Смедерева — тамъ почеваль, утромъ двинулся въ путь и за цѣлый день и всю ночь, такъ ужъ передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ Чупрію — тутъ меня буквально сняли съ повозки: до того всего разломало. Ну, думаю, славу Богу, ближе къ цѣли, завтра въ Делиградъ, а тамъ не моя забота — чему быть, тому не миновать; утромъ просыпаюсь, правда не особенно и рано, — часу въ двѣнадцатомъ, а то и позже, отправляюсь на стан-

цію за лошадьми, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что уже объявлено перемиріе и въ Делиградѣ, нѣтъ ни штаба, ни войскъ — всѣ бѣжало въ Парачинъ. Повѣрите-ли, я до того потерялся, пришелъ въ отчаяніе отъ этого извѣстія, что все утро блуждалъ по Чупріи, не зная что съ собой дѣлать и куда дѣваться. И было вѣдь чего — согласитесь: покончилъ всѣ дѣла, дома, отказался отъ должности, свелъ, можно сказать, итогъ своей жизни и счелъ единственный исходъ подходящимъ — уѣхать сюда и попытаться, не найду-ли тутъ свою могилу; наконецъ, осуществилъ планы — пріѣхалъ! и вдругъ, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ цѣли своего стремленія, къ которой преодолѣлъ уже нѣсколько тысячъ верстъ — совершается фактъ, и надежды, планы, созданная воображеніемъ будущность — разбиваются въ-дребезги!.. Человѣкъ, создавшій ихъ, остается одинокимъ, покинутымъ, безсильнымъ борцомъ, съ случайностями и Богъ вѣсть какими явленіями въ неизвѣстномъ — даже не предначертанномъ собою будущемъ! Горько-же, согласитесь, испытать такую неудачу!.. произнесъ старикъ дрожащимъ голосомъ, видимо сильно потрясенный воспоминаніями, и продолжалъ: Въ Чупріи я встрѣтилъ многихъ добровольцевъ въ моемъ-же положеніи — съ тою лишь разницей, что они были довольны перемиріемъ и съ радостью рѣшили ѣхать обратно, а я нѣтъ — мнѣ хотѣлось ѣхать, драться и быть убитымъ! но векорѣ и я пришелъ къ заключенію, что ничего не остается, какъ вернуться въ Бѣлградъ — присталъ къ лагерю большинства; отправляюсь на ту же станцію за лошадьми — что-жь-бы вы думали? На отрѣзъ отказываютъ! всѣ въ разгонѣ, говорятъ; нечего дѣлать, хотя и грязно и далеко, но нужно идти пѣшкомъ, тѣмъ болѣе слѣдовало такъ поступить, что Чупрія наполнилась добровольцами изъ Делиграда, да такими отчаянными — голодными, безъ копѣйки денегъ, что

оставаться новому человѣку, прилично одѣтому, посреди не признающихъ властей воиновъ, значило рисковать собою, — не задумаются вѣдь и ограбить; къ тому-же и деньжатъ у меня было порядочно — сорокъ наполеондоровъ золотомъ — кушъ соблазнительный для полунагихъ и голодныхъ бѣглецовъ. Вотъ нашелъ я себѣ двухъ компаньоновъ — добровольцевъ, и 19-го октября отправился въ путь; прошли мы въ этотъ день верстъ пятнадцать — не больше, устали окончательно — имъ больнымъ плохо приходилось, и мнѣ старику попытка оказывалась не по силамъ, но какъ они, такъ и я рѣшили идти, пока хватитъ силъ — добраться-бы до Смедерева, а тамъ довезутъ на пароходѣ: однако-же застигла ночь, и мы расположились въ кафанѣ съ цѣлью отдохнуть до утра. На другой день снова въ путь, хотя скажу откровенно, что еле передвигали ноги, — дотащились до первой деревушки и дальше ни шагу — прошли верстъ десять, а то и меньше. Что, думаемъ, дѣлать? — одинъ мой спутникъ съ рукой прострѣленной, охоть началъ — рана увеличилась, а другой въ лихорадкѣ страдалъ не меньше — одинъ я оставался пока здоровымъ, да и то, какимъ-же здоровымъ — одному Богу извѣстно. Большинствомъ голосовъ мы рѣшили, что имъ слѣдуетъ остаться въ ближайшемъ лазаретѣ — оправиться немного, а мнѣ идти пока возможно; поднялись и прошли еще верстъ восемь — тутъ, не помню уже въ какомъ мѣстечкѣ, я ихъ оставилъ въ лазаретѣ, а самъ отправился на станцію, попытать счастья — не дадутъ-ли лошадей, и не ошибся; мнѣ дали одноконку, но до того уставшую, просто загнанную, что съ часу дня и до полуночи мы сдѣлали всего двадцать пять верстъ; пріѣхали въ какую-то деревню, гдѣ сербъ мнѣ заявилъ, что дальше не повезетъ, ну да и я не могъ требовать невозможнаго; иду на станцію, гдѣ какъ и въ

Чуприн, отказываютъ въ лошадяхъ; отправляюсь ночевать въ кафану, а утромъ по старому, на собственной парѣ... Такъ въ перемежку—то пѣшкомъ, то въ колѣ—выпросишь гдѣ, подѣдешь, путешествовалъ я цѣлую недѣлю, и только 26-го достигъ Смедерева—въ теченіи семи дней сдѣлалъ сто слишкомъ верстъ. Тутъ-то вотъ и ожидала меня роковая исторія, которую вѣкъ не забуду:—благообразнаго, прилично одѣтаго, съ деньгами въ карманѣ старика превратила въ урода оборваннаго и нищаго!.. Видно, Господь наказалъ... но за что, за что же? когда я всю жизнь горько страдаю!.. произнесъ разстроенный старикъ и, закрывъ лицо руками, тихо зарыдалъ. Многіе изъ посѣтителей обратили на насъ вниманіе—удивленно смотрѣли на старика въ такомъ ужасномъ видѣ. Но скоро онъ успокоился и сталъ продолжать свой разсказъ: Было уже за полночь,—началъ старикъ протирая глаза сухой, посинѣвшей отъ холода рукой—дождь шелъ проливной, но на улицахъ, не смотря на такую погоду, слышался русскій говоръ толпившихся добровольцевъ; я направился на огонекъ, свѣтившійся въ ближайшей кафанѣ, гдѣ разсчитывалъ остаться и ночевать, въ случаѣ найду свободный уголокъ; но войдя въ нее убѣдился въ неосновательности своего расчета—тутъ происходило доселѣ мною невиданное: масса добровольцевъ, наполнявшая кафану, на половину пьяныхъ, оборванныхъ, забрызганныхъ грязью и вооруженныхъ почти безъ исключенія огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, потрясала новаго человѣка своимъ отчаяннымъ видомъ—одни требовали пить, другіе ѣсть, третьи спорили, упрекали другъ друга, стуча кулаками и доказывая правоту своихъ мнѣній, иные приспособляли постель, на громадномъ, по-средиѣ стоявшемъ билиардѣ, на столахъ, диванахъ и поставленныхъ вдоль стѣнъ скамейкахъ, а тѣ кому не достало мѣстъ болѣе возвышенныхъ—

ложились на грязномъ полу, не обращая никакого вниманія— что происходитъ, надъ ними и рядомъ — многіе изъ нихъ уже спали крѣпкимъ сномъ. „Неужели нѣтъ номеровъ въ гостинницѣ, что тутъ вотъ располагаются“? спросилъ я у одного изъ добровольцевъ. „Вамъ-бы поискать, не найдете-ли“, отвѣтилъ онъ мнѣ отрывисто и грубо, смѣривъ такимъ грознымъ взглядомъ, что я, скажу вамъ откровенно, струсилъ не на шутку. Вообще я замѣтилъ, что многіе изъ нихъ обратили на меня недружелюбные взоры. Вотъ бѣда, думаю, примутъ за штабнаго, поколотятъ — просто зря придерутся... Кафаныщикъ, къ которому я обратился съ вопросомъ, нѣтъ-ли свободнаго номера, покачалъ отрицательно головою и, указывая на посѣтителей, взвелъ плечами, какъ-бы ужасаясь наплывомъ безцеремоннаго люда. Вижу, дѣло плохо — дѣваться некуда; отправляюсь я въ большую гостинницу, что у самой пристани, прихожу, и тутъ такая-же масса добровольцевъ — расположившихся гдѣ попало, съ тою лишь разницей, что въ сѣняхъ даже толпился безпріютный народъ; о номерахъ и помышлять было нечего — они заняты начальствомъ и статскими туристами. Теперь мое положеніе стало куда хуже: я усталъ, промокъ, а попасть и въ кафану было уже трудно — пропадай гдѣ хочешь, некому заботиться. Возвращаюсь я въ прежнюю кафану — гдѣ нибудь да улягусь же, думаю, — все же лучше чѣмъ всю ночь на улицѣ мокнуть: прихожу, предлагаю тому-же кафаныщику деньги, хотя-бы золотой, за ночлегъ, лишь-бы согрѣться отъ холода — тутъ бы не ночевать съ такой массой. Сербъ соблазнился моимъ предложеніемъ, провелъ меня въ крошечную комнатку, рядомъ съ своей квартирой, которая по его словамъ, занята какимъ-то туристомъ, уѣхавшимъ на время въ Бѣлградъ. Можете себѣ представить, въ какомъ я былъ восторгѣ!... обѣщанный золотой за пріютъ мнѣ ка-

зался ничтожнымъ вознагражденіемъ, въ сравненіи съ удобствами этой конуры, въ которой, кромѣ деревянной, обильной клопами кровати, простыни, цвѣтной подушки и одного на трехъ ногахъ стула, ничего больше не было. Я кинулся въ постель, не забудьте—промокшій до ниточки, и всю ночь и утро проспалъ съ наслажденіемъ,—только стукъ въ дверь пришедшаго будить кафаньщика заставилъ меня проснуться и съ большой неохотой встать съ постели; отъ него я узналъ, что уже двѣнадцать часовъ и что въ четыре по-полудни отходитъ пароходъ въ Бѣлградъ. Расплатившись съ любезнымъ сербомъ за ночлегъ, особенно довольнымъ заманчивой выручкой, я отправился на пристань. Дождь продолжалъ лить, какъ и вчера, но явленіе ненастной погоды не отвлекало моего вниманія, отъ того, что происходило на улицахъ, возлѣ кафановъ и на самой пристани; вчера, наприм., я былъ пораженъ видомъ такого множества добровольцевъ, лишенныхъ пріюта, а сегодня—сотнями ихъ, лишенныхъ не одного пріюта, а одежды, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, пищи и помощи чьей-бы то ни было!.. толпа голодныхъ, безъ обуви, въ изорванномъ платьѣ, блуждала по улицамъ, приставаая къ прохожимъ, опрятно одѣтымъ, съ просьбами помочь имъ нѣсколькими динарами (франками). „Мы не ѣли уже второй день, дайте же чтонибудь! — дайте“! останавливали они меня на пути нѣсколько разъ такими фразами. Кое-гдѣ встрѣчались бунтующіе воины, произвольно расправлявшіеся съ тѣми, кто имъ мѣшалъ на пути, или прекословилъ, а изрѣдка и дравшіеся въ отчаянной схваткѣ съ противниками; возлѣ одного кафана сгруппировалась большая толпа сербовъ и русскихъ, видимо собравшаяся туда по чемунибудь выходящему изъ ряда—къ нимъ подошелъ и я; только вижу, что выскочившіе изъ кафаны нѣсколько добровольцевъ, съ окровавленными лицами,

безъ шапокъ, бросились бѣжать по разнымъ направленіямъ, а другіе догонять ихъ. „Что случилось“ спрашиваю у стоявшихъ тутъ рядомъ со мною. „Деньги и шинель стащили, ихъ вотъ и бьютъ пострадавшіе“. Повѣрите-ли, подо мною ноги подкосились,—стащили вѣдь не отъ добра, сами посудите!.. Ёсть нечего—и тащутъ... понятно. Не дожидаясь окончательной развязки—по всему вѣроятію еще болѣе драматичной, я побѣжалъ на пристань; какой-то страхъ овладѣлъ мною!.. казалось, что каждую минуту встрѣтитъ тебя что нибудь особенное, неумолимое, мучительное!.. Но и бѣжалъ-же на пристань—подумаешь за дѣломъ: тутъ тѣ же явленія, что и на улицахъ, но въ увеличенномъ видѣ. Я опоздалъ — пароходъ уходилъ не въ четыре, а въ два часа—теперь уже отчаливалъ отъ берега нагруженный массой пассажировъ, преимущественно добровольцевъ — радовавшихся, что попали, что есть возможность добраться до Бѣлграда; остальная толпа этого элемента, оставшаяся на берегу, побрела въ разные стороны города. Нищихъ тутъ было такое множество, останавливавшихъ каждого, какъ я вамъ сказалъ, опрятно одѣтаго, что изъ-за нѣсколькихъ динаровъ, пожертвованныхъ мною одному добровольцу, накинулись на него другіе, стали отнимать, а послѣ драться изъ-за добычи, уже межъ собою. Зашелъ я въ гостинницу: тотъ-же произволъ царствуетъ — одинъ бьетъ до полусмерти кельнера, посмѣвшаго спросить съ него деньги за закуску, другіе отстаиваютъ, рознимаютъ, тинутъ несчастнаго, окровавленнаго человѣка, — словомъ, содомъ и гоморъ, куда ни повернись!.. Господи ты Боже мой, думаю, что это такое творится!.. Правда, были приняты нѣкоторыя мѣры къ прекращенію безпорядковъ — усилена полиція, потребованъ батальонъ арнаутовъ, но съ наплывомъ добровольцевъ, послѣ пораженія при Дюнишѣ, отчаянныхъ и го-

товыхъ на все, озлобленныхъ противъ сербовъ, — понятно, что ни войска, ни полиція не могли справиться съ этимъ народомъ, да и не посмѣли-бы коснуться ни одного изъ нихъ — только ожидавшихъ подобнаго сигнала, чтобы раздѣлаться по-своему... Имѣйте въ виду и то, что не нужда ихъ заставила быть въ такомъ положеніи, — а разгуль и пьянство — большинство изъ нихъ пропили все, что было, и принялись за чужое... Вѣдь встрѣчались же изрѣдка трезвые, тихіе, — такіе-же бѣдные люди! а куда въ лучшемъ видѣ... и сравнивать нечего. Слѣдовательно, главная причина такой нищеты собственная-же вина — разгуль и пьянство! что, въ сложности съ безпорядками штабныхъ распоряженій, заставило эти, и безъ того потерянные, натуры заняться грабеджемъ и разбоемъ... На пристани мнѣ объяснили, что парохода другаго не будетъ сегодня, а только завтра въ то-же время; предстоялъ ночлегъ, но гдѣ? на старомъ мѣстѣ — только и надежды. Кафаныщикъ обрадовался моему появленію и съ удовольствіемъ предоставилъ ту-же конуру. Послѣ такой дальней прогулки на пристань и потрясающаго душу безобразія, которому пришлось быть свидѣтелемъ, тревоженій, при видѣ различныхъ сценъ на улицахъ и въ кафанахъ, проявился аппетитъ; я потребовалъ обѣдъ, какой нашелся, вина — и принялся утолять голодъ. Послѣ обѣда разсчитываясь съ кафаныщикомъ, я высыпалъ на столъ деньги съ цѣлью счесть сколько осталось, — и не обращая никакого вниманія на то, что посѣтителі могли замѣтить мою наличность и позавидовать относительному богатству, собралъ въ кошелекъ свою кассу и ушелъ въ номеръ. Вечеромъ вернулся въ кафану — пилъ тутъ кофе, закусывалъ, а такъ уже, часу въ двѣнадцатомъ ушелъ спать. Ложась въ постель, я какъ-бы предчувствовалъ что-то недоброе; вопреки обыкновенію за-

перъ дверь на задвижку, — правда, такую, что въ случаѣ-бы кто вздумалъ рвануть ее съ какой-нибудь злой цѣлью, то нельзя было-бы считать себя въ безопасности, или даже предохраненнымъ отъ немедленнаго вторженія, но все-же какъ-то покойнѣе стало, — я улегся; долго не могъ уснуть, — думалъ, чего-то тревожился; въ концѣ, физическая усталость преодолѣла и сонъ овладѣлъ мною окончательно. Сколько времени я спалъ и въ которомъ часу проснулся — не помню; было еще темно, какъ слышу, стучать въ дверь... Тихо встаю, подхожу ближе... шепотъ чей-то на коридорѣ слышенъ, и снова тотъ-же стукъ: что за явленіе такое!... Обзываю: „кто тутъ“ — „свой“, басистымъ голосомъ мнѣ отвѣчаютъ. „Что вамъ угодно?“ „Отворяйте, послѣ узнаете“. Тутъ ужъ я струсилъ окончательно, потому-что, хотя были, шашка и револьверъ, но одинъ вѣдь въ полѣ не воинъ, а за дверью, судя по говору, была цѣлая компанія! Что дѣлать, думаю... попытаюсь противиться — не отворять, авось уйдутъ; но не тутъ-то было — сначала стучали тихо... просьбой хотѣли подѣйствовать, послѣ угрозами: „убьемъ, если не отворите“ — предупреждали, а въ концѣ сильнымъ напоромъ сломали дверь, да такъ неожиданно-мгновенно, что не успѣлъ я отскочить въ сторону какъ попалъ подъ нее, ошелевившую меня ударомъ при паденіи! „Гусь лапчатый, отворять не хотѣлъ!... теперь зададимъ, будешь помнить!“ „Что вы хотите отъ меня?“ обращаюсь самъ ужъ не знаю къ кому... полнехонькая комната — не разберешь; къ тому-же, я потерялъ присутствіе духа, — и было, вѣдь, отъ чего — согласитесь!... „Отдавай все, что у тебя есть, безпрекословно, или силой возьмемъ, а станешь кричать, уложимъ... вотъ этимъ, полюбуюсь“ — поднесъ онъ мнѣ револьверъ къ носу. „Нѣтъ у меня, говорю, ничего, кромѣ оружія, возьмите, если хотите. „Что съ нимъ церемониться,

время терять "... слышалась эта фраза и въ то-же время, набросившіеся на меня нѣсколько человѣкъ, свалили на полъ... я почувствовалъ ужасную боль въ лицѣ и удары въ спину, какимъ-то острымъ орудіемъ! тутъ сталъ возиться, напрягать все силы вырваться, но послѣ нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ въ лицо, потерялъ сознание, и что происходило въ комнатѣ, когда они ушли и что дѣлали со мною — не помню... Очнулся я отъ рѣзкаго холода во всемъ тѣлѣ и, раскрывъ глаза, пораженъ былъ видомъ всего окружавшаго: теперь я лежалъ не на полу, а на кровати, весь мокрый, съ холодными примочками на лицѣ и головѣ; возлѣ, сидѣлъ полунаклонившись, повидимому фельдшеръ, прислушивавшійся къ пульсу, а кругомъ постели, во всей комнатѣ и въ дверяхъ, тѣснились любопытные, предположившіе во мнѣ, какъ они говорили, — убитаго! тутъ въ числѣ другихъ были и сербы, стоявшіе разinia рта, съ испуганными лицами, а больше всѣхъ потерялся кафаныщикъ, на котораго могло пасть подозрѣніе въ соучастіи, или въ содѣйствіи разбойникамъ! но подозрѣнія со стороны прокуратуры и отвѣтственности передъ судомъ, могъ онъ опасаться въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ существуютъ законы и власти, а ужъ никакъ не въ Сербіи, предоставленной теперь произволу и насилию — тутъ ему нечего было трусить, тѣмъ болѣе, что и въ невиновности его я убѣжденъ былъ. — Кто задумалъ меня ограбить, тому не-за-чѣмъ было довѣряться кафаныщику, въ случаѣ несогласія, имѣвшему полную возможность разстроить планы... Теперь только я созналъ, что со мной происходитъ: боль во всемъ организмѣ ощущалась ужасная!... спина вся распухла, лицо, какъ видите и теперь, — на что похоже, а тогда я испугался, при видѣ себя въ зеркалѣ; по мнѣнію фельдшера, необходимо было полежать дня два, возстановить силы и выждать, пока

стухнетъ опухоль, но мнѣ казалось пыткой лежать въ комнатѣ, напоминающей незабытую еще катастрофу,—я рѣшилъ переночевать и на другой день, хотя-бы ползкомъ, отправиться въ Бѣлградъ—не оставаться-бы только въ центрѣ разбоя и грабежа. Ни денегъ, ни вещей моихъ не оказалось, оружія—тоже, остались сапоги и плащъ, вотъ этотъ, и то вѣрно случайно—не замѣтили, торопились... И горько-же какъ было мнѣ, одному, въ такомъ положеніи... ни друга, ни добраго человѣка... никого!... съ кѣмъ-бы подѣлился горемъ, душу отвелъ въ несчастіи... Одинъ Богъ!

Цѣлый день и ночь оставался я на попеченіи кафанъщика, который съ испугу-ли, или изъ участія, но особенно обо мнѣ заботился—дѣлалъ, что только могъ; а въ концѣ, на мой вопросъ: „сколько слѣдуетъ“—отвѣтилъ „ништо, господине“, что было очень кстати для моего кармана — ни гроша, вѣдь, ломаного не осталось. Утромъ я поднялся кое-какъ съ постели, хотя двигаться могъ съ трудомъ, одѣлся во что было и, простившись съ любезнымъ кафанъщикомъ, отправился на пристань. Дождь точно ожидалъ моего появленія—сталъ лить по прежнему, къ тому же холодъ пронзительный дѣйствовалъ на больного, одѣтаго въ одно гутаперчевое пальтишко; но все ничего,—одна мысль не покидала—скорѣе-бы въ Бѣлградъ. Дотащился я наконецъ, на пристань; пароходъ уже грузился и, по словамъ помощника капитана, чрезъ два часа уходилъ въ Бѣлградъ. Но что оставалось дѣлать, когда въ карманѣ ни копѣйки! чѣмъ заплатить за билетъ?.. Обращаясь къ капитану, рассказываю ему свое положеніе, прошу довести хотя-бы въ третьемъ классѣ... Отказалъ на—отрѣзъ, представьте, подлый нѣмецъ!... „Даромъ не возимъ пассажировъ“, сухо мнѣ отвѣтилъ. Будь это сербскій пароходъ, меня-бы взяли, а на австрійскомъ—что подѣлаешь!... Многимъ я тутъ рассказывалъ

свое горе, но ничего не вышло: кто желалъ помочь—у того и у самого не было, а кто могъ, тотъ не обратилъ на меня вниманія. „Э-э-э думаетъ—такой-же пьяница, какъ и другіе“ и правъ! мало-ли ихъ тамъ на улицѣ приставало, въ такомъ же видѣ, какъ и я, съ жалобами, что у нихъ все украли—и деньги, и вещи. Словомъ, ни оставаться, ни уѣзжать — какъ то, такъ и другое оказывалось невозможнымъ. Одно оставалось—идти пѣшкомъ, предоставить себя случаю: вотъ я и сунься на волю Господню—не взирая ни на погоду, ни на то, что уже поздно—отправился въ путь на своихъ... и благодаря Бога, пришелъ сюда на четвертый день. Что я перенесъ, въ теченіи этихъ четырехъ дней, того рассказывать не буду; оно вамъ понятно, если знаете, что теперь творится на пути изъ Делиграда—разбой, грабежъ, и насиліе, какого воображеніе создать не въ состояніи!—обыденныя явленія...

— Вы съ дороги вчера, или раньше?

— Сегодня у насъ, какой день?

— Пятница.

— А я пришелъ сюда, въ среду ночью.

— Мнѣ показалось, будто вы говорили, что вчера пріѣхали.

— Не мудрено и дни забыть, послѣ такихъ приключеній...

— Вамъ бы въ госпиталь поступить, пока оправитесь, а то вѣдь рана станетъ гноиться—и кто знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться...

— Я самъ того мнѣнія—да куда-же теперь и дѣваться больше, но не успѣлъ еще; вчера день прошелъ незамѣтно, а сегодня васъ вотъ встрѣтилъ,—завтра уже отправлюсь.

— Гдѣ-же вы остановились?

— Такъ вотъ — днемъ на улицѣ, да по кафанамъ, а почевать, иду къ Ристичу въ бильярдную, спасибо не гонить *).

— Такъ, день, другой можно, — на долго и силъ вѣдь не хватитъ въ ваши лѣта!

— Богъ ужъ его знаетъ на сколько хватитъ — угадать мудрено. Буду скитаться пока судьба рѣшила: заботиться, все равно, не объ комъ... все уже кончено...

— Хотя я съ вами такъ мало знакомъ и не знаю, какое произвелъ впечатлѣніе, но повѣрите-ли, мнѣ васъ отъ души жаль! я почти убѣжденъ, что горе ваше гораздо глубже, чѣмъ всѣ эти несчастныя приключенія — что они лишь прибавленіе къ моральнымъ страданіямъ, вызваннымъ какимъ нибудь потрясающимъ фактомъ въ жизни! убѣжденъ и сочувствую вамъ отъ души: жаль только, что помочь я не въ силахъ...

— Вы угадали — я уже ничѣмъ не могу огорчиться: физически пострадать и только, но морально — больше чѣмъ страдалъ, страдаю и буду страдать — уже ничто заставить меня не можетъ! безпощаднѣе удара судьбы я уже не получу! а мое будущее, — какъ безпріютность, нищета, голодъ и оскорбленія — ничто, въ сравненіи съ прошлымъ, разбившимъ всѣ мои надежды и жизнь! его не вернешь, — оно потеряно безвозвратно...

— Неужели вы такъ потрясены неудачей Делиградскихъ событій — перемиріемъ разрушившимъ ваши планы, что отвѣчаете мнѣ на вопросъ, коснувшійся болѣе высокихъ сторонъ жизни, — тою же фразой, какую вы высказали подъ впечатлѣніемъ разочарованія въ Чупріи — когда узнали о перемиріи?

— Я отвѣчаю однообразной фразой, но не тою-же... вы

---

*) Ристичъ: — большая кафана.

не такъ поняли: тогда я сказалъ, что совершившимся фактомъ (перемиріемъ) растроились мои планы, и созданная воображеніемъ будущность — передалъ вамъ впечатлѣніе того момента; а теперь отвѣчаю на вопросъ, затронувшій прошлую мою жизнь, — уже не единичнымъ примѣромъ моральнаго потрясенія, какъ это было въ Чупріи, а цѣлымъ послѣдствіемъ беспощаднаго удара судьбы, разбившаго всю мою жизнь въ будущемъ — при какихъ бы условіяхъ она нидлилась...

— Теперь, я васъ понимаю и сознаю, что не вполне вникнулъ въ различіе, той и другой вашей мысли.

— Легко было понять по вашему, потому что сходства у нихъ много: въ роли слушателя — и я бы понялъ не иначе.

— Да, но если вы и говорите, что ударъ судьбы разбилъ всю вашу жизнь, что будущее, какое бы оно ни было, — ничто въ сравненіи съ прошлымъ, уже потеряннымъ безвозвратно, что и жизнь вамъ уже въ тягость, то мнѣ кажется — преувеличиваете и самый фактъ несчастія: къ страданіямъ примѣшивается не малая доля воображенія, заставляющаго не забывать прошлое и сознавать, что уже ничего не осталось въ жизни, и что бы ни случилось — вамъ все равно! съ меньшимъ-бы отчаяніемъ смотрѣли впередъ — нашли бы въ немъ не одни безотрадныя явленія, а и такія, которыя могутъ еще васъ утѣшить...

— Нѣтъ, голубчикъ; въ мои годы, потрясенія и удары судьбы отзываются гораздо серьезнѣе, памятниѣе, чѣмъ въ ваши: потрясающія, радость или горе, кладутъ роковую печать на моральное состояніе — остающуюся и въ могилѣ! я не огорчусь цѣлымъ рядомъ неудачъ, заставившихъ меня, страдать физически, не огорчусь даже такимъ приключеніемъ,

какое испыталъ въ Смедеревѣ — упаду духомъ и почувствую лишь на время, а прошло — и забуду; но моральнымъ ударомъ судьбы — человѣка въ мои годы можно вогнать въ могилу! Тогда, какъ на васъ, физическія неудобства въ жизни и неудачи чисто условнаго характера, мѣняющагося при всякой другой обстановкѣ и обстоятельствахъ, могутъ повліять сильнѣе, — даже, привести въ отчаяніе! Вотъ почему вашъ совѣтъ не можетъ быть примѣнимъ ко мнѣ и почему я буду страдать всю жизнь: я получилъ этотъ ударъ! и потому лишь, что вижу въ васъ человѣка сочувствующаго мнѣ, способнаго еще любить и вѣрить въ друзей — скажу какой....

Мнѣ было уже тридцать два года, когда я впервые испыталъ незнакомое чувство любовь — влюбился въ семнадцатилѣтнюю бѣдную дѣвушку, дочь мелкаго помѣщика, сосѣда по имѣнію. Она было, только вышла изъ института и пріѣхала домой, съ цѣлю погостить до пріисканія мѣста гувернантки — перспектива, какъ видите, ожидала ее неутѣшительная: воспитанная, образованная, молодая и красивая дѣвушка, только начавшая жить, должна была превращаться въ гувернантку — казаться серьезнымъ педагогомъ и покорной подчиненной, забыть свое я, а помнить одну зависимость — ради насущнаго куска хлѣба, необходимаго угла и скромнаго платья; и все это ради того, что отцу нечѣмъ ее содержать было, что у него большая семья, которую нужно воспитывать, и что еслибы отецъ и желалъ оставить ее дома, то долгъ простаго къ нему участія не позволялъ на это согласиться — не подобало образованной дѣвушкѣ, быть бременемъ своимъ роднымъ. Она это сознавала и не допускала даже мысли сидѣть дома. Мои средства были болѣе чѣмъ ограниченны для холостаго, а для семейной жизни и подавно — главное препятствіе къ тому,

чтобы, любя женщину, сдѣлать ей предложеніе при такихъ условіяхъ — обречь ее на худшее будущее, чѣмъ въ гувернанткахъ. Но благоразуміе уступило чувству, проявившемуся во всей своей силѣ: я сказалъ, что люблю ее первую въ жизни, и что мое счастье — отнынѣ въ ея рукахъ... Не ожидалъ я благопріятнаго отвѣта на свое предложеніе; зналъ, что она знаетъ о моихъ средствахъ, которыхъ не хватало даже, на безбѣдное существованіе въ кавалерійскомъ полку, что не имѣла времени убѣдиться въ моемъ расположеніи и что, наконецъ, можетъ быть и сама не отвѣчаетъ взаимностью; а въ пользу послѣдняго предположенія были данныя — съ ея стороны, кромѣ любезности и сдержанности въ обхожденіи, ничего больше не проявилось за все время нашего знакомства, хотя въ домѣ я бывалъ уже около полугода. Однако случилось не то; мнѣ отвѣтили, что готовы связать свою судьбу съ моей. Вы, если любите, или любите, то поймете, что я испыталъ въ ту минуту!... Передать это трудно, да я и не берусь. Ея родители согласились на нашъ бракъ и чрезъ двѣ недѣли назначена была свадьба. Я занялся, кое-какими приготовленіями, подалъ въ отставку, хотѣлъ уже принятыя хозяйничать въ своей крошечной деревушкѣ — физически трудиться на вѣрный кусокъ хлѣба, (потому, что располагалъ всего стами десятинами земли, оставшимися мнѣ въ наслѣдство послѣ родныхъ), — словомъ, готовился зажить мирнымъ гражданиномъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, получаю изъ полка предписаніе: „немедленно явиться на службу“; тутъ уже некогда было думать, ни объ отставкѣ, ни о свадьбѣ, — ясно, что требовали на войну. Я въ тотъ же день собрался, простился съ будущими родными, и на почтовыхъ поскакалъ въ полкъ, квартировавшій тогда въ Кіевской губерніи. Вскорѣ послѣ моего

пріѣзда въ полкъ, началась Севастопольская война и мы выступили въ походъ. Благодать вѣдь, подумаешь, война, для влюбленного человѣка: неизбежная будущая опасность, заставляетъ забыть все — перенестись въ иной миръ, и въ немъ жить уже новой жизнью! а въ то же время, какъ бы очнувшись, вспомнишь, что любишь, что и тебя любятъ, ожидаютъ, а теперь можетъ быть и вспоминаютъ — и одна минута такого блаженства, вознаграждаетъ за всѣ лишенія и за все, что ожидаетъ въ будущемъ, — опаснаго, суроваго и даже страшнаго! она вливаетъ новую моральную силу—ко всему готовишься безъ боязни, во всемъ замѣчаешь меньше опасности, чѣмъ есть ея на самомъ дѣлѣ. Не смѣйтесь! я старикъ, рассказываю вамъ давно прошедшее, но и теперь еще съ удовольствіемъ вспоминаю то время... и теперь еще во мнѣ говоритъ то же чувство: дай Богъ и вамъ испытать его при такихъ условіяхъ — меня любили и я любилъ, какъ могутъ любить немногіе...

— Да я не смѣюсь надъ чувствомъ — его, въ комъ-бы то ни было уважаю, но искренній характеръ вашего рассказа, такъ живо рисующій прошлое, заставляетъ невольно улыбаться—не изъ ироніи, а просто изъ того, что понимаешь и раздѣляешь такое состояніе человѣка.

— О чемъ я говорилъ... ахъ да! Въ походѣ мы были около двухъ мѣсяцевъ: пришли въ Симферополь, — такъ уже въ началѣ сентября, — оттуда подвинулись къ Севастополю, встали на позицію и болѣе мѣсяца оставались въ бездѣйствіи; тутъ вотъ подъ открытымъ небомъ, на холодѣ и ненасти, пришлось испытать условія боевой жизни. Послѣ уже начались рекогносцировки, разъѣзды, аванпостная служба,

но въ открытомъ сраженіи — такъ и не пришлось участвовать (собственно мнѣ).

Помню вызывали какъ-то охотниковъ съ цѣлью устроить вылазку въ непріятельскій лагерь — шелъ кто хотѣлъ, построился и я: надоѣли, двухмѣсячныя лишенія и бездѣйствіе, хотѣлось испытать опасность, ну да и отличиться было желаніе, хотя на этотъ разъ и не кстати: вылазка удалась, но нашихъ — половина легла, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Насъ около недѣли продержали въ лагерѣ, послѣ отвели въ Балаклаву — и съ французскимъ пароходомъ отправили въ Константинополь. Теперь мы готовились къ неминуемой смерти; вѣдь, не будутъ же ухаживать, держать подъ арестомъ, а разстрѣляютъ въ турецкой столицѣ, думалъ каждый изъ насъ; впрочемъ, были и противники такихъ мнѣній — эти утверждали, что если-бы насъ ожидала такая участь, то она постигла-бы тамъ — еще въ лагерѣ, или въ Балаклавѣ, но никакъ не въ Константинополѣ, куда везутъ, вѣроятно, съ другой цѣлью... Словомъ, каждый разсуждалъ по своему, трусилъ и томился неизвѣстностью, пока были въ морѣ. Въ Константинополѣ насъ отвели въ крѣпость, размѣстили очень удобно всѣхъ въ одной, большой камерѣ и дали все, что послѣ бивуачной жизни показалось роскошью: постели, бѣлье, табакъ, хорошую пищу, словомъ, все необходимое. Прошла недѣлька, другая и мы успокоились: убѣдились, что разстрѣливать не будутъ. Такъ просидѣли около десяти мѣсяцевъ — пока Россія не заключила мира и не размѣнялась плѣнными. Какова-же радость была Господи, когда намъ объявили свободу!.. не вѣрилось, что ходишь по улицѣ безъ стражи: дня два казалось страннымъ новое положеніе пока свыклись, наконецъ, и съ нимъ. Насъ отправили въ Одессу. Тутъ только я узналъ, что Императоръ Николай Павловичъ скончался и что Севастополь взятъ

приступомъ, союзниками: въ плѣну, хотя и доносились слухи объ этомъ, но разнорѣчивые—имъ нельзя было вѣрить безусловно. Памятна мнѣ минута этихъ извѣстій въ Одессѣ: кончина Государя, котораго каждый изъ насъ любилъ всей душою, и сдача Севастополя, произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Въ тотъ день, я былъ въ соборѣ и не помню, молился-ли когда нибудь такъ послѣ — прося Бога, помочь Императору Александру, вступившему на престолъ въ такую трудную минуту для Россіи, отомстить врагамъ и вернуть ей могущество! То была минута, когда молилась вся Россія! и Богъ, какъ видите, выслушалъ ея молитву.

Тутъ сталъ хворать... звало въ деревню, на покой; къ тому-же надеждъ-то вѣдь сколько и отраднаго въ будущемъ ожидало!.. Я подалъ въ отставку и, не ожидая разрѣшенія, уѣхалъ въ деревню: тамъ уже дождусь, думаю. Правда, томительная неизвѣстность будущаго, сомнѣнія и разныя предположенія мучили меня всю дорогу; тѣмъ болѣе, что за все время я не писалъ къ ней и одного слова: могла, вѣдь, счесть меня убитымъ, забыть и выйти за другаго!.. а то и умереть... Но ничего подобнаго не случилось—она не вышла и не умерла—встрѣтивъ меня съ той-же искренной, чистой любовью, съ какою, годъ тому назадъ простилась: я видѣлъ, что встрѣчаетъ меня не невѣста съ натянутой радостью, а любящая женщина и другъ, готовый на все, ради моего счастья! Теперь ничто уже не мѣшало нашему браку: всѣ мы, рѣшили не медлить—вѣнчаться, какъ только выйдетъ отставка. Но судьба рѣшила иначе: спустя три недѣли, меня вызвали въ Калугу, гдѣ ожидали, отставка, награда и пособіе; я полетѣлъ, пробылъ тамъ всего три дня и возвращался уже счастливымъ и довольнымъ, что наконецъ-то блаженство близко!.. что вотъ еще нѣсколько дней — и она станетъ моей женой, моимъ всѣмъ!.. Какъ пріѣзжаю, и застаю

всѣхъ въ горѣ, въ слезахъ... ея мать скоропостижно скончалась, и оставила шестерыхъ дѣтей, изъ коихъ самому старшему девятый годъ. Теперь, о свадьбѣ нечего было и думать—она должна была замѣнить хозяйку дома и мать дѣтямъ; оставлять отца одного и выходить за-мужъ она-бы ни за что не согласилась, какъ-бы ни любила человѣка, съ которымъ связывала свою судьбу — ну да я-бы и не потребовалъ подобной жертвы...

Прошелъ годъ со дня смерти матери—нужно было чѣмъ нибудь рѣшить, или обоимъ отказаться отъ мысли покончить двухлѣтнюю борьбу—стать мужемъ и женой. Я видѣлъ, что оставайся она дома, годъ или два, то это не поможетъ горю—не замѣнитъ хозяйки и матери на-долго, пока всѣ дѣти уже будутъ воспитаны взрослые, что ей нужно—или остаться окончательно дома—посвятить себя семьѣ, или выйти за мужъ и тогда уже помогать отцу въ его тяжкомъ положеніи. Согласился и отецъ съ моимъ мнѣніемъ, началъ вліять на нее въ этомъ духѣ и добился своего—она согласилась обвѣнчаться, но съ условіемъ, что останется дома, пока это будетъ необходимо для дѣтей... Какъ тутъ было не согласиться съ такимъ желаніемъ—чисто христіанской обязанностью... къ тому-же я ее любилъ! жилъ надеждами уже два года, ставшіе цѣлой вѣчностію!.. Ужъ одно то, что она будетъ моей, что жизнь и будущее наше свяжутся присягой передъ Богомъ, заставляло согласиться съ ней во всемъ. Мы обвѣнчались въ концѣ 56-го года, пріѣхали съ семьей ко мнѣ въ деревню и зажили счастливой четой, благословляя свою судьбу. Теперь еще, когда я вспомню прошлое, то сознаю, что оно вознаградило меня за всѣ неудачи, несчастія и жестокіе толчки въ послѣдующей одинокой жизни: я испыталъ мало, но такого блаженства, какое немногимъ достается. Какимъ-то

земнымъ ангеломъ, а не женщиной, была для меня Ольга! и для всѣхъ насъ одинаково. Она несмотря на то, что меня любила, что годы томила въ неизвѣстности — помнила и любила отца и семью, занялась ею, какъ своей, не переставая быть дочерью, матерью и женой! На второмъ году нашей жизни, далъ Богъ намъ дочку, дополнившую своимъ появленіемъ чашу обоюднаго счастія, но не на долго; Ольга не вынесла испытанія—умерла спустя три недѣли послѣ родовъ. Осталась мнѣ эта крошка, единственнымъ воспоминаніемъ прошлаго и надеждой, счастіемъ, и всѣмъ будущаго... Я взялъ мамку, остался жить въ деревнѣ и посвятилъ себя всего малюткѣ, такъ живо напоминающей свою мать, искупившую могилкой ея появленіе на свѣтъ.

Прошло лѣтъ десять такой жизни въ деревнѣ; я подготовилъ ее, образовалъ на сколько могъ—дѣвочка стала прелестной! вылитымъ портретомъ матери — во всѣмъ похожемъ на нее настолько, что потеря любимой жены замѣнилась дочерью. Я жилъ для нея и былъ счастливъ. Но нужно было подумать и о болѣе серьезномъ образованіи, чѣмъ домашнее, недостаточное во многихъ отношеніяхъ, при моихъ скудныхъ средствахъ: я свезъ ее въ Калугу къ своимъ знакомымъ, помѣстилъ приходящей въ пансіонъ, а самъ отправился въ Москву, гдѣ были кое-какіе дѣла по имѣнію. Тамъ пробылъ около года—все не могъ уѣхать, и, вернувшись въ Калугу, не узналъ мою Маню: выросла, похорошѣла, поумнѣла, просто не той стала за это время! не измѣнилась лишь въ одномъ — такъ же походила во всемъ на мать, какъ и прежде. Господи, какой дорогой она мнѣ стала... казалось, что съ жизнью не задумался-бы растаться ради ея счастія!... нѣтъ!—разстался-бы не колеблясь... произнесъ старикъ, утирая брызнувшія слезы, съ просіявшихъ и сразу омрачившихся

глазъ. Я уѣхалъ въ деревню,—она осталась въ пансіонѣ, гдѣ пробыла еще пять лѣтъ, и, кончивъ курсъ, пріѣхала ко мнѣ. Но только началось новое счастье — только сталъ я тѣшиться этимъ ангеломъ добра и образомъ незабытой еще Ольги, какъ Богу угодно было его отнять у меня: она простудилась, слегла въ постель, не долго проболѣла и умерла на семнадцатомъ году своей жизни — въ тотъ-же мѣсяцъ и день, что и мать ея, столько же лѣтъ тому назадъ.

Вотъ горе, постигшее меня въ прошломъ году и разбившее всю будущую жизнь! я никогда его не забуду, ничѣмъ не утѣшусь, и не огорчусь. Одного буду ждать съ нетерпѣніемъ... могилы! въ ней найду я все... склонивъ голову, тихо зарыдалъ старикъ.

— Богъ дастъ, оправитесь, уѣдете и горе легче станетъ: тутъ на каждомъ шагу непріятность, а иногда и опасность—способны раздражить самые закаленные нервы, не то, что человѣка разбитаго, какъ вы, несчастіемъ. Я увѣренъ, что въ Россіи вы почувствуете себя лучше, и если не забудете прошлое, то не станете, такъ отчаяваться въ будущемъ...

— Охъ, нѣтъ! и въ этомъ вы ошибаетесь: мнѣ не зачѣмъ въ Россію возвращаться—тамъ ожидаютъ меня, нищета, лишенія, насмѣшки и ничего больше.

— Почему-же? вѣдь вы занимали почетное положеніе въ обществѣ, владѣли землей, и поѣздкой въ Сербію заслуживаете, не на такую же участь: скорѣе—на большее уваженіе, чѣмъ насмѣшки чьи-бы то ни было!

— Занималъ и владѣлъ—прежде, но не теперь: теперь уже не владѣю—она продана за долги, а предводителемъ на второе трехлѣтіе, не избранъ. Вернуться, при такихъ условіяхъ, значитъ, возбудить рядъ сожалѣній, безучастныхъ раз-

говоровъ, и въ концѣ насмѣшекъ! а онѣ въ мои годы—хуже оскорбленій, страданій и даже смерти! послѣднюю я буду искать тутъ, и думаю, что найду...

— Да тутъ вѣдь нечего дѣлать будетъ! теперь перемиріе, а послѣ заключать миръ, и всѣмъ русскимъ придется уѣзжать отсюда.

— Какой тамъ миръ вы проповѣдуете, когда русскія войска, на-дняхъ займутъ Сербію! а одна дивизія прійдетъ въ Бѣлградъ—въ нее вотъ, и поступимъ на службу.

— Откуда вы получили эти свѣдѣнія? вѣдь это же невозможно... подумайте!

— Очень возможно, и даже вотъ что вамъ скажу: русскимъ корпусомъ въ Сербіи и всѣми войсками княжества, будетъ командовать Черняевъ!

— Да вы мнѣ скажите, на чѣмъ основываете свое предположеніе: на собственныхъ-ли выводахъ, или это офиціально уже извѣстно?

— Офиціальныхъ извѣстій нѣтъ, но въ штабѣ и по всему городу трубятъ, что русскія войска на-дняхъ займутъ Сербію...

— Ахъ, въ штабѣ и по городу!.. такъ-бы вы и сказали...

— Знаютъ же тамъ, я думаю! не станутъ распускать ни на чемъ не основанные слухи...

— Они даже основаны, если хотите, но на чемъ? вотъ вопросъ: мнѣ кажется, что на вымышленной какимъ нибудь шуткомъ сплетнѣ, которой слѣпо повѣрили эти рожки и трубятъ безъ зазрѣнія совѣсти! потому, что ни одинъ здраво-мыслящій человѣкъ, въ особенности русскій, не создастъ такую чушь въ данномъ случаѣ. Вѣдь, прежде чѣмъ русскія войска вступятъ въ Сербію, должна быть объявлена

война Россіей—Турціи, безъ чего такой фактъ невозможенъ! а случись онъ, то Россія, заставившая Турцію принять перемиріе, пошла-бы противъ своей политики — отвергла-бы то, чего настойчиво требовала. Но случись даже и это — что честь народа и интересы государства вынудили-бы Россію объявить войну—раньше чѣмъ истекло перемиріе, то зачѣмъ бы ей занимать Сербію?—чѣмъ бы руководствовался въ этомъ случаѣ, русскій главнокомандующій? и какъ-бы это онъ могъ занять ее такъ скоро, какъ вы говорите? а если-бы и нашелъ нужнымъ—занялъ-бы, то дѣйствующій корпусъ, которымъ по меньшей мѣрѣ командуютъ генераль-лейтинанты, а большею частью въ этихъ чинахъ генераль-адъютанты, какъ-бы это подчинили сербскому главнокомандующему — отставному русскому (всего) генераль-маіору? скорѣе-бы, послѣдняго подчинили первому!.. Словомъ, какъ ни разсуждай, а истина, которую вы слышали, — вымышленная, ни на чемъ неоснованная чушь.

— Подите, вотъ, добейтесь правды, когда каждый говорить другое... не знаешь чему и вѣрить...

— Себѣ только и вѣрить слѣдуетъ—другимъ не стоитъ: поразсудите — и прійдете къ какому заключенію, притомъ и останетесь..

— Охъ, Господи ты мой милосердный, да будетъ по Твоему...

— Нѣтъ, лучше не ожидайте русскихъ войскъ... поправитесь, уѣзжайте въ Россію — въ ней голодной смертью, немногіе умираютъ.

— Какой вы, ей-Богу, человѣкъ странный, подумаешь! утѣшаете, что голодной смертью не умираютъ—да вѣдь жизнь такая какихъ страданій стоитъ! Послѣ самостоятельной, хотя и скромной жизни, ходить съ протянутой рукой — сдѣлаться нищимъ, которымъ пренебрегаютъ, смотреть, какъ на поте-

ряннаго человѣка — никуда уже негоднаго, и изъ милости даютъ кусокъ хлѣба! И ради чего? ради одного жалкаго существованія—ради скитальческой безпріютной жизни! Да никогда не буду я, въ такой роли! умру тутъ голодной смертью, но не вернусь въ Россію — нѣтъ! Нищимъ не буду на глазахъ у тѣхъ, кто зналъ меня прежде, кто видѣлъ мою жизнь!..

— Какъ будто-ужь вамъ одно и осталось—нищенствовать... вѣдь можно трудомъ добыть кусокъ хлѣба.

— Можно — но тому, кто хочетъ жить, кто къ жизни привязанъ — самъ кому дорогъ, или дорожить кѣмъ нибудь... А я... я никому не нуженъ и у меня никого уже нѣтъ... жить я не хочу и не буду... Останусь тутъ на произволь — что будетъ...

Я не могъ ни уговорить, ни повліять на несчастнаго старика, рѣшившаго доживать свой вѣкъ въ Сербіи: онъ былъ физически истощенъ и морально разбитъ, до того, что мало подавалъ надежды въ будущемъ,—казалось, не долго ему еще бороться и страдать...

Быль уже девятый часъ, мы собрались уходить, какъ раздался выстрѣлъ въ смежной комнатѣ и вся публика, кинулась въ ту сторону: кинулись и мы, но скученная толпа въ дверяхъ той комнаты, гдѣ разыгралась драма, мѣшала проникнуть ближе, узнать въ чемъ дѣло; одни чьи-то крики и фразы: „я тебя разбойника“, „убійца! берите его“ „смотрите, что съ рукой... убійца!“, „не подходи— уложу“—доказывали, что происходитъ какая-то борьба, но чья и почему—пока оставалось неизвѣстнымъ. Наконецъ, ворвавшіеся туда нѣсколько добровольцевъ, а за ними и жандармовъ, разняли противниковъ, чѣмъ дали возможность и остальнымъ приблизиться къ происшествію. Я протиснулся, но не радъ былъ при видѣ ужасныхъ, забрызганныхъ кровью двухъ добровольцевъ: одинъ изъ

нихъ, увѣшанный орденами, высокій, съ черной бородой, жирнымъ лицомъ и огромнымъ въ угряхъ носомъ, оцарапаннымъ лбомъ и искусанными руками, изъ которыхъ сочилась кровь, обрызгавшая полурыжій полушубокъ, барахтался и вырывался изъ рукъ накинувшихся на него жан-дармовъ и добровольцевъ, схватившихъ за оба локтя, неукратимаго — все еще съ револьверомъ въ рукахъ — воина; а другой, сухенькій, но коренастый блондинъ, съ разорваннымъ воротникомъ рубашки и такими-же потерявшими назначеніе рукавами изношенной блузы, посреди окружавшей его публики, рыдая, перевязывалъ только что прострѣленную руку, грязной салфеткой, на половину уже измоченной льющейся изъ раны кровью, — но тутъ-же потерялъ сознание и рухнулъ, на полъ; его подняли, дали воды, привели въ чувство, а тѣмъ временемъ пришелъ фельдшеръ и забинтовалъ рану, — оказавшуюся весьма опасной. У побѣдителя отняли только револьверъ, и пашку, а кинжалъ не успѣли — не справились съ силой разъяреннаго геркулеса. Общій видъ этой разыгравшейся сцены былъ ужасенъ! онъ дѣйствовалъ на нервы, заставляя содрогаться, при мысли, что это вѣдь добровольцы, пріѣхавшіе сражаться за идею! колютъ и рубятъ другъ друга, въ кафанъ — вотъ за что: они играли въ карты и результатъ былъ тотъ, что блондинъ выигралъ около ста рублей, которые сталъ требовать съ своего партнера — высокаго, съ большой бородой; но послѣдній отрицалъ уплату, ссылаясь на безденежье, и послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ фразъ заинтересованнаго выигрышемъ блондина, въ родѣ, на прим., что „это безчестно, нахально, не платить проигрышъ“, кинулъ картами въ лицо недовольному, а послѣдній, не колеблясь, отвѣтилъ пощечиной; тутъ вотъ послѣдовалъ выстрѣлъ со стороны потерпѣвшаго, общая свалка, и вся эта кровавая сцена! Раненаго увели въ боль-

ницу, а высокій, разставшійся съ револьверомъ (существеннымъ наказаніемъ для его воинственной натуры), остался въ кафанѣ — свободнымъ отъ всякихъ послѣдствій, неизбѣжныхъ въ подобномъ случаѣ — гдѣ-либо въ другомъ царствѣ: жандармы не могли арестовать, потому, что не имѣли на это права, — русскихъ, пришедшихъ пролить кровь за идею, не приказано было трогать, а если-бы и приказано, то невозможно — всегда-бы нашлась коалиція — союзъ высокихъ, съ большими бородами, противъ осмѣлившихся исполнить волю начальства — водворить порядокъ или примѣнить какой-бы то ни было законъ за преступленіе. Соотечественники-же — въ меньшинствѣ отрицавшіе произволъ, такъ сказать, приблизительно люди порядочные — стушевывались въ массѣ борцовъ, не признающихъ, ни властей, ни закона, ни чужой собственности, ни даже — чьего-бы то ни было права на жизнь, признанную ими почему нибудь лишней. Вотъ на этихъ-то основаніяхъ, отличившійся высокій брюнетъ остался внѣ закона; онъ преспокойно закусывалъ и запивалъ, вполнѣ увѣренный, что фразу „не подходи, уложу“ помнятъ еще многіе и видятъ, что авторъ ея владеетъ шашкой и кинжаломъ — оружіемъ весьма подходящимъ, для практическаго примѣненія своей угрозы. Все сидѣло и смотрѣло на свирѣпаго добровольца, а кое-кто изъ болѣе сочувствующихъ герою — и къ нему подѣлтъ, разговорился. — Словомъ, недоразумѣнію конецъ, дымъ, благодаря хорошей вентиляціи въ кафанѣ, испарился, жандармы сократились и все пошло по прежнему. „Да вѣдь не новость-же, Господи! пора и привыкнуть“ — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ добровольцевъ, на вопросъ, почему онъ смотритъ хладнокровно на такое безобразіе.

— Кто онъ такой? спросилъ я подошедшаго ко мнѣ знакомаго добровольца, отставнаго русскаго офицера.

— Этотъ-то разбойникъ?..

— Да.

— Бывшій мой подчиненный, представьте! хорошъ, не правда-ли?..

— Какъ, подчиненный?..

— Ну, да; онъ у меня былъ въ батальонѣ, въ отрядѣ Хорватовича, да выгнали за трусость и пьянство: два раза уходилъ съ позиціи во время боя — 16-го сентября и 8-го октября; таковъ гусь, что какъ дѣло мало-мальски серьезное завязалось, ищите сколько угодно — его какъ небывало... Послѣ уже является и рассказываетъ, что чуть въ плѣнъ не попалъ, что отъ отряда отбился, — словомъ, рядъ несчастій и неудачъ, — но все они, послѣ боя замѣтите, когда опасности не предвидится. Притомъ, горькая пьяница и разбойникъ; всегда вотъ такія исторіи — за динаръ, или рюмку водки, на все пойдетъ — не запнется. На мой-бы судъ — повѣсить его, безъ суда и слѣдствія! чего тутъ церемониться, съ такимъ башибузукомъ...

— Кто-жь его выгналъ изъ отряда?

— Всѣмъ онъ насолилъ... чего ужъ народъ отпѣтый, былъ въ моей бригадѣ, а и то возмутились — заявили, что не желаютъ служить съ такимъ позорнымъ трусомъ: общимъ голосомъ и порѣшили...

— Однако, онъ съ золотой медалью и Такова — что получилъ вѣдь, не за трусость вѣроятно!

— Вотъ нашли доказательство храбрости... знаете-же, кому и за что даютъ тутъ награды, такъ и ему...

— Знаю, что даютъ серебряныя медали почти безъ разбора — кому она мила, тотъ и получай — ну да и понятно: орденъ вѣдь не важный; но золотыя и Такова, даютъ лишь за дѣло, и по представленію ближайшаго начальства, — а не зря-же!..

— А знаете-ли вы, по чьимъ представленіямъ, выдаютъ эти награды?

— Ближайшаго начальства! я вѣдь вамъ сказалъ, кажется..

— То-то вотъ, что не начальства, а такого-же теплаго народа, если не хуже. И какъ это вамъ не знать, не понимаю! и чего бы уже кажется, вѣсьмъ извѣстная процедура, опошлившаяся, какъ нельзя больше... Нужно кому изъ такихъ героевъ получить Такова, а то и медаль золотую, онъ и рыщеть—кланяется въ штабъ: „нельзя, говорятъ, пусть васъ представить начальство—въ чьей четѣ (ротѣ) или бригадѣ вы были, тогда и дадимъ“; ну кого-же тутъ заставишь представить, когда, какъ этотъ наприм. все время пьянствовалъ—не помнить ни начальства, ни отряда, въ которомъ находился, а орденъ не лишній—въ Россіи увидятъ, подумаютъ—сражался... идетъ онъ отыскивать начальство—находитъ почище пожалуй себя, но все равно—нужно вѣдь представленіе за подписью и имянной печатью, а чье? какого—такого командира? разбирать никто не станетъ: вотъ ему и пишетъ—этотъ-то найденный командиръ (конечно за извѣстное вознагражденіе—тамъ уже смотря по наградѣ, за сколько динаровъ), что „съ такого-то, положимъ, сентября и по такое-то октября, предъавитель сего состоялъ въ вѣрнной мнѣ части или батальонѣ и участвовалъ въ такихъ-то сраженіяхъ (называетъ числа—тоже все равно какія,—сраженія вѣдь каждый день были: кто нибудь да стрѣлялъ), гдѣ оказалъ неустрашимую храбрость, хладнокровіе и распорядительность въ трудныя минуты боя. О чемъ, донося вашему высокопревосходительству, имѣю честь просить удостоить такого-то соотвѣтствующей наградой“,—подписывается на этомъ представленіи, какимъ угодно чиномъ и командиромъ (все равно, толку вѣдь не добьешься, кто чѣмъ командо-

валь—зависѣло отъ желанія, ну да и въ штабѣ на это мало обращаютъ вниманія), прикладываетъ имянную печать, а за неимѣніемъ — чужую, и вручаетъ герою; послѣдній, отправляется въ штабъ, передаетъ представленіе секретарю главнокомандующаго, или помощнику начальника штаба, — тѣ докладываютъ генералу, и онъ, уже по своему усмотрѣнію, жалуетъ, медаль или Такова—а если того заслуживаетъ представленіе, то оба ордена заразъ. Вотъ вамъ вся формальность, на основаніи которой выдаютъ награды личностямъ, заслужившимъ одинъ позоръ и наказаніе. Не думайте, что я преувеличиваю, или шучу, и если не вѣрите, то справьтесь завтра, хотя-бы въ министерствѣ—увидите, такъ-ли; тамъ и представленія такіа, кста-ти прочтете. Вѣдь этого героя—моего-то подчиненнаго—знаютъ почти всѣ; а то, какъ онъ бѣгалъ съ позицій, пьянствовалъ и разбои учинялъ — вѣдь не одному мнѣ извѣстно!... слѣдовательно, данныхъ на полученіе отличій, не было. Посмотришь кому даютъ, самому носить совѣстно...

— Да, если-бъ такъ легко получить, какъ вы говорите, то нашлось-бы охотниковъ много, а то вотъ и раненыхъ встрѣчаешь — не получившихъ ни креста, ни медали, да еще какихъ — калѣкъ ужъ настоящихъ. Чѣмъ вы объясните, такое явленіе?

— Что нашлось много охотниковъ — это очевидно: на кого ни глянь — увѣшанъ орденами; а что раненыхъ встрѣчаешь безъ наградъ, то и это понятно: они вѣдь — кто изъ лазарета вышелъ недавно, не успѣлъ добиться своего, кто пріѣхалъ — не знакомъ еще съ порядками, а кто и вовсе не желаетъ; такихъ я знаю многихъ. Правда, что тѣ кому придется долго лежать въ лазаретѣ—въ Бѣлграда, потеряютъ возможность добиться чего-бы то ни было, хотя и пожелаютъ, потому что штабъ, говорятъ, разѣдется — оста-

нутя однѣ сербскія власти—менѣе щедрыя, какъ вамъ извѣстно, на награды. Тогда ужь труднѣе, пожалуй, будетъ.

— Какъ фамилія, бывшаго вашего подчиненнаго?

— Того-то разбойника?

— Объ немъ, вѣдь, и рѣчь ведемъ все время!

— А что, въ печать его замышляете, что-ли?

— Если-бы и да, то что-же изъ этого? мнѣ кажется, даже слѣдуетъ, поступки подобныхъ людей сдѣлать гласными!

— Да я спросилъ, не съ цѣлью скрывать его поступки, а такъ, изъ интереса: будутъ-ли они гласными, или нѣтъ—мнѣ безразлично.

— Такъ вотъ, если безразлично — представьте героя дня.

— Пиговацъ, его фамилія.

— Ахъ, да, она мнѣ знакома — не помню, вотъ, кто это рассказывалъ недавно про него — то же, что и вы говорите...

— Онъ, вѣдь, многимъ извѣстенъ — а теперь и того больше станетъ популярнымъ, что драму, разыгралъ удачно...

— Не вполне: противникъ остался въ живыхъ—цѣль не достигнута.

— Значить, чувствительный человѣкъ... рука содрогнулась...

— Оттого-ли...

— Да отчего же больше! разстояніе не могло быть причиной—оно слишкомъ незначительно: револьверъ свое дѣло сдѣлалъ.... одно и могло случиться, что чувство заговорило—рука содрогнулась.

— А я, такъ думаю, что не чувство заговорило, а ра-

кія (водка) помѣшала сохранить покойную позу, въ минуту прицѣла.

— Вотъ оно и естаті: дождемъ загнало, а тутъ и вы. Здравствуйте, и прощайте! *).

— Да вы куда-же торопитесь! погодите, уйдемъ вмѣстѣ—намъ, вѣдь, въ одну сторону.

— Я прощаюсь, не съ цѣлью уйти сію минуту, а ради того, что завтра уѣзжаю въ Россію —и васъ, по всей вѣроятности, уже не встрѣчу.

— Какъ же такъ, въ Россію! вы вѣдь, назначены командиромъ эскадрона: рассчитывали ожидать возобновленій военныхъ дѣйствій—и вдругъ, уѣзжаете?

— Какимъ тамъ командиромъ! чертъ толку не добьется, чѣмъ я назначенъ... въ штабѣ говорятъ одно — начальникомъ кавалеріи назначаютъ, Монтеверде другое — въ эскадронные прочить, а изъ министерства чуть не въ затылокъ гонять — не признаютъ никакихъ назначеній!... Беспорядокъ и произволь — куда ни повернись: уѣзжать безъ оглядки, и только...

— Странная-же вещь: вѣдь вы приказомъ назначены вѣроятно, и за подписью главнокомандующаго; тутъ ужъ путаницы быть ни какой не можетъ! между тѣмъ, говорите, что въ штабѣ одно, Монтеверде — другое, а въ министерствѣ третье, и самое скверное — гонять, чуть не въ затылокъ.

— Надоѣло мнѣ повторять одно и тоже каждому! ну что-жъ изъ того, что приказомъ и за подписью главнокомандующаго, когда ни одна собака не слушаетъ, а если и слушаетъ, то не исполняетъ, потому что другіе ее не слушаютъ! — къ кому ни обращайся и ни приказывай, все равно —

---

*) Дождемъ загнанный, только что подошедшій, былъ мой знакомый по Бѣлграду —отставной лейбъ-казакъ А.—ро.

ни вниманія, ни исполненія! а чуть затронешь министерство, или кого-бы то ни было изъ сербовъ-воротилъ, то рядъ упрековъ, недоразумѣній и разныхъ нахальныхъ выходокъ... Я цѣлый день сегодня проѣздилъ по Бѣлграду, отъ одного къ другому, въ концѣ плюнулъ—отказался отъ всего и рѣшилъ завтра же уѣхать въ Россію. Помилуйте, что это такое!... комедія какая-то!... каждый творить, что вздумается, командуетъ чѣмъ угодно, наряжается во что хочетъ, словомъ—никакой рамки, никакихъ границъ! безпредѣльный произволъ и свобода! куда тутъ дольше оставаться—упаси Богъ.

— Я все-таки изъ вашихъ словъ мало понялъ—не знаю въ чемъ тутъ причина такой неурядицы: въ частности, мнѣ понятно всякое явленіе—какое бы оно ни было, но въ главной квартирѣ и въ министерствѣ, гдѣ вся власть сосредоточена—такой произволъ, постигнуть трудно... онъ возможенъ во время революціи, или ослабленія правительственной власти, но въ данномъ случаѣ, ничего подобнаго тутъ нѣтъ!

— Явно — нѣтъ ни того, ни другаго, но за-то фактически оно существуетъ на столько, что трудно сомнѣваться и не видѣть въ такомъ предположеніи, прочнаго основанія; чѣмъ же инымъ и объяснить такіа дѣйствія—министерства и отдѣльныхъ властей—относительно русскихъ добровольцевъ, получившихъ новыя назначенія и вообще пожелавшихъ остаться здѣсь — выждать событій, и въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій — продолжать свою службу въ рядахъ сербской арміи? Васъ назначаютъ,—положимъ въ штабъ главнокомандующаго, — командиромъ или начальникомъ какойнибудь части, отдають въ приказъ: вы отправляетесь къ ней, и находите, не часть, а остатки ея—всѣ разбрелось куда хотѣло (если добровольцы, то по Бѣлграду, а сербы — тѣ безъ церемоніи по кучамъ). Идете въ министерство—тамъ говорятъ

вамъ, что не знаютъ ни о вашемъ назначеніи, ни о томъ— кто вы даже (это говорятъ чиновники), а высшія власти, начиная съ министра туряють, улыбаясь вашей наивности— слушать какіе-то приказы, или вѣрить въ назначенія... Эти вотъ дѣйствія, я испыталъ на себѣ и пришелъ къ тому заключенію, что сербское правительство, за исключеніемъ главы и весьма немногихъ членовъ, вооружено противъ наплыва нашихъ добровольцевъ, а въ особенности ихъ представителей, и радехонько — выжить-бы ихъ поскорѣе; въ началѣ, образовавшаяся правительственная партія, изъ большинства — за, а меньшинства — противъ г-ла Черняева и добровольцевъ, теперь измѣнилась, — послѣдняя стала преобладающей. Если допустить такой фактъ переворота, то ясно, что правительственная власть стушеввалась и что проявленіе въ войскахъ деморализаціи, а въ народѣ — скрытаго неудовольствія къ добровольцамъ и озлобленія къ правительству — доказываютъ фактическое существованіе революціи! Вы замѣтите, каково общее настроеніе сербовъ, и чѣмъ другимъ они удерживаются отъ открытаго взрыва, какъ не нашимъ присутствіемъ, какъ не увѣреностью, что открыто-революціонное проявленіе съ ихъ стороны будетъ подавлено добровольцами — далеко имъ не сочувствующими. Не знаю, чѣмъ разыграется, когда мы уйдемъ отсюда, но увѣренъ, что теперь не ошибаюсь въ сужденіи.

— Если, какъ вы говорите, правительственная партія съ противнымъ направленіемъ — всему иноземному, такъ сказать, добровольцамъ и Черняеву — преобладаетъ, то почему-бы ей дѣйствовать скрыто—не высказать и не требовать того, чего желаетъ?

— Потому, что меньшинство противниковъ, поддерживается добровольцами, недовольными всякимъ проявленіемъ

самостоятельности со стороны сербовъ и всегда готовыми — скорѣе быть за Князя и Черняева, чѣмъ за партію съ революціоннымъ направленіемъ. Но и это до-поры до времени — пока разѣдемся, а страна очнется и народъ выскажется, въ томъ и другомъ смыслѣ; тогда, я увѣренъ, — произойдетъ уже нормальный переворотъ во всемъ строѣ. Теперь — одна натянутасть и деспотизмъ, небольшой коалиціи честолюбцевъ, крайне непопулярныхъ въ странѣ и недалекихъ въ политикѣ...

— Въ такомъ случаѣ, что значить усиленная дѣятельность штаба — формированіе новыхъ дивизій изъ добровольцевъ, организація уже существующихъ частей, назначеніе начальниковъ — преимущественно русскихъ, выборъ лучшихъ офицеровъ и высылка негодныхъ, установленіе какихъ-то отпусковъ и отставокъ для добровольцевъ — что это, все значить по-вашему?

— Кукольная комедія... и если посидите еще въ Бѣлградѣ — дождетесь отъѣзда Черняева, то увидите, чѣмъ все это кончится, — организація, формированія, назначенія и разныя установленія исчезнутъ, не оставивъ даже признаковъ своего существованія. Теперь каждый сербъ смотритъ на нихъ будто-бы и серьезно, а въ душѣ смѣется — думаетъ: „погодите-ка немного, дайте придти въ себя, тогда и скажемъ свое — да или нѣтъ“; поговорите съ кѣмъ угодно изъ нихъ, и увидите, что ни одинъ не придаетъ серьезнаго значенія этимъ событіямъ — считаетъ ихъ временными, не согласными съ своими воззрѣніями, и съ нетерпѣніемъ ждетъ минуту, когда можно будетъ проявить самостоятельность...

— Вы когда-же — завтра уѣзжаете въ Россію?

— Въ крайнемъ случаѣ, послѣ-завтра, что менѣе вѣроятно — я почти готовъ къ отъѣзду.

Въ одиннадцатомъ уже часу вечера, я разстался съ своими собесѣдниками и, хотя шелъ проливной дождь, отправился домой; но спать еще было рано, а заниматься — тоже неохота — зашелъ въ общую столовую „Крала“, гдѣ собирався обыкновенно высшій классъ добровольцевъ: тутъ, вѣдь жили, начальникъ штаба, его помощникъ, непремѣнный членъ выдающихся приключеній — Лудовъ и много еще лицъ, игравшихъ кое-какую роль въ военномъ мірѣ. Вообще, эта гостиница, со временъ возвращенія Черняева изъ арміи и даннаго добровольцами обѣда въ честь его, получила громкую извѣстность и стала центромъ военныхъ сходовъ: тутъ лилось шампанское и шла расправа за проступки, но не такая, какъ въ другихъ кафанахъ, гдѣ драки или разбои возникали между равными противниками по положенію, — а начальническая — силой оружія приводилось въ исполненіе все, что кому вздумалось, — и не одинъ на одинъ, а большинствомъ на одного, — словомъ, властвовали, безъ стѣсненія и снисхожденія (пока не составила оппозиція изъ потерпѣвшихъ).

Теперь, какъ и всегда, посѣтителей была масса — ужинъ привлекъ многихъ голодныхъ отовсюду. Смотря на эту публику, казалось, что сидишь гдѣ нибудь въ вокзалѣ переполненномъ только что вышедшимъ изъ вагоновъ партизанскимъ отрядомъ, составленнымъ изъ различныхъ національностей и типовъ къ тому-же — голоднымъ, накинувшимся на все съѣстное съ алчностью. Я, уже сытый, предался наблюденію — незамѣтно увлекся общимъ видомъ всего, что тутъ было, какъ вдругъ раздался какой-то крикъ въ залѣ, но — поражающій, не похожій на человѣческій, и только долетавшія слова: „изверги!“ „убить хотѣли!“ „спасите-же! спасите!“ — доказывали, что кричитъ человѣкъ; все встрепенулось — бросило ѣсть, пить

и кинулось въ ту сторону, откуда доносились крики. Съ мину-
 ту нельзя было опредѣлить, гдѣ это происходитъ: одни
 бѣжали къ дверямъ, ведущимъ подъ ворота, а остальные оста-
 новились въ недоумѣніи, внимательно прислушиваясь къ про-
 исходившему; но скоро стало понятнымъ и очевиднымъ до-
 сихъ поръ загадочное явленіе: отъ сильнаго удара извнѣ,
 дверь соскочила съ петель, съ трескомъ упала на полъ,
 и въ залу ворвалась цѣлая толпа солдатъ, съ применутыми
 къ ружьямъ штыками, удерживавшая равнагося впередъ,
 кричавшаго полунагого человѣка. Онъ съ повисшимъ на
 правой рукѣ пальто, въ изорванной въ клочки и спавшей
 съ плечь сорочкѣ, съ окровавленную грудь и зіяющей раной
 на лѣвой рукѣ выше локтя, откуда сочилась черная кровь,
 обогрившая уже всю кисть и рукавъ, висѣвшій съ боку—въ сле-
 захъ, съ заплаканными глазами, произвелъ на меня потрясающее
 впечатлѣніе—да и на всѣхъ, я думаю, такое-же: „раненаго
 меня въ крѣпость ведутъ, разбойники! спасите господа! вы-же
 видите, что они дѣлаютъ—спасите!“ кричалъ уставшимъ го-
 лосомъ несчастный, вырываясь изъ рукъ адъютанта Монте-
 верде, П — го, который съ усиліемъ тянулъ упиравшуюся
 жертву, за больную руку, къ выходной двери, заставляя и во-
 оруженныхъ солдатъ слѣдовать его примѣру: „берите его! бе-
 рите!“—кричалъ, еле на ногахъ державшійся, П — скій. Но
 солдаты—милиціонеры, не торопились исполнять приказаніе сво-
 его начальника: они съ испуганными лицами, волокли за со-
 бой ружья, едва лишь прикасаясь къ полунагой жертвѣ—
 какъ-бы удерживая ее, а въ сущности—вовсе не съ тою
 цѣлью. Вся толпа, соблюдавшая нейтралитетъ по сіе время,
 какъ-бы очнулась—надвинулась на конвой и, рѣзко отстранивъ
 адъютанта, пристала съ вопросами—за что и куда ведутъ
 раненаго добровольца; но доводы и маханье руками П — го,

плачъ и умоляющія просьбы арестованнаго, сливались въ одно непонятное, мѣшавшее узнать причину такого факта. При видѣ этой сцены, всѣ начали волноваться, судить по своему, ругать солдатъ и самого П — го (котораго, впрочемъ, и слѣдовало), — словомъ, шумѣть, безъ толку: по видимому, исторія усложнялась. Но одинъ изъ офицеровъ, считавшій себя комендантомъ Бѣлграда (не въ крѣпости, а въ районѣ кафановъ, часто подвергавшихся осадамъ и штурмамъ во время перемирія), распорядился въ этомъ случаѣ весьма толково: онъ солдатамъ приказалъ уйдти, освобожденнаго заставилъ одѣть пальто и, успокоивъ его немного (насколько это было возможно), просилъ объяснить послѣдняго — кто его арестовалъ. Правда, что подобало-бы обратиться съ такимъ вопросомъ къ конвоирующему г-ну П — му, но въ данномъ случаѣ, оно не подобало: П — кій былъ пьянъ какъ стелька и, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ, плелъ мало послушнымъ языкомъ какія-то угрозы, въ родѣ, что „въ крѣпость... в-в-всѣхххъ... п-п-п-о-ссажж... бу-у-у-д-д-д-етт... знать!.. полковникъ п-п-п-приказалъ...“ — его оставили безъ вниманія — занялись пострадавшимъ. „Перестаньте-же плакать, расскажите за что вы попались?“ настаивалъ комендантъ на своемъ.

— Я встрѣтился съ Монтеверде на корридорѣ и просилъ его представить меня къ наградѣ: сами-же видите, какъ я серьезно раненъ, а и медали не имѣю — всѣ кто хотѣлъ получилъ!.. мнѣ не даютъ... въ немилости...

— Да я вѣдь спрашиваю. не о наградахъ, а за что васъ арестовали? терялъ уже терпѣніе комендантъ. „Ну вотъ, прошу его представить къ наградѣ — „никакихъ вамъ не полагается“, отвѣчаетъ; „помилуйте, говорю, полковникъ, кому-же и полагается послѣ этого!... Я раненъ въ грудь и руку — и не полагается, такъ за что-же тѣмъ, кто ни куда не раненъ —

даютъ!... словомъ, на эту тему продолжаю съ нимъ разговоръ, въ самой вѣжливой формѣ. Онъ не дослушалъ, закричалъ — началъ бранить, грозить арестомъ; я, что-то заикнулся... онъ обращается къ этому пьяницѣ: „взять, говорить, его и отвести въ крѣпость“; тотъ сталъ меня тащить — я упи- раться, онъ и оставилъ меня — исчезъ куда-то, а я отпра- вился къ себѣ въ номеръ и легъ спать; но не прошло и десяти минутъ, какъ этотъ-же франтъ, ворвался ко мнѣ, съ конвоемъ, стянулъ съ постели (я сапоги лишь успѣлъ обуть и шинель взять) и потащилъ внизъ; тутъ ужъ я съ ними сталъ возиться, — надѣялся, услышитъ ктонибудь...

— Въ этомъ, весь и проступокъ?

— Спросите хозяина, если не вѣрите — онъ былъ сви- дѣтелемъ моего разговора съ Монтеверде.

— Кто-жъ изъ васъ, дверь вышибъ?

— Я вѣдь возился, боролся, направляясь къ дверямъ кафана, а не къ воротамъ, куда они тянули: какъ налегли общей толпой за мною — дверь и подалась... Да слава Богу, я радъ, что такъ случилось, а то-бы въ крѣпости доста- лось... онъ и тутъ меня дергалъ, толкалъ незамѣтно, а тамъ и подавно — не сталъ-бы церемониться.

— Кто такой васъ толкалъ и дергалъ? строго спросилъ комендантъ.

— Адьютантъ-то этотъ милый, или кто онъ такой — не знаю...

— Тотъ-то офицеръ, который съ конвоемъ ворвался?

— Ну да, онъ.

— Я-же распоряжусь съ нимъ, по-своему... вы отпра- вляйтесь домой, руку перевяжите, а завтра въ лазаретъ. Да не оставляйте-же рану въ такомъ видѣ!... крикнулъ ко- мендантъ велѣдъ уходившему освобожденному добровольцу;

а съ временнымъ адъютантомъ, что-то доказывавшимъ у буфета такому-же пьяному собесѣднику, распорядился, какъ и общалъ, по своему. Онъ призвалъ съ улицы нѣсколькихъ солдатъ, и приказалъ свести его въ полицію, гдѣ съ недавнихъ поръ имѣлась особенная камера для любителей ночныхъ приключеній: „проспитесь — жалуйтесь“ — посовѣтывалъ комендантъ адъютанту и, велѣдствіе оказаннаго послѣднимъ сопротивленія, повиноваться произвольной власти и фразъ его „я в-в-в-асъ... всѣхъ... м-м-мазурики... въ... к-к-к-р-рѣпость... по-с-с-саж...“ — крикнулъ солдатамъ: „взять его!... а то пулю пушу, каналы!“ Конвой мгновенно схватилъ П — го и на рукахъ потащилъ въ полицію. Словомъ, какъ видите — ни чины, ни положеніе — ни во что; кто кого вздумалъ, того и побѣждалъ, предоставляя полное право жаловаться кому угодно. Хотя-бы теперь: понесли вѣдь не когонибудь изъ маленькихъ, а адъютанта помощника начальника штаба и, кавалера орденовъ — Такова и медали. Но не въ томъ дѣло — комендантъ молодцомъ, вотъ что пріятно. „Просидитъ денька два въ полиціи голоднымъ, фанаберію оставить“, произнесъ онъ не сомнѣваясь.

— Какъ-бы вамъ отъ Монтеверде, капитанъ, не досталось — его вѣдь адъютантъ.

— Вотъ еще, есть о чемъ думать! пока мнѣ, а ему не за горами; всѣ вооружены, еще съ Делиграда — съ часу на часъ собираются вздуть, только-бы случай подыскался, а ужъ не поделикатничаютъ....

— Съ кѣмъ это?

— Да съ Монтеверде: славянскія денежки, не пройдутъ даромъ, не беспокойтесь... авантюристамъ тутъ состояніе наживать вздумалось... погодите — проучимъ... будутъ помнить!... не поздоровится... Тамъ жертвуютъ послѣдніе гроши тру-

женики, а тутъ шампанскимъ заливаются, да кокотокъ содержатъ, мазурики...

— Кто-жь изъ нихъ кокотку содержитъ — что вы!

— Да тотъ-же Монтеверде! я вѣдь знаю ея прошлое: она ему не жена, а просто содержанка! посмотрите, какъ живетъ на славянскія денежки... пріѣхала-то вѣдь, мы видѣли въ какомъ видѣ... а теперь и не узнаешь.

— Развѣ-жь она, содержанка! ее вѣдь зовутъ, м-мъ Монтеверде?

— Мало-ли какъ зовутъ ее—а на самомъ-то дѣлѣ она не Монтеверде, а Танаева. Знать нужно все, тогда и говорить, а не по вашему болтать, благо языкъ гнется.

— А не знаете-ли вы, что за субъектъ, адъютантъ-то этотъ?

— Да вѣдь вы были-же въ Делиградѣ—видали его въ штабѣ, вѣчно пьянствующимъ: тамъ онъ былъ ординарцемъ у главнокомандующаго, ну а тутъ, адъютанствуетъ.

— Я спрашиваю вообще, что за личность, — думалъ, не знаете-ли вы.

— Не я одинъ его знаю, а всеѣмъ извѣстно, что выгнанъ изъ русской службы, за пьянство и картежъ! Сюда пріѣхалъ—наверстать думалъ, капитаномъ, какъ видите, нарядился—горе—не повезло только: въ Делиградѣ проигрался, да платить нечѣмъ было, ну и узнали каковъ гусь—что слухи имѣютъ основаніе... знаться перестали. Правда и тѣ субъекты не важные, а все-жь, пренебрегли... словомъ, тамъ былъ въ опалѣ, а тутъ вотъ попалъ въ адъютанты—хотя и не на долго; не сегодня—завтра, Монтеверде вздуютъ, тогда и адъютанту карьера не вѣсть какая въ будущемъ...

Господи ты Боже мой, подумаешь, — въ одинъ день сколько фактовъ, сколько явленій и потрясающихъ душу сценъ!

вѣдь въ обыкновенной жизни,—въ годъ того не испытаешь, столько не переживешь, не перестрадаешь, какъ тутъ въ одинъ день! Я теперь чувствовалъ усталость; голова была переполнена мыслями—несчастный старикъ и двѣ кровавыя сены такъ и являлись живыми въ моемъ воображеніи... нуженъ былъ отдыхъ и покой: я пожелалъ коменданту покойной ночи и отправился въ свой номеръ, гдѣ долго еще не могъ уснуть—думалъ, но за то и уснулъ какъ-же...

Обѣдъ съ музыкой и осязательными ощущеніями—впослѣдствіи взятый приступомъ.—Парадъ въ день именинъ Черняева, и событія дня.—
Замѣчательный типъ, жаждущій смерти.

Прошла недѣля послѣ описанныхъ событій. Все тѣ же однообразныя явленія—правда выходящая изъ ряду, безобразныя, но гдѣ нибудь въ другой странѣ, а не въ Бѣлградѣ, въ данную минуту: тутъ, коль кого не убили, то и слава Богу—все обстоитъ благополучно; на драки, пораженія, недѣйствительные выстрѣлы, такъ сказать, попытки на убійства и недавно вошедшій законъ въ моду—присваивать чужое за свое—никто не обращалъ вниманія; все это обыденныя уже явленія, съ которыми было свыклись. Такъ прошла недѣля: одни уѣзжали, другіе пріѣзжали, третьи жили и творили небывалое,—словомъ, все было въ движеніи; Бѣлградъ, не походилъ на себя...

На-дняхъ, пришелъ сюда съ боевого поля эскадронъ королевы Наталіи (нынѣ княгини). Вотъ изъ него и такъ называемаго—Андреевскаго новое начальство вздумало со-

здать одну большую кавалерійскую часть и усовершенствовать ее настолько (наименовавъ все-таки эскадрономъ), чтобы, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, было-бы что назвать кавалеріей, способной исполнить свою задачу въ бою. Мысль, хотя и хорошая, но осуществить ее оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ предполагали: въ эскадронахъ, недавно вступившихъ въ Бѣлградъ въ полномъ составѣ, остались лишь лошади и нѣсколько десятковъ, неуспѣвшихъ еще уйдти всадниковъ — все разбрелось въ разныя стороны — предпочло жить на свободѣ. Словомъ, полная деморализація, отнявшая у начальства всякую возможность достигнуть успѣшнаго формировація боевой кавалеріи: командиры номинальныхъ отрядовъ, блуждали съ поникшими головами, а ихъ офицеры (не давно произведенные — тамъ еще при пораженіи) занялись нарядами и щегольствомъ. Въдѣ пальто на красной подкладкѣ, полагалось: кто нибудь ошибется — приметъ за генерала! а этого развѣ было мало, для человѣка, сидѣвшаго дотолѣ въ черномъ тѣлѣ — гдѣ нибудь на Сѣнной въ Вяземскаго домѣ, или въ подземныхъ одесскихъ катакомбахъ? Но не все-же такое отчаянное — было и порядочное кавалерійское общество. Вотъ, по мысли нѣсколькихъ такихъ порядочныхъ кавалеристовъ, составила скромная подписка (всего по два дуката съ персоны) на обѣдъ своему полковому командиру, полковнику Ш — чу; охотниковъ набралось не много (человѣкъ двадцать), ну да и понятно — условія самой подписки были щепетильны: во-первыхъ, требовались деньги впередъ, а, во-вторыхъ, участвовать могли, лишь сослуживцы номинальнаго командира, такъ сказать — его подчиненные; офицеры другихъ частей, а равно и штабные — не допускались вовсе. Подписавшіеся участники, между которыми нашлось человѣкъ восемь и теплаго народу, избрали распорядителемъ предполагаемаго обѣда, своднаго командира, подполковника

Штосмана, а въ помощники ему—того самого юнаго офицера, который разорился черняевскимъ обѣдомъ и меня, бывшаго подчиненнаго—теперь уже статскаго туриста *)

Гдѣ-же заказать обѣдъ? долго не могли мы рѣшить... и съ музыкой-ли—вопросъ первостепенной важности: денегъ всего вѣдь сорокъ дукатовъ! (восемьдесятъ рублей); на нихъ—обѣдъ, на двадцать персонъ, вино и музыка! было о чемъ подумать... Составилось засѣданіе распорядителей и большинствомъ голосовъ рѣшили такъ: обѣдъ, изъ пяти блюдъ, заказать у Ристича (въ одномъ изъ лучшихъ кафановъ), вина поставить — столоваго, по бутылкѣ на каждаго (кромѣ разныхъ водокъ), и шампанскаго, десять бутылокъ на всѣхъ, а если окажется мало, то все сверхсметное — отнести на общій счетъ; музыку-же потребовать не въ полномъ составѣ, а въ половинномъ—но непременно, иначе обѣдъ потеряетъ значеніе кавалерійской пирушки—будетъ скучной оваціей для командира. Послѣ засѣданія, условились съ хозяиномъ кафаны, взявшимся накормить и напоить двадцатерыхъ за тридцать дукатовъ, а на остальные десять—заказали музыку; обѣдъ назначили на слѣдующій день (6-го ноября) въ семь часовъ вечера. Много еще было возни, о которой говорить не стоитъ, но за часъ до обѣда—уже все было готово: въ небольшой комнатѣ, отдѣленной стекляннымъ простѣнкомъ отъ громадной залы (общей столовой кафаны), сервированъ былъ столъ; не безукоризненной бѣлизны скатерти и салфетки, но гораздо-же чище, чѣмъ въ обыкновенное время; подобранные по мѣрѣ возможности подъ одинъ образецъ тарелки, ножи, вилки и ложки,

*) Не знаю, право, къ какой категоріи кавалеристовъ причислить распорядителя и его помощниковъ—къ порядочнымъ, или къ теплему народу?... нѣтъ, ужъ не хочу кривить душой... сдаюсь на судъ читателя.

установленные бутылки съ винами и два громадные, хотя не одинаковой величины, графины съ водкой, бронзовыя канделябры съ зажженными свѣчами и разныя ужъ подсвѣчники, а по срединѣ, какое-то высокое полуизсохшее растеніе, посаженное въ кувшинъ, связанный веревками отъ ветхости, — придавали не слишкомъ эффектный видъ обстановкѣ; но въ общемъ было сносно — чисто и опрятно. Музыка, пришла — устроилась у входа, гости собрались почти всѣ — ожидали лишь приглашеннаго, по настоянію распорядителя, Монтеверде (въ качествѣ начальника штаба) и не прибывшаго еще, номинальнаго командира III—ча. Все томилось, выжидало; одно, что заставляло насъ смущаться, недоумѣвать — это собравшаяся масса добровольцевъ въ смежной залѣ — какъ бы въ ожиданіи чего-то уже имъ извѣстнаго и нужнаго, для достиженія какой-то скрытой для насъ цѣли: они шумѣли, переходили отъ одного къ другому — шептались, указывая въ нашу сторону многозначительными жестами, крайне загадочнаго свойства. — „Не замышляютъ ли они устроить скандалъ“, отозвался кто-то изъ нашихъ... Но вотъ, вошелъ Монтеверде въ полной формѣ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ (юнымъ служакой Матеемъ); по знаку распорядителя, музыка грянула привѣтственный маршъ, участники встали, въ струнку вытянулись и почтительно поклонились вошедшему начальнику. Тутъ произошла маленькая неловкость — начальникъ пріѣхалъ раньше подчиненнаго; кое кто болѣе свѣтскій — подошелъ, сталъ занимать разговоромъ недовольнаго властелина, какъ снова загремѣлъ оркестръ и скромными шагами вошелъ полковникъ III—чѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій и извиненій, все накинulo на закуску, которой вскорѣ не стало, и подъ звуки стройнаго черняевского марша усеѣлось за столъ. Начался

обѣдъ, но какой!.. до сихъ поръ, не могу равнодушно вспомнить—такъ всего и коробить.

Подали первое, второе блюдо... ничего... казалось все идетъ чинно: выпили за здоровье Государя, Наслѣдника и, обѣдъ какъ-бы вошелъ въ колею — все оживилось, горячо говорило, спорило, — словомъ, каждый себя чувствовалъ въ хорошемъ настроеніи духа; но не долго же суждено намъ было быть довольными своимъ положеніемъ: заранѣе приготовленный планъ скандала—получилъ практическое примѣненіе. Началось съ того, что въ разгарѣ обѣда, когда предложили тостъ за здоровье кавалеріи, или командира (что-то въ этомъ родѣ), то музыка, вмѣсто туша, заиграла польку и, въ смежномъ кафанѣ начались танцы—нѣсколько паръ добровольцевъ канканировали, выдѣлывая такія граціозныя па, что все задѣваемое неловкими ножками валилось на полъ — столы съ посудой, стулья и остальная наличность—съ трескомъ разлеталась по различнымъ направленіямъ кафаны; а оркестромъ, къ общему нашему удивленію, дирижировалъ какой-то субъектъ въ военномъ нарядѣ и бѣлой папахѣ: онъ, съ поднятой въ верхъ саблей, исполнялъ обязанность капельмейстера, размахивая ею такъ неосторожно, что концемъ задѣлъ стеклянную дверь, разбившуюся на половину въ-дребезги и съ пронзительнымъ звономъ осыпавшую нашъ столъ осколками. Тутъ ужъ и начальство замѣтило, что дѣло неладно—готовится овація, какъ видно, не слишкомъ пріятная. „Какъ они смѣютъ!“ произнесъ Монтеверде, мѣняясь въ лицѣ отъ гнѣва. Но предлагать такіе вопросы можно было лишь про себя—на бунтующихъ они-бы не подѣйствовали въ смыслѣ благопріятномъ...

---

*) Исполняющій обязанность капельмейстера, такъ сказать начинатель непростительнаго скандала—храбрецъ ибарской арміи съ прострѣленной грудью—г-нъ Гавриловъ.

мягкость и умѣніе—вотъ были мѣры въ данномъ случаѣ, могущія достигнуть своей цѣли (укрошенія). Я, пользуясь тѣмъ, что одѣтъ былъ въ статское платье, — выглядѣлъ фигурой, менѣе вызывающей — вышелъ къ музыкѣ, съ цѣлью узнать причину такой странной программы — какъ полка во время тоста. „Вамъ нѣтъ дѣла до того, что они играютъ!“ крикнулъ воинственный капельмейстеръ.

— Позвольте-же узнать, а вамъ-то какое дѣло до того, о чемъ я ихъ спрашиваю?

— Мы имъ деньги заплатили!.. понимаете!..

— Да вѣдь музыка, нами заказана, за нами и право пользоваться этимъ удовольствіемъ!

— Да мы имъ деньги заплатили!.. понимаете!

— Понимаю, но мы вѣдь раньше васъ заплатили и фактическое на нее право—ужь, во всякомъ случаѣ, не ваше, а наше.

— Посмотримъ, чье окажется!.. подвернись кто такъ и башку не задумаюсь снести...

— Правы-ли вы, подумайте—похваляясь башку снести комунибудь неповинному?.. Вѣдь никто изъ насъ не имѣетъ ничего общаго съ вами: мы не подали вамъ повода, мѣшались въ наше общество и затѣвать скандалы! Взяла-ли музыка съ васъ деньги, или нѣтъ—это еще не даетъ вамъ права ею распоряжаться, а тѣмъ болѣе—дѣлать намъ дерзости!

— Мы заплатили!.. убирайтесь!.. а коль жить хотите въ мирѣ, то коньяку поднесите, предложилъ не прошеный капельмейстеръ. И дѣлать - то что - же оставалось, какъ не коньякомъ задобрить готового на все героя. Я налилъ ему полъ-стакана коньяку и предложилъ выпить — съ условіемъ, не мѣшать оркестру играть во время обѣда. „Теперь я вашъ! приказывайте, исполняю“—обѣщалъ повиноваться ка-

пельмейстеръ, но вскорѣ доказалъ, что способенъ быть — и нашимъ, и вашимъ...

„За здоровье главнокомандующаго! ура!“ предложилъ главный распорядитель, но музыка, несмотря на мое предупрежденіе играть тушъ, замѣнила его вальсомъ, вызвавшимъ оживленные танцы (все той-же компаніи) и общій протестъ обѣдавшихъ. „Арестовать ихъ всѣхъ сію минуту!“ — закричалъ Монтеверде, но горе — некому было исполнить приказаніе; онъ послалъ своего ординарца за полиціей, а тостъ — такъ и не допили. Между тѣмъ, балъ въ смежномъ кафанѣ, принявъ ликующій видъ — все танцовало, пило, кричало и било, что понадалось подъ руки, — словомъ, подвернись кто, и башки не существуетъ... Мы всѣ, начиная съ Монтеверде, сознавали эту опасность и терпѣливо выжидали появленія ординарца съ полиціей. Но вотъ врывается ординарецъ съ толпой, вооруженной ружьями, и набрасывается на первую попавшуюся, вальсировавшую пару — въ салонѣ происходитъ минутное смятеніе; все, что танцовало, кидается выручать — отнимаетъ ружья у полицейскихъ и съ крикомъ „попался штабной“, колотить усерднаго, въ полной формѣ ординарца. „Взять ихъ! взять!“ кричитъ Монтеверде, сквозь щель непритворенной двери, занятой нами комнаты — и носу не показывая въ залу, гдѣ происходитъ общая свалка; но ординарецъ уже нѣмъ къ приказаніямъ — онъ, ловко ускользнувъ изъ рукъ беспощадныхъ преслѣдователей, вбѣгаетъ къ намъ въ комнату — безъ шарфа и эполетъ, бѣдняжка. „Вотъ такъ наклали“, произноситъ пострадавшій. „Вы упали и ушиблись“ — увѣряетъ изъ скромности начальство, но онъ, твердо убѣжденный въ противномъ, продолжаетъ доказывать, что ему наклали... „Да, думаю, трудно и сомнѣваться въ такой горькой истинѣ“.

— Будемъ-те, господа, продолжать обѣдать: что намъ

обращать вниманіе на этихъ архаровцевъ, — ихъ уберутъ... рѣшило начальство, хотя въ комнатѣ, гдѣ ординарцу наклали, слышались крикъ и угрозы: „мы вамъ зададимъ, погодите“. Скажу откровенно, что съ минуты организациі вооруженной силы въ той комнатѣ и угрожающихъ фразъ, я хотя и въ статскомъ костюмѣ, но струсилъ—вѣдь если вздуютъ, то всѣхъ за одно, не разбирая ни чина, ни правъ гражданства; а вздуть, повидимому, готовятся... Минута была, что называется, критическая—обѣдать не охота, нѣтъ аппетита... не отказался-бы и натрагъ не замѣтно, да не-куда пройти: чрезъ залу рискованно—одному накладутъ въ волю, а другаго выхода на улицу нѣтъ, какъ съвозъ непріятельскій лагерь. Вотъ и вѣрь послѣ этого, что „за добро, добромъ и платятъ“, когда за мой-же коньякъ и вѣжливость „зададимъ, говорятъ, погодите“. Я теперь убѣдился, что знать свою будущность заранѣе, не такъ хорошо, какъ это мнѣ казалось прежде—лучше было, ея не знать въ данномъ случаѣ—наткнуться неожиданно, чѣмъ смиренно выжидать незаслуженной и неизбѣжной трепки...

„За здоровье всей кавалеріи моравской арміи, доказавшей, въ свое время, удалъ и храбрость на обогранныхъ славянской кровью берегахъ Моравы!.. ура!“ предложилъ не помню ужъ кто изъ командировъ. „Музыка, тушь!.. тушь!“ кричали кавалеристы, но она играла прелестную польку—и не помышляя о тушѣ. Вдругъ, раздался два выстрѣла въ непріятельскомъ лагерѣ и крики „браво, браво“, вызвавшіе потокъ рукоплесканій. „Что это!.. что!“ засуетились кавалеристы—а начальство, потерявшееся отъ страха, забѣгало по комнатѣ, боясь уже и сквозь щель заглянуть туда, гдѣ порохомъ пахло... но вскорѣ, мы нѣсколько успокоились—намъ передалъ хозяинъ кафана, что выстрѣлы произведены на воздухъ, въ порывѣ энтузіазма, однимъ изъ танцующихъ добровольцевъ. „Изъ-за

вашего объѣда, я бѣду нажить“, проговорилъ взволнованный хозяинъ.

— Почему, такъ?

— Да помилуйте! Тамъ вотъ требуютъ шампанскаго сколько—больше трехъ дюжинъ уже выпили, а объ деньгахъ и не заикайся!.. Всему вѣдь вашъ объѣдъ причиною...

— Да мы - то, чѣмъ виноваты?.. не платятъ и не давайте.

— Легко сказать, не давайте: я раньше васъ, объ этомъ подумалъ — отказывалъ, пока въ физиономію не съѣздили... Теперь отдамъ послѣднее — избавиться-бы отъ пощечинъ... Ушелъ-бы изъ дому, да не на кого оставить—перебыютъ всю посуду.

— Не уйти-ли и намъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, обратился я къ Монтеверде и остальнымъ кавалеристамъ.

— Ну вотъ еще!.. завтра они у меня все будутъ въ крѣпости—чего тутъ трусить.

— Да вѣдь все это завтра, полковникъ, а сегодня мы въ ихъ распоряженіи! посмотрите, какая бушующая масса и на что способна!..

— Не посмѣютъ!.. сдѣлайте милость... судъ вѣдь военный существуетъ.

— Какой тамъ судъ, помилуйте! быть-ли хотя одинъ примѣръ наказанія—кого-бы то ни было, за произволь, а случаевъ, развѣ мало?.. Такъ и теперь—вздуютъ какъ пить дадутъ—увидите... уйдемъ лучше... цѣлой компаніей безопаснѣе будетъ...

— Неловко-же и уходить до окончанія объѣда.

— Да Богъ съ нимъ, полковникъ, съ объѣдомъ! Тутъ

ужь не о ловкости думать, когда сами видите, чѣмъ пахнетъ...

— Выпьемъ еще, выпьемъ!.. Чего торопиться... не по-смѣютъ... зашумѣла компанія и, взявшись за бокалы, крикнула: „пьемъ за кавалерію!.. ура!“ Но не тутъ - то было: изъ непріятельскаго лагеря со свистомъ пронеслась бутылка и, ударившись въ стѣну, надъ головой Монтеверде, разлѣтелась въ-дребезги—осколки ея, на-половину попали на столъ и въ тарелки близъ сидящихъ (повидимому, это была сигнальная граната, съ цѣлю произвести смятеніе, потому что въ слѣдъ за ней, вбѣжалъ, недавно еще исполнявшій роль канцеляриста, Г—въ); онъ съ крикомъ „меня бьютъ, караулъ“ — сталъ снимать съ себя платье и кидать его въ разные стороны, не переставая взывать о помощи. Я понялъ въ чемъ тутъ весь планъ нашихъ противниковъ: они кинутся спасать товарища и, въ суматохѣ, зададутъ намъ... А въ такомъ случаѣ, наша роль должна была быть хладнокровной—невывыжающей; тогда только затѣянный скандалъ этими неразборчивыми на средства господами, принялъ-бы меньшіе размѣры, чѣмъ желали его исполнители; но случилось какъ-разъ противоположно: раздѣтый до нага Г—ловъ, съ зіяющей—еще незажившей на груди раной, вызвалъ взрывъ упрековъ и негодованій съ обоюдныхъ сторонъ. Ворвалась толпа человѣкъ въ двадцать пьяныхъ танцоровъ, съ отнятыми у полицейскихъ ружьями, и, накинувшись на насъ окружавшихъ нагаго добровольца, затѣяла перебранку съ начальствомъ, а послѣ—и драку съ остальными; застигнутые врасплохъ кавалеристы, боролись, какъ могли, но не могли сломить превосходившую силу противника: слышались крики „зачѣмъ вы убили человѣка“ „штабные негодяи“ „шампанское на славянскій счетъ!.. а!... „бей ихъ, ребята! бей!“ „Судомъ военнымъ засужу!“ „разбойники, разстрѣляю!“, „по-

вѣшу, негодяи!“ кричали побѣждаемые; словомъ, происходила общая возня и свалка,—но кто кого толкалъ или билъ — разобрать было трудно. Я и нѣсколько другихъ кавалеристовъ, благодаря счастливой случайности, остались въ тылу атакующихъ колоннъ, почему избѣжали прямыхъ послѣдствій неравной борьбы — только нѣсколько сильныхъ толчковъ въ спину и бока помѣшали намъ похвастаться благополучнымъ исходомъ кавалерійскаго обѣда. За-то вырвавшееся изъ толпы начальство съ остальными, пострадало куда больше... оно въ мундирахъ, съ порванными воротниками, въ свалкѣ, было неузнаваемо—а тѣ, кто вздумалъ защищать его при нападеніи, такъ сказать, выказалъ преданность—тѣ пострадали физически: ихъ полуразбитыя лица измѣнились совершенно... „баталіонъ сюда позвать!“ — „сейчасъ!.. сію минуту!“ кричалъ Монтеверде, топая ногами отъ бѣшенства; но кому-же тутъ было и звать, когда каждый только и думалъ о личной безопасности: какъ-бы удрать — не оставаться-бы жертвой произвола.

Ворвавшаяся толпа добровольцевъ, послѣ перваго столкновения, усѣлась за столъ и питалась преспокойно; а оркестръ, успѣвшій уже весь перепиться, пересталъ играть вовсе — музыканты требовали пива и, расхаживая по комнатѣ, напѣвали разные мотивы... Нѣкоторые добровольцы, вѣроятно желая отпраздновать побѣду, разобрали трубы и взялись наигрывать, — но что именно?... отказываюсь сообщать: играли, вѣдь, не музыканты, а воины—въ состояніи невмѣняемости, къ тому-же безъ нотъ, безъ капельмейстера—куда тутъ было знать, что они играли... „Пойдемъ... пойдемъ...“ слышались голоса пострадавшихъ. „Да въ какую-же дверь, выйдемъ? спрашивали, находившіе такія предложенія, весьма цѣльсообразными.

— Въ ту вонъ, на улицу.

— Ну, пойдѣмъ — только не разомъ, а то замѣтятъ...

— Они ѣдутъ — не замѣтятъ, увѣрялъ больше всѣхъ пострадавшій ординарецъ Монтеверде. И мы, подъ звуки все еще продолжавшейся непостижимой пьесы, вышли незамѣтно въ залу, гдѣ, пользуясь тѣмъ, что добровольцы заняты, — кто ѣдой, кто музыкой, а кто танцами, направились къ выходной двери, но тутъ произошло нѣчто ужасное! за дверью (на улицѣ), оказался скрытый отрядъ, выжидающій нашего появленія; эти разбойники, преводительствуемые какимъ-то высокимъ съ бородой бандитомъ, высыпали изъ-подъ воротъ и съ крикомъ — „тутъ ихъ дуй, сколько влѣзетъ“ бросились на выскочившихъ кавалеристовъ, составившихъ авангардъ нашего движенія (правда, неумышленный); изъ начальства попалъ туда Монтеверде, которому, судя по ходу дѣла, доставалось не на шутку... Мы-же, еще остававшіеся въ дверяхъ и кафанѣ, рвались впередъ, желая подоспѣть на выручку авангарду, но, замѣтивъ, что не по силамъ будетъ бороться, что постигнетъ и насъ та же участь, повернули на трагъ, съ цѣлю пройти чрезъ дворъ и дать знать полиціи. Но не удалась попытка — добровольцы наострились въ Делиградѣ — знали тактику: они встрѣтили насъ (отступавшихъ), такимъ убійственнымъ огнемъ (не ружейнымъ, а кулачнымъ), что мы, окончательно потерявшись, метались по кафану, какъ угорѣлые. Было вѣдь чего и метаться! кавалерія — между двухъ огней. Теперь ужь — кто куда зналъ... стулья замѣнили лѣстницы, окна — двери, а проявившаяся въ страхѣ замѣчательная ловкость — замѣнила все: я и нѣсколько другихъ кавалеристовъ кинулись бѣжать въ столовую, изъ которой оставался единственный безопасный выходъ во дворъ, но преслѣдовавшіе добровольцы, видя, что мы ускользаемъ, произвели залпъ изъ нѣсколькихъ револьверовъ (какъ ока-

залось—предупредительный, потому, что лишь двое изъ насъ, бѣжавшіе впереди, успѣли проскочить въ дверь — остальныхъ задержали невѣсть откуда взявшіеся гиганты и, судя по отрывистымъ крикамъ „ой!... за что?...“—принялись прописывать имъ взлупку. Я, не помня, что дѣлаю отъ страха и не находя во дворѣ ни одного выхода, на улицу, кромѣ какъ въ ворота, гдѣ по сіе время продолжалась свалка, вскорабкался на высокій деревянный заборъ, съ цѣлью спрыгнуть на улицу, — но и тутъ не миноваль бѣды: изъ-за темноты, не видно было, куда прыгаю—я попалъ въ какую-то канаву, наполненную водою, вѣрнѣе—въ помойную яму, изъ которой еле выбравшись, помчался домой скорѣе борзыхъ по улицамъ Бѣлграда. И уже дома, когда отворившій ворота привратникъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, замѣтилъ, что потерялъ шляпу, и что пальто — мало того, что все мокрое, но порвано въ клочки. А въ квартирѣ—взглянувъ въ зеркало, не узналъ свою фізіономію: ужась, на что она была похожа... положимъ не избыта—мнѣ больше досталось въ спину и бока, но вся въ грязи и оцарапана. Ну да, Богъ съ ней—съ фізіономіей, слава Богу, что домой добрался; а вотъ оставшіеся, долго не забудутъ кавалерійскаго обѣда... Да и я, не забуду, какъ въ роли помощника-распорядителя, сидѣлъ въ помойной ямѣ за заборомъ и какъ добровольцы, явившіеся на помощь угнетеннымъ братьямъ, вели междусобную войну! этого я никогда не забуду, пока буду живъ...

Прошелъ день, послѣ памятнаго всѣмъ еще кавалерійскаго обѣда, возбудившаго толки, суды и пересуды—на улицахъ, въ кафанахъ и всюду, гдѣ группировался народъ иноземный. Я въ волю наслушался рассказовъ про этотъ обѣдъ: одни говорили,

что штабные затѣяли пиръ, а собравшіеся голодные добровольцы, всѣхъ ихъ переколотили—другіе доказывали, что не только переколотили, но что нѣсколькихъ убили (?); третьи—оправдывали такіа дѣйствія, утверждая, что штабные вызвали на бой—такъ сказать—заварили кашу, тѣмъ, что первые накнулись (?) на, ни въ чемъ неповинныхъ, добровольцевъ и въ свалкѣ убили одного изъ нихъ! остальные опровергали эти слухи, доказывая, что не штабныхъ переколотили, а кавалеристовъ по ошибкѣ (послѣдніе менѣе всѣхъ ошибались), но въ общемъ — всѣ они были довольны скандаломъ, мотивируя тѣмъ, что такъ или иначе, но переколотили, — а кого и за что—для нихъ безразлично.

Утомили меня эти новости дня, тѣмъ болѣе, что встрѣчавшіеся знакомые добровольцы предлагали одни и тѣ же вопросы: знаю-ли я про кавалерійскій обѣдъ у Ристича и про то, чѣмъ онъ закончился. (Мудрено вѣдь и не знать было...)

Вернувшись домой довольно поздно, я усѣлся за письменный столъ — съ цѣлью позаняться — и призадумался... какъ отворяется дверь и входитъ Лудовъ: „кстати вотъ, что не улеглись, я къ вамъ дѣльце имѣю“, произноситъ онъ, развывая какія-то бумаги, свернутыя въ трубку.

— Ужъ не экстренное-ли, что поздно такъ завернули?

— Именно-съ: не откажите, голубчикъ, переписать вотъ этотъ адресъ генералу; завтра 8-е — его именины, нельзя же такъ, безъ ничего...

— Отъ чьего же имени, этотъ адресъ?

— Штабные подпишутся — я, ну и добровольцы — по порядочнѣе кто наберется...

— Да инициатива-то, чья же?

— Ну вотъ еще! инициативу ему нужно; не все ли

равно—чья.., подписались-бы, разбирать не стануть... Затѣялъ-то я, да штабные, пробормоталъ онъ, зѣвая.

— Все это прекрасно; но вѣдь названіе же какое нибудь адресъ—да имѣть! въ общемъ-то, отъ чьего нибудь вѣдь имени онъ пишется!

— Отъ добровольцевъ и будетъ.

— Да вѣдь—не они, а вы его затѣяли!

— Не въ томъ суть, господа: не понимаете... адресъ бы, и дѣло съ концемъ.

— Мнѣ, все равно—отъ кого онъ. Но странно же!—отъ добровольцевъ, когда они, ни сномъ, ни духомъ не вѣдаютъ объ этомъ.

— Будетъ вамъ, любопытный: чѣмъ разспрашивать, дѣльцемъ займитесь лучше. Да въ случаѣ, что найдете нужнымъ—прибавьте, а то и по боку, коль лишнее что по вашему. Только приналягте, голубчикъ, а то къ генералу не успѣю сѣздить.

— До утра вѣдь еще много времени осталось — переписать успѣю.

— Да мнѣ, сейчасъ онъ нуженъ — генералъ ожидаетъ!

— Я васъ, просто не понимаю: завтра именины, а накануне ночью, генералъ ожидаетъ!

— Свезти вѣдь нужно—показать, такъ ли оно вышло...

— Да это ужъ черезчуръ, по моему: адресъ прочитываютъ имениннику накануне... не въ порядкѣ вещей, воля ваша.

— А то, какъ по вашему?

— Не по моему, а какъ принято во всемъ мірѣ; что адресъ подносится скюпризомъ — депутаціей или однимъ лицомъ, но неожиданно для того, кому подносятся. А тутъ

выходить редакція какая то—ужь ни въ какомъ случаѣ не подходящая...

— Не то, что редакція, а такъ, ему взглянуть не лишнее: перепишите, голубчикъ—ожидать будутъ... и то ужь около часу.

Меня невольно заинтересовалъ этотъ адресъ, затѣянный, какъ видно, не добровольцами, а тѣми, кому онъ былъ нуженъ, для достиженія цѣли — невѣдомой для большинства и ясной какъ день для меньшинства—хоть сколько нибудь наблюдательныхъ... Изъ разговора съ Лудовымъ, стало очевиднымъ, что добровольцы, отъ имени которыхъ писалось,—тутъ не при чемъ; что штабъ, многимъ обязанный генералу—и Лудовъ, давнишній исполнитель личныхъ его предначертаній, удовлетворяющихъ честолюбію—подносятъ этотъ адресъ, взявъ на себя непозволительную роль—депутатовъ—такъ сказать—представителей цѣлаго корпуса добровольцевъ и, произвольно присвоивъ право, назвать адресъ такимъ, какимъ ихъ никто не уполномочивалъ — за исключеніемъ лицъ, или лица, какъ видно — весьма не разборчивыхъ въ средствахъ. Овацій, овацій и овацій! — вотъ было желаніе побѣжденныхъ военачальниковъ.

Я переписалъ адресъ, въ которомъ добровольцы говорили, что, принося поздравленіе генералу въ день его именинъ, они, пользуясь случаемъ, высказываютъ готовность—помогать ему до конца въ начатой борьбѣ; что они до послѣдней минуты останутся вѣрными борцами за идею и сохранять свою роль, какъ подобаетъ въ этомъ случаѣ; и что они цѣнятъ его участіе и сознаютъ, какую оно принесло пользу славянскому движенію (фраза довольно условная, нужно сознаться); адресъ оканчивался слѣдующими врѣзавшимися мнѣ въ память словами: „вѣрьте-же, генераль, что мы исполнимъ обѣ-

щаніе!—что если въ насъ будетъ нужда, то нѣтъ жертвъ, которыхъ-бы мы не принесли на пользу общему дѣлу“.

— Ну вотъ вамъ и адресъ, передалъ я исписанный листъ стоявшему надо мной, и нетерпѣливо переминавшемуся съ ноги на ногу Лудову.

— Точъ въ точъ, голубчикъ—ничего не измѣняли? спросилъ онъ, прочитывая вслухъ переписанный адресъ и съ особеннымъ удареніемъ произнося фразу: „мы создаемъ, генераль, какую вы принесли пользу славянскому движенію“.

— Если измѣнить одну фразу, то нельзя поручиться, что не придется передѣлывать весь адресъ—проводить иную мысль, болѣе правдивую, отвѣчающую событіямъ и истинѣ. Я хотя и не во всемъ раздѣляю высказанную суть въ данномъ случаѣ, но въ виду того, что вставкой или выимкой, ее не измѣнишь, оставилъ все какъ было—не измѣнилъ ни одного слова.

— Что-жъ тутъ по вашему, не такъ?

— Да вотъ хотя-бы то, что добровольцы сознаютъ—какую пользу принесъ генераль славянскому движенію; вѣдь не складно! какую онъ принесъ движенію пользу, или вредъ—признаютъ вполнѣ, когда событія и факты станутъ очевидны—истина всплыветъ къ верху; но не теперь, когда не то что добровольцы, а и нейтральные, безпристрастные люди, не рѣшаются высказать свой взглядъ въ окончательной формѣ—потому лишь, что многое еще не раскрыто передъ ними... Или хотя-бы, вотъ это: въ концѣ они увѣряютъ, что если того потребуютъ обстоятельства, то принесутъ въ жертву все, на пользу общему дѣлу; вѣдь одна игра словъ! Кто тутъ станетъ жертвовать, когда все уже кончено—ихъ роль уже сыграна, а Черниева и подавно—онъ на-дняхъ, уѣзжаетъ; и на пользу какого дѣла,

когда, тутъ собственно, его ужъ нѣтъ, и войны, какъ видно, не будетъ: слѣдовало написать гораздо проще, но дѣльнѣе — чтонибудь болѣе подходящее...

— Да пусть его, такъ остается: хотять—ну и ладно, по ихнему пусть будетъ. Покойной ночи! пора и вамъ и намъ... спасибо за услугу! захлопывая дверь, крикнулъ Лудовъ *).

Утромъ, 8-го ноября, Бѣлградъ принялъ праздничный видъ: на улицахъ встрѣчались войска, въ парадной формѣ и съ музыкой, направлявшіеся къ малому дворцу, гдѣ жилъ главнокомандующій; штабное офицерство въ шарфахъ и кеши, съ разноцвѣтными султанами; начальники отдѣльных частей (исключительно русскіе), въ блестящихъ мундирахъ сербскихъ полковниковъ, увѣшанные орденами за подвиги неудавшейся кампаніи, и простые добровольцы (въ болѣе опрятномъ видѣ)—спѣшили съ поздравленіями—кто въ экипажѣ, кто верхомъ а кто пѣшкомъ поспѣвалъ за остальными.

Но спросятъ: почему такое оживленіе въ день именинъ главнокомандующаго, котораго многіе упрекали и не были, довольны его дѣйствіями вообще? А потому, что... что войскамъ было приказано свыше — ихъ начальствомъ, подвластнымъ еще тому-же Черняеву; что штабу неподобало быть не признательнымъ, что добровольцы (опратно одѣтые) непрочь были заискать въ надеждѣ получить „Такова“ на память и, что остальная наличность, двигалась—кто изъ любопытства, а кто—просто отъ нечего дѣлать. Такъ, или иначе, но все это двигалось въ одну и ту-же сторону, — Бѣлградъ былъ оживленъ по праздничному.

Я, какъ и другіе, изъ любопытства и желанія быть сви-

---

*) „Хотять — ну и ладно“ сказано во множественномъ числѣ, несмотря на то, что оно относится къ желанію одного лица.

дѣтелемъ тому, что готовилось въ конакѣ (дворцѣ), принарядился въ статскій костюмъ и отправился, въ главную квартиру. Но, подъѣзжая уже къ ней, обратилъ вниманіе на выстроенный батальонъ развернутымъ фронтомъ, передъ гостиницей, гдѣ жилъ адъютантъ г-ла Черняева, капитанъ Л—евъ. Не рано-ли еще? подумалъ я; развѣ заѣхать узнать, въ которомъ часу начнется церемонія? меленуло мнѣ весьма кстати. Приказавъ извозчику остановиться, я поднялся по грязной, крутой лѣстницѣ во второй этажъ и, постучалъ въ дверь номера важнаго адъютанта: „войдите“, слышался знакомый, пріятный его голосъ.

Войдя въ комнату, все представившееся моимъ глазамъ, напомнило торжественность дня: застегивавшійся на послѣднюю пуговицу, адъютантъ, въ моментъ моего появленія, въ парадной формѣ, съ крестами и золотыми аксельбантами — тщательно причесанный, надушенный, въ безукоризненной бѣлой перчаткѣ на лѣвой рукѣ, съ пристегнутою къ золотой португелъ новенькою саблей; въ струнку вытянувшійся у порога знаменщикъ (москвичъ) — высокій, съ баками унтеръ, въ русскомъ ратничьемъ нарядѣ, увѣшанный Георгіевскими крестами и медалями, за дѣла прошедшихъ дней; и распущенное — стоявшее въ углу — черное знамя съ крестомъ, вышитымъ золотомъ и дорогою малиновою бахромой по краямъ *) — напомнили мнѣ эту торжественность. Я, застегивая двубортный сюртукъ (ради официальнойности), обратился къ адъютанту съ вопросомъ: пора-ли уже идти въ главную квартиру, или

---

*) Знамя было прислано москвичами, въ главную квартиру, въ Делиградъ — для войскъ, сражавшихся подъ начальствомъ г-ла Черняева; оно временно стояло въ квартирѣ адъютанта, который, по окончаніи церемоніи, долженъ былъ отнести его въ большой дворецъ и сдать самому князю Милану.

еще рано? „Чрезъ, полчасака пойдете, не опоздаете—назначено въ одиннадцать, а теперь всего четверть“.

— Вы-то, что-жъ собрались такъ рано? спросилъ я, подозревая, что онъ занятъ парадной обстановкой, а главное — новенькими аксельбантами, впервые прищипленными къ мундиру.

— Боялся—опоздаю, что въ моемъ положеніи не совсѣмъ ловко, согласитесь.

— Не васъ-ли, и батальонъ ожидаетъ?

— Не меня лично, а выноса знамени.

— Куда-же вы ихъ—во дворъ главной квартиры поведете?

— Нѣтъ — войска выстроятся на улицѣ—передъ квартирой.

Не ожидая выноса знамени—этой простой, хорошо мнѣ знакомой церемоніи, — я отправился въ главную квартиру. И хорошо сдѣлалъ, что пришелъ раньше: было на что обращать вниманіе и призадумываться... Въ передней маленькаго конака, занимаемаго г-ломъ Черныевымъ, обстановка—хотя и не роскошная, но не лишена была блеска и картинности: нѣсколько конвойныхъ солдатъ, въ гусарскихъ ментикахъ, съ шелковыми желтыми аксельбантами; а у двери, ведущей въ пріемную—два черногорца, въ національныхъ костюмахъ—шитыхъ золотомъ кафтанахъ, вооруженные пистолетами и ятаганами роскошной отдѣлки, и шнырявшее офицерство, въ парадной формѣ,—раскланиваясь и шепотомъ разговаривая,—напоминали, что тутъ живетъ главнокомандующій, а незнавшему посѣтителю, — что очень важное лицо: что, хотя онъ и разбитъ съ арміей на-голову, хотя и потерялъ значеніе въ глазахъ большинства подчиненныхъ и свою роль — окончательно, хотя и пора-бы (ради приличія) ограничиться

скромною обстановкою — но что онъ, все-таки, занять ею — недоступною и невозможною для него въ иномъ царствѣ... и что самъ ее создалъ, по настоянію честолюбія. „Что вамъ угодно? спросилъ меня мимо проходившій ординарецъ — хотя и знакомый, но на этотъ разъ — насколько могъ — офиціальнѣй.

— Посмотрѣть, какъ вы тутъ будете парадировать...

— Что-жь это вы въ статскомъ? не ловко-же — всѣ въ военномъ!

— Да мнѣ-то что до того, что всѣ въ военномъ: я не служу, а слѣдовательно, и носить мундиръ не имѣю права.

— Да... но знаете, тутъ уже такъ принято, что всѣ въ военномъ...

— Все-жь таки, это еще не причина, по которой и я долженъ быть въ военномъ. Мало ли, что тутъ принято—но немногое изъ него и позволительно...

— Не угодно-ли вамъ пожаловать въ дежурную комнату, гдѣ всѣ собираются,—щелкнувъ шпорами, указавъ онъ на боковую дверь, у которой стояли вытянувшіеся два жандарма.

Войдя въ небольшую дежурную комнату, по приглашенію ординарца, я невольно вспомнилъ вопросъ его—почему я въ статскомъ: тутъ, буквально, все сіяло золотомъ и серебромъ; штабные добровольцы въ полной формѣ (а форма эта въ Сербіи очень нарядная), а нѣкоторые изъ нихъ, начальствующие — съ генеральскими лампасами *), безпрестанно входившія новыя лица, старавшіеся состроить скромную мину, и

---

*) Въ Сербіи, всѣ штабъ-офицеры носятъ генеральскіе лампасы.

общій говоръ въ полголоса — смутили меня статскаго; я почувствовалъ какую-то неловкость и, ощущая на себѣ обращенные взоры многихъ, какъ-бы сконфузился на минуту: „пожалуй, приняли за корреспондента, что стали коситься“, подумалъ я. Но когда встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ нашелся и Лудовъ (тоже въ статскомъ), то минутное смущеніе замѣнилось увѣренностью, что теперь не примутъ за корреспондента — не будутъ коситься, и что не только не неловко, что я въ статскомъ, но даже кстати — что и остальнымъ, уже не служащимъ въ арміи и вообще во фронтѣ, слѣдовало быть въ статскомъ.

Въ небольшой дежурной комнатѣ, наполненной военными разныхъ ранговъ и положеній — на половину произвольныхъ, какъ это водилось въ Сербіи, — виднѣлись и лица болѣе солидныя, какъ напр: Межениновъ — всѣми уважаемый, Андреевъ (храбрый кавалеристъ) и еще кое-кто изъ представителей русскихъ добровольцевъ. А остальное общество — какъ я уже сказалъ — было разношерстное, само незнавшее — зачѣмъ пришло. Но въ общемъ, съ перваго взгляда — въ особенности, для зрителя мало знакомаго съ мѣстными условіями и причинами подобныхъ явленій — могло казаться, что все это сошлось сюда съ полнымъ сознаніемъ своихъ ролей — такъ сказать — слилось во едино — по понятіямъ, взглядамъ и стремленіямъ. Да что кривить душою: и самому мнѣ такъ казалось, въ то время.

На столикѣ, стоявшемъ у окна, лежалъ написанный — знакомой мнѣ рукою — листъ бумаги, куда входившіе, поочередно подходили и, по указанію торчавшаго тутъ секретаря генерала, подполковника Ш — ра (умницы, въ полномъ смыслѣ этого слова), молча подписывали свои фамиліи. Тутъ, я нѣсколько смутился, замѣтивъ, что въ числѣ подписавшихся

на этомъ листѣ (въ которомъ, предполагаю, читатель узналъ адресъ—наканунѣ уже читанный и, по всей вѣроятности, одобренный генераломъ) былъ знакомый мнѣ старикъ—добро-волецъ, преданный недавно суду (генераломъ-же и по на-стоянію славянскихъ комитетовъ) за похищеніе славянскихъ суммъ (ввѣренныхъ ему еще въ Россіи, для передачи въ Бѣлградѣ, кому слѣдовало) и продажу нѣсколькихъ сотъ полушубковъ (оставшихся на его рукахъ, для раздачи добровольцамъ), вы-ручку за которые предусмотрительный боецъ за идею, спря-талъ въ свой карманъ; вотъ этимъ я немного смутился... но не надолго: вѣдь въ адресѣ сказано, что добровольцы со-знають—какую генераль принесъ пользу славянскому движенію, и что они (все, тѣ же добровольцы) обѣщаютъ остаться его сподвижниками до конца, пока будетъ необходимо ихъ при-сутствіе въ рядахъ разбитой арміи генерала. А эти двѣ истины — сознаніе и обѣщаніе развѣ связывали ихъ чисто коммерческіе расчеты—хотя и темные, но все же такіе, которые въ Сербіи (тогда только) считались невыходящими изъ ряду? ничуть: то одной дорогой—долгъ борца за идею, своимъ че-редомъ, а предусмотрительность въ виду неопредѣленной бу-дущности — другой. Двѣ дороги, по которымъ слѣдовали, нравственность и расчетливый эгоизмъ,—совершенно разные и одна другой не мѣшавшія...

Видя, что всѣ подписываются и что въ адресѣ, который хотя и не отвѣчалъ моимъ взглядамъ, но въ сущности ничего нѣтъ компрометирующаго—обязательное только „остаться до конца“, чему и безъ того я уже послѣдовалъ (сидя въ Бѣл-градѣ все время), я подошелъ и расчеркнулся. „Что, много-ли набралось?“ спросилъ я близъ стоявшаго Лудова.

— Порядочно—ничего... отвѣтилъ онъ, сооротивъ не-довольную гримасу.

— Да гдѣ-жь порядочно—вы говорите, когда тутъ одни штабные, да съ улицы набранные,—нѣтъ большинства изъ среды добровольцевъ, что всего важнѣе, мнѣ кажется?

— Ну, да сразу вѣдь и трудно-же... Сегодня, обойдется, а завтра наберемъ...

— Развѣ, что такъ, а то маловато—не вѣско выйдетъ...

— Пожалуйте... шепнулъ заглянувшій въ дверь орденарецъ, и компанія—а въ томъ числѣ и я—плавнo стала выходить изъ комнаты и направляться къ дверямъ, у которой стояли почетные часовые—черногорцы; чрезъ минуту, мы все стояли уже выстроенными въ полукругѣ, въ пріемной небольшой залѣ главнокомандующаго и, съ вытянутыми молчаливыми лицами, поглядывали на дверь, ведущую въ его кабинетъ. Лудовъ, не знаю почему, усѣлся въ углу залы у маленькаго столика и, съ карандашемъ въ рукѣ и листомъ почтовой бумаги, выжидалъ чего-то... а Межениновъ съ адресомъ въ рукахъ (какъ и подобало), сталъ впереди насъ и, поправляя очки, приглядывался къ неразборчивой рукѣ, которой былъ написанъ этотъ—нельзя сказать—что историческій документъ.

Наконецъ, дверь распахнулась и вышелъ генералъ Черняевъ; онъ, въ длиннополомъ синемъ мундирѣ, красныхъ штанахъ и гусарскихъ ботикахъ, съ Георгіемъ на шеѣ и русскими звѣздами на груди, при шпагѣ, эфесъ которой наклонилъ внизъ лѣвой рукою, казался особенно сосредоточеннымъ и грустнымъ. Пройдя нѣсколько шаговъ въ средину нашего полукруга, генералъ остановился противъ Меженинова и задумчиво обведя глазами окружавшихъ, молча поклонился. Вскорѣ послѣ него, вышелъ изъ той же комнаты и въ такой же формѣ г-ль Д — иль (представитель петербургскаго

отдѣла славянскаго комитета), который, избравъ пунктъ наблюденія у окна, въ сторонѣ отъ полукруга, сталъ внимательно слѣдить за происходившимъ — прислушиваться и мотать, какъ говорить, на усь.

Но вотъ, послѣ минутной паузы молчанія, когда установилась и водворилась мертвая тишина — Межениновъ началъ; онъ читалъ звучнымъ голосомъ отчеканивая каждую фразу съ особеннымъ удареніемъ и свойственнымъ его чувствительной натурѣ увлеченіемъ. Когда же дошло до мѣста, гдѣ говорилось „вѣрьте-же, генераль“, то Межениновъ, произнося это, вызвалъ — во всякомъ отдѣльно — дѣйствительно истинное сочувствіе словамъ — можетъ быть и чуждымъ для большинства тутъ бывшихъ въ полукругѣ, но получившимъ въсь и значеніе для всякаго, въ моментъ ихъ произношенія такимъ талантливымъ чтецомъ, какимъ былъ симпатичный и всѣми уважаемый Межениновъ. Я убѣжденъ, что онъ собственно сочувствовалъ всей душою тому, что подписалъ и читалъ теперь вслухъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, не покривилъ душою — чѣмъ я и объясняю, такое чтеніе.

По прочтеніи адреса, снова наступила тишина — но такая выжидательная, натянутая, что ощущались какая-то неловкость и сознаніе, что долго-моль длится тишина, прервалъ-бы ее, ктонибудь, невыносимую. Такъ и случилось: прервалъ ее генераль, который не смотря на прежнее знакомство свое съ сюрпризомъ — все таки замялся и, переминаясь съ ноги на ногу, съ опущенною внизъ головою, собирался съ мыслями, какъ-бы придумывая съ чего начать. Но это простительно: онъ вообще былъ извѣстенъ не за находчиваго. Простоявъ въ такой позѣ не меньше двухъ — трехъ минутъ, показавшихся намъ цѣлымъ получасомъ, главнокомандующій поднялъ голову и, смотря влажными глазами въ пространство

передъ собою, началъ рѣчь, взволнованнымъ и робкимъ голо-
сомъ:

„Благодарю васъ, господа, за честь—проговорилъ гене-
ралъ, остановившись—вы не забыли сегодняшній день — про-
должалъ онъ—собрались выразить свои чувства и поздравить
меня; спасибо вамъ за это. Я радъ, что вы изъявляете го-
товность жертвовать собою, на пользу общему дѣлу и что
остаетесь помогать мнѣ до конца—этому я вѣрю; многого мы
еще не достигли, нашимъ движеніемъ (достигли, но въ отри-
цательномъ смыслѣ), которое съ самаго начала было сопря-
жено съ большими затрудненіями. Каждому изъ насъ, не легко
было пробраться на помощь къ братьямъ: я, еще до объя-
вленія войны Сербіей—почти за двѣ недѣли, выѣхалъ сюда
изъ Россіи, тщательно скрывая цѣль своей поѣздки; съ
большими затрудненіями пробрался я чрезъ границу, рискуя
каждую минуту быть задержаннымъ властями. Наконецъ, мнѣ
удалось благополучно пріѣхать въ Бѣлградъ, гдѣ я встрѣтилъ
общія приготовленія къ войнѣ, общій энтузіазмъ и желаніе
боротся за дѣло великаго освобожденія славянъ отъ гнета
варварскаго турецкаго правительства. Крошечная Сербія объ-
явила войну государству, располагавшему полумиліонною орга-
низованою арміей: страна напрягла все свои усилія увели-
чить армію, и изъ пятитысячной — по мирному составу —
организовала шестидесятитысячную—хотя и молодую, но го-
товую сразиться съ врагомъ.

„Я принялъ начальство надъ этимъ молодымъ, необуче-
нымъ войскомъ, уповавъ на внѣшнюю помощь: на общее воз-
станіе славянъ, на сочувствіе русскаго народа — на помощь
его матеріальную и фактическую, и наконецъ — на то, что
успѣшными военными дѣйствіями въ началѣ я успѣю соеди-
ниться съ возставшей уже Черногоріей, Босніей и Герцегови-

ной. А соединившись съ нами (?) я могъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ борьбы (?) или по меньшей мѣрѣ — на продолжительную затяжку военныхъ дѣйствій. Вотъ при какихъ условіяхъ и съ какими разсчетами я принялъ начальство надъ молодымъ, малочисленнымъ и необученнымъ войскомъ. Вотъ почему, я не боялся Турціи и разсчитывалъ на успѣхъ. Но вышло, что я ошибался; что обстоятельства сложились иначе — въ разрѣзъ съ моими предположеніями, и что результаты получились иные, чѣмъ я предполагалъ.

„Сербія, начавъ войну съ Турціей, оставалась безпомощною — одинъ на одинъ — предоставленною собственнымъ усиліямъ, которые какъ-бы велики ни оказались — не могли сломить непріателя, втрое сильнѣйшаго во всемъ: почему первое изъ моихъ предположеній — при успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ соединиться съ силами Черногоріи, Босніи и Герцеговины — не сбылось, борьба осталась разрозненною, слабою и потеряла шансы на успѣхъ. Послѣдовала сдача крѣпости, пораженіе въ полѣ и отступленіе къ Алексинацу — предпослѣдному опорному пункту при вторженіи непріателя въ страну. Такія грустные событія, вызвали наконецъ, внѣшнюю помощь сочувствующихъ: откликнулся русскій народъ; посыпались щедрыя частныя пожертвованія, стали являться добровольцы — а между ними и отставные офицеры; армія — обновились кадрами и храбрыми воинами. Не забыла Европа — а въ особенности Россія, и о санитарной части: цѣлыя санитарныя отряды — и одинъ за другимъ — являлись на помощь страждущимъ раненымъ. Какъ видите — армія, такъ еще ведавно нуждавшаяся во всемъ насущномъ, окрѣпла; благодаря сочувствію извнѣ, могла сопротивляться непріателю — тормозить его движеніе внутрь, и содѣйствовать могущей послѣдовать развязкѣ всего вопроса: по-

чему, предположеніе мое, что явятся, сочувствіе и помощь внѣшняя,—сбылось, съ тою лишь разницею, что позже, чѣмъ я рассчитывалъ.

„Въ то самое время, когда наша армія получила матерьяльную и фактическую помощь — непріятельская тоже усилилась: силы оказались снова неравны—даже съ большею разницею, чѣмъ въ началѣ. Турецкая армія получила сильныя подкрѣпленія египетскими войсками, большими массами милиціи, обиліемъ боевыхъ запасовъ и нравственною увѣренностью въ неминуемой побѣдѣ: турки стали смѣлѣе. Они, измѣнивъ нѣсколько систему своихъ дѣйствій, перешли въ рѣшительное наступленіе и заставили меня отступить съ главными силами къ Делиграду, уничтоживъ этимъ движеніемъ серьезное сопротивленіе Алексинаца, оставшагося съ нашимъ небольшимъ гарнизономъ, какъ-бы въ бездѣйствіи. Между тѣмъ жертвъ уже было много; страна—не смотря на помощь извнѣ—стала ощущать и очень осязательно—бѣдствія войны; армія упала духомъ, перестала вѣрить въ возможное сопротивленіе, а правительство, потерявъ надежду на успѣхъ и сознавая бѣдственное положеніе народа, желало мира и придумывало какой-бы найти благовидный предлогъ для достиженія этой цѣли—въ возможно скоромъ времени.

„При такихъ обстоятельствахъ продолжались военныя дѣйствія въ Делиградѣ, гдѣ не смотря на сильную позицію нашей арміи, сопротивляться было трудно: ничто не отвѣчало такому плану. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ—можно сказать — часомъ, положеніе ухудшалось. Непріятель, вывѣдавъ хорошенько наше положеніе и взвѣсивъ свои и наши силы, воспользовался подходящимъ строемъ въ полной мѣрѣ: онъ, проведя въ бездѣйствіи довольно долгое время — не считая мелкихъ движеній—отразилъ наше наступленіе 16-го сентября, съ

такой силой, что армія осталась разбитой на всей линіи, а спустя три недѣли—съ устойчивой энергіей атаковалъ насъ, и тремя послѣдовательными наступленіями—8-го 9-го и 11-го октября, заставилъ уступить лучшія позиціи—Шельеговацъ и Креть; мы отступили къ Дюнишу, гдѣ и сосредоточили главныя свои силы, занимая въ то же время и Делиградъ—уже значительно ослабленный потерей главныхъ ключей къ нему. Послѣ удачнаго натиска — продолжалъ генералъ, вытирая слезы—непріятель сознавалъ важность минуты и, какъ-бы отдохнувъ въ теченіи недѣли, возобновилъ атаку противъ Дюниша 17-го октября, а 18-го взялъ его, разбилъ всю армію и сталъ обстрѣливать Делиградъ.

„Вы знаете, что послѣ этого погрома мы оставили всѣ позиціи и отступили къ Порачину, а большая часть арміи разбрелась... Знаете, что удержать непріятеля отъ вторженія въ страну, послѣ дюнишскаго пораженія, мы не могли; что только благодаря могущественному слову Русскаго Царя, раздавшемуся изъ Ливадіи—Сербія и ея народъ, спаслись отъ разоренія и страшной мести, а мы — отъ безусловнаго плѣна и безпощаднаго суда, въ случаѣ вторженія турокъ во внутрь беззащитнаго княжества! Все это такъ, и съ перваго взгляда — какъ-бы по моей винѣ. Но только съ перваго взгляда: всмотрѣвшись ближе въ событія и въ мою роль, окажется, что я меньше виноватъ, чѣмъ казалось прежде; что я сдѣлалъ все, что могъ и, что исполнилъ свой долгъ добросовѣстно.

„Не буду входить въ обсужденіе этихъ фактовъ: это—дѣло другихъ. Скажу лишь, что упрековъ и порицаній меня ожидаетъ больше, чѣмъ похвалъ и одобреній; что многіе найдутъ поводы меня обвинять — и даже безусловно въ результатѣ.

Но я привыкъ къ упрекамъ; слушалъ ихъ много разъ въ жизни, и, предоставляя мои дѣйствія на судъ общества и исторіи, спокойно выслушаю и теперь.

„Было-бы съ моей стороны странно и въ высшей степени несправедливо, оправдываться и безусловно слагать съ себя всякую отвѣтственность за мои ошибки, промахи и тому подобныя недостатки, обнаружившіеся на посту главнокомандующаго: я ихъ сознаю и, покоряясь будущему, домогаюсь лишь того, чтобы они были оцѣнены справедливо, безпристрастно и добросовѣстно; а каковъ-бы приговоръ строгій ни былъ — я съ нимъ помирюсь. Итакъ, еще разъ благодаря васъ, господа, за высказанныя чувства, я полагаю, что роль наша — тутъ уже сыграна, что рѣшеніе великаго славянскаго вопроса, предоставлено болѣе могучему славянскому народу, и что отъ воли Русскаго Царя, зависить будущій успѣхъ этого вопроса“.

Теперь было ясно, что генералъ — если и желалъ адреса и депутаціи, то не изъ одного честолюбія, а и съ цѣлью вызвать подходящий случай, высказаться гласно, что и было достигнуто теперь.

Окончивъ свою рѣчь — разбирать которую буду впослѣдствіи — генералъ, раскланявшись съ нами, вернулся въ кабинетъ, а мы (на перегонку) вышли изъ залы, и хватая въ передней — кто шапку, кто шинель, а кто пальто, протискивались въ подъѣздъ и на улицу. Тутъ передъ квартирой генерала, были выстроены — недавно пришедшая орловская дружина, въ черныхъ русскихъ поддевахъ и шапочкахъ съ крестами (о которой такъ много писали) и черняевскій батальонъ, сформированный изъ добровольцевъ: эти части, стояли развернутымъ фронтомъ. На правомъ-же флангѣ, построились трубачи (сербскій хоръ), а лѣвѣе ихъ — знамен-

щикъ. Офицерство-же, участвовавшее въ строю, стояло — не придерживаясь правилъ устава, а какъ ему казалось лучшимъ: кто передъ фронтомъ, кто на флангъ не своей роты, кто передъ музыкой, а кто — просто прогуливался — то самъ, то тамъ пристраиваясь къ чужому взводу; но общій видъ этого войска, былъ сносенъ и даже больше — красивъ. Мы-же, только-что подписавшіе адресъ, скучились и разсуждали въ ожиданіи выхода генерала: „какъ онъ хорошо говорилъ! пріятно было слушать“.

— Да, — но какъ-то застѣнчиво ужъ очень.

— Ну да вѣдь, не въ застѣнчивости суть, а въ самой рѣчи.

— Такъ-то, такъ... но знаете — очень ужъ плачевно вышло.

— По вашему, ему-бы хохотать подобало?

— Зачѣмъ-же такія крайности: не хохотать, а немного-бы смѣлѣе и не волнуясь.

— Нѣтъ, вы не правы — отозвался кто-то изъ добровольцевъ, — онъ вѣдь сознаетъ свою отвѣтственность и боится быть ложно понятымъ, потому и волнуется. Къ тому-же, натура ужъ такая. Мнѣ его жаль отъ души.

— Ну и вы не совсѣмъ правы; боится-ли онъ быть ложно понятымъ, или нѣтъ, безразлично: событія и его дѣйствія сами за себя скажутъ, и цѣнитель, или историкъ, выскажутся о нихъ такъ, какъ найдутъ справедливымъ — дурно, или хорошо, — будетъ зависѣть отъ этихъ-же событій и дѣйствій...

— Смирно!... глаза на пра-во! скомандовалъ подошедшій Межениковъ, и музыка, заиграла встрѣчу подходившему къ фронту главнокомандующему. Подъ вліяніемъ раздавшейся

команды, спорившіе замолчали и, посторонившись при приближеніи генерала, присоединились къ его многочисленной свитѣ, невольно образовавъ хвостъ, движущейся группы начальниковъ, оконечность котораго составлялъ я, — единственный статскій, въ свитѣ генерала.

Генераль, приблизившись къ батальонамъ и выслушавъ рапортъ командующаго парадомъ, привѣтствовалъ солдатъ — нужно отдать ему справедливость — чисто по военному, молодцомъ, какъ говорится: „Здорово, братцы! спасибо вамъ за службу, молодцы!“ отрывисто и звучно, привѣтствовалъ онъ солдатъ. „здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство! рады стараться!“ отвѣчали ободренные и вспоминавшіе русскій фронтъ — распущенные добровольцы. Смотри на него, вполне военного передъ фронтомъ, невольно навязывалась мысль, что генераль этотъ дорогъ въ бою — полку, дивизіи и даже, отряду, гдѣ присутствіе его важно, какъ руководителя сподручными силами — такъ сказать — сосредоточенными частями, при томъ — организованными; но что онъ менѣе дорогъ, для цѣлой арміи — въ особенности иноземной, которую прежде всего нужно организовать, а послѣ уже ею командовать, и руководить, не въ одномъ только бою, а и въ частности — всѣми ея кадровыми единицами; гдѣ нужно быть способнымъ главнокомандующимъ и ловкимъ, съ большимъ тактомъ человѣкомъ.

Для такой арміи и среды — генераль могъ принести мало пользы, и, признавая за нимъ неотъемлемое достоинство — храбраго военного генерала, честнаго рыцаря въ душѣ и добраго человѣка по натурѣ, нельзя не отрицать у него данныхъ — быть способнымъ и предусмотрительнымъ главнокомандующимъ, такъ сказать, нельзя его считать полководцемъ,

какимъ его признають его сторонники, основавшіе свое мнѣніе на прежней боевой дѣятельности генерала — проявившейся при такихъ условіяхъ на полѣ сраженій, какія не бываютъ и не повторяются при столкновеніи съ правильно организованнымъ непріателемъ, и болѣе способными руководителями его силъ.

Итакъ, вернусь къ параду. Генераль, проходя вдоль фронта и здороваясь съ людьми, направлялся къ лѣвому флангу; но замѣтивъ тамъ, выстроившихся въ одну шеренгу раненыхъ добровольцевъ — офицеровъ (хотя и вполне бодрыхъ, заполучившихъ дукаты уже всюду гдѣ только было возможно въ бѣлградскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, но имѣвшихъ привычку при встрѣчѣ съ главнокомандующимъ просить, все той же помощи) круто, повернулъ кругомъ — окончательно озадачивъ, ожидавшихъ просителей съ бѣлыми какъ снѣгъ повязками — и, отойдя отъ фронта, остановился передъ серединой выстроенныхъ войскъ: „Царь былъ въ Москвѣ, ребята; и сказалъ, что если придется намъ подрататься съ турками, то онъ надѣется на насъ! такъ смотрите-жь братцы, коль станемъ въ свои ряды и по Его слову, пойдемъ воевать — разнести Турцію, молодцами!“ сказалъ генераль, съ особенною энергіей. „Ура! ура!.. постарайтесь, ваше высокопревосходительство!“ оживленно пробѣжало по фронту. Скомандовали „по полушвабско направо“ и баталіоны, кое-какъ перестроившись, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо главнокомандующаго, а послѣ, были отпущены въ крѣпость — но со знаменемъ и въ полномъ порядкѣ; тамъ готовился общій парадъ и молебень. Вскорѣ подали экипажъ и генералу; онъ, пригласивъ съ собою Меженинова и сопровождаемый, невѣсть откуда взявшимся, партизаномъ Кузминскимъ, съ его казаками — тоже уѣхалъ въ крѣпость. А неучаствовавшіе въ строю и недовольные, раненые добровольцы, разошлись по домамъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, кстати и за коньякомъ завернемъ, предлагалъ мнѣ заботливый Лудовъ.

— Куда, за коньякомъ?..

— Да въ лавку же—тамъ дешевле, а то дорого дерутъ въ гостинницѣ.

— Мудрено и брать съ васъ дешево, коль столько выпиваете...

— Эка не надоѣло человѣку, подумаешь: не о чемъ и говорить то видно—сосчитывать вздумалъ.

— Не сосчитывать, а такъ, къ слову пришлось — сказать.

— Съ вами начни только—не скоро кончишь... Вы—какъ знаете, а я такъ за бутылочкой... рѣшилъ мой спутникъ, съ которымъ изъ-за коньяку пришлось-таки растаться.

Упомянувъ, о партизанѣ, Кузьминскомъ, я не могу не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ, съ цѣлью познакомить читателя съ этою замѣчательною, въ своемъ родѣ, личностью.

Еще за два года до Сербской войны, осенью 1874 года, я встрѣчалъ въ Петербургѣ (преимущественно на улицѣ) раненаго, на костыляхъ, молодаго и красиваго уланскаго офицера, который, какъ я узналъ впоследствии, участвуя въ Хивинскомъ походѣ, бывалъ во многихъ серьезныхъ схваткахъ съ непріателемъ, оказывая примѣрную храбрость всюду, гдѣ только представлялся случай; и въ одной изъ такихъ схватокъ, былъ весьма опасно раненъ, за что получилъ Георгіевскій крестъ и единовременное—весьма значительное пособіе изъ собственной шкатулки Государя Императора. Когда же, вслѣдствіе серьезнаго положенія ранъ, онъ оставилъ фронтъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, то комитетъ о раненыхъ и больныхъ воинахъ, зачислилъ его въ первый разрядъ — что да-

вало солидный окладъ содержанія и, кромѣ того: по Высочайшему повелѣнію, ему назначена была пожизненная аренда. Словомъ, вознаградили его жертвы щедрою рукою. Вотъ его-то, я встрѣчалъ въ теченіи осени и зимы, хотя лично не былъ знакомъ вовсе. Послѣ, я упустилъ его изъ виду и не встрѣчалъ долгое время, пока не столкнулся въ Делиградѣ, гдѣ, — если читатель помнитъ, — онъ былъ виновникомъ плачевной результатами рекогносцировки, за которую и высланъ главнокомандующимъ изъ главной квартиры — на другой-же день этой катастрофы *).

Вернувшись въ Бѣлградъ изъ главной квартиры — за нѣсколько дней до перемирія, я засталъ тутъ и Кузминскаго, который, продолжая носить черную, коротенькую — безъ воротника — куртку, длинные сапоги, малороссійскую баранью шапку, русскаго Георгія въ петлицѣ и черкескую бурку, подобралъ уже себѣ цѣлый десятокъ такихъ подходящихъ, отчаянныхъ головъ — преимущественно недовольныхъ Делиградомъ добровольцевъ, и готовилъ ихъ къ партизанскимъ дѣйствіямъ на театрѣ войны; но такъ какъ перемиріе уже чуялось всѣми, то партизаны предназначались для мирнаго времени, чтобы, когда представится случай, вредить непріятелю, гдѣ и когда только возможно. Это — такъ сказать — были кадры будущаго партизанскаго отряда, непризнающіе ни законовъ, ни властей, кромѣ того — озлобленные на начальство и готовые на все, во всякое время дня и ночи. Встрѣчаясь съ Кузминскимъ каждый день въ ресторанѣ, я легко съ нимъ познакомился и узналъ въ немъ добрѣйшей души человѣка. Но прежде чѣмъ опишу эту личность, передамъ оригинальный нашъ разговоръ при первомъ знакомствѣ.

*) Она описана во II-й части, см. стр. 148.

Я, зная, что они собираются воевать въ мирное время, спросилъ его, какъ начальника воинственнаго отряда, къ чему ведетъ подобная цѣль? и чѣмъ она оправдывается, по его мнѣнію?

— Странно, — вы военный и задаете подобные вопросы—озадачилъ онъ меня съ перваго раза,—вѣдь перемиріе—объяснялъ онъ—не есть миръ; а если нѣтъ, то значить—война, почему и нужно бить непріятеля—гдѣ и когда только можно.

— Нѣтъ, вы не то говорите: перемиріе не есть окончательный миръ—это да; но за то—предварительный, нарушение котораго влечетъ за собою такую же отвѣтственность, какъ и окончательнаго; почему и выходитъ, что бить непріятеля во время перемирія, невозможно и противно законамъ международнаго права,—словомъ—равно разбою, въ любой странѣ, въ любое время, который, какъ вамъ извѣстно, и не прощаютъ.

— Пустяки какіе!... стану я стѣсняться съ турками: поймають, ну убьютъ, эка важность... одна смерть—не двѣ, во всякомъ случаѣ.

— Да если-бъ даже и согласиться съ вами, что нестойть съ турками стѣсняться и, какъ вы говорите,—бить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ и въ мирное время, то вѣдь прежде чѣмъ попадетесь въ руки туркамъ, будете строго отвѣчать передъ своими, за нарушение перемирія, и если примѣнять къ вамъ военные законы — а это всего вѣроятнѣе, потому что страна на военномъ положеніи — то будете разстрѣляны, такъ—здорово живешь! Согласитесь, что въ виду такой будущности — быть разстрѣленнымъ своими властями за разбой, и притомъ въ мирное время—благоразумнѣе отказать отъ такихъ затѣй.

— Мало-ли что можетъ быть — на это, нечего смотрѣть. Наконецъ, я самъ начальникомъ отряда, я и распоряджусь по своему. Сунь носъ кто — попробуй... останется доволенъ...

— Кто-жъ васъ назначилъ командиромъ этаго отряда?

— Зачѣмъ мнѣ чье назначеніе, растолкуйте? самъ я затѣялъ, самъ и сталъ начальникомъ, кого мнѣ еще спрашивать прикажете?

— Да это-жъ невозможно! вѣдь Сербія, страна благоустроенная, имѣющая и законы, и средства къ предупрежденію подобнаго произвола. Другое-бы дѣло, — въ Азіи или въ необитаемыхъ пространствахъ Африки, гдѣ такіе отряды могли-бы оказать существенную услугу европейцамъ и гдѣ дѣйствительно—нѣтъ ни властей, ни законовъ... но не здѣсь же, Бога бойтесь!

— Да теперь и здѣсь, то же... пойдите вы и найдите власти, или законъ: творять, что кому вздумается! ни начальства прямаго, ни указанія, гдѣ оно—не найдешь...

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы люди образованные, пріѣхавшіе сюда внести гуманныя начала, пользовались случайнымъ — чисто вынужденнымъ событіями, произволомъ; тутъ-то, когда мы предоставлены вполнѣ своей волѣ и когда — если-бъ намъ вздумалось воспользоваться произволомъ не угрожаетъ наказаніе—мы и должны доказать, и во всѣхъ отношеніяхъ ту, громадную разницу, которую составляютъ дикіе народы, въ сравненіи съ образованными европейскими классами общества; а иначе, чѣмъ же мы будемъ отличаться отъ турокъ, или баши-бузуковъ?

— Да я вѣдь и не буду пользоваться этимъ произволомъ: составляю отрядъ и буду бить турокъ; правда—во время пе-

ремирія, но вѣдь они варвары, незаслуживающіе, на примѣненіе къ нимъ общечеловѣческихъ законовъ войны!

— И не примѣняйте къ нимъ, во время войны этихъ законовъ — хотя и въ такомъ случаѣ будете не правы; но не нарушайте же перемирія, за что подвергаетесь отвѣтственности — уже не вы одни, а и правительство, въ предѣлахъ котораго произошло это нарушеніе. Ну да я увѣренъ, что вы лишь спорите, а въ душѣ вполне согласны со мною и ни въ какомъ случаѣ, не станете воевать во время перемирія.

— Конечно, такой шагъ былъ-бы рискованный и притомъ — ни къ чему неведущій, — противорѣчилъ онъ себѣ, не замѣчая, — но повѣрите-ли, ей Богу скучно сидѣть сложа руки. Я поздно пріѣхалъ въ Делиградъ, и не успѣлъ побывать въ дѣлѣ, а теперь вотъ перемиріе; просто досадно...

— Господи! есть о чемъ сожалѣть, подумаешь: не успѣли, ну и слава Богу, а представится случай — возобновится если война, тогда и побываете.

— Долго ждать, вотъ въ чемъ горе; цѣлые два мѣсяца изволь бездѣйствовать, а тамъ и миръ заключать пожалуй... того и смотри, что въ огнѣ не побываешь.

— Вамъ-то ужъ, мнѣ кажется, меньше чѣмъ кому нибудь, слѣдовало-бы сожалѣть объ этомъ.

— Это почему?

— Да потому, что вы вѣдь были уже въ огнѣ не одинъ разъ, и насколько знаю — физически пострадали немало... а при такихъ условіяхъ и желать того же въ будущемъ, странно.

— Нисколько! я былъ въ огнѣ, это правда — и вотъ, какъ напр. въ Ташкентѣ, раненъ весьма серьезно; но вѣдь это все прошлое: я выздоровѣлъ и окрѣпъ настолько, что съ

наслаждениемъ, вновь кинулся-бъ въ огонь! это, восторгъ—что такое!

— Признаюсь, я до того заинтересованъ вашими выраженіями, что разовью разговоръ на эту тему. Поми-луйте! вы говорите, что въ огонь кинулись-бы съ наслажде-ніемъ и что это восторгъ что такое: вѣдь ненатурально и неестественно! кинутся въ огонь, да еще съ наслаждениемъ, значитъ рисковать жизнью навѣрняка — ничуть не доро-жить ею, на что способенъ человѣкъ, котораго ничто не привязываетъ къ ней, который найдетъ въ смерти, лучший исходъ для себя и который, наконецъ, ничѣмъ ужъ не доро-жить и ни передъ чѣмъ не остановится! Я понимаю, когда человѣкъ и очень привязанный къ жизни—отецъ семейства и мужъ любимой жены — кидается въ огонь, по долгу служ-бы, по необходимости, по сознанію, что жертва его прине-сетъ пользу другимъ, подастъ примѣръ тысячамъ, кото-рые тоже кинутся въ огонь и рѣшатъ участь сраженія, — это я понимаю вполне. Но навѣрное знаю, что такой чело-вѣкъ — кто-бы онъ ни былъ и въ какихъ-бы случаяхъ ни кинулся—не найдетъ въ этомъ наслажденія, и кинется въ огонь, не съ восторгомъ, какъ вы напр. это-бы сдѣлали. Съ наслаждениемъ и восторгомъ можетъ кинутся — какъ я уже сказалъ—человѣкъ, ничѣмъ непривязанный къ жизни.

— Я не согласенъ съ вами: по моему, можно быть привязаннымъ къ жизни и, въ огонь кинутся съ наслажде-ніемъ—одно другому, ничуть не мѣшаетъ. Я скажу вамъ от-кровенно, что ни въ чемъ не имѣю права роптать на судьбу: съ юныхъ лѣтъ и по сіе время, мнѣ везетъ во всемъ, какъ нельзя лучше. Служба дала мнѣ, можно сказать, большія средства и положеніе, и если въ послѣднее время я имѣлъ не-пріятности съ начальствомъ, то по собственной винѣ; въ лю-

дахъ, я всегда встрѣчалъ сочувствующихъ и друзей, а у женщинъ, имѣлъ громадный успѣхъ по сіе время (это мнѣ было хорошо и безъ его исповѣди, извѣстно). Чего-жь-бы мнѣ и желать-то лучшаго, или быть не привязаннымъ къ жизни? Но вотъ чѣмъ я объясняю то наслажденіе, которое испытываю, когда кидаюсь въ огонь — такъ сказать — когда въ сраженіи, лѣзу на вѣрную смерть: кидаясь на пунктъ самый опасный, посреди оглушительнаго разрыва ядеръ, треска гранатъ, жужжанія пуль и отчаянной рукопашной схватки, гдѣ раздаются стоны раненыхъ и „ура“ побѣдителей, и принимая личное участіе въ бою, я забываю тогда все, что можетъ меня привязывать къ жизни! смотря на все, что вокругъ происходитъ, и оставаясь цѣлымъ и невредимымъ, я торжествую, что посреди такой явной опасности остаюсь цѣлымъ; а въ такую минуту, овладѣваетъ еще какое-то новое, знакомое чувство, но высшее и пріятное, какого не испытаетъ въ мирной жизни. Вотъ почему я нахожу, что и привязанному къ жизни, можно кинуться въ огонь съ наслажденіемъ.

— Прекрасно-съ... но вы обошли мой вопросъ: я доказывалъ, что человѣкъ, привязанный къ жизни, не кинется въ огонь съ наслажденіемъ — ни чуть не анализируя того, что съ нимъ произойдетъ, когда онъ уже кинется и увидитъ страшную опасность передъ собою: тогда, и онъ, быть можетъ, испытаетъ то же, что и вы, но раньше этой минуты, когда нѣтъ необходимости кидаться, а зависитъ отъ доброй своей воли, я увѣренъ, что онъ найдетъ больше наслажденія въ томъ, что не кинется, чѣмъ въ противномъ. Это естественно и бесспорно, — такъ сказать — послѣдствіе здраваго смысла и чувства самосохраненія.

— Въ общемъ, можетъ быть и такъ; тогда я составляю исключеніе, но даю вамъ слово, что говорю правду, что ки-

даясь въ огонь, въ самую опасную минуту боя, я и раньше и въ огнѣ испытываю высшее наслажденіе; смотрю въ глаза смерти совершенно равнодушно, хотя привязанъ къ жизни столько-же, сколько, можетъ быть, и вы и другой и каждый, кто не разочарованъ людьми и судьбою. Война — это моя высшая жизнь, которую никогда не промѣняю на миръ.

— Въ такомъ случаѣ, вы дѣйствительно составляете исключеніе и не ошибусь, если скажу — рѣдкое, исключительное.

— Вотъ хотя-бы и въ мирное время: у меня только и въ головѣ, какъ-бы приискать какую нибудь опасность — и не заурядную, въ родѣ подъ ноѣзды кинутся, или, что нибудь подобное—а такую, гдѣ-бы предстояла борьба съ противникомъ, упорную и беспощадную! Ну чѣмъ вы это объясните, какъ не чувствомъ наслажденія въ такія минуты — складомъ всей натуры такого человѣка?

— Конечно, ничѣмъ инымъ; но человѣкъ съ такой натурой, не слишкомъ интересенъ и даже опасенъ для общества, гдѣ онъ не встрѣтитъ подобныхъ натуръ—гдѣ порицаютъ ихъ. Вѣдь, въ такомъ случаѣ, вы не задумаетесь вызвать пріятную для себя опасность — какъ напр. дуэль — но противную для того, кто будетъ подвергнутъ ей по вашему почину.

— Ну не такой-же ужъ я и навязчивый, какъ вы рисуете; зря не вызову такую опасность—и хотя она мнѣ очень пріятна, но ради этого одного не втяну въ нее другаго; а такъ, коль задѣнутъ — не прошу, въ этомъ будьте увѣрены (въ чемъ я и не сомнѣвался). Въ военное время—другое дѣло, а въ своемъ обществѣ, да еще въ мирное, и я бываю покойнѣе.

И слава тебѣ Господи — подумалъ я, хотя въ своемъ обществѣ онъ бываетъ покойнѣе, а то вѣдь заспоришь — того

и смотри, что живъ не останешься... вызоветъ любимую опасность. Но хотя я такъ и думалъ, а случиться это не могло: мы съ нимъ сошлись и поняли другъ друга, чего было вполне достаточно для устраненія всякаго недоразумѣнія между нами—онъ не могъ разсчитывать на дуэль или пріятную опасность, а я—подать къ ней поводъ.

Теперь вернусь, къ описанію этого героя. Какъ я уже сказалъ, это былъ высокій, стройный и красивый мужчина, съ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и необыкновенно заносчивымъ характеромъ. Его жизнь, въ теченіи какихъ нибудь трехъ послѣднихъ лѣтъ, когда я имѣлъ случай ознакомиться съ ней по слухамъ и на дѣлѣ, была полна приключеніями. Онъ сказалъ истинную правду, что и въ мирное время ищетъ опасности, потому, что—какъ узналъ я уже послѣ—онъ, по выздоровленіи отъ ранъ (тому назадъ два года) переведенъ былъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ Варшавскаго округа, гдѣ, оставаясь все это время и ухаживая за какой-то красоткой, столкнулся у нея съ своимъ начальствомъ—также пріударявшимъ... Казалось-бы, что въ подобномъ случаѣ каждому подчиненному, лучше всего уступить дорогу по старшинству, такъ какъ женщина, платящая любовью двумъ въ одно время, не заслуживаетъ иного отношенія мужчины, дорожащаго своею честью. Но К—кій, посмѣлъ на это съ своей точки зрѣнія—исключительной, имѣющей цѣлью вызвать пріятную опасность, хотя, въ данномъ случаѣ, эта опасность, оказалась весьма непріятной—даже для него, любившаго ее до страсти. Онъ искалъ случая отомстить его превосходительству, и вотъ, найдя наконецъ его, сдѣлалъ какую-то дерзость генералу, за что былъ преданъ военному суду, а предварительно—посажень на гаубтвахту.

Изъ-подъ ареста, не знаю какими судьбами, провинившійся герой бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ въ первомъ же сраженіи былъ опасно раненъ. Но и это новое несчастіе не осадило неугомоннаго кавалериста: онъ, оправившись настолько, что съ помощью палки могъ ходить — кое какъ, покинулъ Черногорію и отправился въ Сербію (уже въ половинѣ сентября 1876 года), гдѣ я съ нимъ и встрѣтился въ Делиградѣ. Тутъ, какъ говорится, не повезло бѣднягѣ: затѣянная рекогносцировка — о которой я говорилъ во II-й части — не удалась и вызвала даже необходимость оставить главную квартиру; партизанскій отрядъ хотя и составлялся, но не имѣлъ будущности, послѣ нашего разговора, къ тому же, мелкія непріятности съ сербами и нѣкоторыми русскими, нераздѣлявшими его взглядовъ, наконецъ — увѣренность, что въ Россію вернуться не возможно, а если и возможно, то тамъ ожидаетъ, по всей вѣроятности, строгій приговоръ суда. Все это повліяло на него такъ дурно, что даже полный успѣхъ у сербковъ не могъ развлечь эту буйную и необузданную натуру. Онъ сталъ дерзокъ и навязчивъ: на каждомъ шагѣ искалъ случая придратися — затѣять серьезное объясненіе, послѣдствіемъ котораго могла бы быть дуэль и, не находя такихъ желающихъ *), видимо, сталъ собою тяготиться — жаждалъ чего-то... но страшнаго и послѣдняго въ своей жизни.

Такъ уже въ половинѣ октября, онъ отправился въ Кладово, гдѣ добылъ какія-то винтовки (Бердана), переманилъ, какихъ-то казаковъ изъ другой партіи — провелъ ихъ, вооруженныхъ, чрезъ Австрію, рискуя каждую минуту быть аре-

---

*) Каждый, кто хотѣлъ жить, сторонился, а кто позадорнѣе — какихъ было много — тотъ тушевился передъ нимъ, зная, что попытка дорого обойдется.

стованнымъ, и только въ началѣ ноября появился въ Бѣлградѣ.

Отрядъ этотъ, подъ названіемъ „партизанскій эскадронъ майора Кузьминскаго“, теперь усилился, прибывшими казаками, на столько, что и на самомъ дѣлѣ могъ принести пользу, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, на что командиръ исполнѣ разсчитывалъ и съ каждымъ днемъ и часомъ готовился къ выступленію—надѣясь найти тамъ просторъ своимъ страстямъ. Но слухи о вѣроятномъ продленіи перемирія и недалекомъ мирѣ убили бѣднику окончательно. Когда-же, слухи эти вскорѣ оправдались—истекавшее перемиріе было продлено, то Кузьминскій, потерявшій надежду принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и окончательно разсорившійся съ властями—по недоразумѣнію ли, или умышленно—выступилъ во всеоружіи противъ члена московскаго славянскаго комитета г-на Н — на, котораго сталъ упрекать въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, и, добившись наконецъ протеста со стороны послѣдняго, отвѣтилъ ему удвоенною дерзостью. Н — инъ, находя выходку эту непозволительною и позорившею его имя—какъ представителя славянскаго комитета, вызвалъ Кузьминскаго на дуэль, которую послѣдній принялъ—нужно полагать—съ наслажденіемъ. Дуэль состоялась но не рѣшила участи—съ такимъ усердіемъ добивавшагося ея осуществленія: пуля противника попала ему въ ногу, пронизавъ ее на вылетъ, а его выстрѣлъ—хотя и первый—не причинилъ вреда Н—ну. По странному стеченію обстоятельствъ (Н—инъ отличный стрѣлокъ), цѣль была не достигнута—Кузьминскій, несмотря на видимое желаніе найти смерть въ данномъ случаѣ, остался живъ. Но вскорѣ, онъ своего добился.

Оправившись отъ раны, которая, какъ и всѣ прежнія, зажила довольно скоро (такая ужъ живучая натура), онъ рѣшилъ

вернуться въ Россію и, дождавшись объявленія войны Россіей Турціи, выѣхалъ изъ Бѣлграда, отправляясь черезъ Яссы въ главную квартиру — съ цѣлью просить Великаго Князя главнокомандующаго исходатайствовать ему прощенію Государя Императора и принять въ ряды русской арміи; но въ Яссахъ его арестовали, какъ не имѣвшаго заграничнаго паспорта (вѣрнѣе, что по распоряженію русскихъ властей). Вотъ теперь-то настала та минута, которой онъ долго ждалъ, теперь-то сбылось то самое страшное, котораго онъ желалъ въ послѣдній уже разъ въ своей жизни: въ тотъ моментъ, когда его арестовали, онъ, выхвативъ кинжалъ, который носилъ за поясомъ, пырнулъ себя имъ въ сердце и въ одно мгновеніе его не стало... жизнь, такъ еще недавно въ немъ кипѣвшая, угасла навсегда—борьба, надежды, страсти и воображенія смолкли и, не проснутся ужъ никогда... Такъ закончилъ свою жизнь этотъ несчастный горемыка, и, главное, жизнь то какую мучительную: вѣдь онъ одной минуты не испыталъ покойной! вѣчно волненія, вѣчно борьба, вѣчно жажда мести и сильныхъ ощущеній... а такимъ натурамъ, покойно не живетъ.

Но развѣ это недостойная личность описанія? Развѣ не одна изъ тѣхъ, которыя весьма рѣдко встрѣчаются? Развѣ не заслуживаетъ она на сочувствіе каждаго, кто прочтетъ эти строки, и на теплую молитву праху ея? заслуживаетъ—я убѣжденъ, скажетъ каждый—такихъ людей мало и хотя во многомъ они бываютъ вредны, но потому уже, что сама жизнь ихъ—есть наказаніе, нужно ихъ сожалѣть. И я, крестясь за его душу, кончаю свой разсказъ, который — быть можетъ — читателю и надоелъ уже.

Давай Богъ ноги.—Лихой, но бесполезный командиръ кн. Оболенскій.—
На пути постарались.—Неудалось и попались оба.—Призанимательная
сцена.—Дѣятельность славянскихъ комитетовъ.—Помилуйте, вы прапор-
щики!

~~~~~

Какъ и во всякомъ государствѣ, гдѣ существуетъ прави-
тельство руководящее народомъ и не идущее въ разрѣзъ
съ его направлениемъ, такъ и въ менѣе благоустроенныхъ
странахъ, еще недошедшихъ до этого неизбежнаго въ будущемъ
уровня цивилизаціи — не безъ нѣкоторой доли произвола, по-
чему и водится въ нихъ, что вельдствие иногда основатель-
ныхъ причинъ, а подчасъ и произвольно, положенія людей рѣдко
мѣняются — худшія на лучшія и наоборотъ. Такъ напр., мы
видимъ примѣры, что люди, занимавшіе ничтожныя положенія,
дѣлаются вдругъ могущественными, сильными, и ставятъ ихъ во
главѣ цѣлыхъ учрежденій, рѣшающихъ участь тысячей людей,
подпавшихъ имъ подъ власть. А на ряду съ этимъ и то,
что люди, занимавшіе высокіе посты, теряютъ ихъ — тоже
вдругъ — и дѣлаются малозначущими членами той среды и
того общества, которыми недавно еще они управляли. Какъ
первое, такъ и второе весьма вѣроятно, и какъ бы страна
цивилизована ни была — неизбежно: это явленія, оправды-
ваемые цѣлымъ рядомъ причинъ — такъ сказать — по-
слѣдствія качествъ людей, составляющихъ правительства — ихъ
умовъ, взглядовъ и убѣжденій, слабостей и недостатковъ.
И такъ какъ, эти качества людей присущи каждому че-
ловѣку, съ различіемъ лишь что у одного — хорошихъ
больше, чѣмъ дурныхъ, а у другаго — одни дурныя,
лишь съ примѣсью хорошихъ, то страны и государства, ко-

торыми управляютъ тѣ же люди, избавлены отъ произвола въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ невозможенъ, по убѣжденію ихъ правительствъ. Бываетъ даже, что въ странѣ гдѣ правительство составлено изъ людей, исполнѣ отвѣчающихъ всему тому, къ чему они призваны, произволь не замѣтенъ,—его почти, какъ-бы, и нѣтъ, но не бываетъ никогда и ни гдѣ, чтобы не было вовсе произвола: это — повторяю — есть послѣдствіе слабостей человѣческихъ, неизбѣжныхъ, пока люди существуютъ.

Но особенно рѣзкій примѣръ, въ данномъ случаѣ, представить Сербія, въ которой, въ то время, подобныя явленія были, какъ говорится, сплошь и рядомъ и заставляли не смотря на только-что сказанное —призадумываться, почему и отчего они такъ часты? тутъ каждый, обладавшій хотя грубою ловкостью и нахальствомъ, могъ достигать (и въ короткое время) высокаго поста въ арміи —хотя такъ же скоро и неожиданно лишаться его и быть ничего незначущей единицей. Какой нибудь нанр. отставной прапорщикъ иностранной арміи (а зачастую и выгнанный изъ нея), или воинственный искатель приключеній (и вовсе безъ чина) —въ два —въ три мѣсяца, могъ быть капитаномъ и даже полковникомъ, командовать батальономъ, бригадою и даже цѣлымъ отрядомъ! но такъ-же скоро, и потерять чины и части —быть не признаннымъ (*de facto*), а получить лишь право носить какой угодно мундиръ — хотя-бы генеральскій. Между тѣмъ, часто можно было встрѣчать въ рядахъ добровольцевъ, людей, дѣйствительно имѣвшихъ данныя на командованіе частями, на занятіе высшихъ постовъ въ арміи —сражавшихся въ ролѣ простыхъ солдатъ и никому не заявлявшихъ своихъ правъ, заслуженныхъ ими не въ Сербіи, а въ болѣе требовательныхъ и могущественныхъ государствахъ.

Такія явленія, какъ я сказалъ выше, были часты въ сербской арміи—во все время сербско-турецкой войны; ими можно было объяснить господствующій произволъ въ странѣ, парализующій хорошія направленія и цѣли отдѣльных личностей; они доказывали отсутствіе всякой организаціи силъ этой арміи и ихъ я ставлю, прежде всего, въ упрекъ главнокомандующему, не принявшему своевременныхъ мѣръ (о чемъ буду говорить послѣ) къ устраненію, или, лучше сказать, къ предупрежденію такихъ явленій. Однимъ изъ оправдывающихъ фактовъ такого строя послужить, я полагаю, слѣдующій неопровержимый примѣръ прошлаго:

Отставной русскій гусарь, въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, г-нъ Монтеверде, исключенный изъ полка (въ бывшее время) по суду офицеровъ, является въ Сербію, пристраивается къ главной квартирѣ г-ла Черняева и въ короткое время, пріобрѣтаетъ расположеніе и довѣріе послѣдняго настолько, что производится въ подполковники и назначается, сперва, всемогущимъ помощникомъ, а подъ конецъ и настоящимъ начальникомъ штаба арміи, съ производствомъ, въ то же время, въ полковники *)—дѣлается, такъ сказать, правою рукою главнокомандующаго и безконтрольнымъ кассиромъ славянскихъ суммъ въ штабѣ.

Хотя г-ль Черняевъ, приблизивъ г-на Монтеверде ко всему, отъ чего онъ долженъ былъ быть въ отдаленіи, руководился, по всей вѣроятности, его литературными способностями, которыя послѣдній выказывалъ въ то время, съ особеннымъ

*) Въ началѣ войны начальникомъ штаба Моравской арміи былъ Комаровъ, а его помощникомъ Монтеверде. Впослѣдствіи же Комарова смѣнилъ полковникъ Дохтуровъ, который, по переводѣ главной квартиры въ Бѣлградъ, уѣхалъ въ Россію, а Монтеверде занялъ его мѣсто.

усердіемъ, но и въ такомъ даже случаѣ, подобную карьеру можно назвать блистательною и достигнутою — не заслугами, а личными достоинствами нашедшими оцѣнку только въ Сербіи и, исключительно въ штабѣ Моравской арміи.

Но вотъ быстро сдѣланная карьера рѣзко измѣняется и само положеніе, какъ начальника штаба, перестаетъ быть грознымъ для подчиненныхъ и даже опаснымъ для того, кто имъ пользовался такъ недавно.

Несмотря на строгость, которою отличался новый начальникъ штаба въ обращеніи съ добровольцами, и нахальство его, могущее предупредить всякое другое съ чьей-бы то ни было стороны, давно задуманный планъ недовольныхъ — побить властелина, и высказанный ими еще въ памятный для меня день кавалерійскаго обѣда, замѣтно близился къ концу. Стали блуждать группы добровольцевъ повсюду, гдѣ только могъ проходить въѣзжавшій многимъ изъ нихъ полковникъ; въ гостинницѣ-же гдѣ онъ жилъ — по корридорамъ и подъ воротами сновали дежурные патрули, на обязанности которыхъ было донести кому слѣдуетъ, когда наступитъ удобный часъ, для исполненія плана. Словомъ, излишняя бдительность недовольныхъ была такъ очевидна, что полковникъ, хорошо изучившій приемы отступленія, еще въ Делиградѣ и признавшій, такой тактичeskій маневръ за лучший законъ военнаго искусства, замѣтилъ ее и, узнавъ, въ чемъ тутъ вся задача, счелъ за лучшее, отказавшись и отъ власти и отъ почестей, уѣхать въ возможно скоромъ времени, а пока въ путь — принять мѣры нѣкоторой предосторожности. Онъ потребовалъ нѣсколькихъ часовыхъ (сербовъ), которыхъ, подъ предлогомъ необходимости въ нихъ для посылокъ, приставилъ къ дверямъ своей квартиры; пересталъ ходить пѣшкомъ по городу, и если случа-

лась уже крайняя необходимость въ этомъ, то ходилъ не одинъ, а съ адъютантомъ и ординарцемъ—готовыми лечь за него костями гдѣ и когда угодно — и не иначе, какъ въ полной формѣ, съ утра и до вечера. У себя-же, если о комъ докладывали, принималъ крайне неохотно и въ присутствіи нѣсколькихъ своихъ приближенныхъ, а въ случаѣ желанія поговорить интимно—одинъ на одинъ—уходилъ въ кабинетъ, но держался на почтительномъ разстояніи, играя какъ-бы случайно попавшимся въ руки револьверомъ, чѣмъ внушалъ нѣкоторую сдержанность собесѣднику... Какъ видно, полковникъ хорошо взвѣсилъ и пронюхалъ будущую овацію, которой, не смотря на свою надкость къ нимъ — искренно желалъ избѣгнуть. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ усложнялись обстоятельства, и остался онъ, еще денька два въ Бѣлградѣ, то уйти-бы ему цѣлымъ не пришлось—бѣднягѣ...

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, для утратившаго власть полковника, пронеслись по городу слухи, что главнокомандующій покидаетъ свой постъ и уѣзжаетъ въ Вѣну. Эти вѣсти ускорили отъѣздъ и отказавшагося начальника штаба, который, предчувствуя скорую развязку, и зная, что когда генералъ уѣдетъ, то, въ случаѣ открытаго нападенія добровольцевъ, принятые мѣры окажутся недостаточными для защиты его персоны, принялся собираться въ путь; даже баснословно — большое содержаніе, около трехсотъ дукатовъ въ мѣсяцъ, не могло его прельстить—заставить измѣнить намѣреніе: онъ зналъ—и на этотъ разъ безошибочно—что послѣ оваціи, которую ему готовили добровольцы, прійдешь въ себя не скоро; что славянскіе дукаты уже не попадутъ ему въ руки—кромѣ жалованья, которое выжидать — значило рисковать собственною жизнью; а этого было вполне достаточно, чтобы побудить его къ безотлагательному отъѣзду. Но горе,

что собраться въ путь было не легко; одному-бы не долго улизнуть незамѣтно, но съ супругой, притомъ — большой любительницей нарядовъ, — сборы вдвое труднѣе: вѣдь, однихъ платьевъ, шлейфовъ и юбокъ сколько у такой барыни наберется, не говоря уже о кофточкахъ, ночныхъ чепчикахъ, шиньонахъ и остальныхъ неизбѣжныхъ принадлежностяхъ! Все это требовало укладки — умѣлой рукой упаковки, а въ общемъ — продолжительной и неизбѣжной возни въ подобныхъ случаяхъ. Когда-же и эта цѣль была достигнута — которую я невольно замѣчалъ, потому что жилъ на одномъ корридорѣ — то супруги назначили свой отъѣздъ вечеромъ того-же дня — что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ имъ не удалось, къ несчастью: передъ вечеромъ, къ нему пришли добровольцы, съ разными просьбами и жалобами, преимущественно-же — съ притязаніями на Такова кресты...

Хотя отъѣзжавшій г-нъ Монтеверде и не былъ уже начальникомъ штаба, но остался вѣдь въ душѣ дипломатомъ: онъ принялъ ихъ весьма вѣжливо, засвидѣтельствовалъ своею подписью объ участіи и подвигахъ ихъ въ прежнихъ сраженіяхъ, а въ особенности — въ послѣднемъ при Дюнишѣ, и, отношеніями, просилъ военное министерство выдать героямъ кресты. Все это заняло много времени; къ тому-же, одинъ изъ добровольцевъ вывелъ его изъ терпѣнія, заставилъ раскричаться, заявивъ желаніе получить, кромѣ Такова, и дукаты, намекнувъ, что въ противномъ случаѣ, онъ будетъ жаловаться главнокомандующему. „Вы съ кѣмъ говорите, милостивый государь! а!!!“ присталъ было къ добровольцу М—де. „Не больно-то лѣзьте, а то попадетъ на память“, хладнокровно отвѣчалъ желающій пособія. „Да вы!!.. вы!!.. смѣете такъ разсуждать! руки по швамъ!!!!.. разстрѣляю!“ неистово кричалъ и топалъ ногами вошедшій въ роль началь-

никъ. „Нечего по швамъ командовать... прошло то время... будетъ... награвилъ и убирайся, по добру - по здорову“, отходя, проговорилъ вполголоса доброволецъ. „Позвать ординарца!! въ крѣпость отвести!!! подъ судъ и казнить его“!!!! шмыгая въ комнату и съ трескомъ захлопывая дверь, прокричалъ сконфуженный и неумолимо строгій начальникъ. Но ординарецъ не явился и добровольца никуда не увели, а счастливо избѣгнувшаго висѣвшей надъ нимъ грозы, Монтеверде, на другой день не стало: онъ съ утреннимъ парохомъ отплылъ въ Базіанъ и, благословляя минуты своего отбѣзда, забылъ и о казни добровольца, и обо всемъ, что могло случиться, въ случаѣ-бы онъ погостилъ еще въ Вѣлградѣ...

Такъ заключилъ свою роль бывший дѣятель Моравской арміи—въ три мѣсяца, сдѣлавшій блистательную карьеру, по милости войны, за идею и довѣрчивыхъ главнокомандующихъ на Моравѣ.

Въ началѣ этой книги, гдѣ говорю о нѣкоторыхъ корреспондентахъ, я доказывая справедливость отзыва о нихъ въ „Гражданинѣ“, упомянулъ между прочимъ о мнимой храбрости кн. Оболенскаго, о которой, въ виду пристрастной оцѣнки ея въ этомъ журналѣ, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, какъ очевидецъ ея отчасти.

Признаюсь, что трудно понять, почему „Гражданинъ“, называя храбрость кн. Оболенскаго — не такою, какою отличились многіе добровольцы, а исключительною, присущею только ему—рыцарю молодому, и только одному ему?.. Я-бы, пожалуй и понялъ, если-бъ пишущій объ этой храбрости, судилъ о ней на полѣ сраженія — и въ теченіи долгаго времени если-бъ она выразилась въ исключительной формѣ и подражала-бы такой храбрости, какою отличались герои Севастополя, оставившіе незабвенную память о ней въ русскомъ народѣ;

если-бъ, наконецъ, ее видѣли, или слышали о ней тѣ начальники и командиры, подъ командою которыхъ находился князь и чѣмъ распоряженіямъ, онъ долженъ былъ подчиняться. Но въ томъ-то и вся трудность разгадки такой оцѣнки въ „Гражданинѣ“, что ни командиры, такіе напр., какъ Межениновъ, бывшій ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго, ни офицеры генеральнаго штаба, такіе, какъ капитанъ Сыроватскій, состоявшіе сначала и до конца войны при главной квартирѣ и знавшіе всѣхъ и каждого изъ выдѣлявшихся офицеровъ — не знаютъ и не слышали объ этой — выходящей изъ ряда храбрости князя! А полковникъ Межениновъ — тотъ, такъ-таки на-отрѣзъ отрицаетъ — не только храбрость его сіятельства, но даже и его готовность быть полезнымъ дѣлу, когда это отъ него требовалось въ критическую минуту боя, 8 и 9-го октября подъ Кривомъ, чему я былъ свидѣтелемъ и о чемъ скажу ниже.

Итакъ, заручившись нѣкоторыми данными, оправдывающими мой рассказъ, начну его съ минуты встрѣчи своей съ княземъ.

Приѣхавъ въ Бѣлградъ въ половинѣ сентября прошлаго года, я за два дня до своего отъѣзда въ армію, узналъ въ военномъ министерствѣ, что какой-то кн. Оболенскій, формируетъ казачій эскадронъ и на-дняхъ выступаетъ съ нимъ на театръ войны. „Идите къ нему“, сказалъ мнѣ знакомый сербскій полковникъ, узнавъ, что я кавалеристъ. Другіе же сообщили, что эскадронъ этотъ уже сформированъ, что князь принимаетъ подъ свою команду, только лихихъ наѣздниковъ и что людей у него уже есть достаточно — даже съ излишкомъ. Очевидно, что хотя нѣкоторой кавалерійской удали я и не лишенъ былъ въ то время, но послѣ этихъ свѣдѣній, счелъ

за лучшее не слѣдовать совѣту сербскаго полковника. Между тѣмъ, ежедневно бывая въ военномъ министерствѣ и всевозможныхъ кафанахъ, гдѣ собирались добровольцы, я встрѣчалъ какого-то красиваго военного, среднихъ лѣтъ, съ длинными усами блондина, который заинтересовалъ меня своей наружностью и костюмомъ; но каждый разъ во время такой встрѣчи не у кого было спросить—кто такой этотъ молодчина? По-неволѣ, приходилось довольствоваться неизвѣстностью. Военный этотъ въ длинныхъ ботфортахъ со шпорами, кожаныхъ рейтузахъ, удачно сшитой коричневой блузѣ съ бѣлыми пуговицами, античной кавказской шашкой черезъ плечо и револьверомъ на поясомъ ремнѣ, казался такимъ боевымъ и отважнымъ офицеромъ, что невольно обращалъ на себя вниманіе, въ душѣ военного человѣка—а прибавивъ къ его костюму рыцарскую красоту, то легко можно составить понятіе, что и каждаго на моемъ мѣстѣ. Уже наканунѣ отъѣзда въ Делиградъ, я зашелъ позавтракать въ гостиницу Краля, гдѣ—какъ и всегда—собиралось множество добровольцевъ, пирующихъ подъ тѣнью густыхъ деревьевъ, замѣнявшихъ лѣтнее помѣщеніе ресторана; тутъ я встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, съ которыми за одинъ столъ и усѣлся. Поотдалъ—за другимъ столомъ—закусывалъ и тотъ самый военный, о которомъ до сей поры я не могъ собрать свѣдѣній. „Не знаете ли вы, кто этотъ красивый доброволецъ?“ спросилъ я своихъ собесѣдниковъ.

— Князь Оболенскій, отвѣтили они, въ одинъ голосъ, заставивъ такую неосторожностью и князя, посмотрѣть въ нашу сторону.

Почти безъ цѣли—изъ одного лишь любопытства узнать кое-что про казачій эскадронъ—я подошелъ къ князю и, представившись, началъ съ того, что если еще возможно, и онъ

нуждается въ умѣлыхъ ѣздокахъ, то я готовъ предложить свои услуги (хотя и рѣшилъ уже немедля ѣхать въ Делиградъ).

— Видите-ли, въ моемъ эскадронѣ, или вѣрнѣе сказать, сотнѣ — отвѣчалъ князь на мое предложеніе — всего шестьдесятъ коней, которыхъ я скупилъ полудикими, невидѣвшими узды; людей-же болѣе ста человѣкъ и къ тому весьма способныхъ — болшею частью черкесовъ; такъ что въ нихъ, не нуждаюсь вовсе: недавно, нуждался я еще въ офицерахъ, но и ихъ теперь уже имѣю — даже сверхъ комплекта. Вотъ почему, хотя и увѣренъ въ вашей способности въ кавалерійской службѣ, тѣмъ болѣе, что вы драгунъ, но при такихъ условіяхъ, никакъ не могу исполнить вашу просьбу. Къ тому-же, все это, знаете, такъ неопредѣленно, неизвѣстно, что и не знаешь, куда попадешь... на Ибаръ... туда не за чѣмъ — мѣстность черезчуръ пересѣченная, а въ Делиградъ, мнѣ-бы не хотѣлось — самъ еще не знаю, куда дѣнусь.

— Но если лошади ваши князь, полудикія — какъ вы говорите — невидѣвшія узды, то вѣдь для выѣздки ихъ, хотя-бы азбучной, потребуется по меньшей мѣрѣ одинъ мѣсяцъ, а къ тому времени и война окончится.

— Какой мѣсяцъ, помилуйте! онѣ у меня черезъ десять дней будутъ выѣзжены: сегодня у насъ 22-е сентября, ну, а 1-го или 2-го, никакъ ужъ не позже, я выступлю въ походъ.

— Я не спору, что можно и раньше, чѣмъ черезъ десять дней выступить въ походъ, но будетъ-ли толкъ въ бою съ такой сотней... Вѣдь, заведете-же вы какую нибудь команду, хотя бы для того ужъ одного, чтобы повернуть сотню, направо или налево — въ случаѣ атаки непріятеля во флангъ, перестроить ее и встрѣтить развернутымъ фронтомъ:

а эти построения, неудадутся самымъ искуснымъ наѣзникамъ на полудикихъ лошадяхъ—въ десятидневную выѣздку которыхъ — простите князь — не вѣрю.

— Вы батюшка, плохой кавалеристъ я вижу, коль такія истины проповѣдуете: зачѣмъ-же мнѣ ихъ обучать подобнымъ эволюціямъ, скажите Бога ради? неужели же я буду дѣйствовать, вы думаете, какъ указываетъ уставъ кавалерійскаго строя? Да еслибъ я вздумалъ обучать свою сотню тому, о чемъ вы завели рѣчь, то не только одного мѣсяца—и четырехъ, было-бы мало: ея иное назначеніе, иная цѣль и иной уставъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ вы говорите.

— Но въ такомъ случаѣ, какое же назначеніе, какая цѣль и какой уставъ, скажите, князь, на милость Божью?

— Какая?... а вотъ какая-съ... кельнеръ! чарно вино молимъ!.. озадачилъ меня князь такимъ отвѣтомъ. Вѣдь, вы, какъ кавалеристъ — продолжалъ онъ, успокоивъ меня нѣсколько—я думаю предугадываете, что создавать правильно организованный эскадронъ я не намѣренъ, и знаете, что создать его въ такое короткое время невозможно; слѣдовательно, какая-же можетъ быть цѣль моя, по вашему мнѣнію?

— Не кривя душой, скажу вамъ князь, что въ смыслѣ дѣльномъ—никакой, мнѣ кажется.

— Ха—ха — ха!.. вотъ это хорошо... Ну ужъ никакъ не ожидалъ, что вы такого мнѣнія.

— Да вѣдь какого-же и быть, скажите?

— Неужели вы не догадываетесь, что сотня въ шестьдесятъ коней съ удалыми всадниками, можетъ быть отличнымъ партизанскимъ отрядомъ?

— Не скажи вы, я бы и не догадался, потому что изъ сотни—во сколько-бы она лошадей ни была, но если полуди-

кихъ, то кто-бы на нихъ ни сидѣлъ—ничего путнаго не выйдетъ; тамъ гдѣ нуженъ будетъ сомкнутый ударъ фронтомъ—онъ не состоится, а гдѣ въ-разсыпную, то очень рискованно: лошади или попадутъ въ руки къ непріятелю или поломають себѣ ноги и головы всадникамъ. Несомнѣнно, что лошадь для партизанскаго отряда не за чѣмъ ломать и выѣзжать такъ, какъ оно необходимо, для правильнаго кавалерійскаго фронта; не подлежитъ сомнѣнію и то, что продѣлывать ученія такому отряду и требовать отъ него точностей кавалерійскихъ построений, совершенно излишне и даже вредно—напрасно ломать крошечную лошадеу, для иной цѣли созданную природой; но несомнѣнно и то, что партизанскій конь, долженъ исполнѣ слушаться повода—повиноваться ему при малѣйшемъ требованіи сѣдока, и въ общемъ какъ люди, такъ и лошади, должны нѣсколько быть обучены сомкнутымъ дѣйствіямъ—для крайней, но неизбѣжной самозащиты—а врознь, преимущественно.

Между тѣмъ достигнуть такой подготовки сотни—да еще на полудикихъ лошадяхъ—въ десять дней невозможно.

— Я буду избѣгать открытаго столкновенія съ непріателемъ, и если ужъ въ крайнемъ случаѣ прійдется встрѣтиться—быть застигнутымъ върасплохъ, то и на маловыѣзженныхъ лошадакахъ съумѣемъ, батюшка, сдѣлать свое дѣло: лицомъ въ грязь не ударимъ.

— Сомнительно... воля ваша: въ десять дней—изъ полудикихъ коней вы сдѣлаете, не маловыѣзженныхъ, а лишь освоенныхъ, чего слишкомъ недостаточно, чтобы при столкновеніи съ непріателемъ, лицомъ въ грязь не ударить. Единственнымъ и самымъ спасительнымъ средствомъ въ подобныхъ случаяхъ для васъ будетъ—удрать безъ оглядки; но и оно окажется затруднительнымъ, въ случаѣ открытаго нападенія върасплохъ. Для этого нужны поводъ и быстрая изворотливость коня—такъ

сказать—необходимо сліяніе всадника съ конемъ, а его-то у васъ и не будетъ.

— Ну какъ нибудь, Богъ дастъ, увернемся...

Послѣ этой бесѣды, изъ которой я вывелъ заключеніе, что будущая сотня не общается особенной удали, и что командиръ ея хотя и храбрый съ виду, но бесполезный съ такими взглядами на дѣло, я простился съ княземъ и, пожелавъ ему успѣха въ будущемъ и высказавъ надежду встрѣтиться въ Делиградѣ, отошелъ къ своимъ.

Спустя двѣ недѣли, возвращаясь съ того ночлега, о которомъ говорится во второй части (гдѣ переданъ разговоръ казака—моего спутника съ сербомъ, пригласившимъ насъ ночевать въ свой баракъ), я, идя мимо расположенной бивуакомъ сотни князя, подошелъ къ ней съ цѣлью взглянуть поближе на маловыѣзженныхъ коней и лихихъ ея наѣздниковъ. Привязанные къ разбитой коновязи, маленькія клячи, казались довольно покойными, не отличающимися тою дикостью, о которой князь говорилъ мнѣ въ Бѣлградѣ и которую даже не кавалеристу нетрудно подмѣтить въ дикомъ животномъ: кое гдѣ виднѣлись казаки и своеобразно одѣтые удалыцы—кто въ буркѣ, кто въ гутаперчевомъ пальто, а кто и налегкѣ—въ сербской блузѣ, кто со шпорами (совсѣмъ ужъ лишними), кто съ нагайкой, а кто съ тростью—не мало меня удивившей. Тутъ-же валялись: разнокалиберныя сѣдла (преимущественно казачьи), попоны—нужно отдать справедливость—хорошія и какъ нельзя больше пригодныя при бивуачной кавалерійской жизни. „Что, давно-ли пришли?“ спросилъ я подошедшаго ко мнѣ—съ виду унтера-казака. „Только вотъ вчера сюда явились“, отвѣчалъ онъ, какъ-то уныло.

— Не довольны развѣ, что съ турками видѣться прійдется?

— Звѣстное дѣло, радоваться нечему.

— Да чему же и грустить, голубчикъ: на то вѣдь и войско существуетъ, чтобъ драться съ непріателемъ; не для забавы-же насъ держать въ мирное время.

— Точно справедливо, ваше благородіе, что не для забавы. Но вы про войско примѣрно говорите, а это вѣдь орда, ни на што не похожа! съ ней—такъ значить—безъ толку и голову положишь.

— Что такъ! развѣ больно ужъ плохая, что пророчишь бѣду такую?

— Избави Богъ, ваше благородіе! пророчить я не стану, а сами изволите видѣть, на што она похожа... много, если лошадей десять путныхъ наберется, а то махни, да ахни... такая дрянъ во всей сотнѣ.

— Что-жъ ты зовешь, дрянью братецъ? вѣдь лошадки на видъ кажутся шустрья?

— Ногъ мало, ваше благородіе... ну и замучены вдоволь... къ тому, и молодцы-то наши народъ не важный — ѣздить неумѣтъ. Одно слово — дрянъ ваше благородіе, заключилъ онъ, довольно двусмысленно.

— Да вѣдь народъ-то—казаки у васъ, кажется?

— Кудѣ тутъ казаковъ наберешься... слова нѣтъ—есть и черкесы и казаки, да мало: больше значить сбродъ, ваше благородіе.

— А лошадей, ученьями, должно, замучили?

— Не то что ученьями, учились-то мы мало, а слабенькія онѣ ужъ такія: такъ думаю, что работой заморены.

— Бааъ! развѣ не все, степныя?

— Да Богъ вѣсть—степныя, аль нѣтъ, трудно сказать вашей милости, а только больно ужъ неповоротливыя: вялость, большую чувствительность имѣтъ.

— Ну, а порядокъ во фронтѣ, сохранять умѣете? построиться въ двѣ шеренги, или изъ рядовъ перестроиться — если нужно — сможете? спросилъ я, пристально глядя на казака.

— Кучкой — ничего, держимся по немногу, а ужъ на счетъ команды, али какой нибудь понятливости — невыгорить: мало учились.

— Да такъ, разбредетесь если въ сраженіи — потомъ и собрать-то васъ трудно будетъ!

— Ужъ истинно изволите сказывать — самъ такъ думаю, что на турокъ если примѣрно набредемъ, бѣда будетъ... одно слово, страшно стаеть, коль подумаешь: лошади плохія и народъ необученый — истинно справедливо, ваше благородіе.

— Кто вами командуетъ? спросилъ я, будто не зная.

— Его сіятельство князь Миболенскій! — отвѣтилъ казакъ не заикаясь — хорошій баринъ, грѣшно кривить душою, да жаль, попадется если вотъ съ такою сотней.

— Ничего... Богъ дастъ, отдѣлаетесь — не попадетесь.

— Одно слово — Господня воля, ваше благородіе.

На другой день, начался бой — 7-го октября — въ которомъ сотня князя Оболенскаго не принимала никакого участія, а 8-го, въ самый разгаръ боя, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго факта. Въ тотъ моментъ, когда полковнику Меженинову, привезъ офицеръ приказаніе главнокомандующаго — находившагося въ то время въ Криветѣ — сообщить по телеграфу начальнику Бобовиштской позиціи о необходимости произвести демонстрацію, съ цѣлью отвлечь непріятеля отъ Кривета, и когда Межениновъ сдѣлалъ это распоряженіе, то въ штабную столовую, замѣнявшую тогда главную квартиру начальника отряда, вошелъ кн. Оболенскій, къ которому онъ и обратился съ словами: „двиньтесь, князь, съ вашей сотней къ Бобовиштамъ и,

если уловите удобный моментъ—атакуйте непріятеля, или въ крайнемъ случаѣ — потревожьте его. Я только-что получилъ приказаніе генерала произвести на этой позиціи демонстрацію, и думаю, что ваше участіе, хотя и не серьезное, было-бы теперь весьма кстати“. „Радъ-бы, полковникъ, исполнить ваше приказаніе, да не могу: лошади загнаны и люди устали“, отвѣтилъ князь рѣшительно.

— Почему-же они устали; вѣдь вы, кажется, ни вчера, ни сегодня не принимали участія въ дѣлѣ? ласково и какъ-бы конфузясь, спросилъ Межениновъ.

— Да... но они съ дороги недавно: я на рысяхъ велъ ихъ все время.

— Жаль, что во время боя нельзя воспользоваться вашей сотней, улыбаясь и глядя на князя, сказалъ разочарованный начальникъ. 9-го октября, бой къ вечеру кончился, а 10-го, я уѣхалъ изъ Делиграда. И уже въ Бѣлградѣ, спустя цѣлую недѣлю, когда пронеслись слухи о Дюнишскомъ пораженіи и недалекомъ перемиріи, сидя въ кафанѣ и перебиралъ русскія газеты (которые — за исключеніемъ „Голоса“, а его не было въ кафанахъ—читать было противно: одною завѣдомою ложью онѣ отличались), я остановился на „Гражданинѣ“, гдѣ въ письмахъ кн. Мещерскаго о Сербіи, прочелъ слѣдующія строки:

(Говоря о добровольцахъ — объ одномъ изъ нихъ, князь говорилъ такъ): „мнѣ припоминается одинъ чисто русскій типъ, въ семьѣ добровольцевъ, видѣнный мною въ Бѣлградѣ, послѣ моего возвращенія изъ Делиграда. Представитель этого типа молодой казакъ князь А. М. Оболенскій. Больше русской безъ примѣси натуры я, сколько помнится не встрѣчалъ. Удали — безъ конца, храбрости — вдоволь, но какой храбрости? не храбрости глупца: онъ не рвется куда глазъ

глядитъ, и не вретъ про свою неустрашимость; нѣтъ, онъ говоритъ: страшно, чертъ возьми, но пойду; жаль будетъ, коли убьютъ — жить хочется, а все-таки пойду! наконецъ, онъ имѣетъ жилку (ну да и не одну нужно думать) солдата, жилку русскую, и эта-то жилка какъ разыграется, страхъ какъ его солдатъ русскій полюбитъ“... Далѣе, авторъ говоритъ объ обстановкѣ, при которой познакомился съ княземъ, объ его неустрашимомъ полу-эскадронѣ, о боевой бывалости князя-командира, готоваго пойти всему на встрѣчу, и т. д. и т. д.

Хотя я, послѣ того, чему былъ самъ свидѣтелемъ, и изумленъ былъ такимъ отзывомъ о князѣ, но сообразивъ, что съ 10-го и по 18-е, происходили сраженія въ Делиградѣ и что онъ могъ принимать въ нихъ участіе, а слѣдовательно и отличиться, рѣшилъ справиться объ его сотнѣ у полковника Меженинова, котораго съ дня на день ждали. Не забывая однако, что въ „Гражданинѣ“ говорилось о прошломъ, о чемъ я судить уже имѣлъ данныя и право, но желая знать и о дальнѣйшей дѣятельности лихаго отряда — съ 10-го и по 18-е октября — я рѣшилъ дождаться свѣдѣній и объ этомъ.

Прошла недѣля — и я ихъ дождался: все пріѣхало, рассказывало, суетилось. Но горе, Меженинова еще не было, на отзывъ котораго, я могъ только и положиться; остальные, хотя и отрицали храбрость князя и участіе его въ дѣлѣ — съ 10-го и по 18-е, но вѣрить имъ безусловно, я не могъ и не имѣлъ на это нравственнаго права — слишкомъ мало ихъ зналъ, да и съ хорошей стороны — не многихъ. Но вотъ, пріѣхалъ и Межениновъ, съ которымъ я встрѣтившись на вечерѣ у общаго знакомаго (недавно пріѣхавшаго изъ Россіи высшаго ранга добровольца), сообщилъ ему содержаніе писъма въ „Гражд-

данинѣ“ о кн. Оболенскомъ и, высказавъ свой взглядъ на это, просилъ категорически отвѣтить на вопросы: принималъ-ли участіе кн. Оболенскій съ своимъ отрядомъ, въ дѣлахъ—съ 10-го и по 18-е октября? и если принималъ, то въ какихъ именно, и на какой позиціи? и наконецъ: выказалъ-ли онъ личную храбрость при этомъ? Помню, какъ сегодня, что Межениновъ (этотъ честный и справедливый рыцарь), выслушавъ мои вопросы, призадумался—какъ бы припоминая прошлое, и, отвѣтивъ отрывистымъ „нѣтъ“, замолчалъ на минуту, а послѣ сталъ рассказывать, что зналъ про князя-командира: „странное дѣло, ей Богу — началъ онъ — пишутъ о томъ, о другомъ, о чемъ въ сущности и не знаютъ вовсе. Ну какая тамъ идеальная храбрость князя, или рыцарство, когда гдѣ оно было нужно — даже необходимо—и не высказалось вовсе: и къ чему тамъ еще о рыцарствѣ рѣчь вести, когда простой долгъ, простая обязанность подчиненнаго—и тѣ не были имъ исполнены. Вѣдь вы же помните—не скажете, что вру—когда я предлагалъ ему отправиться въ Бобовиштамъ, чѣмъ онъ отвѣчалъ мнѣ на это... глядя на меня, какъ-бы спрашивалъ рассказчикъ, но не получивъ отвѣта, продолжалъ—отговорился утомленіемъ отряда. А тогда вѣдь очень круто приходилось и онъ могъ бы принести существенную пользу: тамъ дѣйствовала одна только непріятельская батарея, при томъ—довольно слабая и появленіе вблизи хотя-бы и такой кавалеріи — заставило-бы турокъ сняться, привлечь вниманіе на этотъ пунктъ своихъ силъ, чѣмъ и достиглась-бы цѣль главнокомандующаго—отвлечь огонь отъ Кривета. Однако, отказался же князь—не пошелъ.

— Да, но 11-го, 17-го и 18-го напр. что онъ дѣлалъ? принималъ же какое нибудь участіе въ бояхъ?

— Въ раіонѣ моихъ дѣйствій—никакого; не ручаюсь од-

нако за то, что онъ дѣлалъ внѣ этого раіона, который — какъ вы знаете — занималъ всю оборонительную линію и даже Делиградъ. Съ 11-го и по 17-е носились слухи, что князь съ отрядомъ пропалъ безъ вѣсти; другіе-же рассказывали, что онъ попалъ въ плѣнъ; а были и такіе злые люди, которые утверждали, что онъ въ виду общей опасности струсиль и исчезъ куда-то... но это я передаю не какъ истину: мало-ли про кого, что рассказывали — не всякому слуху и вѣрь... могли-же говорить, чего и не было. Но то, что онъ пропалъ безъ вѣсти и что не принималъ дѣльнаго участія на боевой линіи, я передаю за фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Что же касается личной храбрости князя, то согласитесь — при такихъ условіяхъ, судить о ней трудно.

Вотъ отвѣты челоуѣка, который руководилъ боемъ — 11-го на Криветѣ и 17-го, 18-го и 19-го при Дюнишѣ, котораго всѣ добровольцы любили, уважали и одинаково чтили, который своею храбростію удивлялъ многихъ, а распорядительностію и тактомъ отличался все время, пока командовалъ войсками въ Делиградѣ, и который поэтому, заслуживалъ на безусловное довѣріе въ данномъ случаѣ.

Возвращаясь къ сравненію оцѣнокъ храбрости кн. Оболенскаго, высказанныхъ „Гражданиномъ“, и мною, мнѣ остается лишь прибавить, что отличіе первой отъ послѣднихъ двухъ — почти незамѣтное: въ „Гражданинѣ“ говорилось, что „храбрость этого офицера — не фатовская и тщеславная, а скромная и обдуманная: онъ говоритъ (т. е. офицеръ) „страшно, чортъ возьми и жить хочется, но нечего дѣлать — пойду и встрѣчу опасность“; а я — вовсе не отрицая желанія князя пойти на встрѣчу опасности и сознанія, что „страшно, чортъ возьми“, доказываю цѣлымъ рядомъ фактовъ, что его сіятельство хотя и соединилъ слово съ дѣломъ — созна-

вая, что страшно избѣгалъ опасность; но далеко разошелся съ желаніемъ — пойти ей на встрѣчу. Итакъ, вполне одобряя благоразуміе князя — дѣйствовать на войнѣ предусмотрительно и не забывать, что и страшно иногда бываетъ, я отрицаю лишь приписанную ему храбрость, которая, мнѣ кажется, заключается въ нѣсколько иномъ образѣ дѣйствій кавалерійскаго командира на войнѣ — и если не ошибаюсь, то въ большей рѣшительности на полѣ сраженія, и меньшемъ анализѣ страха до сраженія. Въ такихъ только случаяхъ, храбрость, чья-бы то ни была, можетъ быть видима другими — но не иначе.

Истекшій было мѣсяцъ съ лишнимъ перемирія, оживилъ Бѣлградъ замѣтно: добровольцы (половина по меньшей мѣрѣ), вернулись изъ арміи; сербскіе высшіе офицеры, тоже съѣхались; корреспонденты всѣхъ журналовъ — русскихъ и иностранныхъ — нашли, что минута въ Бѣлградѣ настала самая интересная, и преимущественно пребывали въ немъ. Главная квартира со всѣмъ своимъ штабомъ еще болѣе оживила общее настроеніе; мирные граждане, болѣе чѣмъ прежде, сближались съ наплывомъ непрощенныхъ гостей въ ихъ столицу, и жизнь не только оживилась, но и вошла въ мирную колею ея явленій: многіе (преимущественно гости) устраивали обѣды, чаи, выпивки а подѣ часъ, — и вечера на скромную руку. Вновь-же прибывшіе добровольцы (нужно сознаться — большею частью порядочные) еще больше внесли началъ благообразной жизни: стало замѣтно, что хотя живешь и при исключительныхъ условіяхъ — такъ сказать — въ царствѣ свободы и произвола, но что и тутъ измѣнилось уже къ лучшему. Вообще, стали попадаться добровольцы — люди на столько

порядочные, что приходилось сожалѣть объ ихъ будущемъ (въ случаѣ войны) и удивляться — зачѣмъ они пріѣхали: „вѣдь знаютъ-же въ Россіи, что тутъ было и теперь творится?“, спросилъ я у одного изъ нихъ — только день тому пріѣхавшаго въ Сербію. „Ничего не знаютъ, представьте: пишутъ вѣдь — какъ я самъ теперь убѣждаюсь — одну ложь! чему, къ несчастію, вѣрятъ въ Россіи безусловно, а органамъ серьезнымъ, какъ напр. „Голосъ“, пишущимъ хотя и не одну истину — но не возбуждая общества и предвидя будущее — сдерживающимъ его порывы насколько возможно — не вѣрятъ: большинство порицаетъ такое направленіе“, отвѣтилъ мнѣ крайне недовольный положеніемъ дѣлъ доброволецъ.

Вотъ у одного изъ такихъ порядочныхъ и недавно пріѣхавшихъ добровольцевъ (севастопольскаго героя) я былъ на вечерѣ, дававшемся интимнымъ кружкомъ въ честь Меженинова. Тутъ, кромѣ сожителей хозяина (старыхъ ветерановъ прежнихъ войнъ), было лишь нѣсколько человѣкъ изъ нашей братии — уже натворившей чудесъ въ странѣ немало: остальные — народъ тѣсно связанный отношеніями и будущимъ, одинаково понятнымъ ими: они вмѣстѣ служили прежде, вмѣстѣ пріѣхали въ Сербію и вмѣстѣ-же, желали воевать, если война возобновится.

Не стану описывать содержанія самаго вечера, который, благодаря чудовскимъ (московскимъ) пѣвчимъ и обилію краснорѣчивыхъ рассказчиковъ, удался какъ нельзя лучше — скажу лишь о неожиданной встрѣчѣ съ своимъ старымъ знакомымъ офицеромъ; но прежде чѣмъ скажу о ней, познакомлю читателя съ его личностью. Этотъ герой — бывший офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка — въ чинѣ прапорщика, участвовалъ въ защитѣ Севастополя и провелъ тамъ, на бастіонахъ, болѣе двухъ мѣсяцевъ — не бывъ ни раненымъ, ни даже контужен-

нымъ. Послѣ произведенъ былъ въ подпоручики, вскорѣ, въ поручики и награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. По окончаніи войны, вышелъ въ отставку и, чувствуя моральное утомленіе послѣ пережитыхъ опасныхъ дней, сталъ искать уголокъ гдѣ-бы запрятаться отъ свѣта и отвести душу: онъ отправился на Аѳонскій островъ въ Черномъ морѣ, гдѣ и поселился при обители, посвятивъ себя исключительно молитвѣ и добру. (Въ 1870 году, я познакомился съ нимъ въ Кіевѣ, куда онъ пріѣзжалъ на богомолье).

Когда-же вспыхнуло славянское возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ и русскій народъ отозвался на этотъ историческій кличъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, то закаленный въ бояхъ поручикъ не вытерпѣлъ: простившись съ своимъ роднымъ уже уголкомъ и мирною жизнью, пріѣхалъ въ Сербію, съ тѣмъ однако, что если — какъ и въ Севастополѣ — останется въ живыхъ, то снова вернется на Аѳонъ.

Это былъ человѣкъ прежняго закала и нрава: кроткій, честный и отважный воинъ, онъ готовъ былъ жертвовать собою, для достиженія благихъ цѣлей, помочь каждому, кто въ этомъ нуждался, и скрыть, какъ первое, такъ и второе, отъ свѣта, по его мнѣнію лишняго свидѣтеля въ подобныхъ случаяхъ.

— И какъ это вы рѣшились ѣхать такую даль? спросилъ я его, послѣ обмѣна обоюднаго привѣтствія и удовольствія неожиданной встрѣчи.

— Да что-жь, что даль... и тутъ горя много: не оставлять же на произволъ судьбы этихъ несчастныхъ...

— Да теперь вѣдь перемиріе, а тамъ и миръ не за горами... раньше-бы — дѣло другое.

— Лучше поздно чѣмъ никогда, такъ и я: зналъ-бы,

что будетъ перемиріе—не тронулся-бы и съ мѣста. Теперь ужъ не вернешь; подожду—пожалуй и пригожусь.

— Будетъ если война, то не пригодитесь, а находкой будете: больше-бы такихъ сюда пріѣхало, да во - время, тогда не тѣ-бы и результаты были.

— И Богъ его знаетъ, что это все значить... Въ последнее вотъ время, такъ стало досадно, что и сказать вамъ не умѣю,—ужъ и самъ я желалъ сюда отправиться, а подъ конецъ и братья стала гнать: „чего—говорять—сидишь, не то время. Иди—помогай, а мы молиться будемъ“. Дали и денегъ и всего; благословили и выпроводили. Горе вотъ—душѣ тяжело станетъ, какъ согласишься на нашихъ кое-кого... ѣдутъ вѣдь такіе, что срамъ да и только... а на пути, что творять такъ и вспоминать совѣстно... такой ужъ народъ безпардонный, что святаго не признаетъ.

— А что, развѣ вы на дѣлѣ имѣли случай убѣдиться?

— Пришлось ужъ такъ, по-неволѣ...

— Вы недавно вѣдь и пріѣхали-то: неужели пришлось ужъ такъ безповоротно, что по-неволѣ убѣдились?

— Тутъ-то я еще не успѣлъ: такъ только замѣтно, что за дурнымъ дѣломъ не станетъ. А о чемъ говорю, тому на пути былъ свидѣтелемъ: срамъ да и только... подумаешь.

— На пути! что-жъ такое на пути пришлось вамъ видѣть?

— Да какъ-же! вѣдь возмутительно! ну истинно вамъ говорю... На-дняхъ пришли сюда орловцы — знаетъ, должно быть—они вотъ и постарались, что совѣстно вспомнить.

— Вы про Орловскую дружину говорите?

— Да, да, про нее вотъ самую—про нее.

— Гдѣ-жъ они постарались, когда и въ дѣлѣ-то еще не побывали?

— Въ дѣлѣ-то они не побывали, а постарались — могу сказать — на славу.

— Когда-же они успѣли?

— Походомъ-съ... хорошо — не правда-ли?

— Не знаю... Вы-бы яснѣе рассказали, а то хорошо, или нѣтъ — угадать трудно.

— Они вѣдь на собственныхъ прошлись отъ Кладова. Ну на пути вотъ въ селѣ Добромъ, дневка имъ пришлась: тамъ и распорядились по своему, молодцы. Повѣрите-ли — грабежемъ занимались!.. пьянство поголовное два дня сряду и, что кому правилось — чье-бы оно ни было — бралось безъ разговоровъ. Жители и до сихъ поръ Орловскую дружину вспоминають. Да и забудуть-то, я думаю, не скоро.

— Какъ-же такъ! вѣдь начальство-же какое нибудь съ ними было?

— Было, да что толку, когда за одно перешилось и начальство... Говорю, что жители возмутились ихъ пребываніемъ, и все въ одинъ голосъ „ограбили насъ“ — жаловались намъ. Краснѣть пришлось за этихъ воиновъ... свои-же, вѣдь, какъ ни поверни.

— Убѣждены-ли вы, что орловцы именно такъ и поступили, какъ вамъ объ нихъ сказали? могли-же и лгать, не такъ-ли?

— Ну ужъ нѣтъ, извините: кому какая надобность лгать про нихъ — такъ здорово живешь — какъ говорится? вѣдь сербы не имѣютъ-же данныхъ питать вражду къ нимъ, или что нибудь въ этомъ родѣ! говорить, значить не безъ доли правды. Да наконецъ и слѣды вѣдь остались...

— Что-жь, вы-то дѣлали въ Добромъ?

— Я партію велъ изъ Кладова, по тому-же маршруту, ну и ночевалъ въ Добромъ, гдѣ днемъ раньше дневали ор-

ловцы. Я — какъ и вы — не вѣрилъ этимъ рассказамъ, да коли вся деревня возмущена ихъ пребываніемъ! и добровольцы — кто отсталъ и оставался въ Добромъ — рассказывали, что сами они видали, какъ дружина — свиньями, телятами и всѣмъ такимъ распоряжалась, какъ пропьянствовала два дня съ ряду, и какъ, ни за что, гроша не заплатила! тогда и повѣрилъ. — А въ Бѣлградѣ-то тихіе какіе, просто удивленіе... примѣръ подають собою: со дня прихода и вотъ до сихъ поръ, ни въ одномъ скандалѣ не участвовали — какъ будто ихъ и нѣтъ.

— Подите вотъ... тутъ тихіе, а тамъ башибозуками отличились. Генераль, когда былъ въ день своихъ именинъ въ крѣпости, сказалъ имъ передъ фронтами остальныхъ войскъ, что онъ знаетъ про ихъ подвиги въ Добромъ и что въ случаѣ они и тутъ повторятъ что нибудь подобное, то церемониться не станетъ... прикажетъ пороть. И давно-бы имъ напомнили дисциплину, а то вѣдь мало-ли чего отъ нихъ дождешься!.. Того и смотри, что у своихъ примутся грабить. Народъ простой — Богъ вѣсть откуда и изъ кого собранъ; къ тому-же, никакой дисциплины... ну и пойдутъ распоряжаться, коль не уймуть.

Да и винить-то ихъ трудно. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что если дисциплины нѣтъ и солдатъ — кто-бы онъ ни былъ — не осязаетъ надъ собою власти, то изъ самаго лучшаго юноши станетъ — сначала буйнаго нрава воинъ, а тамъ и разбойникъ. Мы видимъ — и довольно часто, какъ пагубно вліяетъ распущенность не только на войска, которыя она окончательно ослабляетъ и дѣлаетъ изъ нихъ партію разбойниковъ, — но и на всѣ классы людей, предоставленныхъ самимъ себѣ въ то время, когда они еще не достигли той степени развитія, при которой могли-бы управлять своими страстями и натурами. Поло-

жимъ, что слово „добровольцы“ знакомить насъ съ людьми, проявившими свою роль, такъ сказать — болѣе развитыми; но и въ такомъ случаѣ дисциплина необходима. Уже одна военная организация требуетъ ее безусловно, — потому, что безъ повиновенія, безъ рамокъ дѣйствій каждой отдѣльной единицы — не мыслимо составить послушную массу и достигать ею тѣхъ или другихъ цѣлей. А чѣмъ-же нагляднѣе и доказать отсутствіе дисциплины въ рядахъ добровольцевъ, какъ не цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, съ которыми вы тутъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетесь! И чѣмъ-же можно опровергнуть, что цѣль, ради которой пришли сюда добровольцы, вовсе не достигнута?

— Говорю, что Богу одному извѣстно, чѣмъ это все кончится. Миѣ-бы далъ Богъ вернуться на Аеонъ благополучно.

— Что, жизнь на Аеонѣ пріятная?

— Какъ кому... я бы не промѣнялъ ее на другую.

— Ну да, конечно, не всякому уединенность нравится, но я спросилъ васъ вообще о томъ, какъ тамъ живетъ.

— Да какъ живетъ... такъ, что и нельзя лучше жить, миѣ кажется. Человѣку разбитому горемъ, нуждающемуся въ отдыхѣ душевномъ — это рай земной, гдѣ и душу отведешь, грѣхи отмолишь и умрешь съ покойной совѣстью. Гдѣ-жѣ лучше скрыться отъ шума свѣта, отъ его пустоты и соблазна, отъ людей и отъ всего, что мѣшаетъ душѣ быть покойной, и человѣку мирно жить — какъ не на Аеонѣ? тамъ только и можно найти то, чего мы ищемъ, когда проживемъ — узнаемъ жизнь, людей, счастье и горемъ завершимъ... Покой и молитва намъ нужны въ ту минуту — они намъ помогаютъ, ими мы живемъ, а гдѣ-жѣ ихъ и находимъ, какъ не въ тихихъ уголкахъ природы, какъ не въ оградахъ монастырей, такихъ, какъ на Аеонѣ?... Я тамъ живу уже восемнадцать лѣтъ,

кромѣ церкви, книгъ и разговоровъ съ монахами, ничѣмъ не развлекаюсь; и повѣрите-ли, что жить съ такимъ наслажденіемъ, съ такимъ сознаніемъ своего призванія, съ какими я живу тамъ, врядъ-ли возможно въ другомъ мѣстѣ. Аѳонъ съ его монастырями и братіей—скитальцами на половину—не то, что тѣ монастыри и монахи, которыхъ вы видите въ Россіи: на Аѳонѣ каждый монахъ сознаетъ свое призваніе и ведетъ жизнь строгаго инока; каждый изъ нихъ—за малымъ исключеніемъ—человѣкъ образованный и каждого изъ нихъ жизнь до монастырской кельи составитъ цѣлый романъ, тамъ рѣдко кого найдешь поступившаго молодымъ въ монастырь, больше—все люди пожившіе и промѣнявшіе часто роскошь и почестъ—на монастырскую скромную жизнь. Скитальцы-же, какъ я,—не облакаясь въ монашескую рясу, ведутъ такую-же жизнь, какъ и монахи, дѣля съ ними и трудъ и молитву поровну и искупляя этимъ свое прошлое—поучительное для тѣхъ, кто-бы узналъ эту прошедшую борьбу смирившихся героевъ. А природа!.. да это-жъ рай земной!

— Неужели, лучше Крыма?

— Грандіознѣе и величественнѣе Крыма; да и красивѣе, пожалуй.

— Ну, а удобства къ жизни, можно найти скитальцу, у кого есть какія нибудь средства?

— Самые скромныя—но можно.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ—до чего Сербія была богата разнообразіемъ во время войны и чего и кого тутъ нельзя было встрѣтить...

Но не доказываютъ-ли подобные факты, что общей задачи тутъ не понимали, что организаціи никакой не было, что каждый былъ обманутъ въ ожиданіяхъ и не понималъ своей роли, что свѣтлыя единицы явившіяся сюда съ цѣлью при-

носить пользу—не достигали ея, и что все это вмѣстѣ взятое—такъ сказать—общее движеніе русскихъ добровольцевъ, ни къ чему путному не вело? Доказываетъ, мнѣ кажется, и даже довольно ясно — разборъ чего оставляя на-послѣ, вернусь къ званому вечеру, гдѣ съ удовольствіемъ слушаю пѣніе чудовскихъ пѣвчихъ. „Мы въ де-ре-вуш-к-ѣ!!! метелки вязали... На базаръ въ Мо-скву-у-у-у!!! продать посылали“... затянули они очаровательнымъ мотивомъ, и я забылъ и про Доброе, и про Аеонъ, слушая этихъ артистовъ, напомнившихъ родную Россію, такъ внятно дающую себя чувствовать каждому русскому за границей. Вскорѣ мы разошлись по домамъ, поблагодаривъ хозяевъ за ихъ гостепріимство и не принятую въ Бѣлградѣ любезность.

Рѣшивъ печатать свои записки, и усвоивъ взглядъ на тогдашнія событія въ Сербіи, противоположный тому, который высказывался тогда большинствомъ русской печати и людьми повѣрившими ей, я считалъ долгомъ сказать г-лу Черняеву о своей цѣли и предупредить его, что, высказывая факты, я буду затрогивать его дѣйствія, и вообще разоблачать—насколько это будетъ въ моихъ силахъ—истину, крайне нужную для оцѣнки всего происходившаго и полезную для него же, въ смыслѣ установленія правильного взгляда на событія обманутаго въ то время—общества. Словомъ — желалъ дѣйствовать открыто—не изъ-за угла, и съ этою цѣлью отправился въ главную квартиру къ генералу.

Весьма можетъ быть, что я ошибался, — что слѣдовало не ѣздить вовсе, а печатать безъ всякихъ предупрежденій, но тогда именно я такъ понималъ и считалъ своимъ долгомъ предупредить генерала.

Въ одиннадцатомъ часу утра, я на извозникѣ отправился въ конакъ, но встрѣтивъ по дорогѣ возвращавшагося оттуда Лудова, сообщившаго мнѣ, что генераль пошелъ къ князю и вернется не раньше какъ къ двумъ часамъ по полудни, заѣхалъ въ гостиницу Ристича (гдѣ былъ кавалерійскій обѣдъ), съ цѣлью позавтракать и вообще убить свободное время, пока дождусь двухъ часовъ по полудни. Несмотря на раннюю пору, тутъ—за посѣтителями дѣло не стало: ракія, ромъ, коньякъ выпивались преисправно и публика входила въ тотъ ежедневный экстазъ, который былъ тогда въ модѣ въ Бѣлградѣ,—до скандала, какъ видно, было очень близко, потому, что за однимъ изъ столовъ сидѣлъ плечистый геркулесъ—доброволецъ и металъ банкъ—да такъ удачно въ это утро, что обступившая компанія волновалась; слышались пререканія пострадавшихъ, подмѣтившихъ какую-то ловкость въ рукахъ банкюмета. „Что за чортъ! десятую карту бьетъ!“ не постигалъ молоденькій доброволецъ, выбросившій на столъ нѣсколько дукатовъ, которые геркулесъ молча присоединилъ къ кучкѣ золота, и снова принялся за свое дѣло (полагаю—хорошо уже знакомое). „Остался одинъ и тотъ ставлю“, рискнулъ тотъ-же юноша. „Откройте карту“. „Дама! чего тамъ еще откройте: вы вотъ не бейте, а то терпѣніе потеряю“... „Дана! вотъ такъ душка—милочка бубновал... ну на нее-же ставлю оба!“ Общая значить?... „Да, да, общая“. „Господа прошу открыть карты! Я не могу-же“... волновался банкюметъ и щелкнувъ колодой ловкою рукою, сталъ метать, мѣняясь въ лицѣ съ каждымъ абцугомъ—то увеличивающимъ, то уменьшающимъ банкъ. „Бита, подлая!.. нате, да удавитесь послѣдними“, швырнулъ два дуката молоденькій доброволецъ.

— Вы-бы поосторожнѣе... а то и вамъ какъ-бы не попало... предупреждалъ обиженный—довольный дамой банкюметъ.

— Скажите пожалуйста! откуда ни возьмись—самолюбіе!.. сомнѣвался проигравшійся бѣдняга.

— Я съ вами разсчитаюсь—погодите...

— Въ карманъ неугодно-ли съ предостереженіями! чего тамъ погодите. Все что взялъ въ комитетѣ, то оставилъ, а онъ еще погодите... не знали кого испугаться... какъ-же!..

— Вы много проиграли? обратился я къ юношѣ.

— Все, что было: пятнадцать дукатовъ получилъ—ихъ и оставилъ.

— А съ чѣмъ-же вы уѣдете въ Россію?

— Это ужъ вы мнѣ скажите—будьте столь любезны.

— Да я-то почему знаю?

— А вотъ и я въ такомъ-же невѣденіи.

— И зачѣмъ-бы играть—казалось! рисковать послѣднимъ...

— Нѣтъ, ужъ съ правоученіями вы не суйтесь, я не стану ихъ слушать.

Предвидя, что спорить съ юношей бесполезно, а доказывать его неблагоразуміе—даже опасно (пошлетъ, пожалуй, къ чорту), я пошелъ въ буфетъ и потребовать себѣ завтракъ. Вдругъ, въ той комнатѣ, гдѣ оставалась игравшая компанія, послышались шумъ и брань: „и не стыдно вамъ красть, такъ ужъ безъ пардону?“ спрашивалъ кто-то и кого-то, въ скучившейся толпѣ той комнаты, куда подошелъ и я, желая узнать въ чемъ дѣло. Всѣ, кто тутъ былъ, присоединялись къ общей массѣ и, не зная причины происходившаго, съ недоумѣвавшими лицами прислушивались къ тому, что происходило за стѣною любопытныхъ; даже банкометъ, пряча въ кошелекъ легко нажитые капиталы, спѣшилъ къ группѣ. Прошло нѣсколько минутъ, пока я могъ протиснуться сквозь сжатые ряды, поближе къ катастрофѣ. Врѣзавшись въ толпу и постоянно напирая, я подвинулся

впередъ настолько, что могъ быть очевидцемъ слѣдующаго факта. Спиной къ углу и лицомъ къ толпѣ, сидѣлъ грязно одѣтый доброволецъ — безъ шапки, съ взъерошенными въ верхъ волосами, и, опустивъ голову, огрызался — какъ говорится; противъ него, стояли двое въ нѣсколько болѣе приличномъ видѣ добровольцевъ и, держа въ рукахъ какіе-то узлы и платье и совая этотъ хламъ сидѣвшему чуть не подъ носъ, бранили его, обращаясь въ то же время и къ суду „общественному“: „ну сами скажите, господа! возможно-ли, чтобы свой у своего тащилъ послѣднее!“ волнуясь говорилъ — какъ оказалось — пострадавшій.

— Ну да... ну да... вотъ еще!... ничего не утащилъ, врете! ворчалъ сидѣвшій доброволецъ.

— Да какъ-же, врете-то! когда вотъ-же!... всѣ видѣли, какъ вы утащили!...

— Да! да! мы видѣли, какъ тащилъ... отозвались нѣсколько голосовъ разомъ.

— Врете вы! невинно погубить хотите...

— Послушайте, перестаньте-же! лучше сознайтесь — все равно, отвѣчать не придется. Кошелекъ мнѣ верните и Богъ съ вами... чего тутъ...

— Знать не знаю, никакихъ кошельковъ! полноте представлять по напрасну, а то пошлю... не лезьте-же!

— Ну какъ-же „знать не знаю“, когда въ карманѣ былъ кошелекъ, а теперь вотъ нѣтъ его...

— Разбойники вы! пристаєте понапрасну! пулю всажу!.. вонъ отъ меня!! вскочивъ на ноги закричалъ до сихъ поръ сидѣвшій доброволецъ. Но нѣсколько человѣкъ изъ толпы кинулись на него и, схвативъ за руки, отняли выхваченный изъ кобуры револьверъ, а воинственнаго героя отодвинули и прижали къ самой стѣнкѣ: „давай кошелекъ, тебѣ говорятъ!

а то выпоремъ сію минуту“, стали требовать-уже безъ церемоніи вполнѣ овладѣвшіе похитителемъ.

— Нѣтъ, господа, такъ нельзя! постойте! во-первыхъ, пустите ему руки — продиктовалъ подошедшій не вѣсть откуда взявшійся комендантъ, котораго знали въ лицо всѣ безъ исключенія и который не любилъ стѣсняться средствами въ подобныхъ случаяхъ, а во-вторыхъ — расскажите въ чемъ дѣло? обратился онъ къ тѣмъ, кто исполнилъ его первое приказаніе.

— Утащилъ вотъ пальто мое, а его шинель — указывая на другаго, отвѣчалъ доброволецъ, — мы остановили, отняли это все; хватъ, денегъ нѣтъ! къ нему — отдай, говоримъ, и Богъ съ тобой, а онъ стрѣлять вздумалъ, воришка этакой...

— Вы мнѣ толкомъ расскажите, какъ дѣло было, а не такъ... а то, кто васъ тутъ пойметъ!

— Да мы вотъ всѣ играли въ карты, за тѣмъ вонъ столомъ... Ну, конечно, споры да ссоры — кто проигралъ — кто выигралъ, увлеклись, однимъ словомъ. Мнѣ повезло сначала — я что выигралъ, то въ кошелекъ, да машинально въ пальто положилъ. Послѣ стало жарко, я снялъ пальто и кинулъ туда вонъ — на скамью, гдѣ и другіе сложили свои вещи. Снова сталъ играть — проигрался; все что было въ рукахъ спустил скорехонько... Эхъ, думаю, дай еще карты двѣ поставлю, — да вспомнилъ, что кошелекъ въ пальто оставилъ; иду туда, чтобы взять, только вижу, къ дверямъ пробирается вотъ этотъ (указываетъ на артиста), съ какою-то одеждой... да какъ увидѣлъ меня... шмыгъ за дверь, а я въ догонку: „постойте — говорю — что взяли“, удираетъ, вижу, не на шутку. Ну дѣлать нечего — я и цапнулъ: отнял, вотъ, два пальто и узелъ чей-то... Сталъ шарить въ карманъ — денегъ нѣтъ...

Я и требую съ него, а онъ, отпѣкивается; видѣли всѣ вѣдь! чего тутъ...

— Сколько же у васъ въ томъ кошелькѣ денегъ было?

— Цѣликомъ какъ есть — двадцать дукатовъ, и серебра, дуката на два; все это было въ старенькомъ кошелькѣ съ бронзовой отдѣлкой.

— Не помните-ли вы, сколько отдѣленій въ вашемъ кошелькѣ? допытывался комендантъ.

— Одно, общее.

— Ну а вы что скажете на этотъ счетъ? обратился комендантъ къ утрюмо слушавшему, уличенному добровольцу.

— Смѣютъ они обвинять офицера!.. Я стану воровать! врутъ они! ничего я не знаю.

— Вы не такимъ тономъ, а какъ слѣдуетъ расскажите: правда-ли то, въ чемъ васъ обвиняютъ? а если нѣтъ, то чѣмъ вы оправдываете это? Да голосъ не возвышайте — насъ этимъ не испугаете.

— Я ничего не знаю... что вы отъ меня хотите? — ни пальто, ни денегъ я не бралъ! что-жъ мнѣ рассказывать?..

— Ну не безсовѣстный-ли, скажи!..

— Замолчите вы! перебилъ комендантъ раскрывшаго ротъ, пострадавшаго добровольца. Значить, и кошелечъ вы не брали?

— Ничего не бралъ и отвѣчать не желаю.

— У васъ есть-ли свой кошелечъ въ карманѣ? спросилъ комендантъ, какъ-бы не обративъ вниманія на отказъ добровольца отвѣчать.

— Конечно есть!.. допрашивать вздумали.

— Одинъ, или нѣсколько?

— Одинъ.

— Сколько же въ немъ вашихъ денегъ?

— Не помню хорошенько, но дукатовъ до двадцати, а то и больше будетъ, отвѣчалъ нѣсколько робкимъ голосомъ застигнутый врасплохъ ворюшка.

— Покажите все, что у васъ есть въ карманахъ! только все, а то обыскать прикажу.

— Позвольте! это что еще! Я офицеръ! не воръ какой нибудь!...

— Я васъ и не называю воромъ; да обвиняютъ—вотъ васъ въ воровствѣ... нужно же доказать, что вы правы. Покажите же карманные вещи, или я стану обыскивать!

— Обыскивайте! эка важность! все что есть въ карманѣ—все мое, я не воръ, обыскивайте когда угодно.

— Осадите, господа, назадъ! а вы извольте обыскать—отъ головы и до пятокъ! нечего тутъ съ этими господами... про себя ужъ произнесъ комендантъ—и тѣ же два добровольца принялись обыскивать обиженного воина; они мигомъ растегнули его блузу—послѣ остальное и, снявъ сапоги, вытряхивали на полъ изъ кармановъ все, что тамъ было: ножикъ—прежде всего выпавшій, спичница, деревянный портъ-табакъ и тому подобная мелочь—нѣсколько смутили присутствовавшихъ: „а что если за даромъ оклеветали человѣка—бѣда вѣдь! попадетъ и коменданту“, думалось намъ. Но ищущіе вскорѣ успокоили сомнѣнія: они въ одномъ изъ кармановъ нашли два кошелька. „Вы же говорили, что въ вашемъ карманѣ одинъ кошелекъ только, а тутъ два?“ обратился комендантъ къ раздѣтому добровольцу.

— Одинъ, конечно... а то сколько-же!...

— Да тутъ, вѣдь, два!

— Ну тотъ, значить, не мой—чей нибудь завалился... я почему знаю.

— Который же изъ нихъ вашъ?

— Этотъ... указаль онъ на кошелекъ меньшаго размѣра.
— Это мой а не вашъ! въ немъ двадцать дукатовъ; подъ присягой покажу, что мой! не безъ радости доказываль добровольецъ.

— Вашъ, который — вы говорите — вотъ этотъ? вмѣшался комендантъ.

— Да, да! вотъ этотъ — меньшій, ей Богу-же этотъ.

— Вашихъ въ немъ двадцать дукатовъ — говорите?

— Двадцать... и серебра на дукатъ съ лишнимъ. Ей Богу! подъ присягой покажу, что двадцать.

— Да не клянитесь! это вѣдь не доказательство; мы считаемъ, и комендантъ принялся считать дукаты, которыхъ дѣйствительно оказалось двадцать, и серебра пятнадцать динаровъ (въ дукатъ — двадцать).

— Вотъ вамъ!.. возьмите ваши деньги (вернулъ комендантъ кошелекъ пострадавшему добровольцу), а съ нимъ мы сейчасъ распорядимся.

— Это вашъ? спросилъ онъ сконфуженнаго воришку, показывая другой кошелекъ.

— Мой, отвѣчалъ тотъ, забывъ, что недавно еще признавалъ за свой не этотъ.

— Сколько же въ немъ денегъ?

— Не помню... дукатовъ десять, а то и больше...

— Ахъ, уже десять! вы же говорили, что до двадцати?.. Ну да все равно, положимъ, рѣшилъ комендантъ и, отворивъ кошелекъ въ нашемъ присутствіи, высыпаль оттуда всю наличность, которую сталъ приводить въ извѣстность.

— Тутъ всего шесть дукатовъ съ мелочью! а вы говорили, что около двадцати, гдѣ-жъ они?

— А я почему знаю! вы отняли у меня все... Я не знаю, куда дѣвались деньги.

— Вот оно что! такъ вы и меня обвинять вздумали... извольте-жь ваши деньги. Взять его! закричалъ возмущенный комендантъ.

— Куда? недоумѣвали добровольцы.

— Подъ арестъ! въ крѣпость сведите!

— Да ну его... оставимъ лучше... стоять того — все равно, ничего не выйдетъ.

— Какъ не выйдетъ! Я завтра донесу — сведите! настаивалъ разгнѣванный начальникъ. И добровольцы увели провинившагося воришку, — но въ крѣпость-ли — осталось неизвѣстнымъ... Да если-бъ даже и въ крѣпость, то отвѣтственность, его не ожидала, какъ и другихъ — и за болѣе серьезные проступки.

Изъ разспросовъ у оставшихся его товарищей, я узналъ, что этотъ субъектъ — отставной поручикъ С — въ, уличенъ уже не въ первомъ воровствѣ въ Бѣлградѣ; что всюду гдѣ только было возможно, получилъ пособіе — деньги на возвращеніе въ Россію; что все это уже проишь, а теперь, вотъ чужой кошелекъ завалился въ его карманѣ — такъ сказать — сталъ воровать. Это одинъ изъ тѣхъ добровольцевъ, которыхъ бездомное пребываніе въ Россіи загнало въ Сербію и которые составляли большинство представителей этого движенія.

Убивъ время до двухъ часовъ, не безъ пользы, я отпра-вился въ главную квартиру, гдѣ засталъ уже дома и генерала. Но такъ какъ со времени его пребыванія въ Бѣлградѣ внѣшняя обстановка въ штабѣ значительно измѣнилась — въ смыслѣ пышности и почета, то прежде чѣмъ просить до-ложить о себѣ, нужно было переговорить съ личнымъ се-кретаремъ г-мъ Шредеромъ и объяснить цѣль своего посѣ-щенія. Съ этою цѣлью, я зашелъ въ дежурную комна-ту, гдѣ засталъ Шредера, втораго секретаря — Родіонова,

дежурнаго ординарца Пушкина, запаснаго — Матея, адъютанта Лаврентьева и московскаго славянофила Лудова. Всѣ они были, какъ говорится, на чеку. Вдругъ послышался звонокъ и ординарецъ опрометью кинулся къ генералу, а чрезъ нѣсколько минутъ вернувшись отъ него, пригласилъ туда втораго секретаря. Кстати скажу нѣсколько словъ объ этомъ джентльменѣ — любителѣ приключеній.

Г-на Родіонова, не ошибаясь, можно причислить къ числу тѣхъ людей, которые, не задаваясь серьезными цѣлями въ жизни и, не отдавая себѣ строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, живутъ и дѣлаютъ все, ради собственнаго удовольствія. Этотъ изящный старый холостякъ, служилъ, когда-то, въ русской военной службѣ, былъ подѣ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и, находя (какъ и многіе русскіе), что въ Россіи плохо живется, что въ ней недостаетъ того изящества и комфорта, которые доступны за границей, и располагая при этомъ небольшими средствами, онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ вотъ уже много лѣтъ живетъ пригѣваячи — браня все русское, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нося чисто русскую фамилію и не имѣя понятія о Россіи... Я встрѣчалъ иногда такихъ недовольныхъ русскихъ — но болѣею частью, высказывавшихъ свое неудовольствіе, подѣ вліяніемъ прошлыхъ неудачъ на поприщѣ служебномъ или общественной дѣятельности, гдѣ имъ не повезло, или (отъ кого это зависѣло) обошлись съ ними несправедливо; но съ г-мъ Родіоновымъ (судя по его же разсказамъ) ничего подобнаго не случилось и, казалось-бы, не за что пенять на Россію!... Впрочемъ, я отношу это, къ его воспитанію — какъ видно — изломанному, и благодаря матери-француженкѣ — чисто иностранному.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ добровольцевъ, путешество-

вавший, за годъ до прїѣзда въ Сербію — за границей, разсказывалъ мнѣ, что проживая нѣкоторое время въ Парижѣ, встрѣтилъ тамъ (на бульварѣ или въ кофейнѣ) этого же Родіонова, съ которымъ случайно познакомился и, узнавъ въ немъ русскаго человѣка (а тѣмъ болѣе — отставнаго офицера), былъ пораженъ его французскимъ — всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ: манера, живой разговоръ, веселый нравъ, изящный вкусъ и цыничный взглядъ на женщинъ — сразу обличали въ немъ француза. А между тѣмъ, это былъ русскій человѣкъ. „Удивительное дѣло!.. ни одинъ иностранецъ не въ состояніи такъ скоро сжиться съ той страной и обществомъ, гдѣ станеть жить — такъ скоро примѣниться къ условіямъ, обычаямъ и всему мѣстному, такъ походить на ту національность, въ средѣ которой онъ живетъ, какъ образованный русскій“, сказалъ мнѣ мой знакомый доброволецъ, когда зашла рѣчь о Родіоновѣ. „Прибавьте — такъ скоро забыть свою страну и стать ея противникомъ“, подсказалъ — было намъ — какой-то незнакомый свидѣтель разговора.

Не смотря на свои уже старыя привычки къ комфорту и пустую жизнь въ Парижѣ — въ этомъ царствѣ веселій и развлеченій — Родіоновъ, по временамъ принималъ участіе въ войнахъ — все равно гдѣ-бы и изъ-за чего-бы онѣ ни велись — такъ ужъ изъ любви къ искусству: онъ, напр., участвовалъ во франко-прусской кампаніи, а по окончаніи ея снова вернулся въ Парижъ и сталъ мирнымъ гражданиномъ; раньше этой войны — въ итальянской; теперь вотъ, прїѣхалъ въ Сербію, гдѣ, благодаря знанію языковъ, занялъ мѣсто втораго секретаря при генералѣ — исключительно по части заграничной корреспонденціи. Съ виду, это былъ человѣкъ средняго роста, сухощавый, съ длиннымъ лицомъ, обрамленнымъ маленькой, съ просѣдью бородкой, сѣрыми глазками, а въ

общемъ — симпатичною наружностью, съ отпечаткомъ на ней недюжиннаго ума.

Вернусь-же въ дежурную комнату, куда теперь вернулся и Родіоновъ. „Что, онъ очень занятъ?“ спросилъ вошедшаго первый секретарь.

— Просилъ никого не принимать — до того занятъ... „Ни о комъ, пусть, не докладываютъ“, сказалъ мнѣ, когда я уходилъ.

— Вамъ ужъ завтра придется пожаловать, а то вотъ видите — нельзя и докладывать, обратился ко мнѣ первый секретарь.

— То-есть позвольте!.. Я не ѣлъ! я хочу видѣть главнокомандующаго!.. раздалось чье-то желаніе въ передней.

— Что это! засуетился первый секретарь и всѣ мы вышли въ переднюю.

— Они вотъ жалуются — обратился ординарецъ къ вошедшему секретарю, указывая на добровольца, поднявшагося при нашемъ появленіи — что цѣлыхъ семь мѣсяцевъ ни гроша жалованья не получали и, что имъ ѣсть нечего.

— Какъ, семь мѣсяцевъ?

— Да такъ, очень просто... ничего, какъ есть, не получалъ... Вѣрно вамъ говорю, отвѣчалъ доброволецъ, съ трудомъ сохраняя равновѣсіе.

— Вы, офицеръ?

— Честь имѣю... поручикъ — вѣрно вамъ говорю...

— За какіе-же именно мѣсяцы, вы не получали содержанія?

— За семь: ничего какъ есть, за семь.

— Да съ какого-же и по какое время?

— Какъ есть — съ пріѣзда въ Сербію и до сихъ поръ — какъ есть...

— Не можетъ быть! вы ошибаетесь: вѣдь въ чемъ-же

нибудь отрядъ вы служили... а тамъ вѣдь исправно платятъ содержаніе. Чтонибудь не такъ!..

— Какъ есть ничего... вѣрно вамъ говорю...

— Въ чемъ вы отрядъ находились?

— Во всѣхъ... какъ есть ничего... вѣрно вамъ говорю...

— Отправляйтесь-же пока домой, а завтра сюда придите, тогда и порѣшимъ, посоветовалъ первый секретарь добровольцу, находившемуся въ положеніи невмѣняемости.

— Какъ завтра!.. Я не ѣлъ! доложите главнокомандующему: вамъ хорошо сытымъ!..

— Главнокомандующій, васъ не приметъ и не станетъ справляться о вашемъ жалованьи. Зайдите лучше завтра.

— Нѣтъ-съ... я не уйду, за семь мѣсяцевъ пожалуйста!..

— Войдите сюда! стали звать добровольца въ дежурную, вѣроятно изъ опасенія, что генералъ услышитъ слишкомъ развязныя объясненія въ передней. Но когда онъ вошелъ туда и остававшійся Родіоновъ увидѣлъ его, то, къ нашему изумленію, призналъ въ немъ своего знакомаго. „Вамъ не платили жалованья?“ обратился онъ къ вошедшему знакомцу.

— Ни гроша за семь мѣсяцевъ: голодаю — вотъ третій день уже.

— А помните-ли, какъ вы изъ Яссы-то, съ чужими деньгами удрали? огорошилъ Родіоновъ добровольца, неожиданнымъ вопросомъ.

— Вы про кого говорите? спросилъ онъ, какъ-бы очнувшись отъ пьянства и забывъ про голодъ.

— Да про васъ!.. въ августъ это было, помнится.

— Я не увозилъ чужихъ денегъ... это не я... — наровя выйти изъ комнаты, отвѣчалъ доброволецъ.

— Погодите уходить; я расскажу вотъ всемъ про наши похождения въ Яссахъ, удерживая знакома за рукавъ, ска-

заль Родіоновъ; и, поставивъ его, повиновавшагося, на виду у всѣхъ, началъ рассказывать недавнее прошлое—тѣмъ болѣе интересное, что оно шло къ дѣлу въ данномъ случаѣ. „Мы вотъ съ ними встрѣтились въ концѣ августа въ Яссахъ у нашего консула (началь онъ). Ну, познакомились; я и спрашиваю ихъ: „Когда-же въ Бѣлградъ отправляетесь? „Да вотъ—говорить—на дняхъ, какъ только деньги получу на партію“. Только, дня четыре спустя послѣ этого, встрѣчаю я своего знакомаго, члена славянскаго комитета А—а: „можете себѣ—говорить—представить! мошенникъ на мошенникѣ ѣдетъ и мошенникомъ погоняетъ! прибыла партія добровольцевъ, начальникъ которой—дорогою все пропилъ и заморилъ ихъ голодомъ. Что тутъ было дѣлать?.. передаю ихъ другому офицеру, выдаю ему деньги на партію до Бѣлграда и все. Что-жъ вы думаете?.. заполучилъ и слѣдъ простылъ! до сихъ поръ не могу найти—весь городъ изъѣздилъ“!.. „Какъ фамилія того офицера?“ спрашиваю я—такъ изъ одного любопытства, и къ удивленію—узнаю, вотъ ихъ... (указываетъ на добровольца, злобно поглядывавшаго въ нашу сторону). Кинулись мы къ консулу: спрашиваемъ—не знаетъ-ли, куда дѣвался такой-то офицеръ?.. „Да онъ у меня—говорить—выпросилъ пять наполеондоровъ, жалуясь, что ему ѣсть нечего“. „Когда?“ спрашиваю. „Да въ тотъ-же день, когда и вы у меня были“. Что-же оказывается послѣ: что онъ получилъ, въ Кіевскомъ комитетѣ — разъ, въ Одесскомъ — два, въ Яссахъ — у консула и у члена славянскаго комитета — на себя и на всю партію — три, и не смотря на все—это партію бросилъ на произволъ судьбы, а самъ пріѣхалъ сюда, только въ концѣ сентября. Что, можетъ быть, вру—скажете? обратился разказчикъ къ добровольцу.

— Я не все получилъ... оправдывался доброволецъ.

— Почему и правымъ, пожалуй, себя считаете... Но за какіе-же вы семь мѣсяцевъ тутъ-то требуете, когда въ сентябрѣ только пріѣхали, а теперь ноябрь?

— За все время—какъ есть ничего не получалъ... твердилъ онъ свое, чуть краснѣя.

— Вы-бы свою совѣсть спросили, можно-ли такъ дѣйствовать?... Вѣдь, если вы тутъ увернулись отъ наказанія, то это еще не все: въ Россіи узнаютъ про ваши подвиги и, повѣрьте, не простятъ!.. увѣщевалъ первый секретарь, опытнаго въ продѣлкахъ добровольца.

— Тамъ ужъ — простятъ-не простятъ, не ваша забота; мнѣ пожалуйте что слѣдуетъ, а нѣтъ — доложите генералу.

— Не угодно-ли вамъ отправиться къ начальнику дивизіи, полковнику Меженинову: тамъ пусть разберутъ вашу претензію. Или съѣздите вотъ съ ними въ штабъ и поручите казначею справиться: выдано-ли имъ содержаніе или нѣтъ? обратился первый секретарь къ запасному ординарцу.

— Слушаю-съ, щелкнувъ шпорами, отвѣтилъ ординарецъ, и, пригласивъ добровольца слѣдовать за собою, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Но не прошло и получаса, какъ посланный вбѣжалъ къ намъ и, улыбаясь, видимо собирался сообщить что-то необыкновенное.

— Ну что — справились? спросилъ его первый секретарь.

— Какое тамъ... не довезъ—удралъ изъ экипажа.

— Кто удралъ изъ экипажа? вырвалось у всѣхъ почти въ одно время.

— Да какъ-же... онъ и тутъ еще неохотно сѣлся въ коляску—намекалъ, что не за чѣмъ ѣхать къ Меженинову, да сѣлъ ужъ по моему настоянію. Вотъ проѣхали мы не много, онъ и говорить: „ну, зачѣмъ намъ Меженинова беспо-

коить: все равно, ничего не добьемся... Вернитесь вы домой: я отказываюсь и от жалованья, и от всего — не подымать-бы всѣхъ на ноги изъ-за этого. „Нѣтъ — говорю — погодите: я не имѣю права не исполнить того, что мнѣ приказано; справимся, тогда и уйдете“, онъ и замолчалъ. Только — не вдаль отъ штаба — знаете на томъ поворотѣ — лошади нѣсколько пріостановились, круто поворачивая въ переулокъ, а онъ изъ экипажа... да безъ оглядки... Я въ догонку — но куда тамъ! какъ заяцъ сталъ шмыгать по переулкамъ: стало не въ моту, я и вернулся.

— Вамъ-бы и догонять-то не слѣдовало, отозвался первый секретарь.

— Ну да такъ ужъ хотѣлось исполнить ваше приказаніе; къ тому-же, и подозрительно мнѣ стало.. Дай, думаю (продолжалъ ординарецъ), отправлюсь въ штабъ — справлюсь, не знаютъ-ли тамъ этого франта. Вотъ пріѣзжаю и рассказываю имъ все это — называю фамилію... „Да это извѣстный мазурикъ! — говоритъ мнѣ начальникъ штаба — онъ не только свое все получилъ, но и за другаго — будто-бы по личной того просьбѣ — представилъ довѣренность, которая оказалась подложною; кромѣ того, у обоихъ членовъ славянскихъ комитетовъ (Петербургскаго и Московскаго) получилъ на возвращеніе въ Россію; у митрополита, у консула — нѣсколько дукатовъ; словомъ — гдѣ только было возможно, прямымъ путемъ или обманнымъ. Жаль, что не удалось вамъ довести, мы-бы его, за подложную довѣренность, притянули“. Вотъ каковъ мазурикъ оказался...

— Да я-жъ вамъ говорилъ, что мазурикъ: ужъ по Яскимъ продѣлкамъ можно было судить, что это за личность. Рѣдкость, ей Богу, да и только: что кому вздумается, то и дѣлаетъ... страна внѣ закона... удивлялся второй секретарь.

— Когда-же мнѣ удобнѣе къ генералу — какъ вы думаете? обратился я къ Шредеру.

— Завтра поутру, если будете свободны, пріѣзжайте — я доложу.

— Навѣрно-бы знать — приметъ-ли... а то вѣдь не близко и ѣздить къ вамъ задаромъ.

— Вотъ ужъ не знаю, приметъ-ли... тѣмъ болѣе, онъ собирается уѣзжать въ Вѣну и занять цѣлыми днями — перепиской, разными докладами, распоряженіями, словомъ — какъ воль — съ утра и до поздней ночи.

— Развѣ генералъ въ Вѣну уѣзжаетъ?

— Да, на этихъ дняхъ.

— Какъ! и не вернется уже въ Бѣюградъ?

— Не знаю, но думаю, что это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

— Нѣтъ... но постъ главнокомандующаго онъ оставляетъ офиціально, или такъ только — на время передать кому-нибудь другому?

— Не то, что оставляетъ: пока остается Межениновъ на его мѣстѣ, а тамъ — трудно предвидѣть, чѣмъ рѣшится этотъ вопросъ.

— Въ Вѣнѣ — ждетъ его семья; тамъ-же, станетъ извѣстно, нужно-ли побывать въ Кишиневѣ... Словомъ, вполне выяснится натянутое положеніе генерала, подсказалъ, растянувшійся на диванѣ, Лудовъ.

— А въ Кишиневѣ, зачѣмъ-же? спросилъ я, не предугадывая цѣли такой поѣздки.

— Представиться Великому Князю главнокомандующему, ну и вообще — выяснить свое положеніе.

— Да тамъ вѣдь трудно выяснить свое положеніе, потому что ни Великій Князь главнокомандующій, ни русское

военное министерство ничего общаго съ генераломъ не имѣютъ: они, ни своихъ плановъ будущей кампаніи, ни политическихъ соображеній своего правительства, передъ нимъ не раскроютъ; а слѣдовательно, и дальнѣйшую роль его, какъ главнокомандующаго сербской арміей, не выяснять...

— Ну да, я вѣдь и не знаю причинъ поѣздки генерала, а такъ только — догадываюсь, и весьма можетъ быть, что ошибаюсь... свернулъ онъ на понятный, забывъ, что сказаннаго не вернешь.

— Вы сказали, что не увѣрены, приметъ-ли меня генералъ завтра, такъ будьте-жъ столь любезны, узнайте объ этомъ завтра, а я приѣду-ужь послѣ завтра, обратился я къ первому секретарю, и, раскланявшись съ остававшейся свитой, отправился домой.

Возвращаясь по большой улицѣ въ свою гостинницу, передъ однимъ изъ лучшихъ галантерейныхъ магазиновъ, я замѣтилъ нѣсколькихъ пьяныхъ добровольцевъ (изъ простыхъ), домогавшихся чего-то у загородившаго имъ дорогу торговца, который, оставаясь въ дверяхъ, отталкивалъ ихъ отъ магазина. Кругомъ этой сцены собралась многочисленная толпа — ну и я остановился: „посмотрю, думаю, что тутъ происходитъ“. И радъ былъ, что остановился: когда подошелъ поближе къ сценѣ, хохоталъ, какъ не запомню. Эти нѣсколько добровольцевъ, бессознательно добивавшіеся войти въ магазинъ жаднаго торговца, австрійскаго серба, казались до того смѣшными, что произнося отрывистыя, на половину понятныя фразы, могли занять самого серьезнаго, сосредоточеннаго человека. „Ник...задерж...покуп...не возможно“... протискиваясь въ дверь доказывалъ одинъ изъ нихъ. „Вѣрно...онъ говорить...истин“... подсказывалъ другой, помогая первому прорваться въ магазинъ.

— Молимъ васъ, господине! почакайте! упрасиваль сербъ, стараясь удержатъ за собою занятую позицію.

— Никакъ... не мож... молить... честь...ю-ю... просимъ господин... упрасивали добровольцы, опрокидываясь другъ на друга навзничъ, отъ рѣзкаго толчка серба.

— Не можемъ давати вамъ свою собу и усе свою (не можемъ пустить васъ въ свою комнату и предоставить все свое къ вашимъ услугамъ), горячился сербъ, какъ-бы предвидя, что за толчекъ можетъ достаться отъ добровольцевъ.

— Что ты, давати не можешь!... я тѣ дамъ толкаться, турокъ проклятый! закричалъ поднявшійся болѣе трезвый добровольецъ и, замахнувшись, ударилъ кулакомъ въ дверь вмѣсто увернувагося серба.

— Истин...вѣрно...турки!... соглашались немогущіе подняться остальные...

— Вы бы ребята, въ казармы отправились, чѣмъ тутъ людей смѣшивать, обратился якъ болѣе трезвому добровольцу.

— Истинно вѣрно...въ казармы слѣдъ... ваше благородіе! отвѣтилъ онъ покорнымъ тономъ и, отступивъ отъ магазина, принялся тормозить своихъ товарищей, лежавшихъ въ неподвижныхъ позахъ.

— Что толкаешь!... кричалъ одинъ изъ нихъ, совая ногами и лова руками въ воздухъ.

— Вставай, тебѣ говорятъ, безчувственный!.. тормозилъ болѣе трезвый.

— Имате, господине, добро войники (имѣете, господинъ, хорошихъ воиновъ), обратился ко мнѣ торговецъ, отбившій приступъ свалившихся добровольцевъ.

— Вы бы не толкали пьяныхъ, а то васъ вотъ эти воины вздуютъ за это! турнулъ я довольнаго побѣдой труса.

— Караулъ!.. убили!.. принялись кричать лежавшіе.

— Вставай, безчувственный срамникъ!... ну-же!.. а то угощу... продолжалъ возиться все тотъ же болѣе трезвый.

— Руссы погинули!.. руссы!.. (умерли русскіе) подсмѣивались сербы, глядя на валявшихся добровольцевъ.

— Не могу, ваше благородіе!... напился шельмы — сами видите какъ... оправдывался болѣе трезвый, оставивъ въ покоѣ своихъ соотечественниковъ.

— Сходи, братецъ, да позови кого встрѣтишь—пусть придутъ убрать ихъ... а то вѣдь на улицѣ оставлять не годится: дѣло къ ночи.

— Истинно нельзя оставить. Эхъ, твари!.. презрительно произнесъ болѣе трезвый, глядя на пьяныхъ и уходя за помощью по моему совѣту.

Вотъ образецъ скандала, учиненнаго пьяными добровольцами изъ простаго народа. Но развѣ-жь онъ похожъ на тѣ, которые творились менѣе пьяными, изъ привилегированнаго сословія? Никогда! этотъ—невинный и смѣшной для зрителей искусственный комизмъ, а тѣ?... а тѣ—нахальные, непозволительныя дѣйствія, влекущія за собой рядъ вопіющихъ протестовъ и пререканій, со стороны пострадавшихъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей!

Смотря тутъ на многія явленія, становилось очевиднымъ, что простой русскій народъ, ставшій подъ сербскія знамена, былъ представителемъ идеи—безкорыстно и правдиво имъ понятой—помочь единовѣрцамъ въ трудную минуту ихъ борьбы, за вѣру и свободу! Но что русскіе добровольцы, „благородные“ (какъ ихъ называли остальные) были проникнуты не идеей а разсчетами чисто личными, основанными на эгоизмѣ и честолюбіи!.. Не было фактовъ—или было очень мало—въ пользу другаго объ нихъ мнѣнія; а признавая эти „очень мало“

за исключительные, я остаюсь при прежнемъ, съ готовностью выслушать доводы, опровергающіе такой взглядъ на привелигированныхъ добровольцевъ—внесшихъ начала деморализаціи въ армію, вселившихъ сербамъ недовѣріе къ русскимъ и отнявшихъ у честныхъ людей силу, достигнуть главной цѣли—организаціи арміи.

Въ остававшіеся два дня до посѣщенія главнокомандующаго, я рѣшилъ присмотрѣться къ дѣятельности славянскихъ комитетовъ въ Бѣлградѣ, такъ сказать — познакомиться съ ней поближе и съ этою цѣлью (а кромѣ того и съ другою — запасти дукатами на возвращеніе въ Россію), отправился въ военное министерство, гдѣ засѣдали представители славянскихъ комитетовъ. Тамъ сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г-ла Д—ля, уполномоченнаго Петербургскаго отдѣла, и совокупнымъ — профессора В—ва — уполномоченнаго московскаго комитета. Но прежде чѣмъ говорить о томъ, что я увидѣлъ въ комитетахъ и какое впечатлѣніе вынесъ изъ нихъ, передамъ то, что я уже зналъ объ нихъ и какой взглядъ составилъ объ ихъ дѣятельности, на основаніи фактовъ—каждый день новыхъ, и все нагляднѣе доказывавшихъ несостоятельность дѣйствій этихъ—благихъ по названію—учрежденій. А главное—какой сравнительно ничтожной достигали они цѣли.

Начиная говорить о дѣятельности славянскихъ комитетовъ въ Бѣлградѣ и оставляя на-послѣ высказываніе общаго взгляда на эту дѣятельность вообще, я невольно задаюсь вопросами: съ какою цѣлью комитеты посылали своихъ представителей въ Сербію? какая имъ дана была инструкція, или программа? и—что было ихъ коренною задачей?—на которые и отвѣчаю: на первый—съ цѣлью помогать нуждавшимся добровольцамъ и снабжать ихъ деньгами на возвращеніе въ Рос-

сію; на второй—ни инструкцій, ни программъ уполномоченные не имѣли, а если и имѣли, то неприменимыя на практикѣ, чѣмъ были предоставлены самимъ себѣ; и на третій—расходовать суммы, имъ ввѣренныя. Но на чемъ же въ такомъ случаѣ основаны подобные отвѣты? спрашиваю я себя. А вотъ на чемъ:

Вѣдь если-бъ даны были дѣателямъ комитетовъ какія нибудь указанія, конечно, разумно выработанныя—инструкціи, или программы; если-бъ даны были онѣ людямъ умѣлымъ, способнымъ примѣняться къ обстоятельствамъ, предвидѣть вредъ, или пользу отъ той, или другой мѣры, а главное—добросовѣстнымъ; если-бъ дѣятельность этихъ людей кѣмъ нибудь провѣрялась, то не было-бы такихъ явленій, какъ проявленіе нищеты и голода—въ одной средѣ добровольцевъ и чрезвычайнаго довольства—въ другой! Не получалъ-бы тридцати дукатовъ, на возвращеніе въ Россію—одинъ, а пятнадцати (такой-же)—другой! не давали-бы на рану—положимъ—пятидесяти дукатовъ—одному и не отказывали-бы въ этомъ раненому другому! не пользовались-бы помощію комитетовъ—только попавшіе въ Бѣлградъ и, не нуждались-бы въ ней вѣсучно раненные и здоровые внѣ Бѣлграда! Не признавали-бы въ комитетѣ одного добровольца, въ сущности отставнаго юнкера—штабъ-офицеромъ, а другаго и въ самомъ дѣлѣ майора—прапорщикомъ! не платили-бы въ третій разъ долги въ гостинницѣ за одного и не отказывали-бы въ десяти дукатахъ—другому (хотя уже и получившему, но сдѣлавшемуся жертвой произвола—обокраденному)! Вѣдь не было-бы такъ, а навѣрное—иначе!

Если-жъ все это дѣйствительно было, то мои отвѣты на невольные вопросы вполне основательны. И отрицать ихъ значить не знать ничего того, что творилось тогда въ Сербіи—имѣть о немъ искаженное понятіе, основанное на свѣдѣніяхъ

и отзывавъ такихъ газетъ, какъ „Новое Время“ и другія, которыя искажая факты — рисовали ихъ въ розовомъ цвѣтѣ, поощряя движеніе добровольцевъ и восхваляя руководившихъ ими вождей — чисто, изъ желанія воспользоваться матеріально — продать большее число нумеровъ своихъ газетъ — на расхватъ покупавшей, отуманенной толщѣ народа — не во время и не кстати! И если вникнуть въ это поближе, провѣрить факты основательно, то несомненно придется убѣдиться — какъ-разъ въ противоположномъ тому, въ чемъ убѣждали и о чемъ писали эти незастѣнчивые матеріалисты...

Въ половинѣ сентября, Петербургскій славянскій комитетъ прислалъ въ Бѣлградъ своего представителя г-ла Д—ля, который и началъ свою дѣятельность — но какъ?

Въ то время, еще три части добровольцевъ находились на театрѣ войны (въ Делиградѣ), а четвертая (приблизительно) — хотя и въ Бѣлградѣ, но малонуждавшаяся въ матеріальной поддержкѣ; слѣдовательно, дѣятельность генерала не могла быть обременительною и давала полную возможность практически подготовить ее къ будущему — уже болѣе серьезному и трудному. А для такой подготовки были данныя: тѣ же добровольцы, составлявшіе живыхъ представителей, и тѣхъ самыхъ, съ которыми пришлось видѣться впоследствии; просьбы, уловки и продѣлки встрѣчались тѣ же, что и послѣ съ тою лишь разницею, что въ меньшей мѣрѣ. Итакъ, еслибъ пріѣхавшій представитель, неснабженный ни уставомъ, ни инструкціей какъ дѣйствовать, вполне отвѣчалъ своей роли — такъ сказать — представлялъ-бы собою удачный выборъ комитета, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что обошелся-бы и безъ уставовъ, и безъ инструкцій въ данномъ случаѣ: онъ, предоставленную ему самостоятельностью, могъ-бы выработать

такой уставъ въ умѣ и, въ случаѣ надобности, примѣнять его на дѣлѣ. Словомъ, могъ-бы завести систему, поучительную и для другихъ, въ его роли. Между тѣмъ генераль, по видимому составивъ иной взглядъ на это, съ начала и до конца, дѣйствовалъ весьма неосмотрительно и противно всему, что могло назваться практичнымъ, полезнымъ для дѣла. Добровольцы, давно ждавшіе кого-нибудь изъ такихъ представителей изъ Россіи, лишь почуявъ пріѣздъ генерала, накинулись на него: и пошли займы, да пособія—выдачи да полученія... Вся эта праздная масса (въ средѣ которой были и вовсе не побывавшіе на театрѣ войны) требовала отъ генерала, выпрашивала у него и занимала, мотивируя такія требованія и просьбы, необходимостью добыть средства на возвратный путь въ Россію. Генераль большею частью удовлетворялъ ихъ не вникая ни въ основательность обращеній, ни въ людей, съ которыми имѣлъ дѣло: часто—могъ получить пособіе два и три раза, одинъ и тотъ-же—въ сущности мазурикъ, но ловкій—поддѣлывающійся; а не рѣдко, могъ не получить вовсе—честный доброволецъ, но не владѣвшій этимъ даромъ. Въ общемъ-же, выдавались деньги на основаніи личныхъ объясненій просителей, или, если ужъ очень подозрительный съ виду, то на основаніи письменныхъ удостовѣреній того начальства, которое доброволецъ безъ труда находилъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ—всегда готовыхъ оказать взаимную услугу...

По мѣрѣ удачныхъ и неудачныхъ попытокъ добровольцевъ „получить у генерала“ и обнаружившейся его самостоятельности въ дѣйствіяхъ (которая предвидѣлась и у остальныхъ представителей, если пріѣдутъ), созрѣло убѣжденіе у добровольцевъ—такъ сказать—выработался взглядъ, что при извѣстной долѣ ловкости и нахальствѣ, возможно получить

дукаты не одинъ разъ, а нѣсколько, и жить въ Бѣлградѣ не одинъ мѣсяцъ, а два—три и больше... Когда-же послѣдовало перемиріе и Бѣлградъ наполнился добровольцами; съѣхались представители Московскаго комитета и дѣятельность ихъ значительно расширилась, то усвоенные генераломъ Д — емъ приемы относительно раздачи пособій добровольцамъ (и принятые его товарищами) оказались до того несостоятельными, что комитеты, долженствовавшіе править средой нуждавшейся въ ихъ помощи — направлять ее, замѣнили банкирскія конторы, но небывалыя—выдававшія деньги подъ вліяніемъ минуты... Никакихъ правилъ, гласно не объявляли — ни въ началѣ, ни въ послѣдствіи: каждый узнавалъ у своего (уже опытнаго) товарища, что въ комитетахъ выдаютъ пятнадцать дукатовъ на возвращеніе въ Россію и билетъ отъ границы (до того мѣста, куда ѣдетъ доброволецъ), и что мѣняя фizioномію (а главное чинъ) можно получить эти дукаты—и отъ Петербургскаго, и отъ Московскаго уполномоченныхъ, и отъ митрополита, и отъ уполномоченнаго Краснаго Креста, и наконецъ — отъ князя, или княгини, въ крайнемъ случаѣ (но отъ послѣднихъ — съ большими затрудненіями). Узнавалъ доброволецъ это и, помня, что „время—деньги“, отправлялся получать...

Нужно однако сознаться, что такіе добровольцы выигрывали гораздо больше чѣмъ честные прямые люди: послѣдніе, дѣйствуя не ухищряясь—на чистоту, какъ говорится—получали одинъ разъ только, и если обстоятельства ставили ихъ въ безвыходное положеніе, то при вторичномъ обращеніи, имъ наотрѣзъ отказывали, говоря, что „по два раза не выдаютъ пособій“... А между тѣмъ, эти откровенные бѣдняки существенно нуждались и вполне заслуживали вниманія уполномоченныхъ.

Вслѣдствіе такихъ легкихъ полученій, достигавшіе ихъ счастливцы пристрастились къ картамъ: по кафанамъ, завелась игра и неугомонное пьянство, а внѣ ихъ—необузданный разгулъ, стоящій денегъ. На каждомъ шагѣ виднѣлись образцы такой жизни: не рѣдко, можно было видѣть добровольца проигравшаго послѣдніе дукаты, а на другой день (его-же)—получавшаго новые для той-же цѣли, или нищаго голоднаго, просиживавшаго въ кафанахъ дни и ночи и не имѣвшаго возможности выбраться изъ Бѣлграда—хотя этотъ послѣдній, получилъ только одинъ разъ и хотя онъ не послѣдовалъ примѣру другихъ—надувать и присвоивать чужое безнаказанно. Не рѣдко, можно было встрѣтить легко раненаго пулей и щедро награжденнаго комитетомъ (дукатами пятидесятью единовременно), а на ряду съ нимъ—изувѣченнаго гранатой, или ядромъ—крайне стѣсненнаго тѣмъ-же комитетомъ и получившаго тамъ всего двадцать. Словомъ—рядъ такихъ фактовъ доказывалъ, что людьми, на обязанности которыхъ это лежало, не сдѣлано ничего полезнаго, не принято никакихъ цѣлебныхъ мѣръ, и не оправдано ими довѣріе тѣхъ, кто жертвовалъ, кто несъ послѣдній, горько заработанный грошъ и, опуская его въ кружку, осѣнялъ себя крестомъ, умиляясь, что помочь страждущимъ единовѣрцамъ!—кто былъ увѣренъ, что его лента идетъ на святое дѣло, и чья душа уже чувствовала, что злоупотребили его довѣріемъ, что не оправдали надеждъ милліоновъ—такъ истинно и безкорыстно протянувшихъ руку помощи, во имя святой вѣры! во имя ученія Христа!

Но боюсь увлечься — забыть и не сказать о простыхъ добровольцахъ, ни въ чемъ неповинныхъ и теперь. Ихъ отправляли въ Россію партіями, подъ присмотромъ партіонныхъ начальниковъ, которымъ выдавались деньги и предоставлялась

самостоятельность, часто заставлявшая голодать въ дорогѣ тѣхъ, на комъ она могла отразиться. Отправляли и привилегированныхъ, въ перемежку съ простыми, — но мало: эти большею частью уѣзжали сами по себѣ — и уже тогда, когда стало жутко и въ Бѣлградѣ.

Вернусь-же къ начатому разсказу о своемъ посѣщеніи славянскихъ комитетовъ въ военномъ министерствѣ.

Подѣхавъ къ воротамъ военнаго министерства, я долго пробирался по маленькому двору, запруженному добровольцами, пока достигъ входа въ зданіе. Но пробравшись туда, еще не значило преодолѣть главныя препятствія: чтобы попасть въ присутствіе, нужно было подняться по нѣсколькимъ ступенькамъ (передъ входомъ), занятымъ скученною толпой, — втиснуться въ корридоръ, пройти его (биткомъ набитый народомъ) и, достигнувъ дверей, дождаться, когда ихъ отворять и впускать. А на это нельзя было разсчитывать вскорѣ, потому что впереди меня, пререкавшіеся воины дожидались уже давно и, уцѣпившись руками за кличку, поглядывали по сторонамъ — какъ-бы желая знать, кто посмѣетъ оспаривать ихъ право и преимущество на очередной впускъ въ комнату. Волей-не-волей, пришлось удовольствоваться занятымъ положеніемъ и терпѣливо выжидать своей очереди. „Подумаешь, — изъ-за какого черта висимъ тутъ цѣлый день“, кинялись добровольцы, прижатый къ самымъ дверямъ остальными.

— Вотъ вопросъ задали мудреный — „изъ за чего“... изъ-за денегъ; а это вѣдь очень „изъ-за чего“... объяснялъ другой.

— Изъ-за денегъ!... нашель деньги — несчастные пятнадцать дукатовъ... очень на нихъ раскутишься...

— Да ужъ несчастные-ли — какіе... а изъ-за нихъ вѣдь дожидаетесь

— Удивительное дѣло! изъ-за нихъ... стоитъ того...

— Полноте вы, глупости рассказывать! чего-жь-бы и висѣть, какъ вы говорите, если-бъ не въ деньгахъ дѣло.

— Чего-жь-бы! того-жь-бы, чтобъ свое въ чужихъ карманахъ не осталось.

— Ну да, изъ-за этого... а я что-жь говорю. Но если такъ, то что ни говорите, а эти „несчастные“ вамъ нужны, и изъ-за нихъ же и висите тутъ цѣлый день—не такъ-ли?

— Нужны,—какъ всегда деньги нужны... Почему и не взять, гдѣ возможно.

— Въ этомъ случаѣ, у васъ слово съ дѣломъ идутъ за одно: вы, кажись, и берете гдѣ возможно... произнесъ кто-то сзади.

— Вы на чей счетъ прохаживаетесь? спросилъ оглянувшійся доброволецъ.

— На вашъ; о васъ вѣдь рѣчь ведется.

— Не кстати-бы, по. моему, и болтать, чего не знаешь: свой носъ смотрѣли-бъ — куда лучше, чѣмъ чужой касаться.

— Я такъ, къ разговору... про меня получайте—сколько и гдѣ угодно.

— Да о чемъ вы толкуете—интересно: вѣдь и вы получаете гдѣ возможно!...

— Гдѣ позволяетъ совѣсть, а вы—безъ зазрѣнія, какъ говорится.

— Что вы врите! какое вамъ до меня дѣло? вскрикнулъ доброволецъ, протискиваясь, будто, къ оскорбившему.

— Не очень-то кипятитесь... нечего: продѣлки ваши, не мнѣ одному извѣстны—знаютъ про нихъ и другіе.

— Вы не смѣете обо мнѣ такъ отзываться!.. за это бьютъ!..

— Бьютъ такихъ мазуриковъ, это вѣрно: въ Народной

(гостинницѣ) вѣдь досталось... полагаю, не забыли, или уже присохло...

— На скандалъ лѣзете, старая пьянчужка!

— Ахъ ты мазурикъ-этакой! смѣешь пьянчужкой обзывать — вотъ тѣ!... ударяя въ лице крикнулъ старикъ - добровольецъ, но такъ неожиданно для насъ окружавшихъ и того, кому досталось, что мы, столпившіеся у дверей, разомъ подались впередъ и невольнымъ, но сильнымъ толчкомъ растворивъ дверь, ворвались въ присутствіе — къ общему изумленію всего засѣданія. Въ первый моментъ нашего появленія, выразилось общее недоумѣніе на лицахъ находившихся въ комнатѣ — и мы и они смотрѣли другъ на друга, не произнося ни одного слова; но когда одинъ изъ уполномоченныхъ произнесъ: „тише, господа, затворяйте пожалуйста дверь“, то мы понявъ, снисходительность засѣдавшихъ, поклонились и разошлись по угламъ большой комнаты, какъ-бы предоставивъ уполномоченнымъ удовлетворить прежде тѣхъ, кто вошелъ раньше насъ и при болѣе приличной обстановкѣ. Чувствовались, сознаніе слишкомъ ужъ большой безцеремонности и потребность, какъ ни-будь загладить это въ памяти другихъ — заставить забыть; и мы, робко прижавшись къ стѣнкѣ за спинами уполномоченныхъ, наблюдали за тѣмъ, что происходило предъ глазами (не знаю — наблюдали-ли другіе, но я — да).

Но вотъ что странно: нѣсколько опомнившись и осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что ни битаго, ни бившаго добровольцевъ тутъ не было, между тѣмъ, какъ шансы быть тутъ — были на ихъ сторонѣ; спѣшившись у самыхъ дверей — въ то время, когда онѣ внезапно распахнулись и толпа ринулась впередъ, не было возможности, мнѣ кажется, удержаться отъ того, чтобы не попасть въ комнату, а если это случилось, то не по ихъ волѣ — думалось мнѣ въ ту минуту. Ну, да Богъ

съ ними — дѣло прошлое; не лучше ли повести рѣчь о настоящемъ.

За большимъ (во всю комнату) столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, по срединѣ и лицомъ къ дверямъ сидѣлъ генералъ Д—иль (въ сербскомъ мундирѣ), по правую его сторону и за столомъ съ боку, помѣщался уполномоченный московскаго комитета г. В—овъ; по лѣвую — личный секретарь генерала, а противъ и гдѣ попало — такъ называемые адъютанты, пиисы и остальной наличный штатъ. На этомъ же столѣ, передъ каждымъ изъ уполномоченныхъ лежалъ мѣшечекъ съ золотомъ, откуда по мѣрѣ надобности отсчитывались дукаты и вручались борцамъ, пролившимъ кровь за идею; а вокругъ стола толпились добровольцы и, толкая другъ друга, старались приблизиться къ тому или другому уполномоченному — и, подсовывая чуть не подъ носъ того, какой нибудь измятый видъ, удостовѣреніе, или патентъ министерства, останавливались передъ нимъ въ выжидательной позѣ, тихо и ласково повторяя: „позвольте васъ просить... я давно дожидаюсь“.

— Ваша фамилія? спросилъ В—овъ одного изъ такихъ покорныхъ, ежеминутно повторявшаго эту фразу.

— Такой-то... отвѣтилъ тотъ еле слышно.

— Позвольте-же... вы, кажется, уже получили... не спуская глазъ, сказалъ уполномоченный и, медленно придвинувъ къ себѣ большую книгу, сталъ ее перелистывать. Въ книгѣ я не нахожу вашу фамилію, но помнится мнѣ, что вы уже получили на отъѣздъ въ Россію... протяжно и глядя на добровольца произнесъ В—овъ.

— Не получалъ еще... честное слово... можетъ, другой кто, на меня похожій...

— Очень ужъ, на васъ похожій, въ такомъ случаѣ...

Роспишитесь, пожимая плечами и недоумѣвая, произнесъ уполномоченный; доброволецъ же съ поспѣшностью росписался и, собравъ въ кошелекъ отсчитанные дукаты, торопливо шмыгнувъ въ дверь, не озираясь.

— Мнѣ на дорогу и на рану, позвольте, требовалъ подошедшій высокій мужчина, съ перевязанной рукой и черной повязкой на головѣ.

— Да я вѣдь вамъ выдалъ уже на рану: нельзя-же по два раза!.. старался, увѣрить уполномоченный.

— На ручную... а я вѣдь раненъ и въ голову.

— Какія-же у васъ доказательства — въ какомъ дѣлѣ вы ранены въ голову?

— Какихъ вамъ еще доказательствъ: кровь проливай, жизнью жертвуй — вамъ ни-по-чемъ! доказательствъ мало...

— Да, мнѣ вѣдь неизвѣстно, въ какомъ дѣлѣ вы ранены! а на однихъ словахъ нельзя основываться, согласитесь; принесите удостовѣреніе отъ вашего начальства — гдѣ вы тамъ числились — не знаю, тогда и дадимъ на рану.

— Гдѣ мнѣ тамъ ходить по начальству... говорю — раненъ — не вѣрите, Богъ съ вами... отходя пробормоталъ доброволецъ.

— Не то, что не вѣрю, но не могу и не имѣю права иначе дѣйствовать! вѣдь, могли вы ушибиться, гдѣнибудь на дорогѣ и сказать, что ранены, — могли быть раненымъ и сказать, что ушиблись: ни то, ни другое — мнѣ неизвѣстно.

— При Дюнишѣ ушиблись, за идею... теперь вотъ по-прошайствомъ занимайся.

— Однако, три дня тому, когда вы приходили, я не замѣчалъ головной повязки, а это вѣдь было послѣ Дюнишскаго пораженія.

— Богатѣйте... Богъ съ вами... мы обойдемся... краснѣя и направляясь къ дверямъ, произнесъ доброволецъ.

— Странный народъ, ей-Богу!.. смотря вслѣдъ уходившему, удивлялся уполномоченный.

— Хорошо, что не дали на рану: каждый день дерется по кафанамъ—гдѣ нибудь и попало... послышалось въ другомъ углу комнаты.

— Безсовѣстный... при Дюнишѣ, увѣряетъ, подсказалъ еще — кто-то...

— Васъ, какой комитетъ сюда прислалъ? спрашивалъ генераль Д — иль вытянувагося передъ нимъ добровольца.

— Я на свои средства сюда пріѣхалъ.

— Тогда, на свои и уѣзжайте! Я выдаю только тѣмъ, кто пріѣхалъ на средства комитета, а кто на свои, тому не полагается, отрѣзавъ его превосходительство.

— Да какъ же это! помилуйте, генераль! кто на собственныя, тому скорѣе-бы помочь нужно... съ чѣмъ-же я уѣду: своихъ денегъ у меня пѣтъ ни копѣйки!

— Какъ знаете; разъ—существуетъ правило, то отступать отъ него, я не имѣю права.

— Сдѣлайте милость, генераль! дайте хотя десять дукатовъ на дорогу!

— Ни одного; прошу оставить меня въ покоѣ! Я выдавалъ, — выдавалъ и вѣрилъ многимъ, но вижу — злоупотребляютъ моимъ довѣріемъ... Не могу-съ... извините.

— Да я вѣдь не надуваю васъ, ваше превосходительство: извольте справиться и по бумагамъ и по всему — если угодно!

— Ничѣмъ не могу помочь... отвѣтилъ генераль, впадъ въ неумѣстную крайность. Но доброволецъ, пріѣхавшій на свои средства, подходитъ къ московскому уполномоченному и,

объяснивъ свое положеніе, получаетъ пятнадцать дукатовъ. Ну—да и слава Богу, что получаетъ: онъ такой невинный, симпатичный юноша, что во время разговора съ генераломъ, вызвалъ общее сочувствіе къ своему положенію.

— Вамъ что нужно? спросилъ генераль другого добровольца, сунувшаго ему какой-то измятый листъ бумаги.

— На возвращеніе, ваше превосходительство... произнесъ тотъ, глядя въ упоръ—въ глаза вопрошавшему.

— Какъ, на возвращеніе! я вамъ уже выдалъ!.. что за нахальство такое, накидывается генераль и, не получивъ отвѣта, повторяетъ: на какое возвращеніе?

— Въ Россію, ваше превосходительство.

— Да я вѣдь вамъ вчера выдалъ!

— Нѣтъ, я не получалъ, ваше превосходительство... норовя взять бумагу и уйти, отвѣчаетъ доброволецъ.

— А вотъ сейчасъ увидимъ — погодите... произноситъ генераль, перелистывая книгу и водя пальцемъ по страницамъ. Ваша-ли подпись? спрашиваетъ онъ добровольца, указывая на графу въ книгѣ.

— Моя.

— Такъ, какъ-же вы говорите, что не получали!

— Виновать... ретируется доброволецъ, низко кланяясь генералу.

— Какъ-же вы смѣли, вторично явиться за деньгами! кричалъ генераль, наступая на добровольца; и, приблизившись къ нему, взялъ изъ рукъ схваченную со стола бумагу, которую сталъ читать, остановившись.

— Какъ!.. развѣ вы не такой-то!!! не вѣря глазамъ, вскрикнулъ его превосходительство.

— Моя фамилія, такой-то... ваше превосходительство, произноситъ растерянный доброволецъ.

— Да тутъ вѣдь другая, а не ваша!

— Какая-жь другая... нѣтъ, моя.

— Ахъ ваша! ну такъ погодите; я васъ отправлю къ коменданту, а тамъ разберемъ — ваша-ли... Свезите вотъ его въ крѣпость, съ моей запиской!... обратился генераль къ адъютанту, и неловкаго добровольца потащили на казенную квартиру — но поздно и очень уже поздно, раньше-бы опомнились...

— Каковъ!... подѣ чужой фамиліей изволить являться... опускаясь въ кресло, возмущался генераль.

Любуясь, все новыми экземплярами и смотря на эту — чисто случайную обстановку дѣла, я и не замѣтилъ, какъ виновники моего недавняго вторженія, росписывались и получали, отъ московскаго уполномоченнаго. „Что это вы такъ скоро помирились?“ — спросилъ я старика, видя, что послѣдній шепчется съ битымъ добровольцемъ. „А вамъ-то что за дѣло?“ отрѣзалъ онъ, видимо недовольный неумѣстнымъ вопросомъ. Они, какъ я замѣтилъ, помирились и, рѣшивъ не мѣшать другъ другу, получали „гдѣ возможно“. Ну васъ, думаю, не стоитъ связываться — обругаютъ... И видя, что оба уполномоченные серьезно заняты и раздражены уже нѣсколько, я предпочелъ не обращаться къ нимъ съ своей просьбой, намѣреваясь отправиться къ своему знакомому (недавно пріѣхавшему, второму московскому уполномоченному, производившему выдачи въ квартирѣ В—ва, гдѣ и онъ-было остановился). Но въ то же время, г-нъ В—овъ замѣтивъ меня въ ничего не выражавшей позѣ, обратился съ вопросомъ, что мнѣ угодно и, узнавъ — что, высказалъ готовность исполнить мою просьбу. „Не можете-ли вы представить какую-нибудь записочку, отъ человека, мнѣ извѣстнаго и васъ хорошо знающаго, что онъ ручается въ вашей благонадежности? нижнимъ

чинамъ, не выдаются деньги на руки—ихъ отсылаютъ партіями, и если ужъ отступить отъ этого — сдѣлать исключеніе, то только на личномъ довѣріи — не иначе“, сказалъ онъ, приостановившись отсчитывать дукаты. „У меня есть записка въ этомъ родѣ, отъ полковника Меженинова; если вамъ угодно, то вотъ она“, подаль я записку, взятую на всякій случай.

— Вполнѣ достаточно, чего же больше...

Получивъ дукаты и поблагодаривъ уполномоченнаго за любезность, я пошелъ-таки къ другому изъ нихъ, своему знакомому, — но не съ цѣлью „получать“, а взглянуть, что тамъ у него дѣется.

Тутъ, засталъ я народу немногимъ меньше. Въ небольшой комнатѣ, гдѣ за большимъ столомъ помѣщался мой знакомый уполномоченный, дожидалось человѣкъ двадцать добровольцевъ, уже нѣсколько развязнѣе объяснявшихся и нахальнѣе дѣйствовавшихъ, чѣмъ въ министерствѣ, гдѣ все-жъ-таки заеѣдали генералы—всюду и во всякое время имѣющіе гораздо большую виѣшнюю внушительность, чѣмъ статскіе дѣятели, въ ихъ роли.

— Здравствуйте! очень радъ васъ видѣть; садитесь пожалуйста, привѣтствовать меня дѣятель. „Повѣрите-ли—началь онъ—что голова кругомъ идетъ отъ этой милой дѣятельности... Не знаешь какъ быть, при этихъ условіяхъ: что не кинь, то мошенникъ—норовить, какъ-бы надуть... шепнулъ онъ мнѣ на ухо.

— Да ужъ съ вашими порядками, чертъ ногу сломить, неожиданно подсказалъ гигантскаго роста доброволецъ.

— Ну ужъ и съ вами, господа, порядки заведешь не скоро... улыбаясь замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Да что съ нами, коль и безъ насъ ихъ у васъ не было.

— Вамъ что угодно? спросилъ уполномоченный начав-

шаго разсуждать добровольца, какъ-бы желая прекратить не кстати начатый разговоръ.

— Да вотъ, въ Москву возвращаюсь; финансовъ одолжите.

— Роспишитесь... послѣ обычныхъ справокъ произнести уполномоченный.

— Мое жалованье позвольте... подавая бумаженку, проговорилъ подошедшій получатель.

— Вы, какой арміи?

— Моравской.

— Въ штабъ дивизіи, не угодно-ли: я выдаю только ибарцамъ, а остальные, тамъ получаютъ.

— Мнѣ ужъ сдѣлайте милость, дайте! я только изъ больницы вышелъ, вотъ и свидѣтельство г-жи Свѣтловской (женщины доктора), что за три недѣли мнѣ слѣдуетъ.

— Идите въ штабъ, тамъ и получите. А впрочемъ.. позвольте... прочитывая свидѣтельство, остановилъ онъ добровольца.

— Сдѣлайте милость! куда мнѣ по штабамъ таскаться... и то еле двигаюсь.

— Хорошо, я вамъ выдамъ, помѣчая докторское свидѣтельство, отвѣтилъ уполномоченный. Но не успѣлъ онъ еще отпустить больнаго добровольца, какъ присталъ къ нему высокій, сухой, съ большимъ носомъ, антипатичный экземпляръ: „на рану и, за три мѣсяца содержаніе по чину“—громко произнесъ онъ, кладя на столъ какія-то мятые бумаги и садясь на придвинутый стулъ рядомъ съ нами., Вотъ, батюшка, заполучимъ — кутить будемъ!“ обратился онъ къ другому добровольцу, не обращая вниманія ни на меня (своего сосѣда), ни на уполномоченнаго, съ удивленіемъ смотрѣвшаго на незнакомаго нахала.

— На какую рану и за какое время, вамъ жалованье слѣдуетъ? тихо спросилъ уполномоченный.

— А вотъ полюбопытствуйте, тамъ и узнаете, что нужно... отвѣтилъ экземпляръ, указывая на бумаги.

— Вы „легко раненый“ тутъ сказано — двадцать дукатовъ, значить; да содержанія вамъ слѣдуетъ — по семи въ мѣсяць — двадцать одинъ за три; итого — сорокъ одинъ... хорошо-съ... кладя бумаги и придвигая мѣшокъ съ золотомъ, сказалъ мой знакомый.

— Какъ, „легко раненый“ сказано! что вы! я съ прострѣленной рукой — страдаю ужасно, что вы!.. вскочивъ и горячась, доказывалъ экземпляръ.

— Я вѣдь не знаю, какъ вы тамъ ранены, но тутъ сказано — „легко“.

— Да что они, съ ума посходили, что пишутъ такой вздоръ! „легко“, когда рука навyleтъ прострѣлена!

— Можетъ быть, въ мякишъ — не повредивъ кости, а такія раны считаются легкими.

— Вотъ — тѣ прелесть какая — не повредивъ кости! что-жь изъ того, что не повредивъ! навyleтъ — и того довольно... Вамъ давай гранатную — да всей руки чтобъ не было, а на вылетъ — ни-по-чемъ! умные какіе...

— И чего-бъ вамъ горячиться: мнѣ вѣдь все равно — выдать-ли вамъ двадцать дукатовъ, или сто — но если есть данныя на это, а тутъ ихъ нѣтъ вѣдь!.. и сколько ни горячитесь — дѣлу не поможете.

— Да какъ-же не горячиться, когда хотите увѣрить, что легко раненъ! рана — страхъ какая, а имъ вдругъ къ „легкимъ“ угодно причислить!..

— Объ этомъ, вы съ докторомъ потолкуйте; я тутъ, ни при чемъ.

— Кого я изъ нихъ ни спрашивалъ — всѣ говорятъ, что рана весьма тяжелая, и будетъ имѣть послѣдствія, а вы вдругъ „легкой“ ее назвали: — вѣдь это ни на что не похоже — помиуйте! Мнѣ сорокъ дукатовъ слѣдуетъ.

— Да сорокъ-же и предлагаю! даже больше...

— Всего сорокъ! эка штуку сказали: всего мнѣ сто десять слѣдуетъ.

— По какому это разсчету слѣдуетъ вамъ такъ много? да если-бъ я даже вашу рану призналъ тяжелой — выдать на нее пятьдесятъ дукатовъ, — что невозможно впрочемъ, но если-бъ, — то и въ такомъ случаѣ вамъ-бы причиталось не сто десять, а всего семьдесятъ!

— Ни какъ ужъ не семьдесятъ: если одного жалованья шестьдесятъ дукатовъ слѣдуетъ, то сколько-жъ вы на рану кладете? десять дукатовъ выходитъ. Вотъ такъ щедро!

— Двадцать, на рану и двадцать одинъ жалованья, что составляетъ — сорокъ одинъ. А по разсчету, при слишкомъ тяжеломъ увѣчи — если-бъ на рану полагалось пятьдесятъ дукатовъ, то и вышло-бы, какъ я говорю, семьдесятъ всего на все.

— Какъ двадцать одинъ жалованья? оторопѣвъ спросилъ экземпляръ.

— Да такъ! за три мѣсяца — и по семи въ мѣсяцъ — составитъ двадцать одинъ.

— По какихъ — семи? по двадцати!!!

— По семи вѣдь, оберъ-офицерамъ платять.

— Оберъ... а я вѣдь подполковникъ — не забудьте!

— Помилуйте — вы прапорщикъ!! вскрикнулъ уполномоченный, вскочивъ со стула и подавшись назадъ отъ экземпляра.

— Какой прапорщикъ — что вы! я подполковникъ!

— Какой подполковникъ, когда въ паспортѣ сказано — прапорщикъ?

— Отставной прапорщикъ русской службы, — но сербской — я подполковникъ!

— Когда-жъ вы успѣли! помилуйте!!!

— Какъ, и когда успѣлъ! успѣлъ, въ три мѣсяца, на Ибарѣ!

— Въ три мѣсяца — изъ прапорщиковъ въ подполковники! да это немыслимо!

— Прочтите — мыслимо-ли...

— Тутъ вѣрно ошибка вкралась: вмѣсто подпоручикъ, сказано подполковникъ...

— Никакой тутъ ошибки нѣтъ: я произведенъ самимъ главнокомандующимъ лично — и вотъ вамъ доказательство передъ глазами.

— Да, но самъ я не рѣшусь удовлетворить васъ, въ такомъ размѣрѣ — это невозможно.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, въ такомъ случаѣ?

— Получайте сорокъ дукатовъ — если угодно.

— Такъ вотъ, изъ-за вашего сомнѣнія въ производствѣ — изъ подполковниковъ въ подпоручики сокращайся, и тяжелую рану — легкой признавай. Нѣтъ ужъ, merci за одолженіе — что кровью куплено, того не простимъ.

— Ужъ не знаю... но я не могу вамъ выдать больше.

Вотъ, вы рѣшите, Павелъ Александровичъ — обратился, уполномоченный къ вошедшему В — ву — только вернувшемуся изъ министерства — и вкратцѣ передалъ ему въ чемъ дѣло.

— Что-жъ, если въ патентѣ сказано — подполковникъ, то какъ подполковнику и платить нужно: дѣло не наше. А на рану — хотя вы и увѣряете, что тяжелая — мы выдадимъ на легкую. Вѣдайтесь съ докторами: это ихъ дѣло.

— Да какъ-же, съ раной-то мнѣ быть! вѣдь, тяжелая и съ послѣдствіями, ей-Богу!..

— Ну ужь не знаю; я не докторъ.

— Вотъ и проливай тутъ кровь за идею, а послѣ вѣдайся съ коновалами—рошталъ экземпляръ, сожалѣя даромъ пролитой крови, и, получивъ по чину подполковника и на легкую рану, ушелъ, продолжая высказывать рядъ пререканій на несправедливость.

— Вотъ народъ-то! одинъ другого лучше, сказали уполномоченный, пожимая плечами.

— Да ужь народецъ!.. могу сказать... подтвердилъ другой, записывая въ книгу только-что выданные дукаты.

На другой день послѣ своихъ походовъ по комитетамъ, гдѣ пришлось видѣть и слышать такъ много интереснаго, я отправился въ главную квартиру, съ тою-же цѣлью, съ какою ѣздилъ и раньше.

Тутъ по прежнему, суетились ординарцы, бѣгали секретари, докладывали адъютанты и входили одинъ за другимъ добровольцы. Войдя въ дежурную комнату, съ увѣренностью что г-нъ Ш—деръ предупредилъ обо мнѣ генерала и что начнетъ объ этомъ первый, я, поздоровавшись съ свитскими офицерами — а въ томъ числѣ и съ нимъ — сталъ выжидать его рѣчи. Но онъ, скорчивъ недоумѣвавшую мину, не только не начиналъ первый, а какъ-бы спрашивалъ меня — „что нужно“. „Могу-ли я быть принятымъ у генерала?“ спросилъ я секретаря, желая прервать натянутое молчаніе.

— Ахъ, извините! я и не узналъ васъ. Врядъ-ли... онъ очень занятъ сегодня.

— Какъ! вы и не справлялись, о чемъ я третьяго дня просилъ васъ?

— Узнавалъ, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта. А теперь не знаю, какъ и сказать ему: очень ужъ занятъ сегодня.

— Досадно, что вы не добились опредѣленнаго отвѣта у генерала: такъ, пожалуй всю недѣлю проѣздишь и толку не добьешься.

— Генераль васъ зоветъ! передалъ вошедшій ординарецъ моему собесѣднику.

— Сію минуту! Теперь вотъ и про васъ спрошу кстати— пока посидите, предложилъ мнѣ уходявшій секретарь. Пришлось просидѣть добрый часъ, пока онъ, наконецъ, вернулся (съ весьма уклончивымъ отвѣтомъ, впрочемъ). „Генераль очень извиняется — началъ онъ — но онъ такъ занятъ, что не находитъ возможнымъ принять васъ. Если вамъ что угодно передать ему, то скажите мнѣ. А то не угодно-ли пожаловать въ пріемную; онъ сейчасъ выйдетъ прощаться съ добровольцами—тогда и объяснитесь.

— Съ какими добровольцами прощаться?

— Многіе, кто уѣзжаетъ въ Россію, приходятъ къ нему прощаться: вотъ и теперь набралось человѣкъ пять — ждутъ пріема.

— А мнѣ-то, за чѣмъ идти съ ними; я вѣдь еще не уѣзжаю, а если-бы и уѣзжалъ, то за-чѣмъ-бы мнѣ и прощаться съ генераломъ, который и самъ ѣдетъ въ Россію?

— Что-жь... лишняя вѣжливость не помѣшаетъ; между тѣмъ, какъ прощаясь, можно получить орденъ изъ рукъ генерала.

— Да развѣ-жь генераль—за то что идутъ съ нимъ прощаться—орденами награждаетъ?

— Не за то... а такъ—кто побывалъ въ дѣлѣ, но почему нибудь, не получилъ награды—тому даетъ генераль при

прощаніи. Но это вѣдь только изъ одного вниманія — и больше.

— Тѣмъ болѣе, мнѣ идти не кстати: я вѣдь не сражался.

— Я имѣлъ въ виду, что вы желаете объясниться съ генераломъ, потому и предложилъ войти въ пріемную; а если нѣтъ, то какъ вамъ будетъ угодно.

— Видите-ли; объясняться при другихъ, о томъ, о чемъ я желалъ-бы, не совсѣмъ удобно. Да наконецъ, и генераль, какъ видно, не желаетъ меня видѣть: вы, вѣдь, сказали ему цѣль моего посѣщенія?

— Да.

— Тогда ясно, что не ошибаюсь въ предположеніи.

Проходя изъ дежурной комнаты чрезъ переднюю и столкнувшись тутъ съ нѣсколькими добровольцами, пришедшими „прощаться“, я изъ любопытства, подождать, пока ихъ выпустили въ пріемную, и, не входя съ ними, остановился у полурастворенныхъ дверей, гдѣ собрались и кое-кто, изъ свитскихъ. Вошедшіе добровольцы выстроились въ одну шеренгу и, переглядываясь, „по временамъ“ оправляясь, улыбались — какъ-бы отъ радости, что вотъ сію минуту выйдетъ важное начальство, съ которымъ придется разсуждать. Вскорѣ дверь распахнулась и изъ кабинета вышелъ задумчивый генераль Черняевъ. „Здравствуйте, господа“, произнесъ онъ ласково и, подойдя къ крайнему съ права, спросилъ: „что вамъ угодно“?

— Уѣзжая въ Россію, желалъ проститься съ вашимъ высокопревосходительствомъ, отвѣтилъ тотъ, кланяясь, — а вотъ просьба — на милостивое усмотрѣніе, подаль оный сложенный листъ большого формата.

— Вамъ-бы въ комитетъ обратиться: я не выдаю пособій.

А тамъ дадутъ сколько слѣдуетъ, сказалъ генераль, возвращая добровольцу просьбу.

— Я получилъ уже, но такъ мало, ваше высокопревосходительство, что не съ чѣмъ и выѣхать... вы-бы, записочку только... тамъ дадутъ... ограничивался доброволецъ.

— Извините, но право не могу удовлетворить вашу просьбу, тѣмъ болѣе, что вы вѣдь уже и получили.

— Не съ чѣмъ выѣхать ваше высокопревосходительство... простите, потому нужда заставляетъ.

— Что-жъ дѣлать, когда средствъ не много. Подумайте, что не однимъ вамъ нужно... А вамъ что? спросилъ генераль, подойдя къ другому и оставивъ перваго, недовольнаго результатомъ.

— Долгомъ считаль проститься съ вашимъ высокопревосходительствомъ, расшаркиваясь произнесъ доброволецъ.

— Очень вамъ благодаренъ за вниманіе; дай Богъ вамъ счастливо вернуться въ Россію, благодарилъ генераль, протягивая руку.

— Будьте добры, ваше высокопревосходительство... подавая такой же сложенный листъ, кланялся доброволецъ.

— Въ чемъ же дѣло! вы на словахъ объясните.

— На счетъ пособія, ваше высокопревосходительство...

— Чтожъ вамъ угодно?

— Прошу милостиваго разрѣшенія, вашего высокопревосходительства, получить въ комитетѣ...

— Да вѣдь тамъ выдаютъ безъ моихъ разрѣшеній!

— Крайне нуждаюсь... я получилъ уже, ваше высокопревосходительство... теперь лишь при вашемъ участіи, ваше высокопревосходительство...

— Къ сожалѣнію, трудно помочь вашему горю: заставлять выдавать по два раза — не имѣю права, а вынуть изъ

своего кармана—не могу, потому что не имѣю такихъ средствъ. Попробуйте — обратитесь въ комитетъ вторично, можетъ быть и войдутъ въ ваше положеніе, если оно такое ужъ критическое.. Вамъ, что угодно? спросилъ генераль третьяго—коренастаго, съ заплывшими глазами воина.

— Проститься, ваше высокопревосходительство! и, страдая ужасно, контузій, прошу быть милостивымъ, ваше высокопревосходительство... Ужасно нуждаюсь ваше высокопревосходительство.

— Да что-жь я могу для васъ сдѣлать?

— Всѣмъ буду доволенъ, ваше высокопревосходительство.

— Вы въ комитетъ обращались?

— Такъ-точно, все получилъ, ваше высокопревосходительство.

— Значить, вамъ помогли чѣмъ можно; что-жь я еще могу сдѣлать?

— Что милость ваша... ваше высокопревосходительство. Ужасно нуждаюсь и отъ контузій страдаю, ваше высокопревосходительство.

— Извините—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... вынулъ изъ кошелька, подалъ генераль нѣсколько дукатовъ.

— Покорно благодарю, ваше высокопревосходительство... истинно благодаренъ... успѣшно простившись, уходилъ доброволецъ.

— Вы что желаете? подойдя къ четвертому, спросилъ генераль, уже практичнѣе.

— Желалъ проститься, ваше высокопревосходительство и выразить расположеніе... умилился произнесъ доброволецъ. Ни какой возможности выѣхать, ваше высокопревосходительство! тутъ подробно сказано... будьте добры... протянулъ онъ руку, съ знакомымъ уже генералу сложеннымъ листомъ.

— Если о пособіи, то вы, вѣроятно слышали, чѣмъ я отвѣчалъ вашимъ товарищамъ, — тѣмъ, къ сожалѣнію, вынужденъ буду и вамъ отвѣтить.

— Не въ примѣръ другимъ, ваше высокопревосходительство... ѣсть нечего, будьте добры...

— Развѣ жъ вамъ не выдали въ комитетѣ — оставили на произволъ, что ѣсть нечего?

— Дали, ваше высокопревосходительство.. А выѣхать, ей Богу, не съ чѣмъ... и подъ честнымъ словомъ — ѣсть нечего... будьте добры, ваше высокопревосходительство — чтонибудь...

— Жаль — нельзя помочь вашему горю: вотъ что могу... сталъ рыться въ кошелькѣ генераль вторично и, добывъ оттуда посильную помощь, вручилъ ее добровольцу.

— Искренно благодарю, ваше высокопревосходительство. Позвольте просить — продолжалъ доброволецъ умоляющимъ тономъ — будьте добры, ваше высокопревосходительство... я былъ не въ одномъ дѣлѣ — при Дюнишѣ находился, какъ есть до послѣдней минуты, а награды никакой... сколько ни просилъ — не дали.

— Ну такъ что-жъ вамъ угодно?

— Будьте добры, ваше высокопревосходительство... Такова — если можно... въ Россію неловко возвращаться... закончилъ доброволецъ, просительнымъ тономъ.

— И какъ вамъ не совѣстно, скажите! слыхано-ли, чтобы воинъ — какъ милости, выпрашивалъ награду! вы же вѣдь отставной офицеръ — знаете военные законы — что и кому въ какихъ случаяхъ дается: какъ же вамъ не стыдно послѣ этого! Да изъ одного приличія — уваженія къ самому себѣ, немислимо выпрашивать награду! какъ же вамъ не совѣстно?!.. повторилъ генераль, краснѣя за безцеремоннаго нахала.

— Ну, что стоитъ вашему высокопрвосходительству... а я-бы и въ Россію смѣлѣ вернулся.

— Да вы безъ самолюбія и понятія о чести! невольно вырвалось у генерала. За кого-жъ, наконецъ, вы меня считаете, что надѣетесь выпросить военную награду, какъ дукать или кусокъ хлѣба? Да если вамъ не совѣстно и безразлично—получить-ли за дѣло, или просто выпросить, то купите какой угодно крестъ и носите, пока не попадетесь! Вѣдь все равно — будетъ-ли онъ повѣшенъ, мною несправедливо, или вами—произвольно!.. сказалъ генераль, съ презрѣніемъ глядя на добровольца, который и просилъ-то, нужно сознаться, наслушавшись о широкой щедрости генерала въ этомъ отношеніи.

— Ну, а вы что скажете? подойдя къ пятому (маленькому, черненькому добровольцу, въ отставномъ драгунскомъ сюртукѣ), спросилъ генераль улыбаясь.

— Желалъ проститься, ваше высокопревосходительство, передъ отъѣздомъ... отвѣтилъ драгунчикъ, не подавая уже просьбы.

— Спасибо за службу и за память, пожимая руку сказалъ генераль. Гдѣ вы служили? спросилъ онъ его ласково.

Въ началѣ—въ эскадронѣ Королевы Натальи, а послѣ, подъ Зайчаромъ—перешелъ въ пѣхоту, ваше высокопрвосходительство.

— Ну, а въ дѣлахъ побывали?

— Въ перестрѣлкахъ, да въ разъѣздѣ, а въ серьезныхъ—не пришлось участвовать. Вотъ только 18-го, когда отступали, я принималъ участіе... сознался доброволецъ, назвавъ бѣгство—отступленіемъ, изъ приличія.

— Награды, никакой не получили?

— Никакъ-нѣтъ, ваше высокопревосходительство — не получилъ.

— Такъ вотъ вамъ, въ воспоминаніе о Сербіи... взявъ медаль отъ адъютанта и прикалывая ее драгунчику, сказалъ генераль.

— Отъ души благодарю, ваше высокопревосходительство, восторженно произнесъ драгунчикъ.

— Съ Богомъ-же... желаю вамъ счастливаго пути, протянувъ руку, прощался главнокомандующій, и, поклонившись остальнымъ, ушелъ въ кабинетъ.

— Ну что, довольны? спросилъ я раскраснѣвшагося драгунчика.

— Еще-бы... зналъ-бы, дождусь Такова — остался-бъ до конца...

— Неужели, изъ-за Такова остались-бы, тутъ сидѣть безъ дѣла.

— Почему и нѣтъ... вѣдь съ Такова и въ полку куда лучше — будутъ смотрѣть, какъ на боеваго... Ну и въ обществѣ другое положеніе... воображалъ раскраснѣвшійся драгунчикъ.

— Вы, развѣ на службѣ состоите?

— Нѣтъ, я въ отставкѣ; но поступлю — въ случаѣ — то куда лучше съ Такова.

Разсуждая съ драгунчикомъ, мы уже выходили изъ квартиры генерала, какъ оживленная — видимо вызванная чѣмъ-то суета въ передней остановила насъ: „что случилось?“ спросилъ я штабнаго офицера. „Привезли тяжело раненаго! нужно доложить“, сказалъ мнѣ онъ, спѣша въ дежурную комнату.

— Зачѣмъ привезли? какой раненый?... присталь я снова.

— Вонъ — лежитъ на подводѣ... желаетъ говорить съ главнокомандующимъ... указалъ онъ на возокъ, съ какою-то

поклажей, остановившійся въ сторонѣ отъ главнаго подъѣзда. Мы подошли къ возку, въ которомъ, на раскинутой рогожѣ, тяжело и протяжно стоная, лежалъ покрытый шинелью раненый доброволецъ. „Что съ вами?“ спросилъ одинъ изъ насъ тяжело дышавшаго, но послѣдній не успѣлъ еще и отвѣтить, какъ изъ подъѣзда, въ сопровожденіи дежурной свиты, вышелъ генераль Черняевъ и, подойдя скорыми шагами къ страдалцу, сталъ его спрашивать.

— Ваше высокопревосходительство!... началъ раненый, задыхаясь и останавливаясь, какъ-бы отъ утомленія — сдѣлайте милость... помогите!... произнесъ онъ, пристально глядя на генерала.

— Въ чемъ помочь?... что съ вами случилось?... спросилъ генераль нѣсколько спокойно.

— Раненъ въ бедро на вылетъ и позвонки перебиты, генераль!... лежу въ „женскомъ дружествѣ“ (госпиталѣ), гдѣ нѣтъ ни ухода, ни вниманія къ такимъ раненымъ... пропади хоть—никому нѣтъ дѣла... Я просилъ, не одинъ разъ, госпитальное начальство, передать вамъ о томъ, что намъ плохо приходится, да такъ никто и не подумалъ. Самъ вотъ рѣшился... не получалъ ни пособія, ни ордена!... Пусть ужъ на вашу волю будетъ: сами видите — заслуживаю-ли... о-о-о-х-х-ъ!.. застоналъ раненый, утомленный разговоромъ.

— Вы „въ женскомъ дружествѣ“ лежите? спросилъ генераль.

— Да!... ой... господи!... стоналъ онъ раздирающимъ, глухимъ звукомъ.

— Какъ-же васъ отпустили одного—и такъ опасно раненаго?

— Я тайкомъ уѣхалъ... ой-о-о-й... чтобъ видѣть ваше высокопрев... о-о-о-й... господи!...

Генераль, разстроенный такимъ грустнымъ фактомъ, хотя повидимому и не безусловно повѣрилъ добровольцу, но отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ—принялъ самое горячее участіе. Раненому, выдали нѣсколько дукатовъ (въ видѣ единовременнаго пособія) и, по распоряженію генерала, сейчасъ-же были посланы штабные офицеры съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ немъ — въ госпиталѣ и въ штабѣ дивизіи, которыя если окажутся удовлетворительными — оправдаютъ показанія больного, то рѣшено было выдать ему пособіе изъ комитета, наградить — Таковаи медалью и, изслѣдовавъ причину безпорядковъ въ госпиталѣ, обратить на нихъ вниманіе врачебной администраціи. Словомъ—благодаря присутію генералу состраданію и его добродушію, все было сдѣлано въ пользу раненаго и освѣщенія этого темнаго факта. Но все это повело, къ весьма грустной истинѣ—еще болѣе убѣдившей въ неблаговидности „господъ“ добровольцевъ.

Раненый страдалецъ, получивъ изъ рукъ генерала посильную помощь, сталъ стонать учащенно и подъ предлогомъ, что разболѣлась рана, уѣхалъ въ госпиталь—ранѣ посланнаго туда штабнаго офицера. Многихъ насъ—хотя и постороннихъ зрителей—заинтересовалъ этотъ фактъ: хотѣлось знать, чѣмъ это объяснится... мы стали ждать возвращенія командированныхъ офицеровъ и вскорѣ дождались ихъ. „Вотъ мазурикъ“... удивлялся возвращавшійся офицеръ.

— Кто мазурикъ?

— Да раненый-то этотъ.

— Какой?

— Да тотъ, изъ-за котораго я гонялъ по всему Бѣлграду.

— Вотъ, что пріѣзжалъ къ генералу сегодня?

— Да, да.

- Что-же оказалось?
- Мазурикъ!... вотъ что. Въ „женскомъ дружествѣ“, онъ никогда не лежалъ; въ дивизіи, тоже ничего не знаютъ. Надуть хотѣлъ, мошенникъ! хорошо, что догадались справиться—захватилъ немного...
- Какъ! развѣ онъ не раненый? — спросило нѣсколько голосовъ.
- Раненъ-ли, не знаю; но ни въ „женскомъ дружествѣ“, ни въ дивизіи, объ немъ не слыхивали.
- Ну что въ дивизіи не слыхивали — это не удивительно — тамъ чертъ толку не добьется... А вотъ въ госпиталѣ, должны-бы знать, кажется.
- Тамъ и знаютъ, что такого никогда не бывало... мазурикъ! чего тамъ философствовать.
- Полноте!.. неужели мазурикъ безусловный?
- Условный-ли — подите разузнайте... а я вамъ фактъ сообщаю.
- Если такъ, то очевидно, что съ улицы мазурикъ.
- Ну да все равно: съ улицы, или изъ комнаты... мазурикъ — и того довольно. Пойду — доложу, съ досадой скажаль офицеръ.
- Вскорѣ, эти свѣдѣнія вполнѣ оправдались (съ незначительными лишь измѣненіями); оказалось, что пріѣзжавшій тяжело раненый — пріобрѣтшій извѣстность мошенникъ; что въ „женскомъ дружествѣ“ онъ лежалъ дѣйствительно, но не раненымъ, а больнымъ лихорадкой, и выписанъ оттуда по настоянію больныхъ его сотоварищей, жаловавшихся на него госпитальному начальству, какъ на человѣка, не признававшего правъ чужой собственности, и что пріѣздъ его къ главнокомандующему — маневръ выманить деньги (денегъ-то, подумаешь, сколько!...).

Получивъ эти свѣдѣнія и вполнѣ оправдывая поведеніе генерала, относительно меня—желавшаго поговорить о будущихъ запискахъ—я отправился домой, довольный видѣннымъ и слышаннымъ... „Вотъ уже до чего дошло!“ сказалъ мнѣ одинъ порядочный доброволецъ. „Да, батюшка—остается ждать лучшихъ бенефисовъ... народъ вѣдь отпѣтый—на что угодно отчаянное годный“, подсказалъ другой—совсѣмъ незнакомый.

Участникъ и очевидецъ.—Забрались наши за Дунай.—Я потомственный дворянинъ.—Въ военномъ госпиталѣ и у всенощной.—Готовность ѣхать въ Индію и очевидныя наблюденія Европы.—Не застѣнчивый представитель печати и распространившаяся язва.—Отъѣздъ г-ла Черныяева.—Нечего тутъ дѣлать больше.—На возвратномъ пути, въ Россію.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ дней, встрѣчаюсь я въ кафанѣ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ (участникомъ Алексинацкой вылазки подъ предводительствомъ Лудова) *). „Что—спрашиваю его—давно-ли пожаловали въ столицу?“

— Да вотъ уже недѣли три шляюсь — не знаю куда дѣться.

— Какъ не знаете! а въ Россію?

— Въ Россію-то я готовъ-бы хоть сію минуту, да ляржану не имѣется; вотъ горе въ чемъ.

— Идите въ комитетъ; тамъ и дадутъ на дорогу.

— Успѣли-съ... свое не подарили... вздыхая протянулъ онъ съ грустью.

— Ну такъ чего-жъ вамъ еще надо? на дорогу хватить, хотя и не съ комфортомъ.

*) О немъ-же говорится во 2-й части.

— Нечему и хватить-то... безъ насъ распорядились...

— Какъ—такъ?

— Да такъ вотъ — распорядились... Теперь и шляйся по кафанамъ.

— Да если-жъ вашимъ добромъ распорядились, то вы-то чего смотрѣли — позволили распорядиться?

— Кошелекъ свой — да плохо: ловкими руками дѣйствовали.

— Неужели украли?

— Да-съ, батюшка... и сутокъ въ карманѣ не пробылъ: утромъ получилъ, а вечеромъ простился...

— Что-жъ вы, заявили на кого нибудь подозрѣніе?

— Чего ради заявлять-то я буду?

— Да того, что-бъ вора розыскали?

— Сегодня пріѣхаль — подумаешь — проповѣдуетъ истины какія: „чтобъ вора розыскали“; его и розыскивать-то нечего — куда и не уходилъ... да что толку въ этомъ, когда ни суда, ни наказаній... Произвольно если раздѣлаешься — и правъ будешь, а то и самому попадетъ — не жалуйся. Какія тутъ подозрѣнія... теперь и я сталъ норовить, какъ-бы стянуть чьи нибудь дукаты — свое вернуть...

— Ну, батюшка, въ этомъ мало толку: попадетесь если — угостятъ, что вѣкъ помнить будете.

— Въ этомъ-то вся и задача, что духу не достанетъ — попадешься... а то-бы и желать больше нечего. А ужъ по дыщу случай — прошу не гнѣваться: поберегу и совѣсти не побоюсь.

— Полноте вы, Ѳедоръ Васильевичъ! никогда я вамъ не повѣрю.

— Тѣмъ лучше: украду — не заподозрять; кто если и

скажетъ, что вотъ стащилъ у меня то-то... не повѣрять, скажутъ: „куда — мы знаемъ его за честнаго...“

— Ахъ, шутникъ вы этакой! и Дюнишъ на васъ не подѣйствовалъ, а ужъ чего, кажется, плохо приходилось...

— Нельзя сказать, что и плохо ужъ безусловно, а такъ — подъ конецъ жутко стало, это правда.

— Какой тамъ чертъ „подъ конецъ“, когда все время жарили — куда ни повернись! возразилъ близидѣвшій доброволецъ, оказавшійся сослуживцемъ Оедора Васильевича.

— Ну что-жъ съ того, что „жарили“! на войнѣ всегда „жарятъ“, а то какъ-же... но это не значитъ плохо: когда войска проникнутыя паникой, бѣгутъ безъ оглядки — вотъ это плохо... старался увѣрить Оедоръ Васильевичъ.

— Ну да за этимъ, вѣдь, — дѣло не стало: увидя турокъ, только пятками мелькали.

— И былъ ты тамъ, и чушь вѣдь какую порешь! напустился Оедоръ Васильевичъ — кто тамъ пятками мелькалъ, интересно!... Отступали, какъ и всегда войска отступаютъ. А овъ — „за этимъ дѣло не стало, пятками мелькали“, не сетъ ерунду несообразную, передразнивая, сердился Оедоръ Васильевичъ.

— Ну ужъ братъ, не знаю, кто изъ насъ чушь поретъ... со мной-то каждый согласится — повторить то же самое, а ты, вотъ, найдешь-ли охотниковъ отрицать сущую истину. Кажись, что нѣтъ... Удирали, вѣдь, на славу... сознайся...

— Ерунда-съ... ерунда-съ... и двадцать разъ, ерунда-съ!.. никто не удиралъ, а отступали, и то уже — когда слишкомъ опасно стало — турки заняли высоты! гинялся Оедоръ Васильевичъ.

— Не то, что двадцать, а и сорокъ назови — не стану отрицать, что своими глазами видѣлъ. Какъ только турки

показались, подъ огнемъ стали наступать открыто, такъ въ цѣлыми бригадами — давай Богъ ноги... только однѣ чернорорцы отстрѣливались, чести ради. А подъ конецъ, и они команды не стали дожидаться — кто куда... подобравъ полы, скорѣе всякой кавалеріи.

— Да я вѣдь самъ въ тотъ день участвовалъ, и отступалъ!... что-жъ ты мелешь-то, не зная! ты вѣдь въ строю не былъ?

— Оттого-то больше твоего и видѣлъ, что въ строю не былъ: тебѣ не до наблюденій было; въ виду турокъ, только-бы удрать своевременно, а я все время у моста находился и какъ нелзя лучше видѣлъ ваше бѣгство... Повѣрите-ли, скорѣе кавалеріи поспѣвали — обратился ко мнѣ сослуживецъ Федора Васильевича.

— Чучело ты гороховое — „поспѣвали“!... самъ въ кустахъ сидѣлъ... „поспѣвали“!...

— И чего-ты злишься — скажи на милость Божію?

— А того вотъ, что врешь безъ запинки. „Поспѣвали“!... протянулъ онъ, сооривъ такую мину, что мы невольно расхохотались...

— Ну братецъ мой, смотрѣть на тебя — умирать со смѣху нужно, такая рожа стала...

— Рожа стала... ты-бы самъ своей рожей не болталъ чепуху, ни съ чѣмъ несообразную. „Поспѣвали“!... твердить одно и то же.

— Правда-же, голубчикъ — Бога бойся! вѣдь не тебѣ судить — участнику, а мнѣ — очевидцу!

— Очевидцу... расквасилъ длинную харю... тебя-бы послать сражаться — очевидца... посмотрѣли-бы...

— Ну что-жъ, и я по вашему-бы улепетывалъ, въ слу-

чаѣ пришлось-бы круто... чувство самозащиты — на первомъ планѣ.

— Не о „самозащитѣ“ воинъ долженъ думать, а о томъ, чтобъ одолѣть противника!... „Чувство самозащиты“ проповѣдуешь.

— Ну — при Дюнишѣ меньше всего объ этомъ думали...

— Васъ-бы туда — очевидцевъ. . лучше-бъ отличились...

— И стоитъ-ли, Ѳеодоръ Васильевичъ, сердиться изъ-за этого!... такъ-ли, иначе — Дюнишъ взятъ и все проиграно; правильно-ли отступали, или панически бѣжали — фактъ совершился — его не вернешь.

— Досадно вѣдь, что толкуешь, не зная!

— Ну оба при своемъ и останьтесь! И я — если ужъ пошло на откровенность — соглашусь скорѣе съ нимъ, чѣмъ съ вами, — что въ роли очевидца онъ лучше могъ подмѣтить, чѣмъ вы, отступая все-жъ-таки въ безпорядкѣ: что ни говорите, а у страха глаза велики; а кто имъ бываетъ проникнуть, тотъ забываетъ и упускаетъ многое.

— Не удивительно, что проникнуть — и вы-бы, на моемъ мѣстѣ, были проникнуты; но зачѣмъ чужъ нести несообразную, когда самъ не испыталъ! отступали — ну и довольно скоро (замялся онъ), но не удирали — какъ онъ утверждаетъ.

— Ну да... вы другимъ лишь языкомъ объ этомъ говорите, а онъ болѣе просто свою мысль выражаетъ; но въ главномъ, вы сходитесь — что „скоро отступали“.

— Что говорить... объ этомъ нечего и спорить... скоро, да какъ еще — но стройно, вотъ за что я стою, оправдывался потѣшный Ѳеодоръ Васильевичъ.

— Богъ съ тобой! я согласенъ назвать — паническое бѣгство — скорымъ отступленіемъ.

— Паническое бѣгство... рыцарь какой нашелся... кривляясь

закончилъ Оедоръ Васильевичъ. Такъ я его и не успо-
коилъ, стоявшаго за стройное отступленіе при Дюнишѣ.

Уже давно поговаривали въ Бѣлградѣ, что добровольцы (счастливо игравшіе и успѣшно получавшіе „гдѣ возможно“), ѣздить за Дунай, въ австрійскій городокъ Землинъ, и тамъ отводить душу. Поговаривали и о томъ, что отводить душу тамъ пріятно, что австрійцы, радушно принимаютъ русскихъ, и что времяпровожденіе тамъ не только пріятно, но и дешево баснословно: на какой-нибудь гульденъ—другой и выпивка и закуска, а на третій—и угощеніе хорошенъкихъ венгерокъ, неизбалованныхъ роскошью, какъ наши дамы полусвѣта. Наслушавшись такихъ отзывовъ о задунайскихъ прѣлестяхъ—я, бывшій мой начальникъ (штабъ-офицеръ, съ тонкими усами), да наши знакомые—москвичъ-славянскій дѣятель и милѣйшій прусскій капитанъ, баронъ N, условились побывать въ Землинѣ; и, воспользовавшись, какъ-то, хорошей погодой, забрались туда вечеромъ. Путешествіе туда, тѣмъ болѣе было пріятно, что приходилось переѣзжать рѣку на лодкѣ, что въ хорушую погоду не лишено удовольствія. Вообще, побывать за Дунаемъ, гдѣ водились и власти и законы, было интереснѣе, чѣмъ сидѣть въ Бѣлградѣ и смотрѣть на произволъ и скандалы.

Причаливъ къ Австрійскому берегу и предъявивъ паспорта властямъ, мы—на своихъ—отправились въ городъ (отстоящій съ версту отъ пристани), прямо въ гостинницу, съ цѣлью расположиться и тогда уже посвятить себя развлеченіямъ. Цѣль наша вскорѣ была достигнута; номеръ съ четырьмя постелями нашелея къ нашимъ услугамъ, за три гульдена въ сутки; а черезъ полчаса мы уже бродили по узкимъ землинскимъ улицамъ, совѣщаясь съ чего начать и

куда зайти прежде всего. Но какъ было и рѣшить это, не зная ни города, ни его жизни. „Да вотъ зайдемъ сюда, посмотрѣть—взгляните, что за освѣщеніе“, предлагалъ штабъ-офицеръ, съ тонкими усами, указывая на освѣщенное одноэтажное зданіе.

— А что-жь... зайдемте, соглашалось большинство, чему и послѣдовала вся компанія. Мы вошли подъ ворота и, послѣ несложныхъ разспросовъ у кассы, узнали, что тутъ готовится дѣтскій танцевальный вечеръ, а послѣ балъ для взрослыхъ, съ платою по гульдену за входъ. Довольствуясь первой удачей поисковъ за развлеченіями, мы взяли билеты, и (хотя еще вечеръ не начинался) вошли въ тускло освѣщенный балльный залъ, гдѣ уже стали собираться—пачаши, мамыши, гувернеры и гувернантки съ своими разодѣтыми крошечными франтами и франтихами. Хотя я и зналъ, что скромность, расчетъ и умѣніе — отличительныя черты нѣмцевъ вообще, но тутъ, не смотря на такое предвзятое мнѣніе въ ихъ пользу, былъ удивленъ многимъ: общественный строй и частная ихъ жизнь мало мнѣ были знакомы. „Одно другаго лучше и осмысленнѣе“, сказалъ мнѣ москвичъ, глядя на веселившихся крошекъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы вошли въ залъ, начались дѣтскіе танцы, приведшіе насъ (добровольцевъ) въ восхищеніе! Эти дѣти, не смотря на не важное свое происхожденіе (Земляны, вѣдь, городокъ съ трудящимся населеніемъ и общество его состоитъ преимущественно изъ ремесленного класса), казались дѣтьми „нашихъ баръ“ — стоящихъ тысячей своимъ родителямъ: и нѣжная наружность, и манера, и нарядъ (хотя и скромный, но изящный), и умѣніе — все было въ ихъ пользу, все говорило за себя и доказывало, до чего высокъ общій уровень развитія, до чего развита нравственность въ среднемъ классѣ — какъ правильно отцы и матери, понимаютъ свои обязанности и, готовя дѣтей на трудовой путь

жизни, не забываютъ и о внѣшнемъ воспитаніи, необходимомъ для каждаго порядочнаго человѣка, въ какой-бы онъ обстановкѣ и средѣ не жилъ. Смотря на это общество низшаго нѣмецкаго класса, невольно приходилось удивляться и любоваться его видомъ, а между тѣмъ, изъ кого оно состояло?—изъ того, на что на Руси, нельзя было-бы, не только смотрѣть и любоваться, а и носу сунуть въ ту кухмистерскую, гдѣ затѣяло-бы танцы такое общество. Да и затѣяло-бы-ли?... выпивку и разность—пожалуй, затѣяло-бы, а танцы и скромное времяпровожденіе, ему не по праву... Однако, вернусь къ балу.

Теперь, подъ звуки стройной польки, пустились маленькія пары и своими изящно обутыми ножками, легко и красиво выдѣлывали па. А взрослые, сидя и наблюдая, видимо на половину, горѣли желаніемъ принять участіе въ танцахъ—хотя-бы и ранѣе назначеннаго часа.

— Смотрите, нашихъ набралось сколько!... обратился ко мнѣ штабъ-офицеръ, съ тонкими усами, указывая на группы добровольцевъ у входа, привлечшихъ общее вниманіе, не танцующей публики.

— И чего-бъ имъ во всеоружіи являться!... удивлялся москвичъ, не безъ основанія.

— Да такъ-ужь—безопасности ради.

— Ну, батюшка, имъ то ужь чего бояться! Скорѣе—ихъ... безъ скандала, вѣдь, не обойдутся.

— Тутъ, пожалуй, не посмѣютъ.

— Удивительно!... чего имъ тутъ бояться; австрійцы—вѣжливы довольно... а если-бъ вздумали укрощать кого, то ихъ, вѣдь, этимъ не остановишь.

— Ну, да такъ-то, такъ... но все-жъ-таки мнѣ не кажется, чтобъ они и тутъ скандалъ затѣяли.

— Дай-то Богъ, а то и намъ совѣстно будетъ.

— А намъ-то что!.. пусть ихъ головами ходять.

— Все-жь не ловко: они вѣдь русскіе.

— Тогда, уйдемъ лучше отсюда, предлагалъ штабъ-офицеръ.

— Куда уйти — погодите! тутъ мило проведемъ время, удерживалъ москвичъ.

— Grand rond! grand rond! нѣмецкіе колбасники!... слышалось въ группѣ добровольцевъ, и одинъ изъ нихъ, высокій въ буркѣ, предсталъ предъ изумленной публикой, продолжая кричать „Grand rond“!...

— Ну разошелся!.. пусть пляшетъ мелочь, а тамъ и мы будемъ... увѣщевалъ другой, взявшійся за плечо выступившаго дирижора, и вмѣстѣ съ нимъ шатаясь въ разныя стороны.

— Постои! чего присталь!.. Grand rond!.. колбасники! настаивалъ доброволецъ въ буркѣ.

— Вотъ вамъ!.. „мило проведемъ время“ — любуйтесь!.. роптала наша компанія. Появленіе кричавшаго добровольца, панически подѣйствовало на дѣтей; они бѣжали по разнымъ направленіямъ, отыскивали своихъ родныхъ и, дрожа отъ страха, кидались въ ихъ объятія. Музыканты перестали играть; а распорядители и законный дирижоръ танцевъ, подбѣжали къ невѣжливому гостю и вступили въ горячія объясненія — но что изъ нихъ могло и выйти на нѣмецкомъ языкѣ!... Доброволецъ, только и знавшій по „иностранному“ — что Grand rond“, мало понималъ своихъ собесѣдниковъ и, въ свою очередь (правда, весьма не кстати), отпускалъ внушительныя русскія слова , ... чувствуя, при этомъ, и родныхъ накинувшихся нѣмцевъ... Картина, такъ сказать, сразу измѣнилась: пріятные звуки чешскаго оркестра, красивые дѣтскіе танцы и оживленный говоръ общества, смѣнились на-

скандалъ — никакъ ужъ не балнаго содержанія. Да кто знаетъ — пожалуй, вышла-бъ и драка, еслибъ большинство добровольцевъ не перешло на сторону нѣмцевъ — этому только и должны быть обязаны землинцы, что дирижоръ въ буркѣ отъ казался отъ своей роли и балъ возобновился съ удвоеннымъ оживленіемъ. Благодарные нѣмцы, стараясь выказать намъ (укротителямъ дирижора), любезность, стали угощать кофіемъ, конфектами и сигарами — правда, такими, что языкъ окоченѣлъ-бы, закурить-бы вздумалъ, кто — но все-жъ таки угощали „чѣмъ Богъ послалъ“, какъ говорится. „Каковы ферфлюхтеры... шелковыми стали“, сказалъ мнѣ близстоявшій доброволецъ, закуривая, только-что предложенную сигару и скорчивъ при этомъ кислую рожу: „эка колбасники, курятъ какую гадость“, поплеывая, сталъ роптать онъ, не совсѣмъ довольный шелковитостью...

Но вотъ — кончилась полька, послѣ вальсъ — „анъ-цвай-драй“, а въ заключеніе — удивительно точно исполненная кадрили — и конецъ дѣтскому веселью. Послѣ небольшого антракта, протрубили сигналъ къ кадрили же, и заметались кавалеры по залу, ангажируя и уводя своихъ дамъ. Даже нѣкоторые добровольцы, приколотившіе для сего случая огромные шиоры, подцѣпили, легко смотрѣвшихъ на жизнь нѣмокъ и, подводя ихъ къ чертѣ выстроившихся къ танцамъ, издавали такой звонъ, что дамы, какъ видно, неосвоенныя съ кавалеристами, сосредоточили все свое вниманіе на шиорахъ, недоумѣвая этому „бряцавшему орудію“... Но интереснѣе всего то, что кавалеры, издававшіе такой звонъ, мало знакомые съ нѣмецкою рѣчью — на вопросы и обращенія своихъ дамъ, отвѣчали или по русски, или, замѣчая удивленіе на лицахъ собесѣдницъ, дополняли миміею — разводя при этомъ руками и корча такія рожи, что, смотря со стороны, приходилось по-

мирать со смѣху. А когда у нихъ дошло до разговора о шпорахъ, то добровольцы, сиюсь доказать причину неслыханнаго въ Землинѣ звона, стали подымать ноги и, поднося каблуки чуть не подъ носъ собесѣдницамъ, задѣвали (по неосторожности) ихъ туалеты, а нѣкоторымъ изъ нихъ (внезапно опустивъ ноги на полъ), ушибли колѣни, что вызвало общее негодованіе и ссору — дамъ съ кавалерами еще до начала кантрили. Вся публика занялась этой сценой и, узнавъ причину, ложилась со смѣху.

— Что онъ съ ней дѣлаетъ! смотрите!... ужасался москвичъ, указывая на добровольца, подхватившаго свалившійся шиньонъ своей дамы и тщательно прикрѣплявшаго этотъ уборъ къ головѣ послѣдней.

— Видите-же, что шиньонъ прикалывается.

— Что-жь онъ вздумалъ, развѣ это его дѣло!..

— Не его, но по его винѣ случилось.

— Какъ по его! шиньонъ вѣдь самъ свалился!..

— То-то, что не самъ, а по милости неловкаго кавалера, задѣпившаго рукой не осторожно.

— Да, хотя-бы и такъ; но вѣдь она рвется какъ — смотрите!..

— Ну что-жь изъ того, что рвется... Пока не поняла въ чемъ дѣло — а тамъ спасибо скажетъ, коль увидитъ изъ-за чего кавалеръ бился.

— Ну да, все это прекрасно... но и о приличіи забывать не слѣдуетъ.

— Да этимъ, вѣдь, приличіе не нарушается — лишнее рвеніе только... Къ тому-же и она, какъ видите, довольна, что подняли шиньонъ — успокоилась и приласково улыбается.

— Ей-то все-равно — подымай что угодно... но ему... онъ-то поусердствовалъ чрезъ мѣру, находилъ изумленный москвичъ.

— Карошъ кавалеръ... и дамъ карошъ... обратился ко мнѣ подошедшій баронъ N, указывая на только-что переставшую возиться, съ шиньономъ, парочку.

— Да, они хороши, это вѣрно.

— Очень карошъ, очень карошъ, утвердительно кивая головой, повторялъ нѣмецъ. Но вотъ, заигралъ оркестръ, и пары зашевелились; по командѣ вошедшаго въ роль танцмейстера, началась первая фигура кадрили. Добровольцы—то и дѣло, цокая шпорами и топая каблуками, отпускали такіе канканы, что только отсутствіе хвостовъ у платьевъ разсчетливыхъ нѣмокъ, спасло ихъ отъ неизбежныхъ въ такихъ случаяхъ приключеній—въ родѣ неудачныхъ паденій, неприличныхъ лежаній и продолжительныхъ вставаній, посреди массы подбѣжавшихъ на помощь зрителей. „Цвай фигуръ“, закричалъ танцмейстеръ—и музыканты въ одно мгновеніе повиновались его волѣ.

Протанцовали первую кадрили, нѣсколько полекъ, вальсовъ и такъ уже, часу въ двѣнадцатомъ начали вторую, какъ вдругъ, послѣ раздавшейся команды „драй фигуръ“—„воры, штабные! и вы сюда“! послышалось чье-то восклицаніе—но такое, что, не смотря на сильный мотивъ начала „драй фигуры“, всѣмъ донеслась до ушей эта прискорбная, хотя и не касавшаяся насъ истина. Публика, не принимавшая участія въ танцахъ, переглянулась съ удивленіемъ, отыскивая глазами виновника происшедшаго, а танцовавшая—смутилась и стала дѣлать ошибки въ „драй фигуръ“, — путаться, попадать не въ свои интервалы и. сталкиваясь съ чужими ви-за-ви, кланяться и извиняться другъ передъ другомъ. Словомъ „драй фигура“ второй кадрили походила, на лянсѣ, но такое, о которомъ люди знакомые съ этимъ красивымъ танцемъ и малѣйшаго понятія не имѣютъ. Что случилось-бы съ четвер-

тою фигурой—предвидѣть трудно; весьма можетъ быть, что она-бы и на лянсіе уже не походила, а на какую-нибудь индейскую пляску. Но это, я думаю, предвидѣль и виновникъ неожиданной выходки: онъ съ удвоенною силой, снова закричалъ „воры штабные! пороть всѣхъ буду“—чѣмъ окончательно разстроилъ танцы. И балъ принялъ видъ общаго смятенія, подобно тому, какъ это случилось при крикѣ „Grand rond колбасники“.

— Что вы, съ ума спятили! чего вы орете!... напустился было штабъ-офицеръ съ тонкими усами, на пьянаго субъекта, ворвавшагося въ дверь съ улицы.

— Вы что за птица такая!.. всю рож...! раскалач...! кидаясь на штабъ-офицера, кричалъ доброволецъ, и, замахнувшись, съѣздилъ..., какъ говорится—но не штабъ-офицера, успѣвшаго увернуться, а одного изъ нѣмцевъ, имѣвшаго несчастье стоять близко. Но тутъ уже герою не простили: пострадавшій нѣмецъ (оказавшійся однимъ изъ уважаемыхъ гражданъ города) бросился на добровольца, а за нимъ и нѣсколько другихъ, и, съ бранью въ-перемежку, пошла потасовка... только отчетливыя пощечины, давали понятіе о ходѣ свалки. Накинувшіеся нѣмцы дрались съ такимъ ожесточеніемъ, что мы хотя и не защитники ворвавшагося нахала, но сочли долгомъ вступить за него; принялись уговаривать остальныхъ, повліять на напавшихъ, нарисовавъ имъ весьма рельефно всѣ послѣдствія, въ случаѣ убьютъ добровольца... „гутъ капитенъ, гутъ“, успокоивалъ меня почтенный нѣмецъ, направляясь къ тому мѣсту, откуда доносилась брань и все еще не ослабѣвшее ожесточеніе. Но желаніе наше положить конецъ скандалу не увѣнчалось успѣхомъ: тамъ дрался съ нѣмцами, уже не одинъ доброволецъ, а нѣсколько—принявшіе его сторону, и драка, мало

того, что усложнилась, но перешла въ отчаянную... Подойти туда съ примирительною цѣлью—значило подвергнуть себя неза-служеннымъ оплеухамъ, а получить ихъ—ни мы, ни тѣмъ болѣе почтенный нѣмецъ, вовсе не желали. И, сочтя за болѣе рачіональное придержаться политики невмѣшательства, остались лишь зрителями происходившаго.

Но прослѣдимъ, что дѣлалъ прекрасный полъ въ это время: онъ метался по свободному отъ боя пространству, и, вскрикивая изъ опасенія—кто за мужа, кто за брата, а кто за милаго своего, рвался туда—поближе къ дѣйствию, какъ бы желая повліять благотворно своимъ присутствіемъ. Но какъ допустить дамъ до этого, было-бы неблагоразумно (могло и имъ попасть на скорую руку), то остававшіеся свободными кавалеры, старались удерживать ихъ порывы, и, не успѣвая увѣщаніями, ловили стремившихся—на пути къ дракѣ, бережно отводя назадъ, усаживая на диваны и освѣжая холодною водою. Въ общемъ — стремленіе съ предупредительностью составляли такой комичный танецъ, что, смотря на него, невольно забывалось все остальное. „Вотъ, батюшка, балъ—такъ балъ“... сказалъ мнѣ москвичъ, пожимая плечами при видѣ столкнувшейся дамы съ поймавшимъ ее кавалеромъ. „Да-съ... замѣтно, что наши тутъ“...

Къ счастію нашему, а тѣмъ болѣе австрійцевъ (потому что успѣхъ боя былъ на сторонѣ добровольцевъ), явилась полиція, жандармы и всякія власти, и всѣхъ участниковъ драки—виновныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ, увели куда-то... Взятые добровольцы, уходя, въ душѣ пропѣли: „слава Богу, слава намъ—ихъ забрали и мы тамъ“; оставшаяся свободною публика стала расходиться по домамъ—охая и передавая другъ другу свои впечатлѣнія неудавшагося бала; прислуга, принялась подбирать обломки вышибленныхъ дверей

и стеколь на мѣстѣ происходившей свалки, а мы, довольные политикою невмѣшательства, потянулись вдоль по улицѣ, весьма узкой — куда-нибудь на огонекъ... еще, вѣдь, было не такъ поздно — всего первый часъ въ началѣ. Ну и развлечься, послѣ сильныхъ впечатлѣній, чувствовалась насущная потребность. „Куда-же мы? или такъ — безъ опредѣленной цѣли?“ спросилъ я своихъ спутниковъ.

— Дайте придти въ себя, подышать воздухомъ, послѣ уже рѣшимъ куда... упрашивалъ счастливо отдѣлавшійся штабъ-офицеръ съ тонкими усами.

— Да хорошо подышать воздухомъ — но куда-же идти-то — по какому направленію?

— Такъ и пойдемъ прямо... это вѣдь главная улица... Каковъ разбойникъ! чуть не задѣлъ — такъ здорово живешь... мазурикъ.

— Да, вѣдь, вы первый его задѣли — сдѣлали замѣчаніе.

— Ну да, сдѣлалъ! нельзя-же было оставаться равнодушнымъ зрителемъ такого нахальства!

— Если рискуешь поплатиться фizioноміей, то, по моему, куда лучше остаться, хотя-бы и равнодушнымъ въ подобномъ случаѣ. Хорошо — нѣмецъ подвернулся, вмѣсто васъ, ему попало... а не случись этого, тогда-бъ вамъ сухимъ не выйдти... и чѣмъ-бы кончилось — предвидѣть трудно; вмѣшались-бы, пожалуй, и мы, а тамъ Богъ вѣсть что бы вышло...

— Жаль мнѣ и нѣмца — но все-же лучше, что ему, а не мнѣ попало.

— Ну да и нашимъ задали порядкомъ... у всѣхъ рожи на бокъ свернуты... А ферфлюхтеры — я нѣкоторыхъ видѣлъ — такъ на себя не стали похожи: морды въ крови, сорочки и пиджаки кусками на избитыхъ плечахъ повисли!..

у нѣкоторыхъ, усы и баки ключьями повырваны... страшно смотреѣть... ужась что такое! рассказывалъ москвичъ.

— Жасно крѣпко билъ... ваши карошъ бьетъ... при-серьезно закончилъ баронъ N.

— Какой тутъ чертъ наши!.. сбродъ отовсюду!.. наши на балахъ не дерутся, вступался москвичъ.

— Вашъ деретъ карашо... очень карашо...

— Да не наши! поймите вы, наконецъ. Это разбойники! а не наши...

— Та... вашъ карашо бьетъ... очень карашо...

— Вотъ не угодно-ли разувѣрить... приналегъ на „карашо бьетъ“ и хоть ты ему тутъ—что хочешь!..

— Куда ихъ веѣхъ увели—интересно... интересовался штабъ-офицеръ.

— Въ полицію должно быть, а то куда-же.

— Да что они тамъ будутъ дѣлать съ ними; вѣдь ни правыхъ, ни виновныхъ не найдутъ: кого ни спроси—каждый изъ нихъ дрался.

— Они и искать-то, я думаю, не будутъ... куда тамъ... продержатъ до утра—пока страсти улягутся.

— Нѣтъ, нахала-то этого, слѣдовало-бы проучить, какъ съ старшими обращаться.

— Куда тутъ, батюшка, до ученій... не въ такой край попали: царствіе свободы процвѣтаетъ. Въ Бѣлградѣ—не до того; тамъ ко всему привыкли, а тутъ сочтутъ за лишнее—по судамъ таскать этихъ франтовъ... такъ и пройдетъ безслѣдно.

— Посмѣлъ-бы онъ меня въ Россіи... да въ моемъ эскадронѣ... я-бъ ему показалъ гдѣ раки зимуютъ... А тутъ—что подѣлаешь... уйди да поклонись, что не попало.

Такъ, передавая другъ другу свои умозаключенія, мы не-

замѣтно прошли всю главную улицу и, уткнувшись въ ея оконечность, сворачивающую въ переулокъ на право, почти машинально остановились и смолкли—вслушиваясь въ доносившіеся звуки отчетливой мазурки „Гдѣ это?“ ... спросилъ кто-то изъ насъ.

— Да вонъ—въ этомъ домикѣ, должно быть... сказалъ москвичъ, указывая на маленькое, бѣлое зданіе, съ двумя фонарями у входа. Не дожидаясь и не возражая, мы направились къ домику, откуда, по мѣрѣ приближенія, все вниманіе и вниманіе доносились звуки мазурки—а, подойдя къ дверямъ, нельзя было и сомнѣваться въ такомъ предположеніи; музыка гремѣла, привлекая все новыхъ, желавшихъ отвести душу, посетителей. Мы вошли... и сразу поняли, что попали въ кабакъ; но какъ это было для насъ новостью, дававшею понятіе о жизни простаго класса въ краѣ, то мы даже радовались такой случайности, и, пройдя въ другую комнату, наполненную разнообразнымъ людомъ, усѣлись за столъ, крикнувъ въ одинъ голосъ: „гибенъ зи бирь!“. Только баронъ N (какъ видно не привыкшій въ Пруссіи бывать въ такомъ обществѣ) косился и строилъ гримасы, но вскорѣ и онъ произнесъ то же самое... Намъ подавъ шустрый, съ бѣлымъ передникомъ мальчишка нѣсколько кружекъ пива и компанія, стала подражать общему строю—болтать и осушать кружки, ежеминутно наполняемые услужливымъ мальчуганомъ.

Первая комната, гдѣ помѣщались бѣдняки-музыканты, и вторая—болѣе комфортабельная, были наполнены народомъ; рабочій классъ, австрійскіе пѣхотинцы (солдаты) и простой людъ (провинціалы) составляли здѣшнюю публику. Вся она усѣвшись за большими и маленькими столами, пила пиво и курила крученые листы сквернаго табаку, разсуждая при этомъ съ такимъ оживленіемъ и хлопая оркестру съ такимъ увлеченіемъ, что на лицѣ каждаго посѣтителя читалось удоволь-

ствіе и вполнѣ беззаботное, времяпровожденіе. Нѣкоторые изъ нихъ (въ большинствѣ военные) пили вдвоемъ изъ одной громадныхъ размѣровъ кружки, составлявшей какъ-бы звено ихъ дружбы и неподдѣльнаго расположенія другъ къ другу. Въ числѣ гулякъ и одинокаго народа, много было и людей семейныхъ, занявшихъ отдѣльные столы и также пившихъ беззаботно. А внимательные хозяева кабачка, сохраняя тактъ и собственное достоинство, видимо вліяли на веселое настроеніе и гармонію гостей: тучная, розовая нѣмка-хозяйка сидѣла на высокомъ мѣстѣ за прилавкомъ и, улыбаясь, разливала пиво, получала деньги и отсчитывала сдачу; а ея супругъ—высокій, объемистый блондинъ, въ парусиновомъ костюмѣ, покуривая сигару, обходилъ столы и, останавливаясь почти у каждой компаніи, заговаривалъ ласково — съ одними здороваясь, съ другими пошучивая, съ третьими серьезно разсуждая, а съ остальными (болѣе почетными) почтительно раскланиваясь. Онъ своей пріятной, ласковой наружностью вліялъ до того благотворно, что невольно пришлось задаться вопросомъ: почему это содержатели кабаковъ въ Россіи—народъ такой отпѣтый, внушающій антипатію съ перваго взгляда?.. Вѣдь тутъ—такіе-же люди, какъ и у насъ... Да и мало-ли какими еще вопросами пришлось задаться: все такъ чинно, мило и хорошо, что по-неволѣ ими задашься. Забывалось, что сидишь въ кабацѣ—думалось—въ клубѣ, въ какомъ нибудь своемъ уѣздномъ городкѣ; да и тамъ — куда хуже; безъ скандала вечера не знаютъ...

Смотря на эту публику въ австрійскомъ кабацкѣ, такъ скромно пировавшую и въ урочный часъ уходившую домой, на эту чинность и веселость, на этотъ шутливый говоръ, видимо осмысленный какою нибудь интересною темой, на это уваженіе посѣтителей къ другимъ,—смотря на это все и срав-

живая безобразную картину внутренней обстановки любого кабака въ Россіи (гдѣ кромѣ брани, драки, безчувственного пьянства и гнусныхъ явленій—ничего не найдешь), ставало и тяжело, и грустно на душѣ: „Боже ты мой, когда-же и у насъ, народъ станетъ такъ проводить время—когда дойдетъ до этого?“ думалось мнѣ. Но не успѣлъ я еще подѣлиться свѣжимъ впечатлѣніемъ съ своими компаньонами (кромѣ однако барона N, которому я и не гадалъ высказывать свою мысль объ этомъ), какъ музыканты (вѣроятно, угадавъ въ насъ русскихъ) грянули „Боже, Царя храни“, заставившее всѣхъ обратить на насъ вниманіе. „Вотъ народъ практичный—сейчасъ смекнулъ, что надо... такъ и быть—гульденъ ассигную“, разошелся-было москвичъ, довольный пріятною неожиданностью.

— А молодцы вѣдь!.. скорохонько догадались, чѣмъ русскаго разшевелить можно. Мы съ удовольствіемъ тутъ провели болѣе часу, пока не стали являться добровольцы и, усаживаясь за столы—звать прислугу, требовать и разносить... Теперь ужъ засиживаться не слѣдовало, ... „Уйдемъ, господа, пока не дошло до скандала, а то, вѣдь, съ цѣлой банкой не остаться“... совѣтовалъ (уже опытный) штабъ-офицеръ. И дѣйствительно, ничего не оставалось, какъ уйти „по добру-по здорову“.

Воспользовавшись удобнымъ ночлегомъ въ гостиницѣ, и вставъ довольно рано, мы вернулись въ Бѣлградъ.

Такъ закончились наши задунайскія развлечения, чуть не стоившія чести штабъ-офицеру съ тонкими усами. „Что-жъ, господа, не закусить-ли намъ вмѣстѣ—такъ ужъ ради компаніи“, сойдя на сербскій берегъ, предлагалъ москвичъ. „О-о-о!! карашо“, вторилъ баронъ N, и какъ уже было около одиннадцати часовъ, то и мы согласились съ ними. Нужно-и

ли говорить, что завтракать мы отправились въ гостинницу „Краля“, гдѣ нерѣдко происходили своего рода сцены

— Ракію!... давай!.. послышалось чье-то восклицаніе въ моментъ нашего появленія въ общей столовой „Краля“, и, пройдя дальше, мы узнали чье: облокотившись на бильярдъ и покачиваясь, съ трудомъ уже удерживался на ногахъ весь выпачканный грязью доброволецъ; его костюмъ, на-
двинутая на глаза шапка, отрошенная до пояса борода и все лицо, были залеплены густою грязью, — только, блестяшіе глаза и растворявшійся по временамъ ротъ напоминали въ немъ человѣка. А закрой онъ ихъ и молчи, то у каждаго, случайно взглянувшаго на него, легко-бъ могла разыгратъ фантазія и напомнить черта, недавно вылѣзшаго изъ грязи и забравшагося въ кафанъ искушать вѣрующихъ.

„Чего не видали!“.. прикрикнулъ доброволецъ на насъ и на другихъ, невольно разинувшихъ рты, всматриваясь въ его лицо — весьма плохое зеркало души въ данномъ случаѣ. „А вотъ — вами любимся“, ляпнулъ кто-то неосторожный.

— Я тѣ полюбуюсь... башибозукъ ты этакой!.. сжимая кулаки, произнесъ доброволецъ, и, вмѣстѣ съ резмахомъ руки (вѣроятно, съ цѣлью угостить автора „а вотъ, вами любимся“), ринулся на полъ — да съ такою силою, что свалилъ подъ себя и близстоявшихъ зрителей. Эти ни въ чемъ не повинныя жертвы, такъ неожиданно попавшія подъ неподвижную тушу, стали барахтаться подъ ней, силясь выбраться какъ-нибудь, на волю; но придавившій ихъ доброволецъ всѣми силами противодействовалъ такимъ усиліямъ и, вцѣпившись въ одного изъ нихъ, вымѣщивалъ на немъ всю злобу, приговаривая: „вотъ тѣ башибозукъ“, „любимся“ — такъ плотно придавивъ остальныхъ двухъ, что всѣ усилія послѣднихъ освободиться не достигали пока цѣли. Словомъ — произошло

нѣчто похожее на недоразумѣніе. „Душить!!!. освободите“!!!. неистово кричали придавленные жертвы. Кое-кто принялись унимать разсвирѣпѣвшаго гиганта и, схвативъ за руки, приподымать его съ полу, стараясь поставить на ноги. „Вонъ!!! а то убью, кого задѣну!“.. кричалъ онъ, уже обезсиленный; но никто этой, утратившей вліяніе угрозы уже не слушалъ, и только примчавшійся комендантъ сразу положилъ конецъ — кто знаетъ чѣмъ-бы окончившейся сценѣ. „Ты пьянствовать и драться по кафанамъ вздумалъ!!! взять его!“ крикнулъ комендантъ своему конвою, моментально накинувшемуся на указанную начальникомъ жертву.

— Какое право!!! голову разшибу!.. пусти!!! вырываясь изъ лапъ могучаго конвоя, кричалъ доброволецъ.

— Ну что не справитесь!.. взять, говорю!!!.. а то по зубамъ съѣзжу!.. терялъ уже терпѣніе комендантъ.

— Не смѣешь!!! Я потомственный дворянинъ и чиновникъ!.. кричалъ уводимый доброволецъ.

— Ладно!.. тамъ разберемъ... а пока „аре-воаръ“... дѣлая ручку, произнесъ комендантъ.

— Куда-же вы его? спросило нѣсколько человѣкъ.

— Въ крѣпость, тамъ пусть поживетъ. Повѣрите-ли — минуты нѣтъ покойной изъ-за этихъ разбойниковъ! такъ вотъ, по цѣлымъ днямъ и ночамъ, по кафанамъ рыскай — а то убьютъ, вѣдь, кто подвернется, коль не накроешь во время. Вотъ, хотя-бъ теперь — Богъ вѣсть какой-бы конецъ былъ, если-бъ не пріѣхалъ.

— Половину волосъ клочьями повывалъ, разбойникъ! ощупывая голову, жаловался потерпѣвшій по недоразумѣнію.

— Что волосы... меня всего изуродовать дьяволъ!.. держась за окровавленное ухо, рассказывалъ другой.

— И какая это тварь затѣяла!.. Ты вотъ — ни за что, ни

про что—возись теперь съ носомъ да зубами, ронтай третій, плюя кровью и прикладывая мокрую тряпку къ расцарапанному носу.

— Да-съ... батюшка—съ пьянымъ дѣла не имѣй, совѣтовалъ кто-то изъ опытныхъ.

— Заставили-бы вы меня съ нимъ дѣло имѣть—съ чертомъ!.. я вѣдь не лѣзь, а случайно подвернулся, оправдывался во-очію всѣмъ доказавшій, что „гдѣ два дерутся, третій носъ не суй“.

Пока велся этотъ разговоръ въ средѣ поплатившихся различными оконечностями, наша компанія усѣлась завтракать.

„Карошъ провольць... онъ карошъ пьетъ“, хвалилъ баронъ N.

— Его-бы выпоротъ хорошенько—этого хорошаго, находитъ полезнымъ штабъ-офицеръ съ тонкими усами.

— Выпирать! не нужъ выпирать, онъ карошъ пьетъ!..

— Не выбирать, а выпоротъ нужно-бъ...

— Не нужъ выпирать провольць, онъ карошъ!..

— Ну вотъ толкуйте съ нимъ: понравился доброволецъ и хоть ты что хочешь...

— Охота вамъ съ нимъ въ разсужденія пускаться! пойдетъ твердить свое, какъ со мной въ Землянѣ, такъ ужъ ни чѣмъ не разувѣришь, увѣрялъ москвичъ.

— И что-жъ тутъ удивительнаго, когда человѣкъ языка не знаетъ.

Давно и много было слышно объ удобствахъ и образцовомъ устройствѣ временнаго госпиталя въ великой школѣ, гдѣ всѣ учебные залы, были отданы въ распоряженіе „Краснаго Креста“. Но прежде чѣмъ начну свой разсказъ о госпиталѣ, скажу нѣсколько словъ объ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, истинно гуманно отклинувшимся въ критическую минуту страны.

Великая школа, основанная какимъ-то богатымъ сербомъ-жертвователемъ, играетъ въ Бѣлградѣ выдающуюся роль—какъ зданіе и какъ учрежденіе: трехэтажная, съ громадными венеціанскими окнами и вычурною лѣпною отдѣлкой, а у главнаго подъѣзда, съ высокими колоннами (поддерживающими потолокъ сквознаго пространства, между двумя корпусами всего передняго фасада, образующаго какъ-бы ворота со сводами подъ самой крышей), выкрашена—свѣтлоричневою стѣны, и бѣлою краскою карнизы,—выглядитъ дворцомъ средней руки любой европейской столицы. Внутренняя отдѣлка этого единственнаго гиганта въ городѣ, не изящна, но въ общемъ, великую школу, не ошибаясь, можно назвать перво-степеннымъ украшеніемъ города—и къ сербамъ, считавшимъ своимъ долгомъ сказать объ ней нѣсколько хвастливыхъ словъ каждому иностранцу—въ виду выдающейся ея роли, остается отнестись снисходительно.

Съ объявленіемъ войны, весь наличный персоналъ школы, какъ учившійся, такъ и учившій, принесъ себя въ жертву странѣ; студенты, слушавшіе тамъ лекціи, большею частью оставили занятія и добровольно стали въ ряды своихъ войскъ, а профессеры, ставъ подъ знамена, заняли соотвѣтствующіе посты въ арміи, и тѣ изъ нихъ, которые были способны, приняли командованіе частями, благотворно и умѣло вліяя на своихъ подчиненныхъ—что вполнѣ понятно и безспорно. Само-же зданіе, какъ я сказалъ уже, было уступлено „Красному Кресту“, на все время войны. Словомъ, сдѣлано все, чего можно было ожидать отъ администраціи высшаго учебнаго заведенія и студентовъ, сознавшихъ свои прямыя обязанности, въ моментъ рѣшительныхъ событій на родныхъ поляхъ вовлеченной въ неравную борьбу страны!

Вотъ, по завтракавъ, компанія наша разошлась, а я съ мос-

квечёмъ—около двухъ часовъ по полудни, отправились въ госпиталь великой школы: онъ—съ цѣлью видѣть раненныхъ и помочь имъ, въ чемъ возможно, а я — такъ, изъ одного любопытства. „Пойду, думаю, побываю, да погляжу на тамошніе порядки“.

Поднявшись во второй этажъ, по топорно отдѣланной каменной лѣстницѣ, мы очутились въ неопредѣленномъ положеніи, не зная куда повернуть съ площадки—на право, или на лѣво, въ растворенныя двери... И только взглянувъ на сложенные носилки, у входа съ лѣва, заключили, что и въ госпиталь повернуть нужно влѣво. Повернули—и вошли въ большую переднюю, снова попавъ въ „неопредѣленное:“ вокругъ, рядъ дверей съ латинскими надписями и римскими цифрами—но какъ я, такъ и москвичъ въ классицизмъ „ни бельмеса“, что называется, то хотя и принялись читать эти, не при насъ писанныя надписи, но опредѣленнаго ничего не выходило (кромѣ развѣ сознанія своей неопредѣленности). Къ счастью, я, отыскивая на дверяхъ русскую или французскую надпись, машинально поднялъ голову къ верху и примѣтилъ надъ дверьми небольшую икону Спасителя, подавшую поводъ предположить, что дверь эта ведетъ въ русскую походную церковь, временно помѣщавшуюся въ великой школѣ. „Тутъ церковь“, сказалъ я москвичу, съ напряженіемъ читавшему вслухъ латинскую надпись—не знаю уже почему—именно вслухъ... „А тутъ... а тутъ... позвольте... мнѣ помнится...“ началъ онъ что-то ужъ очень загадочное.

— Ну что тамъ помнится, когда ни вы, ни я въ латыни ничего не смыслимъ. Пройдемъ вотъ по корридолу влѣво — узнаемъ, если кого встрѣтимъ.

— Да видите-ли... я зналъ латынь когда-то... подумаю и теперь — разберу, пожалуй...

— Ну батюшка, такъ и день пройдетъ пока разберете; пойдѣмъ-ка!..

— Пройдя нѣсколько шаговъ по коридору, мы встрѣтили стройную симпатичную шатинку, сестру милосердія. Она съ мокрыми полотенцами, окрававленными бандажами и остатками корпіи въ рукахъ, не обративъ на насъ вниманія, намѣревалась уже ускользнуть въ боковую дверь, съ которою мы только поровнялись, какъ москвичъ остановилъ ее: „Позвольте узнать, гдѣ тутъ у васъ лежатъ раненные добровольцы?“, спросилъ онъ нетерпѣливо ждавшую сестру.

— А вотъ идите прямо—тамъ палата русскихъ добровольцевъ, указала она на дверь въ концѣ корридора.

— А въ другія палаты, какъ же пройти оттуда?

— Вы вѣдь хотите видѣть, только раненныхъ добровольцевъ, или и сербовъ?

— Ну да — добровольцевъ.

— Такъ вотъ и идите прямо. Мы въ аптеку нужно, а то сама-бъ васъ проводила — это моя палата, шмыгая въ дверь и улыбаясь сказала сестра. Но не дошли мы еще и до палаты, какъ она нагнала и ведя насъ за собою, хохоча и улыбаясь, стала отвѣчать на вопросы. Это милое созданіе, съ видимою любовью отдавшееся своимъ тяжелымъ обязанностямъ, обворожило насъ съ перваго раза: москвичъ, хотя и женатый, просто таялъ, а я, забывъ гдѣ нахожусь, увлекся (далеко неподходящимъ обстановкѣ) разговоромъ. И къ удивленію раненныхъ воиновъ, завязалась между нами оживленная бесѣда, отвлекшая отъ прямой цѣли посѣщенія. Давно-ли вы здѣсь? спросилъ москвичъ мою собесѣдницу, какъ-бы желая повести рѣчь о госпиталѣ.

— И мѣсяца, еще нѣтъ. Досадно, раньше не могла

пріѣхать—быть пригодною въ сраженіяхъ... правдиво сожалѣла она.

— А чтожь-бы вамъ и раньше было собраться.

— Не могла; по имѣнію дѣла кое-какія были и родные долго не соглашались. Пока-то я ихъ уломала... время прошло не замѣтно. Да и не близко вѣдь — изъ Орла въ Сербію...

— Что-жь вы — одинокая и ничѣмъ не связанная, что не задумались оставить и родныхъ и имѣніе—пріѣхать сюда, гдѣ, все-жь таки, рядъ опасностей, не говоря уже, о не легкихъ обязанностяхъ сестры милосердія?... спросилъ я ее. „Иль горемъ убитая?“ прибавилъ москвичъ, находя мой вопросъ не полнымъ.

— Связанная многимъ, и не одинокая... Но пріѣхала, съ цѣлью принести жертву Провидѣнію. Въ послѣднее время, я испытала такъ много хорошаго, стала такою счастливою, что ощущаю моральную потребность посвятить себя этому святому дѣлу—быть пригодною этимъ бѣднымъ страдальцамъ! Просто—душа рвется, платить добромъ людямъ.

— Я вамъ вѣрю, что душевныя побужденія и состраданіе къ людямъ въ горѣ—главныя причины вашей поѣздки; но все-таки—простите—думаю, что и любовь тутъ замѣшалась: какой нибудь несчастный исходъ вашихъ отношеній къ любимому человѣку, тутъ играетъ важную роль... сказалъ москвичъ, глядя на нее и улыбаясь.

— Не вѣрите, такъ даю-жь вамъ честное слово, что нѣтъ! что напротивъ — самый счастливый исходъ такихъ отношеній — причина моей поѣздки. Въ числѣ и другихъ причинъ, о которыхъ я уже говорила, добавила, она какъ-бы сознавъ, что увлеклась въ разговоръ.

— Господи! да вѣдь, если вы положимъ, кого любили,

или любите, то, какъ и всякій изъ людей, желали-бъ свой идеалъ часто видѣть — любоваться имъ! а мужа если, то и обладать имъ. Тогда, какъ уѣхавъ такую даль, вы лишены этого. Вѣдь это не натурально и не естественно!..

— Вы правы, предлагая такіе вопросы и не зная истинной и исполнѣ натуральной причины моей поѣздки: я люблю человѣка, который теперь здѣсь... краснѣя сказала она тихо.

— Ну да... теперь я васъ понимаю. Но въ такомъ случаѣ, не душевныя побужденія и состраданіе, главныя причины вашей поѣздки, а любовь къ человѣку, съ которымъ тяжело было разстаться...

— Нѣтъ! десять разъ нѣтъ! я вѣдь не рисуюсь передъ вами, и говорить такъ, или иначе, ничто меня не заставляетъ; если ужъ я даю честное слово и высказываюсь откровенно, то повѣрьте, что это такъ — что думать и говорить розно, не въ моей натурѣ, сказала она твердымъ и нѣсколько оскорбленнымъ голосомъ.

— Тѣмъ большая вамъ честь! Какъ женщину съ любящей душою и какъ человѣка съ состраданіемъ, я васъ глубоко уважаю. А что судить я нѣсколько не вѣрно, то этому причиной многіе примѣры, гдѣ любовь, заглушаетъ лучшія чувства въ человѣкѣ: изъ за ней лучшія люди дѣлали то, о чемъ-бы и не подумали въ другое время — отказываясь отъ священныхъ своихъ обязанностей, и рѣшаясь на самые безумные шаги въ жизни.

— Лучшіе — это правда; не безхарактерные, безсильные борцы съ этимъ, хотя и сильнымъ, чувствомъ но тушующемся передъ умомъ человѣка, и его сознаниемъ прямыхъ своихъ обязанностей.

— Безспорно, что такъ. Но все-жъ таки — любовь, не свой братъ, какъ говорится.

— А если вы съ этимъ согласны, то почему-жъ, меня-то грѣшную не хотите причислить къ числу людей владѣющихъ своими чувствами — стараетесь къ безхарактернымъ?

— Я вовсе не причисляю васъ къ такимъ людямъ. Причислилъ было, но теперь, сознаю свою ошибку, и убѣжденъ, что на сколько тяжесть разлуки заставила васъ сюда ѣхать, на столько состраданіе и любовь къ ближнимъ — желаніе помочь имъ въ горѣ, сдѣлся москвичъ окончательно.

— То-то же... Пора вамъ наконецъ признать въ насъ, ту же долю характера и силы воли, какими одарены и вы. А то, привыкли смотрѣть на женщину, какъ на нѣчто лишенное серьезныхъ качествъ человѣка... Грѣшно вамъ мужчинамъ, ей-Богу.

— Что большинство женщинъ не умѣютъ владѣть своими чувствами и любя забываютъ многое, о чемъ-бы слѣдовало помнить, то съ этимъ и вы я думаю согласны. Но чтобы мы на всѣхъ одинаково смотрѣли и въ каждой изъ нихъ, видѣли рядъ недостатковъ, то это уже крайность, къ которой привело васъ пристрастіе къ мужчинамъ — такъ сказать, враждебное къ нимъ настроеніе.

— Ничуть! вотъ ужъ нѣтъ: я говорю вообще, вовсе не настаивая на своемъ упорно, а такъ — насколько понимаю.

— Много-ли у васъ добровольцевъ? спросилъ я сестру, желая прервать разговоръ ее, съ раскраснѣвшимся москвичемъ.

— Да вотъ, сколько, видите; больше нѣтъ — все сербы.

— Только вотъ эти шесть человѣкъ на весь госпиталь?

— Русскихъ, только эти шесть. А то сербы — тѣхъ около ста, я думаю.

— Но эти шесть, на вашемъ исключительномъ попеченіи? заговорилъ москвичъ.

— Да, на моемъ.

— И не трудно вамъ съ ними, когда придетъ часъ перевязки?

— Она вѣдь въ разное время. Да еслибъ даже и въ одно, то шестерымъ, не трудно сдѣлать перевязку, въ теченіи какихъ нибудь двухъ часовъ.

— Но отвращеніе, я думаю, овладѣваетъ, при перевязкѣ тяжело раненныхъ?

— Какое отвращеніе, Бога бойтесь! скорѣе наслажденіе, оказывая помощь страдальцу! Я было боялась прежде, пока не привыкла, и то недолго, но отвращенія, никогда не испытала. И развѣ же свободный вздохъ раненаго и его свѣтлый, ласковый взглядъ умиленія, малая награда сестрѣ милосердія?.. Я того мнѣнія, что это такое же счастье, какъ если пламенно любя человѣка, впервые испытать его взаимность!

— Благовѣшь передъ вами, слушая такія рѣчи. Дальбы Богъ, чтобъ всѣ сестры милосердія, какъ вы разсуждали.

Палата, въ которую мы вошли, исполнѣ оправдывала тольки о хорошемъ устройствѣ госпиталя: большая свѣтлая просторная комната, чистый здоровый воздухъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ, теплая температура; удобныя желѣзныя кровати съ мягкими матрацами и чистымъ постельнымъ бѣльемъ, чистый и бдительный уходъ такой сестры милосердія, какою была наша собесѣдница—отвѣчали самымъ строгимъ требованіямъ госпитальныхъ условій, облегчающихъ страданія раненныхъ. Раненые тутъ лежавшіе (между которыми, я замѣтилъ знакомаго мнѣ по Петербургу отставнаго унтеръ-офицера), казались весьма бодрыми, близкими къ выздоровленію. Здравствуйте баринъ! и вы тутъ... приподымаясь въ койкѣ, привѣтствовалъ меня знакомецъ.

— Здравствуй братецъ, здравствуй! Ну что, не пришлось отъ бѣды увернуться—задѣла?..

— Господь миловаль, цѣлыя двѣ недѣли на позиціи—17-го вотъ только, обожгла проклятая! отвернувъ одѣяло, указываль онъ на перевязанную правую ногу. Да ничего—Богъ дастъ оправимся, въ Питеръ покатимъ, весело произнесъ онъ.

— Развѣ гранатой раненъ, что „обожгла“ говоришь?

— Такъ вотъ, какъ собаченка, подъ ноги подвернулась и охнуть не успѣлъ, какъ ногу перешибла.

— Значить, ноги нѣтъ—отняли; иль срослась?

— Куда ужъ, баринъ, ей сrostись-то... какъ есть по самое колѣно отпилили.

— Какъ его рана? вполголоса спросилъ я сестру милосердія, все еще разсуждавшую съ москвичемъ.

— Пока идетъ, слава Богу, хорошо, отвѣчала она, какъ-то нерѣшительно.

— Ничего... Богъ дастъ скоро ковылять станемъ. Досадно—съ ногой по пусту растался, услышавъ мой вопросъ отвѣчалъ старый унтеръ.

— Какъ по пусту голубчикъ—вѣдь ты воеваль?

— Воеваль-то—воеваль, да по пусту—досадно.

— Какъ же, по пусту, голубчикъ! вѣдь ты по доброй волѣ сюда ѣхаль—воевать за дѣло христіанское! не наемщикомъ тутъ былъ, что по пусту выходить?..

— Вѣстимо, воеваль за дѣло, а только по пусту, потому порядку никакого, и въ резонъ что воеваль, не возмуть никто... По пусту и вышло по ефтому, по самому.

— Да кому-жъ и въ резонъ-то брать, братецъ; сослужилъ ты службу, сербскому князю, ну онъ и приметъ въ резонъ—сдѣлаетъ что можно.

— Да, на военъ...

— Не про то, баринъ толкуешь... Что князю то здѣшнему объ мнѣ, аль обо васъ думать: онъ сторона... Не за него мы кровь проливали, не ему и въ резонъ брать ефто.

— А кому-жъ и думать то другому: вѣдь онъ тутъ царь, онъ и глава всему.

— Истинно такъ баринъ... А все-жъ, шли мы за свое значить родное дѣло — за вѣру; а только что на ихней землѣ воевать пришлось. Бѣда, порядку не было — кто куда зналъ...

— Что братъ толковать о порядкахъ; такъ ужъ пришлось — ничего не подѣлаешь.

— Да и объ ефтомъ примѣрно, если сказать; митетѣ сказывали одно, а тутъ другое стало... шель — думаль все одно служба, за своего царя драться... а тутъ вотъ вышло, что и служба не все одно и дрался на чужомъ пиру; дѣло то хоша и христіанское — правильное значить, а всежъ въ чужомъ войскѣ кровь пролилъ. Одно слово — не за своимъ дѣломъ лѣзли.

— Развѣ-жъ въ комитетѣ, что нибудь особенное общали при отправкѣ?

— Звѣстно сказывали — все одно, за русское дѣло идешь. А тутъ вотъ ноги, какъ не стало — думаль въ митетѣ раненыхъ зачтутъ — сталъ спрашивать господь: „нѣтъ — сказываютъ — гдѣ воевалъ тамъ и добивайся“. Много-ль тутъ добьешься, коль сами у насъ просятъ... Маленько-бъ окрѣпнуть, да и по домамъ... что тутъ...

Начавшаяся суeta въ палатѣ помѣшала нашему разговору, который для меня въ особенности, составлялъ живой интересъ, какъ случай вывѣдать настроеніе и взглядъ такихъ добровольцевъ. „Что пришелъ — кто, или случилось, что осо-

бенное? спросилъ я сестру, суетливо принявшуюся шарить — все-ли въ порядкѣ въ палатѣ.

— Княгиня Наталья прѣѣхала! вѣроятно и сюда придетъ скоро.

— Княгиня придетъ? спросилъ москвичъ, отходя отъ раненаго и направляясь ко мнѣ.

— Увидите, что за красавица... а милая какая — прелесть!.. восхищалась сестра.

— Не уйти-ли намъ, батюшка... пожалуй неловко?...

— Что-жъ тутъ неловкаго; мы ее случайно здѣсь встрѣчаемъ — а въ этомъ я не вижу ничего неловкаго.

— Да... но знаете, лучше бы во фракъ; она вѣдь царствующая особа.

— Не прѣѣхали-жъ вы съ тѣмъ, чтобъ ей представляться! и будетъ-ли она въ одно время съ вами — вы не знали; такъ гдѣ же тутъ неловкость!.. Впрочемъ, если вамъ не трудно, въ пять минутъ во фракъ принарядиться, то конечно, это будетъ кстати.

— Ну вотъ еще... „если вамъ нетрудно“. Не то что трудно, а невозможно: гдѣ-жъ тутъ фракъ разыщешь!.. Домой съѣздить переодѣться, и часу мало; тѣмъ и кончишь, что напялишь фракъ и княгиню не увидишь, озабоченно сказать москвичъ.

— Тогда и толковать не о чемъ — оставайтесь какъ вы есть.

— Да о чемъ вы горюете господа! Княгиня такая любезная и добрая, что если-бъ и нашла ваши костюмы недостаточно нарядными, то не упрекнула-бы васъ этимъ. Къ тому-жъ вы съ ней не знакомы; встрѣчаетесь случайно, а для случайной встрѣчи, вы весьма прилично одѣты, успокоивала сестра милосердія.

— Что это она нейдетъ такъ долго? недоумѣвать москвичъ, согласившись наконецъ, что можно обойтись и безъ фрака.

— Другія палаты обходить.

— А часто-ли она тутъ бываетъ? —

— Когда два, а когда разъ въ недѣлю. Но разъ-то ужъ, такъ уратно.

— Ну и внимательна къ раненымъ?

— Внимательна и проста въ обращеніи—ну просто обворожительна!...

— Эка досада, что я не раненъ: лежа-бъ въ одномъ бѣльѣ, говорилъ съ такой особой... Легко сказать—ея свѣтлость, да еще красавица... сожалѣлъ мечтательный москвичъ.

— Ну не говорите; были-бъ ранены, другое-бъ сказали: отказались бы и отъ разговора съ княгиней и отъ всего; лишь-бы здоровымъ быть — не страдать. Я вотъ хожу за ними — вижу, какъ трудно имъ подь часъ, бѣднягамъ...

— Не тяжело, я говорю, раненымъ; а такъ куда нибудь въ мягкую часть пулей—былъ-бы предлогъ лежать раздѣтому, ограничивался москвичъ скромнымъ желаніемъ.

— Вотъ вы какой... и раненымъ, хотите быть условно... хитрый же вы... А если-бъ изъ за одного взгляда женщины, да жизнь-бъ рискнуть нужно. Тогда, что-бы вы сказали?... спросила сестра.

— Ну какъ вамъ сказать... не знаю, что сказалъ бы... смотря по тому, на сколько-бы я любилъ эту женщину.

— Да вѣдь княгиню вы и вовсе не любите, высказывая однако желаніе быть раненымъ изъ за того только, чтобы имѣть случай раздѣтому говорить съ ней! А тамъ-бы все-таки, любовь играла роль—толкала-бъ васъ, къ такому шагу.

— Тутъ совсѣмъ другое; тутъ главную роль играетъ

положеніе... ну и красота, если хотите—я вѣдь ее мелькомъ видѣлъ... А тамъ изъ за одной любви, вдругъ жизнью рисковать изволь!.. Это ужъ черезъ-чуръ... я не рѣшился-бъ на такой шагъ.

— Я вамъ потому такой вопросъ предложила, что вижу вашу рѣшимость быть раненымъ изъ за того только, чтобы съ женщиной вовсе незнакомой говорить, лежа и раздѣтымъ! А теперь, когда узнала главную причину такого желанія, то и вопросъ свой нахожу неумѣстнымъ, и мнѣнія другого объ васъ стала.

— Скажите же, какого?

— Того, что для женщины съ положеніемъ, вы готовы сдѣлать больше, чѣмъ для любимой! по современному, однимъ словомъ: на первый планъ интересы, а на второй — чувства.

— Ну чтожъ, оно и вѣрно пожалуй. Но вы вѣдь упускаете изъ виду, что въ данномъ случаѣ, я если и желалъ бы быть раненымъ, ради интересовъ — какъ вы говорите — то только въ мягкую часть; а этимъ, чего добраго, я рискнулъ-бы и ради чувствъ. Да ужъ если разобрать, то какой же у меня и интересъ-то особенный можетъ быть, желая говорить съ княгиней...

— Не знаю: объ этомъ, вамъ лучше извѣстно.

— Нѣтъ, но по вашему?

— Право не знаю...

— Вотъ видите-ли: не знаете, а говорите, то—да се.. Я если и желалъ-бы, да и желаю, сказать откровенно—говорить съ ней, находясь въ условіяхъ раненаго, то именно изъ за того, что кромѣ ея положенія, она какъ женщина мнѣ очень нравится; а говорить съ такой особой — лежа и по

лураздѣтымъ, вѣдь это - жъ поэтизмъ! вскрикнулъ москвичъ на всю палату.

— Да вы-жъ ее не знаете—еле видали...

— Какъ будто годы нужно знать, чтобъ понравилась! слыхалъ, объ ней много, ну и видалъ мелькомъ.

— По моему и выйдетъ, да вы и сами впрочемъ это сказали, что не чувства тутъ причиной, а то, что она царица.

— Да тамъ ужъ, какъ знаете толкуйте, а ради того что-бъ говорить съ ней лежа и полураздѣтымъ, чтобъ уловить ея взглядъ сочувствія и ласки—я бъ желалъ быть и раненымъ и страдать и все...

— Ну что-жъ; „нѣтъ ничего невозможнаго“. Такъ и въ данномъ случаѣ—ваше желаніе осуществимо.

— Это какимъ образомъ?

— Да раздѣньтесь и лягте, будто раненый... на той вотъ свободной койкѣ, сказала сестра шутливо—но москвичъ истолковалъ это серьезно. Онъ быстро отошелъ къ углу палаты и заслонившись спинками двухъ коекъ, занятыхъ ранеными, торопясь сталъ раздѣваться, но такъ поспѣшно, что не успѣли мы еще и оглянуться, какъ онъ уже все верхнее снявшій, стоя на одной ногѣ, тянулъ съ другой ботинокъ. „Что вы дѣлаете! съ ужасомъ вскрикнула сестра, видя серьезныя послѣдствія шутокъ.

— Я сейчасъ!.. я лягу...

— Куда лягу! что вы! одѣвайтесь пожалуйста скорѣе!.. княгиня, вотъ-вотъ, будетъ... торопила она бѣднягу, лихорадочно хватавшаго брюки съ полу.

— Княгиня къ вамъ... сказала вбѣжавшая сестра милосердія, и вслѣдъ за ней почти, вошла высокая стройная, въ черномъ нарядномъ платьѣ, красивая княгиня, въ сопро-

вожденіи адъютантовъ, докторовъ и сестеръ милосердія. Застигнутый врасплохъ москвичъ, не зная куда дѣться, присѣлъ за койкой, такъ и недокончивъ туалета.

Юная княгиня, на лицѣ которой, читалось одно добро и умъ—эта изящная, съ ангельской улыбкой женщина, произвела на меня очаровательное впечатлѣніе; любуясь ею, я понималъ москвича, готовато было на все, ради ея взгляда, ласковаго слова и сочувствія. Поклонившись больнымъ, княгиня подошла къ первой кровати, на которой лежалъ красивый, здоровый съ виду мужчина, съ большею черною бородою и выбритою головою. Онъ ежеминутно снималъ и клалъ новыя холодныя компрессы, къ глубокой продольной ранѣ во всю голову. Какъ вы себя чувствуете? ласково спросила княгиня больного.

— Ничего, поправляюсь, ваша свѣтлость! отвѣчалъ онъ басисто.

— Ну слава Богу, я отъ души за васъ рада; можетъ быть нужно написать вашимъ роднымъ, или вамъ помочь въ чемъ нибудь—скажите, я съ удовольствіемъ исполню.

— Благодарю ваша свѣтлость!—я имъ писалъ, а самъ ни въ чемъ не нуждаюсь.

— Вы получили-ли какую нибудь награду за рану?

— Никакой ваша свѣтлость!

— Такъ вотъ... взявъ отъ адъютанта что-то маленькое завернутое въ розовой бумажѣ, поднесла княгиня раненому—но раньше чѣмъ вручить ему спросила: „Въ какомъ дѣлѣ вы ранены?..“

— Въ гостинницѣ ваша свѣтлость! изумилъ онъ неожиданностью.

— Гдѣ!.. въ какой гостинницѣ? недоумѣвала княгиня.

— Въ той, что близъ собора—въ народной.

— Да кто-жъ могъ тамъ васъ ранить?

— Играли въ карты, ваша свѣтлость, ну и подкутили... Я поругался съ казакомъ—съ однимъ; дошло до схватки, сѣѣпились—онъ и хватилъ пашкой... Слава Богу—черепъ не задѣлъ, разбойникъ! горячася уже отвѣчалъ раненый.

— Жаль мнѣ васъ, жаль... сказала княгиня пожимая плечами и вернувъ адъютанту, завернутое въ розовой бумажкѣ, отошла къ другому больному—исхудалому, протажно и тяжело стонавшему.

— Какъ онъ? обратилась она къ доктору.

— Плохъ, ваша свѣтлость: у него нога ампутирована, и за исходъ въ смыслѣ благопріятномъ, трудно поручиться.

— Развѣ такой дурной оборотъ приняла рана? спросила княгиня дрожащимъ голосомъ.

— Слишкомъ поздно ампутировали ваша свѣтлость; вотъ вся причина, почему исходъ раны сталъ сомнительнымъ.

— А что-жъ, раньше не ампутировали?

— Къ намъ онъ прибылъ когда рана приняла уже дурной оборотъ, и ампутація—хотя и немедленная—не могла обѣщать успѣха, ваша свѣтлость.

— Но можетъ быть еще есть надежда на выздоровленіе? спросила княгиня у доктора отойдя отъ койки и стараясь скрыть отъ больного, душившія ее слезы.

— Положительно, сказать—да, или нѣтъ—довольно трудно, ваша свѣтлость: рана, каждый часъ, каждую минуту, можетъ измѣниться, къ лучшему, или къ худшему. Но судя по тому, что теперь видно—вѣроятнѣе дурной исходъ, чѣмъ хорошій...

— Молча и не дослушавъ доктора, княгиня перекрестилась и взглянувъ на больного взоромъ истиннаго состраданія и участія, направилась къ третьей койкѣ, на которой ле-

жалъ мой знакомый унтеръ. „Здравствуйте! Ну что вы поправляетесь слава Богу?“ спросила она, видимо уже знакомая съ нимъ.

— Благодаримъ за милость, ваша свѣтлость!...

— Что-жъ нога, лучше-ли теперь стала?

— Ихней милости спасибо—чувствительность, куда меньше... ваша свѣтлость! спать даетъ и въ опухоли сократительность замѣтна... объяснялъ онъ указывая на доктора.

— Вы въ какомъ дѣлѣ ранены? спросила княгиня, прежде чѣмъ заговорить о наградѣ.

— 17-го октября, ваша свѣтлость, при Дюнишѣ!

— Получили вы какуюнибудь награду или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость!

— Такъ вотъ вамъ... вручила княгиня унтеру, тотъ-же маленькій предметъ въ розовой бумажкѣ — оказавшійся серебряною медалью за храбрость.

— Покорно благодаримъ ваша свѣтлость.

— Дай Богъ, вамъ быть здоровымъ. Я, какъ и вы, буду рада этому, кланяясь и улыбаясь, оставляла она восхищеннаго больного; и сразу нахмурясь — какъ бы сознавъ грустную обстановку минуты, быстро подошла къ четвертому больному—рыжему, страшному съ виду, съ длинною бородою, нешевелился и не обративъ вниманія на ея приближеніе, лежавшему навзничъ. „Этотъ изъ новыхъ?“ обратилась она къ доктору.

— Да—онъ третій день всего въ нашемъ госпиталѣ.

— Тяжело раненный вѣроятно, что такой изнуренный съ виду?

— Слишкомъ несчастный переломъ ноги у бѣдняги, ваша свѣтлость, вполголоса отвѣчалъ докторъ.

— Да это-жъ, кажется, такое заурядное поврежденіе,

что не влечетъ за собою серьезныхъ послѣдствій и имѣетъ массу средствъ къ излеченію: нога вѣдь можетъ сростись?...

— Большою частью, ваша свѣтлость—такъ именно и бываетъ; но бываютъ и исключенія, гдѣ грозитъ гангреной и даже смертью; а въ данномъ случаѣ — одно изъ такихъ исключеній: кость ниже колѣна, не только сломана съ раздробленіемъ, но и расколота продольно,—самый опасный переломъ, ваша свѣтлость.

— Что-жъ вы—будете ампутировать?

— Сегодня хотѣли, да не успѣемъ; много серьезныхъ и безотлагательныхъ ампутацій въ тѣхъ палатахъ... Думаемъ завтра.

— Незамедлять-бы, лучше...

— Нѣтъ—завтра еще не поздно ваша свѣтлость: я слѣжу за нимъ и если замѣчу малѣйшій дурной признакъ, то не потеряю и одной минуты—приму мѣры. Будьте покойны, княгиня.

— Что, очень больно? наклонясь, спросила княгиня больного.

— Ломить стало крѣпко, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ, находя, что превосходительство, куда выше и почетнѣе свѣтлости.

— Котораго числа васъ ранили—не помните-ли?

— Не припомню ваше превосходительство, а только недавно—такъ что дня три, аль четыре будетъ...

— Какъ-же это! вѣдь уже мѣсяцъ съ лишнимъ перемиріе!... удивлялась княгиня, озираясь.

— Онъ не былъ, на театрѣ войны, ваша свѣтлость, отвѣчалъ докторъ, видя, что больной не понялъ, косвеннаго вопроса княгини.

— Развѣ и вы ранены въ Бѣлградѣ? спросила княгиня.

— Такъ-точно ваше превосходительство! пошелъ - было погулять съ товарищами: дѣло быкновенное—выпили... Вотъ идемъ назадъ въ казармы, такъ уже часа въ три ночи. Дорогой повздорили—драку затѣяли... да всей гурьбой и на-кинулись! Вижу дѣло плохо — выслободился и ходу... Тамъ не помню уже какъ ногу ушибъ—какимъ случаемъ... а только утромъ, ребята подняли и свезли, ваше превосходительство...

— Жаль, если ему бѣднягѣ, это будетъ стоить жизни, обратясь къ доктору сказала княгиня; и направилась къ двумъ послѣднимъ койкамъ, изъ за которыхъ, судя по дан-нымъ—не вылезалъ еще москвичъ... Шопотъ, не въ пору по-шутившей, сестры съ докторомъ и другими сестрами—и ихъ невольное хихиканье, при приближеніи княгини къ тому мѣ-сту, гдѣ нужно думать вздрагивалъ москвичъ, обратили вни-маніе свиты, недоумѣвавшей—чего ради хихикаютъ вокругъ... а когда ея свѣтлость подошла къ больному и стала его спрашивать, то всѣ лица только-что хихикавшіе—замерли, въ ожиданіи чѣмъ все это разыграется. Я болѣе другихъ заинтересованный москвичемъ, сталъ правѣе и позади княгини, съ цѣлью рассмотреть что дѣлается въ его временной уборной. „Бѣдный ты“, думалось мнѣ глядя, на при-сѣвшаго за койкой согнувнагося москвича (къ счастью уже въ брюкахъ и жилетѣ), и съ осторожностью быть незамѣ-ченнымъ, напяливавшего сюртукъ, лѣвый рукавъ котораго уже былъ вдѣтый, а правый—тщательно розыскиваемый шарив-шей по воздуху, лихорадочно трясейся рукой.

— Онъ въ голову раненъ? спрашивала княгиня у док-тора о пятомъ больномъ, съ повязками и бандажами на головѣ.

— У него поврежденъ черепъ, ваша свѣтлость.

— Въ какомъ сраженіи васъ ранили? обратилась она къ больному.

— Я не былъ въ сраженіи, ваша свѣтлость! меня ранили въ Бѣлградѣ...

— И васъ въ Бѣлградѣ!... вырвалось у нея невольно.

— У Ристича, стуломъ разшибли, ваша свѣтлость! бѣда—разбой по всему городу, жаловался онъ морщась отъ боли.

— И почему никакихъ мѣръ не принимаютъ?... Развѣ возможенъ подобный произволъ, сказала княгиня обращаясь къ доктору.

— Странно, ваша свѣтлость, что не принимаютъ. Пора-бы...

— Ну и серьезно поврежденъ черепъ?

— Нѣтъ... но лежать придется...

— Не нужно-ли вамъ чего нибудь? не стѣсняйтесь, будьте откровенны, уговаривала княгиня больного.

— Если Богъ дастъ встану, то въ Россію не съ чѣмъ будетъ вернуться ваша свѣтлость! гроша нѣтъ за душою.

— Объ этомъ не тужите: на выѣздъ дадутъ въ комитетѣ. А будете нуждаться, ко мнѣ обратитесь—я съ радостью помогу чѣмъ можно, ласково сказала княгиня, и неуспѣвъ отойти отъ больного, какъ-бы отшатнувшись остановилась. „Отъ души благодаренъ, ваша свѣтлость! Я незаслуживаю на такое вниманіе и тѣмъ болѣе дорожу имъ“. Но княгиня полуслушая больного, удивленно смотрѣла на черную фигуру москвича, какъ изъ земли выросшую у изголовья койки, возлѣ которой она стояла. И отвѣтивъ чуть замѣтнымъ кивкомъ головы, на низкіе поклоны этого загадочнаго для нея незнакомца подошла къ шестому и послѣднему больному. Все шедшее за ней (кромѣ насъ посвященныхъ въ тайну явленія), переглядывалось и озираясь, кидало москвичу (до сихъ поръ стоявшему неподвижно) такіе взоры, что не будь подъ нимъ прочнаго пола—провалился-бы на вѣрное, бѣдныя... Ну да хотя и провалился-бы, а все лучше, что онъ какъ изъ зем-

ли выросъ—и къ тому-же одѣтый: кончилась пытка по крайнѣй мѣрѣ, — сестра, москвичъ и я, стали дышать свободно.

— Не въ Бѣлградѣ-ли и онъ раненъ? въ третьемъ лицѣ спросила княгиня, подготовленная предшествовавшими неожиданностями.

— Въ Бѣлградѣ ваше сіятельство! громовымъ голосомъ грянуль шестой.

— Что-жъ вы ушиблись?

— Онъ лошадыю ушибленъ ваша свѣтлость, поспѣшилъ отвѣтить докторъ, какъ-бы изъ боязни чистосердечнаго признанія добровольца. „Такъ точно—лошадыю ваше сіятельство,“ принялся тотъ вторить.

— Какой-же ушибъ у него?

— Въ правую ногу, повыше колѣна.

— Но хоть, цѣла-ли осталась?

— Кость не повреждена къ счастью, ваша свѣтлость, хотя ушибъ довольно сильный.

— А какъ вамъ, очень больно? спрашивала княгиня больного.

— Очень больно, и въ боку больно, ваше сіятельство!

— Какъ-же такъ—въ боку больно, когда нога только ушиблена?...

— Въ бокъ... началъ больной — въ боку, если боль чувствуетъ, то нервную, по всѣмъ вѣроятности, закончилъ докторъ. Меня ваше сіят... или и отъ того, что лежитъ на немъ все время, снова перебилъ докторъ.

— Въ прав... Но вѣрнѣе, что боль ноги, отзывается и въ боку, вилялъ докторъ такъ и сякъ, лишь-бы предупредить—нужно думать—интересное признаніе добровольца.

— Какъ странно однако, что въ Бѣлградѣ, гдѣ воевъ

не воевали и не воюють—сказала изъ скромности княгиня—многіе пострадали, какъ на войнѣ...

— Очень странно... очень, ваша свѣтлость, улыбаясь твердили, докторъ и москвичъ (уже приставшій къ свитѣ).

— Да и не одну княгиню, а всѣхъ насъ, удивила эта палата, наполненная пострадавшими въ Бѣлградѣ; фактъ поразительный—съ этимъ нужно согласиться.

— Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами съ докторомъ, и прѣстившись съ больными, княгиня ушла. А я, съ москвичемъ (желавшемъ поговорить о чемъ-то съ виновницей—сестрою), остались.

— Пытку-то какую вынесъ я по вашей милости, началъ москвичъ, обращаясь къ сестрѣ, только-что проводившей княгиню.

— По моей! Какими судьбами!...

— Да вы-же, а не кто иной, посовѣтовали раздѣться и лѣчь въ постель къ приходу княгини.

— Я!.. Да, что это вы, голубчикъ!.. Я пошутила... вольно-же вамъ...

— Вольно-же, что чуть не попался — за койкой дрожалъ все время...

— Я шутками сказала. Неужели вы приняли серьезно?

— Пресерьезно-съ... Чего ужъ тутъ серьезнѣе, когда весь раздѣлся.

— Къ тому-же, я и предупредила во время: заставила васъ одѣваться, когда княгини еще не было.

— Благодарю покорно „заставила одѣваться“... вы бы попробовали одѣться...

— Ну и одѣлась-бы, повѣрьте.

— Да, гдѣ-же тутъ и одѣваться было: княгиня уже входила, когда торопить вы стали!.. Гдѣ-же тутъ...

— Ловкостью наверстать слѣдовало. Что-жъ дѣлать, коль пришлось такъ къ спѣху.

— Попробовали бы вы навестывать, на короточкахъ за койкой...

— Пришлось-бы—и навестала-бы, пожалуй.

— Неудивительно, если бы и навестали: у васъ вѣдь юбки, да изрѣдка штанишки; а у насъ: въ жилетъ, да сюртукъ изволь наряжаться—пройдетъ времени не мало.

— Вотъ ужъ, не въ свое оправданіе, сказали. Ну, что ваши сюртуки да жилеты, въ сравненіи съ нашими юбками, платьями и разнымъ такимъ тряпьемъ?.. Вѣдь вамъ нужны минуты, а намъ часовъ мало...

— Немудрено—копаться коль начнете; а въ сущности, куда проще нашего... сравненія никакого.

— Именно, что никакого; у насъ однихъ бантиковъ сколько наберется—на балъ если куда нужно.

— Такъ не о бальномъ же нарядѣ я и говорю о вашемъ:—а о платьѣ сестры милосердія.

— Ахъ, сестры милосердія... Это конечно просто. Я думала, о женскихъ нарядахъ вообще; а тѣ вѣдь сложны, какъ вамъ извѣстно.

— Ну да о тѣхъ и рѣчи нѣтъ—объ этихъ вотъ я толкую.

— Да все равно, чей тамъ нарядъ сложнѣе; рѣчь вѣдь не объ нихъ, а о томъ, что изъ-за меня: раздѣлись вы не кстати—чему я не причиной, воля ваша; нужно различать, когда говорятъ шутками и когда серьезно.

— До различанія-ли тутъ было, когда не успѣлъ и опомниться, какъ вошла княгиня!

— Тогда-то уже поздно. Но раньше вѣдь было время—пока еще не раздѣвались.

— Да все равно—я не сержусь на васъ. Досадно,

княгиней не долго любовался. Ну да и ангелъ же какой! — такъ вотъ и молись на нее, какъ на святую!

— Что... Я вамъ говорила... Ну и изъ-за взгляда такой женщины, вы задумались бы растаться съ жизнью? спросили его неожиданно.

— Какъ это, изъ-за взгляда?.. Вѣдь не раставаться-же мнѣ съ жизнью, изъ-за того невольнаго ея взгляда, который былъ вызванъ моимъ появленіемъ изъ-за койки?.. Вѣдь это-жъ было-бы безумно!

— Изъ-за такого взгляда, было-бы безумно. Но если-бъ княгиня, какъ женщина, правилаеь вамъ очень, — вы-бъ ее любили, прискивали-бъ случай, высказаться ей надѣялись-бы встрѣтить взаимность... Наконецъ, нашли-бъ этотъ случай — раскрыли-бъ душу!.. и все напрасно — вамъ-бы не отвѣчали. Вы стали-бъ томиться, страдать, отчаяваться! Какъ вдругъ, вамъ-бы сказали, что на мгновеніе, уловите ея взглядъ взаимной любви, — но если рѣшиться умереть изъ-за такой минуты блаженства! иначе — никогда и ни въ какомъ случаѣ. Тогда что предпочли-бъ вы?..

— Тогда... тогда, предпочель-бы первое.

— Наконецъ-то вы стали понятнымъ; а то вѣдь на себя непоходили: говорили одно, а думали другое.

— Изъ чего-жъ это вы заключили?

— Изъ вашихъ-же сужденій, довольно сбивчивыхъ и не ясныхъ.

— Да коль уже пошло на откровенность, то вотъ о чемъ знайте: у меня жена дома и дѣти, а для нея и сегодня готовъ-бы, хоть на какія жертвы!..

— Для кого?

— Для княгини! о ней вѣдь говоримъ.

Вдругъ, послышалось церковное пѣніе въ томъ концѣ

корридора: что это, не всюнощную-ли служить? спросилъ москвичъ.

— Какъ и всегда, по субботамъ, отвѣтила сестра.

— Да развѣ завтра воскресенье?

— Неужто, вы и дни растеряли?... нечему вѣдь и быть другому, какъ воскресенью послѣ субботы.

— Но вѣдь еще рано!.. впрочемъ шестой часъ уже, сбивался москвичъ, подъ вліяніемъ прерваннаго разговора о чувствахъ.

— У насъ въ седьмомъ начинается; теперь, какъ разъ время. И всѣ мы, какъ-бы сознавъ торжественность минуты, пошли ко всюнощной.

Входя въ церковь, гдѣ симпатичнымъ отцомъ Гавріиломъ, совершалось богослуженіе, казалось вступаешь въ иной невѣдомый міръ блаженства и упоенія. Сестра, а за нею и мы, тихо опустившись на колѣни, погрузились въ молитву предъ Тѣмъ, кто одинъ всевѣдущъ надъ нами... прошло долгое мгновеніе, пока сознаніе земной жизни вкралось въ этотъ отдѣльный мірокъ души — пока я очнулся и вставъ, взглянулъ на окружающую обстановку. Средней величины свѣтлая комната, въ которой помѣщалась церковь, казалась такою уютною святыней, что русскому впервые въ нее вошедшему, вспоминалась набожная твердо вѣрующая родина: этотъ—хотя и миниатюрный, но изящный (присланной Москвою) алтарь, съ рельефными изображеніями лика Христа и Божей Матери! эти ярко горѣвшіе большіе свѣчи предъ иконами, и сотни крошечныхъ пылавшихъ; эти, вселявшіе благоговѣніе—священники въ дорогомъ облаченіи и чудные звуки священнаго пѣнія! эта набожность молящихся (исключительно добровольцевъ)—придавала ей видъ красивѣйшаго уголка молитвы и торжественности. Тутъ была и княгиня Наталья

стоявшая предъ алтаремъ на колѣняхъ и молившаяся со слезами не обращая вниманія на то, что вокругъ нея происходило. Смотря на ея чудную позу, на ея искреннюю молитву—смотря на эту молившуюся Магдалину, неподдѣльно преданную народу и странѣ, и вспомнивъ, что она одна тутъ, безъ народа молится и льетъ слезы предъ Всевышнимъ,—что народъ не раздѣляетъ съ ней молитву, не сознаетъ минуты и не сочувствуетъ событіямъ—и смотря на русскихъ тутъ молившихся, и ставало грустно и досадно. За кого-жъ пали добровольцы на поляхъ Сербіи—за кого они пролили кровь?—за кого и за что? являлась мысль невольно. За идею... За великую идею, освобожденія славянъ—такихъ же вѣрующихъ братьевъ, отъ гнета невѣрующихъ притеснителей — палачей!!! слышалось въ отвѣтъ. Да за какихъ-же славянъ?.. не за этихъ-ли—тоже невѣрующихъ апатичныхъ сребролюбцевъ—что-ли?.. Нѣтъ—не за нихъ, а за идею, и за... и за ихъ поколѣніе... шепнулъ чей-то голосъ—чему я искренно повѣривъ, такъ-же искренно сталъ молиться предъ Богомъ, прося его придти на помощь будущему поколѣнію, въ его начинаніяхъ.

Не смотря однако на весьма вѣскіе факты, служившіе не въ пользу религіозности сербовъ, я все-же таки былъ озадаченъ. что у всемогущей никога изъ нихъ не было. Еще въ началѣ составивъ о нихъ такое мнѣніе, я не упустилъ изъ вида, что народъ этотъ, находясь подъ вѣковымъ гнетомъ турокъ, сталъ такимъ невольно—но что при другихъ бытовыхъ условіяхъ и онъ-бы походилъ на, такъ сказать, своихъ бодновѣрующихъ христіанъ; что при заступничествѣ могучихъ единовѣрныхъ силъ, онъ сразу проявитъ себя—не въ строфѣ сложившейся жизни—а въ самомъ натуральномъ, инстинктивномъ—въ религіи! Что онъ увидя себя не покинутымъ въ разовой часъ событій, вздохнетъ съ глубокимъ чувствомъ

вѣры и упованія, что онъ станетъ креститься, какъ умѣетъ, и молиться—душой и теплымъ вздохомъ. Я—да и каждый русскій такъ думалъ—въ особенности послѣ того, какъ державный вождь русскаго народа, простивъ сербамъ всю ихъ политическую безтактность, спасъ страну отъ неминуемаго турецкаго погрома, своимъ ультиматумомъ въ Стамбулѣ. Но думая такъ, пришлось сознать свою ошибку: сербы—теперь, какъ и прежде, неизмѣнились къ лучшему—не молились и не стали походить на христіанъ.—Они остались тѣми же движущимися въ фрескахъ фигурами, внушавшими, русскимъ добровольцамъ, что сражались они и пролили кровь—не за нихъ—ко всему равнодушныхъ, а за идею, и за ихъ поколѣніе...

Многіе факты совершившіеся въ Сербіи за это время, немало меня удивляли, а изрѣдка — и озадачивали, но ни одинъ изъ нихъ настолько, насколько слѣдующій весьма характеристичный. Пріѣхавшій — было въ Бѣлградѣ англичанинъ N, сталъ звать желающихъ, въ ряды англійскихъ войскъ въ Индію—все равно къ какой-бы они націи ни принадлежали—и къ своему удивленію, нашелъ такихъ „желающихъ“, наибольшее число въ средѣ русскихъ добровольцевъ!.. Я говорю, „къ своему удивленію“ потому, что англичане, болѣе другихъ, вѣрившіе въ патріотизмъ, такъ называемаго „славянскаго движенія въ Сербію“, менѣе всѣхъ рассчитывали найдти въ средѣ такихъ движущихся славянъ—желающихъ служить подъ англійскими знаменами, каждую минуту готовыми развернуться предъ колонной—пошедшаго на штурмъ, всего что ни на есть славянскаго... Сижу въ своемъ номерѣ и читаю газету, какъ вбѣгаетъ (рядомъ со мной жившій) доброволецъ: „Ну батюшка прощайте! Я въ путь далекій уѣзжаю“, произноситъ онъ, опускаясь на диванъ видимо утомленный.

— Счастливецъ — говорю — съ какимъ-бы и я удовольствіемъ уѣхалъ, да нельзя еще — долженъ оставаться.

— Кто-жъ вамъ велитъ тутъ виснуть — уѣзжайте.

— Обстоятельства... дождусь денегъ, тогда и уѣду; а то — финансы плохи...

— Неужто вамъ мало этихъ?..

— Всего вѣдь пятнадцать дукатовъ; развѣ ихъ станетъ — и счетъ заплатить и доѣхать... Къ тому-жъ, я хочу побывать въ Вѣнѣ.

— Какія пятнадцать!.. мнѣ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ дали — больше ста дукатовъ; а въ пути, еще получу сто фунтовъ.

— Какіе фунты — что вы! Да и съ какой-бы стати, вамъ одному выдали такъ много!..

— Всѣмъ, кто ѣдетъ, даютъ по столько. Не близкій вѣдь и путь...

— Да кому — всѣмъ! что это вы рассказываете? Я въ первые слышу!..

— Недале, какъ сегодня — насъ человѣкъ пять получили, по пятидесяти фунтовъ.

— Никогда я вамъ не повѣрю: зачѣмъ-бы такъ много выдавали, когда, собственно на дорогу, и двадцати дукатовъ въ доволь.

— Богъ съ вами!... Что вы!.. Какъ вы доѣдете, на двадцать дукатовъ?..

— Отсюда до Вѣны — во второмъ классѣ, на пароводѣ и по желѣзной дорогѣ — стоитъ четыре дуката; отъ Вѣны до границы — около этаго; значитъ восемь. Ну, а тамъ — до Варшавы, непомню сколько... Въ Варшавѣ даютъ бесплатные билеты на проѣздъ по всѣмъ линіямъ, во внутрь Россіи.

— Да я вѣдь не въ Россію, а въ Индію уѣзжаю — и про васъ думаль то же...

— Въ Индію?...

— Въ Индію—служить англичанамъ. И доброволецъ разсказаль мнѣ, и цѣль и условія поѣздки, обязывавшія оставаться не менѣе трехъ лѣтъ на службѣ, и то, какъ англичанинъ (остановившійся въ европейской гостинницѣ), разсыпался любезностями, обѣщаніями и всѣмъ такимъ соблазнительнымъ, для „желающихъ“ стать подъ англійскія знамена въ Индіи.

— Да, подумали-ли вы о томъ, что служба въ англійскихъ войскахъ, вамъ можетъ выпасть тяжкій жребій—драться когда нибудь съ русскими, идти противъ родины—отца и брата?..

— Ну да, придется-ли или нѣтъ—неизвѣстно, а деньги такія, что глупо отъ нихъ и отказаться. Кто меня тамъ накормить въ Россіи—патріотизмомъ вѣдь сытъ не будешь...

— У васъ есть руки: въ Россіи-ли или гдѣ, вы можете работать, и тѣмъ обезпечить вѣрный кусокъ хлѣба, — чѣмъ бросаться на такую отчаянную дорогу.

— Легко говорить—руки... подите искать труда—увидите, что вамъ дадутъ эти руки...

— Да если-бъ и такъ; если-бъ и въ самомъ дѣлѣ, такъ трудно-бы его найти трудъ—хотя я убѣжденъ, что порядочный человекъ, найдетъ его во всякое время, — то ужъ изъ-за одного того, что вы русскій, слѣдовало-бъ отказаться отъ такого предпріятія...

— Э-э-э... батюшка... русскій-ли я — французскій, а ѣсть нужно—патріотизмомъ сытъ не будешь. Сказаль-бы — въ Россію есть къ чему вернуться, — семья, иль путное что ждеть, а то вѣдь, нѣтъ! вернись, да и скитайся, отъ одного къ другому.

— Да ужь, если вы на одно бьете—на фду, да на то что путное не ждетъ въ Россіи—незадаваясь, ни національностью, ни патріотизмомъ, то безспорно, что въ Индіи будетъ лучше: денегъ куда больше и страстямъ просторнѣе...

— Да, ну васъ — съ патріотизмомъ съ вашимъ, и съ національностью съ какой-то... Я, батюшка мой, видывалъ виды—знаю, какъ голодному не вкусно... и національность и патріотизмъ, и все забудешь, коль сутки неѣвши погуляешь... А пойдѣ—скажи кому, „дайте моль голодаю, изъ патріотизма“—мазурикомъ назоветъ. Нѣтъ благодарю покорно-съ — и за патріотизмъ за вашъ, и за національность.

— Ну и много васъ фдетъ въ Индію?

— Насъ, человекъ семь вмѣстѣ фдутъ. А тамъ — не знаю, пожалуй и еще кто соберется.

Впослѣдствіи я узналъ, что англичанинъ, набравшій добровольцевъ въ Индію, какъ-бы изъ приличія вступилъ-было въ сербскую службу, и нося военный мундиръ, готовился отстаивать славянскую идею—въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій. Но это не безусловная истина; вѣрнѣе, что онъ облакаясь въ сербскій мундиръ (послѣ русскаго ультиматума остановившаго войну) и видя плачевное положеніе арміи, и неумышлялъ быть защитникомъ славянскихъ идей, а для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли—навербовать какъ можно больше и незамѣтнѣе, нашель, что въ такомъ нарядѣ—куда сподручнѣе это исполнить.

Вообще въ послѣднее время, замѣтный наплывъ иностранныхъ офицеровъ въ ряды сербской арміи, казался весьма загадочнымъ, и не я одинъ, а и многіе непостижали причинъ такого явленія — ставшаго впослѣдствіи вполне яснымъ. Но пока оно стало яснымъ, пришлось прослѣдить за поведѣніемъ

иностранцевъ, съ начала и до конца сербско - турецкой войны.

Съ начала войны и до пораженія при Дюнишѣ, — иностранные офицеры, если и попадались въ Сербіи, если они и сражались въ рядахъ сербовъ, то неудивительно; это былъ народъ, которому куда и на что угодно идти, съ кѣмъ и и за что сражаться — было безразлично... Онъ вполне подходилъ, подъ тотъ уровень, воспѣтыхъ большинствомъ русской періодической печати, идеальныхъ добровольцевъ, которые такъ не блистательно исполнили свою роль въ Сербіи — такъ безцеремонно и назойливо вели себя въ странѣ, ошибочно поддавшейся иноземному вліянію, какихъ нибудь неразборчивыхъ на средства честолюбивыхъ авантюристовъ, съумѣвшихъ замаскировать истину, предъ глазами недалекихъ сербскихъ политиковъ... Эти иностранцы (преимущественно отставные военные), представляли нагляднѣйшіе типы отпѣтыхъ и на все готовыхъ натуръ; имъ рѣшительно все равно было чья возьметъ — выиграютъ-ли сербы, или турки, настанетъ-ли славянское единство, или мусульманское владычество надъ всѣми... То и дѣло, приходилось сталкиваться — то съ венгерскимъ кавалеристомъ (испившимся уже до нельзя капитаномъ); то съ француземъ (блуждающимъ по міру коммунистомъ); то съ итальянцемъ, (политическимъ врагомъ своего правительства); то съ пруссакомъ (отрицателемъ военныхъ способностей у Мольтке); то, съ англичаниномъ (бѣжавшимъ правосудія банкротомъ); то съ американцемъ (сражавшимся уже по всюду изъ одной любви къ искусству, и по той же причинѣ пріѣхавшимъ въ Сербію). То наконецъ съ полякомъ (эмигрировавшимъ изъ Россіи, во время возстанія и примчавшимся въ Сербію, въ надеждѣ искупить прошлое — лужбой въ рядахъ сербской

арміи—заслужить (предполагаемое) прощенье русскаго правительства... Вотъ каковъ былъ напѣвъ иностранцевъ въ началѣ.

Въ бытность мою (еще во время войны) въ Топчидерскомъ военномъ госпиталѣ, въ числѣ раненыхъ русскихъ добровольцевъ (офицеровъ), я встрѣтилъ двухъ выдѣлявшихся субъектовъ: американца—лишившагося ноги выше колѣна, и поляка—потерявшаго всю правую ногу и руку. Съ первымъ изъ нихъ я разговорился кое какъ по нѣмецки, при помощи переводчика, а со вторымъ по польски. „Должно быть вы воинъ въ душѣ, что рискнули подвергать себя явной опасности добровольно“, обратился я къ иностранцу, глядѣвшему на свою отрѣзанную ногу, не обращая вниманія на мое приближеніе.

— Да... всежъ таки развлеченіе, отвѣчалъ онъ, устремивъ на меня свой пристальный взглядъ.

— Однако—дорого обошедшееся, между тѣмъ, какъ пользы отъ него, мало.

— Все-жъ таки есть—хотя бы и та, что больше воевать не буду. А это несомнѣнная польза для людей.

— Да развѣ-жъ вы такой неугомонный были, что гдѣ война, тамъ и вы,—не взирая ни на націю, ни на цѣль изъ за которой она ведется?

— Почти такой... Жизнь моя такъ сложилась, что и другой на моемъ мѣстѣ, былъ-бы такимъ: дорожить не чѣмъ, жить не для кого, вести спокойную жизнь—сучно. Только и остается, что поставивъ жизнь на карту, искать сильныхъ ощущеній, дожить вѣкъ полною жизнью.

— Да вѣдь и безъ войны, можно дожить полною жизнью.

— Можно, но для этого нужно многое, чего я лишень судьбою. Мнѣ только и отрады, что въ войнѣ, гдѣ

рядъ опасностей, заставляющихъ переживать такія минуты ощущеній, о которыхъ, въ другое время, и понятія не составишь.

— Такъ-то—такъ. Но нужно быть ужъ очень разочарованнымъ, чтобы искать такихъ опасностей, съ подобною цѣлью.

— Да я и есть одинъ изъ такихъ разочарованныхъ... Горе лишь, что несмотря на мои воинственные походы, слишкомъ дешево отдѣлываюсь все время.

— Вы развѣ, во многихъ войнахъ уже участвовали?

— Въ четырехъ: у себя дрался, въ австро и франко-прусской побывалъ, и тутъ вотъ какъ видите, отличился — ногой заплатилъ за храбрость.

— Такъ развѣ это дешево, когда ноги ни стало?

— Что — ноги, когда живъ остался... вотъ если-бъ убили, тогда-бъ я сказалъ спасибо. А это что... съ грустью сказалъ раненый и отвернувшись, сталъ вытирать влажные глаза, рукавомъ сорочки. Я отошелъ отъ этого убитого горемъ страдальца, и обойдя еще, нѣсколько кроватей, набрелъ на раненаго добровольца (поляка эмигрировавшаго изъ Россіи). „Что вамъ, за расчетъ былъ воевать тутъ изъ-за дѣла, которому вы по всей вѣроятности несочувствуете вовсе?“, обратился, я къ нему, какъ-то жалостно глядѣвшему бѣднягѣ.

— Не расчетъ-бы, если-бъ не влекло на родину: тамъ у меня мать и сестра, а я вотъ скитаюсь по міру съ самаго возстанія; и надежды нѣтъ увидѣть ихъ... съ грустью отвѣчалъ раненый.

— Откуда же вы родомъ?

— Изъ Житомира—тамъ живутъ и мои родные.

— Какая-жь у васъ была цѣль ѣхать въ Сербію; вѣдь родина — Россія, гдѣ живутъ ваши родные, а не Сербія?.

— Россія — но вернуться въ нее, я не могу: меня будутъ судить, какъ политическаго преступника.

— Да, но Сербія при чемъ тутъ... вѣдь тѣмъ, что вы въ ней воевали, не искупается ваше преступленіе въ Россіи, и вернись вы туда — хотя-бы и раненый — все равно не избѣгнете суда за прежнее.

— Неужели-жь — мое участіе въ рядахъ русскихъ добровольцевъ и такія раны (указаль онъ на руку и ногу) не будутъ приняты во вниманіе — неужели, не простятъ мнѣ прошлое въ Россіи?.

— Конечно, нѣтъ. Да и согласитесь: какое жъ дѣло русскому правительству до того, что вы — возставшій противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, и во избѣжаніе наказанія, ушедшій за границу — дрались теперь въ Сербіи? Что тутъ общаго съ вашимъ прошлымъ, преступнымъ противъ того государства, законы котораго не щадятъ виновныхъ подобныхъ вамъ и теперь?

— Я знаю, это. Но русскіе вѣдь, помогаютъ сербамъ — за одно съ ними ведутъ борьбу — почему и я, принимая участіе въ ней, думалъ — заслужу снисхожденіе русскихъ къ своему прошлому.

— Вы, какъ-то непонятно выражаетесь, говоря „думалъ заслужу снисхожденіе“; да если-бъ вы и заслужили его, то оно вѣдь, не прощеніе того правительства, противъ котораго вы вели борьбу.

— Да, правительство-жь ваше, покровительствуетъ славянамъ — добровольцы ѣдутъ сюда, съ его согласія... а въ такомъ случаѣ и каждый изъ насъ — хотя-бы и не русскій подданный — принявшій участіе въ этомъ движеніи, какъ-бы

сближается съ вами—подобный мнѣ преступникъ, какъ-бы искупаетъ этимъ свое прошлое.

— Кто вамъ такіе взгляды усвоилъ, скажите?

— Самъ я такъ думаю. Да, судя по событіямъ и фактамъ, какой-же иной взглядъ и усвоить-то было.

— Именно — судя по событіямъ и фактамъ, невольно усвоивается иной взглядъ, чѣмъ вашъ въ данномъ случаѣ.

— Можетъ быть я и ошибаюсь — но такъ мнѣ казалось... и буду очень радъ, если вы мнѣ укажете истинный смыслъ событій.

— Что ошибаетесь, то въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но и я не возьму на себя такъ много, чтобъ назвать свой взглядъ безошибочно и вѣрно освѣщающимъ истинныя причины и смыслъ событій. А такъ лишь—на что указываетъ логика и здравый смыслъ. Вы напр., сказали, что русское правительство покровительствуетъ славянамъ; что русскіе ѣдутъ сюда съ его согласія, и что ужъ по одному тому, каждый—хоть-бы и не русскій—принявшій участіе въ этомъ движеніи какъ-бы сближается съ русскими, что подобный вамъ преступникъ, какъ-бы искупаетъ свое прошлое.

— Въ предпоследнемъ вы пожалуй правы: единоборствомъ за общую идею, вы какъ-бы сближаетесь съ нами—идя бороться за правое дѣло, заслуживаете уваженіе въ глазахъ русскихъ. Но въ остальномъ—грубо ошибаетесь; что русское правительство сочувствуетъ славянамъ (больше чѣмъ всякое другое), и что всегда принимало и приметъ участіе въ ихъ пользу, когда того потребуютъ обстоятельства, то въ этомъ и сомнѣваться даже трудно: вѣдь Россія, съ ея правительствомъ и народомъ — единственное цѣлое (а слѣдовательно и сильное) славянское звено! кому-же и вступаться за „слабыхъ“ какъ не „сильнымъ“... Но изъ того вовсе еще

не слѣдуетъ, что русскіе ѣдущіе въ Сербію, съ цѣлью стать въ ряды сербской арміи, отпущены своимъ правительствомъ для такой цѣли; я, да и каждый изъ насъ пріѣхалъ сюда, по заграничному паспорту — выданному въ Россіи на поѣздку за границу вообще. И къ тому, что мы тутъ воюемъ — что очутились вмѣсто (положимъ) Лондона — въ Бѣлградѣ, правительство наше, столь же причастно, какъ если-бы мы, минуя Бѣлградъ, направились въ Парижъ, и заставъ тамъ революцію, приняли бы въ ней участіе... Вы скажете, большая разница въ этомъ: французская революція — чуждое событіе вашему правительству, тогда, какъ славянское движеніе — его близко касается. Я съ вами согласенъ, что такъ. Но я вѣдь только сравниваю, совершившійся фактъ, съ весьма вѣроятнымъ явленіемъ при одинаковыхъ условіяхъ, въ какія поставленъ, теперь, русскій доброволецъ — какъ путешественникъ, внѣ границъ своего отечества. Относитъ русскому правительству, небывалое поощреніе добровольцевъ — значитъ непонимать тѣхъ условій и международныхъ отношеній, вѣрнѣе сказать, политическихъ, въ какихъ находится каждое могущественное государство, въ минуты рѣшительныхъ событій въ мірѣ. Россія — не маленькая Сербія: найди она нужнымъ вступить за славянъ, вооруженною силою, она могла бы (и можетъ) это исполнить открыто — дѣйствуя согласно своему достоинству и міровому могуществу; — въ чемъ вы я думаю не сомнѣваетесь, какъ сынъ той страны, силы которой, вамъ хорошо извѣстны.

— Вотъ почему не логично и послѣднее ваше заключеніе, гдѣ вы говорите, что участіемъ въ славянскомъ движеніи, каждый, хотя-бы и политически преступный противъ русскаго правительства, искупаетъ свое прошлое — заслуживаетъ его прощеніе.

— Изъ вашихъ словъ, остается заключить что русское правительство, лишь сочувствуетъ славянамъ—не принимая никакого участія въ движеніи добровольцевъ въ данное время.

— По всей вѣроятности — сочувствуетъ... Что-же касается того, принимаетъ-ли оно участіе въ движеніи добровольцевъ — или какъ вы говорили — шлетъ-ли ихъ сюда, то не ошибемся, если скажемъ „не принимаетъ, и не шлетъ—они сами ѣдутъ“.

— Какъ-же понять — такую наприм. истину: вѣдь не секретъ, что добровольцы, ѣдутъ на средства славянскихъ комитетовъ, и что комитеты эти, шлютъ ихъ цѣлыми партіями изъ Россіи — открыто и не стѣняясь; какъ понимать это?..

— Какъ это вы, до сей поры не поняли, меня удивляетъ... А понять такъ-же легко, какъ опредѣлить — день или ночь въ данное время.

— Да вотъ не понялъ — что подѣлаешь.

— Странно... Что такое, славянскіе комитеты — какое вы объ нихъ, и ихъ дѣятельности составили понятіе?

— Цѣлыя учрежденія—дѣятельность которыхъ извѣстна всей Европѣ.

— Но какія — назовите: частные-ли, или правительственные?

— Конечно — правительственные.

— Вотъ видите-ли, съ какою вы увѣренностью говорите — правительственные; между тѣмъ какъ они, частные благотворительные учрежденія, цѣль которыхъ состояла и состоитъ — помогать славянскимъ народамъ, внѣ предѣловъ Россіи. И какъ подобная цѣль — вполне похвальная, основанная на чисто христіанскомъ побужденіи творить добро, то правительство утвердило эти комитеты, не видя въ нихъ ни-

чего противнаго своей политикѣ, по отношенію къ Балканскимъ славянамъ. Комитеты могутъ давать деньги, кому угодно, съ благотворительною цѣлью, какъ они даютъ и добровольцамъ. Но скажетъ-ли вамъ кто изъ такихъ добровольцевъ получившихъ вспомошествованіе, что получилъ его съ непремѣннымъ обязательствомъ отправиться воевать въ Сербію? Навѣрное нѣтъ: ему ихъ дали, какъ добровольно отправляющемуся на помощь страждущимъ единовѣрцамъ — не навязывая форму въ какой должна быть выражена эта помощь. Если-жъ, кто изъ добровольцевъ прійдя на мѣсто событій, сталъ въ ряды борющихся славянъ — такъ сказать — избралъ этотъ путь къ достиженію предвзятой цѣли, то вольно ему было поступить какъ угодно — сдѣлаться поклонникомъ той, или другой идеи. Наконецъ, если и допустить тутъ починъ комитетовъ — ихъ понудительное вліяніе на добровольцевъ, то что-жъ здѣсь общаго съ правительствомъ, которому частности, какія-бы ни было, не всегда бываютъ извѣстны, и которое допуская существованіе комитетовъ, имѣло единственную и гуманнѣйшую цѣль — поощрить частную благотворительность на пользу угнетенныхъ славянъ Балканскаго полуострова. Предполагать-же что русское правительство, допуская существованіе комитетовъ, имѣло въ виду помочь Сербіи подпольною вооруженною силой, значить приписывать ему политическую безтактность и капитальную слабость гражданскихъ и военныхъ силъ — чѣмъ Россія, какъ вамъ извѣстно, не отличается.

— Я не въ томъ смѣлѣтъ сказать вамъ, что русское правительство поощряетъ движеніе добровольцевъ; говоря это, я допускалъ его инициативу въ этомъ движеніи — высказанную имъ можетъ быть и не прямо.

— Да хотя-бы и такъ, то вы не правы: русскому правительству, подобную инициативу не зачѣмъ было высказывать.

не прямо. Найди оно нужнымъ ее высказать — то повторяю — нашло-бъ и предлогъ и средства къ достиженію цѣли — околныхъ путей не искало-бъ, располагая восьмьюдесятью миллионами подданныхъ и миллионною, хорошо организованною арміей.

Вотъ образецъ тѣхъ сужденій — да и самихъ личностей, такъ судившихъ — которые имаясь иностранцами, пестрѣли въ сербской арміи въ началѣ сербско-турецкой войны. Но совершенно инныя слышались и сужденія — встрѣчались и личности въ концѣ перемирія, въ Бѣлградѣ, вѣрнѣе — съ половины и до конца. Сюда явились представители всѣхъ націй — но уже не того покроя; лучшія люди въ ихъ средѣ, встрѣчались не рѣдко. Офицеры генеральнаго штаба, кавалеристы и пѣхотинцы, правдивые журналисты и зоркіе наблюдатели — частные лица, видѣлись повсюду, гдѣ былъ хотя какой нибудь интересъ въ текущихъ событіяхъ. Смотря на этихъ — не ошибусь сказавъ — порядочныхъ иностранцевъ, лѣзло въ голову: зачѣмъ это они нахлынула въ Сербію?.. и главное, когда — послѣ войны!.. Но эта мысль оставалась неразъясненною, лишь на мгновеніе: ставало яснымъ зачѣмъ... За-тѣмъ, чтобъ собственными глазами изучить все — убѣдиться во всемъ воочію, и буквально передать видѣнное и слышанное тѣмъ правительствамъ и націямъ, представителями, которыхъ они были. Но что для нихъ было всего важнѣе, это — тщательный анализъ славянскаго движенія: русскихъ добровольцевъ — ихъ качества, количества и вождей. Вотъ надъ чѣмъ они ломали себѣ головы, и на что получили фактичный и ясный отвѣтъ въ событіяхъ. И какъ наглядно обнаруживалась цѣль пріѣзда этихъ иностранцевъ: всюду гдѣ только происходило что по интереснѣе (въ смыслѣ характерномъ), видѣлись они наблюдавшіе за фактомъ. Ни одинъ порывъ

страстей сербовъ, или русскихъ, ни шагъ добровольческихъ командировъ (этихъ — въ большинствѣ необузданныхъ авантюристовъ), какъ и самаго главнокомандующаго — тогда еще существовавшаго, не прошли незамѣченными и необсуженными ими; изъ всего извлекались выводы, обо всемъ слагались мнѣнія и все, какъ нельзя лучше, понималось — зрѣло и безпристрастно. А безпристрастно, можно сказать потому, что эти цѣнители, будучи подданными правительствъ — можетъ быть и неособенно расположенныхъ къ Россіи, и членами націй — безусловно недружелюбныхъ ей, съ очевидною честностью вели себя въ этой роли — относясь къ дѣлу, съ тою справедливостью, вѣрностью и здравостью, на которыя способны лишь люди вполне порядочные и безпристрастные. Не признать за ними безусловной компетентности и добросовѣстности въ данномъ случаѣ, значило-бы — отнестись къ нимъ пристрастно и грубо ошибиться въ заключеніи. Мнѣ болѣе другихъ довелось сблизиться съ ними и вынести впечатлѣній, слушая ихъ сужденія о фактахъ *); но ни разу, за все время, неподвернулись даннымъ въ пользу мнѣнія, что эти иноземные наблюдатели умышленно коверкаютъ истину, и толкуютъ ее въ неблагоприятномъ свѣтѣ для Россіи; напротивъ — они съ успѣхомъ доискиваясь до корня каждаго выдающагося факта и находя его, толковали о немъ сколь возможно правильно, не задаваясь вопросамъ — послужить-ли ихъ толкованіе въ пользу, или во вредъ русскимъ — за, или противъ ихъ симпатій.

Одна бѣда, что при добросовѣстности и зрѣлости такихъ

*) Подмѣтивъ цѣль пріѣзда этихъ людей, я сталъ слѣдить за ихъ дѣйствіями — и въ особенности за тѣми изъ нихъ, которые казались болѣе авторитетными единицами.

цѣнителей, недоставало имъ той политической проницательности, которою-бы безспорно должны были быть одарены люди въ ихъ роли: они разсуждая о добровольцахъ, твердили—и съ полнымъ убѣжденіемъ—что русскихъ добровольцевъ, шлетъ правительство — и никто иной, какъ оно; что оно оказывая фактическую помощь сербамъ, слѣдуетъ ложнымъ путемъ къ цѣли — посылая слишкомъ слабую силу на борьбу съ слишкомъ неравнымъ противникомъ. Этимъ вотъ дикимъ убѣжденіемъ, они до того были проникнуты, что ни основательными доводами, ни фактами, безповоротно противурѣчащими, такимъ убѣжденіямъ, не представлялось возможнымъ заставить ихъ сознать свою ошибку—убѣдиться въ неосновательности своихъ сужденій. Обыкновенно, послѣ горячихъ и упорныхъ споровъ на эту тему, достигался лишь тотъ результатъ, что спорившій иностранецъ, нѣсколько усумнялся въ самомъ себѣ и принималъ все къ свѣдѣнію, обѣщая при этомъ, анализировать данный фактъ въ будущемъ, въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ его. Объ остальномъ-же, обо всемъ, совершавшемся тогда въ Сербіи, повторяю—они составляли самое отчетливое и вѣрное понятіе.

Какъ-то разъ, за обѣдомъ въ гостинницѣ „Крала“ (гдѣ составлено, большинство моихъ наблюденій) довелось мнѣ быть свидѣтелемъ разговора, русскаго добровольца съ англійскимъ капитаномъ *)—вступившимъ—какъ и большинство ихъ—въ сербскую службу, для болѣе благовиднаго предлога наблюдать за фактами—глядѣть на нихъ ближе, чѣмъ это было возможно въ статскомъ костюмѣ. Разговорились они, о славянахъ и обо всемъ тогдашнемъ, совершавшемся на Балканскомъ полуостровѣ.

*) Англичанъ-наблюдателей, встрѣчалось значительное большинство.

Ну и признаюсь, взглядъ этого англичанина, навелъ меня на многія дагадки... а безошибочность его сужденій, о нашихъ добровольцахъ, до того меня удивила, что вкралось подозрѣніе: не русскій-ли онъ... Да и не мудро было подозрѣвать въ немъ русскаго, выслушивая длинныя рѣчи его, на (почти правильномъ) русскомъ языкѣ.

Обѣдало насъ человѣкъ восемь — русскихъ и иностранцевъ; зашла рѣчь о семь, о томъ — пошли толковать, о войнѣ, о сербахъ, а въ концѣ, какъ и слѣдовало ожидать, о добровольцахъ. Но лишь стали говорить объ нихъ, какъ встаетъ, съ своего мѣста, одинъ изъ ораторовъ (англійскій капитанъ) и приподнявъ стаканъ съ виномъ, предлагаетъ такой тостъ: „выпьемъ-те господа за здоровье, тѣхъ не многихъ порядочныхъ русскихъ, которыхъ мы такъ мало тутъ встрѣчаемъ, и которымъ я вполнѣ сочувствую“.

— Что вы хотите сказать этимъ? спросилъ его нѣсколько обидчивымъ тономъ, мой сосѣдъ — русскій доброволецъ.

— То что и говорю, отвѣтилъ англичанинъ не менѣе рѣзко.

— Врядъ-ли... а то-бы вы не выразились въ такомъ смыслѣ.

— Въ какомъ?

— Предлагая тостъ за здоровье „порядочныхъ русскихъ въ Сербіи“ и особенно ударяя на фразу „тѣхъ немногихъ“, вы какъ-бы всѣхъ ихъ — за малымъ исключеніемъ — выставили въ дурномъ свѣтѣ; между тѣмъ какъ на дѣлѣ, не всѣ-жъ они дурные... найдутся и порядочные — и даже, можетъ быть въ большемъ числѣ, чѣмъ вы допускаете...

— Вы не правы — понимая меня не такъ, какъ-бы слѣдовало понять въ данномъ случаѣ. Что въ средѣ русскихъ добровольцевъ, найдутся порядочные люди, то это не подле-

жить ни малѣйшему сомнѣнію; ни я, ни кто-бы ни было изъ насъ, не станеть отрицать такую несомнѣнную истину—и что говорю правдиво, то это доказаль мой тостъ за здоровье такихъ добровольцевъ. Но что ихъ тутъ, очень и очень, не много, то лучшимъ оправданіемъ такого мнѣнія, служить цѣлый рядъ — каждый день повторяющихся фактовъ, рельефно очерчивающихъ достоинства и направленія большинства этихъ людей, которыхъ, я думаю, не станете-жъ вы и защищать, ради того только, что они ваши соотечественники.

— Мнѣнше всего ради того, но изъ справедливости, которой и вы я думаю не чужды, буду всегда защищать ихъ. Я не стану доказывать вамъ, что русскіе добровольцы въ Сербіи — народъ безукоризненный, — что всѣ они явились сюда съ сознательною, основанною на идеи цѣлью — нѣтъ! Но и не скажу въ свою очередь, какъ вы — не предложу тостъ, за здоровье „очень немногихъ порядочныхъ, а просто выпью „за здоровье, порядочныхъ русскихъ въ Сербіи. Такимъ то-стомъ, и сказать можно больше, и цѣли достигнуть, куда больше...

— Такъ въ чемъ же и вопросъ: вѣдъ въ принципъ мы съ вами сходимся — лишь только въ формѣ выраженія мысли, несогласны. Ну да это-же и не такая бѣда, изъ-за которой-бы намъ спорить нужно; такъ-ли сказано — иначе, въ результатъ все тоже: порядочныхъ русскихъ въ Сербіи, очень и очень немного. И жаль мнѣ васъ, что ихъ такъ немного, сказалъ англичанинъ еще не остывшему своему собесѣднику.

— Вамъ-то отчего-же жаль? спросилъ послѣдній, векочивъ какъ ужаленный.

— Да оттого, что каждый порядочный русскій сдѣлался жертвой общей неурядицы — желая достигнуть того,

что было бы доступнымъ и вполне возможнымъ, при иной организаціи вашихъ силъ въ Сербіи.

— Въ чемъ же эта неурядица заключается по вашему? Тѣ отдѣльные эпизоды, которые мы тутъ видимъ ежедневно, не считаете-же вы, вліяющими на главные событія, изъ-за которыхъ могла-бы быть такая неурядица. А больше что-же бы такого скрывалось тутъ загадочнаго, подъ словомъ неурядица?

— Ничего тутъ нѣтъ загадочнаго; я даже удивляюсь, скажу откровенно, что вы еще вызываете меня на объясненія объ этихъ неурядицахъ. Вѣдь вы, какъ и я, были тутъ все время—и видѣли все безъ сомнѣнія; а если были и видѣли, то и знаете, что кромѣ общей неурядицы, безпорядковъ и произвола, тутъ ничего и не видно было больше — Причины же этому всему, тоже вамъ извѣстны.

— Не все, но большинство ихъ, знаю.

— Такъ что-жъ вы удивляетесь моей фразѣ—и какъ бы совсѣмъ не понимая, просите разъясненія ея смысла?

— Слово неурядица, такое относительное, что каждый смотря на чьи нибудь дѣйствія, или какія-бы ни было событія, можетъ отнести его по своему, и назвать неурядицей, или неурядицами, то, что вовесть инымъ другому кажется. Такъ и мы съ вами — одинъ неурядицею въ Сербіи называетъ одно, а другой—другое; почему, я и спрашиваю въ чемъ вы ее тутъ разумѣете?..

— Ну нѣтъ... причина —почему вы меня вызываете на объясненія, не въ этомъ кроется мнѣ кажется: не въ желаніи-ли узнать мои взгляды—взвѣсить на сколько они вѣрны—шутливо сказалъ англичанинъ.

Главная причина та—что я дѣйствительно не знаю въ чемъ вы разумѣете неурядицу, изъ-за которой, пострадали

порядочные русскіе; но что и съ вашими взглядами на этотъ вопросъ, я бы не прочь ознакомиться — это правда.

— Не въ моихъ правилахъ, скрывать свои убѣжденія и взгляды, въ особенности—на совершающееся передъ глазами всего міра. А въ данномъ случаѣ, даже охотно выскажу вамъ ихъ, какъ русскому—прямо заинтересованному въ этомъ. И такъ, называя порядочныхъ русскихъ въ Сербіи—жертвами общей неурядицы, я разумѣю — ихъ, напрасно потраченное, самоотверженіе, лучшія стремленія и безслѣдно кинутое здоровье, а многими и жизнь, въ темную пропасть событій. Правда — черезъ-чуръ мало есть тутъ такихъ русскихъ; но эти немногіе, нужно имъ отдать справедливость, пришли сюда съ такимъ свѣтлымъ, возвышающимъ душу настроеніемъ, что случись это, при другихъ условіяхъ,—ихъ дѣятельность нашла-бы себѣ, благодарнѣйшую почву—дала-бы блестящіе результаты. Словомъ—приди они въ страну, сознательно борющуюся съ врагомъ, политически подготовленную къ такой борьбѣ, а главное — возставшую, во имя національности — въполнѣ увѣренную въ благопріятномъ исходѣ, начатой борьбы. Приди въ такую страну, такіе русскіе — да и кто бы ни былъ на ихъ мѣстѣ,—они мало того, что оказали бы существенную услугу ей, но и вознаградили-бы себя — удовлетворивъ свои лучшіе порывы, на почвѣ плодотворной и благодарной дѣятельности, на пользу человѣчеству. Но въ томъ-то и горе, въ томъ и вся бѣда ваша и вашихъ соотечественниковъ (за здоровье которыхъ мы нили), что въ Сербіи — вы попали какъ разъ въ противоположныя бытовья условія, какъ разъ, при иныхъ обстоятельствахъ пришлось вамъ дѣйствовать, и какъ разъ вступили-вы на иную почву, чѣмъ можетъ быть рассчитывали раньше. Найдя страну, воевъ нерасположенную къ войнѣ, а народъ ея — воюю-

щій по принужденію; встрѣтивъ, подготовленный разладъ, сѣрбовъ съ русскими того сорта, которыхъ безошибочно можно причислить къ числу авантюристовъ и убѣдившись въ совершенной разрозненности, вспомогательныхъ силъ арміи—поддержать которую, была ваша цѣль—вы сразу очутились въ фальшивомъ и весьма трудномъ положеніи; ваши силы, сразу стали бесплодно истощаться и вы съ перваго момента, принялись слѣдовать въ ложномъ направленіи. Идея, про которую, такъ много писалось въ вашихъ газетахъ и кричалось, славянофилами, вовсе не была здѣсь, общеою цѣлью стремленія вашихъ добровольцевъ: она не послужила имъ оконечностью, у которой-бы они остановились—поняли и общими усиліями стали-бы дѣйствовать во имя ея, жертвовать ради ея — и только, во имя ея и ради ея! Въ этомъ я увѣренъ, какъ и въ томъ, что каждый наблюдатель—кто-бы онъ ни былъ—хорошенько всмотрѣвшись въ событія, будетъ согласенъ со мною.

— Я просилъ-бы васъ категорически, отвѣтить на вопросъ: почему порядочные русскіе сдѣлались жертвами общей неурядицы и не могли достигнуть предвзятой цѣли, изъ-за нея? Почему именно произошла эта неурядица и кого вы вините въ ней? А то вы, слишкомъ ужъ поверхностно коснулись ихъ...

На то—почему порядочные русскіе сдѣлались жертвами общей неурядицы и не могли достигнуть предвзятой цѣли изъ за нея—я отвѣчалъ вамъ уже довольно опредѣлительно. Вѣдь не сомнѣнно, что примѣсъ малой доли хорошаго—чего бы ни было — къ массѣ дурнаго, не перерождаетъ эту массу дурнаго въ хорошее; не пересоздаетъ ее на свой ладъ и, очевидно почему; потому что вліяніе этой малой доли хорошаго на дурное, такое незначительное, что вкусъ, строй, или видъ

его, отъ новой примѣси, почти неизмѣняется — вліяніе остается незамѣтнымъ. А слѣдовательно, хорошее, въ такомъ случаѣ, потрачено непроизводительно, безъ всякаго достиженія главной цѣли — повліять въ извѣстномъ смыслѣ, или на направленіи, на дурное. Что здѣсь именно и случилось: преобладающій наплывъ русскихъ добровольцевъ, дурнаго закала — людей невѣрно направленныхъ, и ложно понявшихъ свою роль, словомъ — во всѣхъ отношеніяхъ людей непригодныхъ къ дѣлу; и, незамѣтный, можно сказать, въ сравненіи ничтожный ⁹/₁₀ порядочныхъ русскихъ, знавшихъ зачѣмъ ѣдутъ, съ правильнымъ взглядомъ на свое будущее и твердою рѣшимостью слѣдовать по разѣ избранному пути — схожъ, какъ нельзя болѣе, съ только что приведеннымъ сравненіемъ; примѣсь ничтожнаго меньшинства порядочныхъ русскихъ, къ значительному большинству дурныхъ, оказала соотвѣтствующее вліяніе — недостигнувъ главной цѣли — помочь Сербамъ въ трудную годину, разбила въ прахъ ихъ надежды, и охладила эти честныя натуры, равшіеся къ такой цѣли. Вслѣдствіи наплыва дурныхъ добровольцевъ въ сербскую армію и сама организація ея стала трудною, и вліяніе ихъ, какъ борцовъ за идею, въ странѣ поколеблено. Вотъ и ясно, почему порядочные русскіе въ Сербіи сдѣлались жертвами общей неурядицы, и не могли достигнуть предвзятой цѣли изъ за нея.

На второй вашъ вопросъ: почему именно произошла такая неурядица — легко найдете отвѣтъ, въ только что сказанномъ: потому, что дурной элементъ добровольцевъ внесъ въ страну существенно дурное вліяніе и, для арміи онъ послужилъ, не кадрами къ организаціи, а единицами къ ея деморализаціи — что временемъ и событіями уже вполне доказано.

И на третій: кого слѣдуетъ винить въ этомъ всемъ — отвѣчу безъ запинки; прежде всего — ваше правительство въ ошибкѣ, и безусловно — славянофиловъ, не съумѣвшихъ дѣйствовать, какъ-бы слѣдовало съ пользою для дѣла, а такъ лишь — пропагандировавшихъ, не сослуживъ службы, ни своему правительству, ни восточнымъ славянамъ, за которыхъ они такъ распинаются. Я говорю — не сослуживъ службы — потому, что пожертвованія которые переходятъ чрезъ ихъ руки и оказываютъ существенную помощь славянамъ — не плоды, ихъ дѣятельности или умѣнья, а присущаго русскому человеку сочувствія къ страдальцамъ — кто-бы они ни были — христіане. лютеране или магометане... „Какъ, правительство?!“ — воскликнуло было слушатель. Но хладнокровный англичанинъ, промолчавъ нѣсколько — какъ-бы въ ожиданіи пока удивленный придетъ въ себя — продолжалъ. Правительство, потому, что оно идя къ предположенной цѣли — выручкѣ сербовъ, и содѣйствію перевѣса на ихъ сторону въ борьбѣ съ Турціей, избрало такой шаткій путь, къ ея достиженію: посылая сюда добровольцевъ — мало и самаго отчаяннаго свойства, не взвѣсило и не предвидѣло могущихъ быть послѣдствій — не подумало объ этомъ раньше, чѣмъ начать дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Вѣдь знало-же оно, о военныхъ силахъ Турціи — хотя приблизительно; знало, по всей вѣроятности, и о такихъ силахъ Сербіи, точно такъ-же, какъ знало и о значеніи своихъ добровольцевъ, способныхъ оказать подмогу сербской арміи. А зная это все, трудно было и не предвидѣть возможныхъ отъ этого послѣдствій. Нельзя допустить, чтобы ваше правительство, видя кого оно шлетъ въ чужой край — кого, такъ сказать, предоставляетъ самому себѣ, упустило изъ виду главное — для какой цѣли, оно шлетъ? и будетъ-ли эта цѣль достигнута? Если-же допустить

это, то нужно развѣ придти къ заключенію, что люди, которые были имъ уполномочены дѣйствовать, въ томъ, или другомъ духѣ, оказались бездарными исполнителями его указаній. Но такъ-ли—иначе, а правительство виновато вдвойнѣ: во-первыхъ — что предназначавъ цѣль, избрало шаткій путь къ ея достиженію — желая помочь Сербіи, послало, мало и дурныхъ добровольцевъ; и во-вторыхъ—что избравъ уже этотъ путь, не приняло мѣръ къ предотвращенію разигравшихся послѣдствій, что не содѣйствовало возможной организаціи добровольцевъ.

Славянофилы-же ваши, или вѣрнѣе—общество этого лагеря, безусловно виновато въ томъ, что оно выдѣляя изъ своей среды добровольцевъ, не создало всю важность этого шага, и невыдѣлило для этой цѣли, лучшихъ своихъ членовъ, способныхъ исполнить то, что отъ нихъ требовала въ будущемъ, роль ихъ. Словомъ—что не послало добровольцами въ Сербію, такихъ людей, которые бы, не ожидая военной рамки, ни ничьихъ указаній, сами бы могли внести организацію въ армію — примѣръ и вліяніе въ страну. А, что такіе члены, нашлись бы въ русскомъ обществѣ, то въ этомъ я увѣренъ.

— Да вы Богъ вѣсть, какое понятіе имѣете, объ отношеніяхъ нашего правительства, и къ добровольцамъ и къ Сербіи!.. Наконецъ и о той связи, какая существуетъ, между нашимъ славянофильскимъ обществомъ и добровольцами; понятіе, можно сказать, далеко разошедшееся съ истиною—съ тѣмъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ и происходило въ Россіи, изъ за сочувствія къ славянамъ.

— Радъ-бы знать, почему это вы назвали его, „Богъ вѣсть какимъ“.

— Да и назвать-то какъ-же иначе—помилуйте!.. Я со-

гласенъ, что ваше мнѣніе о добровольцахъ, какъ о дѣятеляхъ—вполнѣ вѣрно; что они мало внесли въ страну хорошаго и не послужили кадрами, для молодой арміи, что заявили себя здѣсь дурно — не какъ-бы слѣдовало въ ихъ роли—совсѣмъ этимъ, я соглашусь безъ возраженій. Но что-бы, бывъ русскимъ и умолчать, слушая такіе напимѣръ доводы, какъ тѣ — что добровольцевъ, слало сюда наше правительство, и что это было ему нужно, для достиженія какой-то цѣли: помочь будто-бы Сербамъ, замаскированной военною силою — это было-бы большою оплошностью, просто безуміемъ со стороны такого русскаго. И я думаю, что такого не найдется. Опровергать—опровергать и опровергать—такое убѣжденіе въ иностранцѣ — можно сказать — фантастическое, противное простой здравой логикѣ — прямая обязанность каждаго изъ насъ.

— Да вы не горячитесь, а болѣе сдержанно докажите, въ чемъ состоятъ эти опроверженія.

— Начнемъ съ того, что вы вините русское правительство въ ошибкѣ—въ избраніи имъ шаткаго пути, къ достиженію цѣли, предначертанной будто-бы, въ смыслѣ содѣйствія сербамъ—посылкою на помощь имъ, своихъ добровольцевъ; да это-жъ вѣдь, ни съ чѣмъ не сообразный выводъ! Ради чего это русское правительство могло бы содѣйствовать сербамъ, воюющимъ съ Турціей? или что еще курьезнѣе—слать имъ на помощь добровольцевъ? Вѣдь, если-бъ оно нашло нужнымъ, содѣйствовать сербамъ въ данномъ случаѣ—помочь имъ вооруженною силою, то для этого, не зачѣмъ-бы прибѣгать къ такой мѣрѣ, какъ посылка горсти людей (въ большинствѣ не военныхъ), а просто отрядить имъ необходимое число своихъ войскъ—какъ вамъ извѣстно весьма многочисленныхъ въ Россіи; это и куда было проще и по-

лезнѣ. И если вы допускаете, что русское правительство посылая добровольцевъ, знало о военныхъ силахъ Турціи и о такихъ силахъ Сербіи, равно какъ и о томъ, какое значеніе могли имѣть добровольцы, въ рядахъ слабой арміи, поставленной въ необходимость сражаться, съ далеко сильнѣйшимъ непріятелемъ, то ради Бога повѣрьте, что зная оно это (въ чемъ, въ свою очередь и я несомнѣваюсь), не могло сдѣлать именно то, что вы такъ убѣдительно доказываете, т. е. не могло слать добровольцевъ, сознавая бесполезность ихъ. Кажется ясно... Ужъ—одно слово „добровольцы“, говоритъ само за себя: кто добровольно руководимый, какими бы ни было побужденіями, дѣлаетъ какой нибудь шагъ, съ твердою рѣшимостью идти къ цѣли, того, ни въ какомъ случаѣ, нельзя смѣшивать съ выполняющимъ волю другихъ; точно также, какъ не мыслимо винить кого бы ни было, въ проявленіи такой рѣшимости въ комъ-бы ни было. А называя добровольцами тѣхъ русскихъ, которыхъ вы сдѣсь видите, и допуская (даже доказывая), въ лицѣ ихъ — вооруженную помощь русскаго правительства, и выходить полное смѣшеніе, доброй воли съ понужденіемъ.

Если русскій доброволецъ, руководимый сочувствіемъ къ своимъ единовѣрцамъ и подъ вліяніемъ накопившей злобы къ варварамъ-туркамъ, такъ систематически высасывающимъ невинную славянскую кровь—понесъ свои силы, свою жизнь, на помощь борющимся, и если, его правительство, давшее всѣмъ равные права передъ закономъ, выдало ему заграничный паспортъ (не исключительно въ одну Сербію, а всюду, куда ему заглянуть будетъ угодно) т. е. исполнило то, что закономъ, каждому изъ его подданныхъ предоставлено, то трудно, самому пристрастному наблюдателю, вывести изъ этого факта, иное заключеніе, какъ только то, что такой-то—

въ душѣ положимъ рѣшившій воевать съ турками, уволенъ за границу, какъ и всякій, на его мѣстѣ, располагающій своею личностью, могъ и можетъ быть уволенъ безпрепятственно. Но никакъ уже, этотъ пристрастный наблюдатель не назоветъ такой фактъ—посылкою, русскимъ правительствомъ, такого русскаго въ Сербію, сражаться въ ней съ турками. Между тѣмъ—слушая васъ, придешь къ заключенію, что такой русскій, уѣхалъ въ Сербію, именно по желанію русскаго правительства—и даже по его принужденію. Да и что могло заставить наше правительство, дѣйствовать, какъ вы говорите? Одолѣть Турцію, горстью посланныхъ добровольцевъ, оно не могло рассчитывать; помочь развѣ сербамъ, выдержать натискъ турокъ — желало? Да нѣтъ-же, и на это не могло оно рассчитывать, въ силу той истины, что само оно располагая милліонною, хорошо организованною арміею, понимало ничтожное значеніе такой военной силы, какъ тысяча другая добровольцевъ, противъ цѣлой—тоже хорошо организованной арміи турецкой. Не хотѣло-ли оно напугать турокъ, скажемъ—и опасаясь за Сербію, въ виду окончательнаго разгрома ея арміи—не рассчитывало-ли оно, добровольцами защитить страну отъ турецкаго нашествія? Нѣтъ—никакъ ужъ это не могло быть его желаніемъ; потому, что добровольцами недостигалась эта цѣль—между тѣмъ, какъ одною волей Царя Россіи—однимъ его, неизмѣнно-сказаннымъ словомъ, она могла быть достигнута вполне и въ самое короткое время; что, какъ вамъ извѣстно, предъявленнымъ русскимъ ультиматумомъ въ Константинополь—въ теченіи 48-ми часовъ, уже и достигнуто—безъ всякаго пролитія крови, безъ всякихъ жертвъ!... И развѣ такой ультиматумъ, не доказательство, что русское правительство, не дѣйствовало въ такомъ какъ вы говорите смыслѣ — несодѣйствовало разыгравшемуся кро-

вопрелитію въ Сербіи, и не слало добровольцевъ, на помощь ей? Развѣ опровержимый фактъ, что оно, найдя, необходимымъ свое вмѣшательство въ дѣла славянъ Балканскаго полуострова—прежде всего, рѣшило остановить кровопролитіе—безполезную борьбу ихъ съ Турціей, и въ 48-мъ часовъ остановило ее? Не доказательство-ли это все, прямой миролюбивой русской политики—честныхъ и высоко-гуманныхъ идей русскаго Царя? Развѣ не доказательство это все, что сказанное выше про русское правительство—есть достояніе фантази и пристрастія—этихъ застарѣлыхъ, глубоко засѣвшихъ страстей въ каждомъ иностранцѣ — лишь только онъ коснется чего бы ни было русскаго вообще? „Но...“ — заикнулся было англичанинъ, но, русскій остановилъ его словами — позвольте и мнѣ пользоваться правомъ оратора, пока я доскажу свою мысль — и продолжалъ.

Далѣе: вы обвиняете нашихъ славянофиловъ, или, какъ вы выразились — общество этого лагеря, въ томъ, что оно выдѣляя изъ своей среды добровольцевъ, не создало всю важность этого шага, и невыдѣлило для этой цѣли, лучшихъ своихъ членовъ, способныхъ внести организацію, въ армію — примѣръ и вліяніе въ страну. Если-бъ вы, начавъ говорить о славянофилахъ и обвинять ихъ, не коснулись русскаго общества, я пожалуй-бы охотно согласился съ вами и за одно сталъ винить ихъ; не зрѣлая и не далекая дѣятельность ихъ, узкій взглядъ на событія, и непониманіе своихъ задачъ — для меня очевидны; существеннѣйшій-же вредъ, русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ и русскимъ вообще, порожденный ихъ дѣйствіями — для меня несомнѣнны. Если-бъ славянофилы выполняли лишь свою программу допущенную правительствомъ — собирали-бы пожертвованія, и помогали-бы несчастнымъ восточнымъ славянамъ — средствами, одеждою, и санитарнымъ персо-

наломъ т. е. тѣмъ, чѣмъ помогать въ правѣ каждый; если-бы они дѣйствовали только въ этомъ смыслѣ, не вдаваясь ни въ какія — ни въ стратегическія ни въ политическія умозаключенія, то несомнѣнно, что и отняли-бы у васъ право, ссылаться на себя, какъ на поощрителей кровопролитія на Балканскомъ полуостровѣ, и въ десятеро-бы помогли больше дѣлу — облегчили-бы участь этимъ-же возставшимъ за свободу и вѣру вѣковымъ мученикамъ. Это я хорошо знаю, — самъ лично не принадлежу къ ихъ лагерю, и оспаривать такую истину, кто-бы ее ни высказывалъ — не буду. Но слыша, какъ вы говоря о славянофилахъ, смѣшиваете все русское общество и за одно вините его, нельзя остаться равнодушнымъ, молчаливымъ слушателемъ; нельзя, не разубѣдить васъ въ этомъ — не доказать вѣскую неосновательность вашихъ сужденій. Русское общество, откликнувшись на вопли и взыванія о помощи, перестрадавшихъ, оставшихся безъ крова и насущнаго куска хлѣба восточныхъ славянъ — помогая имъ чѣмъ было и есть въ силахъ, спасая ихъ отъ голодной смерти и облегчая страданія ихъ раненыхъ — цѣльною сорочкою, теплымъ баракомъ и умѣлой рукой посланнаго на помощь хирурга — руководилось лишь однимъ христіанскимъ долгомъ челоуѣколюбія; имѣло въ виду, лишь одно — сдѣлать доброе дѣло! — и только этимъ однимъ и это одно. Ни политика, чья-бы ни была, ни событія какіе-бъ ни случились, ни перевѣсъ борьбы, на чью-бы ни было сторону — не руководили имъ въ это время, не могли помѣшать исполненію благихъ желаній; охладить рвеній къ добру — къ облегченію участи несчастныхъ — къ исполненію священнаго долга христіанина — къ духовному удовлетворенію міра собственной души! Русскій народъ жертвуя свои трудовые гроши на это, и общество — рубли, руководилось лишь только что высказанными побужденіями — но ни чѣмъ инымъ.

Кромѣ такихъ пожертвованій, посыпавшихся изъ русскихъ кармановъ, нашлись и такіе однако русскіе люди, которые желая принести болѣе осязательную жертву тому-же дѣлу—отправились сами на мѣсто кровавыхъ событій: пришли туда, взглянули и ужаснувшись неистовствами владѣющихъ варваровъ, стали въ ряды возставшихъ (какъ это случилось въ Сербіи) и пошли сражаться за одно съ ними, не разбирая ни своихъ правъ на это, ни того, что это пожалуй и не политично и бесполезно—люди, которыхъ вы назвали—переодѣтыми воинами русскаго правительства, посланными имъ въ Сербію, съ какою-то скрытою политическою цѣлью; и люди которыхъ и я не назову безукоризненными, способными организовать армію—внести примѣръ и вліяніе въ страну. Но это ужъ второстепенное—вернемся къ тому лишь факту, что эти люди, побуждаемые тѣмъ, или другимъ—добрымъ-ли дѣломъ, или дурнымъ, но поѣхали въ Сербію добровольно—не сносясь ни съ кѣмъ и не подчиняясь ни чьему вліянію. Слѣдовательно—обществу, не объ комъ было и заботиться, не кого и выдѣлять изъ своей среды для этой цѣли, нечего и взвѣшивать было, играя лишь роль зрителя, совершавшихся фактовъ. Правда—славянскіе комитеты, нѣсколько содѣйствовали такимъ пожелавшимъ отправиться въ Сербію—давая имъ на то нѣкоторые матерьяльные средства и указанія; но во-первыхъ комитеты (ихъ, вы назвали русскимъ обществомъ) содѣйствуя имъ, руководились прежде всего, гуманною цѣлью—желаніемъ помочь балканскимъ славянамъ, людьми искренно къ нимъ расположенными и готовыми на всякія жертвы для нихъ, а не исключительною—дать, то, или другое направленіе событіямъ—повліять, въ томъ, или другомъ смыслѣ на ходъ ихъ. Если-жъ такіе, какъ говорю, люди пріѣхавъ въ Сербію, приняли участіе въ борьбѣ противъ турокъ, то это они слѣ-

ляли по собственному почину — не подъ однимъ вліяніемъ комитетовъ, выдавшихъ имъ средства на дорогу.

Наконецъ если допустимъ, что комитеты, содѣйствовали добровольцамъ, съ прямою цѣлью помочь Сербіи бороться съ Турціей—если толковать ихъ дѣйствія въ такомъ именно смыслѣ, то причемъ-же тутъ все русское общество, которое вы вините—и въ неумѣніи и въ безсознаніи и во всемъ, въ чемъ можно винить развѣ толпу мальчугановъ, предпринявшихъ неосуществимое и невозможное! — Въ чемъ тутъ оно виновато? Въ чемъ тутъ еще повинно правительство наше, которому, вы чуть-ли не все это ставите въ безусловный упрекъ?

— Видите-ли—во многомъ, я съ вами пожалуй и соглашусь; но въ половинѣ, а то и того больше—нѣтъ. Мнѣ понятно, какъ и вамъ, что дѣйствія славянофиловъ, или славянскихъ комитетовъ, какъ вы ихъ называете, причинили существенный вредъ вашей политикѣ въ этомъ вопросѣ; что они несомнѣнно породили здѣшнюю неурядицу — повліявъ на сербскую войну, на добровольцевъ и на общій ходъ совершившихся тутъ фактовъ. Но вся разница во мнѣніяхъ и не согласіи въ доводахъ, состоитъ въ томъ, что вы, осуждая дѣйствія славянскихъ комитетовъ, рѣзко отдѣляете ихъ, отъ направленія вашего общества — доказывая приносимый вредъ ими, выгораживаете отъ соприкосновенія къ такому вреду ваше общество — такъ сказать — уединяете его. Тогда, какъ я, сливаю ихъ въ одно и виню, какъ комитеты, такъ и весь славянофилскій лагерь, примкнувшій къ ихъ дѣятельности съ этою цѣлью, называя все это вмѣстѣ взятое — вашимъ обществомъ. Вотъ первая причина нашего не согласія, и вторая; что дѣятельность-ли комитетовъ, славянофиловъ или всего русскаго общества вообще,—но въ пользу восточныхъ славянъ и съ цѣлью поддержать серб-

скую войну, — прямо поддерживалась вашимъ правительствомъ.

— Благотворительная дѣятельность ихъ, имѣющая цѣлью облегчить участь балканскихъ славянъ, допускалась правительствомъ—это правда. Но не та, про которую вы говорите: такая дѣятельность не поддерживалась имъ, какъ идущая въ разрѣзъ съ его достоинствомъ—и, наконецъ, политикою, стремящеюся къ миру и только къ миру — что уже достаточно выяснилось на дѣлѣ. Въ этомъ, вы также ошибаетесь, какъ и въ томъ, что славянофиловъ—комитеты ихъ и все русское общество, сочувственно отнесшееся къ восточнымъ славянамъ, сливаете въ одно; чисто христіанскіе порывы къ добру,—смѣшиваете съ честолюбіемъ и незаслуживающими на уваженіе расчетами, не далекихъ, отдѣльныхъ личностей. Я убѣжденъ, что поживи вы теперь въ Россіи, хотя мѣсяцъ и всмотришь во все по пристальнѣе—вы бы составили совсѣмъ иное мнѣніе объ этомъ вопросѣ—согласились бы не съ половиною моихъ сужденій, а за малымъ исключеніемъ, во всемъ. Толковать тутъ о томъ, что тутъ и происходитъ—имѣя и факты и данныя передъ глазами, намъ не трудно; мы можемъ рѣшить каждый споръ и не утомляясь, придти къ соглашенію основанному на фактахъ. Но вести рѣчь о томъ, что одному изъ насъ вполнѣ знакомо, а другому, далеко нѣтъ—мнѣ кажется, по меньшей мѣрѣ бесполезно. Я близко знакомъ и съ настроеніемъ русскаго общества въ данное время, и съ дѣятельностію комитетовъ и славянофиловъ въ частности и съ тѣмъ, какъ относиться къ этому всему наше правительство;—вы же — исключительно съ здѣшними событіями — имѣя лишь крайне поверхностное понятіе о томъ, что дѣлается въ Россіи. А на такой почвѣ, намъ болѣе чѣмъ трудно вести споръ, имѣющій окончиться убѣдительно.

ными доводами сторонъ: въ чемъ вы убѣждены, то на отръзъ я отвергну; на что я сошлюсь, какъ на фактъ мною провѣренный, въ томъ вы усумнитесь и неповѣрите.

— Я не стану доказывать, что хорошо знакомъ съ нынѣшнимъ настроеніемъ общества и славянскихъ дѣятелей въ Россіи, что имѣю вѣрное понятіе объ организаціи ихъ благотворительности. Но вѣдь факты, которые я затрогиваю и не требуютъ близкаго знакомства съ ними; общее—лишь бы вѣрное—понятіе и здравый смыслъ, нужны для безошибочной оцѣнки ихъ. Очевидно напр. что ваши комитеты, славяно-филы и отдѣльные дѣятели ихъ лагеря, составляютъ—русское общество: организація такихъ отдѣльныхъ группъ дѣйствующихъ лицъ—и даже учреждений—какъ ваши комитеты—трудно осуществима, а то и вовсе невозможна, безъ сочувствія и почина цѣлой массы, просто всей націи готовой дѣйствовать за одно — проводить ту или другую идею, общими усиліями. Это также очевидно, какъ и то, что несочувствуй всей этой частной дѣятельности ваше правительство—она бы само-собою прекратилась: монархическая власть въ Россіи такъ сильна, что отраженіе ея, хотя бы въ видѣ самомъ сдержанномъ, несомнѣнно имѣло бы рѣшающее вліяніе на то, или другое направленіе общества.

Вы грубо ошибаетесь, говоря что факты, которые затрогиваете, не требуютъ близкаго знакомства съ ними; напротивъ того—они то и требуютъ его неизбѣжно; иначе, вамъ будетъ возможно судить о нихъ лишь приблизительно, оцѣнивать поверхностно—не рѣдко ошибаясь, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ. Имѣя поверхностное знакомство съ фактами, которые взялись бы вы оцѣнивать, составиться крайне опрометчивый взглядъ на нихъ — хотя нѣсколько и прикрашенный, здравымъ смысломъ и умомъ. Что теперь

съ вами и случилось; о добровольцахъ, о сербской арміи, объ войнѣ, какъ и о томъ, какъ отразились дѣйствія славянофиловъ на весь этотъ вопросъ — вы судите мало-ошибаясь. Между тѣмъ, касаясь политики русскаго правительства, въ минуту происшедшихъ событій, какъ и образа дѣйствій русскаго общества — выразившагося благотворительностью — вы, сами того не замѣчая, грубо ошибаетесь и, настаивая на своемъ, въ разговорѣ съ русскимъ (невольно компетентнѣе, судьей) поселяете въ немъ крайне непріятное впечатлѣніе разочарованія, — навязывая ему нѣсколько щекотливую роль, назвать васъ враждебнымъ цѣнителемъ того именно предмета, о которомъ должна вестись безпристрастная рѣчь — какъ вытекающая изъ устъ честнаго и солиднаго человѣка.

Я напимѣръ, доказываю вамъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, что, не въ интересахъ политики русскаго правительства, было поддерживать славянофиловъ, въ ихъ двусмысленной дѣятельности, имѣющей цѣлью разжечь славянскую борьбу — помочь оружіемъ и людьми возставшимъ балканскимъ славянамъ. Между тѣмъ вы настойчиво утверждаете противное — что оно поддерживало такую дѣятельность, и даже желало ея. Я, стараюсь разъяснить громадную разницу между славянофилами и русскимъ обществомъ — какъ и между направлениемъ, первыхъ и послѣднихъ, — доказывая, что русское общество руководилось лишь порывомъ къ добру — желаніемъ помочь неимущимъ, а славянофилы если и какою нибудь другою цѣлью, то стремились къ ней замкнуто — такъ сказать — скрыто и отъ правительства и отъ общества жертвовавшего суммы въ ихъ распоряженіе; вы же сливаете ихъ въ одно, настаивая на несомнѣнно одной и той же цѣли, руководившей ими въ данномъ случаѣ, — прямо называя эту цѣль „политическою“. Почему и поселяется во мнѣ разо-

чарованіе—заставляя назвать васъ враждебнымъ цѣнителемъ происшедшихъ событій въ Россіи т. е. того именно, о чемъ должна вестись безпристрастная рѣчь—какъ вытекающая изъ устъ честнаго и солиднаго человѣка.

— И не ошибетесь вовсе, предположивъ во мнѣ честнаго цѣнителя. Я далеко не враждебно отношусь къ вашему отечеству — да изъ за чего-бы мнѣ и относиться къ нему иначе. Англичане, какъ и русскіе, сочувствуютъ угнетеннымъ восточнымъ славянамъ, оправдывая и ту борьбу, которую они ведутъ за религію, за права человѣчества. Если наше правительство дѣйствуетъ въ иномъ духѣ — холодно относясь къ правамъ угнетенныхъ и горячо защищая Турцію, то это вѣдь не отголосокъ направленія всего англійскаго народа: большая половина лучшихъ англичанъ, неоправдываютъ политику своего правительства въ этомъ вопросѣ, — открыто порицая ее. Это извѣстно всѣмъ и каждому, кто мало-мальски слѣдитъ за новѣйшими событіями въ Англіи — кто вѣрно понялъ ихъ. Но — оставаясь даже и на такой почвѣ, мнѣ трудно согласиться съ вашими доводами, отвергающими участие русскаго правительства, въ посылкѣ добровольцевъ въ Сербію, и въ прямомъ его содѣйствіи, лицамъ — взявшимся разжечь борьбу балканскихъ славянъ, съ цѣлью возродить нѣсколько угасшій восточный вопросъ. Я готовъ уступить во всемъ, въ чемъ хотите — но въ этомъ, ни за что — какія-бы вы мнѣ факты и доводы не привели въ опроверженіе.

— Другое дѣло, если вы изъ одного упрямства — желанія поставить на своемъ, отвергнете всѣ мои доводы и не смотря даже на факты, останетесь при прежнемъ мнѣніи, тогда я и словъ тратить не стану. Но пожелай вы отстоять свое, основательностью — разбить меня очевидностью — систе-

матически обмѣняться преніями, я убѣжденъ, что сдадитесь—если и не окончательно, то во всякомъ случаѣ—да. Вспомните все, что я сказалъ въ опроверженіе вашего взгляда на политику русскаго правительства и отвѣтьтѣ, чемъ найдете нужнымъ; сличимъ—чья прочнѣе почва...

— И не задумаюсь; какъ вы, напримѣръ, истолкуете роль г-ла Черняева, которую онъ здѣсь разыгрываетъ—по своей-ли онъ волѣ ее играетъ, или по желанію вашего правительства?

— Ни его личность, ни роль, анализировать я не стану, находя такой анализъ—слишкомъ обширною задачею въ разговорѣ, просто—неразрѣшимою, безъ послѣдовательной оцѣнки самаго факта; скажу лишь объ этомъ съ общей точки зрѣнія—какъ мнѣ диктуютъ, умъ и простая логика. Черняевъ—русскій генераль-маіоръ, рѣшивъ отправиться въ Сербію (съ цѣлью—одному ему извѣстною), выходитъ въ отставку и проситъ свое правительство, объ увольненіи его за границу; ему даютъ паспортъ, какъ и всякому подданному, имѣющему законное на то право. Незнаю, какъ у васъ въ Англіи, но въ Россіи, каждый русскій уволенный за границу, уѣзжая изъ отечества не обязанъ сообщать правительству о тѣхъ дѣйствіяхъ преступныхъ, или вполне законныхъ, которые онъ задумалъ предпринять въ будущемъ; они остаются непроницаемыми. Такъ и генераль Черняевъ: получивъ заграничный паспортъ и неотдавая отчета въ будущихъ своихъ намѣреніяхъ, отправился—вмѣсто положимъ Эмса или Карлсбада, Лондона, или Парижа,—въ Сербію—страну готовившуюся къ войнѣ и, болѣе чѣмъ когда либо, нуждавшуюся въ боевыхъ людяхъ. Въ такую-то горячую минуту, плохо организованная въ военномъ смыслѣ Сербія, встрѣчаетъ пріѣзжаго генерала съ распростертыми объятіями, и какъ боевому дѣльцу,

вѣряетъ командованіе арміей! Частные разсчеты, или мотивы, руководившіе правительствомъ этой страны при подчиненіи арміи иноземному генералу, и личные виды и планы послѣдняго, въ моментъ принятія на себя такой отвѣтственности, какая предвидѣлась на посту главнокомандующаго, плохо организованными и не желавшими войны войсками — намъ не извѣстны и совсѣмъ не нужны при разборѣ факта достаточно понятнаго и такъ. При такихъ-то условіяхъ, генераль Черняевъ выступаетъ на театръ событій. Сербія, объявляетъ войну: генераль ведетъ ея армію сражаться — одерживаетъ временные успѣхи; привлекаетъ въ свои ряды (вольныхъ, творить какъ и онъ, что угодно...) своихъ соотечественниковъ; сносится съ славянскими комитетами, образовавшимися въ Россіи — съ лицами ихъ лагеря, принимающими дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій — и прогремѣвъ въ кое-какихъ газетахъ, выдающимся военнымъ дѣльцомъ — болѣе чѣмъ талантливымъ главнокомандующимъ, возбуждаетъ рядъ вопросовъ и толковъ въ средѣ европейской публики — заподозрившей въ немъ чуть не въ прямъ посланнаго русскаго дѣятеля, для выполненія политическихъ плановъ русскаго правительства. Вотъ вамъ вся картина роли генерала, разъясненія которой вы такъ увѣренно и незадумываясь требуете. Но развѣ можно отыскать въ ней тѣни въ пользу мнѣнія, что г-ль Черняевъ, посланъ русскимъ правительствомъ на постъ сербскаго главнокомандующаго? На чемъ тутъ можетъ основываться такое убѣжденіе — хотя бы ваше? Чѣмъ именно отличается г-нь Черняевъ, отъ всякаго другого русскаго добровольца — въ большинствѣ такого-же отставнаго военнаго, какъ и онъ и точно также, отпущеннаго за границу, какъ и онъ?

— Да... Но мое вѣдь мнѣніе, что и всякій русскій доброволецъ — посланъ сюда вашимъ правительствомъ; вы-

ставляя вамъ на видъ роль Черняева, я намекнулъ, какъ на фактъ, оправдывающій такое мнѣніе — хорошо предвидя и возраженія, которые вы высказали. Конечно, если отрицать всякое вліяніе вашего правительства на движеніе добровольцевъ въ Сербію, то немислимо видѣть, что либо загадочное и въ роли генерала Черняева — странно бы, въ такомъ случаѣ придавать ей какое либо значеніе — порожденное русскою политикою. Но въ томъ-то и вся суть нашего несогласія въ спорѣ, что я горячо настаиваю на противномъ — на не сомнѣнномъ желаніи вашего правительства послать добровольцевъ въ Сербію и дать своего командира плохо организованной арміи. Между тѣмъ, какъ вы настойчиво отрицаете это, доказывая абсолютное невмѣшательство его въ эти событія, и какъ-бы предоставленіе своимъ подданнымъ, дѣйствовать по влеченію — въ пользу, или нѣтъ восточныхъ славянъ — ѣхать или нѣтъ къ нимъ на помощь. Въ этомъ лишь, и ни въ чемъ иномъ, я главное не согласенъ съ вами — и кажется не соглашусь вовсе.

— Какъ я уже сказалъ, что вольно вамъ оставаться при своемъ мнѣніи, такъ и теперь скажу тоже — хотя мнѣніе ваше и будетъ одной фантазіей, хотя оно и не отвѣчаетъ смыслу событій. Жаль однако, что вы, называя себя безпристрастнымъ цѣнителемъ событій, о которыхъ ведемъ рѣчь, и какъ-бы въ оправданіе такой черты — вѣрно понявшихъ многіе изъ нихъ, такъ грубо ошиблись въ сужденіи о русскомъ правительствѣ — о той политикѣ, которую оно такъ настойчиво преслѣдуетъ въ этомъ вопросѣ, именно — политикѣ мира, старающейся устранить все что можетъ нарушить этотъ миръ, и устраняющей по сіе время, насколько это въ ея силахъ — жаль, что вы о ней именно, такъ ошибочно судите.

— Повѣрите-ли, что радъ-бы съ вами согласиться, да

какъ подумаю о вопросѣ — вникну въ самую суть дѣла, такъ вотъ и останавливаетъ какая-то сила — какъ будто говоритъ: „не вѣрь ему — онъ ошибается“.

— Я допускалъ въ васъ цѣнителя серьезнаго, готоваго судить при достаточныхъ данныхъ въ пользу того или другаго своего мнѣнія, и произносить приговоръ, основываясь на неопровержимыхъ фактахъ — ничуть не думая столкнуться, какъ разъ съ противоположнымъ: убѣдиться въ томъ, что вы способны судить о чемъ-бы ни было, или цѣнить, что-бы ни было — подъ впечатлѣніемъ минуты и вліяніемъ той неопредѣленной силы, которая вамъ нашептываетъ „не-вѣрь“ или „вѣрь“ чему тамъ, по ее слѣдуетъ вѣрить, или нѣтъ... Такъ — я объ васъ не думалъ, и если принужденъ думать теперь, то радуюсь въ свою очередь, что политика моего правительства оцѣнивается подъ вліяніемъ минуты и какой-то силы, лишь вами — частнымъ лицомъ; что не подъ такимъ вліяніемъ оцѣнивается, она европейскими людьми, имѣющими несомнѣнное вліяніе на ходъ самыхъ событій и направленіе политики другихъ правительствъ.

— Мнѣ трудно высказать вамъ, на чемъ именно я основываю свои сужденія — не достаетъ фразъ, передать это въ кратцѣ; вы пожалуй и думайте обо мнѣ, какъ о легкомысленномъ... Но не забудьте, что и люди имѣющіе не сомнѣнное вліяніе на политику другихъ правительствъ — почти одного со мной мнѣнія, объ этомъ вопросѣ: они, какъ и я, убѣждены въ поощреніи вашимъ правительствомъ событій происшедшихъ на Балканскомъ полуостровѣ за это время — въ безспорномъ вліяніи его на воюющую Сербію, на движеніе добровольцевъ, на роль Черняева и, на всю эту неурядицу, о которой мы такъ много съ вами разсуждали.

— Не удивительно, если и такіе люди, составили подоб-

ное вамъ мнѣніе: они, какъ и вы, могли судить о событіяхъ, поверхностно, подъ впечатлѣніемъ минуты и вліяніемъ напечатывающей силы. Но во-первыхъ — не всѣ такіе люди составили такое мнѣніе: иначе — послѣдовало-бы уже неминуемое столкновение Россіи съ какою нибудь державой, правительство которой состояло-бы изъ такихъ людей; а во-вторыхъ — и эти составившіе его (если они есть только), горько разочуются, когда поймутъ свои заблужденія, происшедшія, отъ излишней довѣрчивости къ людямъ, на обязанности, которыхъ, лежало, изслѣдовать точный смыслъ событій и не искажая истину, повѣдать его имъ... Такая развязка — неминуема, мнѣ кажется; вопросъ лишь въ томъ — когда она послѣдуетъ: во время-ли? или запоздаетъ?..

— Вы на счетъ, кого-же это? не про людей-ли въ моей роли (чисто частной) говорите?..

— Не про васъ собственно, а про кого-бы ни было изъ иностранцевъ, пріѣхавшаго сюда въ роли наблюдателя и составившаго такое ошибочное мнѣніе.

— Да я не въ роли наблюдателя служу въ сербской арміи — не съ этою цѣлью и ѣхалъ въ Сербію: просто — служу, какъ и другіе служатъ — мало-ли кого тутъ нѣтъ... Между тѣмъ, какъ вы, говоря о людяхъ имѣющихъ вліяніе на европейскую политику и объ ихъ однообразномъ со мной мнѣніи, намекаете какъ-бы на то, что если они его и составили такое, то отъ излишней довѣрчивости къ подобнымъ мнѣ цѣнителямъ, вѣрнѣе — къ исполнителямъ ихъ воли.

— Вовсе нѣтъ; говоря вообще въ отвѣтъ на вашу фразу, что и люди съ несомнѣннымъ вліяніемъ на европейскую политику, одного съ вами мнѣнія — я объяснилъ лишь при-

чину такого ихъ мнѣнія — не навязывая вамъ, ни роль наблюдателя, толкованіе котораго могло исказить истину въ глазахъ такихъ людей, ни исполнителя ихъ воли.

— Я вѣдь говорю, что вы намекаете—а между намекомъ и навязываніемъ, большая разница...

— Да... но у васъ, какъ то это буквально вышло...

Вотъ образецъ сужденій, высказываемыхъ иностранцами, присутствіе которыхъ такъ было замѣтно въ послѣдніе время въ Сербіи. Я говорю во множественномъ, а не въ единственномъ числѣ, потому, что не съ однимъ изъ нихъ подобнымъ приходилось и самому мнѣ толковать на эту тѣму, и самому мнѣ тщетно убѣждать ихъ, въ ошибочныхъ взглядахъ, такъ горячо выставленныхъ только что бесѣдовавшимъ моимъ соотечественникомъ.

— Изъ этихъ горячо высказанныхъ доводовъ англичанина, отчетливо слгаается его сужденіе, о политикѣ русскаго правительства — отмѣченное мною раньше, какъ уродливый недостатокъ въ цѣнителѣ, правильно и безпристрастно толковавшемъ про все остальное, какъ-то: про войну, про организацію арміи, про опрометчивую и не далекую дѣятельность славянскихъ комитетовъ, про добровольцевъ и про все соприкасающееся событій того времени. Но развѣ такой взглядъ въ иностранцѣ — хотя и ошибочный — не проливаетъ тѣни на источникъ подобныхъ взглядовъ и болѣе могучихъ единицъ, какъ говорить онъ—имѣющихъ несомнѣнное вліяніе на европейскую политику вообще, и недовѣрчивость ея къ русской, въ особенности? Развѣ министры иностранныхъ дѣлъ — державъ — искони враждебныхъ Россіи, не могли понять и добровольцевъ и русскія пожертвованія и дѣйствія славянофиловъ — такъ-же, какъ понялъ ихъ англійскій капитанъ—

только что спорившій? Развѣ, все это не могло отозваться существенно вредно на прямой, честной, основанной на одной гуманности политикѣ русскаго правительства, въ этомъ вопросѣ? и развѣ не могло оно повести къ политическимъ недоразумѣніямъ европейскихъ дипломатовъ, а чего добраго и къ преждевременному столкновенію державъ, прямо заинтересованныхъ происшедшими событіями?

Не знаю, что скажутъ про это люди, ближе стоящіе къ событіямъ и къ самой политикѣ — словомъ, люди и гораздо компетентнѣе и куда умнѣ меня; весьма гадательно, что они скажутъ про это — признаютъ ли мои вопросы умѣстными и на чемъ нибудь основанными, или назовутъ ихъ чушью, незаслуживающею серьезнаго вниманія. Но мнѣ кажется и тогда будетъ казаться, что такіе вопросы существовать могутъ и что отвѣты на нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй найдутся въ послѣдствіи. Ну да и понятно: откуда же на нихъ взять и отвѣты въ данную минуту, когда многое еще не выяснилось и когда это многое въ силахъ выяснитъ лишь то — чѣмъ разыграется начавшаяся славянская борьба, при какихъ условіяхъ, она разыграется — созрѣетъ и какіе плоды ея будутъ. А главное — какъ она отзовется на мирной политикѣ Россіи, не имѣвшей и не имѣющей ничего общаго, ни съ славянофилами, ни съ добровольцами, ни съ генераломъ Черняевымъ — кажушимся иностранцамъ, какимъ то политическимъ исполнителемъ воли нашего правительства. Вотъ въ чемъ найдутъ отвѣты такіе вопросы и вотъ почему, сужденіе о нихъ, отложу на послѣ. Пока однако несомнѣннѣй фактъ, того напряженнаго наблюденія Европы, за происходившими событіями въ Сербіи, которое такъ рѣзко бросалось въ глаза внимательному зрителю, и которое, прикрываясь

своею внѣшностью, могло казаться не замѣтнымъ всякому — не притязательному, на строгій анализъ, какого-бы ни было, нѣсколько выдающагося явленія. Споръ этихъ двухъ интересныхъ собесѣдниковъ развился-бы, по всей вѣроятности, въ болѣе обширный, если-бъ не случай, привлекшій вниманіе — въ числѣ общаго — и нашей бесѣдовавшей компаніи. Смѣшанные, шумъ и брань, въ другой комнатѣ — такъ называемой билиардной — заинтересовали публику, которая столпившись у двери и протискиваясь сквозь звѣно, ранѣе подосѣвшихъ любопытныхъ, старалась проникнуть по ближе къ центру начавшейся сцѣны. И права вѣдь была любопытная публика — а съ нею вмѣстѣ и я — протискиваясь къ центру: скандалъ-то... скандалъ-то, выходилъ изъ ряду — его затѣялъ человекъ — такъ сказать пишущій, носящій названіе корреспондента, и къ тому — престарѣлой русской газеты — Биржевыхъ Вѣдомостей, нѣкто отставной лейтенантъ М — въ. Но и это, что-жъ за бѣда?... скандалъ со всякимъ могъ случиться и, каждый и весьма порядочный человекъ, могъ на него, какъ говорятъ, нарваться... Тутъ, не въ томъ и суть, а въ томъ что скандалъ-то этотъ, затѣялъ незастѣнчивый представитель печати, изъ-за картъ! вѣрнѣе — изъ-за присужденныхъ ими дукатовъ — ему (представителю), и изъ кармановъ добровольцевъ, хотя и вытряхнувшихъ кошельки на столъ счастливаго банкмета — корреспондента, но не вполне покрывшихъ свой проигрышъ — куда превысившій цифру полученныхъ ими вспомоствованій, изъ кассъ славянскихъ комитетовъ... Вотъ по этому-то самому поводу и происходилъ тутъ скандалъ изъ-за картъ — между корреспондентомъ-банкметомъ и К^о съ одной стороны, и продувшими послѣдніе (выданные на дорогу) гроши добровольцами, съ другой — вотъ въ какомъ видѣ. Проигравшійся наканунѣ, доброволецъ Ш — хъ-Н — овъ, въ

такъ называемое „на право и на лѣво“, игралъ тутъ-было на билиардѣ и не помышляя о томъ, что счастливецъ банкометь-корреспондентъ, заполучившій съ него кровные дукаты не цѣликомъ покрывшіе проигрышъ, вздумаетъ явиться сюда съ сборною командой и требовать съ него, недоплоченное силой. Да какъ было и помышлять ему о такой грозной развязкѣ, когда дѣло-то имѣлось съ такимъ-же борцомъ за идею и, къ тому, корреспондентомъ—во всякомъ же случаѣ, человекомъ нѣсколько интеллигентнымъ, а слѣдовательно и знакомымъ съ азбучными правилами общаго приличія — далеко несогласными съ тѣмъ, чтобы выигравшій и большую половину получившій, прибѣгалъ къ силѣ, съ цѣлью вырвать послѣдній грошъ изъ кармана поплатившейся жертвы; объ этомъ не то что онъ, а и каждый, на его мѣстѣ, помышлять — врядъ-ли могъ съ увѣренностью... Но случилось, какъ разъ, то самое, о чемъ ни онъ, ни всякій другой на его мѣстѣ, помышлять врядъ-ли могъ съ увѣренностью: въ ту именно минуту, когда, Ш—хъ-Н—овъ, увлекшись рѣзаніемъ желтаго шара въ „среднюю“ промахнулся и съ досады стукнулъ кѣмъ о полъ — въ билиардную ворвался банкометь — корреспондентъ и опираясь на сопровождавшую его вооруженную, пьяную силу (изъ нѣсколькихъ нанятыхъ добровольцевъ), произнесъ роковую фразу: „пожалуйте деньги, а то расправлюсь“. На слова-же проигравшагося: „Гдѣ-жъ мнѣ ихъ взять теперь, я заплачу послѣ“ — отвѣтилъ какою-то вызывающей рѣзкостью, привлекею всю нашу спорившую, о политикѣ, компанію и другихъ тутъ бывшихъ посѣтителей. — „И чего-бъ вамъ приставать съ ножемъ къ горлу! — заплачу-же — не уйду невѣдомыми путями“... увѣрялъ Ш—хъ-Н—овъ, приставшихъ съ ножемъ къ горлу, наемщиковъ-добровольцевъ; но ни они, ни ихъ начальникъ, видимо недо-

влетворяясь такими увѣреніями, все съ большею энергіей приставали: „деньги!.. а то зададимъ!..“ подтакивали наемные экзекуторы. Такъ пожалуй дѣло дошло-бы и до драки, еслибъ пассивные зрители не приняли сторону Ш—ха—Н—ва и не вмѣшались въ дѣло: „и не совѣстно вамъ затѣвать скандалъ изъ-за картъ?.. а еще образованнымъ считается!..“ „отстань, отъ него, а то къ черту пошлемъ безъ церемоніи!“ слышались фразы заступавшихся за Н—ва—весьма толково понятные М—мъ, приказавшимъ протрубить отбой по всей линіи, начавшагося скандала. „Молчите вы!..“ „прикажу — дѣло другое“... командовалъ, разгорячившейся компаніей, повелитель. „Хорошо—дѣло ваше!..“, слышалось въ средѣ подчиненныхъ.

— На кой чортъ, вы батюшка, пьяницъ-то этихъ сюда срывели—скажите? обратился одинъ изъ насъ къ представителю печати, указывая на еле, на ногахъ державшихся его сподвижниковъ.

— Да помилуйте!—выигрываетъ—получаетъ, а проигрываетъ — неплатить! отвѣчалъ онъ, кидая злобный взглядъ Ш—ху—На—ву, снова занявшемуся рѣзаніемъ различныхъ шаровъ и въ разные лузы.

— Какъ-такъ—выигрываетъ—получаетъ, проигрываетъ—неплатить?

— Вретъ, онъ! — слушайте вы его... неподымая глазъ, произнесъ Ш—хъ—Н—овъ и прокричавъ: „средній, въ уголь“, съ трескомъ сдѣлалъ шара въ лузу.

— Сами, вы врете — безсовѣстный!.. кинулся-было къ нему М—овъ, но удержанный на полпути къ заслонившемуся кіемъ отъ нападенія — послалъ лишь злѣйшій взглядъ противнику.

— Стоить того, послушайте! плюньте вы и на выигрышъ,

на все... не стоит... совѣтовали ему не столь падкіе къ злату люди.

— Вотъ-те—не стоитъ!.. подлость одна чего стоитъ!.. проигралъ, да еще и вретъ такъ нахально...

— Врете, вы... повторилъ Н — овъ, и снова принялся рѣзать въ среднюю...

— Не я вру, а вы!.. плюнуть вамъ остается, и только... расходился-было М—въ, но Ш—хъ—бросивъ кій изъ рукъ и подойдя къ нему ближе, началъ во всеуслышаніе, какъ-бы оправдываясь предъ нами: „Что вы все плюнуть, да плюнуть—только и слышишь; подумаетъ кто и въ самомъ дѣлѣ, мазурикомъ отдѣлываюсь... Проигралъ вѣдь я ему около двухсотъ дукатовъ, которые и заплатилъ тотчасъ-же: про тѣ не говоритъ видите-ли... а все про остальные, которые не откуда и взять было... Гусь лапчатый!.. платя такимъ-же огненнымъ взоромъ, произнесъ Н—въ, и снова принялся рѣзать шара куда-то...

— Такъ, честные люди поступаютъ... честь у васъ есть... пристыживалъ Ш—ха, М—въ, но видя, что тотъ, рѣжетъ шары въ разные лузы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его фразы, къ тому-же замѣтивъ, что большинство зрителей приняло сторону послѣдняго — пересталъ требовать выигрышъ. „Я считаю себя удовлетвореннымъ, послѣ того, что всѣмъ стало извѣстно про ваши продѣлки... и денегъ—пожелуй вы и платить ихъ—не возьму“, торжественно отрекся онъ, и не дождавшись возраженій—команду отпустилъ, а самъ ступешался не замѣтно... „Вотъ-то грязь... обыгралъ столькоихъ... и со всѣхъ почти получилъ деньги: нѣтъ—мало ему... съ пьяною ватагой, чуть не грабить по кафанамъ шляется... Совѣсть-бы спросилъ, безсовѣстный“, роптали возмущившіеся, не лестнымъ поступкомъ корреспондента - банко-

мета. Да и самому мнѣ, гадко было глядѣть на челоуѣка, будто и порядочнаго, вполне обеспеченнаго средствами (ужъ по одному тому, что состоя корреспондентомъ—хотя и мелкаго органа, но все-жъ таки органа, имѣющаго довѣрчивыхъ подписчиковъ, платящихъ деньги за разукрашенныя вѣсти изъ Сербіи)—принявшася, чуть не на улицахъ, играть въ карты; и что всего хуже — держать „банкъ“, поглощающій добровольческіе дукаты, лишаящіе ихъ, возможности уѣзжать въ Россію и обрекающіе на голодъ и холодъ, а ему—открывающіе путь „куда угодно“ и гарантирующіе роскошь, на легко нажитые деньги. Гадко и прискорбно было глядѣть на такую личность...

Не случись, вотъ этотъ напр. скандалъ изъ за картъ—всего вѣроятнѣе, что и не вспомнилъ-бы я про развившіеся картежни въ Бѣлградѣ, пожалуй—и не упомянулъ-бы о нихъ.. Но бывъ свидѣтелемъ только что описанной сцены, изъ за тѣхъ-же картъ, скажу нѣсколько словъ, о случайной, крайне губительной организаціи, картежныхъ пунктовъ въ городѣ, во время перемирія—тѣмъ болѣе интересныхъ, что они-то и были причиною многихъ золъ, въ средѣ потерпѣвшихъ, составляющихъ въ общемъ, важный и необходимый фактъ, для коллекціи моихъ наблюденій.

Со временъ общаго наплыва обнищавшихъ добровольцевъ, и развившейся дѣятельности представителей славянскихъ комитетовъ—раздачи ими пособій, разныхъ вспомошествованій, единовременныхъ выдачъ и т. д. словомъ—съ часу выпуска нѣсколькихъ тысячъ дукатовъ въ обращеніе, и дошедшей до совершенства безолаберщины, относительно отправки добровольцевъ на родину—въ Бѣлградѣ, развилась игра въ карты и до такой степени, что неслись послѣдніе деньги на игру, съ цѣлью попытать счастья, и если удасться, то удвоить налич-

ность, а неудаться — остаться ни съ чѣмъ, на волю Божью. Такія желанія и взгляды, возникли въ средѣ добровольцевъ, вслѣдствіе весьма понятныхъ и простыхъ причинъ, усиленно способствовавшихъ развитію этой заражающей язвы. Люди, располагавшіе нѣсколько большими средствами, чѣмъ заурядные добровольцы — подъ предлогомъ „отъ нечего дѣлать“, а то и „скуку-бы разогнать“, усаживались за столъ въ любомъ кафанѣ, на любомъ перекресткѣ, доставали изъ кармана, или требовали карты, выкидывали нѣсколько золотыхъ монетъ — а то и десятковъ на столъ и щелкнувъ колодой, съ словами „готово господа“, принимались метать банкъ — часто возроставшій въ какіе нибудь два — три часа, до весьма почтенной цифры, пускавшей гулять по улицамъ Бѣлграда, не одного и не двухъ продувшихся голубчиковъ... Правда иногда доставалось и банку; но нѣтъ правилъ безъ исключеній, а такіе исключенія были весьма и весьма рѣдкіе; чаще всего — банкъ, возросталъ до солидныхъ размѣровъ, а понтировавшіе, сокращались, придумывая и ухищряясь какъ и гдѣ, добыть денегъ — все для той-же цѣли... Ну да вѣдь и общее-жъ правило такое, что банкометь, преимущественно выигрываетъ, а понтирующий, проигрываетъ. Положимъ, „вольному воля — спасенному рай“: каждый доброволецъ могъ играть, или нѣтъ — нести послѣдніе гроши, или оставить ихъ въ своемъ карманѣ; не подлежить сомнѣнію, что такъ. Но тутъ было, какъ всегда и всюду: существовали людскіе страсти — сильныя и слабыя натуры, выработанные жизнью и нѣтъ характеры, способные соблазняться, поддаваться и на оборотъ — устоять противъ всего люди — и, безспорно, послѣднихъ было меньше, чѣмъ первыхъ, для которыхъ видъ денегъ и кажущаяся легкость, при счастья, присвоить ихъ, были притягивающимъ

магнитомъ, чаще всего готовившимъ плачевную развязку тому, кто поддался его влеченію.

Нищій, нравственно испорченный доброволецъ, выстрадавшій вдоволь пока пришлось ему жить въ боевой обстановкѣ (а нерѣдко и раненый), сводить итогъ своимъ похаживаніямъ, комбинируетъ, придумываетъ и въ концѣ приходитъ къ заключенію, что лучше-де всего отправиться въ Россію. Идетъ онъ въ славянскій комитетъ и проситъ денегъ на дорогу; ему даютъ ихъ, но крайне мало—всего пятнадцать дукатовъ, на которыя хотя и можно доѣхать не голодая, но очень и очень рассчитывая и во всемъ себѣ отказывая. Получивъ эти дукаты, идетъ смущенный доброволецъ по улицѣ и проходя мимо первой попавшейся кафаны, заходитъ туда—такъ, изъ одного ужъ принципа не миновать ее, а то и съ цѣлью перехватить маленько... Между тѣмъ, въ той-же кафанѣ (а если-бы не въ той, то въ другой, куда все равно онъ зашелъ-бы) играютъ на пропалую въ банкъ: смѣхъ, язвительные улыбки, отчаянья и скрежетъ зубовъ, внушаютъ добровольцу, что играютъ въ банкъ и именно на пропалую!.. А тутъ еще подвернись, съ сіяющимъ лицомъ, знакомый, только что отошедшій отъ игорнаго стола и на лету, сообщившій ему, что на пять дукатовъ, выигралъ цѣлыхъ пятьдесятъ (что онъ и дѣйствительно сдѣлалъ). Доброволецъ—на минуту смущается, на другую призадумывается, а въ теченіе третьей подходит къ банкомету и вытянувъ изъ разбросанной колоды карту, предлагаетъ вопросъ: „можно-ли поставить“? — Э... что будетъ—думаетъ—поставлю, авось выиграю... На что безъ замедленія отвѣчаютъ; „сдѣлайте одолженіе“: ставится одна карта—бьютъ! другая—даютъ... третья—даютъ... четвертая, пятая, шестая, седьмая и т. д.—бьютъ!—Въ нѣсколько минутъ, менѣе счастливый, соблазнившійся доброволецъ, лишается

полученныхъ дукатовъ, а вмѣстѣ съ ними и всякой возможности уѣхать въ Россію. Онъ въ отчаяніи, остается въ Бѣлградѣ—готовымъ на все и во всякое время! Съ цѣлью отыграться, старается добыть деньги—не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не задумываясь ни надъ какими средствами, для достиженія этой цѣли... Наконецъ, всякими „нелегкими“, достаетъ малую толику; идетъ играть—снова проигрываетъ; въ концѣ машетъ на все рукой и творить что въ голову придетъ... Изъ человѣка, шедшаго по кратчайшему пути къ задуманной цѣли и имѣвшаго полную возможность достигнуть ея, дѣлается праздношатающаяся личность, готовая на все самое отчаянное, лишь-бы измѣнить, хотя на время, свое нищенское положеніе—лишь-бы помочь хоть чѣмъ нибудь своему горю, своей бездомной будущности. И это, не единичный случай—не единственный добровольецъ, ставшій изъ за картъ такимъ и въ такое положеніе, а десятки и сотни ихъ такихъ, въ то время.

Изъ всего, только что мною сказаннаго, видно, что зло губившее добровольцевъ—ставя ихъ въ безвыходное положеніе, бороться съ которымъ они были не въ силахъ — брало начало въ картахъ, замѣтно развившихся благодаря людямъ игравшимъ „скуку-бы разогнать“... Такіе, соблазнившіеся-было будущностью добровольцы—въ концѣ разочарованные результатомъ, оказывались въ худшемъ положеніи, чѣмъ лишенные правъ состояній и преимуществъ преступники, въ любомъ благоустроенномъ государствѣ; потому что послѣдніе находятся на попеченіи правительства—имъ не дадутъ умереть съ голоду или пропасть на холодѣ; между тѣмъ, какъ первые—хотя и полноправные—примѣненій своихъ правъ не могли найти въ Сербіи, а умереть въ ней съ голоду, могли весьма легко...

Но вопросъ: могло-ли это все быть извѣстнымъ тѣмъ,

кто обыгрывалъ добровольцевъ? И если могло, то почему они играя, „скуку-бы разогнать“ позволяли ставить на карту послѣдніе деньги, людямъ—безусловно нищимъ, подвергавшимся послѣ проигрыша, куда болѣе томительной скукѣ, чѣмъ выигравшіе съ нихъ деньги—игравшіе „скуку-бы разогнать“?.. Ни на минуту незадумываясь отвѣчу: на первый вопросъ—утвердительно т. е. было извѣстнымъ“ а на второй—разъясняющею фразой, именно—„потому, что желали выиграть, не входя ни въ то, кто проигрывалъ имъ, ни въ неизбѣжныя послѣдствія такого проигрыша въ ихъ пользу“. Трудно вѣдь и отвѣчать на нихъ иначе: вѣдь если-бъ Бѣлградскимъ банкометамъ, того времени, не было извѣстно обо всемъ объ этомъ досконально, то они-бы и не играли вовсе—не выкидывали-бы ни монетъ на столъ именно тамъ, гдѣ собирались массы заполучившихъ дукаты добровольцевъ, ни картами-бы не щелкали среди нихъ, ни „готово“ бы не говорили глядя на нихъ... А играли-бы „скуку-бы разогнать“, гдѣ либо въ сторонкѣ, въ тѣсномъ своемъ кружкѣ — несоблазная нищихъ, волшебнымъ золотомъ своимъ и незаграбастывая желѣзною рукой, тѣхъ кровью окипѣвшихъ грошей, которые поступая въ ихъ карманы, лишали крова, пищи, насущнаго куска хлѣба, а иногда и жизни, поймавшихся на предательскую удочку эгоизма, несчастныхъ жертвъ! Ясно, что этимъ недостойнаго свойства людямъ, раставшимся и съ сердцемъ и съ душой, было извѣстно все; что и встряхиванье картами и слова „готово господа“, были основаны на ихъ зрѣло взвѣшенномъ расчетѣ — обирать до нага слабыя жертвы и не дрогнувъ, обрекать ихъ на вѣрную гибель въ будущемъ.

Вотъ почему, гадко было глядѣть на скандалъ изъ за картъ, и еще гаже, на людей его затѣявшихъ—на этихъ борцовъ за идею, такъ неистово распинавшихся въ газетахъ за

нее и такъ пошло превратившихъ ее въ ширму, заслонившую на время, отъ взора свѣта, ихъ цинично — безсовѣстные поступки...

Дни за днями длились и незамѣтно проходили, послѣдовательно сокращая и срокъ перемирія. Наступила-было и вторая половина Ноября уже, а опредѣленнаго или хотя нѣсколько яснаго о будущемъ, никому ничего небыло извѣстно. Отъ мало и до велика, все обитавшее въ Бѣлградѣ, напряженно интересовалось, что скажетъ будущее?—будетъ-ли война или миръ? Но ни въ чемъ и ни у кого не находило отвѣтовъ; однѣ предположенія, умозаключенія и болѣе или менѣе, ни на чемъ не основанные толки, царили въ этомъ мірѣ прочно сложившагося невѣдѣнія. Толки и взгляды выдающихся единиц — людей близкихъ къ сношеніямъ съ главною квартирою и съ людьми близко стоявшими къ главнокомандующему, были до того занимательно - курьезны, что слушая ихъ изъ устъ, вторившихъ такимъ людямъ наивныхъ добровольцевъ, приходилось, какъ говорятъ, „бока рвать со смѣху“... Ужъ чего и прочто они не толковали — и сказать трудно... Одни изъ нихъ шили новые мундиры и запасались аксельбантами, проча себя въ будущіе адъютанты, имѣющихъ прибыть русскихъ командировъ; другіе, собирались ѣхать въ Кладово, съ цѣлью встрѣчать русскіе отряды, движущіеся на подкрѣпленіе сербской арміи; третьи (попавшіе изъ прапорщиковъ въ маіоры и полковники) брали отставки и временные отпуска, съ цѣлью ѣхать на время въ Россію; четвертые, хлопотали о прикомандированіи ихъ къ главной квартирѣ, рисуя себѣ самую розовую будущность — блестящую карьеру, въ случаѣ уважать ихъ просьбы; пятые бранили и Сербію и Черняева и славянскіе комитеты (такихъ виднѣлось большинство) и собравъ послѣдніе пожитки, сѣвши на пороходы имѣвшіе ихъ

приблизить къ родинѣ; шестые, съ непоколебимою увѣренностью говорили, что чрезъ два—три дня, а много чрезъ недѣлю, вступить русская дивизія въ Бѣлградъ, куда ихъ и примутъ на службу—послѣдніе, рѣшили не уѣзжать въ Россію, а терпѣливо выжидать вступленія этой дивизіи... *) Смотря со стороны, на такъ толковавшихъ добровольцевъ и на всевозможныя приготовительныя распоряженія къ войнѣ, въ образовавшемся добровольческомъ штабѣ дивизіи, приходилось недоумѣвать нѣсколько и самому: вѣдь формироваііе новыхъ баталіоновъ, установленіе какихъ-то отставокъ для добровольцевъ (сотнями выдаваемыхъ ежедневно) и отпусковъ: разные новые опредѣленія и назначенія командировъ, несуществующими частями; награды и тому подобныя фокусы (утверждаемые главнокомандующимъ); наконецъ — главная квартира и громадный штабъ — что нибудь да значать-же, думалось про себя... И въ тотъ же моментъ, доносились чьи то еле слышныя слова: „ничего это все не значить — одна чушь и комедія, все это вмѣстѣ взятое“. Ну, тутъ ужъ являлось невольное предположеніе, что и въ самомъ дѣлѣ должно быть это все чушь и комедія.

Среди такихъ то, разнорѣчивыхъ толковъ, приходилось жить, слушать ихъ и какъ-бы вѣрить имъ до поры, до времени — и не мнѣ одному, а и многимъ (людямъ, весьма даже серьезнымъ) пребывавшемъ тогда въ Сербіи... Но вотъ, какъ молнія разнеслась вѣсть по городу, что вечеромъ, генераль Черняевъ уѣзжаетъ въ Вѣну, что штабъ его на половину сокращается и, что главнокомандованіе арміей, на время его отсутствія, поручается Меженинову — имѣющему руководиться инструкціями генерала изъ Вѣны, которыя послѣднимъ будутъ слаться оттуда... Вѣсть эта — хотя и со дня на день

*) Воображаю, какво было ихъ разочарованіе впоследствии...

жданная—взбодарила: всѣ кружки добровольцевъ, каждый чувствовалъ, какъ-бы ускользавшую изъ подъ себя почву, начавшую исчезать возможность жить, подъ знаменемъ „насилій и произвола“ и понявъ настоящій смыслъ минуты, приходилъ къ заключенію, что „лучше де — недожидаясь ни русскихъ дивизій, ни конца организаціи, добровольческой—новой — убираться по добру—по здорову, пока имѣющіеся на дорогу дукаты, не попали въ кошелекъ, какого нибудь банмета-корреспондента...

Въ тотъ же день, разнесшаяся вѣсть оправдалась: начавшій ступевываться догадливый главнокомандующій, уѣхалъ въ Вѣну—правда при гораздо болѣе почетной обстановкѣ, чѣмъ вернулся было изъ арміи; назначенный на пристань, баталіонъ его имени, весь штабъ въ полной формѣ, и множество сторонниковъ генерала (людей неуспѣвшихъ было составить карьеры и сильно расчитывавшихъ на будущее командованіе его, сербско—русскою союзною арміею, по возвращеніи изъ Вѣны), отдали ему (и сами того не зная), послѣднюю уже честь какъ главнокомандующему, имѣющему право „наградить и лишать“ своихъ подчиненныхъ. Людямъ, мало знакомымъ съ истиннымъ смысломъ событій того времени въ Сербіи, съ понятіями, пріютившимися - было въ умахъ политиковъ-сербовъ, добровольцевъ и ихъ вождей—легко, пожалуй, могутъ показаться странными, такіе расчеты будущихъ карьеристовъ, какіе я только что высказалъ; и всякій изъ такихъ людей, невольно спросить: „что-жъ это, за расчеты такіе странные ихъ были?“ На что я отвѣчу — по возможности, коротко и ясно: дѣтски - наивные заблужденія въ политикѣ, единицы, стоявшей во главѣ добровольцевъ въ Сербіи и простое непониманіе ея, самыхъ не загадочныхъ вещей (хотя-бы такихъ напр., какъ несомнѣнная не возможность — сербскому добровольцу

совѣщаться, съ Великимъ княземъ главнокомандующимъ русскою арміею на Дунаѣ, о планахъ будущей кампаніи и, о подчиненіи части ея ему—командовавшему, сербскою)—были, началами воспитанія такихъ идей въ умахъ тѣхъ, кто рассчитывалъ составить карьеру, при будущемъ главнокомандующемъ сербско-русскою арміей... Вѣдь всякіе, какіе бы ни было толки, но разъ они идутъ, то берутъ же гдѣ нибудь свое начало—откуда нибудь да происходятъ... и если признавъ эту истину, спросить кто: гдѣ взяли начало толки, будущихъ карьеристовъ, о подчиненіи русской арміи—добровольцу командовавшему сербскою? То незабытое еще прошлое, отвѣтитъ ему—„въ штабѣ, того же добровольца“...

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго изъ столицы сербскаго княжества, такъ еще недавно кипавшей жизнями тысячей необузданныхъ натуръ—воиновъ его арміи—почетною внѣшностью его громаднаго штаба, и военною—деморализованныхъ его войскъ, порядокъ вещей, замѣтно сталъ измѣняться—принимать свой натуральный видъ: граждане стоявшіе „у дѣлѣ“, какъ-бы очнулись и сознавъ свои естественные права, принялись пользоваться ими и ломать все ветхое построенныя зданія пришельцами—строителями; назначенія, производства и затѣянная организація добровольческихъ частей, утвержденные оставившимъ (будто на время) свой постъ главнокомандующимъ, хотя и оставались съ виду въ силѣ, но только съ виду и на одной бумагѣ—на дѣлѣ, ничего подобнаго не существовало. Пробудившіеся, отъ летаргическаго сна, здравомыслящіе сербы, молча и улыбаясь поглядывали на командировъ и добровольцевъ, говоря имъ этимъ внятнымъ молчаніемъ, „уѣзжайте—вамъ нечего тутъ дѣлать больше, мы и безъ васъ обойдемся“—а заурядному русскому

люду, твердили—такъ-таки впрямь — „что не пора-ли и по домамъ вашему брату...“

Да — все ветхо построенное пришельцами-строителями, стало рухаться по немногу, подготавливая почву для болѣе осмысленной политики страны, сдѣлавшей такой оплошный шагъ въ недавнемъ прошломъ.

Сведя итоги своему трехмѣсячному пребыванію въ Сербіи, рѣшилъ, наконецъ и я собираться въ путь далекій... И тѣмъ паче пришелъ я къ такому заключенію, что сидѣть въ Бѣлградѣ не было уже интереса; вѣдь, хотя и новыя, каждый день выростающіе факты, были для меня — уже старою, хорошо понятою и взвѣшенною истиною. Между тѣмъ, какъ въ будущемъ сосредоточивался главный интересъ моихъ наблюденій: загадочное исчезновеніе генерала Черняева въ Вѣну — куда онъ уѣхалъ выяснять свое положеніе — интересовало меня такъ серьезно; а видѣ (по дорогѣ въ Россію), возвращавшихся партій добровольцевъ, не меньше общалъ мнѣ богатаго матеріала, для собранныхъ коллекцій... Вотъ съ этими-то цѣлями, я на скоро собралъ свою движимость, заключавшуюся въ весьма и весьма не многомъ—если не считать двухъ ящиковъ сигаръ—и оѣднивъ себя и покидаемую Сербію, крестнымъ знаменемъ *), 26-го ноября, отчалилъ отъ Бѣлградской пристани, на пароходѣ имѣвшемъ меня довести до Базіяша.

Путешествіе мое, на плохомъ пароходишкѣ до Базіяша, не отличалось ни особенною пріятностью, ни обиліемъ выдающихся приключеній: везли насъ довольно тихо—несмотря на разстояніе менѣе ста верстъ—болѣе двѣнадцати часовъ. Наконецъ—привезли, выгрузили; чрезъ два часа, погрузили, на

*) Ей, бѣдняжкѣ, предстояло еще много тревоженій...

отходившій поѣздъ въ Пештъ, который къ утру слѣдующаго дня и домчалъ всю нашу честную кампанію—заключавшуюся въ добровольцахъ, да въ литературномъ мирѣ (ѣхалъ Глѣбъ Успенскій) — до этаго врага всего славянскаго... Тутъ, часа два отдохнули, закусили и послѣ громко раздавшейся команды швейцара—возвѣстившей о второмъ и третьемъ звонкѣ—помчались въ Вѣну, куда и прибыли благополучно въ тотъ-же день, къ 5-ти часамъ по полудни. Гдѣ-бы тутъ остановиться? спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ — доброволецъ — отъ котораго я всю дорогу не зналъ, какъ отдѣлаться... „Не знаю — я впервые въ Вѣнѣ“.

И я батюшка впервые. Не будемъ-же покидать другъ друга—вмѣстѣ и остановимся, утѣшалъ онъ меня неожиданностью.

— Нѣтъ ужъ это никакъ не придется, — я поселюсь у знакомыхъ.

— Развѣ они есть у васъ тутъ?

— Да — кое-кто есть, вралъ я, лишь-бы избавиться.

— Тѣмъ лучше—и я къ нимъ отправлюсь; не выгонять же они меня добровольца—тѣмъ болѣе съ вами...

— Это неловко слишкомъ выйдетъ; я и за себя то не ручаюсь — примутъ-ли радушно—немцы вѣдь... а тутъ еще съ вами навязаться—да они откажутся и отъ знакомства и отъ всего...

— Попробуемъ—ничего вѣдь и не потеряемъ; выгонять—ихъ дѣло, а примутъ если радушно—спасибо скажемъ.

— Ну нѣтъ, спасибо за такую пробу—я вдвоемъ не поѣду.

— Да и ну ихъ къ черту, знакомыхъ то этихъ вашихъ—остановимся лучше въ гостинницѣ, какая попадется. Ей-Богу—куда лучше будетъ...

— Въ гостинницѣ, дорого обойдется; если ужъ такъ,

то я останавлиюсь въ Hotel Metropole, въ одномъ номерѣ съ моимъ знакомымъ, который живетъ тутъ уже около недѣли—старался я какъ нибудь увернуться, но напрасно; надоѣдливый мой спутникъ тоже пожелалъ въ Metropole—ограничиваясь остановиться рядомъ, въ другомъ номерѣ. „Ничего — тамъ какъ нибудь устроимся, все же лучше вмѣстѣ, чѣмъ въ разнѣ“, увѣрялъ онъ не отходя отъ меня ни на минуту. И мы, позвавъ извозчика, поѣхали въ Metropole. „А въ случаѣ вашего знакомаго нѣтъ тамъ, то въ одномъ номерѣ, голубчикъ...“ усѣвшись уже въ карету, строилъ онъ планъ будущаго. Не въ моемъ принципѣ останавливаться въ одномъ номерѣ—это неудобно... „Ну ничего, голубчикъ, я вамъ мѣшать ни въ чемъ не буду. А вотъ что прежде всего—спохватился было покладистый сожитель—мы еще и фамилій то другъ—друга не знаемъ: позвольте представиться—отставной жандармскій капитанъ Ф—ъ, протягивая руку и приподымаясь съ сидѣнья, соблюдалъ онъ правила приличія. Очень пріятно. Что-жъ это вы служба въ жандармахъ, да въ Сербію рѣшились ѣхать? спрашиваю его.

— Чему-жъ тутъ и удивляться, не понимаю!..

— Да хотя бы и тому, что вы—человѣкъ дѣла, имѣя массу обязанностей по службѣ и занимая, все-жъ таки—ужъ по одному чину—серьезное положеніе въ корпусѣ жандармовъ, рѣшились вдругъ добровольцемъ отправиться?..

— По весьма простой причинѣ: для меня, только и существуетъ въ жизни интереснаго, что въ мирное время—служба въ корпусѣ жандармовъ, а въ военное — борьба на полѣ сраженія... И вотъ вамъ лучшее доказательство этой борьбы—смотрите!.. снявъ шапку и тыча мнѣ подъ носъ повязанную голову, убѣждалъ капитанъ—не вѣсть почему сравнившій жандармскую службу, въ мирное время—только и ин-

интересную въ его жизни, съ такою же „интересною“ борьбою на полѣ сраженія...

— Но дѣло въ томъ, что я дичившійся его все время и искренно желавшій улизнуть отъ его, докучливаго преслѣдованія — съ момента такого оригинальнаго сравненія, сталъ интересоваться этимъ субъектомъ и въ душѣ, нисколько не тяготился его обществомъ. Курьезенъ вѣдь, непостижимый капитанъ, какъ ни поверни... Чрезъ четверть часа, мы подѣтали къ шикарному подъѣзду Hotel Metropole; тутъ-ли остановился, такой-то?... ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, спросилъ выѣзжавшій изъ кареты спутникъ, у отворившаго дверцы сановитаго швейцара. „Найнъ“, отвѣчалъ тотъ недоумѣвая глядя на вопрошавшаго, одѣтаго — можно сказать — ужасно: въ изорванные длинные сапоги, какіе-то кожаные рейтузы, буквально черную сорочку, а сверхъ всего этого, взамѣнъ жилетки, пиджака, или какой-бы ни было поддевки или куртки — въ гутонерчевый плащъ, наглухо затянутый мертвою петлею у шеи, и вмѣсто шапки — въ турецкой ярко пунсовой фескѣ, съ длинною черною кистью. Вся его фигура прибавивъ къ ней, взерошенную русую бороду, длинные въ такомъ же порядкѣ волосы, заспанное утомленное лицо, крошечные, будто смѣющіеся его глазки и хриплый голосъ, вполне оправдывали, нетолько невольное удивленіе, на сей разъ, швейцара, но и кого бы ни было другаго не знакомаго съ типами русскихъ добровольцевъ.

— Ну вотъ и кстати — вамъ то, хотя и не кстати, а мнѣ очень кстати — вашего знакомаго, тутъ нѣтъ — остановимся въ одномъ номерѣ, какъ-то ужъ очень довольно повѣтствовалъ мнѣ капитанъ — вытискивая изъ кареты свой узелъ, какой-то еще желтый полушубокъ и все это кидая къ ногамъ, удивленнаго такимъ багажемъ, швейцара. У подъѣзда, гдѣ про-

исходила эта невинная сена, собралась цѣлая толпа зрителей—чуть-ли не весь персоналъ гостинницы и, глядя на непостижимаго капитана, метавшагося съ моими и своими вещами—кажись совѣщалась: слѣдуетъ-ли такихъ путешественниковъ и пускать-то въ порядочную гостинницу... Но иное бы дѣло—совѣщайся они, пустить-ли меня, или другаго подобнаго добровольца, а не капитана; онъ недожидаясь, ни результата совѣщаній, ни меня, схватилъ весь багажъ нашъ въ охапку, и крикнувъ швейцару „гельтъ-фіякръ“ *), а мнѣ „пойдемте“! что съ ними тутъ!... кошачьими прыжками, сталъ взбираться по красивой, устланной ковромъ лѣстницѣ Hotela. Глядя ему въ слѣдъ нѣмцы, лишь переглянулись, но не найдя во взглядахъ ничего успокоительнаго, скорыми шагами послѣдовали за капитаномъ. Тамъ ужъ, на коридорѣ втораго этажа, куда свернулъ капитанъ съ вещами, все разъяснилось и мы воспользовались правами путешественниковъ; намъ дали роскошно отдѣланный просторный номеръ, гдѣ мы и размѣстились преудобно. „Паршивцы этакіе... за свои деньги, кланяться имъ еще изволь“ рухаясь на диванъ и жалуясь на усталость, сказалъ мой спутникъ.

— Вамъ батюшка пріодѣться-бы немного слѣдовало, если есть деньги, а то вѣдь удивлять будетъ всѣхъ... говорю я ему, уѣвшихъ рядомъ.

— Денегъ то, у меня не много — дукатовъ двадцать осталось, ну да хватить—половину изъ нихъ асигную. Но вотъ бѣда въ чемъ голубчикъ; о статскомъ платьи, ни малѣйшаго понятія не имѣю—придется васъ просить милѣйшій...

Еще и не разсвѣло-было послѣ сладко проведенной ночи, какъ жандармъ-доброволецъ, принялся меня будить—повидимому совсѣмъ и не помня о томъ, что обѣщалъ ни въ чемъ

*) Два слова, а не цѣлую фразу—нужно думать, по неволѣ...

не мѣшать мнѣ: „встаньте-ка послушайте, да отправимся...“ толкая въ различные части тѣла, твердилъ онъ мнѣ.

— Куда, такъ рано — что съ вами! помню — спросилъ я недоумѣвая.

— Платье, купить кое-какое, а то и выдти нельзя будетъ...

— Да гдѣ-жъ теперь, купимъ!... все спитъ еще въ такую пору!..

— Купимъ, гдѣнибудь — вставайте голубчикъ, пока не разсвѣло, а то и на улицу совѣстно показаться, будетъ — смотрите, какой я... разтапыривая полы гутоперчеваго плаща, презентовалъ онъ свою, уже знакомую фигуру. Нечего дѣлать-было: я всталъ, на скоро одѣлся и отправился съ нимъ достигать цѣли — но трудной какъ оказалось, и очень: одѣтъ — раздѣтаго почти капитана, нужно было, съ ногъ и до головы; между тѣмъ какъ найти магазинъ такой, въ которомъ-бы нашлось все, для полного мужскаго туалета, было не легко — въ особенности въ незнакомомъ городѣ. Ходить же изъ магазина въ магазинъ съ постепенно облакавшимся субъектомъ — гдѣ въ сапоги, гдѣ — въ кальсоны, сорочку и галстухъ, гдѣ — въ платъѣ, а гдѣ — въ головной уборъ — небольшое казалось удобоисполнимымъ... Словомъ, нужны были — сметка и взаимное довѣріе: капитана ко мнѣ — матерьяльное — остаться въ одномъ изъ магазиновъ и дать деньги на остальные покупки а мое къ нему — чисто нравственное — быть удѣреннымъ, что покупками онъ останется доволенъ и не прикинетъ мнѣ ихъ. Такъ мы и порѣшили — дѣйствовать сообща. Зайдя въ первую попавшуюся — къ счастью отворенную уже — второстепенную лавку готоваго платья, я приобрѣлъ ему костюмъ, за пять дукатовъ и оставивъ дожидаться, отправился за остальными вещами. Въ мигъ и баснословно дешево, все было куплено,

принесено, пригнано—и изъ добровольца, похожаго-было, на одного изъ бѣжавшихъ изъ Москвы французъ Наполеоновской арміи—вышелъ, нѣсколько комичной наружности, англичанинъ-джентелменъ; а когда, по моему настоянію, онъ рѣшился сбрить усы, пробрить бороду и съ пробормомъ причесаться, то говоря безъ прикрасъ—сталь походить на лорда, засѣдающаго въ парламентѣ и владѣющаго милліонами фунтовъ стерлинговъ. Одно, что нѣсколько мѣшало и другимъ, судить о его наружности по моему, это—манера... ахъ, какая не лордская... Ну да вѣдь, за чѣмъ ему и походить то-было на лорда — имѣя твердое намѣреніе вернуться на службу, въ прежній родъ оружія... „И какъ я вамъ благодаренъ голубчикъ...—пожимая руки изъяслялъ признательность недавно одѣтый статскій—и дешево *) и сердито. Пока-досвиданья; я погуляю по городу не много, а вы вещишки мои съ собой захватите, навязывалъ онъ мнѣ, только скинутый старый свой хламъ — богатый всякими боевыми неизбѣжностями...

— Ну нѣтъ батюшка — я не стану съ ними возиться; можете и сами, если угодно...

— Ну такъ ему вотъ, я подарю эту гадость!—воскликнулъ капитанъ, кидая гутоперчо-кожаные костюмы, въ сторону, гдѣ стоялъ улыбавшійся хозяинъ лавки. „Наинъ—наинъ“, отвѣчалъ тотъ отказываясь отъ подарка и возвращая его прежнему владѣльцу. „Вотъ дуракъ какой!—не беретъ, когда даютъ“... сердито удивлялся капитанъ и отворивъ дверь, выбросилъ за порогъ узелъ, повашій подъ ноги мимо

*) И дѣйствительно вѣдь дешево, подумаешь, за десять дукатовъ — все бѣлье полный осенній костюмъ, верхнее пальто сапоги и шапка... Въ Россіи — оно обошлось бы, по меньшей мѣрѣ, рублей сто — если не больше...

проходившему нѣмцу—носомъ поплатившемуся изъ за неожиданности... Не дожидаясь однако, чѣмъ тутъ разыграется эта комичная сцена, я оставилъ капитана, объясняться, съ державшимся за носъ—только что вставшимъ нѣмцемъ, а самъ вернулся въ гостиницу. Такъ уже, въ двѣнадцатомъ часу въ это утро, когда я напившись кофе въ номерѣ, спустился внизъ и усѣвшись въ прелестномъ ресторанѣ своего Hotela, принялся читать попавшійся на глаза „Голосъ“—невиданный мною за все пребываніе въ Сербіи—прилетѣлъ еле духъ переводя мой капитанъ, а съ нимъ и разныя городскія извѣстія.. „И угораздило меня—началь онъ, вытирая рукавомъ потную фізіономію—кидать эту гадость, на улицу!.. Можете себѣ представить!.. впрочемъ—это при васъ же и случилось—черта то этаго нѣмца поднесло-проклятаго... Не по моей винѣ—носомъ зарылъ свинтусъ, и давай амбицію какую-то еще корчить — полицію на помощь звать — колбасникъ“!..

— Какой же тамъ нѣмецъ вамъ такъ вѣлся? спросилъ я, не совѣмъ догадываясь къ чему дѣло.

— Да, тотъ же — прохожій, который упалъ возлѣ лавки...

— Изъ за вашего узла—то?

— Ну-да. Поднесло его нелегкое...

— Вамъ бы, растолковать ему въ чемъ дѣло—и все бы кончилось, и безъ полиціи и безъ всего.

— Толковалъ я ему, да что толку, коль ни бельмеса не понимаетъ... Тамъ цѣлая толпа сошлась-было, на эту исторію!.. всѣ на меня, какъ осы—чуть отдѣлался...

— Какъ же такъ—не понимаетъ!.. вѣдь вы, по нѣмецки объяснялись?..

— Я то, положимъ, не важно по нѣмецки знаю... Но съ нимъ-то я объяснялся по нѣмецки—это вѣрно.

— Да... теперь понятно, почему у васъ дошло до полиціи; вы, другъ-друга не понимали—вотъ и все.

— Должно быть—потому... А вотъ еще, что я хотѣлъ вамъ сказать голубчикъ: Черняевъ здѣсь — и съ цѣлымъ штабомъ! Живетъ—посмотрите какъ—настоящимъ главнокомандующимъ!...

— Я знаю, что здѣсь; но какъ живетъ — невѣдаю... Гдѣ вы, объ этомъ узнали, обо всемъ?

— Да тамъ же—въ грандъ-отелѣ, гдѣ онъ и остановился.

— Ахъ, онъ въ грандъ-отелѣ... Что-жъ тамъ такого выдающагося вы замѣтили, что живетъ говорите такъ пышно?

— Да какъ же!.. Тамъ, батюшка, по смотрите суета какая!... однихъ экипажей сколько... На ногахъ вся гостиница—ухаживаютъ, какъ за королемъ какимъ, подумаешь...

— Вы-то, зачѣмъ туда пошли—изъ любопытства, или дѣло какое нибудь имѣли?..

— Я—отдѣлался отъ этого нѣмчуры проклятаго, ну и пошелъ прогуляться. Ходилъ часа два по разнымъ улицамъ, вдругъ на одной изъ нихъ, встрѣчаю знакомаго добровольца. Только—потолковали мы съ нимъ минутъ пять и уже стали прощаться-было, какъ онъ и говорить: „пойдемъ ко мнѣ, кофею напьемся“, — „гдѣ жъ вы живете—спрашиваю. Въ грандъ-отелѣ—въ одномъ дворцѣ съ Черняевымъ... Меня знаете заинтересовало это: дай—думаю—пойду, погляжу... Отправляюсь и вижу—вотъ все, что вамъ рассказываю. Ну просто—королемъ живетъ его превосходительство... Да вотъ, пойдете если—увидите...

— Я то пойду, но вамъ, все таки спасибо, за свѣщенія новості—а главное за адресъ Генерала.

— Да вамъ, что тутъ еще—собирайтесь и пойдемъ; тамъ и позавтракаемъ вмѣстѣ. Несомнѣвался я и въ преувеличеніи повѣствованій капитана, но тѣмъ не менѣе, живо заинтересовавшись ими, согласился на предложеніе и вскорѣ отправился въ грандъ-отель. Пройдя нѣсколько узкихъ и кривыхъ улицъ, мы вышли, на длинную красивую—одну изъ главныхъ, прорѣзывающую нѣсколько кварталовъ, самыхъ людныхъ—преимущественно торговыхъ. „Смотрите, что это за толпа такая громадная... будто, ведутъ кого-то!“ Указывая на массу, шедшую намъ на встрѣчу, сказалъ мой спутникъ.

— Не знаю, что тамъ такое случилось...

— Никакъ—ведутъ кого, на казнь, что народъ такъ валить...

— А вотъ увидимъ — подойдемъ...

Приблизившись къ толпѣ, послѣдовало нѣкоторое разочарованіе—на казнь ни кого не вели, но удивленіе, за то, оказалось не меньшее: посреди движущейся массы народа, шли два борца за идею, принадлежавшіе къ летучему штабу г-ла Черняева; черногорецъ - офицеръ, въ своемъ національномъ костюмѣ и москвичъ-знаменщикъ—старый воинъ, увѣшанный русскими медалями и крестами. Оба они вышли-было съ невинною цѣлью—погулять по городу и вотъ благодаря своей внѣшности, привлекли массу любопытныхъ Вѣнцевъ, придавшихъ этому гулянью, какую то балаганно-смѣшную комедию—гораздо менѣе умѣстную въ данномъ случаѣ, чѣмъ бы она была, еслибъ ни черногорецъ ни знаменщикъ, не состояли въ штабѣ г-ла Черняева, пріѣхавшаго-было въ Вѣну съ цѣлью „выяснить свое положеніе“, а не устраивать подобныя шествія, составомъ своихъ подчиненныхъ. „Что—небось смотреть, какъ

на чудо?“ спросилъ я знаменщика, направлявшагося, къ намъ на встрѣчу и какъ-бы обрадовавшагося ей. „Да вотъ—словно на звѣрей какихъ глазѣтъ сбѣгаются... Конфузно, просто, стало—куда не сверни, черти эти бѣгутъ сзади, отвѣчалъ онъ зло озираясь, на ненасытную толпу любопытныхъ.

— Да, вамъ бы одѣться-было, въ такое вотъ, какъ на насъ платье, тогда-бъ и не бѣгали за вами.

— Гдѣ-жъ возмешь его... Сами изволите знать—находимся при генералѣ... ну и форму, по этому-по самому, должно носить законную. Одно слово—соблюдать, какъ слѣдъ порядокъ полагается.

— Нешто, вамъ приказано, носить тутъ эту форму? спрашиваю его.

— Точно—справедливо, про это—про самое, приказано.

— Самимъ, генераломъ?

— Нѣтъ—сами, ничего не изволили сказывать, а господа что при ихней милости находятся, напоминаніе дѣлали...

— Что-жъ вы тутъ, долго-ли пробудете?

— Не наша воля, сами изволите знать—начальству куда угодно, туда и мы... Сказывали въ Кишиневъ будто поѣдемъ, да незнаемъ—поѣдемъ, или въ Сербію вернемся... отвѣчалъ онъ и за себя и за черногорца—молча улыбавшагося все время. „Досвиданія, съ вами—въ Россіи, можетъ быть увидимся“. „Всего благополучія—счастливый вамъ путь“, отвѣчалъ намъ старикъ—знаменщикъ, начиная двигаться въ сопровожденіи, значительно увеличившейся глазѣющей толпы. „И кому это тамъ въ штабѣ, вздумалось дѣлать подобныя распоряженія... идя и спотыкаясь, не постигалъ мой спутникъ. „Не можетъ—же быть, чтобъ генералъ объ этомъ не зналъ, обо всемъ“... продолжалъ, онъ идя со мной рядомъ. Но вотъ и и подъѣздъ грандъ-отеля, съ множествомъ экинажей и

разной виѣшней суеты возлѣ него. Мы, прошли въ ресторанъ, гдѣ встрѣтили нѣсколькихъ знакомыхъ и незнакомыхъ изъ свиты генерала — одѣтыхъ къ счастью, не какъ гулявшіе черногорецъ и знаменщикъ, а въ статское—и послѣ не длинныхъ обоюдныхъ распросовъ, усѣлись за общій столъ завтракать. „Ну какъ вы тутъ поживаете? спрашиваю я у одного изъ свитскихъ офицеровъ — успѣвшихъ скопить кое какіе деньженки, славянофилствуя въ свое время. „А что батюшка — прекрасно... и весело и сытно... говорить онъ мнѣ.

— То есть, какъ это „сытно“?.. вѣдь и въ Бѣлградѣ и въ Делиградѣ, было сытно — развѣ тутъ сытнѣе?...

— Было и тамъ, да не такъ... тутъ обстановка иная — болѣе роскошная...

— За то — денегъ стоитъ — а тамъ она относилась на счетъ штаба.

— И тутъ, на его счетъ... Вотъ еще, сталъ бы я платить за нее, изъ своего кармана.

— Какъ это — развѣ и здѣсь все на счетъ штаба?

— Что это — все?

— Да вотъ напр. расходы на вашу обстановку и другихъ свитскихъ офицеровъ, живущихъ въ гостинницѣ?

— Состоящихъ при генералѣ — да. Да вѣдь ихъ не такъ много, а съ отъѣздомъ генерала, въ главную квартиру дунайской арміи, и того меньше будетъ. Да врядъ-ли и останется кто, послѣ его отъѣзда.

— Сколько-же теперь офицеровъ при генералѣ.

— Его, секретарь — адъютантъ (онъ впрочемъ скоро уѣзжаетъ), два ординарца, знаменщикъ и для личнаго конвоя — четыре черногорца: всѣхъ — человѣкъ десять наберется.

— Для чего-жъ-бы и этимъ десятью-то тутъ жить съ

генераломъ — спрашивается?... строго спросилъ — было мой спутникъ.

— Какъ, для чего? все-жъ таки онъ—главнокомандующій!.. а такимъ лицамъ нужны и окружающіе — ужъ по одному ихъ положенію...

— Какой же онъ, главнокомандующій, безъ арміи?...

— Теперь — такъ вотъ вышло... а послѣ найдется и армія!...

— Вотъ, когда найдется, тогда и штабъ заводи какой знаешь... А то помилуйте — на что это все похоже?... смѣхъ одинъ, да и только!...

— И къ тому — стоящій изрядныхъ денегъ... прибавилъ какой-то статскій, слушавшій разговоръ моего спутника съ свитскимъ офицеромъ.

— Долго-ли генераль намѣренъ пробыть здѣсь? спрашиваю я пророчествовавшего будущую армію.

— Не знаю точно — отсюда въ Кишиневъ ѣдетъ, въ скоромъ времени.

Побесѣдовавъ еще съ свитскими, безпрестанно входившими и выходившими — то съ какими нибудь вопросами въ родѣ, „гдѣ живетъ такой-то, или гдѣ найти то-то... то за кѣмъ нибудь къ генералу — и докончивъ не вкусный и дорогой завтракъ, мы вышли-было съ цѣлью отправится домой. Проходя швейцарскую, насъ удивило присутствіе нѣсколькихъ черногорцевъ, въ золотомъ шитыхъ нарядахъ, сидѣвшихъ тутъ, какъ-бы въ ожиданіи чего-то... „Чего вы тутъ ждете“? не вытерпелъ — спросилъ мой спутникъ у одного изъ нихъ, разгуливавшего взадъ-впередъ, съ сложенными назадъ руками: „незнамъ господинѣ, што казате полковникъ“, (незнаю господинъ, что будетъ приказано полковникомъ т. е. кѣмъ нибудь изъ офицеровъ); отвѣчалъ онъ приложившись

къ козыреку, своего головного убора. „Просто—смѣхъ беретъ глядя на этихъ сумашедшихъ“ кипятился—все мой спутникъ.

— Какихъ, сумашедшихъ?

— Да, этихъ и главнокомандующихъ, такихъ безголовыхъ и всѣхъ ихъ тутъ самозванцевъ!..

— Стоить ли и принимать то это—все, такъ близко.. пусть ихъ, коли нравится, комедію разыгрываютъ.

— Да пусть... мнѣ-то что... только—досадно стаеть, глядя на нихъ—чудодѣевъ, оправдывался мой капитанъ, и самъ-то—человѣкъ не Богъ вѣсть какой толковый... Выйдя изъ подѣзда, мы были озадачены неожиданностью, совсѣмъ ужъ неподходящею—дождь лиль, какъ изъ ведра. Вотъ тѣ и удовольствіе... находилъ, немного охладѣвшій мой спутникъ.

„Возьмемъ извозчика—что-жъ тутъ размышлять надъ этимъ“ говорю ему. Подходить онъ—къ одной каретѣ, и послѣ долгихъ разговоровъ съ возницей—отходить, маша руками и негодуя; послѣ—къ другой, къ третьей, къ остальнымъ—всюду результатъ неблагопріятный... возвращается—ругая все и всѣхъ: „этакіе черти!... къ которому ни подойди—все занять, да занять—только и слышишь одно, что занять!... поднявъ одну ногу и закатывая панталоны—сохраняя равновѣсіе на другой, говоритъ вернувшійся ни съ чѣмъ: „спросимъ-ка швейцара—не найдетъ ли онъ гдѣ нибудь свободного извозчика“. Идемъ къ швейцару и послѣ длинныхъ объясненій узнаемъ, что нѣтъ извозчиковъ свободныхъ—что всѣ эти стоящіе у подѣзда (за исключеніемъ двухъ—трехъ), точные штаба генерала Черняева—почему ни съ кѣмъ частнымъ и не поѣдутъ, ни за какія деньги. Нечего дѣлать—было другаго, какъ отправиться домой на „своихъ“—чему мы и послѣдовали вскорѣ. „А что—не моя развѣ правда? говорилъ вамъ—живетъ настоящимъ главнокомандующимъ...

—Отчасти — да... „То-то-же“... не безъ удовольствія, заключилъ мой спутникъ.

Послѣ, не скучнаго недѣльнаго пребыванія въ Вѣнѣ — описывать которое не рискую, зная что большинство читателей, знакомо съ жизнью богатой развлеченіями и дешевой ихъ, австро-венгерской столицы—сталъ я подумывать и о скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію—хотя и менѣе обильную дешевыми развлеченіями, но за то, болѣе родную и дорогую сердцу ея сына. Но какъ финансы мои, послѣ значительнаго истощенія, представляли мало гарантирующую цифру, то оказывалось неизбѣжнымъ воспользоваться выданнымъ въ Бѣлградѣ льготнымъ билетомъ—отъ Вѣны и до границы, который послѣ засвидѣтельствованія въ русскомъ посольствѣ, могъ быть предъявленъ въ вокзалѣ и принять кассиромъ, взаменъ слѣдующихъ за проѣздъ денегъ *).

Легко было-бы исполнить задуманное, будь непостижимый капитанъ подъ рукою — но его-то и не было теперь; онъ нѣсколькими днями раньше, уѣхалъ поступать на службу—только и „интересную“ въ его жизни... Оставалось устраиваться самому. Исполнивъ предварительныя формальности въ посольствѣ и представившись, (такъ—изъ одной вѣжливости), русскому послу—уже знакомому-было, съ господами, возвращавшимися чрезъ Вѣну изъ Сербіи, я отправился на вокзалъ, съ цѣлью справиться кое-о чемъ—а при случаѣ, и взглянуть на путь, по которому, чрезъ какія нибудь двое сутокъ, должны были меня

*) Сдѣлка эта — славянскихъ комитетовъ, съ посольствомъ и послѣднего — съ желѣзнодорожною администраціей, была вызвана безвыходностью, того множества возвращавшихся русскихъ туристовъ изъ Сербіи въ Россію, которые, попадая въ Вѣну, не знали, какъ изъ нея выбраться—и въ концѣ-концовъ принимались бомбардировать свое посольство, не знавшее, какъ и отдѣлаться отъ этихъ господъ „въ критическихъ обстоятельствахъ“...

мчать бесплатно (и главное нѣмцы), какъ „господина возвращавшагося изъ Сербіи“ — готового прокатиться по какому угодно пути — но только на счетъ славянъ и, изъ за нихъ исключительно... И въ самомъ вѣдѣ дѣлѣ: какое я имѣю нравственное право, говорить о себѣ иначе, когда и моя поѣздка въ Сербію и возвращеніе въ Россію, совершались на счетъ славянъ, и изъ за нихъ однихъ исключительно?.. Приѣхавъ на вокзалъ варшавско-вѣнской дороги и справившись обо всемъ, о чемъ мнѣ было нужно, я прошелъ въ буфетъ и потребовавъ кружку пива, усялся у стола, съ двоякою цѣлью — выпить пиво и отдохнуть, послѣ изряднаго муціона, по обширнымъ заламъ желѣзнодорожной администраціи. Вотъ сию и достигаю этихъ цѣлей, поглядывая вокругъ на незнакомую публику, постепенно наполнявшую вокзалъ, передъ отходомъ утренняго скорого поѣзда, какъ вдругъ — слышу чей-то знакомый голосъ обзывающій меня по имени... Озираюсь и узнаю — адъютанта г-ла Черняева, капитана Товрентьева. „Что, развѣ и вы, уѣзжаете съ этимъ поѣздомъ“?.. спрашиваетъ онъ меня, усаживаясь за столъ рядомъ. „Нѣтъ, не уѣзжаю“. А вы, развѣ уѣзжаете?..

— Нѣтъ — я провожаю генерала...

— Какъ, развѣ онъ сегодня уѣзжаетъ?

— Да.

— Куда-же?

— Въ Кишиневъ — какъ и предполагалось.

— А вы — что съ нимъ не ѣдете?

— Да, что мнѣ тамъ и дѣлать-то... Къ тому-же — я почти, что уже съ нимъ разстался — не служу больше; и провожаю изъ одной вѣжливости.

— Ахъ, вотъ и онъ... кинулся мой собесѣдникъ, вскакивая съ мѣста и спѣша на встрѣчу вошедшему генералу, ко-

торый—подъ руку съ женою и шедшими впереди двумя, премилыми маленькими дочками, направлялся къ выходу на платформу, сопровождаемый, черногорскимъ конвоемъ и массою публики—сразу узнавшей въ немъ, того самаго русскаго генерала, имя котораго — благодаря новѣйшимъ событіямъ и громкому пребыванію его, въ грандъ-отелѣ—такъ стало популярно въ городѣ. Смотри на него, одѣтаго въ статское дорожное платье, меня крайне смутило такое напр. явленіе—какъ черногорскій почетный конвой, въ своихъ фантастическихъ костюмахъ и статскихъ пальто въ накидку: вѣдь всякому-же были видны мундиры этихъ воиновъ накинутаго на себя покрывало, какъ-бы съ цѣлью скрыть форму—тѣмъ болѣе возбуждавшую общее любопытство... Выйдя, съ своимъ семействомъ на платформу, въ сопровожденіи пестрой свиты и всей этой тискавшейся въ дверяхъ толпы любопытныхъ, генераль, пройдя нѣсколько шаговъ остановился, противъ своего вагона, въ ожиданіи отхода поѣзда. Мгновенно, въ какія нибудь двѣ—три минуты, окружила его масса, съ разинувшими ртами, забывшая и о скоромъ отходѣ поѣзда и обо всемъ касавшемся ея лично; и только раздавшійся второй звонокъ, заколыхалъ эту жавшуюся толпу: кто, за билетомъ, кто за багажемъ оставшимся въ вокзалѣ, а кто отыскивать свой вагонъ, бросились въ разныя стороны—остались лишь, никуда не ѣхавшіе столичные зѣваки, какъ и вездѣ радехонькіе поглазѣть на что нибудь новое. Но не долго-же и длилось это глазѣнье: Генераль—простившись съ семьей и остающейся свитой, сѣлъ съ конвоемъ въ вагонъ, а чрезъ минуту, раздался третій звонокъ и поѣздъ умчалъ всѣхъ вызвавшихъ—было такую демонстрацію въ вокзалѣ. „Зачѣмъ это они нарядились въ свои попугайскіе костюмы“? спрашиваю я одного изъ провожавшихъ генерала.

— А кто ихъ знаетъ... Должно быть не во что было больше...

— Вѣдь генераль-же, взялъ ихъ въ свою свиту—онъ могъ и одѣтъ въ партикулярное платье, чѣмъ разить глаза всѣмъ и каждому такими костюмами.

— А что намъ—пусть ихъ разятъ... знаютъ что творятъ и сами.

— Ну не ручаюсь — знаютъ-ли... Смотря на подобныя комедіи, легко начинаешь заключать именно противное—что не вѣдаютъ они, что творятъ...

— Сложный это вопросъ, знаете; начни разбирать — не скоро придешь къ заключенію. Вотъ будущее, что скажетъ, посмотримъ...

— Какой вопросъ?

— Да вообще—про это все про что вы говорите, относительно Черняева: кто его тамъ знаетъ какими онъ соображеніями руководится въ такихъ случаяхъ...

— О такихъ напр. явленіяхъ, какъ конвой его, въ парадной формѣ за границей, можно судить и наглядно—фактъ ясенъ и теперь.

— Два дня спустя, я простился съ Вѣной и послѣ двѣнадцати часового путешествія въ пассажирскомъ поѣздѣ, прибылъ на русскую границу. „Вотъ и Россія...“ не безъ удовольствія думалось мнѣ, подъѣзжая къ границѣ и глядя въ синеватое пространство отдаленнаго горизонта, предъ собою. Но только ступилъ я на платформу русскаго вокзала, какъ мечты о будущемъ, смѣнились грустною картиною настоящаго: вся платформа, была занята возвращавшимися изъ Сербіи ранеными добровольцами, толпившимися тутъ въ ожиданіи отхода поѣзда въ Варшаву. Тяжело было глядѣть на этихъ несчастныхъ изуродованныхъ калекъ—задаромъ поплатившихся

въ прошломъ—ни къ чему не пригодныхъ въ будущемъ и предоставленныхъ существовать на свои средства, вѣрнѣе—умирать съ голоду! Эта партія—уже оправившихся отъ ранъ—безногихъ, безрукихъ, съ вынутыми ключицами и задѣланными челюстями калекъ—до того потрясала нервы зрителя, что съ трудомъ и усиленіемъ, могъ онъ удерживаться—самый закаленный, холодный отъ душившихъ его слезъ!.. Одѣтые, какъ и во что попало, съ блѣдными вынесшими мученія лицами, съ придрѣланными деревяшками—взамѣнъ здоровыхъ оставленныхъ на поляхъ безумной бойни, ногъ и болтавшимися рукавами—взамѣнъ зарабатывавшихъ кусокъ хлѣба, сильныхъ и умѣлыхъ рукъ; съ горькимъ разочарованіемъ, съ засѣвшимъ упрекомъ и переполненной душой озлобленія, къ виновникамъ своей участи—этимъ циничнымъ торгашамъ и честолюбцамъ — на костыляхъ и стона, сновали по платформѣ жертвы узкихъ умовъ, напусьныхъ славянофиловъ... „Жалкимъ органамъ русской печати и эксплуататорамъ славянской идеи, должны быть обязаны вы“... думалось мнѣ глядя на нихъ.

— Не знаете-ли, какъ скоро повезутъ насъ? спросилъ меня подошедшій доброволецъ съ деревянною ногой и рукой на повязкѣ.

— Чрезъ два часа, мнѣ говорили.

— Даль-бы Богъ—скорѣе-бы, а то и силъ не хватитъ дотащиться...

— А вамъ, далеко-ли еще путешествовать? спрашиваю его.

— Да какъ вамъ сказать—ни далеко, ни близко...

— Какъ-же такъ? Развѣ не извѣстно, сколько и верстъ до того мѣста, куда вамъ ѣхать нужно?

— Да такъ—что не извѣстно... Родныхъ у меня нѣтъ, а если и есть, то такіе, къ которымъ и носъ совать не сто-

ить; оседлости — тоже никакой... Куда-же спрашивается и вхвать-то? Одно и остается, что отправляйся „куда глаза глядят“...

— Да вѣдь должна-же у васъ быть цѣль ближайшаго стремленія—задумали-же вы куда нибудь добратся?..

— Ну вотъ она и есть — Варшава. Тамъ посмотрю — не примутъ если въ богадѣльню, — въ Петербургъ уѣду; въ славянскомъ похлопочу, а нѣтъ — если и тамъ ничего неподѣлаю — въ комитетъ раненыхъ отправлюсь... Такъ и буду хлопотать пока силъ хватить, а тамъ что Богъ дастъ...

— Въ комитетъ раненыхъ, васъ не зачислятъ; его покровительствомъ пользуются лишь воины русской арміи. Въ славянскіе, если обратитесь — тамъ обязаны помочь вамъ.

— Да что-жъ въ славянскомъ, если и помогутъ едино- временно, то это вѣдь не обезпечить человѣка въ моемъ положеніи; мнѣ нужна помощь постоянная, а не временная.

— Лучше—что нибудь, чѣмъ ничего.

— Ну если такъ ужъ, то ничего—куда лучше; пропадешь собакой и все кончено — ни себѣ ни другимъ не будешь въ тягость. А то вотъ живи такимъ уродомъ, безъ вѣрнаго куска хлѣба... И правъ онъ былъ бѣдняга, что лучше-бы ему пропасть такому, чѣмъ влачить свои страдальческіе дни, безъ угла и вѣрнаго куска хлѣба. Какіе нибудь сто, или двѣсти рублей, на которые онъ могъ разсчитывать — не помощь такому калецѣ; это лишь средство, къ продленію, его тяжелыхъ мукъ и ропота на жизнь, исполненную такихъ испытаній.

— О вы! — продажные публицисты, и редакторы-торгаши... вы! — лживые толкователи событій и разставшіеся съ совѣстью люди... гдѣ вы?.. что васъ нѣтъ, взглянуть на эту потрясающую картину!.. Гдѣ вы, съ вашими геніями-

полководцами, легкомысленно рискнувшими кровью и жизнями другихъ, ради ничѣмъ неоправдываемаго честолюбія?... звучало въ моихъ ушахъ, глядя на все происходившее предъ глазами. Но вотъ, къ вокзалу тихо подошелъ поѣздъ, наполнился пассажирами и двинувшись въ путь—къ 10-ти часамъ вечера, привезъ насъ въ Варшаву. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ и посѣтивъ архіепископа Леонтія — этого умнѣйшаго дѣятеля въ краѣ, я вернулся въ Петербургъ въ Декабрѣ 1876 года, чѣмъ и оканчиваю третью часть своихъ записокъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I.

Закончивъ свои записки и представивъ читателю рядъ разнороднѣйшихъ фактовъ характеризующихъ недавнія событія, я позволю себѣ, повернувшись спиной къ будущему и лицомъ къ прошедшему—„смѣть о немъ, свое сужденіе имѣть“. Но приступая къ выполненію этой трудной задачи, я вынужденъ слегка коснуться событий, предшествовавшихъ тѣмъ, которые составляютъ предметъ моихъ записокъ.

Два года тому, въ отдаленномъ уголкѣ Европы, малочисленное населеніе, забытаго цивилизаціей захолустья, возстало противъ своего правительства и вооружившись кто чѣмъ могъ, стало отчаянно сражаться съ правительственными войсками.—Я говорю, о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ. Что же вызвало это возстаніе? Во имя чего, эта горсть храбрецовъ рѣшилась, на безумную, далеко неравную борьбу съ гораздо сильнѣйшимъ противникомъ? Отвѣтъ ясный: возстаніе вызвано—неестественнымъ подчиненіемъ однихъ, совершенно безправныхъ, другимъ—варварски самовластнымъ; безумно-неравная борьба велась, во имя основныхъ правъ человека, произвольно поруганныхъ, варварски-надменной силой; а поддерживалась она—надеждою, разбудить спящую Европу и вызвать заступничество сплоченныхъ славянъ... И дѣйствительно: что иное могло вызвать возстаніе, этой заби-

той и забытой райи, этихъ безправныхъ „собакъ“, если не ихъ безвыходное, беспомощное, безнадежное положеніе, основанное на принципахъ, политической безличности, безусловнаго подчиненія прихотливымъ явленіямъ произвола и экономическаго нищенства. А принципы эти, вкоренялись въ ка-ми, фундаментъ ихъ былъ глубокъ и проченъ; онъ былъ основанъ на завоеваніи, построенъ изъ огня меча и насилія и твердѣлъ, почти пять вѣковъ! Разшатать этотъ фундаментъ, нужна была радикальная мѣра: нуженъ былъ острый ножъ въ настоящемъ, чтобы отрѣзать прошедшее отъ будущаго. Единственно пригоднымъ ножомъ, оказалось возстаніе.

Но такъ разсуждаемъ мы— „чья хата съ краю“; Босняки и Герцоговинцы разсуждали не такъ, или вѣрнѣе и во-всѣ не разсуждали: они видѣли предъ собою неминуемую смерть, и какъ смерть съ цѣлью и надеждой имѣла болѣе смысла, чѣмъ безцѣльная подъ рукою палача, то они избрали первую.

Вотъ причины давно тлѣвшей искры, вспыхнувшей наконецъ яркимъ пламенемъ возстанія и породившей, цѣлое дипломатическое пожарище въ Европѣ. Недолго, возстаніе этихъ безумныхъ борцовъ, оставалось фактомъ единичнымъ. Вскорѣ затѣмъ, богатая рыцарскими преданіями воинственная черноторія, объявила войну Турціи, и не взирая, ни на скудость своихъ матеріальныхъ средствъ, ни на сравнительно съ противникомъ, несоразмѣрность своихъ военныхъ силъ, стала вести ее, съ ожесточенною рѣшительностью. Сказочный герэизмъ этихъ обитателей величественныхъ скалъ и дремучихъ чащъ, убѣдилъ наконецъ турецкое правительство, что происходящія событія въ имперіи, представляютъ не незначительный вопросъ внутренней политики государства, а грозное явленіе, съ которымъ ему предстоитъ считаться и послѣдствія котораго

предвидѣть трудно. Но взглянемъ, изъ за чего стала вести войну Черногорія.

Положеніе ея, какъ политическое, такъ и экономическое, было далеко не такое, въ какомъ находились Босняки и Герцеговинцы. Боснія и Герцеговина—исконныя рабы Порты, служащія для нея предметомъ самой варварской эксплуатаціи. Страна ихъ, отданная въ хищническія руки турецкихъ администраторовъ, представляла арену самаго безхитростнаго грабежа, открытаго насилія: надъ ней и ея населеніемъ, правовѣрное мусульманство, безнаказанно изощрялось въ проявленіяхъ звѣрскаго фанатизма и звѣрскихъ прихотей любого паши-губернатора, поставленнаго правительствомъ обирать и угнетать несчастный христіанскій народъ—невольный, ни креститься ни молиться ни сознавать даже, что живетъ онъ не для одной только дани-имуществомъ, плотью и кровью въ пользу варваровъ-повелителей, а и для болѣе высшихъ цѣлей человѣчества. Тогда, какъ Черногорія, представляется, внѣшне и внутренне-самостоятельнымъ политическимъ организмомъ (признаннымъ—большинствомъ и отвергнутымъ—меньшинствомъ европейскихъ державъ); съ внутренними учрежденіями и самостоятельнымъ правительствомъ во главѣ; съ зародышами самостоятельнаго-внутренняго развитія—съ организмомъ, которому не доставало очень немногаго, чтобы назваться, полнымъ политическимъ цѣлымъ. Между положеніемъ Черногоріи и положеніемъ Босніи и Герцеговины была бездна: семья черногорца, неопасалась истязанія и безчестія, имущество его, не подвергалось разграбленію, самъ онъ, не былъ безличнымъ рабомъ надъ которымъ могли бы потѣшаться звѣрскія страсти мусульманъ. Правда, положеніе этого народа оставляло желать еще многого; но оно не было безвыходно, безнадежно: онъ могъ существовать и спокойно выжидать бу-

дущее, подъ охраной собственнаго самостоятельнаго правительства, собственнаго народнаго государя—прежде всего, стражника его жизни, имущества и чести, и послѣ всего—воображаемаго *) вассала безсильнаго султана.

Итакъ, между причинами возстанія Босніи и Герцеговины и причинами объявленія войны Черногоріей Турціи, общаго очень мало: степень политической и экономической зависимости ихъ отъ Порты, далеко не одинакова и если Босняки и Герцеговинцы возстали неразумно, просто потому, что „жить имъ стало не въ моготу“, то Черногорія, объявляя войну, имѣла въ виду, возможныя послѣдствія этой войны, руководствовалась извѣстною политической цѣлью словомъ—разсуждала.

Не смотря однако на такую разность причинъ, совершившагося, одного и того же факта, трудно не найти въ нихъ вѣской основательности. Какъ исконные рабы, Босняки и Герцеговинцы, существенно нуждались въ улучшеніи своего положенія, такъ и Черногорія—въ расширеніи своей территоріи, въ морскомъ владычествѣ, проще: въ приобрѣтеніи, хотя бы второстепеннаго порта, въ Адриатическомъ морѣ. Какъ первые, такъ и послѣдняя, руководились причинами оправдывающими ихъ шагъ.

*) Несмотря на фактически существующую политическую самостоятельность Черногоріи, Турецкое правительство, считало ее—своимъ вассальнымъ княжествомъ. Хотя эта иллюзія Турціи, ничемъ и не поддерживалась со стороны Черногоріи—не платящей ей ни дани, ни власти ея не признающей.

II.

Фактъ возстанія, Босніи и Герцеговины и войны, Черногоріи съ Турціей, не оставлялъ уже никакого сомнѣнія въ серьезности славянскаго движенія на Балканахъ. Европа, до тѣхъ поръ смотрѣвшая на вспыхнувшее возстаніе на балканскомъ полуостровѣ, какъ на вопросъ внутренней политики Турціи—какъ на бунтъ подвластныхъ ей племенъ, теперь и сама, серьезнѣе отнеслась къ факту и стала напряженно слѣдить за зловѣщимъ заревомъ увеличивающаго пожара. Но прежде всѣхъ, конечно, на славянское движеніе, обратила вниманіе Россія, самимъ провидѣніемъ назначенная къ великой исторической миссіи на востокъ. Вѣковая борьба Россіи съ Турціей, стоившая ей столько жертвъ, имѣла всегда одну и ту же конечную цѣль—улучшеніе быта восточныхъ христіанъ вообще и славянъ, въ особенности. Во имя этой цѣли, Россія жертвовала сотнями тысячъ своихъ сыновъ; эта цѣль, служила краеугольнымъ камнемъ всей ея внѣшней политики и пресловутый „восточный вопросъ“, всегда стоялъ на первомъ планѣ, во всей военной и политической ея исторіи. Понятно, что съ момента возникновенія „замѣшательствъ“ на востокѣ, Россія, какъ апостоль своей исторической миссіи, должна была стать на сторожѣ славянскаго движенія. Она стала чутко прислушиваться къ нему, предчувствуя наступленіе роковой минуты. Взоры, ея восьмидесятимиліоннаго населенія, обратились на горячо любимаго монарха, которому Провидѣніе дало высокое назначеніе, быть Царемъ-освободителемъ, Царемъ-преобразователемъ, Царемъ-осуществителемъ, величайшихъ политическихъ идеаловъ современности. Россія, ждала слова любимаго

монарха, чтобы повергнуть къ его стопамъ неисчислимыя жертвы, чтобы отдать ему своихъ сыновъ, свое достояніе. Общество, болѣе всего интересовавшееся—какъ отнесется къ балканскимъ „замѣшательствамъ“ русское правительство, зашевелилось и, въ ожиданіи рѣшительнаго слова, своего Царственнаго предводителя, съ жадностью ловило малѣйшія движенія въ правительственныхъ сферахъ, словомъ, вся русская земля и ея народъ—граматный и безграматный, сказались горячимъ сочувствіемъ къ возставшимъ балканскимъ славянамъ и смолкли, въ ожиданіи руководящаго слова своего Царя. Но вотъ, правительство, наконецъ, высказалось: изъ устъ Божьяго помазанника, раздалось рѣшительное слово. Слово это, служило девизомъ всѣхъ Его мѣропріятій, въ продолженіи долгаго и счастливаго Его царствованія: съ этимъ девизомъ, Онъ успѣлъ осуществить свои великія предначертанія; съ нимъ, Онъ далъ новую жизнь своему народу; имъ наконецъ, Онъ всегда руководствовался въ своихъ отношеніяхъ, къ иностраннымъ державамъ. „Миръ“—это слово, „миръ“—этотъ девизъ. Человѣколюбивый Монархъ, до конца остался вѣренъ, ему и себѣ. Онъ желалъ „миромъ“, безъ кровопролитія, помочь балканскимъ славянамъ, облегчить ихъ тяжкое иго—Онъ надѣялся, развязать гордіевъ узелъ, неразрубая его.

Если-бъ правительство объявило тогда войну Турціи, общество и народъ принесли бы на алтарь отечества, прежде всего своихъ сыновъ и затѣмъ, свое достояніе. Но правительство, объявило себя на сторонѣ политика мира. Между тѣмъ возросшая сила сочувствія русскаго общества и народа, къ славянскому движенію, требовала для себя выхода; сочувствіе это рвалось выразиться осязательно, въ жертвахъ. И вотъ, посильная русская „лента“, помогавшая Герцеговинцамъ и Боснякамъ, съ самаго начала ихъ возстанія, те-

теперь разрослась до колоссальных размѣровъ: она обратилась въ неисчерпаемый источникъ общенародной помощи, неустанно наполняемый и трудовою копѣйкою бѣдняка и обильною сто-рицей, громаднаго состоянія богача.

Такою именно, сказалась Россія въ моментъ активнаго вмѣшательства ея въ событія на Востокъ 1875 г.

III.

Послѣ того, какъ славянскія борьба на Балканскомъ полуостровѣ, вступила въ фазисъ грознаго своего развитія, для единства и большей силы ея, недоставало возстанія, остальныхъ славянскихъ странъ турецкой имперіи: для того, чтобы борьба сдѣлалась общею, должна-была возстать Болгарія и объявить войну Сербіи. Но въ то время, ни Болгарія ни Сербія, не сдѣлали этого, и прежде, чемъ обсудить пользу, такого шага—въ случаѣ-бы они его тогда сдѣлали—взглянемъ, сколь возможно пристально, на различныя положенія этихъ странъ и увидимъ—насколько онѣ побуждали ихъ къ возстанію.

Что касается первой т. е. Болгаріи, тополитическое положеніе ея, ничуть неотличалось отъ Босніи и Герцеговины. Какъ Боснія и Герцеговина, существенно страдала отъ вѣковаго варварскаго гнета турокъ — ощущала на себѣ это тяжкое иго и Болгарія. Какъ Босніецъ и Герцеговинецъ, немогли ручаться за будущій часъ своего безопаснаго существованія, такъ и Болгаринъ, всякую минуту могъ готовиться, на самыя потрясающія испытанія—на самую безчеловѣчную расправу, и съ его семьей и съ его имуществомъ и съ имъ самимъ, ни въ чемъ неповиннымъ рабомъ любаго, разъяреннаго кровопійцы-мусульманина. Болгарія, была

даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ Боснія и Герцеговина; потому что послѣдніе—возстали съ оружіемъ въ рукахъ, а тѣмъ самымъ и защитили себя несколько, своею же сплоченною силой, отъ неизбѣжныхъ нападеній дикихъ фанатическихъ ордъ своихъ притеснителей. Тогда какъ первая, не только не возставшая, но (изъ страха и по привычкѣ), переставшая и возражать противъ неистовствъ и насилій правовѣрныхъ — какъ совершенно безоружная и въ случаѣ открытаго фанатическаго взрыва, со стороны ли мѣстныхъ мусульманъ, или незванныхъ башибозуковъ, могла сдѣлаться—и очень легко — поголовною жертвою варварскаго избіенія—тѣмъ болѣе вѣроятнаго, чѣмъ ярче загоралась заря славянской борьбы на востоѣ. Каждый, хотя бы и частный успѣхъ этой борьбы, разшевеливалъ фанатизмъ мусульманъ, разжигалъ ихъ дикія кровожадныя страсти, а тѣмъ самымъ и придвигалъ осуществленіе подобнаго избіенія. Оно, должно было послѣдовать неизбѣжно; и бѣдная беззащитная Болгарія, предвидѣла его—если и не поголовное, то во всякомъ случаѣ, осязательное и очень въ будущемъ. Вотъ въ чемъ лишь рѣзкая разница, обоюднo неестественнаго политическаго положенія въ которомъ находились—Болгарія, Боснія и Герцеговина. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ, положеніе это было разительно схоже и одинаково вопіюще, какъ первой, такъ и послѣднихъ. Итакъ, вышесказанное убѣждаетъ, что невозставшая, за одно съ остальными, Болгарія, имѣла достаточно причинъ, съ точки зрѣнія политической.

За то, совершенный контрастъ представляла она въ смыслѣ экономическомъ. Ея экономическій бытъ, ни въ чемъ непоходилъ, ни на тотъ въ которомъ находилась Черногорія, ни на бытъ Босніи и Герцеговины. Болгарія — богатѣйшая, плодороднѣйшая страна, какихъ немного на земномъ шарѣ.

Скотоводство, овцеводство и обильная дань самой природы, не требуя особеннаго труда, составляют такую существенную доходность страны, что болгаринъ, ничего особеннаго не предпринимая и неизсякая, ни своихъ матеріальныхъ ни физическихъ силъ, можетъ жить и въ хорошемъ быту и совершенно беззаботно. Болгарскій крестьянинъ, несколько лѣнивъ и апатиченъ по натурѣ, далеко не предприимчивый труженникъ, могъ смѣло и съ увѣренностью подумывать о завтрашнемъ днѣ, зная, что ни голодъ ни холодъ ни безденежье его не ожидаютъ, а напротивъ того: при малой долѣ собственнаго труда—полное удовлетвореніе насущныхъ потребностей въ настоящемъ и матеріальное благосостояніе въ будущемъ. Бѣдный крестьянинъ въ Болгаріи--сочтется зажиточнымъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Обязательная дань которую приходилось ему выплачивать турецкому правительству, столь невелика, что ни ощущать ея ни тяготиться ею онъ не могъ, и не тяготился. И существуй, при его матеріальномъ благосостояніи, да еще какіе нибудь законы, ограждающіе его жизнь, честь и имущество, отъ произвольнаго насилія угнетателей - мусульманъ, то смѣло можно бы поручиться, что болгаринъ, такъ и незадастся еще цѣлое столѣтіе, какою либо высшей идеей, имѣющей внести цивилизацію, просвѣтитъ его умъ, подготовитъ страну, къ самостоятельному политическому существованію. — Словомъ, что онъ и не подумаетъ ни объ чемъ подобномъ. Онъ бы и не вспомнилъ, что если и не онъ самъ, то его дѣти, при иныхъ жизненныхъ условіяхъ и при иномъ строѣ въ странѣ, могутъ быть полезны, не однимъ только себѣ, и не въ одномъ только матеріальномъ смыслѣ, а и другимъ, а и оправдывать болѣе высокія цѣли человѣчества — проявлять свои силы, на болѣе плодотворной почвѣ общественной дѣятельности, чѣмъ окаменѣлое праязаніе подъ

варварскимъ гнетомъ мусульманъ, чѣмъ машинальное пользование, незаслуженными плодами богатой природы.

Но если, политически несуществующая Болгарія, цѣла матеріально, то при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, могъ-ли болгарскій народъ, рѣшиться бороться, за свою гражданственность, за свою политическую равноправность? Могъ бы, и даже долженъ-бы такъ поступить народъ, воспитанный не какъ болгарскій и созрѣвшій подъ инымъ нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ онъ. Болгары, перемѣшанные съ мусульманами, воспринявшіе, почти что цѣликомъ, все присущее послѣднимъ — чуждое всему, нравственному, моральному и цѣлебному, развитію натуры человѣческой (а тѣмъ болѣе ихъ — крайне неподатливой отъ природы); отвлеченные отъ мира цивилизаціи и прогресса, самую жизненную обстановкою, самимъ соблазномъ преобладающей азіятчины, и завязшіе въ міръ матеріальныхъ комбинацій — вошедшихъ въ плоть и кровь каждаго изъ нихъ, и составляющихъ идеаль, ихъ жизненныхъ стремленій; словомъ, больше всего и искриннѣе всего преданные, мелкимъ личнымъ житейскимъ интересамъ — такіе болгары, какъ могли, переродиться въ одинъ мѣсяць, понять все въ одну неделю и вынуть мечъ не колъблясь, во имя высшихъ идей человечества — во имя величайшей изъ нихъ — освобожденія славянскихъ народностей, отъ варварскаго гнета турокъ? Во имя, наконецъ, чисто историческихъ предначертаній? Очевидно, во имя всего этого — загнанный, забитый, тупой народъ болгарскій возстать не могъ самъ собою; для этаго, нуженъ былъ очень осязательный внутренний толчекъ, нужны были: пробужденіе и организація внутреннихъ силъ народа. Говоря по просту: нужны были народные вожди, глубоко понявшіе смыслъ событій, крайне популярныя въ массѣ руководящіе люди. Если-жъ, болгарскій

народъ, самъ-собою, не могъ понять и сознать свое историческое призваніе, а самая существенная сторона его быта — матеріальная (эта единственная сила, руководящая страстями народа, способная разшевелить ихъ и даже увлечь), отъ этого не страдала; если къ тому, вліятельныхъ руководителей въ народѣ не было, то не могло вспыхнуть и возстаніе — то не могла Болгарія и присоединиться къ борьбѣ балканскаго славянства, какъ и не присоединилась она къ ней.

Для того, чтобы въ возможно сжатой и ясной формѣ, очертить политически и экономически Сербію, кстати будетъ сравнить ее: въ первомъ отношеніи — отчасти, съ Черногоріей и во второмъ — вполне, съ Болгаріей. Эти двѣ страны, этими двумя различными своими положеніями настолько схожи съ нею, что не лишне сослаться на нихъ, съ цѣлью нагляднѣе представить Сербію, въ томъ и другомъ смыслѣ, не вдаваясь въ слишкомъ подробное обсужденіе ея положенія, съ двухъ различныхъ точекъ зрѣній. Но какъ для освѣщенія подобнаго сравненія, нужны фактическіе указанія, основанныя на знакомствѣ съ страной и ея народомъ, то мнѣ придется нѣсколько остановиться на этой задачѣ.

Внѣшнее политическое сходство Сербіи съ Черногоріей, правда не буквальное, но въ главныхъ его формахъ, вполне подходящее. Сербія — была вассальнымъ княжествомъ, зависимымъ отъ Порты и платящимъ ей ежегодную дань; тогда, какъ Черногорія — самостоятельною и независимою страной. На дѣлѣ же и зависимость Сербіи и независимость Черногоріи, почти одно и тоже: какъ независимая Черногорія, всецѣло отдалась своей внутренней политической жизни, своимъ жизненнымъ интересамъ, своему органическому народному теченію, такъ и зависимая Сербія, безпрепятственно подвизалась на этомъ пути.

Вся ея зависимость, сказывалась, лишь одною неприятною стороною—обязательствомъ уплачивать дань, турецкому правительству. Но и она, не составляла слишкомъ большой заботы, либо отягощенія для страны; потому, что раскладка ея на весь народъ, равнялась слишкомъ сильному кушу, для каждой единицы въ отдѣльности. И если Сербія, сколько нибудь тяготилась чѣмъ, то не данью, а самимъ фактомъ существованія этой дани—каждый годъ, осязательно напоминающей странѣ, ея политическую зависимость—ея дѣтскую роль, находится подъ верховною властью повелѣвающего, отца-султана. Итакъ, внѣшнее политическое сходство, Сербіи съ Черногоріей, очевидно: оба княжества, пользовались одинаковою политическою независимостью—хотя одно изъ нихъ и было въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Осязательное политическое различіе замѣтно, лишь во внутренней жизни этихъ странъ. Тутъ оно сказывается довольно рѣзко въ томъ; что при одинаковомъ національномъ самоуправленіи, при одинаковой національности и племенномъ происхожденіи—а слѣдовательно и сродствѣ натуръ; при одинаковыхъ историческихъ задачахъ, обречшихъ эти народы, на политическую борьбу, во имя однородныхъ интересовъ, во имя одной и той же завѣтной идеи—снятія, вѣками вѣввшихся оковъ, вдѣтыхъ на національное самосознаніе и умственное развитіе, единовѣрныхъ славянскихъ племенъ балканскаго полуострова: что при всемъ при этомъ (такъ прочно связанномъ), совершенно различны, внутреннія народныя силы странъ—ихъ духъ и политическое единство, словомъ: ихъ организмы, т. е. именно то различно и ни въ чемъ не схоже, что одно способно сломить всѣ внутреннія и внешнія преграды, для преуспѣванія странъ, для успѣшнаго подготовленія ихъ внутренняго строя, для проложенія твердаго пути къ прогрессу. Въ Сербіи, та-

кой внутренней политической организм — ничтоженъ; онъ слабъ и какъ не созрѣвшій и не скрѣпленъ народнымъ сознаниемъ и національнымъ единствомъ — ни къ чему пока непригоденъ. Въ Черногоріи — онъ колосаленъ, твердъ, непоколебимъ и пригоденъ ко всякому рѣшительному народному поступленію впередъ, ко всякой исторической миссии народа, способнаго на великодушіе, самоотверженіе и на все свѣтлое, хорошее, великое. Вотъ въ чемъ замѣтное различіе того внутренняго политическаго единства — той всенародной сплоченной силы, которые, существовали въ Черногоріи, но вполне отсутствовали въ Сербіи.

Сравнивая экономическій бытъ Сербіи съ Болгаріей и вообще, матеріальное благосостояніе народовъ этихъ странъ, уже труднѣе отыскать выдающееся различіе въ ихъ положеніяхъ. Какъ бы опровергающимъ фактомъ, такого вывода служить лишь то, что Сербія, нѣсколько лучше устроена экономически чѣмъ Болгарія — что въ этомъ отношеніи, она выше ея. Въ Сербіи; какъ пути сообщеній, гораздо лучше, чѣмъ въ Болгаріи, такъ и хлѣбопашество и виноградная плантація, и выдѣлка вина и внутренняя и внѣшняя торговля, мѣстною и вывозною производительностью, стоятъ далеко выше, чѣмъ въ Болгаріи: все это, хотя и не въ своемъ натуральномъ видѣ, хотя и не доведено до своихъ естественныхъ размѣровъ, хотя и существенно нуждается въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, въ усовершенствованіи, но сравнительно съ Болгаріей — процвѣтаетъ; и не смотря на меньшую природную производительность, вознаграждаетъ страну, гораздо большею прибылью и пользою, чѣмъ тѣ же источники, чѣмъ лучшая природа, надѣляютъ отсталую и неблагоустроенную Болгарію. Ну да и понятно. Какъ бы ни было, а Сербія — полузависимое отдѣльное государство, имѣющее свое національное

правительство, свои собственные законы, свою армию, выдѣленные и опредѣленные интересы, свои задачи, планы — и данные осуществлять ихъ на собственный страхъ. Словомъ, Сербія—органическое цѣлое, поставленное на путь, по которому оно могло двигаться въ предвзятомъ направленіи; развиваться, просвѣщаться и дѣлать все самостоятельно—съ пользою или въ ущербъ самому себѣ. Тогда, какъ Болгарія, находилась въ несравненно худшемъ, можно сказать, вопіющемъ положеніи. Эта страна безусловно принадлежала Турціи, во всемъ отъ нея зависѣла и служила эксплуатируемымъ источникомъ ея правительству—вольному распоряжаться нею какъ угодно, брать съ нея, что и сколько угодно и истощать ее, чѣмъ и какъ ему вздумается; тогда, какъ народъ болгарскій—исконный рабъ Порты, забывшій о самозащитѣ, о неприкосновенности его собственности, и обо всемъ существующемъ человѣческомъ во всемъ мірѣ, кромѣ варварской Турціи—его повелительницы, дававшей чувствовать свой гнетъ и неумолимый варварскій цинизмъ, какъ только представлялся для того мало-мальски подходящий случай; тогда, какъ несчастный народъ этотъ, ни кѣмъ въ сущности не управлялся — не руководило имъ, ни его національное правительство, (котораго у него не было) ни добросовѣстные представители турецкаго владычества. Когда народъ жилъ, работалъ, извлекалъ пользу изъ своего труда, кормился и даже копилъ, но не могъ ручаться за слѣдующій день безопаснаго своего существованія: когда онъ каждую минуту долженъ былъ готовиться принести собой новые жертвы, имѣющія свалиться въ ту безконечную пропасть нечеловѣческихъ испытаній, которая поглотила уже не одну тысячу его сыновъ, его лучшихъ молодыхъ силъ; и въ которую, то-и смотри, столкнетъ тебя варваръ-повелитель, почему нибудь порѣшившій отправить къ

праотцамъ, извѣстный десятокъ, христіанскихъ невинныхъ душъ! Пропастъ эта — та мгновенная и внезапная турецкая расправа, съ любымъ представителемъ подвластнаго христіанства, которая сопровождалась, прежде всего, потерей имущества послѣднимъ, затѣмъ — ничѣмъ неогражденнымъ насиліемъ и поруганьемъ надъ его семьей; пыточнымъ истязаніемъ, его самого и въ заключеніе — страшною петлей виселицы, предназначенною затянуть и унести, можетъ быть тысячную жизнь, а съ нею и окипѣвшую настрадавшуюся душу, еще неостывшей вздернутой жертвы! Пропастъ эта — то исцѣляющее дѣяніе, которое по священному писъму корана, ставится мусульманину въ спасительную заслугу.

При такихъ жизненныхъ условіяхъ болгарскаго народа, неудивительно, что экономическій бытъ Болгаріи, во многомъ уступалъ существующему въ Сербіи; тогда, какъ матеріальное благосостояніе ея, было одинаково цвѣтуще.

И такъ, если политическое положеніе Сербіи, было сносное, а экономическій бытъ ея, и весьма удовлетворительный, то что могло побуждать ее къ войнѣ? — Чѣмъ существеннымъ могла быть заставлена страна вести ее? Очевидно — ничто и ничѣмъ. Мѣстные житейскіе условія, въ избыткѣ удовлетворяющіе тупые стремленія неразвитаго народа, могли казаться ему — и по всей вѣроятности казались — столь хорошими, что добиваться чего бы ни было — хотя бы большей политической самостоятельности, вовсе не представлялось ему, ни необходимымъ, ни даже пригоднымъ къ дѣлу. “Чего-же еще лучшаго и желать — разсуждалъ народъ — когда живетъ привольно, и даже въ сласть. Турки, ни чѣмъ не притесняютъ, а собираютъ лишь дань. „Чего же еще?“ Да и въ самомъ дѣлѣ: чего же еще и желать то было, грубому неразвитому сербу? Азбучною грамотностью, этотъ народъ, не отличается: невѣжество и полуди-

кіе инстинкты—рѣзкое отличіе массы сербскаго народа, какъ и всего балканскаго славянства вообще. А при такомъ уровнѣ развитія, мудро было сербскому обывателю, зажиточному, вполне довольному своимъ настоящимъ и неимущему ничего особеннаго въ будущемъ, ломать голову надъ исторіей, только и способной освѣтить его прошлое и политически подготовить къ будущему. Правда, онъ и безъ этого недоступнаго для него приѣма, по одному народному преданію, могъ знать о своемъ прошломъ; но если онъ и зналъ о немъ, то къ чему же оно могло послужить, при его природной апатіи, убійственномъ равнодушіи, при его упитанной достаткомъ натурѣ — чуждой всему идеальному великому и близкой всему матеріальному, узкому. „Дѣло господское знать науки—смыслить значить, въ самой въ этой ученой хитрости во всей—говорить нашъ мужикъ: нашему брату, работать знать доподлинно, вотъ и все—вотъ и отъ нужды отобьешься“, заключаетъ онъ—одаренный природнымъ умомъ, воспріимчивостью и душою. А что же скажетъ сербъ—куда грубѣе, тупѣе и во всемъ ниже нашего, чуткаго, живаго, нравственнаго мужика; и куда поставленный въ худшіе условія чѣмъ онъ—вольный учиться, развиваться и проявлять свои умственные силы, самостоятельно и при содѣйствіи своего же правительства, дающаго направленіе естественному теченію жизни своего народа, съ которымъ оно тѣсно связано обоюднымъ сознаніемъ, довѣріемъ и любовью.

Сербъ, ничего подобнаго не скажетъ, ужъ по одному тому, что не пойметъ смысла самой мысли. Онъ вовсе не разсуждая, или разсуждая дико, предпочтетъ—чисто инстинктивно—все то, что отвѣчаетъ его внутреннему влеченію т. е. и не помышляя, о какомъ бы ни было ученіи, предпочтетъ пользоваться плодами богатой природы, и складомъ той гру-

бой первобытной жизни, съ которою онъ связанъ всѣмъ своимъ не отесаннымъ существомъ, всею своею сложившеюся натурой. Трудно, вполне оправдывать такіе взгляды и инстинкты какого-бы ни было народа, происходящіе отъ низкаго уровня развитія, отъ непониманія, что „ученіе—свѣтъ, и неученіе—тьма“; но нужно однако сознаться, что массы съ такими взглядами и инстинктами, созрѣваютъ и исчезаютъ; что еще, можетъ быть, вымрутъ и народятся цѣлые поколенія въ отставшихъ отъ цивилизаціи углахъ міра, пока наконецъ, новые послѣ нихъ сознаютъ пользу ученія—пока оно привьется къ нимъ и дастъ желанные результаты человѣчеству. Говоря, о сербскомъ народѣ, вышеприведенные доводы, особенно должны быть приняты во вниманіе, какъ равно и то, что Сербія—находилась подъ гнетомъ, хотя и не осязательнымъ, какъ будто отдаленнымъ—но подъ весьма искуснымъ давленіемъ его, умѣющимъ отуплять всякіе нравы, сдерживать всякіе противные принципамъ его, людскіе порывы, отдалять приближеніе новаго порядка вещей; вытравливать малѣйшій зародышъ цивилизаціи—какъ явное противоядіе варварству и господствующему произволу—все это: посредствомъ поддерживаемаго застоя народнаго ученія—буквальнаго отсутствія народныхъ школъ (да и высшихъ, за ничтожнымъ исключеніемъ) и прозябанія тѣхъ изъ нихъ, которые почему либо успѣли завестись кое гдѣ, и которые нерасполагая ни самостоятельными средствами, не отличаясь, ни организаціей, ни поощреніемъ со стороны высшаго правительства—переставали существовать сами-собою, или же до этаго—влачили свои безцѣльные дни существованія.

Всмотрѣвшись въ эти факты и взвѣсивъ ихъ значеніе, еще болѣе интересовавшагося вопросомъ: что еще—кромѣ уже высказанныхъ, явно—противорѣчивыхъ данныхъ—могло

побуждать Сербію къ войнѣ—народъ ея, къ готовности бороться и лить кровь, во имя чуждыхъ ему, хотя и великихъ историческихъ идей? Во имя своей будущности, заслоненой тьмою отъ него—призваннаго бросить свои семьи, дома, достоянія и безбѣдную преудобную жизнь и взявшись за оружіе, идти на рядъ физическихъ лишеній, на рядъ кровавыхъ испытаній, на рядъ смертей въ недалекомъ будущемъ? Могъ ли, грубый неразвитый и неподготовленный народъ, сказаться такимъ самоотверженіемъ, такимъ сознаніемъ гражданскаго долга, такимъ духомъ?

Изъ перечисленныхъ положеній, въ которыхъ находилась Сербія уже видно, что народъ этой страны, жилъ далеко не въ такихъ условіяхъ, при которыхъ бы онъ добровольно рѣшился на внѣшнюю политическую борьбу съ противникомъ, кажушима ему просто на просто — пріятелемъ *). Слѣдовательно, минуя все бытовое, личное, житейское, касающееся народа—вполнѣ для него благопріятное, остается анализировать, его связь съ правительствомъ, начавшемъ воинственно демонстрировать, почти съ объявленія войны Черногоріей и задавшимся, можетъ быть, политическими видами, (въ родѣ —територіальнаго присоединенія и полной назависимости), только и способную освѣтить обсуждаемый предметъ. И если она—прочная—существовала, если народъ, подъ вліяніемъ ея могъ сослужить полезную службу странѣ, то вотъ еще—и толчки и причины, побуждавшіе Сербію къ войнѣ, вѣрнѣе: народъ ея—къ борьбѣ, во имя политическихъ идеаловъ своего правительства.

Къ сожалѣнію, приходится отрицать и всякую связь на-

*) Народной взглядъ Сербовъ на турокъ—больше, чемъ дружелюбный, и отношенія ихъ въ частности—самыя искренныя.

рода съ правительствомъ, въ данномъ случаѣ—какъ прав-
 ственную, такъ и политическую: ее не существовало, въ бук-
 вальномъ смыслѣ, никакой. Можно удивляться такому нео-
 традичному явленію, какъ полное отсутствіе всего, что можетъ
 назваться, общимъ, между народомъ и правительствомъ—
 и тѣмъ болѣе въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ и страна то вся
 —въ одну русскую губернію, гдѣ и правительство—со всѣми
 его учрежденіями, штатами и канцеляріями и всѣми его
 внѣшними и внутренними дѣлами—не сравнится съ любымъ
 департаментомъ, любого русскаго министерства. Казалось бы,
 въ такой крошечной странѣ—между народомъ и правитель-
 ствомъ, могла бы и должна бы быть, самая тѣсная и прочная
 связь, самое сознательное обоюдное пониманіе, какъ положеній,
 интересовъ, задачъ, такъ и всего самаго мелочнаго, частнаго.
 Словомъ: должны бы существовать, самыя дружескія, отно-
 шенія—младшихъ съ старшими—за все отвѣтственными руко-
 водителями. Между тѣмъ, подобное мнѣніе, еслибы его кто
 и составилъ о Сербіи и ея народѣ, было бы крайне оши-
 бочное—просто наивное. Связи народа съ правительствомъ—
 повторяю—никакой небыло; а почему, постараюсь по воз-
 можности, разъяснить.

Связь народа съ правительствомъ—какая бы ни была и
 въ какой бы ни было странѣ—совершенно независимой, или
 вполне самостоятельной—возможна лишь тогда, когда пра-
 правительство, дѣйствуетъ въ духѣ народа и времени; когда
 оно хорошо понимаетъ положеніе своего народа,—его вну-
 тренныя и внѣшнія политическія задачи, его направленіе. Когда
 народъ, вполне увѣренъ, что правительство, только и думаетъ
 что объ немъ—о его настоящемъ и будущемъ существова-
 ніи, о трѣбованіяхъ частной и политической его жизни; ко-
 гда народъ видитъ, что правительство занято—улучшеніемъ

его благосостоянія, развитіемъ и направленіемъ его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Когда дѣйствія правительства, плодотворно соприкасаются народа—проще: когда правительство, любить и понимаетъ свой народъ, а послѣдній—уважаетъ свое правительство и довѣряется ему. Гдѣ же это? Гдѣ нѣтъ, гдѣ между правительствомъ и народомъ, царятъ потемки и недовѣріе, гдѣ на первый планъ выдвигаются династическія происки, заканчивающіеся ниспроверженіями главъ и личною борьбою честолюбивыхъ интригановъ, гдѣ такъ сказать, правительство, занято своею собственною персоною—скользящимъ составомъ своимъ, да разными кознями ищущихъ претендентовъ—забывъ и о странѣ и о народѣ—тамъ никакой прочной связи, народа съ правительствомъ быть не можетъ, тамъ она немыслима и тамъ—какъ говорится—ни отъ какихъ, ни внутреннихъ ни внѣшнихъ политическихъ затѣй „добра не жди“. А въ Сербіи, происходило все въ этомъ родѣ. Еще не забытое народомъ убіеніе любимаго князя Николая—руками крайне непопулярной партіи придворныхъ честолюбцевъ, задумавшихъ возвести на престолъ юнаго Милана—несамостоятельнаго и податливаго; козни и происки партіи Карагѣорговичей—ярыхъ противниковъ установившагося порядка вещей и задумавшихъ ниспровергнуть новаго правителя, замѣнивъ его однимъ изъ своихъ членовъ; безпрестанно мѣняющійся составъ правителей—хотя и въ меньшинствѣ, но крайне вредно отражающійся на политическое и экономическое положеніе страны; безчисленныя столичныя дразги политическаго характера; придворныя интриги, отвлекающіе чуть ли не весь персоналъ государственныхъ дѣятелей, отъ болѣе серьезныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, и все это въ совокупности—постепенно, поселило въ народѣ, небезосновательное недовѣріе къ правительству и ко всему творя-

щемуся въ столицѣ. И хотя всякій поднятый вопросъ, касающійся либо строя, либо законовъ существующихъ въ странѣ—обсуждался и голосовался въ скупщинѣ, избранными народными депутатами и вступалъ въ силу, не иначе какъ по ея постановленію, но народъ недовѣрялъ и скупщинѣ—осторчившейся и подорвавшей свой организмъ, примкнувъ къ разнымъ привилегированнымъ *) партіямъ различныхъ направленій, взглядовъ и затѣй. Ясно, что коль при конституціонномъ правленіи страной—такое высшее народное собраніе, какъ скупщина въ Сербіи, (по значенію своему—равняющаяся любому парламенту), пошатнетъ довѣріе націи, то дѣятельность такого собранія, неувѣнчается уже тѣми успѣхами, какими могла бы увѣнчаться, еслибъ народъ уважалъ его—еслибъ свято чтилъ его рѣшенія. И какъ въ Сербіи, вслѣдствіи выясненныхъ причинъ, кредитъ скупщины въ народѣ былъ подорванъ, то суды и пересуды ея, подъ вліяніемъ правительства—въ пользу, или противъ войны—немогли имѣть вліянія на народъ—и если она и высказалась было за войну съ Турціей—народъ не могъ сочувствовать этому; а не сочувствуя, не могъ желать и войны, не могъ сказаться ни самоотверженіемъ, ни признаніемъ гражданскаго долга. Онъ могъ только подчиниться деспотизму—идти на войну по неволѣ. Но какая же польза отъ того, что грубый не развитый, не сочувствующій тому къ чему призванъ, и не прониженный потріатизмомъ народъ, идетъ воевать? Ни какой.

Оставляя однако въ сторонѣ вопросъ, „какая отъ чего польза“, я сошлюсь на приведенные примѣры, какъ на указанія, что въ Сербіи, никакой прочной связи народа съ правительствомъ не было, а слѣдовательно и причинъ идти народу, рука объ-руку съ послѣднимъ, (предположимъ—желающимъ войны), не существовало.

Хотя, предыдущіе и вышеприведенные примѣры, касающіеся Сербіи опредѣленно указываютъ на положительное отсутствіе, какихъ бы ни было причинъ, способныхъ понуждать страну къ войнѣ, коснемся еще одной черты сербскаго народа—религіозной: не укажетъ ли она, на совершенно противоположное—на желаніе народа воевать и лить кровь, за угнетаемыхъ единовѣрныхъ братьевъ и за вѣру—варварски стѣсненную мусульманами?

Отвѣчать на только что сложившійся вопросъ, буду, ссылаясь, на прежніе свои отзѣвы о сербахъ въ этомъ смыслѣ (въ началѣ II-й и половинѣ III-й частей моихъ записокъ). Гдѣ приводятся фактическіе примѣры—говорится ясно и опредѣленно, и сводится къ тому, что любой сербъ въ отдѣльности и весь народъ вообще, крайне не религіозны, мало того—невѣжественны и непочтительны къ религіи. Явленіе это, главное происходитъ отъ того, что народъ нарождался, созрѣвалъ и жилъ подъ мусульманскимъ гнетомъ, въ началѣ—недававшемъ простора религіи и ея ученію, а въ послѣдствіи—поддерживавшимъ сложившееся равнодушное отношеніе и самаго народа къ ней—какъ будто переставшей быть нужною послѣ того, что и безъ нея живетъ хорошо, что и безъ нея, многое измѣнилось къ лучшему.

Понятіе это—дикое, безнравственное, но весьма вѣроятное въ грубой и одичалой средѣ. Какой бы ни было народъ,

*) Аристократическаго класса, въ Сербіи почти нѣтъ, а замѣняющее его привилегированное сословіе, состоитъ изъ, служившаго и служащаго правительству, гражданства—вышедшаго изъ военной и чиновной среды, совершенно уединенной отъ народа и искаженной, то австрійскимъ, то французскимъ воспитаніями, научившими коверканью иностранныхъ языковъ и отвлекшими, отъ всего своего, національнаго, народнаго—отъ пониманія, прямыхъ своихъ внутреннихъ и вѣншихъ задачъ и интересовъ.

неустановившійся и неусвоившій жизненныхъ принциповъ, подпавъ подъ вліяніе варварства, стѣсняющаго и свободу религіи и самостоятельное развитіе, нравственныхъ, моральныхъ и умственныхъ силъ его—невольно отупѣетъ. Временемъ къ нему привѣтся, какъ къ подавляемому, меньшему, слабому—все усвоенное, присущее подавляющему, преобладающему, сильнѣйшему. Онъ перейметъ и обычаи, и нравы; онъ исказитъ и натуру и характеръ; и весь онъ станетъ быть—не собою, а породіемъ всего своего—естественнаго, натурального національнаго, отъ чего онъ отвыкъ, просто—отказался, по чувству самозащиты—изъ боязни за свою жизнь, изъ опасенія возможной грозы въ будущемъ. Такъ случилось и съ сербами. Подпавъ подъ варварскій гнетъ мусульманъ, жестокихъ и ярыхъ гонителей христіанства, имъ оставалось или уступить гоненію своихъ властителей—отказавшись и отъ религіи и отъ внѣшнихъ ея признаковъ, снискать снисходительное отношеніе къ своему существованію, или неуступать неестественному порядку вещей—рѣшившись на мученическіе испытанія и жертвы—на все кровавое, вопіющее, т. е. рѣшится именно на то, на что способенъ народъ развитый, мужественный, идеальный, и чего имъ и недоставало только. Они избрали первое: чѣмъ страдать за вѣру—помириться съ своею участію и уступить требованіямъ властвующаго мусульманства.

Очевидно, что просуществовавъ подъ такимъ гнетомъ столѣтія, народъ этотъ, уже и на большемъ просторѣ, уже и при свободѣ религіи, не сразу кинулся ей на встрѣчу, не сразу оцѣнилъ ее и понялъ въ ней свои силы. Онъ остался нѣмъ и глухъ къ ея принципамъ и на время, удовольствовался полнымъ равнодушіемъ. Я говорю „на время“, потому что будущее, несомнѣнно готовитъ принципы этому народу и пробудитъ въ немъ, тѣ нравственные и духовныя

силы, которыя даются лишь религіей и которыя служатъ вѣрною порукой, развитія и процвѣтанія націй. Религія—прочный фундаментъ всеѣмъ благимъ людскимъ начинаніямъ. Отсутствие ея—несомнѣнный признакъ слабости нравственнаго организма народа, или одного человѣка — безъ котораго немислимы, ни ихъ самостоятельная жизнь, ни прочное и полезное существованіе.

Такимъ образомъ, необвиняя сербовъ въ равнодушіи и безотчетномъ неуваженіи къ религіи, слѣдуетъ все-жъ таки признать, полнѣйшее отсутствіе ея въ нихъ. А признавъ это, неоправдывается и послѣднее предположеніе: найти религіозныя причины, могущія побуждать Сербію къ войнѣ, во имя вѣры, во имя одного изъ ея главныхъ принциповъ—„подать руку тонущему“, т. е. помочь въ борьбѣ—за ту же вѣру—изнывающимъ братьямъ боснякамъ, герцеговинцамъ и черногорцамъ. Но на ряду съ отсутствіемъ причинъ, къ народной войнѣ, Сербіи съ Турціей, есть несомнѣнныя въ пользу желанія войны (если и не популярной) ея правительствомъ. Правительству—былъ расчетъ воевать; расчетъ—чисто политическій *), но неосуществимый практически въ томъ случаѣ, если оно останется изолировано отъ народа; если оно, ведя войну, будетъ располагать одними своими силами. Въ послѣднемъ случаѣ, политическій расчетъ правительства, вести войну съ Турціей — практически непримѣнимъ и невыдерживаетъ критики.

*) Конечною политическою цѣлью Сербіи служили, во-первыхъ: полная политическая независимость ея и во-вторыхъ—територіальное присоединеніе, въ лицѣ старой Сербіи и нѣкоторыхъ полосъ пограничныхъ съ Черногоріей, значительно усиливающихъ, политическое могущество страны; а равно и ея экономическое развитіе.

IV.

Теперь остановимся на вопросѣ: какую пользу могло принести, дружное возстаніе Болгаріи и Сербіи, за одно съ остальнымъ балканскимъ славянствомъ? И кому именно: имъ самимъ ли—ходу ли общей борьбы—или Россіи? Если-бъ Болгарія и Сербія, возстали даже въ одно время, съ Босніей, Герцеговиной и Черногоріей и стали вести войну съ Турціей, то фактъ этотъ, ни въ стратегическомъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ, не принесъ бы пользы, ни имъ самимъ, ни самому вопросу. Такая маленькая страна, какъ Болгарія, съ такимъ трусливымъ народонаселеніемъ, нерасполагающая, ни постоянною—хотя бы не большою—арміей, ни организованною милиціей, ни подготовительною организаціею ополченія, не могла выставить въ полѣ никакихъ боевыхъ силъ, способныхъ, хотя бы обороняться, отъ плохо организованнаго противника. А сражаться съ регулярными войсками — и говорить нечего: объ этомъ и помышлять ей нельзя было. Положимъ, матеріальные и тактическіе недостатки въ войскѣ, можетъ искупить отчасти, высокій нравственный уровень его: самоотверженіе и рѣшимость идти на все, твердо и не колеблясь, во имя опредѣленной и ясной цѣли—могучая сила какого бы ни было войска, или даже, вооруженной толпы. Но вѣдь и самоотверженіе и рѣшимость, вѣроятны въ той средѣ, гдѣ они чѣмъ нибудь вызваны особеннымъ; въ данномъ напр. случаѣ—вѣроятны въ народѣ желающемъ войны, т. е. какъ разъ противоположномъ болгарскому—трусливому и вовсе не желавшемъ кровопролитія.

При такомъ существенномъ недостаткѣ средствъ распола-

гать военною силою, Болгарія если бы и возстала, то была бы разгромлена какимъ нибудь однимъ турецкимъ корпусомъ, безъ всякой пользы для себя и для славянскаго дѣла. Между тѣмъ, политически и экономически, повредила бы себѣ серьезно; потому что, пока кто изъ европейскихъ державъ вздумалъ бы явиться выручать ее изъ бѣды, пока турецкая военная расправа, съ побѣжденными мятежниками, была бы остановлена чьею нибудь цивилизованною могучею рукою—Болгарія, была бы обращена въ пепелъ, а народъ, ея въ нищую искаленную сгибающуюся массу, голодную и безъ крова. Для Россіи же, подобный фактъ былъ бы еще менѣе отраднымъ явленіемъ, какъ вынуждающій ее преждевременно вмѣшаться въ событія на балканскомъ полуостровѣ. А вмѣшательство ея представлялось бы неизбѣжнымъ въ такомъ случаѣ. Словомъ, вооруженное возстаніе Болгаріи, съ цѣлью присоединиться къ общей борьбѣ балканскаго славянства—вызвало бы рядъ печальныхъ послѣдствій крайне вредныхъ, для ея самой—безполезныхъ, для дѣла и опасныхъ для Россіи.

На вопросъ: какой вышелъ бы прокъ, если-бъ Сербія стала воевать съ Турціей, одновременно съ остальнымъ балканскимъ славянствомъ, приходится отвѣчать тѣмъ же—чѣмъ и относительно Болгаріи: что проку отъ этого, не было бы, ни ей, ни другимъ, а вредъ—громадный, не столько ей самой, сколько другимъ.

Разобранное уже, внутреннее политическое состояніе страны, достаточно указываетъ на то, что предпринятая правительствомъ война, не пришлась бы по сердцу народу. Слѣдовательно, война и ея послѣдствія, остались бы на отвѣтственности одного правительства, которое нерасполагая, въ достаточной мѣрѣ, ни матеріальными средствами, ни боевыми силами—стало бы, въ высшей степени затруднительное положеніе:

оно оказалось бы не въ силахъ, не только выполнить задачу: войною — достигнуть предвзятой цѣли, но даже и вести ее, безъ явной и неминуемой опасности для страны. Взять на себя такую отвѣтственность и рассчитывать на приблизительный успѣхъ, могло лишь правительство, любимое народомъ и располагающее, его физическими и матеріальными средствами, какъ своими собственными — опирающееся на нихъ, какъ на надежный и крѣпкій устой. Словомъ, правительство, разумное, крайне популярное и политически сильное. Тогда, какъ сербское, ни одному изъ этихъ условій не отвѣчало и объявивъ войну Турціи — ужъ изъ одного благоразумія, должно было рассчитывать, лишь на себя, и весьма мало, вѣрнѣе ничего, на свой народъ. Въ послѣднемъ случаѣ, такому правительству, для того чтобы рѣшиться на такой рискованный политическій шагъ, оставалось рассчитывать, только на одни свои средства, т. е. сербскому, для того чтобы объявить войну Турціи — на свою собственную казну и постоянную армію. А чтобы рассчитывать, хотя на какой нибудь успѣхъ предпринятой войны, оно должно было располагать: 60—100 милліонами дукатовъ (200 — 350 милліонами рублей), и 100—150-ти тысячною, хорошо организованною арміей: силами — сколько нибудь способными бороться съ противникомъ — хотя и значительно сильнѣйшимъ, но вынужденнымъ помѣряться и сколько нибудь напрягнуть усилія, въ правильной и продолжительной борьбѣ. Сербія, не могла располагать и четвертою частью, этихъ средствъ, потребныхъ для войны. Какіе нибудь пятнадцать милліоновъ дукатовъ (около шестидесяти милліоновъ рублей), составили бы для нея, непреодолимую почти трудность, въ изысканіи ихъ для этой цѣли. Армія же ея, состояла изъ пяти тысячъ постоянныхъ войскъ, а въ экстренномъ случаѣ, могла быть увеличена, еще двад-

цатью тысячами, плохо подготовленной милиціи. Слѣдовательно, если-бъ сербское правительство напрягло свои силы, то объявляя войну Турціи, могло бы располагать: отъ 12 — 15 милліонами дукатовъ, (50 — 60 милліонами рублей), и 25 — 30-ти тысячами плохихъ солдатъ. А прибѣгнувъ къ усиленной мобилизаціи, оно могло бы выставить, до шестидесяти тысячъ, и плохо организованнаго и вовсе нежела-шаго воевать, просто-—деморализованнаго войска. При такихъ матеріальныхъ и боевыхъ средствахъ Сербіи, врядъ ли, вооруженное вмѣшательство ея въ событія балканскаго полуострова, могло принести какую нибудь стратегическую выгоду борющимся *). Безошибочнѣе будетъ, сказавъ, что подобный шагъ со стороны Сербіи, не принесъ бы никакой стратегической выгоды возстанію, а только разорилъ бы ее въ край экономически и истощилъ, непомѣрными матеріальными затратами, непроизводительно и безцѣльно.

Но если вооруженное участіе Сербіи въ данномъ случаѣ, было бы только „безполезно“ въ смыслѣ стратегическомъ и разорительно для нея въ экономическомъ, то совсѣмъ иное имѣло бы оно значеніе въ смыслѣ политическомъ. Фактъ войны Сербіи съ Турціей, крайне усложнилъ бы натянутое положеніе дѣлъ въ Европѣ.

Какъ герцеговинское возстаніе, такъ и черногорско-турецкая война — были естественными послѣдствіями, того неестественнаго положенія, въ которомъ эти двѣ страны находились до этого. И хотя Черногорія и стала воевать, не по одинаковымъ причинамъ съ Босніей и Герцеговиной — хотя у нея

*) Стратегическая выгода состояла: въ расширеніи театра военныхъ дѣйствій—чѣмъ ослаблялись боевыя силы Турціи; и въ продленіи борьбы—чѣмъ истощалось то самое государство, отъ котораго требовались уступки и льготы въ пользу возставшаго славянства.

и были чисто политическіе расчеты при этомъ, но общіе мотивы войны, служили такими вѣскими доказательствами необходимости вооруженнаго столкновенія, ея съ Турціей, что ни одна европейская держава, не имѣла поводовъ предполагать, что Черногорія объявила войну подъ чьимъ нибудь иноземнымъ вліяніемъ—хотя бы Россіи. Точно также было понятно каждому и герцеговинское возстаніе. Оно не могло не быть, и только вопросъ въ томъ: когда должно было вспыхнуть—въ то время, или гораздо позже; но какъ вопросъ этотъ второстепенный, то никому не представлялось необходимымъ анализировать его—добиваться: почему это произошло раньше, а не позже. Въ силу этихъ данныхъ, Европа смотрѣла на событія довѣрчиво, и только вникала въ нихъ настолько, насколько способствовала этому мѣстная обстановка и условія при которыхъ, они созрѣли и произошли.

Совсѣмъ другое значеніе, придали бы факту войны, Сербіи съ Турціей. Въ глазахъ Европы, ни политическое, ни экономическое положенія Сербіи, не вынуждало ее браться за оружіе. Воевать за независимость и брать на себя всѣ разорительныя тягости войны, весь рискъ ея послѣдствій въ случаѣ пораженія—было не зачѣмъ; потому, что съ возрожденіемъ восточнаго вопроса, — что было уже въ то время очевиднымъ—готовилась и независимость Сербіи, какъ неминуемый результатъ того прогрессивнаго поступленія, которое неизбежно должна была сдѣлать Европа, нарушая ветхій организмъ Турецкой имперіи. Безъ нарушенія его—немыслимо улучшеніе быта балканскихъ славянъ; безъ этого—не могъ рѣшиться восточный вопросъ.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ и взглядахъ, Европы на Сербію, война послѣдней съ Турціей, была бы понята въ иномъ, смыслѣ и мотивирована, совсѣмъ другими причинами. Тутъ

стали бы искать вліянія на Сербію, наиболѣе заинтересованнаго вопросомъ государства, и хотя и неосновательно, хотя и слишкомъ близоруко, но несомнѣнно, остановились бы на Россіи, связанной и настоящимъ и будущимъ съ Сербіей, какъ съ отдѣльнымъ политическимъ цѣлымъ, находящимся на ея сторонѣ и подъ ея вліяніемъ, гораздо большимъ, чѣмъ подъ чьимъ бы ни было другимъ. Отсюда возникли бы: тайное неудовольствіе такихъ державъ, какъ Австрія и въ особенности Англія; преувеличеніе предположеній; недовѣрчивость и натянутость въ обмѣнѣ политическихъ взглядовъ, касающихся текущихъ событій, на балканскомъ полуостровѣ — все это, по отношенію къ Россіи. Словомъ, возникло бы, непоправимое зло: „сама по себѣ, крошечная Сербія, немогла же рѣшиться объявить войну, такому государству, какъ Турція — разсуждала бы Европа — очевидно, если она это сдѣлала, то по чьему нибудь внушенію, подъ чьимъ нибудь вліяніемъ и съ расчетомъ, на чью нибудь поддержку... и несомнѣнно, что по внушенію Россіи и подъ ея вліяніемъ... Насколько основательны и умѣстны были бы такіе взгляды объ этомъ послѣ. Но важно то, что они были бы, и что фактъ войны, Сербіи съ Турціей — стратегической выгоды, возставшему славянству не принесъ бы, а политическіе усложненія, породилъ бы, весьма и весьма серьезные. Европа, могла бы недовѣрчиво относиться, къ миролюбію Россіи и заподозривъ ее, въ воинственномъ подстрекательствѣ Сербіи, повредила бы всей русской политикѣ на востокѣ: ей стали бы не довѣрять и опасаться; въ ней, стали бы усматривать двусмысленность и таинственныя цѣли. Голосъ русскихъ дипломатовъ тщетно звучалъ бы посреди пристрастныхъ цѣнителей. Въ итогѣ: одна Россія, пострадала бы отъ этого осязательно и одной ей, пришлось бы исправлять, дорогою цѣною, чужіе ошибки.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояла задача Россіи на балканскомъ полуостровѣ, съ той поры, какъ событія 1875 г. ясно обнаружила свой характеръ? и: что обезпечивало успѣхъ этой задачи?

Не задаваясь никакими сложными политическими соображеніями, одна простая оцѣнка, прошлаго и настоящаго, отвѣтитъ намъ на эти вопросы.

Время, а съ нимъ и историческіе событія, создали различныя положенія европейскимъ державамъ на востокѣ, рѣзко разрознивъ ихъ интересы и придавъ имъ такое различное значеніе, которое сложило первостепенной важности фактъ получившій названіе „восточнаго вопроса“. Историческая жизнь балканскаго славянства шла такимъ черепашьимъ шагомъ, въ настоящемъ и страшила такимъ гигантскимъ поступленіемъ въ будущемъ, что государства, существенно заинтересованные ею, напряженно слѣдили за событіями на востокѣ, и какъ только подмѣчали въ нихъ жизненную силу, грозящую взять свое, вступить въ свои естественныя права, то не входя въ интересы другихъ и не взвѣсивая особенно, са- мыхъ послѣдствій, старались остановить ее, въ самомъ началѣ, а тѣмъ временемъ, извлечь для себя пользу—оградить свои интересы. Словомъ принимались дѣйствовать по внушенію одного эгоизма и съ точки зрѣнія, крайне субъективной—каждое самостоятельно, или заодно съ другимъ кѣмъ, примкнувшимъ выгодъ ради. Отсюда, возникали частые столкновенія, кровопролитныя войны, все изъ за того же труднаго разрѣшаемаго восточнаго вопроса. Къ несчастью, выдающееся

различіе сложилось въ восточныхъ интересахъ—Россіи, съ одной стороны и, Англіи, Австріи и Франціи, съ другой: первая, настаивала на улучшеніи быта балканскихъ славянъ, т. е. на освобожденіи ихъ, отъ турецкаго владычества, что нарушало цѣлость турецкой имперіи и лишало ее, политическаго могущества въ Европѣ. Послѣдніе: горой стояли, за цѣлость турціи, за сохраненіе ея господства на балканскомъ полуостровѣ, что подрывало вліяніе Россіи на востокъ и обрѣдало балканское славянство, на прозябаніе подъ варварскимъ турецкимъ гнетомъ, на неопредѣленное время. Различіе въ интересахъ, самое существенное и неудивительно, что отъ этого жутче всѣхъ, приходилось Россіи, сталкивающейся то съ одною турціей, то съ цѣлою коалиціей державъ, во всякую рѣшительную историческую минуту. Согласовать интересы державъ, на востокъ, правда была возможность, но для этого, нужно было время, а главное, прямая и ясная политика каждаго заинтересованнаго государства. Выкажись каждое правительство впрямъ, съ объективной точки зрѣнія—потребуй оно свое и не посягай на чужое, восточный вопросъ, рѣшенъ былъ бы легко—не свинцомъ и штыками, на поляхъ кровопролитнѣйшихъ сраженій, а перомъ разумныхъ дипломатовъ въ кабинетѣ. Это такъ же понятно, какъ и то, что вся сложность его, казавшаяся трудноразрѣшимою, заключалась, не въ самой задачѣ, а въ способѣ рѣшенія ея. Каждое правительство—кромѣ однако русскаго—желало извлечь такую осязательную пользу при разрѣшеніи восточнаго вопроса, посягало на такой здоровый кусокъ, близкаго, къ разложенію организма турціи, желало до того поправить свои обстоятельства на чужой счетъ, что, какъ только всплывалъ на очередь восточный вопросъ, державы раскрывали свои пасти на добычу, защищаясь дипломатическими хитростями, съ права и съ лѣва,

съзади и съпереди — отъ того и удерживая того, кто употребляя такіе же средства, рвался впередъ съ цѣлью проглотить лакомый кусокъ, раньше другихъ, — раньше жадныхъ своихъ пріятелей — враговъ, и потому, кто оплошностью ли, или другимъ чѣмъ, навлекалъ на себя подозрѣніе... На такого накидывались со всѣхъ сторонъ, и старались придушить его и надолго, лишить его физической силы раскрывать жадную пасть. Борьба съ такимъ заподозрѣннымъ цѣлымъ, обыкновенно отвлекало отъ самой сути — отъ рѣшенія восточнаго вопроса, который, какъ бы терялъ свою очередь и разбивался до поры до времени. Такимъ растворявшимъ пасть цѣлымъ, была въ глазахъ Европы Россія, и на нее то и накидывались обыкновенно изъ за восточнаго вопроса, почему самый вопросъ, сталъ крайне изнурительною борьбою, Россіи съ Европой, вѣрнѣе — съ Турціей, Австріей, Англіей, и отчасти, съ Франціей.

Не стану отрицать, что были причины признавать Россію — государствомъ, претендующимъ на изрядную добычу въ такихъ случаяхъ. Россія, какъ могущественнѣйшая славянская держава, вѣками стремящаяся избавить славянскіе народности балканскаго полуострова, отъ гнета турокъ, легко могла казаться такимъ призракомъ, съ растворенною пастью — въ особенности тѣмъ, кто судилъ о другихъ, по себѣ судя.

Будущее могущество Россіи, какъ державы съ восьмидесяти-милліоннымъ, политически и нравственно сплоченнымъ народомъ, располагающей восьмисотъ-тысячною готовою къ бою арміей, къ тому, владѣющей чернымъ моремъ, и въ случаѣ вторженія славянъ отъ турціи, могло страшить Европу, не насмѣтку, желавшую сколь возможно отдалить столь ненавистное будущее съ вѣрнаго медвѣдя — обрѣзать ему когти и обезсиловать, упорной борьбою съ меньшей братіей. Все это, могло

быть, и даже нѣсколько натурально, если взять въ расчетъ субъективность и эгоизмъ, какіе руководили европою, заинтересованною, въ дѣлахъ востока. Но чтобы оправдывать это, съ точки зрѣнія объективный, нужно быть весьма близорукимъ въ грамотномъ пониманіи восточнаго вопроса. То, на что имѣла право Россія на востокѣ, предоставлялось ей естественнымъ складомъ судебъ. Ея народность и будущее, тѣсно связываютъ ее, съ славянствомъ заселяющимъ балканскій полуостровъ. Минувъ все остальное, одно географическое положеніе Россіи, вынудило покровительство ея и защиту тѣхъ, кто находясь подъ гнетомъ турокъ, подъ бокомъ у ней жилъ — чьи протестующіе вопли, доносились до ея слуха, кто звалъ ее вѣками, вступиться за него, оградить отъ произвола, отстаять его права на жизнь, на самостоятельное саморазвитіе своихъ силъ. Словомъ, право Россіи, занять извѣстное положеніе на востокѣ, давалось ей самою жизнью и было совершенно понятнымъ и естественнымъ. Положимъ, право это, усиливало могущество Россіи вообще, перерождая ее изъ — посредственно-могущественной политической единицы, въ всесильное государство, располагающее рѣшительнымъ вліяніемъ на дѣла Европы — въ державу, склонность которой въ ту или другую сторону европейской политики, была бы равносильна, рѣшающему приговору въ пользу той, или другой страны. Словомъ, вліяніе ея одной въ будущемъ, грозило сдѣлаться болѣе сильнымъ, чѣмъ Австріи, Англіи и Франціи въ настоящемъ. Но развѣ можно, винить въ этомъ Россію? Развѣ мыслимо обвинять ее въ томъ, что ей дается самою жизнью? Винить Россію, за ея будущее и донимать ее, изъ за разрастающагося крѣпкаго ея организма въ настоящемъ, все равно, что преслѣдовать чело-вѣка, обѣщающаго долго жить — что винить его, за крѣпкое тѣлосложеніе, за его выносливую натуру. Нейсмотря на то,

Европа не знала предѣловъ, безграничной притязательности и эгоизму своей восточной политики. И не взирая на прямоту Россіи, не вникая въ ея невольное внѣшнѣ политическое положеніе, продолжала глядѣть на нее съ ненавистью, съ завистью, усматривать въ ней закоренѣлаго своего врага, ждущаго минуту, когда представится благовидный предлогъ, наложить лапу на все недвижимое имущество Турціи, — когда пробьетъ часъ безповоротныхъ завоеваній, захватовъ и отчужденій въ его пользу на востокъ, т. е. именно тѣмъ считала Россію, чѣмъ безъ сомнѣнія была сама, по отношенію къ восточному вопросу. Не мало способствовало такому взгляду и то, что сама Россія, отстаивая свои интересы на востокъ и ничего не замышляя, кромѣ выполненія своей исторической миссіи, не посягая ни на что, кромѣ какъ на присужденное ей самой жизнью, не твердо шла къ своей цѣли — боясь за каждый свой шагъ, хотя и неизбежный, хотя и вполне справедливый, но могущій поселить недовѣріе и вызвать столкновеніе съ притаившей дыханье Европой. Таково однако было время и такой политики, Россіи оставалось держаться, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Темныя стороны европейской политики на востокъ, мѣшали развязкѣ дѣлъ, держа Европу въ постоянномъ напряженіи, въ страхѣ, въ натянутомъ положеніи осязательно отзывающемся на каждомъ государствѣ, а въ особенности на Россіи. Восточный вопросъ, приковывалъ къ себѣ всѣхъ — къ своей запутанной сути, грозящей такою кровавой драмой въ будущемъ, что причастнымъ къ дѣлу правительствамъ, корбило отъ этого нервы. Бдительное выжиданіе и полная готовность къ случайностямъ, просто — къ бою, крайне истомляли всю Европу, а больше всѣхъ Россію: ей, больше чѣмъ кому другому, необходимъ былъ прочный и продолжительный

миръ. Русскій народъ, больше другихъ, нуждался погрузиться въ свою внутреннюю жизнь, въ разработку, своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. Русскому правительству, больше чемъ всякому другому, предстояло заняться своими внутренними реформами; весьма серьезными вопросами внутренней политики, какъ и всѣми внутренними дѣлами государства — почти, что нетерпящими отлагательствъ. Понятно, Россія, ранѣе всякой другой державы, должна была избрать цѣлебнѣйшее средство, рѣшить трудную задачу — настойчивѣе другихъ, способствовать рѣшенію восточнаго вопроса. Но что ей оставалось дѣлать — съ чего начать, для достиженія этой цѣли? Если согласимся съ мнѣніемъ, что рѣшенію восточнаго вопроса, мѣшала крайне натянутая и запутанная политика заинтересованной Европы, то легко остановимся на томъ, что обнаруженіемъ прямыхъ и ясныхъ притязаній каждымъ правительствомъ, достиглась бы цѣль — рѣшился бы восточный вопросъ. И если придемъ къ такому заключенію, то безъ сомнѣнія, мало ошибемся. Тутъ какъ и во всякомъ другомъ, сложномъ и запутанномъ дѣлѣ, нужна была истина — только и способная положить предѣлы всему напускному ложному, освѣтить все темное загадочное, основать все прочное натуральное. Слѣдовательно Россія, долженствовавшая способствовать развязкѣ дѣлъ на востокъ (въ виду своей личной выгоды — даже торопить ее) должна была взять на себя и починъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. А для этого, предстояло ей: промѣнять свою политику, нѣсколько робкую на, ясную прямую и рѣшительную. Правда, обнаруженіе такой политики Россіей, могло быть рискованнымъ — могло вызвать новую коалицію державъ противъ нея одной: могла повториться, крымская война, а съ нею, экономическое и матеріальное истощенія страны. Но еслибъ даже и такъ — еслибъ

и предстояло русскому народу еще разъ напрягнуть свои силы, то самая цѣль, оправдывала средства — то вновь поднятый и рѣшенный восточный вопросъ, даровалъ бы прочный миръ и не мѣшалъ бы Россіи подвизаться на почвѣ цивилизаціи и прогресса — не мѣшалъ бы ей совершенствовать свою гражданскую жизнь.

Итакъ, останавливаясь на мысли, что Россіи предстояло взять на себя починъ въ распутываньи гордіеваго узла, что средствомъ для достиженія этой цѣли, была — прямая, ясная и рѣшительная восточная политика русскаго правительства (политика, способная пролить яркій свѣтъ на всѣ темныя стороны вопроса, заставить Европу, дѣйствовать на чистоту и въ послѣдній разъ, а главное — поселить къ себѣ довѣріе всей Европы вообще — нейтральная часть которой, служила бы, хотя нравственнымъ резервомъ для Россіи вступающей въ гигантскую борьбу съ нѣсколькими противниками), слагаются и отвѣты на вопросы: „Въ чемъ состояла задача Россіи на балканскомъ полуостровѣ съ той поры, какъ событія 1875 г. ясно обнаружили свой характеръ? И что обезпечивало успѣхъ этой задачи?“ — Именно: въ нравственномъ подготовленіи Европы, къ назрѣвающимъ событіямъ на востокѣ и въ уясненіи того положенія, котораго Россія, не могла избѣжать въ будущемъ, по отношенію, къ балканскимъ славянамъ, — что достигалось: прямою и ясною восточной политики Россіи, т. е. тѣмъ, чемъ она и сказалась своевременно. Какъ мы уже видѣли, русское правительство заявило себя передъ Европой, сторонникамъ мира; возникшіе замѣшательства на востокѣ, принялось улаживать путемъ мирнаго соглашенія и въ принципѣ — желало рѣшить вопросъ — перомъ, а не мечемъ.

Понятно, что избранныя Россіей средства для достиженія такой цѣли, должны были отличаться мирнымъ характеромъ, что отъ

нихъ, должно было вѣять *однимъ миромъ*. Малѣйшая примѣсь къ нимъ чего либо воинственнаго, не во время, чего либо двусмысленнаго, превращала въ ничто всѣ затѣи, все достигнутое и главная цѣль — уладить дѣла миромъ, не только не достигалась, но навязывала Россіи, такую затѣйливую возню съ Европой, отъ которой, ждать чего бы ни было, кромѣ самаго неблагопріятнаго для себя и въ высшей степени выгоднаго для другихъ, было бы, слишкомъ ошибочнымъ.

Послѣ того, какъ новѣйшая задача Россіи на востокъ, выяснена передъ нами, какъ средства, обезпечивающіе успѣхъ ея, опредѣлены, остановимся на послѣднемъ и весьма важномъ вопросѣ: какая политическая обстановка, на балканскомъ полуостровѣ, болѣе всего отвѣчала цѣлямъ этой задачи?

Если задача Россіи состояла — въ нравственномъ подготовленіи Европы къ событіямъ имѣющимъ совершиться, проще: къ разрѣшенію восточныхъ затрудненій мирнымъ путемъ, то при такомъ починѣ нашего правительства и въ моментъ крайне натянутыхъ политическихъ возрѣвій, заинтересованной Европы заподозривающей Россію въ каждомъ ея шагѣ къ цѣли, въ каждомъ ея словѣ и дѣйствіи, по отношенію къ восточному вопросу — вся политическая обстановка на балканскомъ полуостровѣ — какъ на рѣшающемъ пунктѣ — должна была быть вполне ясною, а главное, натуральною, естественною. Война, или возстаніе — бунтъ, или безпорядокъ, ставшіе совершившимися фактами въ средѣ балканскаго славянства, должны были отличаться, естественными и, вполне понятными причинами. Все — должно было происходить, только то и только оттого, что „само за себя говорить“, и что, и пристрастному и безпристрастному цѣнителя, представлялось бы, вполне натуральнымъ, неизбежнымъ — но не оставляло бы мѣста двусмысленностямъ; не порождало бы, небезосновательнаго недо-

вѣрѣя, опасенія; не вызывало бы враждебныхъ мѣръ, противной, бдящей стороны, способной создать „слона изъ мухи“. Въ данномъ напр. случаѣ, ни герцеговинское возстаніе, ни черногорско-турская война, не могли навести Европу на мысль, что событія эти—послѣдствія, давленія Россіи, замыслившей возбудить, заглохшій восточный вопросъ. Какъ, то, такъ и другое, были вызваны, столь вопіющими и очевидными причинами, что каждый—кто бы онъ ни былъ—пользующійся правами челоуѣка и гражданина въ цивилизованной странѣ, понималъ ихъ, съ перваго раза и признавалъ всю правоту ихъ. Словомъ все совершившееся, заключало въ себѣ такой смыслъ, какой не вредилъ цѣлямъ Россіи въ этомъ случаѣ, и успѣху ея восточной политики. Тогда, какъ возстаніе Болгаріи, какъ и вооруженное вмѣшательство Сербіи, сочлись бы Европой за воинственные затѣи Россіи¹⁾; за событія, неимѣющіе оправданій—за явное нарушеніе тѣхъ принциповъ, которыми сказались основы, современной русской политики. Понятно, еслибъ на это на все взглянула Европа съ такой невыгодной для Россіи точки зрѣнія, то успѣхъ новѣйшей задачи ея на Балканскомъ полуостровѣ, сдѣлался

¹⁾ Еслибъ Болгарія, вовсе неподготовленная къ возстанію—возстала, то не иначе, какъ ободренная кѣмъ нибудь, болѣе сильнымъ политически—и подъ его нравственнымъ давленіемъ; которое, только бы и оставалось признать за Россіей, какъ за державой наиболѣе располагающей увѣковѣченнымъ вліяніемъ, на балканское славянство вообще. Столько же, а то и больше, имѣла бы данныхъ Европа винить Россію въ случаѣ бы Сербіи—невынужденная къ тому, настоящими жизненными причинами—объявила войну Турціи; потому, что Сербія, управляемая національнымъ правительствомъ, имѣла бы, полную возможность взвѣсить и оцѣнить безумство, такого своего шага, какъ одинъ на одинъ война съ Турціей... И если имѣя эту возможность, все таки, сдѣлала бы его, то ясно—разсчитывая на чью нибудь помощь извнѣ... И на чью же больше, кромѣ Россіи?

бы сомнительнымъ—то это, менѣе всего, отвѣчало бы ей цѣлямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что самую благопріятную политическую обстановкою, для цѣлей задачъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, было, все, что могло быть, понятнымъ и оцѣненнымъ, какъ вытекающее, изъ естественнаго склада обстоятельствъ,—какъ плодъ, давно брошенныхъ семянъ самую жизнь. Такимъ вытекающимъ, естественнымъ, были: возстаніе, въ Босніи и Герцеговинѣ и черногорско-турецкая война. Самымъ же вреднымъ, противнымъ, цѣлямъ этой задачи, было все, что могло быть отнесено къ разряду несамостоятельныхъ явленій; что отличалось бы характеромъ поддѣльнымъ—явно противнымъ обстановкѣ, при которой онъ, сложился и обнаружился. Такимъ вреднымъ, противнымъ цѣлямъ русской задачи, были бы: болгарское возстаніе и сербско-турецкая война.

Послѣ этого нельзя не согласиться, что въ случаѣ осуществленія названныхъ событій, восточныя политическія усложненія стали бы для Россіи, непреодолимыми трудностями. Каждый шагъ нашей политики на востокѣ, понимался бы Европою превратно и труды русской дипломатіи, остались бы безъ результата.

Такія послѣдствія создали бы рядъ новыхъ преградъ и затрудненій на пути къ цѣли, къ которой, рано ли поздно, должна придти Россія, несмотря ни на что и неостанавливаясь ни передъ чѣмъ. И кто же усумнится въ томъ, что подобныя неудачи нашей исторической попытки, поколебали бы надолго политическое могущество Россіи вообще, какъ и нашу народную нравственную увѣренность въ дѣло, и матеріальную возможность, взяться вскорѣ за то, что, благодаря косвеннымъ явленіямъ, брошено не оконченнымъ;

что остановлено на полдорогѣ, — что на десятки лѣтъ лишено возможности стать на очередь и быть, наконецъ, рѣшеннымъ от жизнью и оцѣненнымъ исторіей.

Но не въ одномъ только политическомъ смыслѣ, предположенные событія, оказались бы для Россіи непригодными, и мало того — существенно вредными. Не болѣе пользы, приносили бы они ей и въ смыслѣ стратегическомъ, въ томъ случаѣ, если остановится на мысли, что Россія, рассчитывала на нихъ, какъ на матеріальное содѣйствіе, при извѣстномъ давленіи на Турцію. Потому, что такой расчетъ, невыдерживаетъ, даже снисходительной критики. Мы уже видѣли цифровыя данныя, вооруженныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ Сербіи, которыя, весьма опредѣленно указываютъ на то, что страна, не могла оправдать ничьи подобные расчеты, какъ безсильная, во всемъ уступающая единица, по отношенію къ готовой на борьбу за существованіе Турціи — хотя и разнатынанной экономически, но за то, сплоченной нравственно. Проникнутая фанатизмомъ Турція, какъ во всемъ сильнѣе Сербіи, не напрягая даже силъ, могла сломить ее однимъ ударомъ; а послѣ того, перемѣнивъ фронтъ, съ удвоенною энергіей и возросшей нравственной силой, вступить въ борьбу и съ Россіею, опираясь на матеріальную помощь Англіи и на затаенное несомнѣнное сочувствіе — за небольшимъ исключеніемъ — всей западной Европы; притомъ: рассчитывая на крайнюю популярность такой войны въ средѣ своего народа.

Если же Сербія, все таки политически самостоятельная страна, не могла выполнить стратегическую задачу, въ пользу положимъ Россіи, то тѣмъ менѣе, могла это сдѣлать Болгарія — въ десять разъ, если не больше, слабѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, Сербіи; и какъ мы уже видѣли, вовсе неподготовленная, къ упорной политической борьбѣ; къ событіямъ, на

требующимъ стойкости, нравственной увѣренности и сознательнаго патріотизма. Въ итогѣ: ни та, ни другая стороны порознь, ни обѣ, вмѣстѣ, не составляли такой силы, которая, способна была бы—если, и не одолѣть противника, то хотя бы истощить его продолжительною борьбою: сдѣлать податливѣе, сговорчивѣе.

И такъ, не вдаваясь, въ болѣе пространный разборъ, вооруженныхъ силъ Сербіи и Болгаріи, легко сводится къ тому, что объявленіе войны первой и, возстаніе второй—буде они и мыслимы—непринесли бы, Россіи, никакой пользы ни въ одномъ отношеніи, а одинъ вредъ во всѣхъ. И слѣдовательно: не должны были произойти, какъ разъ въ ту минуту, когда Россія, увѣряла Европу, въ своемъ миролюбіи, и когда такая основа, восточной политики русскаго правительства, только и могла способствовать мирному исходу дѣлъ на востокъ. И на оборотъ: когда, такіе событія, какъ сербско-турецкая война и болгарское возстаніе, усложнили бы, до крайности, общее положеніе дѣлъ на балканскомъ полуостровѣ, навязавъ, при этомъ, Россіи крайне опасную натянутость въ отношеніяхъ съ державами, заинтересованными въ восточномъ вопросѣ.

VI.

Разсмотрѣвъ предположенные событія, вернемся, къ совершившемуся, проще: къ фактическому положенію дѣлъ на балканскомъ полуостровѣ.

Совершившимися фактами того времени были: возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ и, Черногорско-турецкая война. А внѣшнимъ явленіемъ въ жизни русскаго народа, несомнѣнно

нужно признать—сочувствіе которымъ сказалась Россія, къ восточнымъ славянамъ вообще. Это явленіе, чрезвычайно важно послѣдствіями, прямо относящимися къ интересующимъ насъ предметамъ, почему и начнемъ съ него, дальнѣйшій обзоръ событій.

Въ то время, когда русскій народъ и общество, сказались горячимъ сочувствіемъ къ возставшимъ балканскимъ славянамъ—когда и мужикъ и баринъ, выражали его, добрымъ дѣломъ, удѣляя изъ своихъ достояній, по мѣрѣ своихъ силъ, въ пользу голодающихъ единовѣрцевъ; когда Царь съ своимъ народомъ, держа крестъ и скипетръ, торжественно двинулся по пути мира—ознаменовывая каждый свой шагъ однимъ миролюбіемъ и скромнымъ желаніемъ, достигнуть главной цѣли—упрочить миръ, одними мирными приемами и средствами: въ такое важное и знаменательное историческое время, вся окружающая обстановка, должна была гармонировать и во всемъ, отвѣчать ему—можетъ быть, имѣющему рѣшить политическую будущность цѣлой націи... Весь, внутренній и внѣшній строй русской жизни, того времени, долженъ былъ разоблачать и преслѣдовать одни и тѣ-же средства, для достиженія главной цѣли — улаженія дѣлъ на востокѣ. Въ этомъ случаѣ, самая важная и вмѣстѣ серьезная задача, падала на печатное слово. Ему, представлялась настоящая нужда, взвѣсить и оцѣнить минуту и сообразно съ задачами страны, проводить ту, или другую мысль — освѣщать факты правдиво безъ прикрасъ, а главное, безпристрастно. Слово это, въ такой не просвѣщенной странѣ какъ Россія, имѣло тутъ весьма важное—чуть не рѣшающее значеніе, потому, что высказанная имъ та или другая мысль, такіе или иные средства, ради той, или другой цѣли, могли быть обсуждаемы и принимаемы въ резонъ или нѣтъ, лишь ничтожнымъ

меньшинствомъ, общества, не то, что народа. Для значительнаго же большинства, просто—для массы русскихъ гражданъ, печатное слово—когда оно касается вопросовъ національно-политическихъ — было и есть, неопровержимою истиною. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, все, что печатается — *ученая истина*, противъ которой, какіе бы ни было частные опроверженія, отдѣльныхъ лицъ, или цѣлой среды несостоятельны, за исключеніемъ развѣ почина самого правительства.

Но взглянувъ на общее развитіе русскихъ, легко можно и несогласиться съ такимъ выводомъ, какъ тотъ, что въ Россіи, на значительное большинство средняго класса и народа, печать вліяетъ, такъ убѣдительно, потому, что казалось бы: какое можетъ имѣть вліяніе печать, на невѣжественно-безграмотную массу, ужъ по одному тому, лишенную почти средствъ вѣдать, про что повѣствуетъ та, или другая газета или книжка. Между тѣмъ, такой поверхностный протестъ противъ дѣйствительнаго вліянія печати въ Россіи—въ историческій моментъ національнаго движенія—можно назвать вполне ошибочнымъ.

Въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, гдѣ умственное развитіе, недостигло еще и сноснаго уровня—гдѣ оно еще только стало зарождаться—печатное слово, хотя и непонятное превосходному большинству, но разъ—затрогивающее общенациональные вопросы, касающіеся чувствъ и чести всего народа, заинтересовываетъ его серьезно, производя на массу, нѣчто въ родѣ страха, которому она уступаетъ и вѣрить всему, что написано, какъ правдивому и авторитетному, по самой простой причинѣ, именно: по необладанію знаніемъ для критическаго разбора самого печатнаго слова—чего прямое послѣдствіе: слѣпое вѣрованіе въ недоступное узкому пониманію, но въ тоже время—какъ бы отвѣчающее внутреннему

влеченію, къ предмету о которомъ говорится. Русскій мужикъ (да и господинъ другой) еле читая по складамъ, или слушая чтеніе такого же грамотѣя про то, какъ *православные* за Дунаемъ, льютъ кровь за вѣру и какъ *нехристѣ, мучитъ нещадно самыхъ этихъ христіанъ*, чувствовалъ, что эти событія близко его касаются и что самому ему, *несльдъ* оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго. Но съ чего начать — чемъ себя заявить на пользу близкому дѣлу, на это онъ ждалъ отвѣта — вѣи своего пониманія: *отъ господъ*. Слѣдовательно, чувствуя внутреннее влеченіе къ предмету о которомъ идетъ рѣчь и необладая знаніемъ, опредѣлить свою роль, народное большинство останавливается на печати, и считая ее правдивымъ выраженіемъ *господскаго* знанія, безусловно вѣритъ ей. Написано — значитъ вѣрно, говоритъ наше безграмотное большинство, въ спорѣ съ какимъ нибудь болѣе грамотнымъ, невѣрнымъ *Омою*.

Но кромѣ уже высказаннаго по этому предмету, есть еще одна важная причина, почему народная масса и неразвитый средній классъ, полагаются на печать и вѣрятъ ей.

Нашъ народъ, недошедшій до начальнаго теоретическаго развитія, способнаго, хотя отчасти, освѣщать ему тѣ или другіе факты и явленія, давая о нихъ, болѣе отчетливое понятіе, обладаетъ лишь тѣми знаніями, которые стали доступны ему по преданію — перешли къ нему по наслѣдству. И исторію, и географію и статистику своей страны и собственные силы — нравственныя и матеріальныя, знаетъ онъ со словъ его отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, словомъ — по преданію. Если-жъ согласимся, что народъ, обладаетъ знаніями основанными, преимущественно на преданіи, то не станемъ отрицать, что и о печати, судить онъ, основываясь на преданіи, именно: съ самой лучшей стороны; разумѣя, что печать и теперь, какъ

прежде, говорить народу одно правдивое, пригодное къ дѣлу—уступающему ей во всемъ, всезнающей, что творится въ мірѣ и что лучше, надлежить творить самимъ. А кому же неизвѣстно, что печать, во времена прежней отцовской Руси, стояла гораздо выше чѣмъ теперь: говорила, болѣе правдиваго и творила, дѣльнаго, чѣмъ въ наше время—безнравственное, отличное эгоизмомъ и обидою ближняго, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти—или вовсе улетучившейся, или уступившей напору житейскихъ, цынично-роскошныхъ потребностей, прозванныхъ—прогрессомъ. Это—аксіома, всякому честному и развитому русскому, хорошо извѣстна, почему нѣтъ нужды, пространіе говорить объ этомъ.

Итакъ, трудно несогласиться, что самая, серьезная задача, падала на русское печатное слово, въ то самое время, когда Россія, складомъ историческихъ судебъ, призывалась къ активному вмѣшательству въ событія на востоцѣ; и когда Царственный Вождь ея, открыто высказался, на сторонѣ мирныхъ средствъ, для достиженія общей цѣли.

Удачное выполненіе этой задачи, зависѣло отъ такихъ условій, какіе согласовались бы съ обстановкою при которой она созрѣла. Условія эти, ничто иное, какъ—поведеніе самой печати, въ моментъ только что названныхъ событій. А чѣмъ должно было сказаться поведеніе, легко опредѣлить, если вспомнимъ недавнее прошлое, настоящее и предполагаемое будущее.

Основываясь на немъ, какъ бы само-собою слагается заключеніе, что періодическая русская печать, понявъ глубокій смыслъ минуты, должна была стать—настойчиво проповѣдывать однѣ мирные средства—отыскивать ихъ, наиболѣе рациональные, для рѣшенія трудной задачи, но исключительно, мирные. Вся она, должна была идти рука объ руку къ общей

цѣли, съ Царемъ и Его народомъ; а главное: на сколько это было въ ея силахъ—помогать, но не мѣшать имъ. Ей слѣдовало не забывать ни на минуту, что насталь тотъ часъ, когда для Россіи и удобнѣ всего и выгоднѣ, достигнутъ миромъ того въ настоящемъ, на что вѣками лилась, русская кровь въ прошломъ—и чего недостигнуто, еще ею, почти во-всѣ. Но тутъ рождается естественный вопросъ: что умѣстиѣ всего было говорить печати, въ то время, когда отъ нее, трѣбовалось напряженіе силъ, складомъ внутренней и внѣшней жизни страны—что именно вело къ миру?

Еслибъ печать, оцѣнивъ національное движеніе въ странѣ, заговорила о немъ безпристрастно—откинувъ все личное, узкое, одностороннѣ. раскрыла бы картину, настоящего, общаго, предъ глазами всей страны; еслибъ она представила положеніе дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ. Еслибъ, о сказавшемся общемъ сочувствіи русскаго народа, къ возставшимъ балканскимъ славянамъ, выразившемся въ посильныхъ жертвахъ, отозвалась печать, какъ о естественномъ послѣдствіи, высказанной мирной политики русскимъ правительствомъ—задавшимся, явнымъ желаніемъ достигнуть общей цѣли, мирными средствами прежде всего; еслибъ такое народное выраженіе сочувствія, какъ посильное приношеніе въ пользу нищей задунайской братіи, изнывающей въ непосильной кровавой борьбѣ—печать поддержала въ настоящемъ (не навязывая этому, никакого воинственнаго характера) и стала проповѣдывать въ будущемъ—указавъ на это, какъ на единственно благоразумное направленіе участія русскаго народа въ восточныхъ событіяхъ—до той поры обязательное, пока само правительство, не укажетъ другое направленіе, народнымъ силамъ и единству ихъ. Еслибъ печать внушила народу (конечно—болѣе развитымъ его классамъ), что выразившееся нравственное единство его, съ Царственнымъ

Вождемъ, дошло до такого высокаго уровня, что налагаетъ, на каждаго гражданина, прямую и священную обязанность, крайне серьезно относиться ко всякому своему шагу, имѣющему внешнѣ-политическій характеръ: что прямой долгъ каждаго русскаго въ частности, и всѣхъ вмѣстѣ, невыходить за черту уже обозначившую внешнюю жизнь русскаго народа въ данное время — пока не потребуетъ противнаго, само правительство. Еслибъ печать, рельефно напомнивъ народу — желаніе его Монарха, сохранить миръ и стремленіе — достигнуть общей цѣли, преимущественно мирными средствами, стала доказывать ему (а пачѣ всего Европѣ), что и дѣйствительно, намъ выгоднѣе всего — миръ: что самый благопріятный исходъ войны, на этотъ разъ, не дастъ Россіи и половины тѣхъ выгодъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, какія навѣрняка обезпечиваются миромъ, при разрѣшеніи (даже въ крайне ограниченномъ смыслѣ, и подъ условіями со стороны Европы), возникшихъ затрудненій: если бы она, фактически доказала міру, что для всего и ради всего, намъ полезнѣе всего и нужнѣе — миръ, а не война; что хотя мы и готовы къ войнѣ — хотя и существуетъ воодушевленіе въ народѣ, (а слѣдовательно и сила въ немъ) какого не бывало со временъ нашествія французовъ, но сознавая полную бесполезность войны — Россія искренно желаетъ уладить дѣла миромъ, къ чему и призываетъ Европу настойчиво. Еслибы, печать, заговорила и продолжала говорить въ этомъ духѣ т. е. въ такомъ, какимъ дышала вся Россія, то и помощь ея правительству и обществу, заключалась въ этомъ и несомнѣнная заслуга ея передъ страной, и миръ — болѣе ли менѣе, прочный — обезпечила бы она этимъ. Въ такомъ только случаѣ, мирные усилія русскаго правительства и, дѣломъ сказавшееся сочувствіе народа, къ угнетеннымъ славянамъ,

увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ: въ настоящемъ—былъ бы обезпеченъ миръ, а въ будущемъ—закрѣплена, нравственная связь благодарныхъ славянъ, съ Россіей, что значить: удесятелены силы Россіи, въ случаѣ борьбы ея съ одною Турціей, или съ цѣлою европейскою коалиціей.

Еслижъ-бы; ни мирная политика русскаго правительства, ни зрѣлое слово печати, ни очевидная общность народа съ политическою жизнью своей страны—готового ринуться и раздавить все встрѣченное, по единому слову своего Державнаго Вождя—не привели къ предположенной цѣли: если бъ, несмотря на это, на все, вспыхнула война Россіи съ Турціей, или заодно и съ другимъ кѣмъ, изъ нашихъ западныхъ друзей, то война въ такомъ случаѣ, имѣла бы подъ собою прочную почву и шансы, на вполне благопріятный исходъ ея, въ пользу Россіи и всѣхъ балканскихъ славянъ вообще. Россія, воочію доказавъ свою, сдержанность и осмотрительность въ крайнихъ средствахъ, а вмѣстѣ съ симъ и безграничное миролюбіе своей политики, скинула бы съ себя всякіе подозрѣнія, въ смыслѣ завоевательномъ,—что дало бы полную возможность опереться на недавнѣе прошлое и, воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, настойчиво потребовать удовлетворенія своихъ справедливыхъ притязаній, какъ въ отношеніи покровительствуемыхъ ею славянъ, такъ и политикой матеріальныхъ интересовъ своихъ собственныхъ. Тѣмъ болѣе, положеніе Россіи въ данномъ случаѣ, было бы выгодно, что и явные противники ея и скрывшіеся, за дипломатическими увѣреніями въ искренней дружбѣ, лишены были бы и мотивовъ и матеріальнаго превосходства, отказать ей въ требованіяхъ, уже потому, что она, доведя запутанный и трудный вопросъ до разрѣшенія, на чистоту, окиралась бы—во-первыхъ: на свой народъ, подготовленный и исполненный

патріотическаго энтузіазма и, во-вторыхъ: на готовыхъ къ новому бою, всѣхъ балканскихъ славянъ, применившихъ къ единовѣрнымъ бойцамъ своей исконной заступницы. Словомъ неустояла бы ни Турція, ни вся Европа вмѣстѣ взятая, противъ сплошной стѣны православныхъ послѣдователей вѣры Христовой: вся она, подалась бы отъ напора этой воодушевленной массы христіанскихъ народовъ, предводимыхъ крепостомъ и твердою вѣрою въ его святую силу.

Вотъ, предположенная картина той борьбы славянъ, которая — подготовленная и зрѣлая, зажглась бы на востокѣ, для того, чтобы разъ навсегда оградить вѣру православную, отъ смѣшанныхъ посягательствъ—невѣрныхъ и отпавшихъ отъ нея, поклонниковъ папскаго ученія.

Вотъ и та высокая задача, русскаго печатнаго слова, которая свято лежала на немъ въ то время; когда Россія, выступала одна, противъ половины міра, во имя самыхъ высокихъ принциповъ человѣчества, освященныхъ кровью сотней тысячъ мучениковъ, погибшихъ, въ неравной борьбѣ съ сильнѣйшими: во имя вѣры въ Бога и личной свободы поруганныхъ христіанъ; когда еще такъ памятно освобожденный русскій народъ, отъ рабства и безличности, впервые заявилъ себя сознательнымъ политическимъ шагомъ — заговоривъ съ своимъ Царемъ Освободителемъ, развязнымъ, полнымъ достоинства языкомъ, о величайшихъ человѣческихъ принципахъ и о своей готовности, безгранично жертвовать имуществомъ и жизнью—ради и во имя ихъ; и когда вся нравственная сила могучаго организма русскаго народа, впервые сознательно выражалась его устами. Такіе минуты въ жизни, казого бы ни было народа, наступаютъ не часто и исключительно тогда только, когда народная жизнь течетъ быстрѣе—когда она, создаетъ и разрушаетъ, въ одинъ мѣсяцъ, за

столько же, сколько, при нормальномъ ея теченіи, не свершилось бы, въ десятки и больше лѣтъ.

Недавніе примѣры и предположенія, достаточно освѣтили намъ, то положеніе дѣль, которое, болѣе всего было желательнымъ—въ интересахъ восточной политики Россіи. Посмотримъ теперь: насколько оно, оправдалось событіями.

Громадный приливъ русскихъ пожертвованій въ пользу славянъ балканскаго полуострова, трѣбовалъ своей организаціи со стороны общества: русскіе — копѣйки, гривеники и рубли, нуждались въ честныхъ счетчикахъ, кассирахъ и крѣпкихъ сундукахъ, гдѣ бы имъ пролѣжать, до дальнѣйшаго своего назначенія—до отправленія, на склоны балканъ *усѣянныхъ, голодными и холодными, бездомными жертвами кровавыхъ событий*. И какъ только сказалось, это естественное требованіе, народной жизни, всплыло наружу и удовлетвореніе его: откликнулись славянскіе комитеты и ихъ дѣятели, полною своею готовностью дѣйствовать, на общую пользу, во имя идеи и тутъ же, заявили себя, самою неустанною дѣятельностью въ этомъ смыслѣ. Смотри на организаціонное начало народныхъ матеріальныхъ силъ, со стороны общественныхъ учрежденій, оставалось рассчитывать, на самые благіе результаты этого начала въ будущемъ—и въ нравственномъ и въ политическомъ смыслахъ. Да кому же могло придти и въ голову, чтобы такіе частные организмы, какъ съ виду славянскіе комитеты, принимались дѣйствовать на овозь, или во имя честолюбія и матеріализма подъ общимъ красивымъ покровомъ, названнымъ—„славянскою идеею“. Между тѣмъ, еще незабытые событія доказали намъ, почти невѣроятные предположенія—совершившимися фактами, убѣдивъ слѣдова-

тельно—въ послѣднемъ и обманувъ въ первомъ. Но прежде чемъ, коснемся этой благой съ виду дѣятельности славянскихъ комитетовъ, остановимся на дѣйствительномъ назначеніи ихъ и прямомъ долгѣ, въ отношеніи народа и правительства въ то время, когда они, т. е. комитеты, уполномочены были дѣйствовать отъ лица всей страны.

Не говоря о другихъ болѣ косвенныхъ признакахъ, одно названіе „славянскіе комитеты“ знакомитъ насъ съ какими то серьезно сложившимися общественными организмами, на прочныхъ началахъ и съ зрѣло начерченными задачами. Если всмотримся ближе въ нихъ, то различимъ, что организмы эти, зиждутся на основахъ, выработанныхъ извѣстною средою общества, тщательно бдящею интересы всего славянскаго племени вообще т. е. политически развитыми патриотами славянскаго происхожденія, прозванными общимъ кличомъ „славянофилы“¹⁾

Главная идея этихъ людей — единство славянъ; ихъ тѣсная нравственная связь, а съ нею, то политическое могущество, такого численнаго многообъщающаго племени, которое, несомнѣнно готовить ему сама сила вещей — сама жизнь. Слѣдовательно, главные задачи славянофиловъ, обуславливались, временемъ и требованіями самой жизни. Дѣйствовать такъ, а не иначе, зависило, отъ того — достигалась ли

¹⁾ Кличъ этотъ, уже давно знакомый русскому обществу, говорилъ самъ за себя и въ данномъ случаѣ, подавая самыя свѣтлыя надежды въ будущемъ. Имъ—обозвали, въ недавнемъ прошломъ нынѣшняго вѣка, лучшихъ русскихъ людей, занимавшихъ высокіе государственные и общественные посты... Его оправдывали эти люди, съ строгою добросовѣстностью и политической зрѣлостью, въ свое время и настолько опредѣляли общія задачи своимъ послѣдователямъ, что глядя на выдвинувшихся на почву общественной дѣятельности современныхъ славянофиловъ, оставалось только радоваться такому явленію.

этими дѣйствіями, главная политическая цѣль, или нѣтъ—сближалось и усиливалось ли отъ этого славянство, или нѣтъ; выигрывало ли отъ этого, политическое обаяніе Россіи, данной минуты (единственной покровительницы славянъ и компактной силы, для достиженія того, что служило, конечною цѣлью всего славянскаго мира), или наоборотъ—проигрывало. Подвигалась ли общая задача къ разрѣшенію, или отодвигалась отъ него. Словомъ—кстати ли оно были, или нѣтъ. Вывѣсить это все и осуществить, или промолчать, неударяя даже палець о палець, безъ пользы и очевидной нужды, возлагалось на тѣхъ и было дѣломъ тѣхъ, кто брался за дѣло—кто добровольно принималъ на себя, елишь славянофила—кто, такъ сказать, наслѣдовалъ частную политическую почву и идею—только народившуюся и нуждающуюся, въ умѣломъ развитіи на дѣлѣ. Правда, трудно придавать этой идеѣ, хотя и серьезныхъ политическихъ мечтателей, но тѣмъ не менѣе, безсильныхъ въ сравненіи съ жизнью—съ естественнымъ прогрессивнымъ ея теченіемъ, рѣшающее значеніе; трудно ожидать отъ нея послѣдствій, какъ бы впрямъ ею воспитанныхъ, обформленныхъ и сданныхъ готовыми уже, въ видѣ фактовъ, въ исторію политической жизни славянства; пот. дико допускать, что извѣстное число частныхъ лицъ, или даже небольшихъ обществъ, въ силахъ направить ходъ цѣлаго ряда историческихъ событій—что они могутъ разрѣшить задачи цѣлыхъ народовъ, сегодня, а не завтра—въ такомъ видѣ, а не въ иномъ—тутъ а не тамъ. Допускать это, значить непонимать вовсе жизни—не знать ея теченія и естественной силы. И вотъ почему, самая идея и серьезнаго славянофильства, заключаетъ въ себѣ, болѣе комизна, чѣмъ серьезнаго смысла—болѣе фантастична, чѣмъ практична—болѣе отвлеченная частная, чѣмъ основанная на строгомъ вѣроятіи и естествен-

ности. Но въ то же время, нельзя безусловно отрицать и ея полезность; нельзя сказать, основываясь на чѣмъ нибудь прочномъ, что славянофильство, такъ недавно получившее, болѣе осязательное практическое примѣненіе въ Россіи — такъ юное еще, на почвѣ примѣненія, не вело и не ведетъ ни къ чему полезному, ни для славянъ вообще, ни для Россіи въ частности. Славянофильство, коль только оно, зрѣло основано на политическихъ условіяхъ даннаго времени — на тѣхъ жизненныхъ трѣбованіяхъ, съ которыми ему приходится идти почти рядомъ, словомъ — на практической сторонѣ, прежде всего, оно весьма многому можетъ помочь, и многое въ силахъ подѣлать и для благо Россіи и для славянъ, имъ защищаемыхъ.

Подготовляя въ частности, нравственное вліяніе Россіи, на сосѣдніе славянскіе племена, хотя и не въ рѣшающемъ смыслѣ, и въ то же время, не выходя за предѣлы указанный самими обстоятельствами, оно могло и можетъ облегчать, историческую миссію Россіи же, придвигая ее ближе къ цѣли, чисто частнымъ путемъ — всегда на руку странѣ, когда онъ практиченъ и уменъ — когда онъ приноситъ пользу, а не вредъ и когда, изъ за него, не приходится платиться своими собственными боками... Словомъ — когда по милости его, приходится пожинать кое какіе плоды; но не отдавать съ придачей — уже пожатые, своими собственными усиліями. Кромѣ того, такое, политически разумное славянофильство, могло и можетъ осязательно помочь и славянамъ, отдаленнымъ отъ Россіи на разстояніе, не позволяющее ей, прежде времени протянуть свою руку помощи, безъ явнаго нарушенія международныхъ политическихъ сношеній съ государствами, ничуть не поощряющими будущее могущество славянъ. Помощь эту, легко выражать славянофильству, какъ частной силѣ —

но въ формѣ все-жѣ таки, чисто частной — сострадательной и христіанской. Въ такой формѣ, какая хотя имѣла бы прочную политическую почву — хотя и скрывала бы чисто политическіе цѣли, но выражалась бы, согласно политическому приличію и задачамъ, того, кто поставленъ Провидѣніемъ во главѣ славянъ — кто — и за нихъ и за себя, болѣе отвѣтственъ, передъ Богомъ людьми и исторіей... Согласно видамъ и задачамъ Россіи. Избрать эту форму; строго обдумать ея послѣдствія и взвѣсить задачи даннаго времени — прямой долгъ и задача славянофиловъ, коль скоро они являютъ себя политическими дѣятелями; коль скоро, они берутся, за дѣло — общее, близко касающееся политическаго будущаго цѣлыхъ націй... Въ общемъ, роль славянофиловъ, чисто вспомогательная отъ начала и до конца. Они могли и могутъ много подѣлать полезнаго — строго взвѣшивая свои шаги, понимая свое положеніе, свои задачи и во всемъ согласуясь съ правительствомъ — держась за полы у него и неотступно слѣдуя за нимъ. Въ такомъ только случаѣ, славянофильство, и прежде и теперешнѣе, полезно для Россіи и терпимо ею. Во всякомъ другомъ — оно сущее бремя для страны, благодаря которому, нельзя ни предвидѣть ничего ни подготовить себя къ политическимъ случайностямъ, какіе могутъ произойти во внѣшней политикѣ ея. Но дѣятельность славянофиловъ, при какихъ бы политическихъ условіяхъ, она ни возникала, могла и можетъ быть только благотворительно-просвѣщающая вѣрнѣе — передающая... изъ однихъ рукъ и устъ въ другіе, въ такомъ количествѣ и формѣ, какіе найдены умѣстными и цѣлесообразными. Потому, что русскій народъ и общество, всякій разъ, когда всплывали наружу насущныя нужды внѣшнихъ славянъ, (когда славяне эти, заговаривали съ ними) со всею готовностью, давали имъ сколько могли — отвѣчали,

на то что надѣялись и конечно, прежде всего, нуждались въ посредникахъ, способныхъ собрать ихніе крохи, понять ихнія мысли и передать нуждающимся. Посредниками этими, кому же и подобало болѣе быть какъ не славянофиламъ — и кто же другой и отъликивался, частный, на такой естественный призывъ страны, какъ не они. Въ прошломъ, такой родъ дѣятельности славянофиловъ, неимѣя подъ собою достаточно твердой почвы, конечно былъ ничтоженъ, и только въ наше время, когда Россія, болѣе развилась политически — когда она, благодаря своему Державному Правителю, зажила новою жизнью, дѣятельность ихъ, получила болѣе серьезное значеніе.

Итакъ, намъ теперь понятно, почему и начальныя и послѣдующіе славянофилы, обратили свое главное вниманіе на востокъ: оттуда доносился глухой вопль угнетенныхъ и изнуренныхъ единовѣрцевъ, просящихъ, и помощи и защиты.

Изъ этого краткаго разбора, слагается довольно отчетливое понятіе и о славянскихъ комитетахъ, какъ о частныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, дозволенныхъ правительствомъ, дѣйствительнымъ назначеніемъ которыхъ было: дѣйствовать на общую пользу славянскому дѣлу — но въ предѣлахъ зрѣлой политической программы, проще: примѣняясь къ теченію жизни и къ мѣстнымъ политическимъ условіямъ дабы, діаметрально-противоположными средствами, не причинить, ни своему народу ни правительству, явнаго вреда вмѣсто пользы.

Принявъ въ расчетъ, такіе основы дѣятельности славянскихъ комитетовъ и всѣхъ вообще славянофиловъ, становится яснымъ и прямой долгъ ихъ въ отношеніи своей страны, въ недавнюю эпоху минувшихъ событій. Очевидно, что когда въ 1875 году, состраданіе, и сочувствіе русскаго народа и общества къ изнывающему балканскому славянству, стали выражаться — денежными пожертвованіями, то комитеты съ своими

учрежденіями, откликнувшіеся, на жизненный зовъ своей страны и добровольно взявшіеся удовлетворить внѣшнюю потребность народной политической жизни — добровольно же, признали прямымъ своимъ долгомъ—въ отношеніи народа и общества: цѣлесообразно и добросовѣстно распредѣлять ихъ жертвы, помогая ими тѣмъ, кто явно нуждается въ насущномъ кускѣ хлѣба—въ лохмотьяхъ, покрыть свое наболѣвшее тѣло—въ пристанище, для своихъ грудныхъ дѣтей и въ поддержаніи себя вообще, до болѣе отрадныхъ дней въ будущемъ; и въ отношеніи правительства: строго примѣняясь къ политическимъ условіямъ того времени, не придавать своей дѣятельности, ни какого демонстративно-воинственнаго характера—не идти въ разрѣзъ съ правительствомъ, объявившимъ себя, стойкимъ сторонникомъ мира, а, неперемѣнно, за одно и въ одномъ направленіи съ нимъ.

Занявъ, такое положеніе добровольно и гласно, славянскіе комитеты и всѣ славянофилы съ ними, неимѣли ни основаній, ни права, придать своей дѣятельности иной характеръ, какъ только исключительно миролюбивый. Русскіе общественные деньги, они неимѣли, ни основаній ни права, давать, на чтонибудь иное, какъ только на перечисленныя выше нужды нуждавшихся и комунибудь иному, какъ только этимъ нуждавшимся *).

Вотъ въ кратцѣ, дѣйствительное назначеніе славянскихъ комитетовъ и славянофиловъ—тѣ задачи, которыя они обязаны и должны были преслѣдовать и прямой общій долгъ

*) За исключеніемъ развѣ такихъ случаевъ, какъ явленіе, неизбежныхъ послѣдствій кровавыхъ событій, въ центрѣ нуждавшихся, потребовавшихся присылки санитарныхъ средствъ, на что понадобились бы и деньги и люди по новой организаціи того и другого. Въ этомъ только послѣднемъ случаѣ, видоизмѣненіе дѣятельности славянофильствующимъ міромъ, имѣло бы подъ собою и практическую почву — нашло бы себѣ и оправданіе въ смыслѣ политическомъ.

ихъ въ отношеніи своей страны, въ недавно минувшую эпоху восточныхъ событій и прямыхъ отраженій ихъ, на Россіи.

Всматриваясь въ обширныя задачи славянофиловъ и въ тѣ средства, которыми они предположили идти къ главной своей цѣли, трудно не подмѣтить и то, что въ ихъ приблизительную общую программу, входить въ иныхъ случаяхъ и такая дѣятельность, какая бы оказалась состоятельною—до крайности возбудить народные политическіе симпатіи, или антипатіи, ведущіе къ прямой войнѣ со всякимъ, пытающимся помѣшать ихъ цѣлямъ; но допуская это весьма возможное условіе въ общихъ славянофильскихъ задачахъ (хотя и невыдерживающее самой снисходительной критики—хотя и неимѣющее подъ собою никакой серьезной почвы) трудно отрицать и то, что подобный родъ затѣй въ данномъ случаѣ, былъ болѣе чѣмъ когда нибудь неумѣстенъ, непригоденъ и нетерпимъ съ точки зрѣнія миролюбивой политики русскаго правительства и желаній — идущихъ съ ней рука объ руку, народа и общества, а слѣдовательно: неестественъ и лишенъ здраваго смысла, въ общеполитическомъ значеніи.

Теперь, вернемся къ тому—что стали дѣлать славянскіе комитеты и славянофилы послѣ того, какъ начавъ свое болѣе видное существованіе ¹⁾, имъ представилась, на время и самостоятельность и возможность—словомъ, къ тому времени, когда они перешли, отъ слова къ дѣлу.

¹⁾ До того времени, какъ извѣстно, усилія русскихъ славянофиловъ—и начальныхъ и послѣдующихъ—на почвѣ, и внутренней, и внѣшней, увеличивались крайне скудными успѣхами, какъ рѣзко отдѣлявшіеся и отъ народныхъ и отъ общественныхъ стремленій того времени—занятыхъ, болѣе своею внутреннею жизнью и задачами ея, чѣмъ внѣшними идеями довольно отдаленнаго будущаго. Идеи эти, такъ серьезно увлекшіе умы славянофиловъ, какъ чисто внѣшніе, не могли интересоваться

Тутъ съ грустью придется начать рѣчь о томъ, что несмотря на свѣтлыя ожиданія русскаго народа и общества — цѣлесообразной дѣятельности славянскихъ комитетовъ и на полное ихъ довѣріе этимъ учрежденіямъ, и своихъ денежныхъ средствъ, и нравственныхъ, и политическихъ убѣжденій даннаго времени, и наконецъ, опредѣленно сказавшихся желаній во внѣшне-политическихъ стремленіяхъ, идти въ одномъ направленіи съ миролюбовою политикою правительства — несмотря на это на все, осуществленіе этой дѣятельности на дѣлѣ, далеко неоправдало общихъ ожиданій — помрачивъ ее самыми несообразными началами и темными средствами, узкихъ стремленій, ея руководителей. Комитеты, собравъ крупныя наличности, въ свои непрочныя казначейства... начали съ того, что удовлетворяя желанію русскаго народа и общества, только отчасти — оказывая денежную помощь голоднымъ балканскимъ славянамъ, непреимуществонно (а ради прикрытія своихъ воинственно-политическихъ затѣй), принялись проводить, совѣтъ чуждую и народу и обществу идею. Они сразу встали, довольно открыто, на точку воззрѣній, явно противоположную общимъ усиліямъ и цѣлямъ страны, начавъ, съ навязыванія воинственный политикн на долю Россіи, какъ одной изъ самыхъ разумнымъ въ данномъ случаѣ. Не высказывая своихъ конечныхъ цѣлей въ этомъ новомъ направленіи и скрываясь, довольно неудачно, отъ взоровъ правительства, современные славянофилы, въ лицѣ комитетовъ и частныхъ своихъ представителей стали

страну — скудно развитую политически — тогда, когда ее донимало свое собственное положеніе; когда она существенно нуждалась и въ улучшеніи и въ развитіи своей внутренней жизни. Поэтому-то, славянофилы, оставались особнякомъ — внѣ внутреннихъ задачъ своей страны и понятно, дѣятельность ихъ, ограничивалась болѣе, теоретическимъ развитіемъ ея, чѣмъ практическимъ. Они могли много писать и проповѣдывать, но очень мало — примѣнять и осуществлять.

дѣйствовать, своими возваніями, на слабую сторону народа и неустановившейся интеллегенціи—на ихъ несомнѣнное сочувствіе къ славянамъ, съ очевидною цѣлью вытянуть, какъ можно больше, изъ ихъ кармановъ на *общее святое дѣло* ¹⁾). Поддерживая выраженіе сочувствія, русскими къ славянамъ, въ такой формѣ, какъ денежныя пожертвованія, славянофилы эти, настаивали и на другой формѣ: на личномъ участіи русскихъ, въ рядахъ возставшихъ славянъ. Разжигая такими путями, страсти колышущейся могучей массы народа, непонявшаго хорошенько, чего отъ него еще хотятъ, кромѣ денегъ (которые онъ усердно, послѣдніе отдавалъ для славянъ), они, незамѣтно, приближались къ главной цѣли своего стремленія—къ осуществленію своихъ воинственно-уродливыхъ плановъ, *общественнымъ починомъ* т. е. къ тѣмъ событіямъ, которые, менѣе всего, отвѣчали задачамъ миролюбивой политики русскаго правительства—явно, противорѣча ей, во всемъ и безусловно.

Какъ только народъ и общество невольно дошли до этого, нагло надѣленнаго имъ настроенія—какъ только разыгрались ихъ невыдержанныя политическія страсти, требующія выхода, то славянофильскіе дѣятели, исподволь стали направлять ихъ въ такомъ направленіи, какое болѣе всего отвѣчало ихъ узкому политическому пониманію; какое путало и разъединяло общія, естественныя стремленія массы, примѣсю отличныхъ побужденій (основанныхъ на личныхъ выгодахъ и цѣляхъ, неимѣющихъ ничего общаго, съ политическими выгодами и цѣлями Россіи), подготавливая этимъ, въ самомъ обществѣ, такихъ людей, какіе менѣе всего постѣснились бы и въ своихъ

¹⁾ Въ сущности—не на дѣло, а на осуществленіе своихъ собственныхъ цѣлей въ настоящемъ, и на всякій случай—въ будущемъ.

дѣйствіяхъ и въ выборѣ средствъ, для выполненія непростительныхъ плановъ, циничныхъ эксплуататоровъ вдохновенныхъ чувствъ русскаго народа—*современныхъ славянофиловъ*, а главное—какіе менѣе всѣхъ другихъ, были бы связаны своимъ прошлымъ, для дѣятельности въ будущемъ, требовавшей, прежде всего, круглой бездомности въ своей собственной странѣ ¹⁾.

Такая несогласная съ крайне натянутымъ внѣшнимъ положеніемъ дѣль, дѣятельность славянскихъ комитетовъ и безчисленныхъ ихъ представителей—лжеславянофиловъ ²⁾, разрасталось съ каждымъ днемъ, въ то горячее время, и въ общемъ смѣшеніи и понятій и мнѣній, и стремленій охватившихъ, по преимуществу одно общество ³⁾, ускользало отъ контроля того же общества, положившагося на дѣйствія славянскихъ комитетовъ и людей ихъ лагеря, какъ на опредѣленные, внѣшнимъ политическимъ желаніемъ страны и въ направленіи, указанномъ, ее внѣшними политическими задачами; но неограничившаго эти дѣйствія, никакими условными мѣ-

¹⁾ Всякій тотъ, кто призывался, къ личному участию въ рядахъ возставшихъ славянъ, т. е. въ кровавой дѣятельности внѣ границъ своего отечества, внѣ политическихъ задачъ его и внѣ здраваго политическаго смысла, долженъ былъ, для того, чтобы рѣшиться на такую дѣятельность, не дорожить ничѣмъ въ настоящемъ—не быть ничѣмъ, ни связаннымъ, ни къ чему ни привязаннымъ, ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ, и ни передъ кѣмъ не отвѣтственнымъ. Люди, другаго сорта и иныхъ положеній, менѣе всего годились въ данномъ случаѣ.

²⁾ Славянскихъ дѣятелей—только внѣшнихъ т. е. подъ кровомъ славянофильства, проводившихъ свои личные разсчеты и выгадывавшихъ, свои выгоды, словомъ—дѣйствовавшихъ безсечно, мы назвали, лжеславянофилами, какъ болѣе подобающимъ именемъ въ данномъ случаѣ.

³⁾ Потому, что народъ, благодаря своему единомыслию, хотя и заразился нѣсколько, ложнымъ направленіемъ лжеславянофильскихъ воинственныхъ идей, но какъ непосвященный въ разносторонніе сужденія и взгляды на вопросъ — образованіе себя классовъ, тверже устоялъ на почвѣ политическаго благоразумія, что увидимъ позже.

рами (хотя бы, особо для того организованнымъ общественнымъ контролемъ), могущими предупредить — что не должно было произойти и остановить — что уже происходило.

Изъ этого мы видимъ, къ общему прискорбію, что принятое направленіе современными славянофилами, лжеславянофилами и ихъ комитетами, и занятое ими положеніе во внѣшне-политическихъ задачахъ готовили, весьма чувствительный ударъ миролюбивой политикѣ русскаго правительства, а вмѣстѣ съ нимъ и полную ея неудачу на востокѣ. Вотъ первый совершившійся фактъ передъ нашими глазами въ недавнемъ прошломъ, положившій начало всему *злу* во внѣшней политикѣ Россіи.

Теперь, оставимъ на время рѣчь объ этомъ предметѣ и остановимъ наше вниманіе, на русской періодической печати. Чѣмъ она, заявила себя, въ такіе смутные дни для народной и общественнй жизни, какъ воцареніе непроглядной тьмы на почвѣ общихъ усилій, стремленій и цѣлей — какъ полное смѣшеніе и мнѣній, и желаній, и побужденій, и въ обществѣ и въ частностяхъ въ народѣ; какъ разладъ политическаго движенія въ странѣ, обѣщавшаго разразиться самыми неблагоприятными послѣдствіями въ недалекомъ будущемъ. Чѣмъ именно печать заявила себя полезнымъ, въ то горячее знаменательное время?..

Послѣ того, какъ обозначилась безразсудная, крайне вредная дѣятельность славянофильства — какъ корни ея, довольно глубоко засѣли въ доброй половинѣ русскаго общества и ничтожной части народа. Послѣ того, какъ факты эти произошли, единственно благодаря обстановкѣ, созданной современными лжеучителями славянофильскихъ идей, оставалось, какъ мы уже видѣли, весьма обширное мѣсто и для участія печати. Подъ ней была твердая почва дѣйствовать, именно — обращенное вниманіе, въ ея сторону, всѣхъ

классовъ напряженно слѣдившаго общества и народа. По времени—ей предоставлялась, большая, чѣмъ когда либо свобода и со стороны правительства; на нее, надѣялось уцѣлевшее меньшинство русскаго общества, не свернувшего съ пути по которому шли — правительство, народъ, а съ ними политическія задачи страны. Словомъ для печати было все кстати и отъ нея, требовали и ждали всего кстати.

Но вотъ, большинство ея (до того времени, почти молчавшее) разразилось, громкимъ и настойчивымъ словомъ. Словомъ быющимъ на то, чтобы всѣ его слышали и слушали — чтобы всякій читающій его направлялся по тому пути по которому оно его шлетъ. Ну и чѣмъ же печать такимъ разразилась—въ какомъ духѣ полилось ея слово и чего оно стало требовать отъ народа и общества? А главное—на сколько оно отвѣчало, истиннымъ политическимъ задачамъ правительства?

Крайне однако прискорбно, а отчасти и стыдно, отвѣчать на всѣ эти вопросы, согласные въ основѣ своей; потому что отвѣты эти, нетолько наталкиваютъ на безнравственную и темную сторону печати—на ее циничное барышничество высокими побужденіями русскаго народа, но и кромѣ того—серьезно задѣваютъ національное самолюбіе—умалая уваженіе къ тѣмъ національнымъ памятникамъ умственного развитія, которые уважались нашими предками, и которые, по своему значенію и назначенію, должны уважаться нами. Ну какъ, напр. отвѣчать, несмущаясь и не скорбя, что русская повременная печать, разразилась въ то время — всѣмъ тѣмъ, что служило въ ея личную корыстную пользу, безусловно — но во вредъ народу, обществу и правительству, въ переводѣ—всей странѣ (на счетъ которой и ради которой, она существуетъ и для которой, обязана служить—твердою умственною опо-

рою тамъ, гдѣ ухабиство и неосвѣщенъ путь, къ успѣхамъ внутренней и виѣшней политической жизни) — тоже безусловно. Какъ тутъ сознаться, а тѣмъ болѣе убѣдиться въ томъ, что печать разразилась, въ то время — необходимостью давать и давать деньги, въ пользу балканскихъ славянъ, въ возможно большемъ количествѣ и хотя бы въ ущербъ самимъ себѣ; и, прямымъ долгомъ русскихъ, помочь славянамъ и кромѣ денегъ — своею собственною персоной. По просту: бросить и свои очаги и семьи и обязанности въ отношеніи страны и вопреки здравому смыслу — вопреки всему естественному, творить неестественное, вынужденное, бесполезное для дѣла. Словомъ — нести свои головы туда, гдѣ въ нихъ не нуждаются и раставаться съ ними тамъ, гдѣ они принесли явный вредъ...

Какъ тутъ сознаться, не краснѣя, что печать, спѣлась и принялась пѣть одну пѣсню съ современными славянофилами, лжеславянофилами и всею ихъ узкою и недостойною представительностью. Что она, незадумавшись стала дѣйствовать, въ разрѣзъ съ естественными требованіями политической жизни страны — что она не дрогнувъ, подняла руку противъ того, кому обязана своимъ существованіемъ — кто ее питаетъ: что она не остановилась, бросить камнемъ въ того, кто ей далъ жизнь! Что она, наконецъ, промѣняла и честь и убѣжденія и самолюбіе — на деньги. За деньги — всѣ, безъ денегъ — ничего, сказала эта печать своими дѣлами, и стала дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ всякій — промѣнявшій на деньги все, что свято, человѣчно, совѣтно и стыдно. А между тѣмъ, въ этомъ, во всемъ, убѣдили насъ — время и факты. Большинство русской повременной печати, именно такимъ себя явило, въ то недавнѣе время, когда роль его, была болѣе серьезною, чѣмъ когда нибудь, и на виду у всѣхъ, сознавав-

нихъ положеніе дѣлъ и слѣдившихъ за событіями. Она, славянофильствовала съ такою настойчивостью, проповѣдая, чуть ли не походъ всего русскаго народа (но безотлагательный) противъ турокъ, что слушая ее со стороны легко можно было вѣрить ей—легко можно было думать, что она и въ самомъ дѣлѣ говорить изъ убѣжденій: изъ глубокаго внутренняго смысла своего національнаго патріотизма. Словомъ ея рѣчи, производили такое дѣйствіе на людей политически неразвитыхъ, какое входило въ ея расчеты—какое больше всего отвѣчало, ея хищническимъ цѣлямъ. Тогда, какъ на дѣлѣ, все произносимое ею изобиловало фальшью и отсутствіемъ разумныхъ основаній.

Этотъ краткій начальный перечень, обнаружившейся дѣятельности того времени, значительнаго большинства періодической русскаго печати, знакомить насъ уже ближе съ тѣмъ явнымъ ударомъ, для главныхъ задачъ восточной политики русскаго правительства, который съ каждымъ днемъ созрѣвалъ и висѣлъ надъ ними, со стороны внутренняго недуга—въ лицѣ названной русскаго печати и славянофильствовавшей части русскаго общества.

Но для многихъ, будетъ не вполне понятнымъ—почему именно и современные славянофилы и лжеславянофилы и комитеты и большинство русскаго печати, какъ бы сговорившись, дѣйствовали въ одномъ и духѣ и направленіи. Почему они, составляя хотя и общій лагерь, но людей совершенно различныхъ направленій, убѣжденій—а то и вовсе безъ всякихъ принциповъ,—шли, рука объ руку, въ данномъ случаѣ. И такое непониманіе, ранѣе высказанной мысли, будетъ на этотъ разъ вполне естественнымъ, если принять въ расчетъ, что еще недостаточно выяснены предметы нашихъ сужденій; что еще некоторые стороны ихъ, за-

темнѣны недосказанными основаніями. Въ виду этого, разъемь (въ сжатой формѣ) мысль, о причинахъ такого явленія, какъ—единодушные дѣйствія, нѣсколькихъ отдѣльныхъ и совершенно различныхъ организмовъ, на почвѣ хотя и общей, но представлявшей много простора для ихъ непринужденныхъ влеченій, стремленій и осуществленій.

Намъ нерѣдко приходится встрѣчать и въ частной жизни, что извѣстный кружокъ людей, заинтересованный однимъ общимъ предметомъ—тѣмъ самымъ, образуя подъ собою общую почву и сходясь на ней въ главномъ (способомъ, служить, въ частности, только номинальнымъ принципомъ для того, кому оно, какъ бы обязательно), единодушенъ, съ виду, въ своихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ; между тѣмъ, тутъ же убѣждаемся, что усилія ихъ имѣли совершенно различные основанія и цѣли: что они, прикрываясь чемъ нибудь общимъ руководились только своими личными побужденіями не входя—будутъ ли онѣ въ пользу, или во вредъ тому ради чего и благодаря чему они дѣйствуютъ: пригодятся ли онѣ ему или нѣтъ. И зачастую, приходится намъ встрѣчаться съ такими темными явленіями частной жизни. Такъ и въ данномъ случаѣ: предъ нами—единодушные дѣйствія, уже не мелкаго кружка людей, а цѣлыхъ, можно сказать обществъ, преслѣдовавшихъ, съ виду, одну и ту же цѣль—но по совершенно различнымъ причинамъ и на различныхъ основаніяхъ, неимѣвшихъ съ собою ничего общаго ни въ нравственномъ ни въ политическомъ смыслахъ. Въ они, прикрываясь однимъ общимъ предлогомъ—желаніемъ помочь страждущимъ балканскимъ братьямъ, дѣйствовали прежде всего, въ интересахъ своихъ личныхъ цѣлей, видоизмѣняя свою дѣятель-

ность настолько, насколько выгоднѣе она могла казаться со стороны — какъ глаже она скрывала истинные основанія и цѣли самихъ дѣятелей. И только ничтожное меньшинство этихъ людей было тѣмъ, чемъ казалось со стороны: дѣлало то и стремилось къ тому, что по его мнѣнію, отвѣчало интересамъ того, ради кого и для кого оно дѣлалось и что вовсѣ, необѣщало имъ самимъ ничего предосудительнаго. Начнемъ, хотя-бы съ современныхъ славянофиловъ т. е. съ этого ничтожнаго меньшинства. Нѣтъ почти основаній сомнѣваться, что этотъ классъ людей, искренно сочувствовалъ славянскому дѣлу; что онъ воспринялъ весь славянофильскій духъ и что, когда настало время для славянофильской дѣятельности, когда зашевелились балканскіе славяне, ставшіе вскорѣ нуждаться въ насущномъ кускѣ хлѣба, онъ горячо принялся дѣйствовать, стараясь всѣми силами принести осязательную пользу тому дѣлу за которое добровольно и по призванію взялся, движимый патріотизмомъ и человѣколюбіемъ. Въ этомъ во всемъ, нѣтъ основаній сомнѣваться.

Но для успѣшной дѣятельности этого класса людей, требовались матеріальныя средства, по просту — деньги. И какъ добыть ихъ было, единственнымъ главнымъ исходомъ; обратиться къ частному почину — къ достоянію народа и общества, то славянофилы оказались вынужденными, взывать къ странѣ о помощи, во имя самыхъ высокихъ, человѣческихъ принциповъ: во имя состраданія и человѣколюбія. Въ общемъ, изъ всѣхъ этихъ причинъ и поводовъ къ просьбамъ на *бѣдность*, сложились весьма удобныя для просящихъ и понятныя для внемлющихъ коротенькія двѣ общія фразы:

имя славянской идеи — для общества и *во имя вѣры православной* — для народа, сразу объяснявшія и значеніе свое и цѣль. Достаточно было заговорить только ими

съ обществомъ или народомъ, чтобы и тѣ и другіе, ясно поняли чего отъ нихъ хотятъ и во имена *хорошо имъ знакомые* принялись раскошелиться и давать, что кому по силамъ, крѣпко при этомъ вѣря, что даютъ они на дѣло — святое въ буквальномъ переводѣ.

Такимъ образомъ, классъ людей современныхъ славянофиловъ, для насъ вполне понятенъ въ данномъ случаѣ и дѣятельность его въ этомъ смыслѣ, нисколько не предосудительна съ какой точки на нее ни взгляни. Намъ не зачѣмъ подробнѣе вникать въ мотивы руководившіе этими людьми; достаточно признать ихъ патриотами, чтобы понять и ихъ задачи и цѣли.

Главный ихъ недостатокъ (сглаживающій серьезное значеніе этого класса общества) тотъ, что они узко поняли роль славянофиловъ вообще — что они исказили и истинное назначеніе свое и задачи даннаго времени; словомъ, главный недостатокъ ихъ — въ знаніи. Они очевидно признали, своею общею задачею: дѣйствовать въ самостоятельномъ политическомъ направленіи — отдѣльно, и отъ правительства и отъ народа и отъ общества, если то удастся, полагаясь и рассчитывая во всемъ на то общество и на тотъ народъ, какіе присоединятся къ нимъ проникнутые ихъ направленіемъ, т. е. признали себя однихъ — свѣтилами политической жизни въ странѣ и ни зачѣмъ инымъ, кромѣ какъ за собою — способность глубоко понять смыслъ этой жизни теперь.

Понявъ такъ превратно и узко, свои общія задачи современные славянофилы, не болѣе разумно, предопредѣлили ихъ и для даннаго случая, и для времени о которомъ мы говоримъ, именно: энергически поддерживая приливъ русскихъ пожертвованій, въ пользу балканскихъ славянъ, одновременно проводить въ жизнь и другую идею: указывать русскимъ гражданамъ на прямой долгъ ихъ — не только деньгами и со-

чувственнымъ духомъ помочь страждущимъ единовѣрцамъ, но и лично стать въ ихъ ряды — въ переводѣ: поднять мечъ противъ вѣшняго врага раньше, чѣмъ то согласно съ задачами своей страны, чѣмъ терпимо цѣлями своего правительства и въ то самое время, когда подобный фактъ явно разрушалъ почву миролюбивой политикѣ Россіи на востокъ.

Исполненіе этихъ двухъ задачъ, уже по одному смыслу возлагалось на другихъ: первая — на тѣхъ, кто уже давалъ послѣднее, что могъ и вторая — на тѣхъ, кто скажется готовностью принять личное участіе въ славянскомъ возстаніи. На долю пропагандистовъ, оставалась организація готовыхъ уже силъ, способныхъ по ихъ мнѣнію, осязательно помочь славянскому дѣлу. Но какъ въ первомъ и во второмъ случаяхъ, нужны были деньги, то роль современныхъ славянофиловъ, неизмѣнялась почти пока была выдающеюся. Они просили и требовали денегъ, денегъ и денегъ, какъ единственнаго средства для достиженія понятой ими, главной цѣли — помощи славянскому дѣлу, вообще и балканскому славянству особенно. Задачи ихъ, показались имъ такъ высоки и разумны и цѣли, такъ удободостижимы съ точки зрѣнія политической, что они не озираясь принялись дѣйствовать и дѣйствовали, благодаря общему политическому хаосу того времени, во всѣхъ классахъ общества и низкому уровню умственного развитія въ народѣ.

Итакъ, не вникая въ частности этого обширнаго предмета предъ нами раскрыты: колоссальная политическая глупость современныхъ славянофиловъ съ одной стороны, и несомнѣнная ихъ искренность во всемъ, съ другой. Они и славянамъ сочувствовали отъ всей души, и славянскому дѣлу, не меньше и дѣйствовали по искреннему убѣжденію, что такъ слѣдуетъ дѣйствовать и всякому честному русскому патріоту.

Изъ чего мы видимъ, что для дѣятельности современныхъ славянофиловъ служили основаніемъ — патріотизмъ и сочувствіе славянскому дѣлу, и что причинами такъ дѣйствовать было, не менѣе искреннее желаніе помочь этому дѣлу.

Коснемся теперь причинъ и основаній дѣятельности лже-славянофиловъ. Слово *лжеславянофилы*, знакомитъ насъ съ перваго раза съ людьми двулличными, принявшими на себя такой кличъ а не иной ради личныхъ выгодъ. Но ради какихъ выгодъ, назвались эти люди такимъ кличемъ? Ради двухъ—хотя и совершенно различныхъ по содержанію, но идущихъ неразлучно на дѣлѣ: горячее желаніе поправить свои денежные дѣлишки (обезпечить себя, про черный день)—одна изъ этихъ выгодъ; и надежда, заявить себя передъ обществомъ—патріотами и политически дѣльными гражданами, проще: шагнуть къ лучшему общественному положенію, въ будущемъ (хотя временному), чѣмъ порядкомъ таки умаленное темнымъ прошлымъ въ настоящемъ — другая изъ нихъ. Извлеченіе этихъ выгодъ на дѣлѣ, сдѣлалось вполне вѣроятнымъ послѣ того, какъ славянскіе комитеты и весь славянофильствующій міръ стали располагать обильными денежными средствами — послѣ того, какъ русскіе гроши, гривеники и рубли очутились въ ихъ непрочныхъ сундукахъ... и какъ ученіе ихъ—спѣшить въ ряды возставшихъ, проникло и въ общество и въ народъ. Словомъ, послѣ того, какъ воцарилась тьма политическаго невѣденія въ странѣ. Тутъ представлялось уже вполне возможнымъ, извлекать осязательную пользу, для такихъ людей, какъ ничѣмъ, ни нравственнымъ ни матеріальнымъ не связаннымъ, сносно одѣтые пролетаріи, движимые крайнимъ честолюбіемъ и сребролюбіемъ. Такому сорту людей, вовсе не сочувствуя славянскому дѣлу стоило только, скрывая свои истинныя симпатіи и цѣли, надѣтъ

сшитую другими маску славянофильства и во всеуслышаніе, начать погромче кричать—про страданія балканскихъ славянъ, про прямой долгъ русскихъ, помочь имъ и деньгами и людьми, т. е. бойцами, про измѣнничество странъ и явно враждебное направленіе великой славянской идеѣ, тѣхъ людей, которые сказались болѣе сдержанными мнѣніями, объ этомъ обо всемъ славянскомъ—которые, такъ сказать, очертя голову не рынулись въ сторону ошибочныхъ увлеченій; стоило только, про все про это, приняться трубить, всюду гдѣ только представлялась возможность и откуда не возмись, отеликивались голоса (и въ самомъ дѣлѣ, искреннихъ славянофиловъ), одинаково смотрящіе на дѣло—встрѣчалось и сочувственное единомысліе, завязывалась и условная дружба, а съ нею, и все—вполнѣ подходящее... тѣмъ, которые *кричали* и во все, не подходящее тѣмъ, по милости чьей *кричали* и *воровали*... По милости чьей произносили: „во имя великой славянской идеи, во имя освобожденія славянъ отъ гнета турокъ“ (и себя самихъ — отъ гнета, бездомья и неумолимаго преслѣдованія справедливости...) Какойнибудь хлыщъ, по уши завязшій въ неоплатные долги (къ тому — совѣмъ неразвитый невѣжда), принявшись, ни съ того ни съ сего, за славянофильство, допускался сперва, разносить какіенибудь славянскіе рѣчи, объявленія, а то и возванія; послѣ попадалъ въ довѣріе и уполномочивался *собирать* для славянъ и въ пользу ихъ, гдѣнибудь на паперти и подъ нѣкоторымъ еще надзоромъ. Затѣмъ, украшалъ себя славянскими ленточками, въ петлицѣ длиннополаго въ долгъ сшитого пальто и съ хлыстикомъ, да кружечкой для денегъ, разхаживалъ онъ, гдѣ полюдишь, нагло останавливаясь по временамъ и прося *для славянъ*, изъ патріотизма и во имя великой славянской идеи... Въ концѣ попадалъ онъ въ какіе

нибудь члены и уже на законномъ основаніи принимался за безконтрольные расходы, отчеты и все такое, ненаказуемое, ни въ настоящемъ ни въ будущемъ—но выгодное до соблазна, до искушенія, передъ которыми, гдѣ же было устоять его слабой, безнравственный взбаломошной натурѣ.

Случались, между этими господами, и болѣе крупныя единицы, успѣвшіе прибрать въ свои грязноватыя руки и болѣе самостоятельную дѣятельность, на благо славянъ а паче всего — свое собственное; но въ общемъ и тѣ и другіе, близко сходились въ своихъ и дѣйствіяхъ и цѣляхъ и различать ихъ—говорить о нихъ отдѣльно, непредставляется никакой необходимости. Довольно того, что и первые и послѣдніе — одного поля ягоды.

Дѣйствуя на такой почвѣ лжеславянофилы извлекали, двѣ совершенно различныя выгоды, идущіе неразлучно на дѣлѣ: втореніе славянофиламъ приближало ихъ, сперва къ довѣрію, затѣмъ, къ наживѣ, а вмѣстѣ съ этимъ — къ нѣсколько лучшему общественному положенію, въ средѣ тѣхъ же славянофиловъ.

Но перечислять разнообразную дѣятельность, положенія и роли такого множества отдѣльныхъ лицъ, кружковъ и цѣлыхъ обществъ, ознаменовавшихъ себя, торгашески поддѣльнымъ славянофильствомъ, непредставляется возможнымъ въ нашемъ положеніи. Потрѣбовались бы цѣлые томы для того, чтобы описать довольно темные и однообразные факты изъ дѣятельности этого незастенчиваго класса людей, достаточно охарактеризированные и въ этомъ краткомъ нашемъ перечнѣ. По этому то, можно смѣло предположить, что уже сказаннаго объ этомъ предметѣ, совершенно достаточно для яснаго пониманія слѣдившихъ за творившимся тогда на руси. Намъ важнѣе гораздо та несомнѣнная истина, что какъ мы имѣли случай убѣдиться и лжеславянофилы, дѣйствовали въ одномъ

духъ и направленіи съ славянофилами—но только по совершенно различнымъ причинамъ и на другихъ основаніяхъ чемъ они.

Касаясь дѣятельности славянскихъ комитетовъ, намъ гораздо легче будетъ понять ея смыслъ и основанія, потому что дѣятельность эта, заключаетъ въ себѣ рядъ частныхъ дѣятельностей разныхъ лицъ, кружковъ и обществъ, о которыхъ мы только что говорили.

Собственно, комитеты — прямое отраженіе той постепенной славянофильской организаціи, которая мало по малу, созрѣвала и дошла въ наше время, до предѣла довольно виднаго и цѣли которой, хотя и неосновательны и несовершенны, но во всякомъ случаѣ, полезны и тождественны съ цѣлями Россіи въ ея внѣшней политикѣ. Въ данномъ же случаѣ, славянскіе комитеты, какъ чисто общественные учрежденія, хотя и предназначались, для осуществленій, общественныхъ цѣлей, желаній и усилій, но составленные изъ лицъ разныхъ направленій и стремленій, по просту—изъ общественного сброда—въ общемъ понятіи этой фразы, и лучшихъ представителей своихъ—въ частности, явили себя не лучше, недалекихъ славянофиловъ и пронирыливыхъ лжеславянофиловъ—не лучше и тѣхъ и другихъ въ совокупности, передъ народомъ, обществомъ и правительствомъ, въ недавнюю эпоху минувшихъ событій, во внутренней и внѣшней жизни Россіи. Разница между ними и частнымъ, смѣшаннымъ славянофильствомъ, только та, что они, какъ официальные организмы вмѣщающіе въ себѣ дѣятельности—и развитыхъ, искренныхъ славянофиловъ и невѣждъ, разумнаго славянофильства и безнравственныхъ лжеславянофиловъ—что вмѣщая въ себѣ три части—безнравственного, вреднаго, дурнаго, порочнаго, и только одну—нравственного и честнаго (хотя—тоже

узкого) они удержались, болѣе, на сторонѣ искренности, чѣмъ подались въ сторону умысленной фальши и чисто личнаго денежнаго разсчета — чѣмъ пошли, по слѣдамъ, славянофильскаго шарлатанства и цынизма. И только, настолько, омрачили себя, неясными и молчаливыми отчетами... насколько это произошло не по ихъ прямой волѣ — насколько, безчестность и недобросовѣстность значительнаго большинства соучастниковъ ихъ дѣятельности, превозмогли — честность и совѣсть, ничтожнаго меньшинства остальныхъ. Положимъ, сплошная неблаговидная дѣятельность членовъ, какихъ бы нибыло учрежденій, хотя бы и въ частности, бросаетъ неблаговидную тѣнь, на тѣже учрежденія; въ данномъ напр. случаѣ — на тѣже комитеты. Но это можетъ еще найти нѣкоторое оправданіе въ томъ, что славянскимъ комитетамъ, какъ на скоро организованнымъ учрежденіямъ, насчитывавшимъ въ своемъ составѣ гораздо больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, не посылать были — анализъ и оцѣнка самихъ себя; что имъ оказалось не въ моготу, поразсмотрѣть хорошенько, да попровѣрить и годное — оставить у себя, а вредное, испорченное и непригодное — выкинуть вонъ съ корнемъ. — Хотя такой доводъ и невыдерживаетъ строгой критики; хотя онъ и слабъ. Во всякомъ случаѣ, минуемъ эту темную сторону комитетовъ допустивъ въ нихъ — хотя и сплошные злоупотребленія, хотя и сплошное воровство, русскихъ грошей облитыхъ слезами труда и сочувствія, руками ловелыхъ карманщиковъ въ *цѣльныхъ* скюртукахъ, и *благородныхъ* пролетаріевъ, въ менѣе уже цѣльныхъ жакеткахъ, попавшихъ въ излишнѣе довѣріе, крупнѣе себя дѣятелей — но минуемъ скверную эту сторону и остановимся, на свѣтлой сторонѣ ихъ — на искренности. Словомъ, остановимся на томъ, что комитетамъ (собственно — одному названію ихъ), не по-

силахъ было, справиться съ различными стремленіями и дѣйствіями разношерстного своего состава; ибо — что могли подѣлать *выпускъ, безъ содержанія* — комитеты безъ живой силы; безъ серьезныхъ, практически умныхъ руководителей и исполнителей своихъ; и безъ всякихъ, достаточно зрѣлыхъ политическихъ знаній у тѣхъ изъ нихъ, которые имѣлись на лицо. Оправдать назначеніе комитетовъ и ихъ прямыя задачи, могли только люди, дѣйствующие, по зрѣло обдуманному политическому плану; къ тому — обладающіе, таки серьезною долей политическаго таланта и безусловно, безкорыстные и добросовѣстные — практически; но не нахлынувшій сбродъ разнаго *люда*, въ большинствѣ, безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и объективнаго политическаго ума, словомъ — безъ совѣсти и головы! Такой составъ, общественныхъ, учрежденій (имѣющихъ такой серьезный политическій смыслъ), развѣ могъ оправдать ихъ назначеніе... Никогда. Онъ могъ, обезсилить ихъ въ настоящемъ и уронить въ будущемъ, въ общемъ смыслѣ слова, на почвахъ, и внутренней и внѣшней. Въ общемъ, какой бы составъ славянскихъ комитетовъ нибылъ, но онъ былъ друженъ въ своихъ усиліяхъ — въ неустанномъ требованіи денегъ, отъ народа и общества, будто на нужды славянъ, въ сущности же — больше, на удовлетвореніе личныхъ нуждъ и осуществленіе вредныхъ политическихъ затѣй тѣхъ, изъ кого состояли комитеты. Но на самомъ дѣлѣ — кто иной такъ дѣйствовалъ, какъ не славянскіе комитеты — хотя назначеніе ихъ было и другое; хотя основатели ихъ и завѣщали имъ иные цѣли и задачи — хотя они и носили названіе, дающее основаніе, ожидаютъ отъ нихъ совсѣмъ иной дѣятельности, чѣмъ обнаружилась на нашихъ глазахъ.

Теперь намъ становится понятнымъ — почему и славян-

скіе комитеты дѣйствовали въ одномъ духѣ и направленіи, съ современными славянофилами и лжеславянофилами — хотя причины и основанія такой дѣятельности, должны были быть у послѣднихъ, совершенно не тѣ, какіе были у первыхъ; но не были—благодаря безсилію *мертвой буквы, передъ живою силою*: благодаря безсилію *вывѣсокъ* и теоріи, завѣщанной основателями славянофильства, передъ практическимъ осуществленіемъ, этаго всего, на дѣлѣ, далеко не почтенными послѣдователями, этихъ свѣтлыхъ идей.

Понявъ, приблизительно, причины и основанія, какіе служили для однообразной съ виду дѣятельности, современныхъ славянофиловъ, лжеславянофиловъ и славянскихъ комитетовъ, намъ остается теперь выикнуть, въ причины и основанія, такой же дѣятельности русской повременной печати, какими руководилась она въ своемъ тогдашнемъ повѣденіи. Остановимся же теперь на ней и постараемся уяснить эти причины, насколько это будетъ въ нашихъ силахъ, руководствуясь, въ свою очередь, при анализѣ ихъ тѣми данными и основаніями, какіе вытекаютъ изъ прямой логики и какіе подкрѣпляются фактами, совершившимися на нашихъ глазахъ такъ недавно, что трудно намъ ихъ не принять въ расчетъ.

Мы помнимъ, что въ то время, когда потребовалась отъ печати, правдивая разумная и безпристрастная оцѣнка происходящихъ событій — когда отъ нея, ждала, страна, умственной подмоги, что тогда, она раздѣлилась на два лагеря: малочисленный слабый—но развитый политически, дѣйствующій по убѣжденію честный; и, многочисленный, временно-сильный, но, политически—невѣжда дѣйствующій безъ всякаго убѣжденія и большею частью, безчестный. Словомъ, дѣйствующій изъ одного корыстолюбія, или лучше сказать—

глубоко понимая и раздѣляя смыслъ, малороссійской пословицы: „деры лыко, поки дерется“... Между этимъ-то ничтожнымъ, но достойнымъ меньшинствомъ серьезной русской печати и, временно превозмогшимъ большинствомъ ея, проведемъ рѣзкую черту различія — отдѣливъ совершенно первую отъ послѣдней, какъ воевъ не принадлежащую, къ лагерямъ людей, дѣйствовавшихъ въ славянскомъ дѣлѣ, въ одномъ духѣ и направленіи вообще, но по совершенно различнымъ причинамъ и на различныхъ основаніяхъ, порознь. Объ этой части печати, мы умолчимъ пока въ виду того, что она не входитъ въ нашу данную задачу — освѣтить: почему въ недавнемъ прошломъ и современные славянофилы и жеславинофилы и комитеты и большинство русской періодической печати, дѣйствовали, въ одномъ духѣ и направленіи.

Останавливаясь на освѣщеніи этого явленія и допуская, что главнымъ основаніемъ такой дѣятельности, у подобнаго большинства нашей печати было — чисто денежный расчетъ, мы разовьемъ теперь эту мысль уже пространнѣе, затронувъ при этомъ, прежнее положеніе этой печати вообще.

До того времени, русская періодическая печать, за небольшимъ исключеніемъ ея, играла самую невыдающуюся роль въ странѣ. Главный кладъ и сила, на которыхъ могла бы опираться печать нравственно и существовать, на ихъ счетъ, матеріально — народъ. Но это *большинство* нашей печати, ничего не имѣло общаго съ народомъ, какъ мало знакомое съ нимъ и какъ мало нужное ему. Не ознакомивъ народа съ собою и себя съ нимъ, ни однимъ практическимъ путемъ; не взявъ отъ него и не давъ ему, въ новой его жизни, ничего такого, чтобы могло его привлечь въ ее сторону — чтобы могло ему освѣтить цѣль ея существованія въ смыслѣ общегражданскомъ; не истолковавъ ему его новое положеніе во внутренней по-

литической жизни—со времянь освобожденія—въ такой формѣ и такимъ путемъ, чтобы онъ эту благую великую реформу своего Державнаго Вождя правильно понялъ и воспринялъ при помощи печати, хотя на десять лѣтъ раньше, чѣмъ это ему дастся горькимъ опытомъ и уроками самой жизни!.. Чѣмъ онъ заплатитъ за это многимъ—невозвратимымъ и непоправимымъ... Словомъ, неприобрѣтъ въ народѣ, ни малѣйшей популярности, она не могла ждать отсюда никакой поддержки, ни даже сочувствія. Да и кромѣ этихъ отрицательныхъ основаній, кромѣ того, что со стороны такой печати не было сдѣлано ничего сближающаго, ни обобщающаго ее съ народомъ—что не подвинулась она на пути разумномъ ни на одинъ шагъ, но и самый народъ, далеко не дошелъ еще до того уровня умственнаго развитія и до того матеріально-экономическаго положенія, чтобы ощущалъ потребность умственной пищи; чтобы представлялъ собою — читающаго мыслителя, ибо для того чтобы представлять его, нужно умѣть читать, что далеко еще не въ удовлетворительномъ состояніи на руси. Словомъ народъ, представлялъ весьма слабую опору, для такой слабой печати. Она не могла рассчитывать—существовать на его средства потому, что не имѣла ни права ни данныхъ на это.

Послѣ народа потребителями этой части русской печати, можно бы и слѣдовало бы разумѣть тѣ классы русскаго общества, нисшіе и средніе, которые стремятся къ образованію; которые задались цѣлью учиться, въ общемъ смыслѣ слова. Но тѣмъ менѣе еще, чѣмъ народъ, могли эти классы имѣть что либо общее съ такою печатью — нуждаться почему либо въ ней, рассчитывать въ чемъ либо на нее, и слѣдовательно — представлять изъ себя, потребителей матеріала, и ненужнаго и непригоднаго для нихъ. Потому, что

печать эта, была болѣе предана любымъ отвлеченнымъ одностороннимъ явленіямъ внутренней жизни страны, чѣмъ общимъ цѣлямъ и задачамъ этихъ могущихъ въ ней нуждаться классовъ; потому, что она увлекалась гораздо болѣе, любою недостойною частностью, чѣмъ разработкою общихъ идей молодого поколѣнія — чѣмъ подготовкою его, къ цѣлебному пути, на почвѣ гражданской дѣятельности. Поэтому, что печать эта, гораздо съ большою готовностью, готова была служить орудіемъ, для достиженія той или другой (хотя и темной) цѣли въ *частности*, чѣмъ твердою ступенью, правильнаго умственнаго развитія, для спотыкавшейся и спотыкающей массы различныхъ классовъ русскаго общества. Потому наконецъ, что печать эта, какъ стѣсненная (и по дѣломъ, на этотъ разъ) въ гласности — въ своей дѣятельности располагала, слишкомъ безсильными силами своими; слишкомъ бездарными и недалекими горемыками-сотрудниками, готовыми строчить, что и про кого угодно, лишь бы получить мизерные 5—7 коп. за свою набранную строчку — за свои наемные сужденія... Для такихъ классовъ нашего общества, гораздо полезнѣе было готовить себя ко всему, частнымъ, практическимъ путемъ; гораздо полезнѣе было имъ, пезнаться вовсе съ такою печатью, вполне способною извратить въ нихъ хорошіе (хотя и начальные) основы всего, но вовсе неспособною дать, хотя какіе нибудь сносные, имъ. Такимъ классамъ, незнаясь вовсе съ такою печатью, куда полезнѣе и лучше было остановиться на ничтожномъ, но за то серьезномъ меньшинствѣ ея — на печати идущей вѣрною поступью впередъ, хотя и преодолювая затрудненія, хотя и страдая, хотя и теряя лично до поры-времени — до часа, когда Россія разовьется гражданственно. Въ этомъ послѣднемъ выборѣ, желавшіе *читать* клас-

сы—выигрывали, а въ первомъ—безусловно проигрывали (но безъ всякой надежды на отыгрышъ). Вообще, этимъ классамъ русскихъ гражданъ, такая печать была мало пригодною. Ея слабая компетентность, явное пристрастие и *неблаговидность* во всемъ, мало представляли соблазна для людей нуждавшихся, въ уважаемомъ и компетентномъ словѣ — въ совѣтахъ и указаніяхъ, для рѣшительныхъ, но затемненныхъ своихъ шаговъ въ будущемъ. Незачѣмъ было ею интересоваться когда она не представляла ни малѣйшаго интереса; незачѣмъ было ее и читать, когда она не заключала въ себѣ сути: когда она была, безсодержательна. И кому, хотя нѣсколько знакома повременная русская печать, со временъ хотя бы новѣйшихъ (такъ—съ годовъ шестидесятыхъ), тому будетъ совершенно достаточно сказаннаго для того, чтобы и понять насъ и отдать справедливость нашему сужденію.

Но если, ни народъ, ни болѣе развитые классы представителей его, не представляли для этой печати никакой гарантіи ни въ одномъ отношеніи, въ смыслѣ благопріятномъ для нея, то кто же, въ такомъ случаѣ, былъ занятъ ею: для кого она существовала трудилась и жила? А вотъ для кого. Для того отжившаго, недовольнаго *сборнаго* класса нашего общества; для тѣхъ живущихъ на покой—то прокутившихся, то недовольныхъ... баръ—безъ рабовъ, чиновниковъ—безъ службы и генераловъ — безъ солдатъ, которые покоясь на *просиженныхъ* креслахъ и наслаждаясь остатками, добытыхъ чужимъ трудомъ сигаръ... или крѣпкимъ ароматомъ изъ побывавшаго не на одной беззащитной спинѣ чубука, естественно нуждались въ чтеніи *забористаго* содержанія, или лучше сказать—въ уличной сатирѣ, въ формѣ балаганной перебранки, какихъ нибудь двухъ-трехъ покладистыхъ редак-

торовъ *), сцѣпившихся изъ за важнаго (по ихъ мнѣнію) политическаго вопроса (въ сущности изъ за голословнаго отзыва о Россіи, какого нибудь шарлатана-иностранца или письма, о ней же продажнаго хлыща-корреспондента, написавшаго то, за что ему лишній гривеникъ посулили). Этимъ людямъ необходимо было такое облегчающее чтеніе, для удовлетворенія той глубоко засѣвшей узкой злобы, которая у каждаго изъ нихъ была слѣдствіемъ личныхъ разочарованій и гражданственно-житейскихъ передрыгъ. Но вѣдь этотъ классъ, не такъ многочисленъ, и какъ живущій, отдѣльными идеями понятіями и убѣжденіями, словомъ, внѣ границъ общей политической жизни—внѣ общихъ задачъ страны, то численность его тѣмъ болѣе ослабѣвала, чѣмъ замѣтнѣе текла новая жизнь, чѣмъ болѣе, русскіе—народъ и общество, развивались и укрѣплялись. Слѣдовательно и эти потѣшныя потребители печатнаго слова представляли весьма слабую почву для этого слова обѣщая съ каждымъ днемъ, меньше читать а слѣдовательно, и платить за это чтеніе.

Кромѣ перечисленныхъ уже классовъ людей, мало имѣвшихъ дѣла съ такимъ *большинствомъ* печати того времени, остается еще одинъ классъ имѣвшій данные, и на лучшее умственное развитіе, располагавшій и куда большими средствами для этой цѣли, чѣмъ всѣ остальные: это классъ—достаточный. Но не входя въ оцѣнку развитія большинства этого класса, мы остановимся на томъ, что зрѣло развитая часть его, располагая сред-

*) Всегда готовыхъ служить своими, и мнѣніями, и сужденіями, и убѣжденіями, всякому, кому это нужно и кто за это имъ заплатитъ. Ибо этимъ господамъ—не честь, *дороже денегъ*, какъ выражаются наши апраксинскіе торговцы, а на оборотъ: деньги—куда дороже чести (не то, что апраксинской, а какой угодно... какую дорожать люди и неповторяющие, что она *дороже денегъ*...)

ствами для удовлетворенія своихъ побужденій требовала и гораздо же серьезнѣе — содержательнѣе умственной пищи, чѣмъ та, которую представляла (и заключала въ себѣ) такая печать, о какой мы выше вели рѣчь. Такіе люди, не могли удовлетворятся, какою нибудь грязно-пикантною статейкою влачащихъ свои безцѣльные дни, жалкой газетки или журнала, или и цѣлымъ разборомъ вопроса—хотя, общественнаго, но недоступнаго для узкой чьей нибудь трудившейся головы—для дрожавшаго пера въ рукѣ, далеко не твердой и неувѣренной... Такимъ людямъ (какъ и всѣмъ серьезнымъ), нужны были цѣльные законченные мысли, даровитой и знающей головы, нужны были—труды людей, пишущихъ, не изъ за однихъ только денегъ и не отрывочно, а изъ убѣжденій по преимуществу и идущихъ, твердою поступью къ своей цѣли, къ развитію и усовершенствованію того, о чемъ они говорили и ради чего брались за перо.

Надежду на удовлетвореніе такой умственной потребности серьезно развитыхъ людей, могло подавать, то уступавшее меньшинство повременной русской печати, о которомъ мы умолчали въ свое время. Эта печать, основанная на началахъ болѣе, нравственно-объективныхъ, чѣмъ матеріально-субъективныхъ — узкихъ и сохранившая свое значеніе, привлекла къ себѣ лучшія рабочія силы, и въ то же время, снизила общее довѣріе къ нимъ. Но какъ составъ ея былъ ничтоженъ, сравнительно съ преувеличеннымъ большинствомъ такой печати о какой мы говорили раньше, непригодной никому, кромѣ себя самой, то существованіе первой, обходилось дороже всѣхъ другихъ тому, численно-ограниченному развитому классу, который нуждался въ ней. Пользоваться ею могли только тѣ, кто располагалъ денежными средствами для этой цѣли: кто нуждаясь, не въ научной, а въ обще-

ственной серьезной литературѣ могъ удовлетворить ея матеріальныя требованія. Требованія же эти, возникали сами собою: вслѣдствіе естественныхъ условій ея. Она, хотя имѣла свѣтлую общающую будущность, хотя удовлетворяла прогрессивнымъ требованіямъ жизни, хотя стойко держалась на *высотѣ* своихъ задачъ и понимала свое положеніе; но какъ печать разумная, объективная, нуждалась и въ такихъ цѣнителяхъ... Цѣнители эти были, но малочисленны. Изъ чего, само собою разумѣется, что потребныя денежные средства для существованія печати (тѣ, которые обойти ей было не по силамъ), извлекались изъ этихъ малочисленныхъ цѣнителей, лежахъ на нихъ такими условіями, какія не всякій читатель могъ исполнить, т. е. требуя отъ нихъ столько денегъ, сколько не всякому по силамъ было дать. Отсюда беретъ свое начало понятіе, о повременной русской печати — серьезной и вмѣстѣ изящной, но дорогой (закрывающей и по сіе время — въ одной-двухъ газетахъ, да столькихъ же журналахъ), рѣзко выдѣлившейся изъ общей массы — безцѣльной и грязной, слывшей за дешевую, но набавившей на себя во времена *славянофило-добровольческіе*.

Разставаясь съ болѣе всестороннимъ разборомъ предмета, котораго пришлось коснуться по необходимости (ибо данная задача ограничиваетъ этотъ разборъ), мы вынуждены признать, что и послѣдняя категорія читающаго русскаго люда, непредставляла *потребителей* такого печатнаго слова, какимъ было, тогдашнѣе повременное *большинство* его. Изъ чего логически слѣдуетъ, что эта часть печати, страдала матеріально, — что она стѣснена была денежными средствами къ *существованію*. И хотя пишущіе пишутъ, не изъ за однихъ денегъ; хотя литературый трудъ основывается, не на денежныхъ расчетахъ (по крайней мѣрѣ — долженъ основываться не на нихъ);

хотя онъ, какъ требующій — серьезнаго развитія, талантливаго ума, души, искренности, словомъ — всего свѣтлаго, идеальнаго, высшаго и неподходящаго, ни подъ одинъ трудъ — изъ за существованія, или изъ за денежныхъ расчетовъ; но трудъ этотъ, обусловленъ всежъ-таки, матеріальными условіями безъ которыхъ онъ, или вѣрнѣе, гласность его немислима — а слѣдовательно и та польза, которую онъ можетъ принести. Напр. любой авторъ, какой бы онъ тамъ самоотверженный и безкорыстный геній ни былъ, но коль пустой у него карманъ да нѣтъ сочувствующихъ — коль нѣтъ у него *купим* на покупку: чернилъ, перьевъ, да бумаги, не сможетъ огласить свои богатые мысли и идеи — даже въ формѣ рукописи, нетоко, что посредствомъ печати, требующей куда накладнѣе и затѣи и возни. Но это — самоотверженный авторъ не забудемъ — человѣкъ во всякомъ случаѣ съ душою, съ честными побужденіями, жертвующій для блага общаго и своими дарованіями и своимъ трудомъ. А не такое же, сборное... безличное, безпринципное, опозоренное цѣлое (разлѣзшееся по путямъ... и завязшее въ грязные житейскіе расчеты), каковымъ было и есть, большинство нашей періодической печати. Такая печать, не понимала да и не пойметъ никогда того, что зовется *долгомъ*, нравственной обязанностью по отношенію къ другимъ (хотя бы — къ обществу и къ странѣ); она понимала только то — била и бьетъ только на то, что зовется — прямымъ расчетомъ по отношенію къ себѣ и, безнравственностью непростительнымъ цинизмомъ, по отношенію, хотя бы ко всѣмъ кромѣ ея. И понятно, если сама печать неизобиловала свойствами, говорящими въ ея пользу, что и ея силы немногимъ — чѣмъ отличились лучшими; что и они, обуславливались ея матеріальнымъ бытомъ. Что, стѣсненіе такой печати въ денежныхъ средствахъ, безповоротно вело

къ ея паденію. — Именно къ тому, къ чему никогда неможеть вести такое положеніе печать, живущую и трудящуюся для блага общаго — для оправданія прямаго своего долга и назначенія.

Сводя итогъ сказанному, о тогдашнемъ положеніи большинства нашей періодической печати, передъ нами слагается тотъ выводъ, что эта часть ея, въ то самое время, когда она призывалась къ исполненію общаго гражданскаго долга; когда ей указывалась дѣятельность, имѣвшая серьезную политическую почву; когда миссія ея была чрезвычайной важности, что тогда она находилась, въ затруднительномъ *положеніи*; что и ея карманы были пусты и будущее ея — мало обѣщало. Потому, что какъ мы видѣли, положеніе такой печати во всѣхъ отношеніяхъ, становилось все шатче и шатче. Существованіе ея (какое бы нибыло) мыслимо было только до тѣхъ поръ пока Россія, недойдетъ до извѣстнаго уровня развитія: пока, и народъ и общество, ясно поймутъ и сознаютъ свои общія задачи и цѣли. Пока они, вступать на нравственный путь *истиннаго* прогресса и станутъ двигаться по немъ, хотя и медленно, но сознательно безошибочно и твердо. Словомъ, жизнь и разжива ея — возможны, въ мірѣ тьмы и невѣжества. Въ мірѣ же свѣта и развитія — возможна для ней, одна *смерть*.

Изъ этого всего, слагается само-собою отвѣтъ на вопросъ: что были за причины и основанія дѣятельности большинства русской періодической печати, однородной съ современными славянофилами, лжеславянофилами, и такъ называемыми, славянскими *благотворительными* комитетами.

Послѣ того, какъ весь славянофильствующій міръ того времени заявилъ себя такою, какъ мы видѣли дѣятельностью — какъ, за весьма малымъ исключеніемъ, сталъ *кривить*

душою, во имя своей личной пользы стараясь казаться, что дѣйствуетъ во имя пользы другихъ. Послѣ того, если-бы призванная періодическая печать, вступила на почву истиннаго освѣщенія происходящаго; на почву разумную безпристрастную, но явно противоположную *первымъ*, то очевидно, она пострадала бы временно матеріально. Пока поняли бы ея ученіе и оцѣнили его смыслъ *ты*, кому отъ этого было бы лучше, забросали бы ее противорѣчіемъ и холодомъ *ты*, кому отъ этого было бы хуже *). Словомъ, перестали бы ею интересоваться въ ней нуждаться, ее читать... Положимъ, она вдвое выигрывала въ будущемъ во всемъ, проигрывая въ настоящемъ только въ одномъ. Но это могло соблазнять того, кто принципы свои ставитъ *выше* денегъ; кто свой гражданскій долгъ и честь не уступить за *деньги*. Кто за эти честныя убѣжденія отдастъ все то, что дается за *деньги*. Словомъ дорого было это будущее—ничтожному меньшинству нашей періодической печати, между которымъ и значительнымъ большинствомъ ея, мы провели рѣзкую черту въ началѣ этого разбора. Но не для такой поношенной шарманки наигрывающей подъ окномъ того, кто больше дастъ... не для такой торопившейся запасти лишнимъ грошемъ про то время, когда ремесло nebudeтъ давать хлѣба, какою была та часть печати, которую мы называли — *значительнымъ большинствомъ*. Не для ней, темной безпринципной, ставшей торговать своимъ словомъ—товаромъ-съ... наравнѣ съ любымъ апраксинцемъ, въ самую важную историческую эпоху жизни Россіи было дорого это свѣтлое будущее, основанное на началахъ, неруководившихъ ею ни въ прошломъ ни въ

*) Что и случилось тогда съ печатью, рѣзко выдѣлившееся своимъ направленіемъ... Съ печатью—вполнѣ достойною, перечислять которую, будетъ совершенно лишнимъ. Съ нею, всѣ знакомы и безъ того.

настоящемъ. По этому, — не трудно опредѣлить причины и основанія тому, что для насъ было не вполне понятнымъ до сего времени.

Причины эти: низкій уровень развитія, вообще и нравственного — особенно того кто дѣйствовалъ т. е. этой части печати.

И основанія: въ виду общаго политическаго увлеченія въ странѣ (и вмѣстѣ — неведѣнія, по просту — суматохи), очевидно представляющаяся возможность воспользоваться случаемъ въ свою личную пользу: *уторговать за свой товаръ пока время — пока есть покупатели...*

Вотъ въ общихъ чертахъ, причины и основанія руководившіе этою печатью въ ея однородной дѣятельности, съ разноразряднымъ славянофильствующимъ міромъ того времени. Перейдемъ теперь къ разбору послѣдующихъ явленій и событий.

VIII.

Вскорѣ затѣмъ, какъ наши смѣшанные славянофильствующие классы высказались за личное участіе русскихъ въ борьбѣ балканскихъ славянъ — за то, чтобы русскіе мирные граждане, недожидаясь никого и ничего, укладывала бы свои пожитки и спѣшили на кровавую помощь къ братьямъ... какъ та часть нашей періодической печати, которую мы назвали *значительнымъ большинствомъ*, настойчиво стала проводить эту идею въ жизнь. Послѣ того, какъ эта политическая немошь нашей общественной жизни вообще, выразилась въ болѣзненныхъ симптомахъ, безсознанія и излишняго увлеченія, всплыли наружу явленія — какъ бы послѣдствія этого всего — менѣе всего желательные и нашимъ правительствомъ и сохранившимъ здравый взглядъ на дѣло, обще-

ствомъ. Стали доходить частные слухи, появляться газетные свѣдѣнія, проглядывать кое гдѣ факты, оповѣщающіе о томъ, что нашлись охотники, на дѣлѣ осуществить стремленіе славянофиловъ—лично *постоять* за славянъ. Что съ этой цѣлью многие уже отправились, другіе отправляются на балканскій полуостровъ; что тѣ изъ нихъ, которые направились въ Черногорію и Герцеговину, уже воюють, а направившіеся въ Сербію—будутъ воевать... Въ числѣ послѣднихъ указывали на одного изъ нихъ, *выдающагося положеніемъ и рангомъ своимъ*—генерала Черняева, уѣхавшаго съ тою цѣлью, чтобы принять главное начальствованіе надъ сербскою арміею. Въ одну недѣлю, имѣя этого, чуть ли не перваго русскаго добровольца, до того, почти незнакомаго большинству нашего общества, а тѣмъ болѣе народу, пріобрѣло популярность. Всюду, куда было ни ткнешся съ кѣмъ ни заговоришь, о событіяхъ на балканскомъ полуостровѣ, только и слышишь, что про этого генерала. Но разнородность понятій и мнѣній о происшедшемъ до того смѣшивались, путались и расходились, что ничего опредѣленнаго нельзя было ни понять ни вывести изъ общей смѣси разговоровъ. Однѣ говорили, что Черняевъ отправился въ Сербію, по волѣ русскаго правительства, съ тою цѣлью, чтобы починомъ своимъ подать примѣръ другимъ русскимъ—чтобы организовать вокругъ себя, какъ бы звѣно народнаго движенія и принявъ начальство надъ нимъ помочь бороться сербамъ противъ общаго врага; другіе говорили, что онъ посланъ правительствомъ, въ качествѣ способнаго боеваго генерала, на постъ главнокомандующаго сербскою арміею; третіе доказывали (допуская и первое и второе), что посланъ онъ, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы *сказать этимъ Сербіи*, о желаніи Россіи видѣть ее—воюющею съ Турціей, вѣрнѣе: съ

цѣлью, *подать* сигналъ къ войнѣ. Четвертые стояли на томъ, что всѣ подобные выводы и предположенія неосновательны и незрѣлы; что правительство тутъ ни приче́мъ; что поѣздка Черняева — добровольная, поддержанная близорукими московскими славянофилами и пронирыливыми лжеславянофилами... Что фактъ этотъ, далеко неотвѣчаетъ внѣшнимъ видамъ русскаго правительства, и что, вполне способенъ усложнить его восточную политику. Приче́мъ упрекали *поторопившагося генерала*, въ безтактности и непозволительномъ честолюбіи допуская въ немъ: желаніе прослѣть героемъ минуты — выгнать, прежде всего, лично для себя.

Взвѣсивая все это теперь, когда многое, тогда темное, уже выяснено; когда выводы и предположенія подкрѣплены фактами трудно одобрить мнѣнія предидущихъ и не присоединится къ послѣднимъ. Поѣздка г. Черняева въ Сербію предпринята имъ *добровольно и тайно* (по собственнымъ его словамъ *) къ тому, основана на такихъ шаткихъ началахъ, что иначе и быть немогло. — Что допустить въ ней, участіе правительства невозможно. Ея мотивы — личныя цѣли и виды генерала, о которыхъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Теперь остановимся, на немыслимой инициативѣ нашего правительства.

Въ свое время, указано на *совершенную неспособность* Сербіи, вести, а тѣмъ болѣе выдержать съ успѣхомъ, борьбу съ Турціей **). Въ томъ же мѣстѣ оговорено и то, что если намъ — *частнымъ наблюдателямъ* доступно было съ этимъ ознакомиться то тѣмъ паче, *знало про то наше правительство*. Но обходя матеріальную способность Сербіи вести войну съ кѣмъ бы ни было, тамъ

*) Смот. стр. 200, III част.

**) Смот. стр. 447, 448 заключ.

указано на то, что не въ видахъ русскаго правительства было — вмѣшательство Сербіи въ славянскую борьбу, въ то самое время, когда Россія, задавшись исключительно однимъ миролюбіемъ напрягала всѣ усилія на то, чтобы достигнуть соглашенія *мирнымъ путемъ* — чтобы не вынимая мѣча, уладить дѣла на балканскомъ полуостровѣ.

Съ этою главною и открытою цѣлью, русское правительство, какъ только началось герцеговинское возстаніе, вошло въ прямые сношенія съ заинтересованными державами и не скрывая никакихъ темныхъ замысловъ, старалось увѣрить ихъ въ своемъ *правдивомъ* миролюбіи — въ своемъ искренномъ желаніи, не доводить дѣло до войны. Съ этою же цѣлью русское правительство подмѣтивъ, *неръшимость* Сербіи — невѣденіе ее: что почать и съ чего начать, принялось внушительно вліять на нее, *не вмѣшиваться раньше времени въ борьбу* приглашая, *оставаться безучастною зрительницей, пока дипломатическіе переговоры не приведутъ къ определенному результату* — приглашая ее; дать мѣсто и время, прежде всего, слову, т. е. тому, что болѣе всего отвѣчало условіямъ въ которыхъ находилась Россія, и что было куда цѣлѣсообразнѣе, чѣмъ преждевременная сербско-турецкая война, подъ носомъ у *ответственной* Россіи.

Такая политика, была въ интересахъ Россіи и для того чтобы ей придать болѣйшій вѣсъ — чтобы заставить Европу, вѣрить ей и уважать, конечно, однимъ изъ главныхъ условій этого было то, чтобы Сербія *молчала*.

Еще веѣмъ памятно, что именно въ то время, когда Черняевъ отправился въ Сербію (въ концѣ апрѣля 1876 г.) восточная политика Россіи была такою, *какою она представлена выше*. Спросимъ: могло ли, при такомъ по-

ложеніи дѣлъ, русское правительство, не только послать г. Черняева въ Сербію, съ такими цѣлями, съ какими насъ знакомить общественная молва, но даже — поощрить его поѣздку?.. Вѣдь не могло. Чтобы допустить такую двуличность въ восточной политикѣ Россіи нужно быть, или слишкомъ близорукимъ политикомъ, или умышленно покривить душою съ какою нибудь предвзятою частной цѣлью. Но если дойти до крайней степени невѣжества и неприличія, если стать на ту точку зрѣнія, что признавъ первое — миролюбіе Россіи утверждать второе — посылку, русскимъ правительствомъ, г. Черняева въ Сербію, то нужно обнаружить: какая въ этомъ была цѣль — къ чему это вело лучшему, для Россіи и для дѣла ею защищаемаго? Удовлетворительно отвѣчать на эти вопросы, не представляется возможнымъ; для этого нѣтъ никакихъ ни основаній, ни причинъ. Да и кромѣ того — оно противно здравому смыслу.

Руководясь всѣми этими основаніями, остается заключить, что поѣздка на балканскій полуостровъ, *русскихъ* добровольцевъ, произошла сама-собою, что все это, имѣя свои частные личные мотивы, свершилось естественнымъ путемъ. И что правительство, непринявъ тутъ ни малѣйшаго участія, осталось въ сторонѣ.

Присутствіе русскихъ добровольцевъ на балканскомъ полуостровѣ, въ числѣ которыхъ были люди, *значительныхъ съ виду положеній*, произвело свое дѣйствіе, въ Россіи и за границей. Русскіе стали отправляться все въ большемъ числѣ, то въ Черногорію, то въ Герцеговину, то въ Сербію (поведѣніе которой, обѣщало скорую войну) — принялись, такъ сказать, *варить неудобоваримую кашу*... Заграницей, стали поговаривать, о загадочности такого явленія въ русской общественной жизни и въ концѣ-концовъ, относить

его—иниціативѣ русскаго правительства. Въ началѣ, отдѣльные лица затѣмъ печать и вся Европа сообща, стала слѣдить за этимъ — но, къ прискорбію Россіи, приходила къ тѣмъ же выводамъ: что все это — затѣи русскаго правительства. И неудивительно. Не слѣдя за прогрессивнымъ развитіемъ Россіи, значительно подвинувшемся за послѣднюю четверть вѣка; не имѣя вѣрнато понятія, о *содержаніи* нашей общественной жизни — о развитіи и положеніи различныхъ классовъ русскаго общества, и неумѣя слѣдовательно опредѣлить въ данномъ случаѣ: въ чемъ повинно правительство, въ чемъ общество и въ чемъ извѣстная среда его, она легко останавливалась на мысли, что участіе *русскихъ* въ рядахъ балканскихъ славянъ — мѣра правительства, съ цѣлю ослабить Турцію ранѣе, чемъ самому ему придется съ ней столкнуться... Отъ этого, стали существенно страдать: восточная политика Россіи; достоинство и честь русскаго правительства и удержавшагося на *почвѣ* *благоразумія* общества; и — что всего ощутительнѣе — матеріальные интересы всей страны. Словомъ, курсъ русскаго рубля и слова, замѣтно стали понижаться общія кризисъ. Между тѣмъ, общее увлеченіе совершенно различными цѣлями, стремленіями, идеями, вскорѣ дошло до крайнихъ предѣловъ въ нашей общественной жизни. Всплывали однѣ явленія за другими, все больше загадочные — все менѣе понятные съ виду. Увлеченіе и явленія эти, грозили все большимъ вредомъ тому же обществу; потому, что въ такой моментъ общественной жизни, трудно ему самому было опомниться, встряхнуть съ себя заблужденія — свернуть съ ложнаго пути и преобразившись, почать дѣлать то, что ведетъ къ общей хорошей цѣли. Словомъ, *что должно*.

Одни, восхваляли Черняева — указавшаго путь-дорогу

другимъ—и тѣхъ, кто готовъ былъ слѣдовать его примѣру, кто рѣшался, бѣжать воевать... Другіе, радуясь заварившейся кашѣ *), превозносили славянофиловъ, и относя имъ всю честь будущаго великаго успѣха, готовили лавры главному дѣятелю-славянофилу, г. Черняеву. Третьи, поощряя и движеніе добровольцевъ и шаги Черняева въ Сербію и все, что только дѣлалось для славянъ, сыпали, на право и на лѣво деньги—тоже для нихъ. Иные, ходили потупя взоры и смотря на все происходящее, только покачивали головами—приговаривая: „нѣтъ недожили мы еще до политическаго саморазвитія. Негодимся мы еще на этомъ пути“. Въ тоже время, какъ бы въ отвѣтъ на выводы такихъ разочарованныхъ русскихъ, газеты изъ лагера *значительнаго большинства*, называли это *все*—всенароднымъ движеніемъ на востокъ т. е. естественно дозрѣвшимъ, оформленнымъ выраженіемъ политической жизни Россіи. Съ чѣмъ, мудрено однако согласится.

Пріѣздъ г. Черняева въ Сербію и дошедшее туда, сочувствіе русскихъ общественныхъ классовъ съ которымъ они отнеслись къ этому пріѣзду, поставили сербское правительство въ довольно затруднительное положеніе. Оно, невольно взглянувъ на это, *субъективно* *), не могло понять хорошенько, ни самого факта, ни того: *какъ ему быть въ недалекомъ будущемъ*... Какъ же — такъ, думало оно!... Русское правительство, чрезъ officialнаго своего представителя, чуть ли не ежедневно, настаиваетъ на томъ и требуетъ того, чтобы Сербія оставалась нейтральною, чтобы не

*) Надѣясь *покрыть руки*, у разгорѣшагося костра...

*) Объективность, была ему не по силамъ. Для этого нуженъ—здравый, прозорливый политическій взглядъ на дѣло, чего недоставало въ данномъ случаѣ.

мѣшала *ему* достигнуть соглашенія мирнымъ путемъ. И это намъ понятно. Между тѣмъ въ тоже время, пріѣхалъ къ намъ *русскій* боевой генераль, который заявляетъ свое желаніе, вступить на нашу службу и въ случаѣ войны — принять начальство надъ арміей. Какъ же — такъ!.. Вѣдь, не самъ по себѣ, онъ пріѣхалъ къ намъ. Да и неспѣлъ бы съ такими предложеніями... Причемъ нибудъ тутъ и правительство... Дѣлая такіе выводы, сербы не знали какъ истолковать этотъ, по ихъ загадочный пріѣздъ г. Черняева. Забывая о томъ, что Россія — не Сербія, гдѣ всѣ генералы, чуть ли не ежедневно, встрѣчаются съ своимъ правительствомъ и оно съ ними (ибо, и генералы и правительство живутъ въ Бѣлградѣ т. е. въ городѣ величиною съ нашъ Бердичевъ). Что въ Россіи, такіе напр. лица, какъ генераль-маіоры, незанимающіе выдающихся постовъ на службѣ, если и уѣзжаютъ куда, то это вовсе незамѣтно для высшаго правительства. Что интересоваться тѣмъ, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, правительству не зачѣмъ, да и не представляется возможнымъ. Что, слѣдовательно и г. Черняевъ уѣзжая, могъ не обратитъ на себя *вниманія правительства*. Забывая обо всемъ — объ этомъ, сербы, тѣмъ болѣе придавали значенія этому пріѣзду, все больше узнавая въ немъ: *не офиціальный сигналъ, офиціальной Россіи, къ войнѣ*. Тѣмъ временемъ г. Черняевъ отправился, осматривать сербскія пограничныя крѣпости и возвратясь вскорѣ изъ этой поѣздки въ Бѣлградъ, уже лицомъ къ лицу столкнулся съ княжескимъ правительствомъ, которому опредѣленно пришлось отвѣчать на вопросы, имѣющіе рѣшить (шутка-сказать...) и близкое будущее Сербіи и *его*. Вопросы и отвѣты эти, помѣщены въ № 335 „Новаго Времени“ за 1877 г. Они цѣликомъ подтверждаютъ, только что предположен-

ные — невѣдѣніе и подозрѣнія сербскаго правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ явно обличаютъ г. Черняева въ честолюбивыхъ мотивахъ его поѣздки, что говорятъ *сами за себя*. Такъ напр. На вопросъ сербскаго правительства, обращенный къ генералу: *можетъ ли Сербія, теперь начать войну*, онъ, вмѣсто прямого отвѣта, предложилъ вопросъ — *рѣшена ли имъ война въ принципъ?* Когда же ему сказали — *рѣшена* *), отвѣчалъ, что если *такъ*, то начинать ее слѣдуетъ *не медля*. Между тѣмъ подобный отвѣтъ, былъ далеко не полный. Къ тому — уклончивый, умышленно искаженный. Въ весьма *ловкомъ* вопросѣ, сербскаго правительства, заключалось все — *нужное*. Этимъ спрашивалось: во-первыхъ — готова ли Сербія къ войнѣ; во-вторыхъ — пора ли ей начинать ее въ видахъ внѣшне-политическихъ и въ третьихъ (что всего важнѣе) — желаетъ ли этого Россія. Но мало того. Насколько, вопросъ этотъ *ловокъ*, по отношенію къ вопрошавшему, настолько удобенъ и для вопрошаемаго. Послѣдній, воленъ былъ отвѣчать, пространно, или одною фразой. Бѣда вся, только въ томъ, что и въ первомъ и въ послѣднемъ случаѣ, готовы были придать рѣшающій смыслъ сказанному: что будетъ ли отвѣтъ въ двухъ словахъ, или въ двухстахъ — но ждали, что слова эти скажутъ *все*. — Что и произошло на самомъ дѣлѣ.

Сербы, предлагая вопросъ — *могутъ ли они теперь начать войну*, были увѣрены, что вопросъ ихъ, обширно понявъ противной стороною, что отвѣтъ ея: *когда рѣшена*

*) Но рѣшеніе это, было всѣмъ извѣстно. Всѣ знали, что когда дипломатическія усилія Россіи, — склонить Турцію къ уступкамъ, окажутся тщетными не приведутъ ни къ чему, то Сербія, неизбежно примкнетъ къ общей борьбѣ... И это, и понятно и естественно. Вся суть тутъ заключалась *во времени*. — На чемъ и былъ, главнымъ образомъ, основанъ вопросъ сербскаго правительства.

война, то нужно начинать немедленно, столь-же много-значущъ, въ свою очередь. Между тѣмъ, г. Черняевъ, имѣя полную возможность, отвѣтомъ своимъ сказать *все*—что освѣтило бы частные мотивы его пріѣзда и непричастность русскаго правительства къ этому факту; что, такъ сказать, раскрыло бы сербамъ глаза, на истинныя причины явленія, ограничился только тѣмъ, что предложивъ вопросъ, *вмѣсто отвѣта*, отвѣчалъ уже тогда, когда создалъ *почву для отвѣта*. Въ пріемахъ этихъ, довольно ярко освѣщается желаніе генерала, уклонится отъ прямого отвѣта, способнаго помѣшать его личнымъ видамъ и обративъ вопросъ въ свое орудіе, отвѣчать на него тѣмъ, что меньше всего *вредило* этимъ видамъ, какъ нельзя больше понятнымъ со стороны. Объясни напр. этотъ же Черняевъ сербамъ, что пріѣхалъ онъ, по *собственному почину*—изъ одного сочувствія къ славянамъ и желанія, послужить для нихъ; что роль его—*совершенно частная*, вовсе не одобрена правительствомъ. Что начинать войну сербамъ, крайне рисковано, и что война эта — противна желанію русскаго правительства. Словомъ, выскажи да объясни все это онъ, вмѣсто вопроса: „рѣшена ли война въ принципѣ“, сербы и неподумали бы объявлять войну—они и не заикнулись бы идти на перекоръ Россіи. И не играй тутъ главную роль, узкое *честолюбіе генерала*—соблазнительное званіе главнокомандующаго, да громкое имя славянскаго дѣятеля (о которомъ стали уже кричать въ Россіи) онъ бы такъ и сдѣлалъ: онъ бы тѣмъ и отвѣчалъ сербамъ на ихъ вопросъ. Но въ томъ-то и суть, что честолюбіе, было тутъ на первомъ планѣ—эти вотъ громкіе *званія*, да *имена*, породившіе и сочувствіе къ славянамъ и желаніе послужить для нихъ и все подоб-

ное, основанное на *самоотверженіи, патриотизмѣ и чувствѣ національнаго достоинства...*

Эти загадочности и недоразумѣнія, какіе произошли въ отношеніяхъ сербскаго правительства съ г. Черняевымъ, породили то, что въ Бѣлградѣ стали считать генерала — негласнымъ представителемъ русскаго правительства (что, конечно, составляло въ то время, строгую политическую тайну) и дошли до того, что спустя пять недѣль съ лишнимъ, назначивъ предварительно г. Черняева — главнокомандующимъ арміею; *вопреки* настояніямъ Россіи, объявили войну Турціи.

Какъ только сербско-турецкая война, сдѣлалась фактомъ, и породившій столько толковъ г. Черняевъ, принялъ такое видное участіе въ этомъ событіи, наши смѣшанные славянофилы, принялись дѣйствовать, *какъ бы* вспомогательно и сербамъ, и Черняеву (отнынѣ — осуществителю ихъ затѣй). На неизсякаемые русскіе пожертвованія, приливъ которыхъ былъ весьма *великъ* въ то время, скоплявшіеся въ *сгараемыхъ* кассахъ славянскихъ комитетовъ и ветхихъ карманахъ лжеславянофиловъ, снабжались и посылались туда санитары, сестры милосердія, доктора — частью славянскими комитетами, частью, частными кружками, частью, отдѣльными лицами. Кромѣ того, отправлялись туда солидные денежные суммы, то на имя сербовъ — непосредственно, то въ распоряженіе г. Черняева. Суммы эти отправлялись, то зауряднымъ путемъ — по почтѣ, или телеграфу; то съ *нарочно доверенными лицами*. На ряду съ этимъ, снабжались и отправлялись добровольцы, то въ одиночку, то небольшими группами, то партіями подъ присмотромъ одного изъ ихъ среды, какъ бы начальника *). Словомъ, со дня сербско-турецкой

*) Нерѣдко, начальники эти, получивъ на провозъ партіи и на доплату каждому добровольцу его вознагражденія на мѣстѣ назначенія, доставляли

войны, завертѣлось колесо славянофильской дѣятельности, мѣшавшей распознать во время; что все сіе значить. Ибо со многимъ общимъ дѣйствительно происходившимъ тогда въ Россіи, дѣятельность эта съ виду сходилась (хотя бы напр. съ общимъ сочувствіемъ къ славянамъ); между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, явно противорѣчила этому многому. Общее воодушевленіе и сочувствіе русскихъ къ славянскому дѣлу, сказалось однимъ общимъ знаменіемъ: *посильными материальными средствами и обнаруженною готовностью народа и общества, по единому слову своего Царя, всецѣло послужить этому дѣлу*. Но ни народъ, ни общество, не дали это обѣщаніе славянофиламъ. Деньги для славянъ, они вѣряли славянофиламъ, какъ посредникамъ, съ тою опредѣленной цѣлью, чтобы деньги эти, были обращены на ихъ нужды, но вовсѣ не на нужды славянофиловъ; но вовсѣ не на то употребленіе, которымъ занялись послѣдніе. И народъ, и общество, жертвовали, не на *сербскую войну, не на добровольцевъ, и не на штабъ Черняева*, а на нужды, *голодныхъ измученныхъ славянъ*. И если славянофилы, такъ недобросовѣстно обратили эти жертвы—въ средства, для осуществленія безразсудныхъ и темныхъ затѣй своихъ,—если они на эти деньги, снабжали и посылали добровольцевъ; *поддерживали армію Черняева*, то, конечно, не для того, чтобы, посылая свою команду до ближайшаго какого нибудь города, и предоставляя ей самой уже слѣдовать дальше... уѣзжали туда, гдѣ ихъ еще не знали на руси. Тамъ заявляли ту же готовность—*головой пострадать за славянъ* и заполучивъ за себя и за другихъ, снова уѣзжали въ сопровожденіи партіи, которую подвергали той-же участи и т. д. Словомъ, продѣлывалось это до тѣхъ поръ пока выходило на дѣлѣ, что пострадали не они за славянъ, а славяне за нихъ,—но куда хуже чемъ головою: голодомъ и моремъ... Такой участи, подвергались обыкновенно, добровольцы изъ *простого званія*.

няева и давали деньги самому ему, на нужды его и той же армии— то необходимо провести рѣзкую черту, между этой темной дѣятельностью славянофиловъ, и свѣтлыми стремленіями и чувствами Россіи. То необходимо отдѣлить—*дурное отъ хорошаго*. Общее увлеченіе въ Россіи, *было очевидно*. Обновленная Россія, послѣ столькихъ вѣковъ рабскаго безмолствованія, заговорила понятнымъ для всѣхъ языкомъ; освященное сочувствіе ее, *къ горю другихъ*, высказалось опредѣленно и ясно. Отрицать это, значило бы — *отрицать истину*. Но смѣшивать это съ затѣями славянофиловъ и лжеславянофиловъ—съ дѣятельностью *московскихъ Аксаковыхъ и сербскихъ Черняевыхъ*— называя ихъ, *выразителями и осуществителями воли русскаго народа*, равно—тому же отрицанію истины.

На помощь, дѣятельнымъ славянофиламъ того времени, пришло то *большинство* нашей періодической печати, съ которымъ мы уже знакомы. Эта печать, найдя что *настало время дѣйствовать...* принялась хвалить и добровольцевъ и Черняева и сербско-турецкую войну, печатая ежедневно извѣстія о томъ, какъ сербскія войска, предводимые русскими добровольцами и Черняевымъ во главѣ, *бьютъ нещадно турокъ*; какъ *геніаленъ* главнокомандующій сербскій, и какъ много данныхъ, что Сербія—*побѣдитъ* Турцію. Извѣстія эти, въ короткое время, достигли своей цѣли. Игравшіе до того весьма жалкую роль газеты, покупались и читались на расхватъ—и образованными классами и толпою; приливъ пожертвованій, увеличился до колоссальныхъ размѣровъ.—Увеличилось и число добровольцевъ. На ряду съ этимъ, отстала масса подписчиковъ отъ меньшинства нашей періодической печати, изъ за одного того, что она, сдержаннѣе отнеслась къ славянскому дѣлу—что она, не увлекаясь, изли-

шне, ни идеями, ни Черняевыми, ни неумѣстными безтактными рѣчами *московскихъ* Аксаковыхъ, ни сербскими побѣдами, зрѣло смотрѣла на дѣло и предугадывая въ этомъ во всемъ, иную чѣмъ казалось другимъ, *подкладку*, старалась удержаться на почвѣ благоразумія—старалась сослужить, достойную, и разумную службу странѣ и правительству, т. е. предвидѣла *то* и держалась *того*, что раздѣляетъ теперь съ нею вся Россія. Кромѣ того, тогдашней дѣятельностью, *порочной* періодической печати, достигалась (что и для нея и для славянофиловъ, было всего важнѣе), какъ бы политическая борьба партій—защитниковъ Черняева и сербско-турецкой войны, съ противниками того и другого. Вѣрнѣе—дѣятельность эта, достигла, *политического хаоса въ странѣ*. И на самомъ дѣлѣ, это былъ скорѣе хаосъ, чѣмъ политическая борьба—еще не по силамъ нашему брату... Гдѣ тутъ еще до борьбы, до умственного истязанія, когда у насъ политически развитыхъ людей весьма мало,—когда у насъ увлеклись и *рѣчами* Аксаковыхъ, и *геніями* Черняевыхъ и *впряміемъ*, что Сербія—Турцію *побѣдитъ*.

Эта картина недавняго прошлаго, достаточно знакомить насъ съ такими фактами того времени, которые неотвѣчая *видамъ* восточной политики Россіи, существенно помѣшали ея задачамъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне усложнили общее положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Грозившій ударъ*, внешне-политическимъ задачамъ Россіи, произошелъ окончательно. И усилія русскаго правительства, достигнуть соглашенія съ турціей, мирнымъ путемъ, стали менѣе, чѣмъ когда нибудь, вѣроятными. Курсъ русскаго слова и рубля, палъ такъ низко, что крайне ошибочнымъ было надѣяться на повышеніе ихъ иными средствами, какъ только, мало обѣ-

шающимъ кровопролитіемъ въ недалекомъ будущемъ—какъ только *недозрѣлою* войною Россіи съ Турціей.

Но знаменательнѣе всего то, что ударъ политическимъ задачамъ Россіи, о которомъ мы только что говорили, нанесенъ былъ *русскимъ обществомъ*. Оно, въ значительномъ большинствѣ своего состава *), увлеклось и применило къ славянофиламъ, чемъ невольно и совершенно неповинно, сослужило такую *плохую* службу своему правительству, на какую неспособенъ и не умудрился бы никто изъ нашихъ западныхъ враговъ; какою удовлетворился бы, даже самый злѣйшій изъ нихъ—лордъ Биконсфильдъ. Фактъ этотъ, столь важенъ, и поучителенъ, что достоинъ полного вниманія не только каждаго мыслящаго русскаго, но и будущаго историка этихъ событій.

Перейдемъ теперь къ разбору того предмета, который служить главнымъ сюжетомъ этой книги. Поговоримъ о русскихъ добровольцахъ.

IX.

Нѣсколько уже разъ, было повторяемо то мнѣніе, что люди, *годившіеся* откликнуться на *воинственный* призывъ славянофиловъ—на крики ихъ, „къ оружію!“ должны были быть: ищущіе—въ общемъ смыслѣ слова, и: недовольные недалекіе, разочарованные, порочные, бездомные—въ частности **). Словомъ, что люди, годится и рѣшится на такой

*) Политически развитое меньшинство, осталось въ сторонѣ.

**) *Допуская и въ данномъ случаѣ исключенія*, руководится, которыми, какъ и отрицать, было бы крайнею опрометчивостью. Несомнѣнно, что и въ средѣ этихъ людей, могли быть—руководимые исключительно честными побужденіями.—*Отвергшіеся* себя, ради и для блага другихъ. Но это—*исключенія*; къ тому—юные политическіе умы, на которыхъ незначемъ и останавливаться.

шагъ, могли только тѣ, которымъ, или неоставалось другого выхода, или, было присуще узкое честолюбіе. Имъ, должны были быть, безразличны *средства*, лишь бы ими достигалось по ихъ мнѣнію *лучшее* будущее.

Теперь положительно подтверждая это мнѣніе, опирающееся уже на фактахъ, остановимся на время на немъ и, начавъ съ *логики*, кончимъ *фактами*.

Въ самомъ дѣлѣ. Что могло заставить и *барина* и простолюдина, на такой крайне рискованный и отчаянный шагъ (полный неизвѣстныхъ приключеній), какъ не его *бездаміе*, какъ не его *неудовлетворяющее* положеніе? Вѣдь люди, стремятся обыкновенно къ *лучшему*. Отрекаясь отъ жизни, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ въ *настоящемъ*, ищутъ и помогаютъ иной, только потому, и только съ тѣмъ расчетомъ, чтобы промѣнять, худшее на лучшее. Мотивы, руководящіе въ такихъ случаяхъ людьми, правда не всегда бываютъ понятны со стороны, что и понятно: каждому свое. Но въ общемъ; чемъ бы чье исканіе ни казалось; какіе бы оно смѣшныя и непонятныя стороны свои не обнаруживало, содержаніе, или вѣрнѣе толчекъ его одинъ — стремленіе къ лучшему. И только развѣ идіоты и умалишенные, способны составить въ данномъ случаѣ исключенія — желать того, что будетъ для нихъ, худшимъ, а не лучшимъ.

Основываясь на этомъ мы не станемъ утверждать, что и тѣ люди которые, могли откликнуться на зовъ славянофиловъ, желали для себя, не лучшаго, а худшаго. А признавъ это, мы уже будемъ заставляемы согласится съ выводомъ, что добровольно предпочесть, свое личное участіе, въ какихъ-то кровавыхъ внешнѣ-политическихъ событіяхъ (хотя и сродныхъ своимъ историческимъ происхожденіемъ, но далеко невыясненныхъ, носящихъ опасный политическій характеръ), способны

были и могли только такіе люди, на какихъ мы указали выше. Имъ, не чемъ было дорожить; не передъ чемъ остановится (а слѣдовательно и стѣсняется средствами); почему и самый шагъ, могъ ихъ соблазнять—могъ имъ обѣщать, лучшее въ будущемъ, чѣмъ было ихъ настоящее. И предположивъ въ этомъ шагѣ, даже самый крайній исходъ—смерть, то и она способна была представляться, добромъ меньшинству такихъ искателей приключеній, *лучшею землею развязкою*. Выяснивъ, болѣе, или менѣе, основной взглядъ на этотъ предметъ, перейдемъ къ фактической сторонѣ его.

Начнемъ, хотя бы, съ того же г. Черняева, сравниваемого нѣкоторыми, еще и по сіе время, съ Гарибальди... съ людьми, занявшими лучшіе страницы въ исторіи—съ геніальными дѣателями своего времени... Его, сама справедливость велитъ признать—*первымъ* изъ отделившихся на славянофильскій призывъ „къ оружію!“ почему и начнемъ съ перваго съ него, предположивъ въ немъ—*принадлежавшаго*, къ тому классу людей, которымъ оставалось искать лучшаго выхода, въ своемъ неудовлетворяющемъ положеніи. Но въ виду того, что г. Черняевъ, занялъ самое видное мѣсто въ ряду тогдашнихъ славянофиловъ, что о немъ придется говорить пространнѣе, коснемся него прошлаго. Взглянемъ на него, какъ на русскаго гражданина извѣстнаго ранга и постараемся освѣтить тѣ положенія, служебное и общественное, которыми онъ пользовался до того. До того времени, т. е. до времени новѣйшаго славянофильства въ Россіи генераль, хотя и числился на службѣ, но (не командовалъ ни частью, ни должностей) не занималъ никакой. Какія же тогда были причины тому, что состоящій на службѣ *ученый* ге-

генераль *), находился не у дѣль и къ тому, въ такой странѣ, какъ Россія гдѣ людьми, съ высшимъ образованіемъ, дорожать, куда больше, чемъ гдѣ нибудь — гдѣ въ нихъ крайне нуждаются?

Причины эти — личные черты генерала. Его; самонадѣянность, узкое честолюбіе породившіе — заносчивость, неуживчивость, и что всего хуже: вѣру въ свое совершенство. *Я — уменъ, талантливъ, геніаленъ — это несомненно; но меня не понимаютъ — меня, неспособны оцѣнить*, говорило его недовольство всѣмъ, кто былъ иного мнѣнія, объ этомъ предметѣ; кто не признавалъ въ немъ, ни таланта, ни выдающагося ума, ни тѣмъ паче, совершенства. Да и на самомъ дѣлѣ, не такой онъ человѣкъ, какимъ самому себѣ и своимъ сторонникамъ представляется. Ранѣе этого высказанные качества, затормозившіе ему, прочную военную карьеру, несомнѣнно присущи ему. И если, хотя частью прослѣдимъ его прошлую дѣятельность на почвахъ, и служебной и частной, то для людей безпристрастныхъ и знакомыхъ съ предметомъ, будетъ достаточно, чтобы согласиться съ нашимъ мнѣніемъ.

Генераль Черняевъ (въ то время еще полковникъ), занимая постъ почти самостоятельнаго военачальника въ Хивѣ, въ эпоху русскаго вторженія въ этотъ край, и имѣя главною задачей — не тактическіе дѣйствія противъ правильно организованнаго непріятеля (удача которыхъ могла-бы быть, обезпечена, только при талантливомъ пользованіи военными обстоятельствами — при зрѣло обдуманномъ планѣ дѣйствій, благоразумной энергіи и находчивомъ умѣ) а чисто, зависяшіе отъ естественныхъ условій — отъ физическихъ силъ от-

*) Онъ — генеральная штаба.

ряда (который выносливою борьбою съ природою, только и могъ обѣщать успѣхъ предпринятой экспедиціи — удачный переходъ отдѣлявшаго пространства, отъ цѣли стремленія — Хивы *), увлекся однако своею тогдашнею ролью настолько непомѣрно, что придавъ ей, исключительно рѣшающій характеръ, и въ тактическомъ, и въ политическомъ и въ историческомъ смыслахъ; словомъ, вообразивъ себя: по значенію — Наполеономъ I, и по послѣдствіямъ — Гарибальди, махнулъ рукой на то, что должно было имъ руководить въ его, и роли и дѣйствіяхъ — на волю своего начальства. Не взирая ни на что, фактически завладѣлъ Хивою раньше, *чемъ то было продиктовано свыше*; чемъ было согласно съ политическими видами того правительства, которое его туда послало. Чемъ то, могло быть оправдано, и военною дисциплиной и политикой и простымъ общимъ приличіемъ... *Побѣдителей — не судятъ*, носилось въ его умѣ изрѣченіе геніальной правительницы Россіи... Но побѣдителей же... а не безтактныхъ и упрямыхъ подчиненныхъ. Ибо, что за побѣда — фактическое занятіе территоріи, успѣхъ чего зависѣлъ, не отъ способности и ума военачальника, а отъ выносливости его солдатъ — а отъ того, что давно было, понято, взвѣшено и предопредѣлено, и русскимъ правительствомъ и его гражданами, всестороннѣ знакомыми съ мѣстными условіями, гдѣ ожидались данныя событія. Сомнѣвалось и опа-

*) Ибо взятіе ее, какъ извѣстно менѣе всего зависѣло, отъ тактическихъ соображеній и дѣйствій наступающаго; такъ какъ, не самые дѣйствія, играли тутъ рѣшающую роль, а одно осуществленіе этихъ дѣйствій. Будь, кто хочетъ тогда на мѣстѣ г. Черняева; но коль отрядъ подошелъ къ Хивѣ — коль русскіе солдаты, смогли вынести, зной, голодъ, жажду и всѣ тягости похода — то гдѣ же было устоять, глинянымъ заборамъ — крѣпостямъ, да скученой ордѣ — гарнизону, трусливыхъ и безтолковыхъ всадниковъ...

салось правительство, а съ нимъ и вся образованная Россія, только въ одномъ и за одно; это: не уступить ли поддающаяся физическая сила — непреклоннымъ явленіемъ природы; вынесутъ ли хивинскіе герои-солдаты тягости и нечеловѣческіе испытанія похода, сопряженнаго, съ голодомъ жаждой и 40—45 градуснымъ зноемъ! Вотъ въ чемъ сомнѣвались, и за что опасались даже и тѣ, кто исторически знакомъ съ закаленными боевыми качествами русскаго солдата (находящагося всюду и вездѣ, въ гораздо худшихъ условіяхъ, чемъ любой субалтеръ-офицеръ, не то что главный начальникъ). Но разъ эти сомнѣнія и опасенія уступили факту — сверхестественной выносливости отряда, то никому уже немогло придти и въ голову относить успѣхъ дѣла — знанію и таланту, въ данномъ случаѣ, положимъ Черняева. Будь тамъ, онъ или и другой кто, фактъ совершился-бы, съ тою лишь разницею, что, при болѣе приличной обстановкѣ...

Завладѣніе Хивою генераломъ (хотя и нелишенное комизма), породило, весьма разнорѣчивые толки въ *европейской* Россіи, выразившіеся въ двухъ, другъ — другу противоположныхъ взглядахъ, на этотъ фактъ. Однѣ, видя въ немъ — давно взвѣшенное и подготовленное событіе, какъ политикою Россіи, такъ и естественнымъ ходомъ вещей, но происшедшее при обстановкѣ, способной усложнить внешнюю политику русскаго правительства, единственно — благодаря г. Черняеву, справедливо упрекали его и въ безтактности и, въ узкомъ честолюбіи — желаніи создать *слона изъ мухи*. Причемъ, отрицали и тотъ выдающійся военный талантъ въ генералѣ и ту колоссальность событія, о которыхъ стали толковать въ несвѣдующей русской публикѣ. Другіе, напротивъ того; восторгаясь, и событіемъ и подвигомъ виновника его, утверждали, что на сторонѣ г. Черняева, незабвенная истори-

ческая заслуга; что онъ одинъ *изъ многихъ*, только и могъ доказать такую небылицу, какъ завоеваніе цѣлаго края, съ силами, сравнительно, ничтожными. И что тѣ, которые упрекаютъ его, умаляя заслуги и несправедливо пороча его имя, дѣлаютъ это, по присущей людямъ зависти — изъ желанія вырвать вѣтки изъ заслуженнаго лавроваго вѣнка. Въ сущности же, это была, и не зависть, и не что другое, а справедливо заслуженные упреки, людей знакомыхъ съ условіями, обставлявшими дѣйствія того, кого упрекали. Но и сторонники г. Черняева, въ сущности сходились съ противниками его, т. е. были тѣми же противниками; потому, что наравнѣ съ послѣдними, *благовѣли* передъ выносливостью русскаго солдата, совершившаго такой необыкновенно трудный переходъ, какой выпалъ на его долю въ Хивѣ. — Чемъ незамѣчая, соглашались съ мнѣніемъ; что успѣхъ событія, зависилъ, не отъ умственныхъ качествъ начальника, а *исключительно* отъ физическихъ — солдата. И только, крайняя близорукость послѣднихъ, мѣшала имъ различить слабую сторону своего взгляда, основывающагося, какъ будто, таки на томъ, что *ничто и никто тутъ кромѣ г. Черняева. Что, не будь онъ — не видать бы намъ и Хивы.*

Въ тоже время, когда общественные сужденія о Хивѣ и ея *мнимомъ* завоевателѣ, дополнялись все новыми голословными матеріалами, высказалось и наше правительство; но какъ и слѣдовало ожидать, сказалось на сторонѣ справедливыхъ цѣнителей происшедшаго. Оно, во время, понявъ возрѣнія *подчиненнаго*, несогласные, ни съ политическимъ тактомъ, ни съ законами подчиненія *младшаго — старши* и; къ тому же, предвидя вѣроятно, будущіе неудобства такого образа дѣйствій, своего военного представителя во вновь присоединенной странѣ, отозвало его оттуда и наградивъ — чи-

номъ и орденомъ, соотвѣтственно военнымъ заслугамъ, предоставило ему жить на покой: носить мундиръ и получать содержаніе—но состоять не у дѣла... Чемъ, хотя необошло его наградами, но осязательно дало почувствовать свое недовольство. И что, есть основанія предполагать, не произошло бы, еслибъ тотъ же Черняевъ оправдать и сдѣлать то, чего, отъ него ждали и требовали—еслибъ онъ оказался на высотѣ данной задачи...

Поселившись послѣ того въ Москвѣ—въ центрѣ своихъ почитателей—и принявъ роль *недовольнаго*, г. Черняевъ, какъ бы махнувъ рукою, и на службу, и на свою военную карьеру, промѣнялъ ихъ, на дѣятельность московскаго нота-ріуса. Изъ храбраго, талантливаго генерала, сталъ коммерческій дѣлецъ, подъ тѣмъ предлогомъ; что не чѣмъ было жить. Обходя эту, крайне щекотливую сторону жизни—тогдашніе средства генерала, по той причинѣ, что и дѣла намъ до этого нѣтъ какими тамъ онъ средствами располагалъ въ то время (да и послѣ) и ни для чего это намъ ненужно, трудно однако не подмѣтить въ этой добровольной *мнѣ*, худшаго на лучшее, довольно неискусно скрытыхъ *честолюбивыхъ* цѣлей его: желанія, вызвать новые суды-пересуды, о странномъ выходящемъ изъ ряда случаевъ, какимъ напр. способенъ былъ казаться рѣзкій переходъ, отъ блестящаго (еще такъ недавно) военнаго поприща, къ незамѣтному и далеко непрочному, коммерческому. Цѣли эти, могли выражаться (да и выражались) въ скрытомъ желаніи—вызвать новые толки о себѣ, сдѣлаться популярнѣе; чрезъ участіе къ трудному положенію, пріобрѣсти больше друзей—пригодныхъ если и не сейчасъ, то въ будущемъ... Словомъ—удовлетворить, *все тоже* преисполненное честолюбіе. И тѣмъ болѣе есть основаній, придать въсѣмъ этому подозрѣнію, что всякому хорошо

извѣстно, насколько дѣятельность нотариуса — новичка, не сразу общаетъ вѣрные средства къ жизни; насколько она, прежде чемъ общаться что либо, требуетъ затратить, хлопотъ, а зачастую, и выдержки кризиса, т. е. тѣхъ же средствъ. Да и кроме того, не всякому нотариусу и не новичку, приходится (въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ) сводить концы съ концами — пока то онъ приобрѣтетъ, и довѣріе и коммерческую извѣстность, пока то онъ станетъ на твердую почву. Слѣдовательно согласится, что эта *мѣна* положеній, была произведена, изъ за недостатка средствъ къ жизни, болѣе чемъ трудно. Гораздо легче и основательнѣе предположить, что главную роль, играли тутъ цѣли, не матеріальныя, а въ родѣ тѣхъ, о какихъ мы говорили выше. Правительство и на сей разъ поступило въ высшей степени, великодушно и строго-тактично. Оно узнавъ о такомъ трудномъ житейскомъ положеніи генерала, согласно Высочайшей волѣ, пригласило его снова на службу (состоять, на томъ же покоѣ...) и увеличило годовое содержаніе — чемъ фактически доказало, что безбѣдное существованіе каждаго, носящаго *неопороченный* мундиръ, достаточно имъ обезпечено вообще.

Къ сожалѣнію, этотъ великодушный починъ правительства, очевидно понятъ былъ сторонниками г. Черняева, совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Они открыто стали утверждать, что подобное участіе *сильныхъ* къ слабому вызвано, выдающимися достоинствами послѣдняго — его военнымъ гениемъ... „Смотрите — стали говорить они — и не командуетъ ничемъ, и должности не занимаетъ никакой и въ чинѣ, не Богъ-вѣсть въ какомъ, а дорожать имъ — да еще какъ... Вздумалъ-было уходить... такъ нѣтъ... такъ сдѣлай милость, вернись... На тебѣ, и жалованье и все, только не уходи... Вотъ вамъ и Черняевъ. вами осмѣянный...“ Нашлись даже и такіе, которые

стояли на томъ, что самъ Царь прислалъ письмо генералу, въ которомъ, прося его не уходить со службы, сказалъ между прочимъ: „Служи, Я дамъ тебѣ все... ты Мнѣ нуженъ“. Не касаясь разбора этихъ смѣшныхъ выводовъ, рельефно рисуящихъ свое, и происхожденіе и содержаніе передъ самымъ поверхностнымъ наблюдателемъ, прослѣдимъ дальше.

Вернувшись къ положенію, несвязывающему никакою обязательною дѣятельностью, г. Черняевъ сдѣлалъ крутой поворотъ на почвѣ дѣла и труда. Онъ сталъ редакторомъ „Русскаго Мира“ (газеты, хотя и безъ будущаго, хотя и неимѣвшей серьезнаго, ни политическаго, ни литературнаго значенія, но пользовавшейся тогда особенною популярностью въ средѣ московскихъ славянофиловъ *). Занявъ положеніе московскаго литератора, имущаго проводить тѣ или другіе идеи въ публику и вращаясь въ кругу своихъ многочисленныхъ друзей, московскаго закала г. Черняевъ этимъ, какъ бы оформилъ свое общественное положеніе. Съ этого времени, рѣзко обозначились и тотъ авторитетъ, и то вліяніе, которыми онъ пользовался въ серьезномъ русскомъ обществѣ. Стало очевиднымъ, что, и то и другое не далось ему въ этой средѣ. Образованные классы нашего общества, близко стоящіе къ правительству, знакомые съ администраціей, какъ и совершенно частные, хорошо понимали генерала. Они видѣли въ немъ—неискуснаго честолюбца, создавашаго себѣ нѣкоторую почву въ обществѣ, благодаря низкому уровню развитія того же общества. Отрицая

*) Не такихъ, о какихъ мы имѣли случай говорить уже, а въ средѣ, совершенно особаго типа — *московскаго*, самаго, что ни на есть яраго противника всего, что основано на *умѣ и знаніи*, принадлежащаго къ той невѣжественной толпѣ русскихъ гражданъ, которая и по сіе время, какъ чуть какой внѣшне-политическій вопросъ на сцену кричитъ: „Шалками, хоша всю Европу закидаемъ—не токмо что самихъ—этихъ енличанъ, да нѣмцевъ...“

въ немъ, воспѣтый военный талантъ, выдающійся умъ и тактъ, они видѣли въ немъ, зауряднаго смертнаго, старающагося обратить и симпатіи и дружбу, для удовлетворенія своего честолюбія. Видѣли въ немъ, неистощимый запасъ этого отрицательнаго качества человѣка. Между тѣмъ, какъ въ невѣжественной общественной средѣ, его превозносили до небесъ. Этотъ сжатый перечень тогдашнихъ шаговъ и дѣятельности г. Черняева, знакомить насъ съ положеніями, какими онъ пользовался, и на службѣ и въ обществѣ. Положеніе это, казалось бы далеко не солидное, создало ему однако почву, для будущихъ начинаній... О немъ *потолковали* въ различныхъ слояхъ общества, и хотя и замолчали, но произоиди съ нимъ что-либо новое, имѣющее, хотя какой-нибудь общій характеръ — затрогивающее, хотя, какъ-нибудь общество, или страну, словомъ: внутренно или внешне-политическое, о немъ готовы были заговорить съ удвоенною энергіей и его справедливые цѣнители и *кажущіеся* сторонники. Это состояніе частныхъ умовъ, мы называли — почвою, которая очевидна, и которою, не менѣе того, воспользовался г. Черняевъ. Послѣ не особенно продолжительной литературной дѣятельности обращенной преимущественно въ сторону образовавшагося московскаго славянофильства, онъ успѣлъ явить себя на этой почвѣ, какъ бы самымъ самоотверженнымъ защитникомъ восточныхъ славянъ. Откинувъ *будто* все личное, узкое, честолюбивое, онъ рисовался передъ своими друзьями, такимъ завзятымъ славянофиломъ, что для славянъ и ради нихъ, готовъ былъ, казалось пожертвовать, и положеніемъ, и благосостояніемъ и всѣмъ дорогимъ своему сердцу, лишь бы принести пользу дѣлу — лишь бы *во время*, послужить для него. На столбцахъ „Русскаго Міра“, ранѣе чѣмъ, гдѣ-нибудь, стали литься горячія рѣчи въ защиту угнетенныхъ

братьевъ-славянъ; проповѣдываться самыя возвышенныя идеи; отстаиваться самыя освященныя человѣческіе принципы. Немного погодя, въ средѣ его друзей, усвоилось мнѣніе, что онъ то, изъ-за прямоты своей и энергіи (и въ самомъ дѣлѣ) столь поплатившійся въ Россіи, только и способенъ сослужить дѣльную службу балканскому славянству; что отъ него только и можно ждать чего-нибудь подобнаго. Словомъ, случайности поспособствовали тому, о чемъ мы недавно говорили, — о генералѣ ношли горячіе толки. Слившись такимъ образомъ на почвѣ литературной, со взглядами и стремленіями нашего смѣшеннаго славянофильства того времени г. Черняевъ вскорѣ перешелъ отъ слова къ дѣлу: откликнулся на ихъ призывъ „къ оружію“ гораздо раньше, чемъ убѣдилъ это сдѣлать другихъ — чемъ повліялъ на другихъ возваніями въ „Русскомъ Мірѣ“. И понятно, ему нельзя было ждать: ему слѣдовало начать *первымъ*, въ виду того, что только въ этомъ случаѣ, онъ и могъ разсчитывать, на повсемѣстную молву о себѣ — на то, что мы называли *почвой*.

Кажется достаточно уже сказаннаго о г. Черняевѣ въ *Россіи*, чтобы согласиться съ мнѣніемъ, что есть много основаній, видѣть въ немъ человѣка съ неудовлетворенными, и желаніями и стремленіями, искавшаго лучшаго выхода, и жертвующаго всеми плодами своего ума, удовлетворенію честолюбія т. е. чтобы видѣть въ немъ, *принадлежавшаго къ числу тѣхъ людей, которые годились* откликнуться на славянофильскій призывъ „къ оружію!“

Но это одинъ только фактъ, въ подтвержденіе доказаннаго мнѣнія. По *одному*, судить обо *всѣхъ* трудно... Съ этой цѣлью, остается указать на разнообразный — но однородный матеріалъ, говорящій *самъ за себя* — на всѣ три части этой книги. Въ ней собрано, такая масса фактовъ,

сосредоточено, такое число лиц—начиная, съ пишущаго эти строки и кончая, тѣмъ раненіемъ добровольцемъ, которому *пропасть собакой*, было лучше, чѣмъ жить безъ угла и *вѣрнаго* куска хлѣба—что лишне начинать на ту же тему рѣчь. Достаточно сказать въ общемъ смыслѣ, что движеніе русскихъ добровольцевъ на балканскій полуостровъ (преимущественно—въ Сербію), названное, отмѣченнымъ *большинствомъ* русской періодической печати: *народнымъ движеніемъ на востокъ—на помощь къ братьямъ*, было ничѣмъ инымъ, какъ *движеніемъ русскаго сброда въ этомъ направленіи*, руководимаго (за малымъ исключеніемъ) не интересами *братьевъ*, а своими *собственными*. Называть это—народнымъ движеніемъ, значить—оскорблять тотъ же народъ. И кто несотласенъ, съ нами; кто того мнѣнія, что и Черняевы и добровольцы—*осуществители* народного стремленія, что они—герои и жертвы славянской идеи, тому лучший отвѣтъ въ будущемъ—безпристрастный историческій анализъ этого явленія.

Покончивъ главную нашу задачу—освѣщеніе и разборъ истины, намъ остается дополнить этотъ трудъ, болѣе полнымъ и цѣльнымъ словомъ, обо всемъ происшедшемъ къ чему и перейдемъ теперь.

Мы знакомы уже со всею безпочвенностью такого событія, какъ сербско-тѣрецкая война 1876 г. Знакомы съ тѣмъ существеннымъ вредомъ, который война эта, вмѣстѣ съ движеніемъ русскихъ добровольцевъ, причинила восточной политикѣ Россіи. Знакомы и съ тѣмъ, что побѣдить Турцію одинъ на одинъ, Сербія была не въ силахъ,—что для этого ей нужна была дѣятельная помощь Россіи. Но Россія не хотѣла воевать, *какъ разъ въ то время*, когда на это рѣшилась Сербія. Чемъ же Сербія руководилась въ данномъ

случаѣ—объявляя войну, на что она рассчитывала? Неужели же на помощь Россіи!.. Отвѣтъ на это, уже намъ данъ раньше. И какъ ни узки были основанія и расчеты Сербіи, но они намъ понятны. Заблужденіе ея, для насъ очевидно. Непонятны намъ еще, мотивы и расчеты какими руководился *тотъ*, кто брался за *дѣло* зная и положеніе Сербіи и Россіи и свое собственное — непонятно, чѣмъ руководился кромѣ честолюбія г. Черняевъ, принимая такое дѣятельное участіе, въ осуществленіи того, что произошло? Оно было бы понятно только въ томъ случаѣ, если-бъ допустить, что руководящимъ мотивомъ генерала, въ данныхъ затѣяхъ, было *одно честолюбіе*,—что для удовлетворенія его, генераль, готовъ былъ, не остановиться ни передъ какими средствами. Но всецѣло остановиться на такой точкѣ зрѣнія, нѣтъ оснований—оцѣнить его такимъ человѣкомъ, нѣтъ данныхъ. Несомнѣнно, что г. Черняевъ, какъ это было видно изъ всего, кромѣ своихъ мелкихъ цѣлей и расчетовъ, желалъ послужить съ пользою и тому же славянскому дѣлу. Мы не можемъ, подозревать въ немъ, такого честолюбца-эгоиста—такого *злаго* человѣка, который бы, способенъ былъ пожертвовать, тысячами невинныхъ жертвъ — ихъ счастіемъ, достояніемъ и спокойемъ, ради одного себя; ради осуществленія и желаній и стремленій, *лично своихъ*. Напротивъ, есть много фактовъ, обличающихъ въ немъ человѣка, съ любящей душою, способнаго содрогнуться и принять участіе при видѣ горя другихъ—отказаться отъ своего, чтобы не сдѣлать зла другимъ. Его личные черты эти, рельефно выставлены въ этомъ трудѣ. Кромѣ того, извѣстно всѣмъ и каждому, что онъ человѣкъ строго честный, а многимъ изъ насъ — что онъ рыцарь въ душѣ. Честность его, такъ осязательно доказана въ эпоху сербскихъ событій, въ тѣ времена, когда въ его распоряже-

ни, имѣлись миллионы; когда онъ одинъ могъ воспользо-
ваться въ десять разъ большимъ, чѣмъ *воспользовались*,
всѣ его подчиненные вмѣстѣ, что трудно въ ней сомнѣваться—
передъ ней не благовѣтъ. Каждому изъ насъ, бывшему въ
Сербіи и знающему Черняева, эта черта его *всела*. И
можно смѣло поручиться, что онъ, не воспользовался ни одною
чужой копѣйкой,—что онъ скорѣе отдалъ свое, чѣмъ взялъ
чужое. А такой человѣкъ, принимаясь за общее дѣло, обѣ-
щающее вредно отразиться на другихъ, въ случаѣ неудачи,
руководился же какими-нибудь данными, общающимися успѣхъ.
Г. Черняевъ, принимая на себя званіе главнокомандующаго,
нежелавшей драться арміею и починъ самостоятельнаго поли-
тического дѣятеля (званіе и починъ, сопряженные съ огром-
ной отвѣтственностію, и передъ совѣстью и передъ людьми),
разсчитывалъ же на что-нибудь кромѣ *Сербіи*, силы кото-
рой, были далеко недостаточны для того, чтобы одолѣть ту-
рокъ—чтобы дѣльно помочь славянскому дѣлу.

Отвѣчать на это, будемъ *его же* словами: „Я принялъ на-
чальство надъ этимъ молодымъ, необученнымъ войскомъ, уповавъ на
внѣшнюю помощь: на общее возстаніе славянъ, на сочувствіе рус-
скаго народа—на помощь его матеріальную и личную—и нако-
нецъ на то, что успѣшными военными дѣйствіями въ началѣ, я
успѣю соединиться съ возставшими уже Черногоріей, Босніей
и Герцеговиной. А соединившись съ ними, я могъ разсчиты-
вать на вѣрный успѣхъ борьбы, или по меньшей мѣрѣ—на
продолжительную затяжку военныхъ дѣйствій. Вотъ съ ка-
кими разсчетами я принялъ начальствомъ надъ молодымъ,
необученнымъ и малочисленнымъ войскомъ. Вотъ почему я не
боялся Турціи и разсчитывалъ на успѣхъ. Но вышло, что
я ошибался; что обстоятельства сложились, въ разрѣзъ
съ моими предположеніями, и что результаты получились

инные, чѣмъ я предполагалъ,, — отвѣчаетъ онъ на наши вопросы *). Отвѣтъ этотъ, генераль произнесъ въ присутствіи цѣлой группы добровольцевъ. Почему минуя *внѣшности* этого факта, есть положительные данныя предполагать, что говорилъ онъ не съ цѣлью порисоваться, а съ цѣлью высказаться—что тогда еще онъ отвѣчалъ уже на носившіеся вопросы совѣсти и людей. Да кромѣ того, отвѣтъ этотъ, непротиворѣчить нашему собственному выводу, что расчеты генерала отправляясь въ Сербію, именно должны были быть такіе.

Суть этого отвѣта (кромѣ всего второстепеннаго) заключается въ *одномъ* руководящемъ основаніи генерала—упованіи на внѣшнюю помощь и дѣлится на два главные расчета: на *общее* возстаніе славянъ и на *сочувствіе* русскаго народа, долженствовавшее выразиться въ матеріальной и личной его помощи т. е. въ *дачу* денегъ и присылкѣ возможно большаго числа своихъ *сыновъ*.

Сравнивая эти расчеты съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ того времени, они кажутся столь неосновательны и незрѣлы, столь понятны съ перваго раза, что не требуютъ обширнаго анализа въ нашей роли.

Нельзя не согласиться напимѣръ съ внѣшней вѣскостью перваго расчета генерала—съ тѣмъ, что онъ надѣялся на внѣшнюю помощь: что основывая будущій успѣхъ дѣла на ней, онъ не боялся того, противъ чего шелъ и былъ увѣренъ въ томъ, за что брался. Но какой же помощи вправдѣ онъ былъ ждать? *Общаго возстанія славянъ — во-первыхъ*, сказано въ отвѣтъ. Но для того, чтобы ждать его,—чтобы основывать на немъ свои планы, нужно было владѣть вѣскими данными, что оно *произойдетъ*. Въ данномъ случаѣ, нужно

*) См. стр. 200, III ч.

слѣдовательно было быть *солидарнымъ* съ тѣми же славянами; къ тому—пользоваться общей популярностью въ средѣ ихъ. Кромѣ того, имѣть рѣшительное нравственное вліяніе на нихъ — располагать ихъ полнымъ довѣріемъ и пользоваться уваженіемъ. Словомъ, для того, чтобы рассчитывать на успѣхъ своихъ плановъ—чтобы возбудить общее возстаніе славянъ, *своимъ* почти починомъ, нужно было быть г. Черняеву, въ средѣ славянъ, *своего рода Гарибальди!*—что было не по силамъ ни одному природному славянскому вождю, что было бы трудновато и для самаго Гарибальди, и чѣмъ *не былъ* и не могъ быть г. Черняевъ.

И сочувствія русскаго народа, въ формѣ помощи его матеріальной и личной — во-вторыхъ, говорится далѣе.

Но сочувствіе *русскихъ* къ славянамъ обѣщало *удовлетворить насущныя нужды ихъ*, происшедшія отъ вражьяго меча и огня—*но не ресурсы, на вѣденіе сербско-турецкой войны; но не на ополченіе для усиленія слабой сербской арміи!* И если и могло дойти до того самоотверженнаго воодушевленія, когда русскій народъ не остановился бы ни передъ какими жертвами, ради общей цѣли, то *только* по слову русскаго Царя! То только *тогда* народъ снесъ-бы и жертвы къ ногамъ своего Державнаго Вождя—встать бы и *самъ* вокругъ Него, готовый на все! Но на это, могъ рассчитывать *только одинъ* русскій Царь.

Несбыточность этихъ двухъ главныхъ расчетовъ генерала, лишаетъ почвы и остальное. Дѣлаются *немыслимыми*, и успѣхъ военныхъ дѣйствій и предположенное соединеніе воюющихъ силъ. Въ общемъ слагается тотъ выводъ, что генералъ рассчитывалъ на то, что было *неосуществимо*.

Что же однако остается сказать о генералѣ, какъ *дѣятель?*

Все то, что сказано о немъ, въ предъидущихъ главахъ заключенія, знакомитъ насъ съ его несомнѣннымъ честолюбіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, перечислены другіе черты генерала, предполагающія, что онъ принимаясь за *дѣло*, руководился не однимъ только честолюбіемъ, а и болѣе высокими побужденіями—а и желаніемъ *дѣльно послужить славянамъ*. Наконецъ, краткій разборъ его расчетовъ и основаній, на какихъ онъ построилъ свои планы, обличаетъ въ немъ человѣка крайне недалекаго — прямо говоря: что онъ взялся за все за это потому, что *не понималъ* того за что брался.

Принявъ за основаніе, всѣ эти разборы и улики, слѣдуютъ два цѣльные вывода о генералѣ, изъ которыхъ—какой покажется *вѣрнѣе*, къ тому и присоединимся. Первый изъ нихъ:

Если генералъ, пріѣхавъ въ Сербію и поощривъ войну ея съ Турціей, взялъ на себя такой важный починъ и роль—разсчитывая на общее возстаніе славянъ и на *дѣятельное сочувствіе русскаго народа*—на его деньги и сыновъ, въ такомъ размѣрѣ, какой сдѣлалъ бы борьбу *успѣшной* то остается заключить, что причиной тому—его *недалекость*; и что руководило имъ—*узкое честолюбіе*.

И второй: если онъ, въ данномъ случаѣ, сомнѣвался въ томъ, на что разсчитывалъ т. е. разсчитывалъ, ради того только, что нужно-же, на что нибудь разсчитывать, въ оправданіе себя передъ другими, то слѣдовательно, руководило имъ—*безграничное честолюбіе и злой эгоизмъ*: желаніе воспользоваться доступными темными средствами для удовлетворенія своихъ цѣлей, не взирая, чѣмъ-бы тамъ другіе ни поплатились изъ за этого.

Вовсе не согласиться съ *последнимъ* и признать справедливымъ *первое*, заставляетъ насъ *то*, что намъ извѣстно, о генералѣ, изъ всего этого труда, — что прямо обличаетъ въ *немъ* недалекость и узкое честолюбіе. И если прибавимъ къ тому, недосказанное — если укажемъ на его диктаторское провозглашеніе Королемъ сербскаго князя Милана *); на его поведеніе въ *Винн* (на обратномъ пути изъ Сербіи); на пребываніе въ *Прагъ*, гдѣ онъ *показывался* на балконѣ своего оттеля, демонстрировавшимъ *будто* чехамъ, то будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, въ пользу того вывода, съ которымъ мы согласились. Да къ тому-же и всемъ извѣстная истина; что *недалекимъ-то* и море — по колѣни“. Что они-то и берутъ на себя непосильныя задачи, руководимые, все тѣмъ-же узкимъ честолюбіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вынуждены были начать говорить, о *смѣшанномъ* славянофильствѣ въ Россіи и о его послѣдствіяхъ — какъ стали доказывать безпочвенность и вредность *этого всего*, для самого дѣла, родился и дозрѣлъ вопросъ, отвѣчать на который представляется неизбѣжнымъ въ нашемъ положеніи. Вопросъ этотъ: почему наше правительство смотрѣло на *это-на все* и молчало — зная, что и дѣла

*) Этотъ фактъ пѣликомъ слѣдуетъ отнести почину г. Черняева, по той причинѣ, что въ то самое время, когда произошелъ онъ, будто бы, по *требованію* арміи, таже армія, была вполне *деморализована*, — что она и драться вовсе не желала и Князя своего возненавидѣла изъ-за предпринятой войны. Куда тутъ ей было думать о возведеніи Князя въ Короли, когда каждый солдатъ только и наровилъ, какъ-бы удрать до *кучи* (домой) — когда цѣлыя команды, пріиславъ малѣйшій предлогъ (а то и вовсе безъ предлога) потихоньку оставляли лагерь. Вообще это мнимое (См. стр. 195—196 II ч.) требованіе арміи весьма похоже на *добровольческій* адресъ, въ день именинъ генерала.

тельность славянофиловъ и ея послѣдствія, помѣшаютъ задачамъ, его политики на востокъ? Вѣдь, не по *безсилію* же оно молчало. Одинъ намекъ *его*, и *конецъ* рѣчамъ и Аксакowychъ, воззваніямъ, и газетъ, движенію и добровольцевъ: всему этому—конецъ въ одинъ день, въ одинъ часъ. Ну и не по невѣденію-же. Оно знало все, кромѣ частныхъ, не составляющихъ сути...

Молчало оно, задавшись тою величайшею національною цѣлью, достиженіе которой политически просвѣщало страну; благодаря чему, всѣ недозрѣвшіе классы русскаго общества дѣлали спорый шагъ на почвѣ прогресса. Вотъ, ради какой великой цѣли, правительство страдало, но молчало—пла-тилось, но терпѣло. И для того, чтобы яснѣе понять это, оглянемся назадъ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ вспыхнуло герцеговинское возста-ніе и Россія отозвалась на вопль изнывающихъ славянъ, наступила торжественная минута *ожиданія*. Ждали, народъ и общество: что скажетъ правительство, что оно предпоч-тетъ—немедленную войну, или миръ, для достиженія общей цѣли, чтобы согласно его задачамъ, дѣйствовать и самимъ—чтобы, ни помѣшать ему, ни *отстать* отъ него.

Мы знаемъ, что правительство предпочло *послѣднее*, и что, и общество и народъ, оставшіеся *непризванными* къ напряженію силъ, остановились на томъ, что понявъ данныя задачи правительства и свои, избрали за цѣлесообразнѣйшую форму для выраженія своего сочувствія къ дѣлу славянъ—*пожертвованія*, на ихъ насущныя нужды—вполнивъ надѣясь и положившись на правительство во всемъ первостепенномъ: въ томъ, что предстояло одолѣть для достиженія общей цѣли; для улучшенія гражданскаго быта славянъ и поддержанія

внѣшне-политическаго вліянія Россіи—и на тѣхъ-же славянъ и на Европу.

Этотъ сознательный, исполненный достоинства, обоюдный обмѣнъ мыслей, правительства съ народомъ и обществомъ, отвѣчалъ, какъ нельзя больше, задачамъ восточной политики Россіи. Миролюбіе правительства, оправдывалось однороднымъ починомъ народа и общества—*благотворительностью*, възвannoю, прежде всего, человѣколюбіемъ—противъ чего, некому и нечего было сказать...

Но какъ и во всѣхъ случаяхъ—*зло* находитъ себѣ мѣсто, такъ и здѣсь. Неуспѣло еще общество окрѣпнуть въ своей новой роли—неуспѣло оно еще хорошенько понять ея глубокий смыслъ и важное политически-вспомогательное значеніе, какъ всплыли наружу частности, существенно измѣнившіе направленіе умовъ—какъ явились, смѣшанные славянофилы, какъ стала бросаться въ глаза, ихъ увлекающая дѣятельность, какъ пошли извращать истину, газеты и проч. Въ короткое время, проникла въ жизнь эта язва. Большая часть общества пошатнулась и смѣшавшись съ массою *пришлаго* матеріала, породила такіе послѣдствія, какіе парализовали внѣшне-политическія задачи Россіи. Не пошатнулись, народъ (за исключеніемъ пролетаріевъ, вышедшихъ изъ его среды) и политически развитая часть общества. Они, не двигаясь и крѣпко вѣря въ правительство, остались готовыми принести въ жертву *все* и не остановиться *ни передъ чѣмъ*, по слову своего Царя.

Вотъ тутъ-то, на долю правительства, на ряду съ внѣшними задачами, выпала не болѣе легкая, *своя домашняя*. Ему оставалось: или заранѣе пожертвовать вѣроятными успѣхами своей восточной политики—давъ просторъ славянофильству и

пошатнувшемуся обществу, или—остановивъ *это все*, воспользоваться послѣдствіями. Последнее было гораздо легче и эгоистичнѣе—но за то и *уже*.

Какъ и слѣдовало ожидать, правительство оказалось *объективнымъ* и на высотѣ своей задачи. Оно взвѣсивъ, какъ велико значеніе *перваго* самостоятельнаго проявленія внѣшне-политической жизни Россіи, и понявъ, что урокъ ея, долженъ быть осязателенъ для тѣхъ, кто въ немъ нуждается; что такая, или иная внутренняя политика правительства будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на политическое развитіе всего общества. Словомъ, понявъ, какъ *велико значеніе минуты*, отказалось отъ всего, *выгодно для себя* и вставъ на точку зрѣнія объективную, предпочло *первое*. Видя очевидное заблужденіе чуть-ли не всего общества и зная, какъ неубѣдительны доводы грубой силы—какъ неестественны такіе средства въ данномъ случаѣ, взяло на себя историческую отвѣтственность за *неизбѣжныя* послѣдствія и крайне трудную задачу, *увѣнчать* эти послѣдствія хотя приблизительнымъ успѣхомъ, не рискуя столкновеніемъ съ европейскою коалиціею и, минуя частности общаго явленія *предоставило* обществу, *самостоятельно* испробовать свои силы на почвѣ политической дѣятельности—какъ-бы сказавъ: „вы говорите, что вы способны и разумны, что вамъ посильно то, за что беретесь. Вотъ-же вамъ просторъ. Я посмотрю, чѣмъ вы кончите“—и хотя и было увѣрено въ полномъ неуспѣхѣ, хотя и предвидѣло, чѣмъ все это кончится; но не сходя съ пьедестала *безпристрастія, терпѣнія и добра*, пожертвовало цѣлями государственными, ради блага *общаго*—ради величайшей общенациональной цѣли—политическаго развитія страны! Это, его *заслуга* несомнѣнна. За нее, прежде всего *справедливость*.

Вотъ отвѣтъ на вопросъ: почему правительство страдало, но молчало — платилась, но терпѣло.

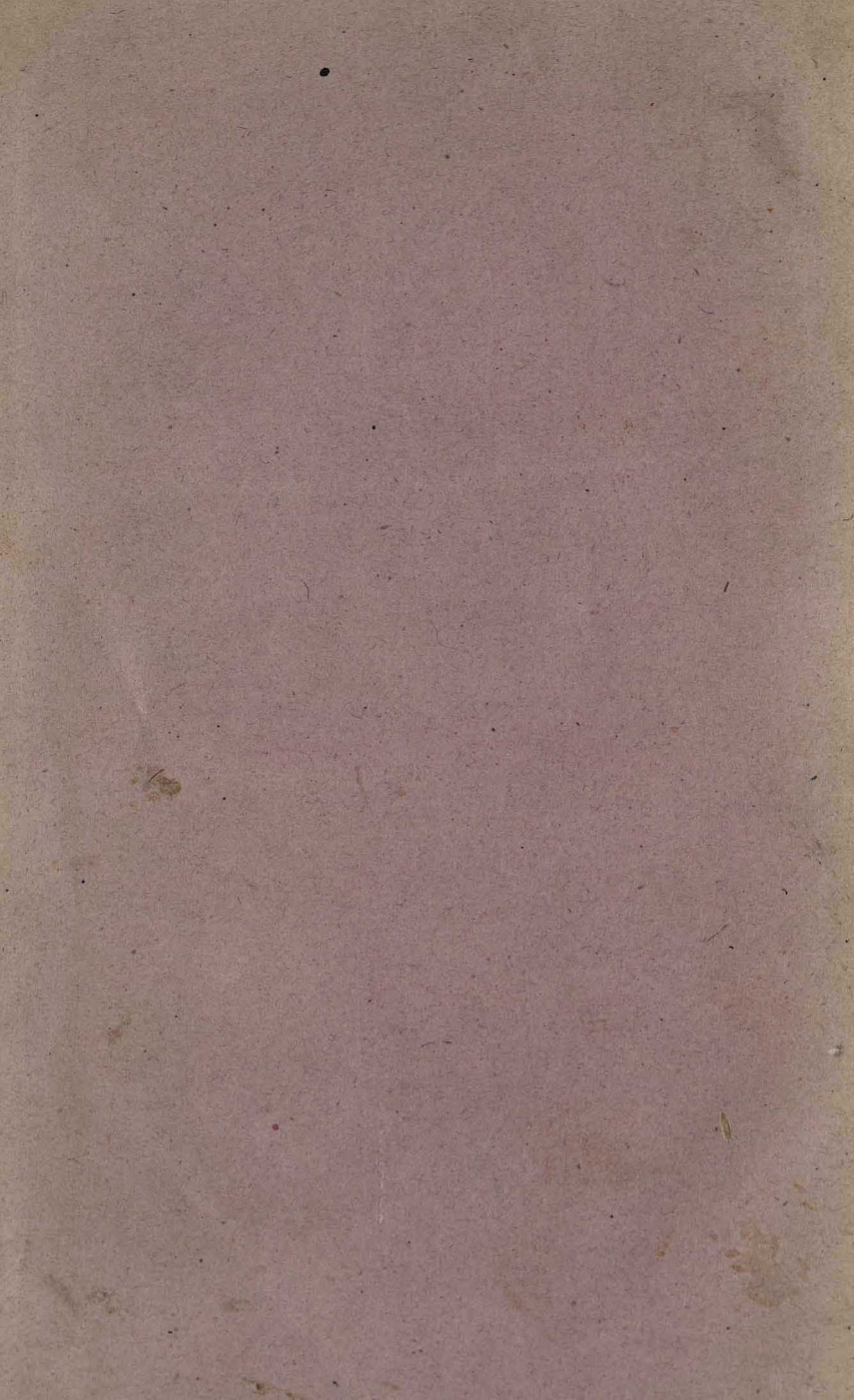
Такимъ образомъ все то, о чемъ намъ пришлось говорить по отношенію, къ недавно минувшей эпохѣ исторической жизни Россіи, впрямь указываетъ, на общее содержаніе этой жизни. Съ той минуты, какъ въ наше время, зашевелилась и возсталъ Боснія и Герцеговина, во имя правъ человѣка—во имя собственнаго существованія — очнулась и зашевелилась Россія, во имя внутренняго и внѣшняго политическаго саморазвитія: какъ *тамъ*, такъ и *тутъ*, сказалося *естественное* требованіе жизни, также неминуемое, какъ неминуемъ — день послѣ ночи. Оба эти колоссальнѣйшія явленія въ жизни славянства, родственны и тѣсно связаны съ собою. Оба они могутъ быть названы, однимъ общимъ именемъ: *прогрессивнымъ движеніемъ славянъ*. Этотъ моментъ въ жизни славянскаго міра—одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ ея теченія. Никогда еще, ни Россія, ни восточные славяне (да и западные), необмѣнивались такъ сознательно и понятно своими симпатіями—не закрѣпляли столь, свою нравственную связь, свое единство, какъ въ этотъ моментъ жизненныхъ лучей, освѣтившихъ ихъ неминуемое могучее будущее. Говорить объ этомъ—истинная отрада сердцу каждаго славянина; и еслибъ, не темныя частности общаго явленія выразившіяся въ такомъ изобиліи—еслибъ, не *современное славянофильство*, *лжеславянофильство* и всѣ ихъ *послѣдствія*, то было-бы куда отраднѣе, объ этомъ и *вспомнить*—куда болѣе *данныхъ*, этимъ и *гордится*.

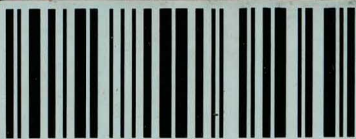
Но гдѣ же обходится безъ частныхъ? Они—всюду: безъ нихъ—нигдѣ.

Останавливаясь на этомъ, остается заключить что всѣ

тѣ, *нежелательные* явленія, въ эпоху *недавнихъ* событій, какіе перечислены въ *этомъ трудѣ*, ничто иное—какъ тѣ-же *частности*, но весьма *темнаго* свойства—какъ съ глубокаго дна океана народной жизни, добытый и выкинутый волнами ея *муссоръ*.

К о н е ц ъ .

2011142973